МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Археологические памятники Алтая
Выпуск 3

А. А. Тишкин, С. С. Матренин, А. В. Шмидт

АЛТАЙ В СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам памятника Степушка)

Монография

Под научной редакцией В. В. Горбунова

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

УДК 902(571.150)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)
Т473

Серия основана в 2016 году

Рецензенты:
доктор исторических наук ***П. К. Дашковский;***
доктор исторических наук ***А. В. Харинский;***
доктор исторических наук ***Ю. С. Худяков***

Научный редактор:
доктор исторических наук ***В. В. Горбунов***

Т 473 **Тишкин, А. А.**
Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка) [Текст] : монография / А. А. Тишкин, С. С. Матренин, А. В. Шмидт. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. – 368 с. : ил. – (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).
ISBN 978-5-7904-2159-4 (вып. 3)
ISBN 978-5-7904-2160-0

Монография посвящена всестороннему анализу материалов, полученных при исследовании на Алтае археологического комплекса сяньбийско-жужанского времени Степушка, который в ходе объявления тендера был искусственно разделен на две части (Степушка-I и Степушка-2). При воссоздании полной информации о памятнике в научный оборот вводятся подробные результаты раскопок курганов и выкладок группы Степушка-I, также привлекаются опубликованные сведения об изучении могильника Степушка-2. Существенный корпус археологических, антропологических и археозоологических данных позволил дополнить содержание булан-кобинской культуры и расширить знания о системе жизнеобеспечения населения Алтая в сяньбийско-жужанский период.

Издание предназначено археологам, этнографам, антропологам и историкам, а также может быть рекомендовано обучающимся в классических университетах на профильных факультетах.

УДК 902(571.150)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)

Монография подготовлена и издана при поддержке проекта №16-18-10033 Российского научного фонда «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция», а также в рамках реализации гранта Министерства образования и науки РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

ISBN 978-5-7904-2159-4 (вып. 3)
ISBN 978-5-7904-2160-0

© Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., 2018
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2018

ВВЕДЕНИЕ

В последней четверти прошлого столетия на Алтае был получен многочисленный археологический материал, существенно наполнивший содержанием исторический период между скифо-сакским и тюркским временем. Однако не все результаты раскопок оказались полностью опубликованными, что затрудняло решение проблем детальной культурно-хронологической идентификации выявленных объектов. В начале XXI в. полевые исследования продолжились. Они дали новые и разноплановые свидельства. Кроме этого, стали издаваться монографические и другие научные труды, в которых обозначился ряд концептуальных точек зрения, направленных на осмысление накопленного массива данных. Такая ситуация позволила одному из авторов монографии высказать мнение, что начался период эффективного изучения так называемого гунно-сарматского времени, название которого было предложено заменить на более адекватное обозначение (хуннуско-сяньбийско-жужанское), отражающее название кочевых империй Центральной Азии II в. до н.э. – V в. н.э.: Хуннуская (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.), Сяньбийская (93–235 гг. н.э.) и Жужанская (359–552 гг. н.э.) [Тишкин, 2004]. Территория Алтая в разные периоды входила в состав указанных держав, являясь их полупериферией и принимая новые группы населения вследствие менявшихся обстоятельств. Это фиксируется заметными изменениями в материальной культуре и выразилось в выделении этапов развития булан-кобинской культуры: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомский (II – первая половина IV в. н.э.) и верх-уймонский (вторая половина IV – первая половина V вв. н э.) [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160–161; Тишкин, 2007, с. 174–179; 2010].

После хунну (сюнну) значительное влияние на облик культуры народов Южной Сибири оказывала держава Сяньби, история которой в соответствующей мере наполнена письменными источниками китайского происхождения. А вот памятники собственно сяньби исследователи Восточной Азии долгое время не могли выделить среди раскопанных археологических комплексов. Однако к настоящему времени эта проблема определенным образом решается [Тишкин, 2007, с. 160–162] и есть возможности для проведения сравнительного анализа. На Алтае достоверно сяньбийских объектов не обнаружено, но имеющиеся находки предметов материальной культуры свидетельствуют о существенном сяньбийском влиянии. К сожалению, значительная часть материалов из раскопок памятников II – первой половины IV в. н.э. до сих пор не введена в научный оборот. Особенно важным является изучение стадии позднесяньбийского времени обозначенного бело-бомского этапа булан-кобинской культуры и фиксация начала следующего этапа, связанного с образованием Жужанского каганата и распространением новых традиций.

Такая возможность обозначилась после раскопок в Центральном Алтае памятника Степушка, разделенного на две группы объектов (Степушка-I и Степушка-2) волей объявленного тендера при строительстве дороги, которая примыкает к Чуйскому тракту на 651 км и идет по долине Урсула в сторону Катуни. Некрополь Степушка (общие географические координаты, полученные с помощью GPS-приемника, такие: N – 50º 45.267’; E – 86º 24.453’) располагался в черте одноименного, ныне нежилого села Онгудайского района Республики Алтай, на третьей надпойменной террасе правого берега р. Урсул, в 150 м к югу от его русла (рис. 1–3). Он состоял из более 90 задерно-

ванных каменных курганов и выкладок. Наземные сооружения диаметром от 0,8 до 5,5 м, высотою от 0,1 до 0,5 м были сложены из рваного камня с добавлением валунов и галечника, взятых из аллювиальных отложений. Планиграфия памятника отражала локализацию курганов несколькими плотными, часто параллельными рядами (от двух до десяти объектов). Насыпи порой размещались настолько близко друг к другу, что образовывали сплошной каменный «панцирь».

Урсульская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета (г. Барнаул) в 2010 г. полностью исследовала восточную часть погребального комплекса, получившего обозначение Степушка-I*. Сильно задернованные каменные курганы и выкладки были компактно сконцентрированы на северо-восточной оконечности террасы и попадали в зону начавшегося строительства (рис. 4–6). Результаты раскопок будут подробно представлены во второй главе и в приложениях к монографии.

Группа погребальных и ритуальных объектов на западной половине той же террасы, обозначенная как могильник Степушка-2 (рис. 6), исследовалась экспедицией Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск). Там раскопаны 38 курганов и колец с погребениями, а также 26 каменных колец и выкладок без захоронений. Все полученные материалы полностью отражены в недавно вышедшем электронном издании [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018]. Они в настоящей монографии будут проанализированы вместе с публикуемыми результатами раскопок комплекса Степушка-I в рамках представления единого памятника булан-кобинской культуры (главы 3 и 4), что позволит избежать путаницы из-за искусственного разделения.

К моменту проведения раскопок Урсульской экспедицией АлтГУ некоторые каменные насыпи имели повреждения, нанесенные строительной техникой, а также в процессе сборки на территории памятника элементов металлических конструкций для возведения линии электропередач. Существенные разрушения были отмечены на юго-восточной окраине могильника, рядом с технологической дорогой, где у некоторых объектов частично (курган №24) и полностью (курган №17) были снесены наземные конструкции (рис. 4). Большинство наземных сооружений слабо прослеживалось на задернованной поверхности по отдельным камням. Принимая во внимание данное обстоятельство, изучение могильника осуществлялось сплошным раскопом. С помощью системы реперов была установлена наземная разметка с делением пространства на квадраты размерами 4×4 м, ориентированные стенками по сторонам горизонта (рис. 4). Вскрытая площадь составила 564 кв. м. Нумерация курганам и выкладкам давалась по порядку их выявления в процессе зачистки и нанесения на общий план по возможности с учетом близости локализации на территории памятника. Нивелировка фиксируемых конструкций (наземных и подкурганных) захоронений и археологических артефактов выполнялась от строительного репера (забетонированная металлическая труба на северо-западной оконечности террасы), который также использовался в качестве условного нуля и при изучении могильника Степушка-2. Значения, получаемые в ходе работ, фиксировались на соответствующих графических иллюстрациях (см. приложение 1). Для более адекватного восприятия в текстовом описании объектов (глава 2) приводилась информация об отметках высот и глубин, скорректированная с учетом уровня древнего горизонта (погребенной почвы).

В результате проведенных археологических работ на комплексе Степушка-I исследованы 23 кургана и семь выкладок ритуального назначения. В монографии представлена развернутая характеристика всех вскрытых объектов.

Несмотря на ускоренный характер полевых работ, продиктованный необходимостью быстрого освобождения территории некрополя для строительства автодороги,

* Работы проводились на основании Открытого листа №931, выданного по распоряжению Росохранкультуры от 8 сентября 2010 г. №99 канд. ист. наук А.В. Шмидту.

максимально скрупулезно велась полевая документация и обстоятельно фиксировался весь процесс изучения погребальных и ритуальных сооружений. Большую научную ценность имеют зафиксированные *in situ* наборные пояса, боевые ножи в ножнах и другие предметы воинского снаряжения, выполненные из железа. Скопления данных предметов вынимались монолитом для последующей разборки в лабораторных условиях. Немаловажным является и то обстоятельство, что был произведен отбор проб остеологического материала для радиоуглеродного анализа практически из всех захоронений. По некоторым комплексам в настоящий момент получены достаточно четкие хронологические выкладки, которые делают могильник Степушка-I одним из эталонных памятников «эпохи Великого переселения народов» Центрального Алтая.

Исследования, сопряженные с определенными трудностями, реализовывались в течение одного полевого сезона. В них, кроме авторов монографии, принимали участие сотрудники, а также бывшие студенты и аспиранты АлтГУ. Среди них стоит отметить В.В. Горбунова, С.П. Грушина, Н.Н. Серегина, А.С. Федорука, Т.С. Паршикову, А.В. Гончарова, А.А. Редникова, М. Лысова, Т. Краскову, А. Гулечко, А. Ефимова, С. Чечелева. Кроме этого, в экспедиции работали преподаватели других вузов А.В. Фрибус (КемГУ) и С.А. Пилипенко (НГУЭУ), а также студенты Алтайской государственной академии культуры и искусств (ныне – АГИК, г. Барнаул) Ю. Ипполитова, М. Калинин, Н. Мошкин, А. Пергаев, О. Романовская, А. Сетковская, А. Симанова и А. Тагильцева. Благодаря упорному труду всех участников экспедиции был получен значительный объем археологических материалов.

Все находки предметов материальной культуры, подробно публикуемые в монографии, хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая исторического факультета АлтГУ (г. Барнаул). Данным коллекциям присвоены номера 682 и 683. Антропологические материалы переданы в антропологический кабинет указанного музея. Кости животных (лошадей и мелкого рогатого скота) хранятся в специальном остеологическом фонде Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ.

Отчет о проведенных полевых работах находится в архивном фонде Музея археологии и этнографии Алтая ИФ АлтГУ, а также направлен в Научно-отраслевой архив Института археологии и этнографии РАН (г. Москва).

В данной монографии все главы и иллюстративные материалы подготовлены соавторами совместно. Графические рисунки находок и реконструкции отдельных предметных комплексов выполнены А.Л. Кунгуровым.

Следует указать, что до формирования настоящего издания практически все материалы комплекса Степушка-I были представлены в серии публикаций*.

Всем, кто участвовал в археологических раскопках, а также способствовал подготовке и оформлению этой книги, авторы выражают огромную благодарность.

* Значительная часть публикаций отражена в библиографическом списке монографии.

ГЛАВА I

ОПЫТ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ

На сегодняшний день источниковая база для реконструкции истории населения Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) представлена в основном результатами раскопок погребений булан-кобинской археологической культуры. Информация о них отражена разным объемом в диссертациях В.Н. Елина [1987а], Ю.Т. Мамадакова [1990а–б], В.И. Соенова [1997], А.В. Эбеля [1998], С.С. Матренина [2005а–б], А.А. Тишкина [2006], С.В. Трифановой [2006а–б], Н.А. Константинова [2014], Е.А. Константиновой [2014], а также в ряде монографий и учебных пособий [Худяков, 1993а, 2006; Горбунов, Кунгуров, Кунгурова, Шамшин, 1997; Соенов, 2003; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, 2007; Серегин, Матренин, 2014, 2016; Соенов, Константинова, 2015; Тишкин, Мыльников, 2016; Матренин, 2017; и др.]. В процессе научного осмысления материалов изученных комплексов можно выделить три этапа, отличавшихся уровнем накопления сведений, степенью их сравнения и обобщения, задачами и методами исследования.

1.1. Открытие первых памятников и начальный этап их осмысления

Первые раскопки на Алтае погребений сяньбийско-жужанского времени были произведены в 1865 г. В.В. Радловым [1989, с. 442–451] у с. Катанда (ныне – территория Усть-Коксинского района Республики Алтай Российской Федерации) и в Берельской степи (окрестности с. Берель современной Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан). На двух могильниках в совокупности были исследованы шесть захоронений людей с верховым конем и инвентарем (в том числе кенотаф с хорошо сохранившимися частями войлочной одежды взрослого человека), а также вскрыты пять «пустых» насыпей. Обнаруженный исследователем сопроводительный материал включал разнообразные изделия: роговые накладки на кибити луков, железные наконечники стрел, копья и панцирные пластины, роговые пряжки с подвижным язычком, удила с серебряными обоймами, уздечные бляхи-накладки и др. В соответствии с разработанной тогда историко-культурной периодизацией древностей Южной Сибири В.В. Радлов отнес данные объекты к «древнейшему железному веку» без определения их этнокультурной принадлежности. К сожалению, эти по сей день значимые материалы не были своевременно опубликованы на русском языке, а значительная часть артефактов оказалась со временем утрачена. Для научной общественности почти на протяжении столетия результаты раскопок были известны по переводу главы VII труда В.В. Радлова «Aus Sibiren», выполненному А.А. Бобринским, а также по статье профессора А.А. Захарова [1926, с. 71–72, 76–80], подготовленной на основе «Рапорта

доктора философии Радлова в Императорскую Археологическую комиссию» и приложенного к нему «Списка древностей, найденных в Алтае при раскопках летом 1865 года». На сегодняшний день по-прежнему не понятно, что могло сохраниться из указанного объема предметов, обнаруженных В.В. Радловым.

Проводившиеся на территории Алтая археологические исследования академических и других экспедиций в 1920–1960-е гг. не оказали существенного влияния на процесс накопления корпуса материальных источников по истории населения Алтая II–V вв. н.э. Выявление захоронений этого периода происходило в основном не планово при раскопках погребальных комплексов раннего железного века и средневековья.

В 1925 г. Алтайской экспедицией Этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко в насыпи кургана скифо-сакского времени на некрополе Кокса (территория современного Усть-Коксинского района Республики Алтай) была вскрыта впускная могила человека с лошадью. С умершим зафиксирован достаточно многочисленный предметный комплекс: роговые накладки лука, железный двулезвийный меч, наконечники стрел, фрагменты доспеха из роговых пластин, колчанный крюк, железные детали поясной гарнитуры, ножи, костяная трубочка, обломки железных и костяных изделий. Краткая информация о данном погребении была введена в научный оборот спустя четыре десятилетия А.А. Гавриловой [1965, с. 54–56], а вещественные находки до сих пор не опубликованы и хранятся в Государственном Эрмитаже.

В 1937 г. Саяно-Алтайская экспедиция под руководством С.В. Киселева во время раскопок на могильнике Туэкта в долине р. Урсула (ныне территория Онгудайского района Республики Алтай) раскопала несколько небольших, едва выделявшихся на поверхности насыпей с каменными ящиками, которые располагались рядом с крупными тюркскими курганами №2, 3 и 4. Несмотря на отмеченные архаичные черты в инвентаре части погребений, найденные объекты С.В. Киселев отнес к раннему средневековью. Он также предположил подчиненный характер курганов, содержавших захоронения зависимых людей (слуг-охотников тюркской аристократии). К сожалению, указанные материалы при публикации были представлены схематичным и выборочным описанием, а также одной фотографией [Киселев, 1951, с. 533–535, табл. XLVIII]. Детальная хронологическая и этнокультурная атрибуция указанных захоронений может быть установлена только при обращении к архивным фондам и музейным коллекциям.

В 1939 г. М.П. Грязнов [1940, с. 20] исследовал несколько впускных погребений на курганном могильнике Яконур (современная территория Усть-Канского района Республики Алтай). Среди них имелось «богатое» воинское захоронение человека с двумя лошадьми. Наличие в сопроводительном инвентаре железного копья, некоторых типов наконечников стрел, роговых накладок сложносоставного лука и костяных цурок указывало на хронологическую близость обнаруженных предметов с находками из тюркских памятников*. Этот материал сейчас может привлекаться в качестве сравнительных данных по отношению к культуре Алтая сяньбийско-жужанского времени, рассматриваемой в настоящей монографии.

В 1949 г. экспедицией под руководством С.И. Руденко в процессе раскопок малого кургана №6 Пазырыкского некрополя (современная территория Улаганского района Республики Алтай) исследовано впускное погребение 1-й половины I тыс. н.э. [Гаврилова, 1965, с. 52–53]. В отличие от всех ранее известных могил это было одиночное захоронение без верхового коня. Сопроводительный инвентарь включал впервые зафиксированные на Алтае модификации ярусных наконечников стрел, боевой нож в ножнах с железной витой цепочкой, железные подвижноязычковые пряжки хорошей сохранности, костяной наконечник стрелы.

Некоторые известные к началу 1950-х гг. вещественные материалы сяньбийско-жужанского времени с территории Алтая были использованы М.П. Грязновым

* Детальное изучение вещественных коллекций в конце XX – начале XX в. и их полноценная публикация показали принадлежность данного «впускника» к раннему этапу (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.) тюркской культуры [Тишкин, Горбунов, 2003а; Тишкин, Серегин, 2011].

[1956] в книге «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» для решения некоторых хронологических проблем. Опираясь на аналогии отдельных предметов в археологических коллекциях из памятников Алтайской лесостепи, ученый синхронизировал находки из катандинских курганов с погребениями переходного этапа (V–VI вв. н.э.) верхнеобской культуры [Грязнов, 1956, с. 123]. Вопрос об этнокультурной принадлежности привлеченных объектов не рассматривался.

Определенный вклад в этнокультурное и хронологическое осмысление памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени внесла А.А. Гаврилова. В монографии «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен» она представила свою периодизацию могил на основе памятников шести типов и в кратком виде опубликовала часть материалов из раскопок В.В. Радлова и С.И. Руденко [Гаврилова, 1965]. Располагая небольшим объемом данных, исследовательница дала первое развернутое обоснование относительной хронологии «дотюркских» памятников, выделив среди них одинцовский и берельский типы могил. Одинцовский тип включал впускное захоронение по обряду одиночной ингумации из кургана №6 памятника Пазырык и датировался по ближайшим вещевым аналогиям из Верхнего Приобья и Хакасии II–IV вв. н.э., демонстрируя, по ее мнению, проникновение «…лесостепных» племен в район обитания племен «горностепных» [Гаврилова, 1965, с. 52–57]. При этом А.А. Гаврилова отрицала единую культурную принадлежность «одинцовцев» с населением Лесостепного Алтая*.

Впускные погребения из Катанды, Берели, Коксы и Яконура были объединены в берельский тип, характерными чертами которого выступали трупоположения людей с широтной ориентацией, с одним или несколькими верховыми конями, уложенными сбоку от человека. А.А. Гаврилова указала на сохранение в ритуале захоронения традиций ранних кочевников (снабжение лошадью, широтная ориентация покойников), хуннуское и позднесарматское влияние в инвентаре, а также аналогии в вещевых материалах Кудыргинского некрополя. Опираясь на сопоставление сопроводительного инвентаря с находками из комплексов переходного этапа Верхней Оби и Кошибеевского могильника, берельский тип А.А. Гаврилова [1965, с. 57, 105] отнесла к IV–V вв. н.э., сделав вывод, что он «…отражает культуру местных племен тиэле до прихода на Алтай в конце V в. н.э. тюрок-тугю». Такая интерпретация могил берельского типа оказала влияние на формирование взглядов специалистов следующих поколений в области археологии Южной Сибири «эпохи Великого переселения народов».

В 1967 г. источниковая база по сяньбийско-жужанскому времени Алтая пополнилась результатами раскопок двух курганов на могильном поле Балыктыюль (современная территория Улаганского района Республики Алтай) Южно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством С.С. Сорокина. Исследованные объекты содержали одиночные погребения на глубине более 2 м в деревянных колодах, с восточной ориентацией покойных и с разнообразным инвентарем, в котором присутствовали предметы вооружения (железные наконечники стрел, кинжал), снаряжения (колчанный крюк с поперечной планкой, пряжки, блоки, наконечник ремня, распределители ремней редких форм), орудия труда (железные ножи), предметы быта (бронзовый котел, деревянная посуда) и другие изделия, ранее не встречавшиеся на территории Алтая. С.С. Сорокин [1977, с. 65–66] отнес данные комплексы ко 2-й четверти I тыс. н.э., воздержавшись от их атрибуции в рамках известных типов погребений. Исследователь провел широкий сравнительный анализ полученных вещевых материалов, показав приоритетную значимость для определения хронологии памятников Алтая восточного направления синхронизации археологических датировок, уделив при этом особое внимание некрополю Кокэль, раскопанному в 1960-х гг. в Западной Туве, и находкам с территории Дальнего Востока. Предло-

* В настоящее время дефиниция «одинцовский тип» применяется в качестве обозначения культуры населения Барнаульско-Бийского Приобья 2-й половины IV – 1-й половины VIII в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2002б; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 42–53; Казаков, 2014, с. 70–72].

женный опыт впоследствии стал опорным для хронологической интерпретации ряда других памятников Алтая II–V вв. н.э. и не утратил своей актуальности до сих пор. В результате погребения из могильника Балыктыюль заняли самостоятельное положение по отношению к ранее выделенным типам могил (берельскому и одинцовскому). Важной заслугой С.С. Сорокина [1969] является предпринятое им более полное издание археологических коллекций В.В. Радлова из малых курганов Берели.

Кратко представленный начальный этап изучения погребальных памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени, охватывающий более чем вековой отрезок (60-е гг. XIX в. – 70-е гг. XX в.), отражает в определенной мере стихийный опыт интерпретации нерепрезентативного археологического материала [Серегин, Матренин, 2014, с. 7–15]. Культурно-хронологический статус открытых памятников напрямую соотносился с формировавшимися концепциями культурогенеза населения Алтая скифо-сакского времени и периода раннего средневековья. Поэтому доминирующей оказалась точка зрения об их переходном характере в схеме развития так называемых ранних и поздних кочевников. Главным фактором, определявшим ход историко-культурных процессов на этой территории в 1-й половине I тыс. н.э., все специалисты считали военно-политическую гегемонию в Центральной Азии в конце III в. до н.э. – I в. н.э. державы Хунну. Вопрос о возможности влияния на культуру местного населения традиций кочевых объединений сяньби и жужаней в научной литературе не поднимался. Важно, что, несмотря на крайне ограниченный объем источников, исследователям удалось выделить несколько типов погребений, демонстрировавших сложную этнокультурную ситуацию на Алтае в обозначенный хронологический отрезок, реконструкция которой требовала проведения целенаправленных раскопок и привлечения письменных сведений.

1.2. Основные результаты культурно-хронологической интерпретации погребальных комплексов в 1980–1990-е гг.

Следующий этап изучения погребальных памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени приходится на 1980-е гг. Его важнейшей чертой являлось быстрое накопление источниковой базы за счет масштабных раскопок, проводимых научными учреждениями Барнаула, Горно-Алтайска, Кемерова, Новосибирска [Мамадаков, 1990а, с. 7; Елин, 1987а; Соенов, 1997, с. 7; 2003, с. 5]. Полевые исследования стимулировало строительство в Горно-Алтайской автономной области (ныне – Республика Алтай) крупных объектов народного хозяйства, прежде всего проектируемое сооружение Катунской гидроэлектростанции. При раскопках могильников практиковалась современная методика, ориентирующаяся на вскрытие широких площадей, послойную фиксацию конструкций, выявление особенностей планиграфии зафиксированных объектов и др. Это расширяло возможности получения объективной и многоплановой информации. По итогам такой деятельности были подготовлены работы, посвященные анализу погребального обряда и различных элементов материальной культуры. В них нашли отражение развернутые культурно-хронологические концепции и отдельные (неоформленные в целостные построения) точки зрения по ряду важных вопросов.

Результаты раскопок некрополей в Центральном (Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV), Северном (Айрыдаш-I) и Восточном Алтае (Кок-Паш) продемонстрировали сложность культурно-хронологического разграничения изученных погребений [Глоба, 1983; Мамадаков, 1983, 1984, 1985, 1987б; Суразаков, 1984; 1986; 1987; Васютин, Илюшин, Елин, Миклашевич, 1985; Васютин, Илюшин, Елин, 1986; Васютин, 1987а–б; Васютин, Елин, 1984; 1987; Елин, 1987а–б; и др.]. Осмысление быстро растущего корпуса археологических источников объективно затрудняла оперативность их издания в форме обобщений. Пуб-

ликации выходили в разных сборниках научных трудов и тезисах докладов конференций, а также в виде кратких сводок в ежегоднике «Археологические открытия»*. Несмотря на данное обстоятельство, у специалистов формировались идеи о целесообразности выделения новых типов погребений (памятников), нашедшие свое отражение в концепциях моно- и поликультурности населения Алтая в 1-й половине I тыс. н.э.

В 1980-е гг. одним из первых большое внимание проблеме реконструкции этнокультурных процессов на Алтае в 1-й половине I тыс. н.э. уделил Д.Г. Савинов. В монографии «Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху» ученый поддержал правомерность выделения А.А. Гавриловой берельского типа могил IV–V вв. н.э., отождествив его с племенами «динлинов-теле», проживавшими в период господства Жужанского каганата в Центральной Азии. По вопросу происхождения у «берельцев» обряда захоронения с лошадью Д.Г. Савинов [1984, с. 29–30] первоначально предполагал, что данный элемент погребальной практики был заимствован у «юэчжей – пазырыкцев», после того как их основная часть оказалась вытеснена с Алтая племенами объединения хунну. В разработанной им позднее концепции формирования и развития раннесредневековых культур Южной Сибири, изложенной в докторской диссертации, исследователь отметил, что «…можно говорить пока только о существовании на Алтае нескольких групп памятников, которые представляют две основные культурные традиции: погребения с конем и без коня в разных вариациях» [Савинов, 1987, с. 78]. К первой были отнесены берельский и булан-кобинский типы (ингумация под каменными кольцами и выкладками в каменных ящиках в положении на спине (головой на восток), с лошадью на перекрытии камеры, как на могильнике Булан-Кобы-IV), ко второй – кок-пашский комплекс (трупоположение без коня, вытянуто на спине с южной и восточной ориентировкой, в различных внутримогильных конструкциях и без таковых в некрополях Кок-Паш и Балыктыюль). Памятники булан-кобинского типа Д.Г. Савинов [1987, с. 36, 79] рассматривал как следующий этап развития «кара-кобинской культуры» скифо-сакского времени и предварительно их датировал I–II вв. н.э. Руководствуясь особенностями сопроводительного инвентаря, в булан-кобинский тип была включена впускная могила из кургана №6 некрополя Пазырык. В связи с удревнением переходного этапа верхнеобской культуры [Троицкая, 1981, с. 101] археологический возраст объектов берельского типа Д.Г. Савинов определил III–IV вв. н.э. В генезисе оставившего их населения он допускал возможность участия носителей бийского типа погребений северных предгорий Алтая скифо-сакского времени [Савинов, 1987, с. 80]. В отношении погребений кок-пашского типа III–V вв. н.э. Д.Г. Савинов считал, что они могли принадлежать какой-то группе хунну, ассимилировавшейся в условиях изоляции горных долин Алтая. Несмотря на определенную схематичность и подвижность критериев представленного разграничения (в одних случаях за основу брались особенности погребального обряда, в других – характер вещевого комплекса), а также некоторую непоследовательность ко всем доступным материалам (например, курганы памятника Белый Бом-II, аналогичные по обряду объектам Булан-Кобы-IV, отнесены к кара-кобинской культуре), предложенный подход являлся ценным опытом осмысления историко-культурной ситуации на Алтае в 1-й половине I тыс. н.э. в условиях появления новых археологических материалов и их первичной публикации.

Большое значение имеют разработки Д.Г. Савинова в области синхронизации археологических датировок памятников Алтае-Саянской горной страны с событиями политической истории народов Центральной Азии. В тезисном виде они представлены в докладе на конференции «Проблемы хронологии и периодизации памятников Южной Сибири»,

* К сожалению, до середины 1990-х гг. у большого круга специалистов, напрямую не знакомых с археологическими материалами Алтая, представления об этнокультурной ситуации и хронологическом определении памятников региона II–V вв. н.э. складывались на основе устаревших рассуждений, обобщенно изложенных в разделе «Основные проблемы в изучении памятников древних животноводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья» тома «Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» серии «Археология СССР» [Боковенко, Мошкова, Могильников, 1992, с. 157–158].

проходившей в Алтайском государственном университете в 1991 г. Исследователь впервые сделал вывод о сяньбийском влиянии на выделенную Ю.Т. Мамадаковым булан-кобинскую культуру населения Центрального Алтая во II – 1-й половине III в. н.э., на смену которой пришли памятники кок-пашского типа [Савинов, 1991]. Позднее Д.Г. Савинов [1992, с. 109]* придерживался позиции о том, что появление погребального комплекса Кок-Паш в Восточном Алтае связано с оттоком части племен кокэльской культуры Тувы, вызванного их неудачным военным противостоянием с сяньби во 2-й половине II – III в. н.э. Подтверждением инфильтрации отдельных групп «кокэльцев» на Алтай, по его мнению, выступал культовый комплекс Бертек-3–4, раскопанный на плоскогорье Укок (Южный Алтай) экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН [Савинов, 1994, с. 146].

Начиная с предварительных публикаций А.С. Васютина и В.Н. Елина, посвященных изучению погребально-поминального комплекса Кок-Паш, был поставлен вопрос об особом статусе погребений сяньбийско-жужанского времени Восточного Алтая. Указанные исследователи обозначили особенности погребального обряда (отсутствие коней, ориентация покойных головой в южный сектор) и сопроводительного инвентаря этого могильника, связанные, с одной стороны, с влиянием хунну, а с другой – близостью с некоторыми погребениями тюркской культуры могильника Кудыргэ [Васютин, Елин, 1984, с. 37]. Позднее ими были конкретизированы признаки кок-пашского типа памятников, в который включались также курганы и «впускники» из Балыктыюля и Пазырыка. Данные захоронения датировались III–V вв. н.э. [Васютин, Илюшин, Елин, Миклашевич, 1985, с. 32–37; Васютин, Елин, 1987, с. 137–139].

Детальную аргументацию погребальных комплексов кок-пашского типа Восточного Алтая осуществил В.Н. Елин в кандидатской диссертации, а также в нескольких статьях, в том числе в соавторстве [Елин, 1987а, с. 11–18; 1987б; 1990; Елин, Васютин, 1992]. Признаками названного типа являлись надмогильные четырехугольные ограды, прямоугольные или кольцевые ограды-крепиды; типологически разнообразные внутримогильные конструкции с преобладанием каменных ящиков и обкладок из валунов; положение умерших вытянуто на спине, головой преимущественно на юг; отсутствие захоронения лошади; своеобразные вещевые находки, отражающие сильное воздействие хуннуской культуры. Датировку этого комплекса В.Н. Елин [1987а, с. 14, 17; 1991, с. 155] установил в рамках 1-й половины I тыс. н.э. с возможным выделением ранней (I–II вв. н.э.) и поздней (III–V вв. н.э.) групп. Специфические черты в устройстве погребальных сооружений и инвентаре, рассматриваемые как инновации центрально-азиатского происхождения, не фиксируемые в местных материалах скифо-сакского и хуннуского времени, послужили доказательством пришлого характера оставившего их населения, формирование которого происходило за пределами Алтая в тесных контактах с носителями кокэльской культуры Тувы. Проанализировав планиграфию могильника Кок-Паша, исследователь сделал вывод о невозможности сосуществования кок-пашских и раннетюркских памятников [Елин, 1991, с. 154]. Впоследствии В.Н. Елин [1992, с. 76; 1994, с. 133–134] несколько пересмотрел свои взгляды на генезис населения Алтая II–V вв. н.э. Он поддержал мнение Д.Г. Савинова [1987] об отсутствии на Алтае одной археологической культуры, место которой занимали булан-кобинский (Центральный Алтай), берельский (регион, прилегающий к Восточному Казахстану), кок-пашский (Восточный Алтай) и айрыдашский (Средняя Катунь) типы памятников. При этом была высказана гипотеза, что проникновение на земли Алтая в «эпоху Великого переселения народов» разных этнических групп, вступавших в определенные отношения с местными племенами, закладывало условия для появления нескольких самостоятельных культур. В отношении берельского типа В.Н. Елин [1992, с. 76] указал, что он датируется не ранее IV в. н.э., а его верхняя хронологическая граница может быть отодвинута в VI в. н.э. Такая этнокультурная интерпретация материалов с определенными уточнениями была изложена в статье «Культурно-хронологические аспекты

* Данная точки зрения подробно изложена в начале 2000-х гг. [Савинов, 2003; 2005, с. 222–223].

изучения памятников гунно-сарматского времени Алтая, Южной Сибири, Монголии», в которой схематично приводилась последовательность сменявших друг друга типов памятников (булан-кобинский – айрыдашский – кок-пашский – берельский) без конкретизации хронологических интервалов [Елин, 1997, с. 161–162].

Существенный вклад в изучение памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени внес Ю.Т. Мамадаков. Раскопанный им базовый некрополь этого исторического этапа – могильник Булан-Кобы-IV – был предварительно отнесен ко 2-й половине I тыс. до н.э., а затем к I в. до н.э. – I–II вв. н.э. и синхронизирован с материалами из памятника Белый Бом-II [Мамадаков, 1985, 1987а]. Археолог сделал вывод, что «…особенности погребального обряда и комплекс предметов сопроводительного инвентаря не позволяют связывать их непосредственно с населением пазырыкской культуры и памятниками кара-кобинского типа, так как они появляются сразу, что «…может иметь место в результате миграции пришлой группы населения, вступившей в контакт с местными племенами» [Мамадаков, 1985, с. 189]. Данная интерпретация имевшихся и новых источников в дальнейшем была расширена Ю.Т. Мамадаковым [1990а–б] в кандидатской диссертации. На тот момент времени это была одна из наиболее последовательно разработанных концепций этнокультурного развития кочевников Алтая конца I тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. н.э. Исследователь выделил булан-кобинскую археологическую культуру в Центральном Алтае, датировав ее I в. до н.э. – IV в. н.э. (с ранним (I в. до н.э. – II–III вв. н.э., памятники Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II) и поздним (III–IV вв. н.э., памятники Бош-Туу-I, Улита) этапами. Различия указанных периодов выражались в планиграфии, конструкции курганов, ритуале погребения. В I в. до н.э. – II–III вв. н.э. сооружались многослойные отдельно стоявшие и пристроенные друг к другу кольцевые выкладки-стенки с каменными ящиками, ориентацией покойных головой в восточный сектор, захоронениями лошадей «сверху» человека, а в III–IV вв. н.э. – невысокие не пристроенные кольца-стенки, с большой представительностью деревянных внутримогильных конструкций, имитацией ящиков, преобладанием ориентации покойных головой в западный сектор, ингумаций с конем, уложенным сбоку от человека [Мамадаков, 1990а, с. 15–18]. Исследователь обосновал два комплекса признаков, один из которых (прямоугольные ямы, ориентированные в широтном направлении, каменные ящики, положение умерших вытянуто на спине головой на восток, ориентация человека и лошади в одном направлении, кости овцы, железные ножи, устройство «каменной подушки») восходит к местным традициям скифо-сакского времени, а другой (пристройка надмогильных сооружений, многослойные кольцевые стенки, рядное и тесное расположение объектов, каменные ящики трапециевидной формы, двойные камеры, ориентация головой на юг, размещение лошади «ярусом», инвентарь хуннуского облика) свидетельствует о влиянии новых групп номадов. Формирование булан-кобинской культуры он связывал с взаимодействием трех этнокультурных компонентов: население, очень близко знакомое с культурой собственно хунну; кулажургинские племена Восточного Казахстана; представители пазырыкских и кара-кобинских групп кочевников Алтая. По мнению Ю.Т. Мамадакова, «булан-кобинцы» сыграли активную роль в формировании культуры населения, оставившего памятники Восточного (Кок-Паш, Коо-I, Пазырык) и Северного (Айрыдаш-I) Алтая, что определило этнокультурный облик населения всей территории в 1-й половине I тыс. н.э. и затем способствовало становлению тюркской общности. В доказательство последнего положения отмечалось, что исследованные им на могильнике Улита курганы №16 и 25 фиксируют появление в Центральном Алтае общего типа ингумации человека с конем в пределах одного комплекса, сочетавшего в себе булан-кобинский и раннетюркский типы обрядов [Мамадаков, 1990а, с. 17–19][*].

[*] К большому сожалению, могильник Булан-Кобы-IV, как и многие другие погребальные памятники Алтая сяньбийско-жужанского времени (Белый Бом-II, Бош-Туу-I, Улита, Балыктыюль, Боочи), по-прежнему полностью не опубликован. Представленный в диссертации Ю.Т. Мамадакова [1990а–б] объем источников не охватил весь массив материалов, обнаруженных в процессе раскопок указанных комплексов.

Представленная выше концепция с некоторыми дополнениями продемонстрирована в некоторых публикациях [Мамадаков, 1994а; Кирюшин, Мамадаков, 1996]. В этих работах был более четко сформулирован подход о культурном единообразии территории Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. при значительной полиэтничности населения, обусловленной миграциями новых групп кочевников, вследствие включения региона во владения сяньби и жужаней. Сравнительно «мирные» контакты местных и пришлых номадов объяснялись их возможной этнической общностью [Мамадаков, 1994а, с. 131]. Аргументируя положение о наличии генетической преемственности «булан-кобинцев» и тюрок, Ю.Т. Мамадаков [1994б, с. 58–63] датировал 1-й половиной I тыс. н.э. квадратные ритуальные оградки, раскопанные им на могильнике Булан-Кобы-IV. У большинства специалистов данная точка зрения не получила поддержки [Кубарев, 2001, с. 28].

Отдельного историографического рассмотрения заслуживают культурно-хронологические построения А.С. Васютина. Исследователь придерживался точки зрения о существовании на Алтае в 1-й половине I тыс. н.э. нескольких разных по происхождению и составу культурно-территориальных групп или типов (комплексов) памятников, обнаруживающих определенное культурное единство [Васютин, 1991, с. 162–163]. Специфическая, на его взгляд, ситуация в изучении этнокультурной картины в Восточном Алтае состояла в отсутствии погребальных комплексов хуннуского и постхуннуского времени (II в. до н.э. – II в. н.э). Выделенный для этого региона кок-пашский тип погребений был датирован археологом в рамках III–VI вв. н.э. Основанием обозначенной верхней границы для отдельных курганов могильника Кок-Паш выступали параллели в погребальном ритуале и коллекции вещей из предтюркских и раннекудыргинских объектов (последние рассматривались как единый комплекс, появившийся не ранее VII в.), а также планиграфия некрополя, не фиксирующая между ними каких-либо иных сооружений [Васютин, 1985, с. 75–77; 1987б, с. 135–137; 1991, с. 163; 1994, с. 64–66; 1999а, с. 336–340; 1999б, с. 104–108; Васютин, Елин, 1987, с. 86–88, рис. 1]. Исследователь предположил, что на Алтае, в отличие от других районов Южной Сибири, погребения с выраженным центрально-азиатским компонентом продолжали бытовать параллельно с памятниками типа Берели, Узунтала и Айрыдаша-I и, возможно, с самыми ранними объектами могильника Кудыргэ. При этом А.С. Васютин [1993, с. 210–214] не отрицал, что отдельные группы «кок-пашцев» могли участвовать в генезисе раннесредневекового населения Восточного Алтая. В связи с этим материалы Берели и Узунтала он относил уже к раннетюркскому периоду.

Одной из тенденций в осмыслении материалов погребальных памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени в 1980–1990-е гг. стало удревнение начального этапа тюркизации региона и роли в этом процессе местного этнокультурного субстрата, сформировавшегося в 1-й половине I тыс. н.э. Наиболее последовательно данная точка зрения изложена в работах В.А. Могильникова [1980, с. 70, 71; 1992а]. Развивая идею о преемственности на Алтае культурных традиций кочевников от скифо-сакского времени до средневековья, ученый уделил большое внимание ингумации людей с верховым конем. Изменения в оформлении сопроводительного захоронения этого животного, проявившиеся в переходе от его размещения сбоку относительно человека к нахождению поверх перекрытия погребальной камеры или покойника, по мнению В.А. Могильникова [1996б], демонстрировали «…возрождение местных кара-кобинских традиций и в то же время интеграцию культуры и этноса местного и проникшего на Алтай в «эпоху Великого переселения народов», в гуннское время, пришлого с юга и юго-востока населения, среди которого был и тюркоязычный этнос». Это стало фактором тюркизации сохранявшихся на Алтае ираноязычных животноводов, вошедших в состав некоторых групп «теле» и «тугю». Предполагая локализацию тюркоязычной части племен хуннуской державы в Западной и Северо-Западной Монголии, а также учитывая отсутствие усиления на Алтае монголоидности на рубеже тысячелетий, исследователь допустил, что первоначально мигрировали европеоидные кочевники, возможно, генетически связанные с носителями предшествовавшей чандманьской

культуры. Погребения с конем на Алтае, по его мнению, фиксируют автохтонный, восходящий к «пазырыкцам» и «майэмирцам» компонент тюркской культуры, окончательно сложившийся в IV–V вв. в памятниках берельского типа. Во 2-й половине V в. тюрки-тугю заимствовали этот обряд от теле.

Большое значение имеет вывод В.А. Могильникова о ранней датировке некоторых квадратных оградок Кудыргэ и Кок-Паша в рамках 2-й половины V – VI в. н.э., что отражает переселение на Алтай после 460 г. тугю, смешение их с местными теле и формирование общности алтае-телеских тюрок. Результатом взаимодействия местных «кок-пашцев» и пришлых групп населения, по мнению специалиста, стала южная ориентация средневековых погребений Кудыргэ. Кольцевые оградки Центрального Алтая из памятника Кара-Коба-I, в одной из которых (оградка №109) было зафиксировано конское захоронение, В.А. Могильников [1992б, с. 112, 184–186; 1994, с. 100; 1996] также относил ко 2-й половине V – VI в. и считал, что они продолжали традиции сооружения поминальников пазырыкской культуры или предков алтайских теле.

Для Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 15–16] сходство некоторых элементов погребальной обрядности и инвентаря из курганов могильников Катанда-I и Берель с материалами раннего средневековья являлось основанием для отнесения их к тюркской культуре.

Аргументы «омоложения» археологического возраста некоторых погребальных комплексов Алтая 2-й четверти I тыс. н.э. представлены А.М. Илюшиным [1992, с. 212] в связи с «новой» хронологией ритуальных сооружений раннего средневековья. В результате анализа предметных находок из тюркских оградок №102–104 памятника Кудыргэ исследователь сделал вывод, что в обнаруженном инвентаре сосуществуют изделия кок-пашского и кудыргинского облика, что, вероятно, свидетельствует о смешении в III–V вв. н.э. местного населения с группами кочевников, принесшими обычай устройства ритуальных курганов и погребений с тушей лошади. Несмотря на это, ранние оградки Кудыргэ и Кок-Паша А.М. Илюшин [1992, с. 218–219; 2000, с. 162–163] датировал в пределах VII–VIII вв., объединив их в один хронологический и этнический пласт с погребениями кудыргинского этапа тюркской культуры.

Отдельные аспекты изучения этнокультурных процессов на Алтае в сяньбийско-жужанское время представлены в трудах известного новосибирского археолога Ю.С. Худякова в контексте его оружиеведческих исследований. Захоронения берельского типа ученый связывал с ранними тюрками, возглавляемыми родом Ашина до создания в середине VI в. н.э. каганата, параллельно с которыми проживали представители населения, хоронившего в каменных ящиках [Худяков, 1986, с. 134, 156–157]. С опорой на археологические источники и сведения китайских хроник он сделал вывод, что племена Алтая «…находились в данный период времени в зависимости от тюрок-ашина, составляя совместно с ними единое «владение» на периферии Жуань-Жуаньского каганата». В более поздних работах Ю.С. Худяков [1993а, с. 63–75] рассматривал булан-кобинский и кок-пашский типы памятников в статусе самостоятельных археологических культур Центрального и Восточного Алтая. В происхождении кок-пашской культуры III–V вв. н.э. ученый отмечал, с одной стороны, роль местного компонента, связанного с племенами скифо-сакского и хуннуского времени, а с другой – существенное влияние «кокэльцев» Тувы. Потомки «кок-пашцев» проживали на данной территории и в раннем средневековье, попав в зависимость от тюрок [Худяков, 1993а, с. 74].

Оригинальный вариант культурно-хронологической атрибуции погребальных комплексов Алтая сяньбийско-жужанского времени принадлежит А.С. Суразакову [1990, с. 199–200]. Исследователь выделил кудыргинский тип памятников конца I тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. н.э. с ранней (булан-кобинской) и поздней (айрыдашской) группами, специфику которых объяснял эволюцией погребальной практики и этническими различиями родоплеменных коллективов. Через пару лет А.С. Суразаков [1992, с. 96–97] попытался обосновать кудыргинскую культуру конца I тыс. до н.э. – середины

VII в. н.э. «…с подразделением ее на те же хронологические этапы, что были предложены выше для собственно кудыргинского типа захоронений». Формирование данной «культуры» связывалось с миграцией из Центральной Азии в конце I тыс. до н.э. нового населения, входившего в одну метаэтническую общность с кокэльскими племенами Тувы, которое вступило в контакт с потомками «пазырыкцев». Придерживаясь позиции о генетической преемственности между кочевниками хуннуско-сяньбийско-жужанского и раннего средневековья, А.С. Суразаков искусственно расчленил археологическую культуру тюрок 2-й половины V – XI в. н.э. Несмотря на то, что данные построения вызвали серьезную критику [Васютин, 1993, с. 210–214], исследователь остался верным им в своих более поздних работах.

Репрезентативный корпус источников для изучения культуры населения Алтая в сяньбийско-жужанское время был получен в 1990-е гг. в результате раскопок курганных могильников Чендек и Верх-Уймон, проведенных горно-алтайскими археологами [Киреев, Кудрявцев, Вайнбергер, 1992; Соенов, Эбель, 1992, 1996]. На основе анализа сопроводительного инвентаря и погребального обряда данных памятников В.И. Соенов и А.В. Эбель [1992, с. 56–60, рис. 46] наметили три этапа в развитии культуры кочевников Верхней Катуни: II–I вв. до н.э. – Чендек (восточная группа); I–II вв. н.э. – Верх-Уймон, Кокса; III–V вв. н.э. – Чендек (центральная группа), Катанда-I. Различия между курганами первых двух периодов выражались в структуре насыпей (каменно-земляные – II–I вв. до н.э.; каменные – I–V вв. н.э.), противоположной ориентации погребенных по сторонам горизонта (головой на восток – II–I вв. до н.э.; преимущественно на запад – I–II вв. н.э.), преобладании разного оформления захоронения лошади (на перекрытии погребальной камеры – II–I вв. до н.э.; сбоку от человека – I–II вв. н.э.) и составе вещевого комплекса (роговые накладки классического хуннуского лука; костяные ложечковидные застежки; ханьские зеркала – II–I вв. до н.э.; более поздние варианты луков; разнообразные костяные и железные, в том числе ярусные, наконечники стрел; кинжал с кольцевым навершием и палаш; многочисленные детали поясных гарнитур в виде железных колец, пластин, блях-накладок; конструкция удил с кольчатыми псалиями). Своеобразие комплексов III–V вв. н.э. заключалось в преобладании ям без внутримогильных конструкций, а также в наборе вещей (роговые накладки поздней формы хуннуского лука, копья, железные доспехи, серьги из меандрообразно согнутой проволоки, форма керамики). По вопросу происхождения обозначенной совокупности захоронений исследователи высказали предположение, что они оставлены разными этническими группами, сложившимися на базе местного пазырыкского и кара-кобинского населения с включением каких-то пришлых коллективов, знакомых с хуннуской культурой [Соенов, Эбель, 1992, с. 61–62].

Важным рубежом в изучении археологических памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени стала кандидатская диссертация В.И. Соенова [1997], в которой была предпринята формализованно-статистическая обработка материалов «гунно-сарматского» времени 19 могильников из разных районов региона. Посредством многоуровневой классификации и корреляции показателей погребального обряда с учетом сложившихся в научной литературе позиций на археологическую датировку отдельных комплексов В.И. Соенов осуществил типологию и периодизацию погребений. Итогом данной работы можно считать следующие выводы [Соенов, 1997, с. 14–21].

1. Большинство могильников могут быть объединены в одну булан-кобинскую культуру, в рамках которой выделяются булан-кобинский и кок-пашский типы памятников. «Ядро» булан-кобинского типа Центрального Алтая совпадает с признаками, обоснованными Ю.Т. Мамадаковым [1985, 1990а] и Д.Г. Савиновым [1987]. Кок-пашский тип III–V вв. н.э., представленный материалами некрополя Курайка и некоторыми захоронениями могильника Кок-Паш, оставлен самостоятельной локальной группой населения Восточного и Юго-Восточного Алтая.

2. Различия погребального обряда имеют хронологический характер и отражают этапы развития булан-кобинской культуры: булан-кобинский – II–I вв. до н.э.

(Булан-Кобы-IV, Чендек, Сары-Бел, Усть-Эдиган); усть-эдиганский – I–II вв. н.э. (Усть-Эдиган, Чендек, Верх-Уймон, Айрыдаш-I, Бике-I, Ороктой, Балыктыюль, Пазырык, Тыткескень-VI); берельский – III–V вв. н.э. (Катанда-I, Кок-Паш, Курайка, Бике-I, Айрыдаш-I, Чендек). Для памятников второго этапа характерно усиление вариативности обряда, выразившееся в появлении более разнообразных по конструкции и форме ям и внутримогильных сооружений, захоронений лошади сбоку от человека, западной ориентации умерших людей, своеобразных вещевых комплексов. Новыми признаками третьего этапа выступают только западное направление в ориентации покойных по сторонам горизонта, количественное уменьшение внутримогильных конструкций, прямоугольные ограды-крепиды. В инвентаре содержатся ранее неизвестные формы изделий и предметы прототюркского облика.

3. Могильники эдиганского этапа Бике-I, Айрыдаш-I, возможно, Балыктыюль, Пазырык, Тыткескень-VI отражают инфильтрацию в булан-кобинскую среду населения соседних регионов в связи с противостоянием северных хунну с южными хунну, китайцами, сяньби и поражением от последних в 93 г. н.э. Погребальные памятники Белого Бома-II, Усть-Эдигана, большинство курганов Верх-Уймона продолжают традиции булан-кобинского этапа. Появление сопроводительных захоронений коней в могильнике Айрыдаш-I свидетельствует об ассимиляции пришлых групп местными кочевниками.

4. В III–V вв. н.э. в Центральном Алтае происходили только эволюционные изменения погребального обряда. Появившийся в Восточном и Юго-Восточном Алтае кок-пашский тип памятников связан с новой волной миграции, обусловленной окончанием господства в середине III в. н.э. сяньби. В чистом виде данный тип отражает могильник Курайка, а материалы Кок-Паша фиксируют смешение «булан-кобинцев» и «кок-пашцев».

Разработанная В.И. Соеновым периодизация была использована в кандидатской диссертации А.В. Эбеля [1998] при рассмотрении вооружения кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э., а также в работах, посвященных публикации археологических источников «гунно-сарматского» времени [Соенов, 1998а–в; 1999; Соенов, Эбель, 1998; и др.].

Свой подход к периодизации и этнокультурной интерпретации некоторых материалов сяньбийско-жужанского времени Алтая предложил Ю.В. Тетерин, раскопавший небольшую, но весьма показательную группу курганов жужанского времени на могильнике Дялян [Тетерин, 1991; Калинин, Тетерин, 1991]. Известные ему к началу 1990-х гг. памятники исследователь формально разделял на берельский (ингумация с различными способами захоронения лошади) и кок-пашский (трупоположение без коня) типы или группы, не определяя для них жесткой территориальной и хронологической позиции. Обобщив результаты сравнительного изучения ременных гарнитур, Ю.В. Тетерин [1995, с. 132–135] выделил три хронологических этапа развития материальной культуры кочевников данного региона: II в. до н.э. – I в. н.э. (Усть-Эдиган); I–III вв. н.э. (Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Усть-Балыктыюль, Айрыдаш-I, Бике-I, и др.); III–VI вв. н.э. (Берель, Катанда-I, Дялян, Кок-Паш и др.). Предложенная схема являлась одним из наиболее адекватных вариантов хронологического разграничения погребальных памятников Алтая «гунно-сарматского» времени, предложенных в конце XX в. в условиях дефицита опубликованных археологических источников обозначенного периода.

Успехи в изучении археологических материалов хунну Забайкалья, погребальных комплексов 1-й половины I тыс. н.э. юга Западной Сибири, Хакасии, Тувы способствовали пересмотру в конце 1990-х гг. некоторых ранее сложившихся представлений о хронологическом определении отдельных широко привлекаемых для сравнения памятников. Обозначенную тенденцию в гиперболизированной форме отразила Э.Б. Вадецкая [1999] в обобщающей монографии «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири». В результате анализа сопроводительного инвентаря из таштыкских

склепов с привлечением аналогий из Тувы и Алтая исследовательница допустила более молодой возраст (не ранее V в. н.э.) погребений послехуннуского времени некрополей Пазырык, Балыктыюль, Кок-Паш, содержавших витые цепочки от ножен кинжалов и длиннолезвийных ножей, крюки с поперечной планкой, фигурные пряжки с трапециевидной («Т-образной») рамкой и подвижным язычком на вертлюге и костяные подпружные пряжки прототюркского облика [Вадецкая, 1999, с. 126–127]. После знакомства с информацией полевых отчетов Ю.Т. Мамадакова (ИА, р-1, №11276; 10430; 11617; 11975) она предложила «поднять» датировку курганов Булан-Кобы-IV и Белого Бома-II выше III–IV вв. н.э. Аргументом для этого выступало присутствие в инвентаре указанных памятников, на ее взгляд, однозначно поздних предметов: костяная пряжка с прорезью и крючком, В-образная пряжка с овальным щитком и вращающимся язычком, прямые концевые накладки на лук с ромбической штриховкой поверхности, трапециевидные пряжки, множество пряжек, блоков для чумбура, крюков, аналогичных кудыргинским [Вадецкая, 1999, с. 127].

Важной составляющей понимания этнокультурных процессов, проходивших на Алтае в сяньбийско-жужанское время, стали появившиеся с конца 1980-х гг. работы по интерпретации антропологических источников из некрополей региона. Первым в данной области исследований был А.Р. Ким. Рассмотрев остеологические коллекции из могильников Булан-Кобы-IV и Кок-Паш, он установил показательные морфологические различия популяций Центрального и Восточного Алтая. Ученый выявил антропологическую неоднородность населения и отметил, что краниологические характеристики «булан-кобинцев» обнаруживают максимальную близость с показателями, зафиксированными для рядовых погребений Алтая скифо-сакского времени, тогда как «кок-пашцы» имеют большую монголоидную примесь и их можно сопоставить с местными тюрками раннего средневековья [Ким, 1988, с. 581–582; 1990, с. 134–136]. В итоге А.Р. Ким сделал вывод, что на рассматриваемой территории в первые века новой эры продолжало обитать европеоидное население, генетически связанное с племенами пазырыкской культуры. Отсутствие усиления в расовом типе скотоводов Центрального Алтая на рубеже тысячелетий монголоидного компонента подтвердил также А.В. Дремов [1990, с. 133, 135], который по материалам Белого Бома-II зафиксировал близость черепов из рядовых захоронений пазырыкской и булан-кобинской культур.

В конце 1990-х гг. Т.А. Чикишевой и Д.В. Поздняковым реализован опыт краниологического изучения антропологических серий из некрополей Центрального (Белый Бом-II, Боочи-I, Кара-Бом-XI) и Южного (Аккол-1, Кальджин-6) Алтая. Полученные результаты продемонстрировали значительную гетерогенность населения Алтая во II–V вв. н.э., отражающую смешение нескольких (более трех) вариантов европеоидного и монголоидного типов на уровне мужской и женской групп [Чикишева, Поздняков, 1997, с. 155–157]. В погребениях Центрального Алтая преобладал брахикранный антропологический пласт, автохтонный для Алтая, Тувы и Западной Монголии, на основе которого формировалось население скифо-сакского времени указанных областей. В составе популяции данного района Алтая исследователи отметили внедрение европеоидного расового типа, схожего с «тагарским», который стал преобладающим с III в. н.э. Заметное усиление доли монголоидного компонента антропологи зафиксировали только в отношении плоскогорья Укок. Представленный там морфологический комплекс высоколицых монголоидов связывался с хунну или с близкими к ним по культуре и физическому облику центрально-азиатскими номадами [Чикишева, Поздняков, 1997, с. 158–159; 2000, с. 127–129].

Таким образом, в 1980–1990-е гг. благодаря систематическим раскопкам произошло существенное увеличение объема археологических источников сяньбийско-жужанского времени. Данный период истории Алтая стал рассматриваться как многоэтапный процесс, отличавшийся сложным механизмом смешения местных и пришлых групп населения, а также несколькими волнами миграций, обусловленными военно-

политической активностью существовавших в Центральной Азии кочевых империй сяньби и жужаней. Полученные массовые материалы из различных районов Алтая дали возможность для более объективного изучения этнокультурных и социальных аспектов развития и системы жизнеобеспечения населения региона во II–V вв. н.э.

1.3. Современный этап изучения материалов погребальных памятников сяньбийско-жужанского времени

С начала 2000-х гг. формируется новый этап в процессе изучения культуры населения Алтая сяньбийско-жужанского времени [Тишкин, 2004; Матренин, 2005а, с. 9–10]. Главной его особенностью является заметное увеличение спектра проблематики и направлений исследовательской деятельности. Проведение полевых исследований на новых и уже известных памятниках предоставило более широкие возможности для разработки вопросов хронологического и этнокультурного характера, корректировки ранее сделанных выводов, а также появлению в ходе их решения развернутых концепций. Этому способствовало последовательное внедрение естественнонаучных методов в археологическую научную деятельность.

Большое влияние на интерпретацию добытых сведений оказали результаты изучения погребальных комплексов пазырыкской и тюркской культур Алтая, а также публикации отечественными и зарубежными специалистами материалов культуры сяньби с территории Забайкалья, Внутренней Монголии и Северо-Западной Маньчжурии. Последнее обстоятельство документировало факт влияния на племена Алтая кочевых народов, связанных с традициями материальной культуры сяньби, а также ставило вопрос о выделении центральноазиатских новаций, отражавших пребывание данного региона в составе владений Жужанского каганата. Происходивший параллельно процесс ревизии некоторых традиционных датировок в археологии Центральной Азии способствовал внесению изменений в уже имеющиеся периодизации древностей Алтая сяньбийско-жужанского времени и появлению новых культурно-хронологических схем, которые отражали развитие культуры номадов этого региона. Важной тенденцией современного этапа стали, кроме прочего, более качественная публикация материалов, а также издание значительного числа обобщающих аналитических статей и монографий на фоне заметного сокращения по сравнению с 1980–1990 гг. объема полевых археологических работ.

Значимым событием в изучении погребального обряда населения Алтая II–V вв. н.э. можно считать издание монографии В.И. Соенова [2003] «Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ)». Работа познакомила широкий круг специалистов с некоторыми ранее недоступными археологическими материалами региона и подводила итоги исследований булан-кобинской культуры на рубеже XX–XXI столетий. Важным направлением стало введение в научный оборот новых результатов раскопок курганного могильника Верх-Уймон [Соенов, 2000а–б; 2005б, с. 54, рис. 1; 2017; Соенов, Трифанова, 2013; Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005, с. 169–171]. Полученная серия разнообразных вещей, а также проведенный радиоуглеродный анализ позволили пересмотреть прежние хронологические выкладки и датировать данный памятник в рамках V – начала VI в. н.э. [Соенов, 2000б, с. 202; 2005, с. 54, рис. 1; 2017, с. 120–123; Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005, с. 169–171]. Еще один аспект культурно-хронологических изысканий В.И. Соенова связан с естественнонаучным изучением материалов из погребальных комплексов [Соенов, Трифанова, 2007; 2008]. При его участии были проведены исследования фрагментов шелковой одежды из могильника Курайка [Соенов, Глебова, 2003], петрографический и оптико-минералогический анализ бус

из памятников Курайка и Верх-Уймон [Соенов, Винокурова, 2000], выполнено морфолого-технологическое изучение деревянной утвари из Курайки [Соенов, Штанакова, 2011]. Эти и другие результаты (радиоуглеродный анализ части образцов из могильника Верх-Уймон, петрографическое изучение каменных пряслиц, спектральный анализ бронз из памятников Айрыдаш-I и Верх-Уймон, технико-технологический анализ керамической посуды из комплексов Верх-Уймон, Курайка, Чендек) стали одним из источников для кандидатской диссертации Е.А. Константиновой [2014] и подготовленной на ее основе совместной книги «Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.» [Соенов, Константинова, 2015].

Материалы раскопанного В.И. Соеновым могильника Курайка были использованы для установления древесно-кольцевой хронологии группой специалистов под руководством И.Ю. Слюсаренко, сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН [Panyushkina, Sljusarenko, Bikov, Bogdanov, 2007; Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008]. Полученные показатели продемонстрировали расхождение естественнонаучных и археологических дат, обусловленное состоянием источниковой базы. В.И. Соенов высказал мнение, что реальный период функционирования могильника Курайка был позже 240 г. н.э., по-видимому, в рамках 2-й половины III – IV в. н.э. [Соенов, Штанакова, 2011, с. 182].

Большое значение имели исследования под руководством В.И. Соенова курганной группы Степушка-2, материалы которой легли в основу для уточнения особенностей погребального обряда кочевников Алтая в сяньбийско-жужанское время и хронологической атрибуции разных категорий предметного комплекса булан-кобинской культуры. Данные результаты нашли отражение в серии статей, а также в монографии «Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае» [Соенов, Константинов, Трифанова, 2015а–б; 2016; 2018; Соенов, Трифанова, 2014; 2015].

Проблема реконструкции этнокультурной истории Алтая в сяньбийско-жужанское время заняла центральное место в монографии «Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века)» [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003]. В книге была предпринята относительно полная публикация погребений 2-й четверти I тыс. н.э. могильника Кок-Паш, а также с определенными дополнениями обобщены основные положения новых и уже известных разработок А.С. Васютина [1999а–б; 2000а–б]. По мнению данного специалиста, этническая пестрота населения Алтая в сяньбийско-жужанское (предтюркское) время обусловлена наличием нескольких районов-микроизолятов с длительной консервацией в их границах местных традиций, затрудняющих возможность выделения для региона одной археологической культуры. Появление погребений кок-пашского типа в Восточном Алтае, обнаруживающего наибольшую близость по ряду признаков с исследованными объектами памятника Кокэль в Туве, исследователь считал отражением массовой и одновременной миграции населения из районов Центральной Азии на свободную или малозаселенную территорию бассейна р. Чулышмана, ставшую причиной своеобразного «ренессанса» в Восточном Алтае хуннуской культурной традиции [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 54, 84]. Основная тенденция развития населения остальной территории Алтая, представленная материалами булан-кобинской культуры, рассматривалась в контексте продолжения традиций пазырыкского времени, постепенная трансформация которых произошла к началу I тыс. н.э. Могильник Курайка был интерпретирован как единственный некрополь «кок-пашцев», расположенный в инокультурной среде [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 31, 51–52, 84]. Хронологию памятников Восточного Алтая А.С. Васютин установил не ранее III в. н.э. и не позднее VI в. н.э., отметив, что «…на сегодняшний день ни по обряду погребения, ни по инвентарю отделить III и IV вв. от V–VI вв. не представляется возможным». Опираясь на уточненные показатели планиграфии могильника Кок-Паш, исследователь допускал (в противовес В.Н. Елину) возможность одновременного освоения северного и южного участков кладбища разными группами этниче-

ски однородного населения [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 33–35]. Руководствуясь восточно-европейскими аналогиями, данными по верхнеобской, таштыкской и кокэльской культурам, А.С. Васютин пошел по пути «омоложения» верхней границы некоторых горно-алтайских могильников до V–VI вв. н.э. Самыми поздними в хронологической колонке оказались комплексы Берель и Узунтал, которые могли сосуществовать с ранними сооружениями могильника Кудыргэ. Археолог посчитал возможным скорректировать новыми материалами схему корреляции археологических датировок памятников Алтае-Саянской горной страны конца I тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. н.э. с опорными историческими событиями, предложенную Д.Г. Савиновым. Согласно его хронологическим построениям, к позднехуннускому (I–II вв. н.э.) периоду относятся Усть-Эдиган, Верх-Уймон, Чендек, находки хуннуской керамики и гончарный комплекс на р. Юстыд, а к постхуннускому, или предкудыргинскому (III–VI вв. н.э.), времени – Берель, Катанда-I, Яконур, Бике-I, Айрыдаш-I, Дялян, Кок-Паш, Балыктыюль, Курайка, Пазырык, Узунтал, некоторые курганы Белого Бома-II, Булан-Кобы-IV [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 4, 29, 31, 42–43, рис. 49]. К сожалению, эти выкладки оказались противоречивыми. А.С. Васютин, например, отмечал, что ситуация на заключительном этапе эволюции культуры предкудыргинского времени становится обусловленной функционированием локальных и разнокультурных групп погребальных памятников берельского и кокпашского типов булан-кобинской археологической культуры [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 51, 85]. Непонятной представляется система аргументации относительной хронологии памятников (приоритет западных параллелей в датировке вещевого комплекса при восточном направлении синхронизации историко-культурных процессов), не всегда последовательная по отношению ко всей совокупности известных и анализируемых археологических источников*.

Консервативность взглядов на проблему культурно-хронологического разграничения погребений сяньбийско-жужанского времени характерна также и для А.С. Суразакова [2001, с. 71; 2002, с. 177–184]. Несмотря на обширную критику и отсутствие последователей, Александр Сазонович сохранил приверженность своей точке зрения о возможности объединения в одну общность могильников булан-кобинской и тюркской культур. В главе «Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.» издания «История Республики Алтай» А.С. Суразаковым [2002, с. 178–181] была сделана очередная попытка обосновать выделение нескольких типов памятников: кудыргинского (трупоположение на спине в каменных, деревянных, комбинированных ящиках, в мелких ямах под небольшими насыпями с кольцами, в некоторых случаях в сопровождении коня на перекрытии камеры или сбоку от нее), берельского (захоронения под округлыми насыпями в грунтовых могилах с лошадьми на материковых приступках, головами в восточном или западном направлении), балыктыюльского (погребения без лошадей в колодах, установленных в ямы с заплечиками) и кок-пашского (четырехугольные насыпи с могилами без коней). По мнению исследователя, кудыргинский тип являлся наиболее многочисленной разновидностью погребальных сооружений «гунно-сарматского» и раннетюркского времени [Суразаков, 2002, с. 181].

В начале XXI в. большая группа специалистов стала осуществлять детальный вещеведческий анализ накопленных материалов сяньбийско-жужанского времени. В кандидатской диссертации В.В. Горбунова [2000] и опубликованной по ее итогам первой части монографии «Военное дело населения Алтая в III–XIV вв.» [2003, с. 53, 90–91, 99–100] было убедительно показано определяющее влияние на развитие доспеха кочевников Алтая III–V вв. н.э. сяньбийской военной традиции, которое стало особенно

* Так, согласно таблице, приведенной в приложении рассматриваемой монографии, некрополи Верх-Уймон и Чендек, несмотря на отмечаемое для них типологическое сходство с Берелью, относятся в основном к более раннему хронологическому отрезку (I–II вв. н.э.). Имеются и другие несоответствия в фактическом материале, которые, к огромному сожалению, снижают достоверность выводов [Тишкин, 2007, с. 171–172].

сильным после создания в 359 г. н.э. Жужанского каганата, включившего в свой состав эти земли. В результате типологии железных панцирных пластин из могильников Кок-Паш, Чендек, Берель, Яломан-II исследователь аргументировал узкую датировку завершающего этапа булан-кобинской культуры в пределах 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э., а также наполнил конкретным археологическим содержанием исторический период с 460 по 552 г., демонстрирующий сложение на основе местного населения и пришлого племени Ашина новой, тюркской, этнокультурной общности [Горбунов, 2003, с. 4–5, 91, прил. I]. Данные наблюдения автор повторил в более поздних работах, в том числе в докторской диссертации [Горбунов, 2006а–б, 2007, 2013]. Рассмотрев погребальный обряд и сопроводительный инвентарь памятников Алтайской лесостепи «эпохи Великого переселения народов», В.В. Горбунов [2004, с. 94–95] подтвердил ранее высказанное в литературе мнение [Казаков, 1996] о том, что приникавшие в IV в. н.э. на равнину «булан-кобинцы» стали одним из этнических компонентов в генезисе одинцовской культуры 2-й половины IV – 1-й половины VIII в. н.э.

В работах Н.Н. Николаева [2000, 2001а–б] сделан вывод, что хуннуские реминисценции на уровне предметных комплексов не являются условием для отнесения памятников Алтая к периоду ранее рубежа новой эры. С учетом этого замечания начальный этап булан-кобинской культуры данный исследователь определил в рамках I–II вв. н.э., а памятники кок-пашского типа синхронизировал с могильником Кокэль, установив время их появления рубежом III–IV вв. н.э. Н.Н. Николаев поддержал мнение Ю.Т. Мамадакова о датировке ритуальных оградок могильника Булан-Кобы-IV, синхронизировав их с тувинскими ритуальными сооружениями памятника Хайыракан-II [Николаев, 2000, с. 72; 2001а, с. 20–21; 2001в, с. 208–210].

Хронологическое изучение сопроводительного инвентаря из погребений Алтая сяньбийско-жужанского времени было продолжено Ю.В. Тетериным. Результаты проведенной им классификации гривен, серег, оружия дальнего и ближнего боя, костяных трубочек (плетей) подводились под ранее предложенную им периодизацию, т.е. ко второму (I–III вв.) и третьему (III–VI вв.) этапам, с добавлением новых материалов [Тетерин, 2001, 2004, 2005, 2016]. Идею выделения только двух (берельского и кок-пашского) типов погребальных памятников археолог перенес на более широкий круг объектов [Тетерин, 2001, с. 111; 2004, с. 38].

Среди работ вещеведческой направленности первого десятилетия XXI в. стоит отметить серию публикаций С.В. Трифановой [2004а–б, 2005а–в], посвященных анализу различных элементов костюма племен Алтая «гунно-сарматского» времени. Ей удалось обобщить значительный корпус вещественных источников из некрополей II–V вв. н.э. (Айрыдаш-I, Чендек, Верх-Уймон, Курайка, Бике-I) в кандидатской диссертации [Трифанова, 2006а–б], сделав ценные выводы относительно хронологической атрибуции многих категорий украшений булан-кобинской культуры.

Новые вещественные материалы для изучения этнокультурных процессов на Алтае в сяньбийско-жужанское время были получены Ю.С. Худяковым [2002а–б, 2003; 2005б–в; 2014а–в] в результате раскопок курганного могильника Улуг-Чолтух-I на территории Северного Алтая. Данный некрополь исследователь датировал 2-й четвертью I тыс. н.э. и отнес к айрыдашскому типу памятников Средней Катуни III–V вв., указав на генетическую преемственность оставившего его населения с носителями булан-кобинской культуры позднехуннуского времени [Худяков, 2003, с. 508; 2005а, с. 23–26; 2014а, с. 142; Борисенко, Худяков, 2004, 2005]. В публикациях, посвященных характеристике сопроводительного инвентаря (луки, железные и костяные наконечники стрел, детали наборных поясов, металлические украшения) данного комплекса, археолог в очередной раз озвучил точку зрения о поликультурности кочевников рассматриваемой территории в 1-й половине I тыс. н.э. [Худяков, 2005а; 2014а–б; 2015; 2016; 2018]. Анализируя костяные наконечники стрел, Ю.С. Худяков [2014а, с. 151] обозначил возможность контактов кочевников Алтая с племенами Байкальского региона, в частности с носителями бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья. В целом, исследователь

отметил роль сяньбийской военной традиции в формировании комплекса вооружения дистанционного боя у населения региона в III–V вв. н.э. [Худяков, 2015, с. 118–119].

Дополнительный корпус археологических источников для изучения культуры кочевников Алтая в жужанское время получен в процессе раскопок поздней группы погребений памятника Яломан-II (Центральный Алтай) под руководством одного из авторов монографии [Тишкин, Горбунов, 2002а, 2003б; Тишкин, 2007; и др.]. При их анализе был реализован междисциплинарный подход. Он основывался на классификации и типологии обнаруженных массовых категорий предметов, радиоуглеродном и дендрохронологическом датировании полученных материалов, рентгенофлюоресцентном анализе изделий из цветных металлов, реконструкции комплекса вооружения и снаряжения верхового коня, изучении деревообработки и др. [Тишкин, 2006, 2007, 2011, 2017, 2018; Тишкин, Горбунов, 2007; Тишкин, Горбунова, 2005; Тишкин, Матренин, 2010, 2012, 2015; Тишкин, Мыльников, 2016; Матренин, Тишкин, 2016; Мыльников, Тишкин, 2016; и др.]. Радиоуглеродный анализ проб органических находок из курганов №29–33 продемонстрировал хронологические выкладки, соответствующие начальному этапу существования в Центральной Азии кочевой империи жужаней (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.). Данные показатели дополняет серия археологических вещей-хроноиндикторов: цурки с несомкнутой петлей, роговые подпружные пряжки с подвижным язычком, седла с жестким деревянным каркасом и другие изделия [Тишкин, 2007, с. 268, 269, 275–277].

Обобщение имеющегося в литературе опыта синхронизации археологических датировок памятников Южной Сибири и сведений письменных источников с учетом новых данных позволило А.А. Тишкину и В.В. Горбунову [2002б; 2005] разработать единую культурно-хронологическую схему изучения истории кочевников Алтая поздней древности и средневековья с целью всесторонней характеристики развития региона. Основой для нее стала типология некоторых категорий сопроводительного инвентаря. Результатом такой работы стало выделение трех этапов булан-кобинской культуры: усть-эдиганского (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомского (II – 1-я половина IV в. н.э.), верх-уймонского (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.). Основные характеристики развитого и позднего этапов выглядят следующим образом. К бело-бомскому этапу относятся некрополи Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Карбан-I, Курайка, Балыктыюль, Тыткескень-VI, Бике-I, Аырыдаш-I, Улуг-Чолтух-I, Бийке, Кызыл, Сальдяр-II, Кокса и некоторые другие памятники. Погребальный обряд «булан-кобинцев» II – 1-й половины IV в. н.э. продолжает традиции, сложившиеся в хуннуское время, а в изготовлении отдельных категорий вещей имеет место ориентация на образцы материальной культуры сяньби. Указанный этап соотносится с поражением в 93 г. н.э. северных хунну в войне с сяньби, возвышением и упадком кочевой державы сяньби (235 г.) вплоть до образования Жужанского каганата (359 г.), включившего в свои владения земли Алтая. Перечисленные события способствовали инфильтрации отдельных групп номадов, подтверждением чего служат ранние памятники кок-пашского типа Юго-Восточного и, возможно, Южного Алтая. К верх-уймонскому этапу отнесены могильники Верх-Уймон, Чендек (центральная группа), Кок-Паш, Яломан-II (поздняя группа), Берель, Катанда-I, Дялян, Усть-Бийке-III. Данный этап синхронизируется с пребыванием горно-алтайских кочевников в политической зависимости от жужаней. Верхняя граница периода определяется переселением на Алтай в 460 г. племени Ашина, когда начинается трансформация булан-кобинской культуры в тюркскую. Предметный комплекс 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э. отличается усилением влияния позднесяньбийских традиций, а также формированием набора предметов (жесткие седла, колчаны-тубусы, цурки, роговые подпружные пряжки и др.), известного позднее с некоторыми изменениями у тюрок. В обряде захоронения принципиальных новаций не прослеживалось.

В кратком изложении разработанная периодизация булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени представлена в заключительной части моно-

графии «Комплекс археологических памятников в устье р. Бийке» [Тишкин, Горбунов, 2005], а в развернутом виде она оформлена в докторской диссертации А.А. Тишкина [2006] и в последующих научных трудах, где были в том числе обозначены критерии разграничения поздних булан-кобинских и ранних тюркских памятников кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI в.), отмечена для них преемственность в некоторых элементах погребального обряда и в конкретных категориях сопроводительного инвентаря [Горбунов, 2006; Тишкин, 2007, 2010; и др.]. Отдельным аспектом исследований стало уточнение обоснования введения в лексикон понятия «хуннуско-сяньбийско-жужанское время», являющегося более адекватной альтернативой давно используемому, но не совсем корректному для истории Южной Сибири и Центральной Азии словосочетанию «гунно-сарматское время» [Тишкин, 2004; 2007, с. 163–164].

Определенный вклад в изучение этнокультурной истории населения Алтая сяньбийско-жужанского времени принадлежит другому соавтору монографии, реализовавшему комплексный анализ погребальной обрядности в публикациях и кандидатской диссертации [Матренин, 2002, 2003, 2004а, 2005а–д, 2008а и др.]. На основе корреляции этнодиагностирующих показателей (ориентация людей по сторонам горизонта, наличие/отсутствие сопроводительного захоронения лошади, размещение животного в могиле относительно человека, форма надмогильного сооружения) выделено несколько погребальных традиций булан-кобинской культуры, обозначив их как типологические группы (улуг-чолтухская, карбанская, яломанская, дялянская, айрыдашская, берельская, курайская, кок-пашская) [Матренин, 2005а, с. 16; Серегин, Матренин, 2016, с. 148–165]. Дальнейшие изыскания, проводившиеся часто совместно с авторами настоящей монографии, связаны с хронологической атрибуцией разных категорий предметных комплексов из памятников булан-кобинской культуры, прежде всего материалов могильников Яломан-II и Степушка-I [Матренин, 2011, 2012, 2013а–б, 2015, 2016, 2017, 2018а–в; Матренин, Тишкин, 2015, 2016а–б; Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014; Тишкин, Матренин, 2010, 2012, 2013а–б, 2014; Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, 2012а–б; и др.].

К сожалению, первое десятилетие XXI в. не отмечено большим вниманием к вопросам антропологического состава населения Алтая во II–V вв. н.э. Среди работ, имеющих отношение к рассматриваемой проблематике, стоит назвать только кандидатскую диссертацию Д.В. Позднякова [2004], в которой он в основном повторил свои прежние выводы относительно генезиса кочевников данного региона во II в. до н.э. – V в. н.э. Исследователь конкретизировал свидетельства участия в этногенезе тюрок Алтая местного населения пазырыкской и булан-кобинской культур, выявив сочетание в морфологическом облике тюрок Центрального Алтая в чистом или смешанном виде автохтонного и пришлого, центрально-азиатского расовых типов, полное соединение которых в один комплекс произошло не ранее VIII–IX вв. Проникновение на Алтай такого монголоидного типа, по его мнению, происходило двумя волнами: в конце III – начале II в. до н.э. в Южный Алтай, а в III–V вв. н.э. – в Восточный Алтай [Поздняков, 2004, с. 9, 15].

В завершение представленного историографического обзора отметим, что современный этап изучения культуры населения Алтая сяньбийско-жужанского времени по материалам погребальных памятников продолжается и требует применения комплексного подхода в осмыслении полученных результатов археологических раскопок, ориентацию исследований на реконструкцию системы жизнеобеспечения населения и этносоциальной структуры общества. Эффективность исследования обозначенных аспектов напрямую зависит от полноценного введения в научный оборот всего корпуса уже известных и новых археологических источников. Посильному решению этой задачи посвящен наш монографический труд.

ГЛАВА II

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАННОЙ ГРУППЫ СТЕПУШКА-I

В результате археологических работ, проведенных в 2010 г. на памятнике Степушка-I (рис. 2), исследованы 23 кургана и семь выкладок ритуального назначения. Ниже представлена развернутая характеристика археологических объектов, которые были вскрыты на всей площади размеченного раскопа (рис. 3). Как уже было отмечено во введении, это только восточная половина единого могильника [Кирюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011]. Западная часть исследована экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством В.И. Соенова. Эти результаты полностью опубликованы в монографии [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018], но будут учитываться в следующих главах при анализе всей совокупности полученных материалов единого комплекса, за которым следует закрепить обозначение Степушка. В связи со строительством дороги археологические раскопки носили аварийный характер.

Курган №1 (рис. 4; 7–12). Объект размещался на северной оконечности террасы и представлял собой задернованную двухслойную насыпь диаметром 4 м, высотой 0,4 м, сложенную из рваных и окатанных камней (рис. 4; 7.-*1*; 8.-*1*). Основание насыпи располагалось на горизонте коричневой супеси. После снятия дернового слоя и зачистки внутри каменной наброски обнаружена кольцевая крепида овальной в плане формы размерами 2,5×2,1 м из рваных булыжников и галечника, ориентированная по длине с юга на север. В границах ее выявлен контур могильной ямы овальной формы, вытянутой длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Могильное пятно плохо фиксировалось на уровне древнего горизонта. У южного края могилы на уровне погребенной почвы найдены фрагменты неорнаментированного керамического сосуда (рис. 11.-*15*; 12.-*6*). Яма была вырыта в плотном аллювиальном грунте. Верхняя часть ее заполнения (до глубины 0,35 м от уровня погребенной почвы) состояла из коричневой супеси, а нижняя – из серой материковой супеси с включением мелкого галечника и оббитых булыжников. Торцевые стенки ямы были отвесные, а продольные наклонно сужались по мере возрастания глубины. Размеры выбранной ямы в придонной части составили 1,75×1,05 м. Глубина от уровня древнего горизонта – 0,55 м. В могиле расчищено непотревоженное погребение мужчины 20–23 лет, совершенное по обряду одиночной ингумации*. Умерший человек лежал на спине с выпрямленными нижними и верхними конечностями, головой ориентирован на восток–северо-восток. Стены могилы оказались обложены рваными камнями. Несколько сланцевых плит перекрывали часть грудной клетки, левую руку, левое крыло таза, левое бедро, правую берцовую кость (рис. 8.-*2*; 9; 10.-*1*). Череп покойного неестественным образом «стоял» на основании. Правая кисть была отделена (отрублена?) от предплечья и размещалась в районе локтевого сустава. В большой берцовой кости левой ноги молодого мужчины торчал застрявший железный наконечник стрелы с погнутым черешком (рис. 10; 11.-*11*). В погребении найден немногочисленный сопроводительный инвентарь. С левой стороны

* Половозрастные определения умерших людей выполнены к.и.н., заведующей кабинетом антропологии исторического факультета АлтГУ С.С. Тур.

от скелета человека располагался сложносоставной лук, оснащенный роговыми накладками: двумя парами концевых верхних и нижних боковых, тремя срединными боковыми и одной срединной фронтальной (рис. 11.-*1–10*; 12.-*1–5*). Судя по расстоянию между концевыми накладками, длина лука с опущенной тетивой составляла не менее 1,35–1,4 м. С внутренней стороны правой плечевой кости лежал роговой (костяной?) наконечник стрелы (рис. 11.-*13*). Под правым крылом таза зафиксированы железный нож и обломок железного изделия (рис. 11.-*12, 14*). Рядом с правым плечом и у головы, скорее всего, на деревянном блюде, которое не сохранилось, лежали остатки ритуальной мясной пищи (рис. 9). Об этом свидетельствуют обнаруженные кости овцы. В результате контрольного перекопа никаких находок не обнаружено.

Курган №1а (рис. 4; 13; 14). Объект вплотную примыкал к южной поле кургана №1 (рис. 4). Он имел двухслойную каменную насыпь диаметром 2 м, высотой 0,2 м со слабо выраженной крепидой округлой в плане формы (рис. 7.-*2*; 14.-*1*). Основание насыпи находилось на слое коричневой супеси. Под насыпью зафиксирована яма овальной формы длиной 1,85 м, шириной 1,2 см, вытянутая длинной осью с запада на восток. Она была вырыта в древнем горизонте и материке, представленном соответственно коричневой слабо гумусированной супесью и серой супесью с большим содержанием гальки. В заполнении ямы встречалось много рваных камней. В результате выборки грунта оказалось, что яма имела наклонные ко дну продольные стенки, а в глубину она достигала 0,4 м от уровня древнего горизонта. Могила не содержала захоронения человека (рис. 13.-*1*; 14.-*2*). Тем не менее у восточного края ямы на отметке –0,4 м от погребенной почвы обнаружены три железных трехлопастных наконечника стрел плохой сохранности (рис. 13.-*2–4*). В ходе контрольного перекопа другого археологического материала не зафиксировано.

Курган №2 (рис. 4; 15–17; 23.-*1–4, 7*) отстоял на 0,3 м к юго-западу от кургана №1, обозначая с севера цепочку погребальных сооружений №2–4, 7–8 (рис. 4). Объект имел сильно задернованную уплощенную каменную наброску овальной в плане формы размерами 4,1×3,2 м, высотой 0,3 м от уровня древнего горизонта, ориентированную по длине с запада на восток (рис. 15.-*1*). В основании насыпи находилась овальная крепида размерами 2,9×2,5 м, сложенная из крупных рваных камней и валунов, вытянутая длинной осью в широтном направлении (рис. 16.-*1*). В пределах данной выкладки располагалась могильная яма, длинная ось которой соответствовала линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 16.-*2*). Контур могилы имел нечеткие очертания, что являлось результатом ограбления погребения, произошедшего в древности. Заполнение могилы состояло из мешаной черной супеси с просевшими камнями насыпи в верхнем ярусе и серой супеси с включением гравия и крупного галечника в придонной части. Параметры выбранной могилы на уровне дна выглядели следующим образом: длина – 1,75 м, ширина – 1 м, глубина – 0,45 м. В яме обнаружен разрушенный ящик из сланцевых плит высотой 0,24–0,3 м, в котором были зачищены фрагменты скелета мужчины 40–45 лет (рис. 15.-*2*; 16.-*3*; 17.-*1, 2*). Судя по сохранившимся *in situ* костям, умерший лежал вытянуто на спине и головой был обращен на восток–северо-восток. С левой стороны от человека размещался сложносоставной лук, оснащенный роговыми накладками. Среди них фрагментарно сохранились концевая боковая нижняя, срединные боковая и фронтальная накладки (рис. 17.-*4, 5*; 23.-*1–3*). В ногах покойного обнаружены железный наконечник стрелы и костяная застежка (рис. 17.-*3, 6*; 23.-*4, 7*). При контрольном перекопе археологический материал не встречен.

Выкладка №2а. В 1,8 м к югу от кургана №1а выявлено несколько плоских камней, образовавших однослойную выкладку овальных очертаний длиной с северо-запада на юго-восток 1,1 м, шириной с юго-запада на северо-восток 0,7 м и максимальной высотой 0,07 м (рис. 4; 7.-*3*; 14.-*1*). При разборке камней и контрольном перекопе грунта каких-либо вещей и остатков ритуальных действий не прослежено. Древний горизонт представлен коричневой супесью, под которым шла материковая супесь серого цвета.

Выкладка №2б зафиксирована в 0,55 м на северо-восток от предыдущей выкладки (рис. 4). Представляла собой однослойное сооружение овальной формы из плоских рваных камней, вытянутое длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Длина выкладки с северо-запада на юго-восток составила 1,12 м, а ширина с юго-запада на северо-восток – 0,87 м. Высота выкладки от уровня древнего горизонта не превышала 0,1 м (рис. 7.-*3*; 14.-*1*). При разборке выкладки и контрольном перекопе грунта археологический материал не зафиксирован.

Курган №3 (рис. 4; 18–19). Объект вплотную примыкал с южной стороны к кургану №2, смыкаясь с ним полами (рис. 4). Он представлял собой сильно задернованную плоскую насыпь диаметром 4 м, высотой 0,4 м, сложенную в два слоя из рваных и окатанных камней разного размера с незначительным включением коричневой супеси (рис. 18.-*1*; 19.-*1*). При разборке наброски зафиксирована овальная крепида размерами 2,5×1,1 м, ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В границах выкладки располагалась могильная яма вытянуто-трапециевидной формы, ориентированная продольными стенками с северо-запада на юго-восток. Длина могилы составляла 2 м, ширина по восточной стенке – 0,7 м, по западной стенке – 0,5 м, глубина от уровня древнего горизонта – 0,2 м. Все стенки ямы прямые и отвесные. У торцевых стенок, а также у южной длинной стенки размещались вертикально поставленные сланцевые плиты высотой 0,23 м, которые имитировали каменный ящик без перекрытия. Внутри этой погребальной камеры на земляном дне расчищено непотревоженное захоронение молодого мужчины 25–30 лет, уложенного вытянуто на спину, головой ориентированного на восток–северо-восток (рис. 18.-*2*; 19.-*2*). Руки человека были слегка согнуты в локтях и кистями покоились на тазовых костях. У скелета отсутствовали обе стопы, что обусловлено какой-то преднамеренной манипуляцией с трупом. Сопроводительный инвентарь включал два железных и один костяной наконечники стрел, обнаруженные на правом крыле таза (рис. 18.-*3–5*). При контрольном перекопе ничего не найдено.

Курган №4 (рис. 4; 20–22; 23.-*5–6, 8–9*). Объект располагался к югу от предыдущего кургана (рис. 4). Уплощенная насыпь диаметром 3 м, высотой 0,4 м была возведена из рваных и окатанных камней в один-два слоя с включением темно-коричневой супеси (рис. 20.-*1*). При разборке наземной конструкции выявлена овальная крепида размерами 2,9×1,5 м, ориентированная длинной осью с запада на восток. В границах данной выкладки размещалась могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами, вытянутая в широтном направлении с небольшим отклонением к северу (рис. 21.-*1, 2*). Ее заполнение состояло из мешаной коричневой и серой материковой супеси. Размеры могилы оказались следующими: длина – 2 м, ширина – 0,6 м, глубина – 0,3 м. Стенки ямы отвесные, прямые. Внутримогильные конструкции отсутствовали. На земляном дне расчищено непотревоженное одиночное захоронение мужчины в возрасте около 50 лет, уложенного вытянуто на спину, головой ориентированного на восток. Кисти рук человека размещались на тазовых костях (рис. 20.-*2*; 22.-*1, 2*). Погребальный инвентарь представлен немногочисленными изделиями. С внешней стороны правой бедренной кости в проекции верхнего эпифиза обнаружены железный наконечник стрелы (рис. 22.-*3*; 23.-*9*) и железный «блок» со щитком (рис. 23.-*6*). С внутренней стороны правой бедренной кости найден железный нож (рис. 22.-*4*; 23.-*5*). В области таза зафиксировано железное «кольцо-блок» (рис. 23.-*8*). При контрольном перекопе археологический материал не выявлен.

Курган №5 (рис. 4; 24–34). Объект находился в 1 м к юго-востоку от кургана №1 (рис. 4). Он представлял собой конструкцию в виде округлой многослойной полусферической насыпи диаметром 4,5 м, высотой 0,5 м, сложенной преимущественно из рваных камней (рис. 24.-*1*; 27.-*1*). При разборке сооружения обнаружена крепида овальной формы размерами 3,1×2,2 м, ориентированная продольной осью с запада на восток (рис. 27.-*2*). В границах выкладки находилась могильная яма, пятно которой не выделялось на уровне древнего горизонта. Точные ее параметры удалось установить

в процессе выборки внутреннего пространства крепиды, состоявшего из коричневой и материковой серой супеси с большим содержанием галечника. Могила имела форму овала (длиной 3,1 м, шириной 1,3 м), вытянутого продольной осью по линии З–В. В северо-западной части ямы на глубине 0,61 м находилась каменная глыба материкового происхождения. На отметках от –0,95 до –1,03 м располагалось захоронение верхового коня, уложенного на правый бок с подогнутыми ногами, головой ориентированного на восток. Голова животного покоилась на каменной плите (рис. 25; 27.-*3*). В челюстях лошади были зажаты железные удила, оснащенные роговыми двудырчатыми псалиями, которые сохранились не полностью (рис. 32.-*1, 3, 4*; 34.-*7, 8, 10*). В проекции поясничного отдела позвоночника найдена железная пряжка с утраченным язычком (рис. 32.-*2*; 34.-*9*). В южной стенке могилы во всю ее длину был зафиксирован подбой, шириной в пределах 0,6 м. Он начинался с глубины 0,5 м от погребенной почвы и шел до отметок от –1,02 до – 1,08 м, что было почти на 0,1 м ниже уровня дна входной части ямы (рис. 24.-*2*). В этой нише расчищены остатки погребальной камеры в виде деревянного ящика с перекрытием очень плохой сохранности. В границах древесного тлена находилось непотревоженное захоронение обезглавленного мужчины 25–35 лет. Он был уложен на спину со слегка согнутыми в коленях ногами и ориентирован в восточный сектор. Руки покойного оказались сильно согнуты в локтях и сходились ниже груди (рис. 26; 28.-*1*). В расположении костей грудной клетки и соответствующего отдела позвоночника фиксировались нарушения анатомической целостности. Фаланги правой кисти сложены под углом к предплечью. С левой стороны от умершего располагался сложносоставной лук, снабженный шестью роговыми накладками: верхними и нижними концевыми боковыми и срединными боковыми (рис. 30; 33). Расстояние между головками концевых накладок на верхнее и нижнее плечо кибити составляло около 1,4 м. С внешней стороны коленного сустава левой ноги лежали шесть железных наконечников стрел, обращенных остриями вниз (рис. 31.-*1–6*; 34.-*1–6*). Они находились, по-видимому, в кожаном колчане, от которого сохранился тлен, длиной около 0,67 м. В проекции верхней части колчана, в 0,17 м справа от тазовых костей человека, найден железный крюк с поперечной планкой на язычке, являвшийся застежкой стрелкового пояса (рис. 28.-*2*; 29.-*4*). Он размещался язычком вниз с небольшим отклонением в правую сторону. В 0,13 см ниже крюка располагался железный предмет, напоминающий петлю (рис. 28.-*7*; 29.-*3*). На грудной клетке человека лежал железный боевой нож длиной 38,7 см, ориентированный острием в сторону ног покойного (рис. 28.-*9*). Рядом с ним зафиксированы железные детали крепления ножен: фрагменты окантовки устья в виде обоймы, бортик из двух пластин-накладок, витое восьмерковидное звено цепочки (рис. 29.-*1, 2*). На нижней трети клинка перпендикулярно ему находилась железная подвижно-язычковая пряжка с Т-образной рамкой и длинным щитком, которая служила для застегивания свисавшего вниз портупейного ремешка (рис. 28.-*8*; 29.-*5*). В районе «живота» человека выявлены железные детали основного пояса (рис. 28.-*3–6*; 31.-*7–10;* 130.-*1*): пряжка с подвижным язычком и пластинчатым щитком (обнаружена у верхнего края левого крыла таза), три бляхи-полуобоймы с кольцами (найдены внизу грудной клетки, под грудным позвонком и рядом с тазом). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Курган №5а вплотную примыкал с севера к предыдущему объекту, образуя с ним сплошной каменный «панцирь» (рис. 4; 24.-*1, 3*). Его диаметр составлял 1,28–1,35 м, максимальная высота 0,15 м. В пределах каменной наброски с кольцом-крепидой обнаружена овальная яма длиной 0,9 м, шириной 0,4 м, вытянутая по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 35.-*2*; 36.-*1, 2*). Контур ямы определялся особенностями материкового грунта, в котором попадалось много крупных камней. По этой причине могила имела неровные, сужавшиеся ко дну стенки. На отметке –0,5 м от древнего горизонта исследовано захоронение ребенка 5–6 лет, уложенного на спину с согнутыми в коленях ногами на правую сторону, головой ориентированного на запад–северо-запад (рис. 35.-*2*; 36.-*3*). Голова ребенка была сильно наклонена вперед. Руки располагались вдоль туловища.

Кисть левой руки покоилась на костях таза. Отмеченные особенности позы умершего были обусловлены размерами погребальной ямы: ребенка просто втиснули в могилу, которая явно была меньше, чем его рост. Возле правого локтя погребенного найден фрагмент плоскодонного керамического сосуда без орнамента (рис. 32.-*5*; 36.-*4*). При контрольном перекопе ничего не обнаружено.

Выкладка №5б соприкасалась юго-восточным краем с курганом №5 (рис. 4; 24.-*1*). После разборки насыпи зафиксировано овальное кольцо размерами 1,8×1,5 м, высотой 0,3 м, возведенное из небольших камней. Могильная яма отсутствовала. При контрольном перекопе следов захоронения и археологического материала не найдено (рис. 24.-*3*; 35.-*1*).

Курган №6 (рис. 4; 37–42). Объект находился в 0,3 м к юго-западу от кургана №5 и входил в цепочку с сооружениями №1 и 1а (рис. 4). Он имел плоскую насыпь диаметром 3,5 м, высотой 0,3 м, сложенную из рваных и окатанных камней в два-три слоя вперемежку с коричневой гумусированной супесью. С восточной стороны кургана на расстоянии 0,2 м зафиксирован вертикально вкопанный камень-«столбик» небольшого размера, высотой от уровня древнего горизонта 0,16 м (рис. 37.-*1*; 38.-*1*). Внутри наброски прослежена разрушенная крепида диаметром 2,8 м из крупных рваных камней, не образовывавших целую окружность (рис. 37.-*2*; 38.-*2*). Под насыпью в границах каменной выкладки располагалась могильная яма, вырытая в слое коричневой и серой материковой супеси, не фиксировавшаяся на фоне погребенной почвы. В процессе выборки было установлено, что могила имела форму прямоугольника с округлыми углами, вытянутого продольной осью с запада на восток. Ее длина составляла 1,65 м, ширина – 0,7 м, глубина – 0,4 м. Яма имела прямые стенки. У восточной стенки размещалась вертикально установленная каменная плита размерами 0,51×0,1 м, высотой 0,35 м. На грунтовом дне расчищено непотревоженное одиночное захоронение подростка 12,5–13,5 лет, уложенного на спину, головой на восток (рис. 37.-*2*; 39.-*1*). Фиксировалось разное положение конечностей умершего: левая нога была вытянута, правая слегка согнута в колене, правая рука немного отведена в сторону и вытянута вдоль туловища, левая была сильно согнута в локте и уложена на живот. Левое плечо приподнято и прислонено к нижней челюсти. На теменной части черепа идентифицированы следы смертельной травмы, нанесенной предметом ограниченной площади и с линзовидным абрисом (кинжалом?). Сохранность большинства костей посткраниального скелета плохая, что обусловлено небольшой глубиной захоронения.

Обнаруженный в погребении сопроводительный инвентарь включал следующие категории предметов. На скелете подростка лежал сложносоставной лук, от которого сохранилось шесть роговых накладок: пара верхних и нижних концевых боковых и две срединные боковые (рис. 41; 42). Расстояние между головками концевых накладок составило 1,2 м. На костях таза найден костяной наконечник стрелы килевидной формы с втульчатым насадом, обращенный острием влево (рис. 39.-*11*; 40.-*1*). Еще один костяной наконечник встречен при разборке скелета также в районе таза (рис. 39.-*10*; 40.-*2*). Справа от таза обнаружен железный наконечник стрелы плохой сохранности, обращенный острием вверх (рис. 40.-*3*). В 3 см выше левого крыла таза выявлен обломок железного коротколезвийного ножа, ориентированного перпендикулярно позвоночнику (рис. 39.-*9*; 40.-*4*). Между бедренных костей найден железный колчанный крюк-застежка стрелкового пояса, обращенный язычком вниз с поворотом влево (рис. 39.-*12*; 40.-*5*). В области таза расчищены железные детали наборного пояса (рис. 130.-*2*): под правым предплечьем – пряжка с подвижным язычком и пластинчатым щитком (рис. 39.-*2*; 40.-*6*), у поясных позвонков и на правом крыле таза – шесть блях-полуобойм с целыми и утраченными кольцами (рис. 39.-*3–8*; 40.-*8–13*), на поясничном позвонке – бляха из прямой пластины с неподвижным кольцом (рис. 40.-*7*). При контрольном перекопе археологический материал не зафиксирован.

Курган №7 (рис. 4; 43–48). Объект соприкасался с южной полой насыпи кургана №4 (рис. 4). Он являлся одним из самых крупных на территории некрополя назем-

ных сооружений в виде мощной многослойной полусферической каменной насыпи диаметром 5,2 м, высотой 0,5 м (рис. 43.-*1*; 44.-*1*). В основании данной конструкции находилась выкладка-крепида размерами 4×3 м из крупных булыжников, ориентированная длинной осью в широтном направлении с незначительным отклонением к северу (рис. 43.-*2*; 44.-*2*). В границах кольца располагалась могильная яма длиной 2,1 м, шириной 1,1 м, вытянутая своей продольной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Визуально она хорошо фиксировалась на уровне древнего горизонта по провалившимся камням (рис. 44.-*3*). Заполнение могилы состояло из мешаной гумусированной супеси коричневого цвета и материкового грунта в виде серой аллювиальной супеси с включением мелкого галечника. Стенки ямы отвесные. Внутримогильные конструкции отсутствовали. На грунтовом дне (показатель глубины от погребенной почвы –0,65 м) расчищено непотревоженное погребение мужчины 17 лет в сопровождении верхового коня (рис. 43.-*2*; 45.-*1*).

Костяк лошади занимал северную половину могилы. Животное лежало на животе с подогнутыми конечностями, прямой шеей, головой ориентировано на восток–северо-восток. На скелете зафиксированы предметы конского снаряжения: в челюстях – железные удила (рис. 46.-*7*), на задней ноге – железная пряжка с подвижным язычком, по-видимому, для закрепления подпружного ремня (рис. 45.-*14*; 46.-*8*). Погребение человека располагалось в южной части ямы на одной глубине с лошадью. Умерший покоился вытянуто на спине, головой на восток–северо-восток. Его левая рука была согнута в локте почти под прямым углом. С юношей обнаружен следующий сопроводительный инвентарь. У затылка найдена бронзовая обойма-обкладка накосника (рис. 45.-*12*; 48.-*12*), а с левой стороны от скелета – сложносоставной лук с шестью сохранившимися роговыми накладками (две пары концевых боковых нижних и верхних, одна срединная боковая, срединная тыльная) (рис. 46.-*1–6*; 47). Расстояние между головками концевых накладок составляло 1,5 м. Рядом с верхними концевыми накладками лежали шесть железных наконечников стрел плохой сохранности, среди них находились два экземпляра с костяными (роговыми) свистунками (рис. 45.-*4–10*; 48.-*1–6*). Все проникатели были обращены остриями вверх. В области живота размещалась железная пряжка с подвижным язычком и пластинчатым щитком (рис. 45.-*13*; 48.-*7*). У правого крыла таза лежал железный коротколезвийный нож, обращенный острием вниз (рис. 45.-*3*; 48.-*9*). В области пояса, практически перпендикулярно позвоночнику, находился боевой нож хорошей сохранности, направленный острием на правую сторону (рис. 45.-*2*; 48.-*10*). С внутренней стороны правой бедренной кости зафиксированы два костяных наконечника стрел, направленных остриями к голове покойного (рис. 45.-*11*; 48.-*8, 11*). При контрольном перекопе археологический материал не найден.

Курган №8 (рис. 4; 49–54). Объект располагался в 1,5 м к югу от предыдущего кургана (рис. 4). Он имел овальную насыпь размерами 4,5×3 м, высотой 0,4 м, возведенную преимущественно из рваных камней с добавлением коричневой супеси. Юго-восточный край наброски разрушен строительной техникой (рис. 49.-*1, 2*). Насыпь оконтуривала овальная крепида длиной 3,2 м, шириной 2 м, ориентированная продольной осью строго в широтном направлении. В пределах выкладки обнаружена могильная яма прямоугольной формы размерами 1,9×0,6 м, вытянутая с запада на восток (рис. 51.-*1*). Она была вырыта в основном в толще коричневой супеси и имела ровные отвесные стенки. На материковом дне (серая аллювиальная супесь), находившемся на отметке –0,28 м от уровня древнего горизонта, располагался ящик из отдельных каменных плит, вертикально установленных у торцов и вдоль длинной (северной) стенки. Внутри этой погребальной камеры расчищено одиночное захоронение мужчины 27–28 лет, уложенного вытянуто на спину, головой на восток. Правая рука покойного была вытянута вдоль туловища, а левая согнута в локте и уложена на живот. Голова повернута к правому плечу. Правая нога чуть согнута в колене, левая прямая. У обеих нижних конечностей отсутствовали ступни (рис. 50; 51.-*2, 3*). Часть

костей скелета смещена со своих анатомических мест, что являлось результатом естественного разложения мягких тканей. С человеком обнаружен сложносоставной лук с семью роговыми накладками: двумя парами концевых боковых, двумя срединными боковыми и одной срединной тыльной (рис. 52; 54.-*1–7*). Лук лежал сверху покойного таким образом, что его верхний конец перекрывал правую плечевую кость, а нижний – левую берцовую кость. Срединные боковые накладки размещались между бедренными костями. Срединная тыльная накладка лежала на тазовых костях. Возле правого бедра с внешней стороны обнаружены два железных и три костяных наконечника стрел (рис. 53.-*1, 2, 7–9*; 54.-*8, 10, 11, 13, 14*). Еще один костяной наконечник стрелы выявлен с внешней стороны левого бедра (рис. 53.-*6*; 54.-*9*). На левом крыле таза обнаружен железный коротколезвийный нож, ориентированный острием почти перпендикулярно позвоночнику (рис. 53.-*3*). Возле эпифиза правой бедреной кости зафиксирован железный кольцевидный блок (рис. 53.-*4*; 54.-*15*). Между срединными боковыми накладками и левым бедром найдена костяная трубочка (рис. 53.-*5*; 54.-*12*). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Курган №9 (рис. 4; 55–57; 59–60) находился в 0,1 м к юго-востоку от кургана №6 и примыкал к восточному краю насыпи кургана №7. Данный объект входил в цепочку сооружений, которую с юга замыкал курган №11 (рис. 4). Курган №9 имел уплощенную насыпь диаметром 3,5 м, высотой 0,35 м преимущественно из рваных камней, уложенных в один-три слоя (рис. 55.-*1, 2*; 56.-*1*). Внутри наброски обнаружена овальная крепида размерами 3,2×2,1 м, вытянутая продольной осью строго в широтном направлении (З–В). В ее границах располагалась могильная яма, вырытая в слое коричневой и серой материковой супеси, не фиксировавшаяся на фоне погребенной почвы (рис. 56.-*3*). Она имела прямоугольную форму, отвесные стенки, строго широтную ориентацию продольной оси. Ее длина составляла 2,1 м, ширина – 0,7 м, глубина – 0,34 м. У восточной стенки могилы находилась вертикально установленная каменная плита. На грунтовом дне расчищено непотревоженное захоронение мужчины 35–40 лет. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на восток. Руки покойного располагались прямо, кисти были положены на тазовые кости (рис. 57; 59.-*1*). На скелете зафиксировано большое количество углей. По-видимому, в момент похорон труп человека обильно посыпали еще тлеющими остатками костра. В погребении найден следующий сопроводительный инвентарь. Сверху человека лежал сложносоставной лук, от которого сохранились только мелкие фрагменты роговых накладок (рис. 60.-*1–8*). Концевые накладки располагались ниже ребер покойного, а срединные – между бедренных костей. На грудной клетке зафиксированы железные детали наборного пояса: под локтем правой руки – пряжка с подвижным язычком и пластинчатым щитком (рис. 59.-*5*; 60.-*10*), на ребрах – три бляхи-полуобоймы с кольцами (рис. 59.-*6–8*; 60.-*11–13*), рядом с левой ключицей – распределитель ремня с пластинчатым щитком (рис. 59.-*9*; 60.-*15*). На правом крыле таза, рядом с предплечьем, лежал железный наконечник стрелы, обращенный острием в сторону головы человека (рис. 59.-*3*; 60.-*9*). У эпифиза левой бедренной кости обнаружен железный коротколезвийный нож плохой сохранности (рис. 59.-*4*; 60.-*14*). При контрольном перекопе археологический материал не найден.

Курган №10 (рис. 4; 55–56; 58–59). Объект примыкал с юга к насыпи кургана №9, образуя с ним единый каменный панцирь (рис. 4). Он представлял собой уплощенную насыпь овальных очертаний размерами 3,5×2 м, высотой до 0,35 м из рваных камней, размещавшихся в один-три слоя (рис. 55.-*1, 2*; 56.-*2*). При зачистке насыпи найден фрагмент венчика неорнаментированного керамического сосуда (рис. 59.-*10*; 60.-*16*). Внутри наброски выявлена овальная крепида размерами 3,2×2,1 м, возведенная из крупных рваных плит и булыжников, уложенных плашмя или поставленных на ребро. Длинной стороной данная конструкция была вытянута с запада на восток. В пределах выкладки располагалась могильная яма, пятно которой плохо фиксировалось на уровне древнего горизонта. В результате выборки грунта в границах всего

внутреннего пространства крепиды установлено, что могила имела прямоугольную форму, прямые отвесные стенки, ориентацию продольной осью по линии З–В. Длина ямы составляла 1,65 м, ширина – 0,5 м, глубина – 0,27 м. Заполнение представляло собой коричневую гумусированную супесь. У торцевых стенок могилы стояли вертикально установленные каменные плиты, имитировавшие погребальную камеру в виде ящика. На каменистом дне расчищено непотревоженное захоронение молодого человека 14–18 лет – вытянуто на спине, головой ориентированного на восток (рис. 58; 59.-*2*). Правая рука покойного слабо согнута в локте, левая располагалась прямо. Обе кисти были сложены на тазе (рис. 40). Большинство костей скелета очень плохой сохранности, что обусловлено небольшой глубиной погребения. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. В процессе контрольного перекопа археологический материал не зафиксирован.

Курган №11 (рис. 4; 61–67). Объект находился к юго-западу от кургана №10, почти вплотную с ним (рис. 4). Он представлял собой плоскую наброску овальной формы размерами 3,5×2,5 м, высотой 0,3 м из плотно уложенных рваных камней в три слоя. Юго-западный сектор насыпи уничтожен тяжелой дорожной техникой (рис. 61.-*1*; 63.-*1*). В основании насыпи располагалась овальная крепида размерами 3,4×1,8 м, ориентированная длинной стороной с запада на восток. Заключенная внутри нее могила прямоугольной формы (длиной 2,1 м, максимальной шириной в средней части 0,5 м) имела широтную направленность продольной оси. Яма была вырыта в слое коричневой супеси и фиксировалась на уровне древнего горизонта по просаду насыпи и выступавшим на поверхности каменным плитам внутримогильной конструкции (рис. 61.-*2*; 63.-*2*). Борта ямы отвесные и прямые. У торцевых стенок могилы размещались вертикально установленные каменные плиты, имитировавшие ящик трапециевидной формы. Параметры внутреннего пространства данной камеры оказались такими: длина 1,95 м, ширина 0,5 м (у восточной стенки) и 0,35 м (у западной). На дне ямы, залегавшем на отметке –0,4 м от уровня погребенной почвы, расчищено одиночное захоронение женщины в возрасте около 40 лет. Умершая лежала вытянуто на спине, головой на восток. Правая ее рука располагалась прямо, а левая была немного согнута в локте и покоилась кистью на тазе (рис. 62; 63.-*3, 4*). В погребении обнаружен разнообразный сопроводительный инвентарь. Справа у головы, в области темени, найдена бронзовая «накосник-заколка» в виде согнутой пластины с отверстиями на противоположных концах (рис. 64.-*1*; 67.-*1*). На расстоянии 0,2–0,25 м от головы, возле торцевой стенки каменного ящика, зафиксированы два скопления бронзовых украшений. В их состав входили семь накосников из согнутых в дугу пластин прямоугольной и ромбической формы, а также две плоские и подромбические бляхи-подвески (рис. 65.-*1–9*; 66.-*4–13*). Почти по центру грудной клетки лежала крупная круглая бляха из цветного металла с выступом и сквозным отверстием в центре (рис. 64.-*2*; 66.-*1*). Предмет был обращен лицевой (выпуклой) частью корпуса вниз. На тыльной (вогнутой) стороне бляхи сохранились фрагменты кожи (рис. 64.-*3*). Рядом с ней найдено изделие, состоящее из монолитной железной основы и накладывающегося сверху бронзового «диска-шайбы» (рис. 65.-*11*; 67.-*4*). У правого плеча располагалась еще одна крупная бляха с выступом и отверстием в центре (рис. 64.-*4*; 66.-*2*). Данный предмет зафиксирован стоявшим на ребре. У левого плеча находилась ромбовидная бляха-подвеска (рис. 65.-*10*; 66.-*3*). В такой же проекции, но у правого плеча, рядом с крупной бляхой, обнаружена небольшая круглая бляха-нашивка с полусферическим выступом в центре и плоскими полями, имеющими декоративное оформление (рис. 65.-*12*; 66.-*15*). Аналогичное бронзовое изделие выявлено в 0,25 м к западу от одного из скоплений накосных украшений (рис. 65.-*13*; 66.-*14*). В области пояса на левом крыле таза найдена железная пряжка с подвижным язычком и сломанным щитком (рис. 65.-*15*; 67.-*2*). На расстоянии 8 см от нее располагался железный нож (рис. 65.-*14*; 67.-*3*). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Выкладка №12 находилась в 2,7 м к востоку–юго-востоку от предыдущего кургана (рис. 4). Это однослойная наброска диаметром 2,5 м, высотой 0,25 м, сложен-

ная преимущественно из рваных булыжников (рис. 68.-*1, 2*). Под камнями, на уровне древнего горизонта, найдены два железных наконечника стрел (рис. 68.-*3, 4*). Могильная яма отсутствовала. В контрольном перекопе археологический материал не зафиксирован.

Курган №13 (рис. 4; 69–78). Объект прилегал с востока–юго-востока к насыпи кургана №10 (рис. 4). Он имел уплощенную насыпь размерами 3,6×2,1 м, высотой 0,4 м из рваных камней и коричневой супеси (рис. 69.-*1, 2*; 71.-*1*). При ее разборке выявлена крепида овальной формы длиной 3,6 м, шириной 1,9 м, ориентированная продольной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 71.-*2*). В границах данной выкладки располагалась могильная яма, вырытая в слое коричневой и серой материковой супеси. Ее контур отчетливо фиксировался на уровне древнего горизонта по просаду камней насыпи. Яма имела прямоугольную форму и была вытянута длинной осью по направлению ЗСЗ–ВЮВ. В результате выборки заполнения выяснилось, что длина могилы составляла 2,1 м, ширина – 0,6 м, глубина – 0,65 м. Яма имела прямые и отвесные борта. У торцевых стенок располагались вертикально установленные каменные плиты. Аналогичная плита стояла у южной продольной стенки. На грунтовом дне расчищено непотревоженное захоронение пожилого мужчины в возрасте около 50 лет. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на восток–юго-восток (рис. 70; 72.-*1, 2*). Левая рука покойного размещалась вдоль туловища, правая была согнута в локте под прямым углом, а кисть уложена на таз. Голова человека наклонена к правому плечу. Слева от нее лежали позвонки овцы, являвшиеся остатками ритуальной мясной пищи.

Сопроводительный инвентарь включал разнообразные категории предметов. С левой стороны от человека находился сложносоставной лук, от которого сохранились пара концевых верхних (в 5 см за головой), две срединные боковые и срединная тыльная (в 12 см от руки) роговые накладки (рис. 73.-*1–5*; 76.-*1–5*). В 8 см выше левой плечевой кости лежали два железных наконечника стрел, обращенных остриями к южной стенке могилы (рис. 73.-*6, 7*; 76.-*6, 7*), а рядом с ними – железное тесло (рис. 74.-*1*; 78.-*11*). В проекции живота расчищены металлические детали гарнитуры наборного пояса (рис. 75; 77; 130.-*3*): под правым предплечьем – железная пряжка с подвижным язычком и пластинчатым щитком (рис. 75.-*1*), возле нее фрагмент бронзового кольца (рис. 75.-*6*) и бронзовая бляха-накладка «секировидной» формы с кольцом (рис. 75.-*2*), в верхней части правого крыла таза, возле правого предплечья, под ребрами и позвоночником, а также рядом с предплечьем левой руки – 11 железных и одна бронзовая бляхи-накладки из прямых и слегка согнутых вытянуто-прямоугольных пластин (рис. 75.-*4–17*), бронзовая бляха-полуобойма вытянуто-прямоугольной формы с остатками кожаного ремня (рис. 75.-*18*), шесть железных блях-накладок из прямых пластин с прямоугольным, трапециевидным и шестиугольным абрисом (рис. 75.-*19–24*), около верхнего эпифиза левой бедренной кости – бронзовые бляхи-накладки из прямой пластины прямоугольной и вытянуто-овальной формы (рис. 75.-*3, 5*). Под левым предплечьем зафиксирован железный боевой нож плохой сохранности в ножнах, от которых сохранилась железная «П-образная» накладка, четыре железных кольца с пластинами-полуобоймами и без них (рис. 74.-*2–6*; 78.-*3, 5–8*), два восьмерковидных звена от цепочки (рис. 74.-*7, 8*; 78.-*2, 4*). Еще один железный нож лежал на правом крыле таза перпендикулярно позвоночнику (рис. 74.-*9*). У верхнего эпифиза левой бедренной кости обнаружены сломанный колчанный крюк из железа, обращенный язычком вниз с небольшим поворотом влево (рис. 74.-*12*; 78.-*1*), и железное шило (рис. 74.-*10*; 78.-*9*). С внутренней стороны левого бедра найдена костяная трубочка с рельефной поверхностью (рис. 74.-*11*; 78.-*10*). В контрольном перекопе археологический материал отсутствовал.

Курган №14 (рис. 4; 79–82). Объект располагался в 2,5 м к юго-востоку от кургана №5 (рис. 4). Он представлял собой уплощенную насыпь диаметром 3,5 м, высотой 0,3 м из рваных камней, уложенных в один-два слоя (рис. 79.-*1*, 2; 81.-*1*). В основании насыпи прослежена овальная крепида размерами 3,2×2,1 м, вытянутая в широтном

направлении с небольшим отклонением. Западная часть крепиды была разрушена еще в древности (рис. 80.-*1*; 81.-*2*). Обнаруженная в пределах каменной выкладки могильная яма (длиной 2,1 м, шириной 0,65 м) имела ориентацию продольной оси по линии ЗСЗ–ВЮВ. Она была вырыта в слое коричневой супеси и в толще материковой серой супеси с большим содержанием гальки. На уровне древнего горизонта прослежен грабительский выброс (серая супесь). В заполнении ямы на разной глубине встречались разрозненные кости человека. Стенки могилы отвесные и прямые. На дне ямы, находившемся на отметке –0,94 м от погребенной почвы, расчищено сильно разрушенное погребение молодого человека в возрасте 14–16 лет и захоронение верхового коня, размещавшихся на одной глубине (рис. 80.-*1*; 81.-*2*; 82.-*1*). Животное располагалось в северной половине могилы. Лошадь лежала на левом боку с подогнутыми ногами. Череп отсутствовал, что связано с действиями грабителей. У южной стенки ямы зафиксированы берцовые и кости стопы человека, сохранившие свое анатомическое положение. Под ними прослежен мощный тлен органики черного цвета, вероятно, от кожаной подстилки. Судя по зафиксированным *in situ* останкам, умерший юноша и лошадь были ориентированы головами на запад–северо-запад. Сохранившийся после ограбления сопроводительный инвентарь представлен немногочисленными предметами: железная пряжка с подвижным язычком, вероятно, от седельной гарнитуры, фрагмент железной пластины со шпеньком, один железный и четыре костяных наконечника стрел (рис. 80.-*2–8*; 82.-*2–7*). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Курган №15 (рис. 4; 79, 83–86). Объект находился почти вплотную к предыдущему кургану, примыкая северо-восточным краем к насыпи кургана №19 (рис. 4). Он имел уплощенную насыпь овальной формы размерами 4×3,1 м, высотой 0,3 м, сложенную преимущественно из рваных камней и вытянутую продольной осью с северо-запада на юго-восток (рис. 79.-*1, 3*). Северо-западная часть наземной конструкции разрушена строительной техникой. Зафиксирована крепида овальной формы (длиной 3 м, шириной 2 м), она была ориентирована длинной стороной по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 84.-*1*). В границах данной выкладки находилась могильная яма, вырытая в слое коричневой супеси и в толще материковой серой супеси с большим содержанием мелкого галечника. Контур ее пятна на уровне древнего горизонта практически не просматривался. В результате выборки заполнения установлено, что прямоугольная яма была вытянута длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Яма имела прямые и отвесные стенки. Длина ее в придонной части составляла 2,2 м, ширина – 0,9 м. Максимальный показатель глубины от уровня древнего горизонта – 0,7 м. На дне могилы находился каменный ящик ладьевидной формы без перекрытия, возведенный из девяти плоских плит высотой 0,4–0,45 м, установленных на ребро. Внутри данной камеры на земляном дне расчищено непотревоженное парное захоронение мужчины 35–40 лет и ребенка в возрасте двух лет, уложенных вытянуто на спину с прямыми ногами и головами обращенных в северо-западный сектор (рис. 83; 84.-*2, 3*). Левая рука мужчины была слегка согнута в локте, а кисть располагалась на костях таза. Правая рука ребенка лежала прямо, а левая слегка согнута в локте и отведена от туловища. Костяк взрослого человека левой стороной частично перекрывал останки ребенка. На скелете мужчины зафиксированы следы летальных боевых травм (рис. 84.-*4*): отрублено правое предплечье, отчленена стопа левой ноги (уложена между колен), в орбите правого глаза застрял костяной наконечник стрелы (рис. 85.-*3*; 86.-*3*). Сопроводительный инвентарь обнаружен только с взрослым человеком. Выше таза расчищены железные детали наборного пояса: рядом с поясничным позвонком – пряжка с подвижным язычком и пластинчатым щитком (рис. 85.-*7*; 86.-*8*); у правого локтя, в нижней части ребер правой половины грудной клетки, с внутренней стороны левого предплечья немного выше локтя – бляхи-полуобоймы с кольцами в количестве четырех экземпляров (рис. 85.-*11–15*; 86.-*9–11, 13*). Рядом с грудиной лежал железный «блок» со щитком (рис. 85.-*8*; 86.-*12*). У правого локтя найден железный пробой (рис. 85.-*5*; 86.-*4*). Под

левым предплечьем найден железный нож с коротким клинком (рис. 85.-*9*; 86.-*7*). На правом крыле таза располагалась железная пряжка с подвижным язычком и пластинчатым щитком от портупейного ремня (рис. 85.-*13*; 86.-*6*). Рядом с верхним эпифизом правой бедренной кости выявлен железный наконечник стрелы (рис. 85.-*2*; 86.-*2*). С внешней стороны правого бедра лежал еще один железный наконечник (рис. 85.-*1*; 86.-*1*), обращенный острием в направлении ног человека. Под левым коленом находилась костяная застежка (рис. 85.-*4*; 86.-*5*). С внешней стороны правого плеча мужчины размещались позвонки овцы, являющиеся остатками ритуальной мясной пищи. При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Курган №16 (рис. 4; 87–89). Объект находился к востоку кургана №5 (рис. 4) и имел каменную насыпь диаметром 2,5 м, высотой 0,2 м (рис. 87.-*1*). При разборке надмогильного сооружения зафиксирована овальная крепида размерами 1,8×1,3 м, ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В границах этой выкладки располагалась яма овальной формы длиной 1,3 м шириной 0,9 м, глубиной 0,36 м. Могила была вытянута длинной стороной с северо-запада на юго-восток (рис. 87.-*1, 2*; 88.-*1*; 89.-*1, 2*). Яма была вырыта в слое коричневой супеси (древний горизонт) и серой супеси с включением мелкой гальки (материк). Останки человека отсутствовали. На дне обнаружены железные предметы: два наконечника стрел плохой сохранности (рис. 88.-*7, 8*; 89.-*6*), обломок инструмента, напоминающего напильник (рис. 88.-*10*; 89.-*5*), фрагмент ножа небольшого размера (рис. 88.-*9*; 89.-*7*). Все данные изделия лежали компактно в центральной части ямы. Там же зафиксированы угли. При контрольном перекопе другой археологический материал не встречен.

Курган №17 (рис. 4; 90–100). Объект оказался самым крайним погребальным сооружением на юго-восточной территории могильника (рис. 4). Он располагался в 0,7 м к западу от технологической дороги, при строительстве которой у данного кургана была полностью уничтожена наземная конструкция (рис. 91.-*1, 2*). В границах площади, некогда занятой насыпью, выявлено могильное пятно овальной формы размерами 2,2×1,53 м, ориентированное продольной осью по линии ЮВ–СЗ. Яма была вырыта в слое коричневой супеси (древний горизонт) и серой супеси с включением галечника (материк). В придонной части она имела длину 2,3 м, ширину 1,5 м. В ней на глубине 1,15 м располагалось захоронение верхового коня, уложенного на спину с согнутыми ногами, головой на юго-восток (рис. 90.-*1, 2*; 91.-*3*). В челюстях лошади были зажаты железные удила (рис. 91.-*5*; 93.-*1*). На черепе животного зафиксированы пять уздечных блях из железа (рис. 91.-*7–11*; 93.-*3–7*), а под нижней челюстью найдена железная застежка (рис. 91.-*6*; 93.-*2*). В юго-западной стенке ямы выявлен подбой шириной 0,6 м. Свод подбоя начинался с глубины 0,5 м от погребенной почвы и шел до отметки –1,17 м, что практически совпадало с уровнем дна входной части ямы. В нише находилось погребение юноши 15–16 лет. Умерший лежал на спине с выпрямленными руками и со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток (рис. 90.-*1, 2*; 91.-*4*; 92.-*1*). С правой стороны от скелета располагался сложносоставной лук, от которого сохранились пара концевых боковых верхних (лежали у плеча), две срединные боковые и срединная фронтальная (располагались рядом с тазом) роговые накладки (рис. 94; 98). Слева от черепа лежали крестец и позвонки овцы, являющиеся остатками ритуальной мясной пищи. Рядом с ними обнаружен железный коротколезвийный нож (рис. 96.-*3*; 99.-*14*). Под нижней челюстью сохранился небольшой фрагмент кожаного «шнурка» (рис. 96.-*8*). Наибольшее количество предметов оказалось сосредоточено в области живота и пояса покойного (рис. 92.-*3, 4*). В 0,14 м выше тазовых костей было расчищено скопление железных деталей гарнитуры наборного пояса (рис. 130.-*4*): возле левого локтя – пряжка с неподвижным шпеньком и длинным пластинчатым щитком (рис. 96.-*1*; 100.-*1*), на ребрах, позвоночнике и под ними – 13 блях-полуобойм с подвижными кольцами и не менее 53 блях-зажимов в виде узких вертикально-ориентированных пластин, образующих почти сплошную металлическую «ленту» на кожаной основе (рис. 97; 100.-*2–20, 22–25*), под лучевыми костями левой руки – наконечник подвесного ремня

(рис. 96.-*4*; 100.-*21*). На правом крыле таза лежал небольшой по размерам боевой (?) железный нож, ориентированный под углом 45° относительно позвоночника (рис. 95.-*9*; 99.-*8*). Рядом с ним зафиксированы железные детали ножен: бортик из двух пар пластин-накладок, соединяющихся между собой вставными шпеньками с шляпками, цепочка из витого восьмерковидного звена, один конец которой соединялся с бортиком у устья ножен при помощи металлического хомутика, а другой – завершался пластиной-полуобоймой со шпеньком (рис. 95.-*2, 7, 8, 12*), портупейная пряжка с подвижным язычком и Т-образной рамкой (рис. 95.-*1*; 99.-*11*). На правом крыле таза и подвздошной кости обнаружены еще два восьмерковидных звена цепочки (рис. 95.-*3, 6*), цепочка из колец, вплетенных одно в другое (рис. 95.-*11*; 100.-*29*), железная бляха-накладка из прямой пластины со шпеньком (рис. 95.-*10*). Данные детали гарнитуры относятся к портупее. На левом крыле таза лежало железное шило (рис. 96.-*2*; 99.-*13*). Справа и слева от таза найдены два железных «блока» со щитком (рис. 96.-*6, 7*; 100.-*27, 28*). Под тазовыми костями расчищены две железные бляхи-накладки из прямой пластины небольшого размера, назначение которых пока не ясно (рис. 95.-*4, 5*). На правом предплечье, в 3 см выше таза, лежал железный колчанный крюк (рис. 96.-*5*; 100.-*26*), обращенный язычком вниз с поворотом влево. Размещение данного предмета соответствовало проекции верхней части колчана, тлен от которого прослеживался от середины правых берцовых костей до таза. Расстояние от крюка до предполагаемого днища колчана составляло около 0,67–0,7 м. В колчане находились семь железных наконечников стрел, ориентированных остриями вниз (рис. 92.-*5*; 93.-*8–14*; 99.-*1–7*). В контрольном перекопе археологический материал отсутствовал.

Курган №18 (рис. 4; 87–89). Объект располагался к востоку от кургана №16 (рис. 4). Он представлял собой однослойную каменную наброску диаметром 2,5 м, высотой 0,3 м. Рядом находился массивный обломок горной породы (рис. 87.-*3*; 89.-*2*). При разборке обнаружена крепида овальной формы размерами 2,5×1,5 м, ориентированная длинными сторонами с северо-запада на юго-восток (рис. 88.-*2*; 89.-*4*). Внутри данной выкладки располагалась могильная яма с прямыми стенками, вырытая в слое коричневой (уровень древнего горизонта) и серой супеси с включением рваного камня и галечника (материк). Она была вытянута продольной осью в одном направлении с крепидой и имела длину 1,3 м, ширину 0,65 м, глубину 0,68 м (рис. 87.-*3*; 88.-*2*). Костные останки человека отсутствовали. На дне обнаружены четыре железных наконечника стрел и фрагмент небольшого железного ножа (рис. 88.-*3–6, 9*), а также позвонки овцы, связанные с ритуальной мясной пищей. При контрольном перекопе археологический материал не найден.

Курган №19 (рис. 4; 101–116). Объект располагался на восточной окраине некрополя, в 2,1 м к западу от технологической дороги. С юго-запада он соприкасался с курганом №14, а с востока – с курганом №14 (рис. 4). Надмогильное сооружение представляло собой уплощенную насыпь овальной формы размерами 5,2×3,4 м, высотой 0,3 м, сложенную из рваных камней в два-три слоя, вытянутую с северо-запада на юго-восток. На ее поверхности фиксировались следы разрушений, нанесенных в процессе собирания на площади памятника элементов конструкций опор линии электропередач. У северо-западного края наземной конструкции стояла вертикально вкопанная каменная плита небольшого размера, высотой от уровня древнего горизонта 0,28 м (рис. 101.-*1*; 103.-*1*). В юго-западной поле насыпи на разной глубине были обнаружены фрагменты керамического сосуда (рис. 111.-*1*). У объекта зафиксирована овальная крепида размерами 4,6×2,3 м, ориентированная продольной осью по линии ЮВ–СЗ. В границах данной выкладки располагалась могила прямоугольной формы с округлыми углами, вытянутая продольной осью с севера-запада на юго-восток. Ее длина составляла 2,16 м, ширина – 1,12 м (рис. 103.-*2*). Заполнение ямы состояло из мешаной гумусированной супеси темно-коричневого цвета (до глубины 0,4 м) и материковой серой супеси с галькой. На глубине 1–1,05 м размещалось сопроводительное захоронение верхового коня, уложенного на правый бок с подогнутыми ногами

и ориентированного головой на северо-запад. Шея лошади резко повернута в сторону крупа (рис. 101.-*2*; 102.-*1, 2*; 103.-*3*). В челюстях животного оказались зажаты железные удила, в одном из которых сохранился фрагмент рогового псалия (рис. 109.-*1, 2*; 115.-*1*). На ребрах лошади в проекции грудного отдела позвоночника лежали три костяные цурки (рис. 109.-*3–5*; 115.-*5–7*) и костяная трубочка (рис. 109.-*7*; 115.-*4*), в области живота – роговая подпружная пряжка с утраченным подвижным язычком (рис. 109.-*6*; 115.-*2*), на левой лопатке – роговая подвеска округлой формы (рис. 109.-*8*; 115.-*3*). В юго-восточной стенке ямы прослежен подбой длиной 2,3 м, шириной 0,57 м. Свод подбоя начинался с глубины 0,4 м от древней поверхности и продолжался до отметки –1,13 м. В нише прослежен древесный тлен от ящика с перекрытием. Внутри него расчищено непотревоженное погребение взрослого мужчины в возрасте около 35 лет. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 102.-*1, 2*; 103.-*4*; 104.-*1*). В могиле обнаружен многочисленный и очень разнообразный сопроводительный инвентарь. С левой стороны от человека размещался сложносоставной лук, от которого сохранились две пары концевых боковых верхних (лежали за головой) и нижних (располагались поперек правого бедра) роговых накладок (рис. 105.-*1–4*; 112.-*1–4*). Расстояние между головками концевых накладок составляло 1,45 м. В 0,35 м слева от головы обнаружен железный коротколезвийный нож (рис. 110.-*3*; 116.-*4*), а рядом с ним позвонки овцы – остатки ритуальной мясной пищи. На правой половине грудной клетки находилась массивная железная пластина (рис. 105.-*5*; 113.-*10*). По середине груди лежала подвеска из когтя животного (сурок?) (рис. 111.-*3*). В 0,1 м выше тазовых костей зафиксированы хорошо сохранившиеся железные детали гарнитуры наборного пояса (рис. 104.-*2, 3*; 108; 114; 130.-*5*): пряжка с неподвижным шпеньком и длинным пластинчатым щитком (на поясничных позвонках) (рис. 108.-*1*); семь блях-полуобойм, снабженных подвижными кольцами (пара – под позвоночником, две – на правом, а три – на левом боку) (рис. 108.-*2, 4–6, 8, 10, 12, 13*); не менее 167 блях-зажимов в виде узких вертикально-ориентированных пластин (рис. 108.-*3–5, 7, 9, 11, 12*), образующих сплошную металлическую «ленту» по всей длине пояса; бляха из прямой пластины с неподвижным кольцом (рядом с пряжкой) (рис. 108.-*14*). На всем протяжении ремня бляхи-полуобоймы лежали кольцами «вверх». Такое нестандартное положение свидетельствует о том, что пояс был надет на человека в перевернутом виде. У правого крыла таза обнаружен массивный боевой нож, ориентированный острием в направлении головы человека (рис. 107.-*1*; 112.-*5*). Устье ножен было окантовано железной обоймой. Край окантовки со стороны лезвия зажимал бортик, сделанный из двух железных пластин-накладок вытянуто-прямоугольной формы, которые соединялись между собой тремя вставными шпеньками с полусферическими шляпками (рис. 107.-*2–4*). Примерно в средней части клинка ножны охватывала еще одна железная обойма, сохранившаяся в виде нескольких небольших фрагментов (рис. 107.-*5*). Окончание ножен было снабжено железной накладкой листовидной формы, фиксировавшейся к деревянной основе шпеньками-заклепками (рис. 107.-*7*). Ножны подвешивались к основному поясу с помощью железной цепочки, состоявшей из одного витого восьмерковидного звена, который фиксировался к бортику с помощью петли-хомутика (рис. 107.-*2*). К окончанию ножен был подведен еще один портупейный ремешок, застегивавшийся на железную пряжку с подвижным язычком (рис. 107.-*6*). Оба портупейных ремня подвешивались к кольцевым блокам железных блях-полуобойм основного пояса. Рядом с боевым ножом располагался железный инструмент в виде стержня с рукоятью (рис. 111.-*2*; 116.-*3*). На поясничных позвонках найден железный колчанный крюк, обращенный язычком вниз (рис. 106.-*14*; 113.-*9*). Он размещался в проекции верхней части колчана, тлен от которого зафиксирован на правой части скелета от середины бедра до локтя. Днище колчана представлено деревянным диском (рис. 104.-*4*; 105.-*6*). Внутри колчана остриями вниз лежали восемь наконечников стрел, у некоторых из них сохранились фрагменты древков (рис. 106.-*1–13*; 113.-*1–8*). У правого колена располагались железные инструменты:

тесло (рис. 110.-*1*; 116.-*5*), «напильник» (рис. 110.-*4*; 116.-*1*), проколка (рис. 110.-*5*), стамеска-ложкорез (рис. 110.-*2*; 116.-*2*). Там же зафиксированы остатки берестяного футляра (рис. 111.-*4*). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Курган №20 (рис. 4; 69; 117–118). Объект южной полой вплотную примыкал к кургану №13, образуя с ним единый каменный панцирь (рис. 4). Он имел однослойную насыпь овальной формы (размерами 3,1×1,47 м, высотой 0,25 м), ориентированную длинной осью с северо-запада на юго-восток (рис. 69.-*1, 4*; 118.-*1*). Четкая крепида отсутствовала. В центральной части наброски зафиксированы три каменных ящика небольшого размера без перекрытия, врытые в древний горизонт (рис. 117; 118). Крайний с востока ящик («А») имел одну длинную стенку из плоской каменной плиты длиной 0,85 м, высотой 0,09 м, а остальные стенки были из рваных камней, образовывавших прямоугольную конструкцию размерами 0,94×0,44 м. Продольная ось ящика фиксировалась по линии ЗСЗ–ВЮВ. При выборке внутреннего пространства ящика на глубине 6 см от уровня древнего горизонта находился материк. В 0,63 м на северо-запад от данного сооружения располагался миниатюрный каменный ящик «Б» прямоугольной формы размерами 0,4×0,27 м, сделанный из двух вертикально установленных сланцевых плит высотой 0,13 м. Длинными сторонами он ориентирован по линии ЗСЗ–ВЮВ. На материковом дне ящика (показатель глубины от уровня древнего горизонта составляет 0,07 м) археологический материал отсутствовал. На расстоянии 0,55 м на юго-запад от него находился каменный ящик «В» прямоугольной формы размерами 0,87×0,43 м, вытянутый длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Ящик выполнен из четырех сланцевых плит высотой 0,23–0,26 м, врытых в материк. На его дне (показатель глубины от уровня древнего горизонта составляет 0,15 м) ничего не обнаружено. Исследованные конструкции являются миниатюрными кенотафами. В контрольном перекопе подкурганного пространства археологический материал не обнаружен.

Курган №21 (рис. 4; 119–126). Объект находился в 2 м на северо-запад от края могилы кургана №17 (рис. 4). Он представлял собой плоскую овальную насыпь размерами 3,8×3 м, высотой 0,3 м, сделанную из рваных камней в один-три слоя. По периметру располагались крупные камни, а в центральной части – мелкий гравий (рис. 119.-*1*). При разборке насыпи выявлена овальная крепида размерами 3×1,63 м, ориентированная продольной осью с северо-запада на юго-восток (рис. 121.-*1*). В границах данной выкладки находилась могильная яма, вырытая в толще коричневой супеси и материковой серой супеси с большим содержанием гальки. Она имела форму овала (длиной 1,6 м, шириной 0,8 м), вытянутого по линии ЮВ–СЗ (рис. 119). На глубине 1,15 м размещалось захоронение верхового коня, уложенного на левый бок с подогнутыми ногами, головой на юго-восток (рис. 119.-*2*; 121.-*2*). В челюстях животного были зажаты железные удила с роговыми псалиями (рис. 124.-*1–3*; 125.-*2–4*). В южной стенке могилы был устроен подбой шириной 0,6 м. Свод подбоя начинался с глубины 0,4 м от погребенной почвы и продолжался до отметки –1,05 м, что на 0,1 м выше уровня дна входной части ямы. У входа в нишу располагались три плоских каменных плиты, установленных первоначально на ребро. Внутри подбоя расчищено непотревоженное захоронение ребенка 5–6 лет, уложенного вытянуто на спине с прямыми верхними конечностями, головой на юго-восток (рис. 120.-*1, 2*; 121.-*3*). Несмотря на небольшой возраст, умерший был снабжен достаточно многочисленным сопроводительным инвентарем. На левой половине грудной клетки и плечевой кости зафиксирован фрагмент деревянного блюда (рис. 124.-*5*), в котором лежали кости крестца овцы (ритуальная мясная пища) и железный коротколезвийный нож (рис. 124.-*4*). В области таза и выше него расчищены железные детали гарнитуры наборного пояса (рис. 123; 126; 130.-*6*): по середине таза – пряжка с подвижным язычком, «Т-образной» рамкой и пластинчатым щитком и кольцо-подвес овальной формы (рис. 123.-*1, 2*); выше правого крыла таза – «блок» со щитком (рис. 123.-*5*) и прямоугольная пластина с железной витой цепочкой (рис. 122.-*2*); под ребрами, позвоночником, левым предплечьем – три

бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами (рис. 123.-*3, 4, 6*) и не менее 58 блях-зажимов в виде узких вертикально-ориентированных пластин, образующих почти сплошную металлическую «ленту» на кожаном ремне (рис. 123.-*7–18*). У правого крыла таза острием в направлении ног лежал железный боевой нож в ножнах (рис. 122.-*1*). На тазовых костях найдены мелкие фрагменты железных пластин, по-видимому, от блях-накладок, которые крепились к подвесным портупейным ремням или к деревянной основе ножен (рис. 123.-*19–28*). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Выкладка №22 прилегала восточным краем к насыпи кургана №20 (рис. 4). Она представляла собой округлую насыпь размерами 2×1,75 м, высотой 0,25 м (без крепиды), сложенную преимущественно из рваных камней в один слой (рис. 69.-*1, 3*). После удаления насыпи и контрольного перекопа погребения археологического материала не было.

Выкладка №23 находилась в 2,3 м севернее кургана №21 на расстоянии 2,15 м на запад от технологической дороги (рис. 4). Наброска диаметром 2 м, высотой 0,25 м из рваных камней (без крепиды) не содержала погребения (рис. 127.-*1*; 128.-*1*). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Курган №24 (рис. 4; 127.-2, 3; 128.-2–4; 129). Объект располагался вплотную с юго-востока от кургана №19 (рис. 4). В 1 м к востоку от него проходила технологическая дорога, при строительстве которой была уничтожена значительная часть насыпи. На момент раскопок сохранился только западный край наземной конструкции из рваных камней (рис. 127.-*2*). В границах насыпи первоначально с крепидой в основании исследована могильная яма овальной формы размерами 1,2×0,7 м, глубиной 0,8 м, вытянутая длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Она имела прямые и отвесные стенки без дополнительных конструкций. На дне расчищено непотревоженное одиночное погребение ребенка в возрасте двух лет, уложенного вытянуто на спину, головой на юго-восток (рис. 127.-*3*; 128.-*2, 3*). С умершим находился следующий набор предметов. На голове ребенка лежал деревянный диск (рис. 128.-*4*; 129.-*1*). Рядом с ним зафиксирован небольшой фрагмент бронзового предмета (рис. 129.-*2*). В 0,1 м слева от головы располагалась берестяная подставка (рис. 129.-*4*), на которой лежали позвонки овцы и железный коротколезвийный нож (рис. 129.-*3*). В районе пояса ребенка найден сильно корродированный железный предмет, назначение которого не ясно (рис. 129.-*5*). В контрольном перекопе находки отсутствовали.

Выкладка №25 представляла собой скопление крупных камней, образовывавших кольцо диаметром 1,2 м, высотой 0,15 м. Объект располагался в 2 м к югу от кургана №8 (рис. 4; 49.-*1*). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Следует отметить, что осуществленные работы реализовывались в разных условиях. В них приняли участие не только специалисты и студенты Алтайского государственного университета, но и привлеченные волонтеры (рис. 131–136).

После завершения археологических раскопок в октябре 2010 г. участок террасы, занятый погребальными комплексами, обозначенными как Степушка-I и 2, был полностью снесен строительной техникой (рис. 137.-*1, 2*), а на его месте возведено полотно автомобильной дороги, идущей к устью р. Урсула.

В заключение стоит указать, что к северу от исследованной нами группы погребальных сооружений на уровне первой надпойменной террасы были зафиксированы фрагменты керамической посуды и каменное пряслице, которые предполагают существование поселения раннего железного века, уничтоженного в ходе реализации строительных работ.

ГЛАВА III
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДМЕТНЫХ КОМПЛЕКСОВ

В результате раскопок всего могильника Степушка был обнаружен многочисленный сопроводительный инвентарь, включающий разные категории предметных комплексов: вооружение, снаряжение человека, амуниция верхового коня, орудия труда, предметы быта, украшения. Учитывая то обстоятельство, что вещественные коллекции из курганных групп Степушка-I и Степушка-2 уже в основном введены в научный оборот по отдельности, целесообразно осуществить общий анализ всех найденных изделий. Такой подход позволит сформировать цельное представление о материальной культуре населения, оставившего изученный некрополь, а также предоставит более широкие возможности для хронологической, этнокультурной и социальной атрибуции полученного археологического материала сяньбийско-жужанского времени.

3.1. Вооружение

Предметы вооружения присутствовали во многих погребениях некрополя Степушка. Зафиксированные боевые средства представлены оружием дальнего (луки, стрелы с железными наконечниками) и ближнего (ножи) боя.

Луки

В курганной группе Степушка-I сложносоставные луки, усиленные роговыми (костяными) накладками, найдены в девяти мужских погребениях (курганы №1, 2, 5, 7, 8, 9, 13, 17, 19), а также в могиле подростка 12,5–13,5 лет (курган №6). Они обычно помещались с опущенной тетивой, с левой стороны от человека (курганы №1, 2, 5, 7, 13) или сверху него (курганы №6, 8, 9, 19). Только в кургане №17 лук лежал справа от умершего. В кургане №8 зафиксирован лук, который мог быть с надетой тетивой.

В составе комплекса Степушка-2 луки присутствовали в десяти мужских погребениях (объекты №4, 9, 26, 32, 33, 34, 39, 40, 41а, 48) и в одном кенотафе (объект №3). Установлено, что они размещались также преимущественно вдоль левого бока человека, частично сверху него (объекты №32, 33, 39, 40, 41а, 48), реже с правой стороны (объекты №34, 40).

В исследовании данного вида метательного оружия упор делался на оружиеведческую практику двухуровневой классификации: сначала рассматривались накладки, а затем – сами луки. При классификации накладок их морфологические признаки были распределены по следующим таксономическим уровням: группа учитывает материал изготовления; разряд фиксирует расположение накладок на кибити; раздел описывает конкретное место крепления; отдел информирует о толщине накладки; тип определяет форму и пропорции накладки (длина, ширина); вариант уточняет детали оформления концов [Горбунов, 2006а, с. 9]. Выборку составили хорошо сохранившиеся экземпляры, а также фрагменты, поддающиеся

идентификации при сопоставлении с целыми изделиями. На первом уровне таксономического группирования использовались 75 накладок от 18 луков (8 – из Степушки-I и 10 – из Степушки-2).

В результате систематизации выделена одна группа, три разряда, два раздела, один отдел, семь типов накладок, дополненных девятью вариантами.

Группа I. Роговые (костяные). Накладки изготовлены из роговой (костяной) пластины с сегментовидным, реже с трапециевидным поперечным сечением.

Разряд I. Концевые. Накладки фиксируются на верхний и нижний концы (рога) кибити лука.

Раздел I. Боковые. Накладки крепятся на кибить с боковых сторон.

Отдел I. Тонкие. Толщина пластин в среднем составляет 0,2–0,4 см.

Тип 1. Дуговидные, длинные, узкие. Накладка представляет собой плавно изогнутую пластину, напоминающую дугу или запятую. Один ее конец расширен (головка), другой заужен, а в отдельных случаях приострен. Длина накладок варьирует в пределах 25–32 см, максимальная ширина 1,4–1,6 см[*]. *Вариант* ***а*** – головка накладки закруглена и снабжена вырезом для крепления тетивы полукруглой или арочной формы. Всего 46 экз. от 15 луков: Степушка-I, курганы №1 (2), 5 (4), 6 (4), 7 (4), 8 (4), 17 (2), 19 (2); Степушка-2, объекты №3 (4), 26 (2), 32 (4), 33 (2), 34 (4), 39 (2), 40 (2), 48 (4)[**] (табл. 1.-*1, 2, 12, 13, 16–19, 22, 23*; 2.-*1, 2, 5–8, 12, 13*; 3.-*1, 2, 6, 7*; 4.-*1, 2, 5, 6, 13–16, 20–23*; 5.-*1, 2, 6–8, 11, 16, 17, 21, 22, 26, 27*).

Тип 2. Дуговидные, средние, узкие. По основным признакам аналогичны накладкам типа 1, но имеют меньшую длину (до 20 см). *Вариант* ***а*** – головка накладки закруглена и снабжена вырезом для крепления тетивы полукруглой формы. Всего 2 экз. от одного лука: Степушка-I, курган №13 (накладки на верхний рог) (табл. 2.-*14, 15*).

Разряд II. Срединные. Накладки расположены в средней части кибити лука, называемой рукоятью.

Раздел I. Боковые.

Отдел I. Тонкие.

Тип 5. Дуговидные, длинные, широкие. Накладка изготовлена из пластины, стороны которой параллельны и плавно изогнуты. Длина от 26–30 см, максимальная ширина 2,5 см. *Вариант* ***а*** – окончания закруглены или имеют незначительное заострение. Всего 10 экз. от пяти луков: Степушка-I, курганы №6, 17; Степушка-2, объекты №4, 40, 48 (табл. 1.-*20, 21*; 3.-*3, 5*; 4.-*9, 11, 18, 20, 23, 25*).

Тип 6. Дуговидные, средние, широкие. Длина накладок не превышает 25 см, максимальная ширина 2 см. *Вариант* ***а*** – окончания закруглены. Всего 2 экз. от одного лука: Степушка-I, курган №13 (табл. 2.-*16, 18*).

Тип 7. Трапециевидные, длинные, широкие. Накладка сделана из пластины, близкой по форме к трапеции. Зафиксирована одна составная накладка. Длина пластины 26–27 см, максимальная ширина 2,6 см. *Вариант* ***а*** – окончания заострены концами (срезаны под углом). Всего 9 экз. от шести луков: Степушка-I, курганы №1, 5 (1), 7 (1), 8; Степушка-2, объекты №32, 34 (1) (табл. 1.-*4, 6, 14*; 2.-*3, 9, 11*; 4.-*17, 19*; 5.-*3*).

Раздел II. Тыльные.

Отдел I. Тонкие.

Тип 9. Весловидные, длинные, узкие. Накладка изготовлена из пластины прямоугольной формы, окончания которой расширены, что напоминает весло с двумя лопастями. Длина 28–32 см, ширина у окончаний 1,9–2,6 см. *Вариант* ***а*** – лопатковидные. Окончания накладки имеют расширение, оформленное покатыми плечиками. Всего 4 экз. от четырех луков: Степушка-I, курганы №1, 7, 8; Степушка-2, объект №48 (табл. 1.-*5*; 2.-*4, 10*; 5.-*24*). *Вариант* ***б*** – овальные. Всего 2 экз. от двух луков: Степушка-I, курган №17; Степушка-2, объект №40 (табл. 5.-*19*).

[*] При описании опускалась информация о характере насечек на поверхности накладок.

[**] Здесь и далее в скобках указано количество.

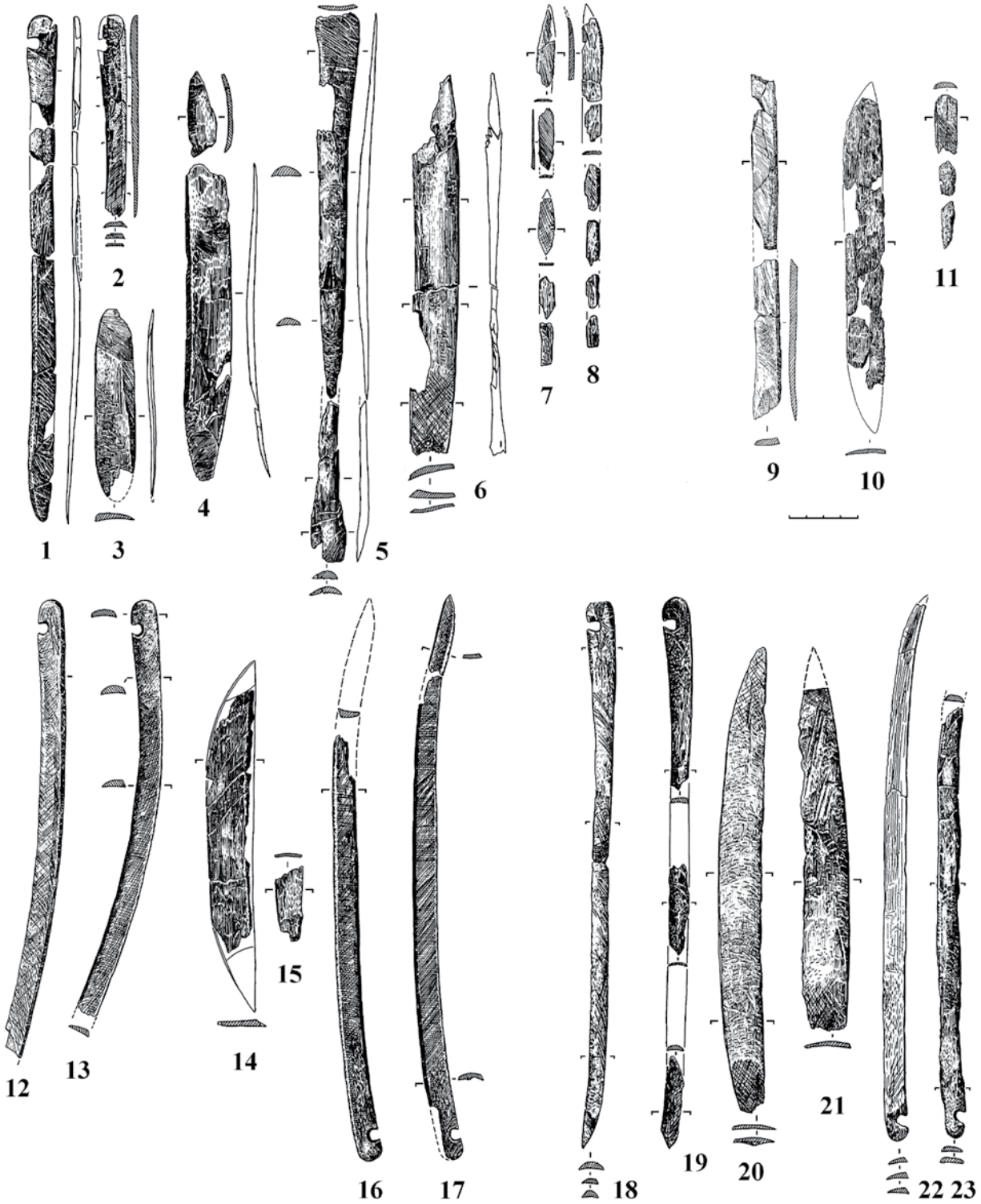

Таблица 1. Роговые накладки сложносоставных луков из комплекса Степушка-I: курганы №1 (1–8), №2 (9–11), №5 (12–17), №6 (18–23)

Тип 10. Весловидные, средние, узкие. Длина накладки не превышает 25 см, ширина у окончаний 1,9 см. *Вариант* ***а*** – лопатковидные. Всего 1 экз. от одного лука: Степушка-I, курган №13 (табл. 2.-*17*). *Вариант* ***б*** – трапециевидные. Всего 1 экз. от одного лука: Степушка-2, объект №32 (табл. 4.-*18*).

Роговые (группа I) концевые (разряд I) боковые (раздел I) накладки сложносоставных луков из некрополя Степушка выполнены из достаточно тонких (отдел I) дуговид-

ных пластин удлиненных и средних пропорций с округлой головкой (типы 1а, 2а)*. В Центральной Азии роговые концевые накладки обычно небольшой длины зафиксированы уже в конструкции луков из погребений кочевников Северного Китая V – начала III в. до н.э. [Ковалев, 2002, с. 119–121]. Накладки типа 1 у луков населения Алтая являлись производными от соответствующих хуннуских экземпляров, относящихся к концу III в. до н.э. – I в. н.э. Их облик на протяжении существования булан-кобинской культуры не претерпел показательных изменений. Разделение концевых боковых накладок на длинные (тип 1) и средние (тип 2) модификации демонстрирует индивидуальные предпочтения владельцев луков. Данный параметр, по-видимому, не имеет строго хронологического значения. Правда, следует заметить, что накладки средней длины часто встречаются в памятниках сяньби конца I – III в. н.э. Восточного Забайкалья, Маньчжурии и Внутренней Монголии, а также у населения кокэльской культуры Тувы 2-й половины III – IV в. н.э. [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, с. 38, рис. 1.-1–4; Яремчук, 2005, рис. 67.-1–4].

Срединные боковые накладки с дуговидным абрисом удлиненных (тип 5а) и средних (тип 6а) пропорций являются самой многочисленной разновидностью составных деталей рукоятей луков булан-кобинской культуры. Похожие образцы, а также экземпляры «переходных» форм (от сегментовидных к дуговидным, либо к трапециевидным) зафиксированы в памятниках сяньби Восточного Забайкалья конца I – начала III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 61.-5, 6; 62.-11, 12, 65.-5, 6]. Накладки дуговидной формы иногда встречаются в комплексах кокэльской культуры Тувы III–IV вв. н.э. [Kenk, 1984, Abb. 30.-D: 2, 3; 31.-A: 8; Николаев, 2001б, табл. 106]. Находки луков, армированных похожими накладками, зафиксированы в памятниках Средней Азии и Южного Приуралья, относящихся ко 2-й половине II – III в. н.э. [Топрак-Кала…, 1984, рис. 88; 89.-2; Малашев, Яблонский, 2008, с. 59–60, рис. 170.-1, 2]. На Алтае появление накладок типов 5 и 6 было связано с закруглением окончаний сегментовидных накладок, имевших прогнутое основание [Горбунов, 2006а, с. 15]. Период использования срединных боковых накладок типов 5 и 6 населением булан-кобинской культуры определяется в широких рамках II–V вв. н.э. с возможным «доживанием» отдельных экземпляров до начала VI в. н.э.

Срединные боковые накладки трапециевидной формы удлиненных пропорций (тип 7а) имеют аналогии на территории Центральной Азии в памятниках кокэльской культуры (2-я половина III – IV в. н.э.) и в захоронениях чаатинского типа (2-я четверть I тыс. н.э.) [Кызласов, 1979, рис. 21.-3, 4; 24.-2, 4, 6; Худяков, 1986, рис. 22.-1, 3; 1993, рис. 7; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 78.-6; Николаев, 2001б, табл. 106.-2, 3; 107.-1]. Близкие по оформлению экземпляры зафиксированы в бурхотуйской культуре IV–VI вв. н.э. Восточного Забайкалья, а также на территории Монголии в памятнике середины I тыс. н.э. [Ковычев, 1981, с. 99; Худяков, 1991, с. 51, рис. 24.-7–9; Очир, Анхбаяр, 2016, зураг 197]**. Накладки трапециевидной формы в Восточном Туркестане происходят из погребения в Ния, датированного периодом «Хань-Цзинь», не позднее династии Ранняя Лян (317–376 гг. н.э.) [The Institute of Archaeology of Xinjiang, 2000, fig. 16.-2, 18, p. 40]. Луки со срединными боковыми накладками трапециевидной формы представлены в комплексах III–IV вв. н.э. Тянь-Шаня и Восточного Приаралья [Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 1.-2, 5; Левина, 1993, рис. 11.-10, 11; 1996, рис. 87.-7, 9; 88.-4, 5; Боталов, 2009, рис. 18.-79, 80]. Похожие накладки найдены в погребениях гуннского времени (конец IV – V в. н.э.) Восточного Казахстана и Юж-

* Установлено, что накладки на верхний рог, как правило, длиннее накладок на нижний конец кибити, хотя встречаются луки с симметричными плечами. Такая асимметрия, по-видимому, делала лук более удобным для использования при стрельбе верхом [Худяков, Цэвэндорж, 1990].

** Археологические материалы из памятников зоргольской и дуройской культур показывают, что в данном регионе трапециевидные накладки появляются уже в сяньбийское время. Авторы благодарны Е.В. Ковычеву за возможность ознакомиться с неопубликованными коллекциями инвентаря из погребальных комплексов Зоргол-I и Большая Канга-I.

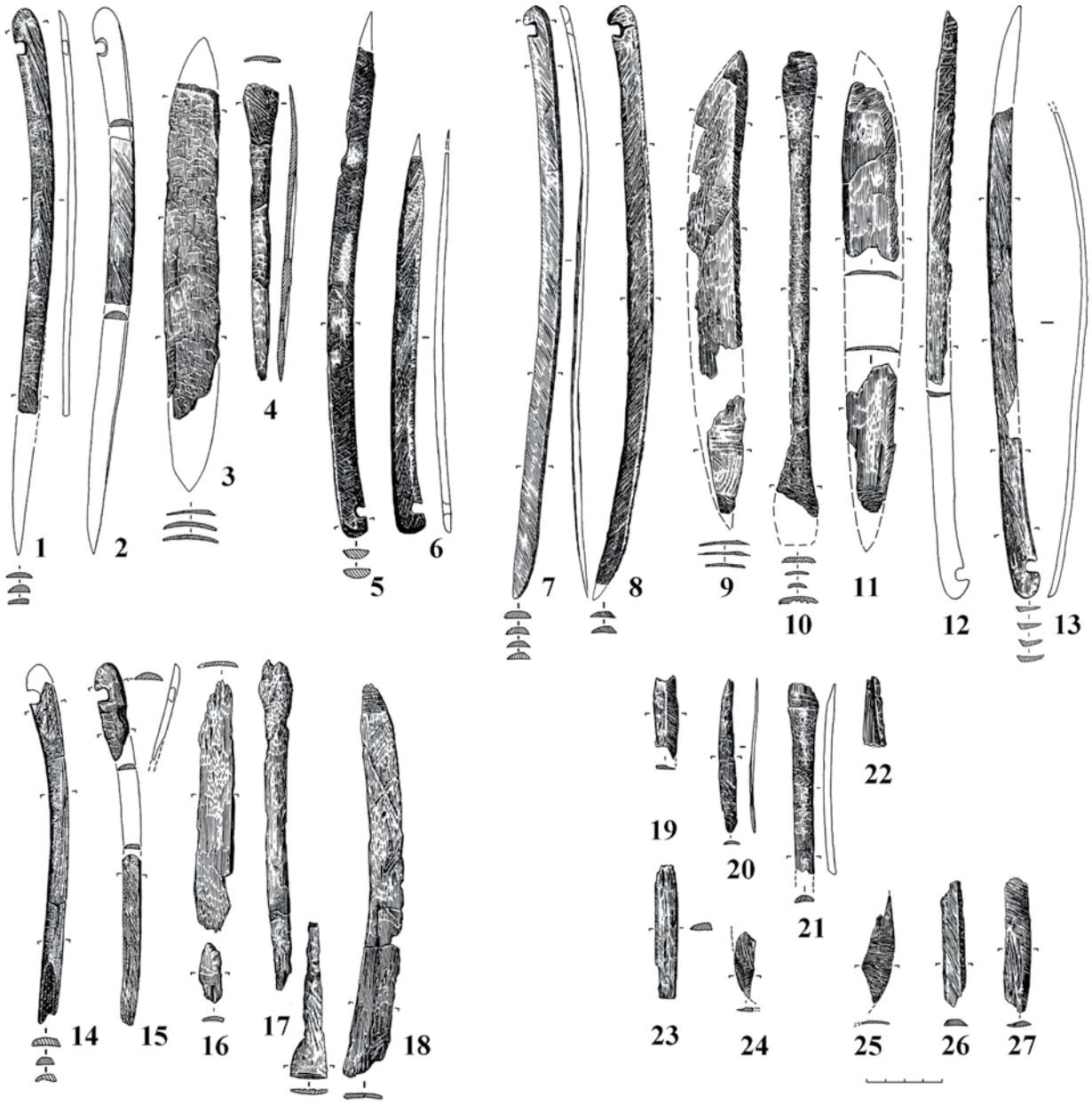

Таблица 2. Роговые накладки сложносоставных луков из комплекса Степушка-I: курганы №7 (1–6), №8 (7–13), №9 (19–27), №13 (14–18)

ного Приуралья [Засецкая, 1994, табл. 38.-3; Боталов, Таиров, Любчанский, 2007, рис. 43.-1]. На территории Алтайской лесостепи экземпляры типа 7 относятся ко 2-й половине IV – V в. н.э. [Горбунов, 2006а, с. 11, 17; рис. 4.-17, 19].

Представленные материалы дают основания считать, что в южносибирском и отчасти в среднеазиатском регионах накладки типа 7 разрабатывались на основе хуннуских сегментовидных накладок с прямым основанием [Горбунов, 2006а, с. 17]. Начальный период использования таких накладок населением Алтая предварительно можно определить в рамках III в. н.э. Они применялись до финала существования булан-кобинской культуры, а их развитие во 2-й половине V – начале VI в. н.э. в сторону сокращения длины привело к формированию накладок тюркской культурной традиции. Накладки типа 8 являются укороченной версией типа 7 и датируются с учетом имеющихся вещественных источников III–V вв. н.э.

Срединные тыльные (раздел II) накладки изготовлены из тонких (отдел I) пластин весловидной формы (типы 9 и 10). Данные детали не являлись обязательной

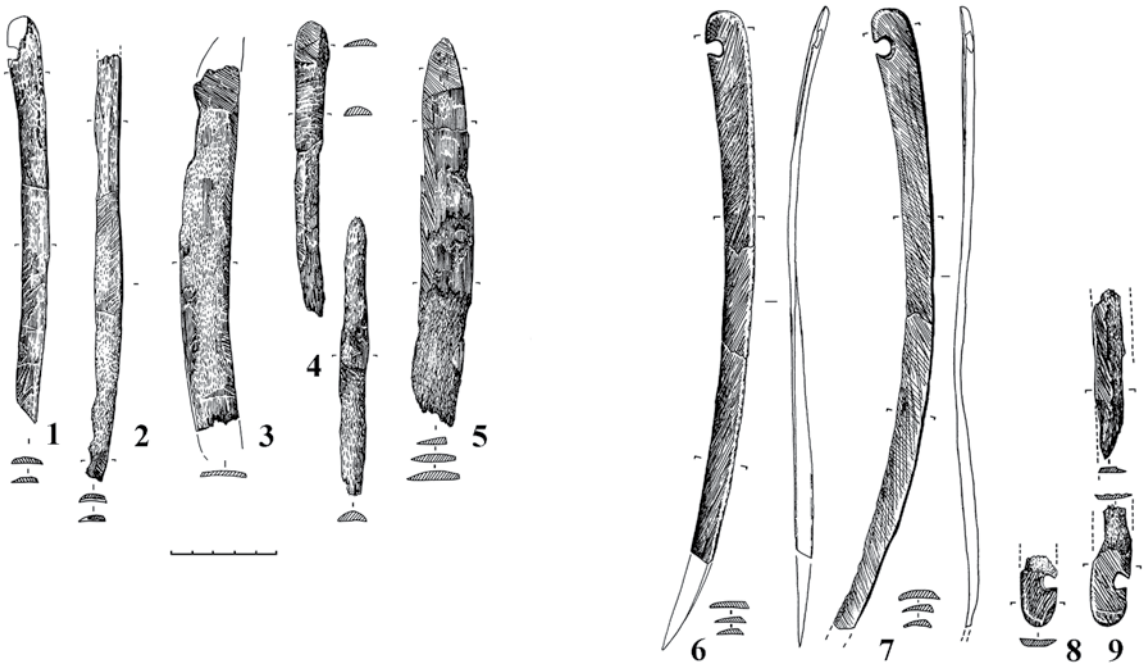

Таблица 3. Роговые накладки сложносоставных луков из комплекса Степушка-I: курганы №17 (1–5), 19 (6–9)

частью сложносоставных луков хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Среди них ранние экземпляры характеризуются малой длиной в сравнении со срединными боковыми накладами и наличием трапециевидных окончаний [Худяков, 1986, рис. 22.-9, 11, 15, 16; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 1.-8, 11; Левина, 1996, рис. 87.-8; 88.-23; Николаев, 2001б, табл. 81.-5; 95.-1, 2; 106; 107; 118; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2003, рис. 9.-5; 11.-4; Leus, 2011, fig. 6.-7]. Похожие накладки имеются также в составе сяньбийских луков конца I – III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 66.-3; 67]. У населения Алтая срединные тыльные накладки типа 10а бытовали на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. Пластины весловидной формы большой длины с трапециевидными окончаниями (тип 9а) впервые появились уже в хуннуских (позднехуннуских?) комплексах Монголии и Забайкалья [Коновалов, 1976, табл. 5; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2003, рис. 1.-5; 2.-6; 3.-4; 5.-6]. Они стали исходной формой для развития соответствующих элементов конструкции сложносоставных луков у населения Алтая во II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006а, табл. I.-4, 7–8, 10]. Производными от типов 9а и 10а являются местные (булан-кобинские) накладки с лопатковидными и овальными окончаниями (типы 9б–в, 10б), которые распространились, по-видимому, во 2-й половине II – III в. н.э. Экземпляры типов 9б и 10б часто встречаются в погребениях булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э. [Горбунов, 2006а, с. 12, 20, 116–117].

Выделенные типы накладок использованы для классификации луков. Для их системного описания применялась таксономическая схема, предложенная В.В. Горбуновым [2006а, с. 21–27], с незначительными изменениями при характеристике отдельных показателей: группа выделяется по конструкции лука; разряд фиксирует его форму (со снятой или надетой тетивой); раздел информирует об общей длине лука (со снятой тетивой); отдел учитывает количество накладок на кибити; тип уточняет состав набора накладок; вариант показывает принадлежность накладок к типам ранее выполненной классификации. При таком рассмотрении опускались сведения о соотношении длины рогов. Сравнение параметров концевых накладок показало преобладание модификаций с асимметричной кибитью, что было распространенным явлением для луков народов Азии во II в. до н.э. – V в. н.э.

В результате систематизации семи полных комплектов, имеющих хорошую и удовлетворительную сохранность накладок, выделены одна группа, один разряд, один раздел, два отдела, два типа луков, дополненных пятью вариантами.

Группа I. Сложносоставные. Основу лука составляет деревянная кибить из двух или трех частей, определенные места которой снабжены роговыми (костяными) накладками, а также обернуты сухожилиями и полосами бересты и проклеены. Остатки деревянной кибити не сохранились ни в одном из погребений рассматриваемых комплексов (Степушка-I и 2).

Разряд I. С–М-образные. Форма лука со снятой тетивой напоминает букву «С». С надетой тетивой лук становится похож на букву «М».

Раздел I. Длинные. Длина лука со снятой тетивой составляет 140–155 см.

Отдел I. Луки с семью накладками.

Тип 1. Четыре концевые и три срединные накладки: из концевых – четыре боковые, из срединных – две боковые (обычно цельные, редко составные), одна тыльная. Соотношение длины накладок на верхний и нижний рог свидетельствует о количественном преобладании асимметричных модификаций. *Вариант* ***а*** – концевые накладки дуговидные длинные (тип 1а), срединные боковые дуговидные длинные (тип 5а), срединная тыльная весловидная длинная с лопатковидными окончаниями (тип 9а). Всего один лук: Степушка-2, объект №48 (табл. 5.-*21–27*). *Вариант* ***б*** – концевые накладки дуговидные длинные (тип 1а), срединные боковые трапециевидные длинные (тип 7а), срединная тыльная весловидная длинная с трапециевидными (тип 9а) и лопатковидными (тип 9б) окончаниями. Всего три лука: Степушка-I, курганы №1, 7, 8 (табл. 1.-*1–8*; 2.-*1–13*). *Вариант* ***в*** – концевые накладки дуговидные длинные (тип 1а), срединные боковые трапециевидные длинные (тип 7а), срединная тыльная весловидная средней длины с трапециевидными (тип 10а) окончаниями. Всего один лук: Степушка-2, объект №32 (табл. 4.-*15–21*).

Отдел II. Луки с шестью накладками.

Тип 2. Четыре концевые и две срединные накладки: из концевых – четыре боковые; из срединных – две боковые. *Вариант* ***а*** – концевые накладки дуговидные длинные (тип 1а), срединные боковые дуговидные длинные (тип 5а). Всего один лук: Степушка-I, курган №6[*] (табл. 1.-*16–18*). *Вариант* ***б*** – концевые накладки дуговидные длинные (тип 1а), срединные боковые трапециевидные длинные (тип 7а). Всего один лук: Степушка-I, курган №5 (табл. 1.-*12–17*).

С обозначенными типами были сопоставлены три неполных лука (с пятью и четырьмя накладками): без пары концевых боковых накладок, обычно на нижний рог кибити[**]. Отсутствие последних могло быть обусловлено плохой сохранностью накладных деталей либо намеренным помещением в погребение сломанных или разобранных луков. Среди них к типу 1а отнесены два образца: Степушка-I, курган №17 и Степушка-2, объект №40 (табл. 3.-*1–5*; 5.-*16–20*). Лук с концевыми и срединными боковыми накладками средней длины, зафиксированный в кургане №13 погребального комплекса Степушка-I, представляет отдельную модификацию луков типа 1 (табл. 2.-*14–18*). В остальных объектах накладки луков имеют плохую сохранность, что не позволяет идентифицировать их с обозначенными типами.

Сложносоставные луки в качестве орудия охоты и оружия разрабатывались в эпоху бронзы на основе усиленных луков неолита и энеолита [Худяков, 1993б, с. 107; Горелик, 2003, с. 59–60; Соловьев, 2003, с. 17–20]. У кочевников Центральной Азии

[*] Лук из кургана №6 имел длину не более 130 см. Несмотря на это, он был отнесен нами к разделу длинных луков. Уменьшенные размеры кибити обусловлены тем, что лук предназначался для подростка 12,5–13,5 лет.

[**] Идея выделения луков булан-кобинской культуры с одной парой концевых и срединными боковыми накладками в отдельный тип [Худяков, 1997, с. 45–47; Мамадаков, 1990б, с. 81–82, 85] не подтверждается имеющимся археологическим материалом. Нам не известно ни одного достоверного случая обнаружения *in situ* остатков деревянной кибити, усиленной таким комплектом накладок.

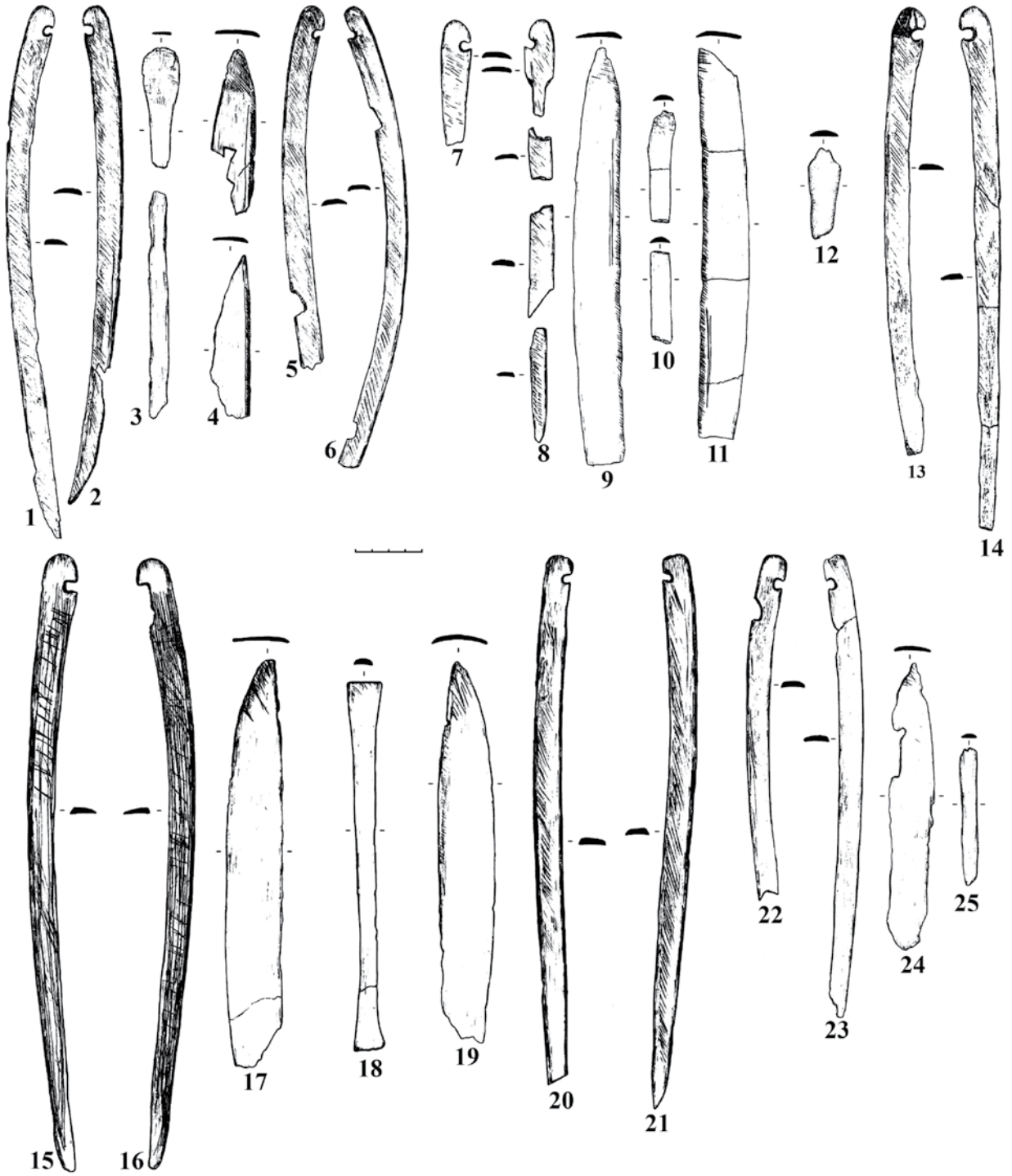

Таблица 4. Роговые накладки сложносоставных луков из комплекса Степушка-2: объекты №3 (1–6), №4 (7–11), №9 (12), №26 (13, 14), №32 (15–21), №33 (22–25) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 10.-1–6; 13.-1–5; 31.-6; 70.-1, 2; 86.-1–7; 89.-1–4]

ранние модификации, оснащенные роговыми (костяными) концевыми накладками, как уже было отмечено, происходят из памятников V–III в. до н.э. Северного Китая [Ковалев, 2002, с. 120–121, 122, рис. 2.-9, 12; 4.-7, 5.-2, 16; 6.-8]. Изобретение сложносоставного лука с С–М-образной (разряд I) длинной кибитью (раздел I), усиленной роговыми (костяными) накладками на концах и в области рукояти, связано с мон-

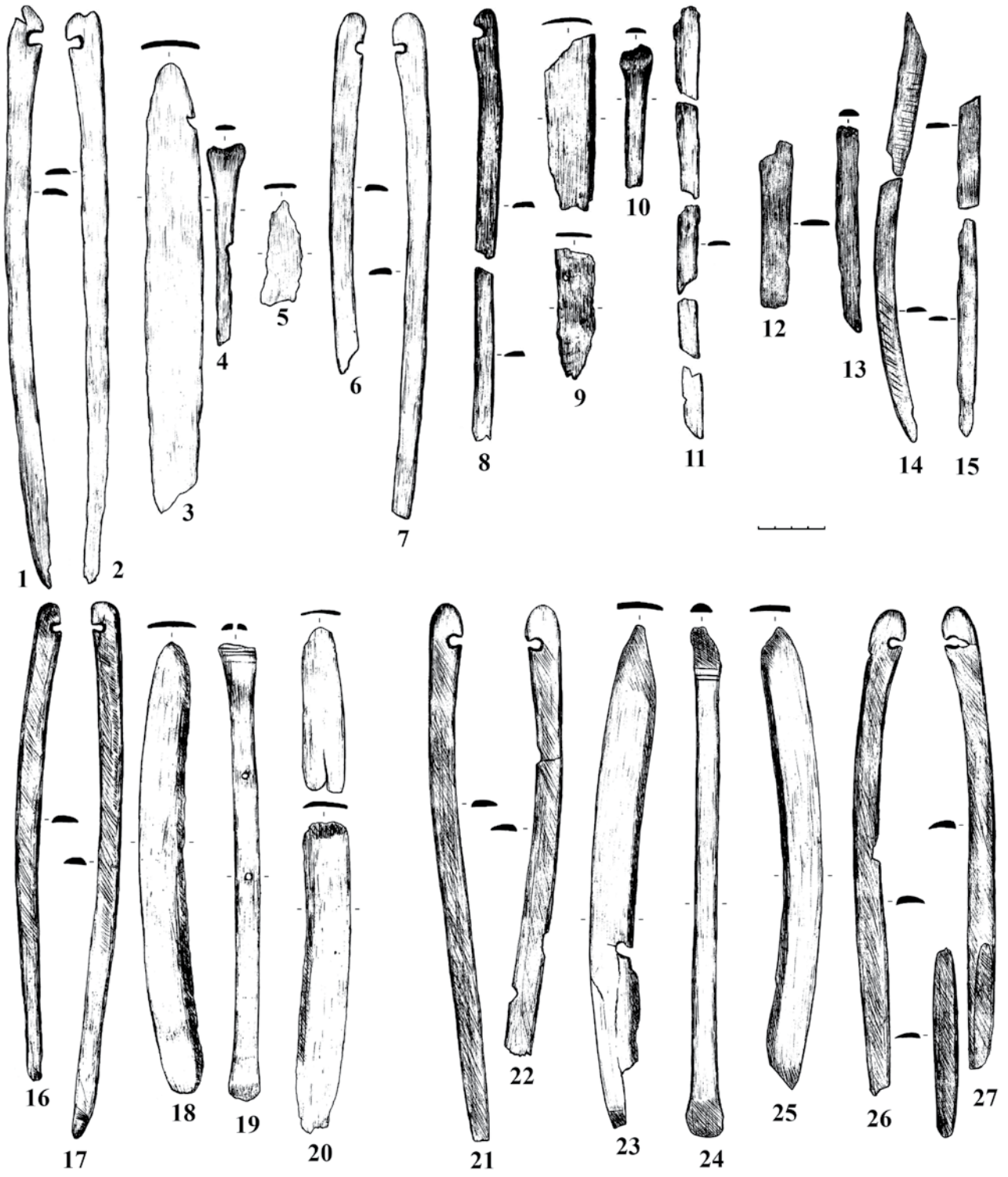

Таблица 5. Роговые накладки сложносоставных луков из комплекса Степушка-2: объекты №34 (1–5), №39 (6–11), №40 (16–20), №41а (12–15), №48 (21–27) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 93.-1–7; 105. – 1–4; 112.-1–6; 116.-1–6; 128.-1–7]

гольско-забайкальским очагом культуры хунну/сюнну конца III в. до н.э. – I в. н.э. [Худяков, 1986, с. 121]. Появление луков данной конструкции на территории Северной Азии и, в частности на Алтае, происходило под влиянием хуннуской военной традиции, по-видимому, не ранее II в. до н.э. Луки с такими параметрами применяются в основном до V в. н.э. [Худяков, 1986, с. 121–122, 207–208; Горбунов, 2006а, с. 23].

Длинные луки, оснащенные семью (отдел I) накладками, представлены типом 1. Они имеют две пары боковых концевых, две срединные боковые и одну срединную тыльную накладки. Луки такой конструкции представлены у многих народов Восточной Евразии во II в. до н.э. – V в. н.э. Важно заметить, что разное оформление накладок в комплектах позволяет дифференцировать собственно хуннуские луки и местные образцы, сформировавшиеся на основе переработки соответствующих центрально-азиатских прототипов. Можно сделать вывод, что луки с семью накладками, обнаруженные в курганах могильника Степушка, являются более поздней булан-кобинской разработкой ручного метательного оружия во II–V вв. н.э. (тип 1а) и III–V вв. н.э. (тип 1б–в). Поздние их экземпляры могли существовать в начале VI в. н.э. [Тетерин, 2004; Соенов, 2017, с. 122–123].

Луки с шестью накладками (отдел II) выделены в тип 2, который является упрощенной версией типа 1, выражающейся в отсутствии срединной тыльной накладки. В Центральной Азии данные луки известны уже у хунну в конце III в. до н.э. – I в. н.э. [Худяков, 1986, с. 26–30; Худгийн толгойн…, 2003, зураг 14]. На Алтае и в Алтайской лесостепи они распространились со II в. до н.э. [Худяков, 1997, рис. 1; 1998б, рис. 30, 34; Соенов, 1999, рис. 8, 14; Фролов, Шамшин, 1999, рис. 2; Горбунов, Тишкин, 2006, с. 31]. Верхняя временная граница их бытования в рамках булан-кобинской культуры определяется серединой I тыс. н.э. [Горбунов, 2006а, с. 24]. Луки типа 2 из памятника Степушка также являются продуктом местной эволюции хуннуских и раннебулан-кобинских модификаций. Они датируются II–V вв. н.э. (тип 2 а) и III–V вв. н.э. (тип 2б). Луки типов 1 и 2 дадут линию развития средних луков тюркской культурной традиции в Алтае-Саянском регионе [Худяков, 1986, с. 139; 2004, с. 56; Горбунов, 2006а, с. 21–22, 24]. Разнообразие оформления накладок свидетельствует об усиленной технологической разработке ручного метательного оружия у кочевников Алтая в сяньбийско-жужанский период.

Стрелы

В комплексе Степушка-I вещественные остатки стрел происходят из 17 погребений: 12 мужских (курганы №1–5, 7–9, 13, 15, 17, 19), четыре кенотафа (курганы №1а, 12, 16, 18), одно захоронение подростка (курган №6). Данные находки представлены почти исключительно железными наконечниками. Только в кургане №19 сохранились мелкие фрагменты от пяти деревянных древков (рис. 106.-*9–13*). Общее количество наконечников составило 49 экз. разной степени сохранности. В большинстве погребений обнаружено не более четырех стрел, уложенных без колчана, преимущественно справа от человека в проекции таза и бедер. В курганах №5, 7, 17, 19 зафиксировано компактное размещение железных проникателей в колчане, который помещался вдоль бедра (слева или справа) либо с левой стороны плеча.

В погребальном комплексе Степушка-2 документированы находки 28 железных наконечников стрел в 12 объектах. Среди них девять мужских (объекты №5, 9, 10, 19, 32, 34, 40, 46, 48), два кенотафа (объекты №3, 12) и одно нарушенное захоронение с неустановленной половой принадлежностью (объект №4).

Для классификационного исследования нами были использованы 50 наконечников стрел полной и частичной сохранности (Степушка-I – 44 экз.; Степушка-2 – 6 экз.), уверенно реконструируемых на основе сопоставления с целыми образцами. Таксономическое группирование данных артефактов предусматривало их деление по следующим уровням [Горбунов, 2006а, с. 27–28]: группа отражает материал изготовления; разряд фиксирует способ насада наконечника на древко; раздел учитывает форму тела пера наконечника и его поперечное сечение; отдел информирует об общем силуэте пера в продольной плоскости и наличии острия; тип определяет абрис пера, соотношение верхней и нижней части для ярусных наконечников; вариант показывает наличие упора и его конструкция.

В результате классификации выделена одна группа, один разряд, два раздела, четыре отдела, двенадцать типов наконечников стрел, дополненных четырнадцатью вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Черешковые. Наконечник вставляется в древко стрелы выступающим стержнем.

Раздел I. Трехлопастные. Перо наконечника имеет три лопасти, а его поперечное сечение – форму трехлучевой звезды.

Отдел I. Ярусные. Силуэт пера образован двумя фигурами, переход между которыми выражен плечиками-уступами.

Тип 1. Треугольные – асимметрично-ромбические. Верхняя часть пера напоминает треугольник, а нижняя часть – ромб, стороны которого преломляются ближе к острию. Размеры пера 2,8–4,2×2–2,7 см. *Вариант* ***а*** – без упора, с малым верхним ярусом. Всего 2 экз.: Степушка-I, курган №9; Степушка-2, объект №40 (табл. 6.-*1*; 8.-*13*).

Тип 2. Треугольные – шестиугольные. Абрис верхней части пера треугольный, форма нижнего яруса напоминает шестиугольную фигуру. Размеры пера 2,7×3 см. *Вариант* ***б*** – с кольцевым упором. Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №9 (табл. 8.-*6*).

Тип 3. Ромбические – асимметрично-ромбические. *Вариант* ***а*** – без упора, с малым верхним ярусом. Размеры пера 4,5×2,3 см. Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №40 (табл. 8.-*12*).

Тип 4. Вытянуто-ромбические – асимметрично-ромбические. Размеры пера 4,7×1,9 см. *Вариант* ***а*** – без упора. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №17 (табл. 6.-*3*).

Тип 5. Пятиугольные – асимметрично-ромбические. Верхний ярус пера напоминает пятиугольник, нижний – фигуру в виде ромба, стороны которого преломляются ближе к острию. Размеры пера 3×1,7 см. *Вариант* ***б*** – с кольцевым упором, с малым верхним ярусом. Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №9 (табл. 8.-*14*).

Отдел II. Геометрические, заостренные. Общий силуэт пера наконечника представляет определенную геометрическую фигуру.

Тип 6. Треугольные. Размеры пера 3,5×2,2 см. *Вариант* ***б*** – с лопастным упором. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №1 (табл. 6.-*4*).

Тип 7. Асимметрично-ромбические. Силуэт пера в плане представляет собой ромб, у которого стороны преломляются ближе к острию. *Вариант* ***б*** – с кольцевым упором. Размеры пера 3,3–6,1×1,4–2,1 см. Всего 16 экз.: Степушка-I, курганы №5 (6), 7, 8 (2), 13 (2), 17 (2), 19 (2); Степушка-2, объект №3 (табл. 6.-*5–7, 9–11, 14, 16, 19*; 7.-*1–6*; 8.-*1*).

Тип 8. Ромбические. Перо наконечника имеет форму ромба, стороны которого преломляются примерно посередине. Размеры пера 2–4,6×1,1–3,5 см. *Вариант* ***а*** – без упора. Всего 2 экз.: Степушка-2, объекты №34, 40 (табл. 8.-*9, 10*); *Вариант* ***б*** – с кольцевым упором. Всего 10 экз.: Степушка-I, курганы №1а (3), 2, 4, 8, 15 (2), 17, 18 (табл. 6.-*2, 8, 12, 13, 15, 17, 18*).

Тип 9. Шестиугольные. Размеры пера 2,3–4×1,7–2,9 см. *Вариант* ***б*** – с кольцевым упором. Всего 6 экз.: Степушка-I, курганы №9, 17 (3), 18, 19 (табл. 7.-*7–12*).

Отдел III. Негеометрические заостренные.

Тип 10. Листовидные. Перо наконечника имеет длинные боковые стороны, которые сходятся по дуге, образуя острие. Размеры пера 5,7×1,5 см. *Вариант* ***а*** – без упора. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №3 (табл. 7.-*13*).

Раздел II. Четырехгранные.

Отдел III. Негеометрические заостренные.

Тип 11. Листовидные. Размеры пера 5,7–6×1,5–1,7 см. *Вариант* ***а*** – с цилиндрическим упором. Всего 5 экз.: Степушка-I, курган №19 (табл. 7.-*15, 16, 17, 18, 20*).

Отдел IV. Геометрические срезни.

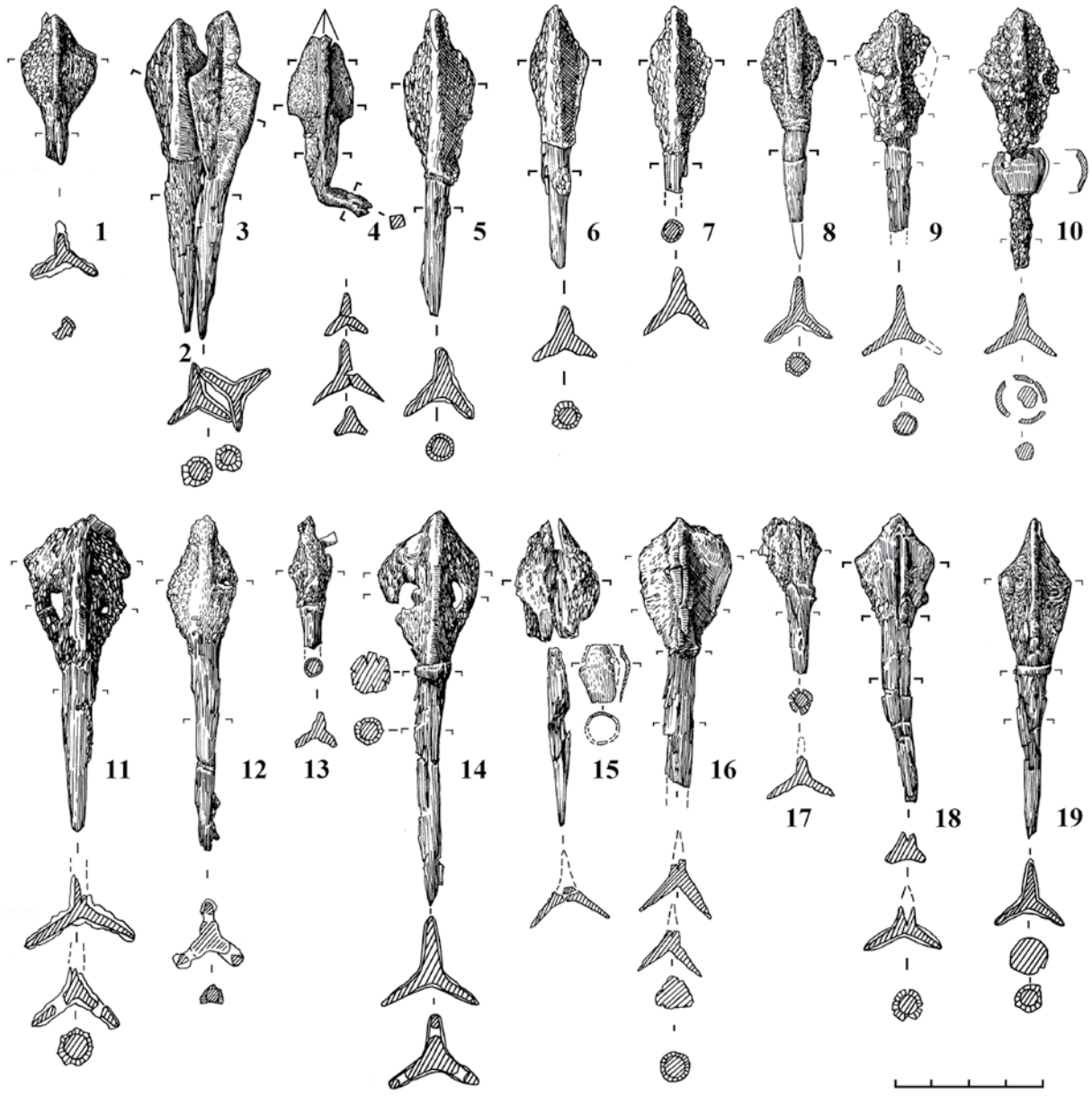

Таблица 6. Железные наконечники стрел из комплекса Степушка-I: курганы №1 (4), №2 (8), №4 (17), №5 (5, 6, 7), №8 (9, 10, 18), №9 (1), №13 (11), №15 (12, 13), №17 (2, 3, 14, 19), №18 (15), №19 (16)

Тип 12. Четырехугольные. Размеры пера 2,2–5×0,9–1,1 см. *Вариант* ***а*** – без упора. Всего 2 экз.: Степушка-I, курганы №12, 18 (табл. 7.-*19, 21*). *Вариант* ***б*** – с кольцевым упором. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №18 (табл. 7.-*14*).

Железные наконечники с черешковым насадом (разряд I), имеющие трехлопастное перо (раздел I), являются ведущей модификацией проникателей у многих народов Евразии конца I тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. н.э. В Центральной и Северной Азии они получили широкое распространение с выходом на историческую арену в конце III – начале II в. до н.э. кочевой империи хунну и доминировали в колчанных наборах вплоть до развитого средневековья [Медведев, 1966, с. 58; Худяков, 1986, с. 209, рис. 96; Соловьев, 1987, с. 34–37, 46; Горбунов, 2006а, с. 38–39]. На юге Западной Сибири ранние экземпляры таких наконечников найдены в погребальных комплексах каменской культуры, датирующихся IV–III вв. до н.э., III–II вв. до н.э., II–I вв. до н.э. [Могильников, 1997, рис. 46.-1–2, 12–13; 2001, рис. 1.-1–6, 8–12; Фролов, Шамшин, 1999, рис. 2.-16; Лихачева, 2015, с. 50, 71–72]. На Алтае практика производства же-

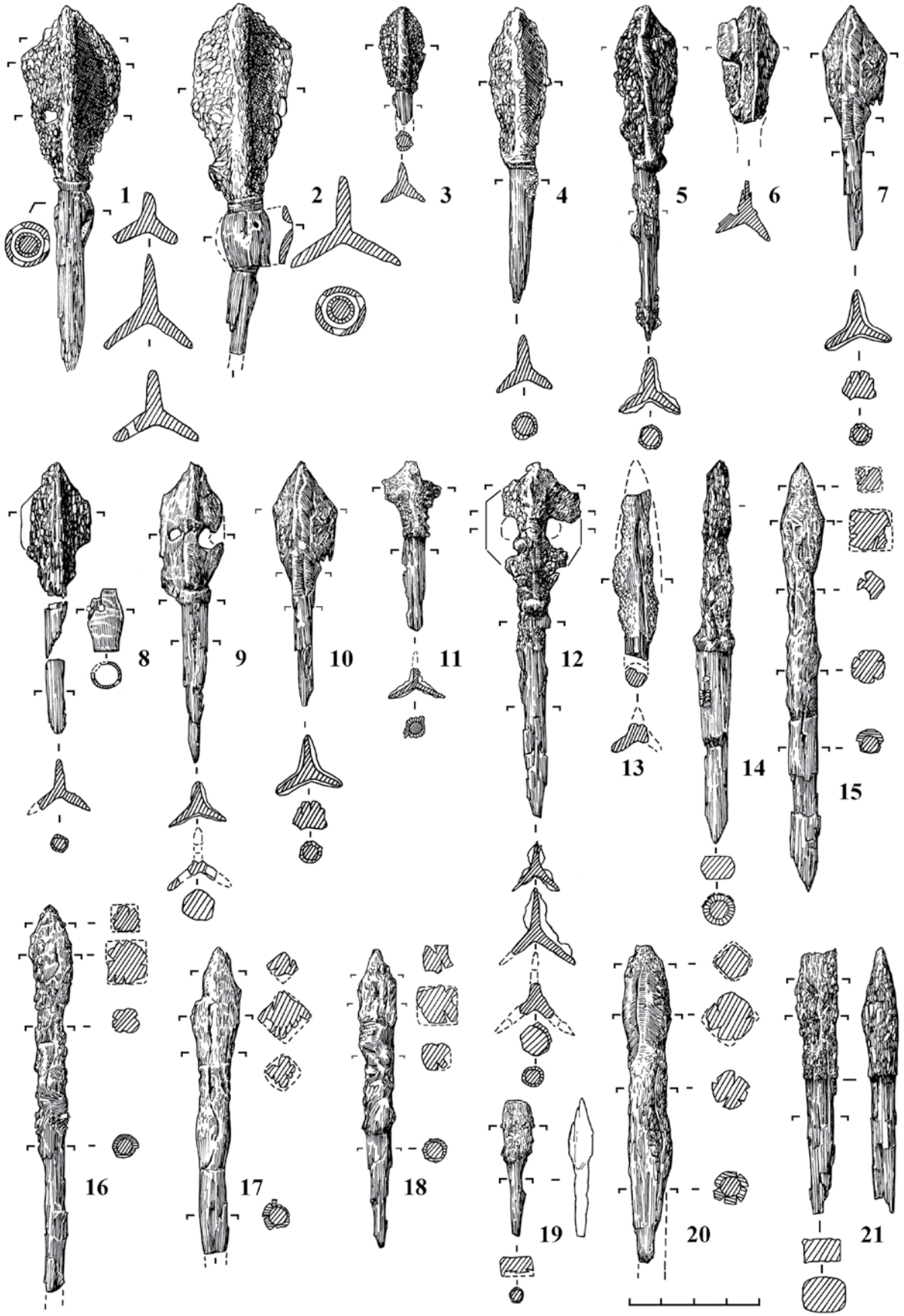

Таблица 7. Железные наконечники стрел из комплекса Степушка-I:
курганы №3 (13), №5 (1, 2, 4), №7 (3), №12 (19), №13 (5),
№17 (7, 9, 10), №18 (8, 14, 21), №19 (6, 12, 15–18, 20)

лезных черешковых трехлопастных наконечников впервые зафиксирована в ранних булан-кобинских памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. [Худяков, 1997, рис. 1.-9; 2.-8–14; Соенов, 1999, рис. 15.-1–4; Горбунов, 2006а, с. 37].

Наконечники с ярусным абрисом пера (отдел I) и выделенным острием (типы 1–5) являются достаточно информативными для построения эволюционно-хронологических рядов [Мамадаков, 1990б, с. 42–53; Неверов, Мамадаков, 1991, с. 121–133; Николаев, 2001б, с. 73–74]. Первые ярусные наконечники стрел известны в погребальных комплексах хунну Монголии и Забайкалья, датирующихся I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. I.-12–15; II.-17–28; Төрбат, Амартүвшин, Эрэнэбат, 2003, т. 178, зураг 13, т. 204, зураг 1, 2, 4, т. 214, зураг 5, т. 217, зураг 1, т. 226, зураг 1, т. 233, зураг 4, т. 248, зураг 2; Могильников, 1992в, табл. 105.-1–5; Ковычев, 2006, рис. 3.-1, 2]. На других территориях Центральной и Северной Азии они появились не ранее II в. н.э. [Николаев, 2001б, с. 78; Горбунов, 2006а, с. 38]. При объяснении данного факта следует учитывать, по крайней мере, два момента. Во-первых, имеющиеся археологические источники демонстрируют сравнительно позднее распространение ярусных наконечников у самих хунну, из-за чего проникатели данных форм не успели «отложиться» в предметных комплексах погребальных объектов племен Алтае-Саянской горной страны конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Во-вторых, ярусные наконечники стрел (наряду с костяными наконечниками с расщепленным насадом) выступают «этнографическим» элементом вооружения хунну, что исключало применение данных модификаций в инокультурной среде в период могущества их державы.

Все анализируемые ярусные наконечники выполнены в хуннуской военной традиции, характерной чертой которой является небольшая длина верхней части пера. Среди них типы 1а, 2а, 3а обнаруживают непосредственную типологическую связь с наконечниками стрел из памятников хунну Монголии и Забайкалья, отличаясь меньшими размерами и отсутствием лопастного упора* [Коновалов, 1976, табл. II.-16, 22–24; Худяков, 1986, рис. 5.-15, 24; Мамадаков, 1990б, с. 48; Төрбат, Амартүвшин, Эрэнэбат, 2003, т. 204, зураг 2, т. 214, зураг 5; т. 226, зураг 1; т. 233, зураг 4; т. 248, зураг 2; Худгийн толгойн..., 2003, зураг 23.-4, 6; Амартүвшин, Хатанбаатар, 2010, т. 296, зураг 25; Хүннүгийн Өв, 2011, т. 238, зураг 256, т. 239, зураг 360]. Образцы с такими морфологическими характеристиками присутствуют в колчанных наборах сяньби конца I – начала III в. н.э. (тип 1 а), носителей кокэльской культуры Тувы 2-й половины III – IV в. н.э. (типы 1а, 3а), населения юга Западной Сибири 2-й половины IV – V в. н.э. (тип 1а), кочевников южнорусских степей конца IV – V в. н.э. (тип 1а) [Горбунов, 1993, рис. 3.-15; 2006а, с. 38; Дьяконова, 1970, табл. I.-*7–9, 38, 58*; III.-42, 69; Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. LVIII.-1, 4; Худяков, 1986, с. 70–71; рис. 26.-3–8; Соловьев, 1987, табл. II.-4; Ширин, 2003, табл. LXXXVIII.-14, 15; Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци, 2004, рис. 19.-4].

В булан-кобинской культуре ярусные наконечники типов 1а, 3а датируются II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006а, с. 38; 2007, рис. 2]. На Алтае они количественно преобладают в памятниках II – 1-й половины IV в. н.э. (Айрыдаш-I, Карбан-I, Кызыл, Белый Бом-II, Катанда-3, Булан-Кобы-IV, Улуг-Чолтух-I) и заметно реже встречаются в закрытых комплексах 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э. (Верх-Уймон, Чендек, Яломан-II). Экземпляр с кольцевым упором (тип 2а) может относиться ко 2-й четверти I тыс. н.э.

Одним из направлений развития ярусных наконечников хуннуской традиции было усиление их проникающих свойств, что выразилось в сужении лопастей нижнего яруса и удлинении верхнего яруса [Мамадаков, 1990б, с. 52, 64–65, 70; Неверов, Мамадаков, 1991, с. 128–131; Николаев, 2001б, с. 78]. В результате таких изменений у «булан-кобинцев» в III–V вв. н.э. распространились проникатели, имевшие вытянуто-ромбическую верхнюю и асимметрично-ромбическую нижнюю часть (тип 4а),

* Этот признак можно считать чертой собственно хуннуских наконечников, которая фиксируется также у экземпляров с геометрическим пером (например, с ромбическим абрисом боевой головки).

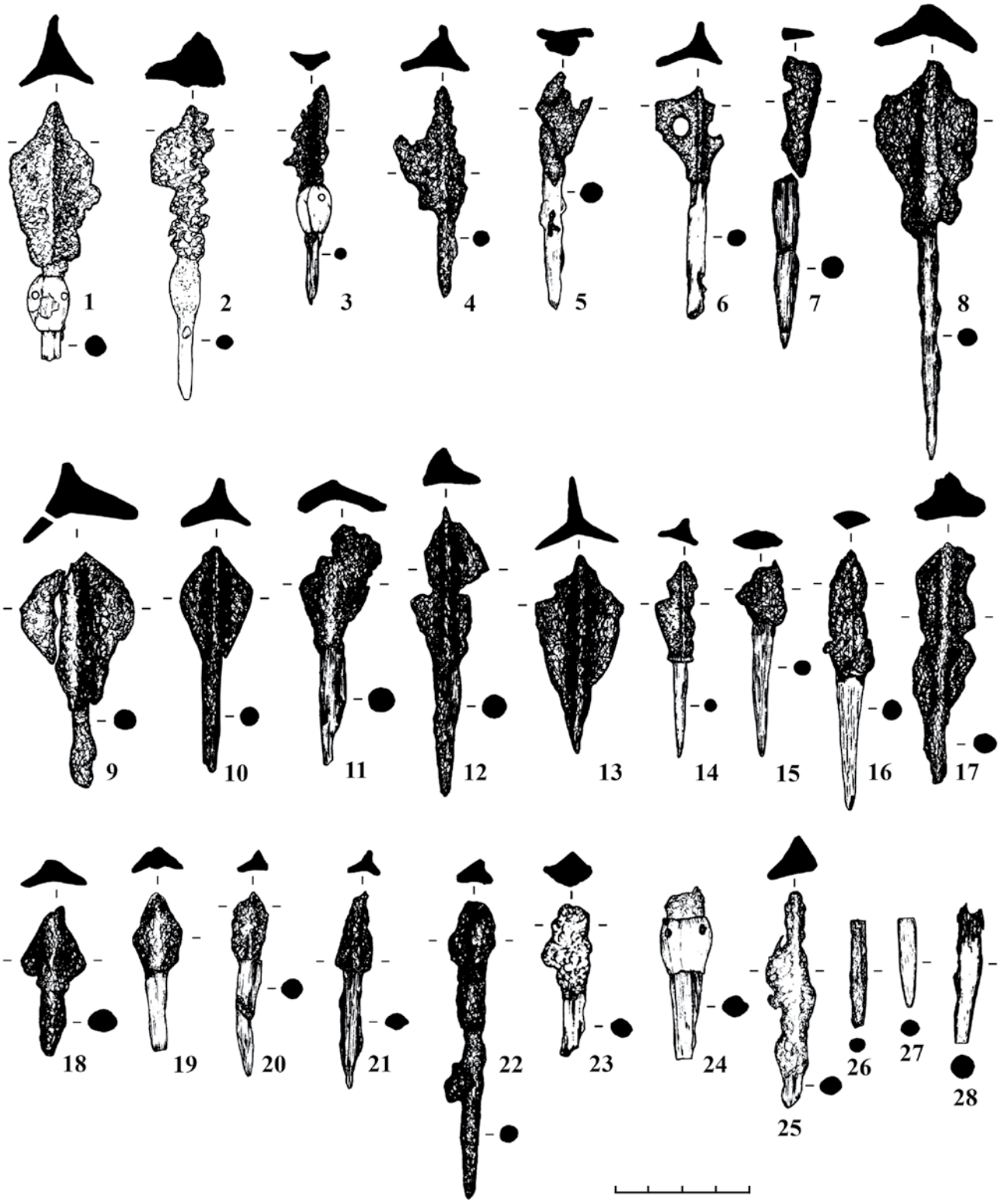

Таблица 8. Железные наконечники стрел из комплекса Степушка-2:
объекты №3 (1, 2, 23), №4 (24), №5 (3–5), №9 (6, 14, 20, 26, 27), №10 (25, 28), №12 (7), №19 (15, 16), № 32 (8, 11), №34 (9), №40 (10, 12, 13, 19), №46 (18), №48 (17, 21, 22)
[по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 1; рис. 10.-9; 12.-В; 31.-4, 5; 34.-1; 56.-4]

пятиугольный верхний и асимметрично-ромбический нижний (тип 5а) абрис ярусного пера. Признаком поздних булан-кобинских наконечников хуннуской традиции (тип 5а) является наличие кольцевого упора [Горбунов, 2006а, с. 43].

Наконечники с геометрическим заостренным пером (отдел II) асимметрично-ромбической (тип 7а–б), ромбической (тип 8а–б), шестиугольной (тип 9а) формы встречаются довольно широко в колчанных наборах номадов Азии. Данные модификации впервые стали использовать хунну Монголии и Забайкалья в конце III в. до н.э. – I в. н.э. [Цэвэндорж, 1985, рис. 14.-13; Худяков, 1986, рис. 5.-1–13; Төрбат, Амартүвшин, Эрэнэбат, 2003, т. 219, зураг 2, т. 251, зураг 3]. Под их влиянием они попадали на территорию Северной Азии [Худяков, 1997, рис. 2.-8–14; Могильников, 2001, рис. 1.-8–10; Горбунов, Тишкин, 2006, рис. 1.-7]. Применение наконечников типов 7–9 народами Восточной Евразии приобрело массовый характер в 1-й половине I тыс. н.э. Они зафиксированы во многих культурах: сяньбийской Маньчжурии и Юго-Восточного Забайкалья конца I – III в. н.э. (типы 7а, 8а), кокэльской Тувы середины III – V в. н.э. (типы 7а–б, 8а–б), таштыкской Хакасии IV–VI вв. н.э. (тип 8а), бурхотуйской Забайкалья IV–VI вв. н.э. (тип 7а), джетыасарской Восточного Приаралья III–V вв. н.э. (типы 7а, 8а), одинцовской Алтайской лесостепи 2-й половины IV – V в. н.э. (типы 7а) [Грач, 1960, рис. 28.-а; 1966, рис. 30.-2; Худяков, 1986, с. 69–70, 92, 111, рис. 25; 27.-25, 26; 36.-1–3; 49.-1–3; 1991, с. 52, рис. 25.-2, 15; 2005а, с. 11; Данченок, Нестеров, 1989, рис. 2.-2, 3, 7, 12; Левина, 1996, рис. 92.-21, 22, 26, 35–37, 46, 47, 50, 51, 54, 56–57, 65; Панкова, 2003, рис. 6.-2; Худяков, Юй Су-Хуа, 2001, с. 38, рис. 1.-28; Яремчук, 2005, рис. 69.-3; 70.-4; 72.-1; Горбунов, 2006а, с. 30–31, рис. 25.-5, 6, 14–17, 23, 24, 27].

Имеющиеся вещественные материалы демонстрируют распространение наконечников стрел типов 7–9 у населения Алтая со II в. н.э. Они разрабатывались на основе образцов хуннуской военной традиции и отличались от монгольско-забайкальских прототипов обычно меньшим размером пера и отсутствием лопастного упора [Мамадаков, 1990б, с. 56, 61]. С учетом приведенных выше аналогий относительная хронология данных изделий может быть представлена следующим образом: II–V вв. н.э. – типы 7а и 8а, III–V вв. н.э. – типы 7б, 8б и 9б. В арсенале булан-кобинских воинов обозначенные типы являются самыми многочисленными (суммарно составляют около 40% всех наконечников стрел).

В анализируемой коллекции наконечников с геометрическим заостренным пером (отдел II) выделяется экземпляр треугольной формы с лопастным упором (тип 6а), извлеченный из бедренной кости мужчины (Степушка-I, курган №1). Данный экземпляр является, по-видимому, образцом наступательного вооружения, попавшим на Алтай из другого региона. Похожий проникатель зафиксирован в коллекции оружия раннесяньбийского времени некрополя Аймырлыг-XXXI в Центральной Туве [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 82.-11]. Близкие по морфологии изделия обнаружены в Алтайской лесостепи в погребении одинцовской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. на могильнике Обские Плесы-II, в культурном слое комплекса Ближние Елбаны-XIV, а также среди сборов памятника Малая Угринева в северных предгорьях Алтая [Горбунов, 2006а, рис. 25.-1, 26].

Наконечник с заостренным негеометрическим пером (отдел III) листовидной формы (тип 10а) имеет ограниченный круг аналогий. Похожие образцы появились на территории Тувы в III в. н.э. [Кызласов, 1979, табл. III.-21; Kenk, 1984, Abb. 28.-G:5; 34.-B: 8, 9; 34.-D: 16; Худяков, 1986, с. 71, рис. 28; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 82.-6, 7]. В схеме археологической последовательности наконечников стрел Средней Азии листовидные экземпляры датируются III–IV вв. н.э. [Сорокин, 1956, с. 10–11, рис. 2; Литвинский, 1965, с. 82; Левина, 1996, рис. 92.-44, 52, 53; 93.-43, 48, 49]. На территории Алтайской лесостепи они встречаются в памятниках 2-й половины IV – V в. н.э. [Горбунов, 2006а, с. 39]. К этому же времени относится распространение таких форм у кочевников Приуаралья и степной полосы Восточной Европы [Засецкая, 1983, с. 77]. На Алтае наконечники типа 10а распространились, по-видимому, под влия-

нием среднеазиатской военной традиции в IV в. н.э. и применялись до конца существования булан-кобинской культуры. Аналогичные наконечники обнаружены в погребальных комплексах Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Дялян, Яломан-II, датирующихся преимущественно 2-й половиной IV – V в. н.э. В исследуемом регионе этот тип позднее встречается в памятниках тюркской культуры [Худяков, 1986; Горбунов, 2006а, с. 39, 42, рис. 77].

Четырехгранные наконечники (раздел II) с заостренным негеометрическим пером (отдел III) представлены пятью экземплярами с листовидным пером (тип 11а). Данные изделия являются бронебойными и применялись на короткой дистанции. Регионом раннего использования четырехгранных наконечников была Средняя Азия, где они бытовали с последней четверти I тыс. до н.э. [Литвинский, 2001, с. 111]. В Центральной и Северной Азии такие образцы известны с хуннуского времени, являясь, однако, редкими в колчанных наборах многих народов II в. до н.э. – V в. н.э. [Дьяконова, 1970, табл. II.-29; Худяков, 1986, с. 31, рис. 6.-22; с. 71, рис. 27.-19, 21; Могильников, 2001, рис. 1.-11, 12; Ширин, 2003, табл. LIII.-9–14; LV.-2; Төрбат, Амартүвшин, Эрэнэбат, 2003, т. 177, зураг 6; т. 178, зураг 9; Амартувшин, Эрдэнэ-Очир, 2011, зураг 2.-21]. Достаточно многочисленная серия четырехгранных экземпляров происходит из комплексов бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья IV–VI вв. н.э., а также из памятников Кореи V в. н.э. [Худяков, 1991, с. 56, рис. 26.-14, 23; Ковычев, 2012, рис. 5; Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 192–194]. Верхняя хронологическая граница бытования четырехгранных наконечников в Восточной Евразии приходится на середину II тыс. н.э. [Худяков, 1986, рис. 97; Горбунов, 2006а, с. 40–41]. Наконечники типа 11а демонстрируют знакомство кочевников Алтая с передовыми средствами поражения железного доспеха, получившего широкое применение в данном регионе со 2-й половины IV в. н.э. [Горбунов, 2003]. В рамках булан-кобинской культуры рассматриваемый тип предварительно может датироваться IV–V вв. н.э. В дальнейшем листовидные наконечники встречаются в тюркских памятниках 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. н.э. [Горбунов, 2006а, с. 34, 41].

Четырехгранные наконечники с геометрическим незаостренным пером (отдел IV) представлены тремя бронебойными срезнями с четырехугольным абрисом (тип 12а–б). В Центральной Азии такие проникатели зафиксированы в колчанных наборах кокэльской культуры Тувы 2-й половины III – IV в. н.э., в памятниках бурхотуйской (IV–VI вв. н.э.) и дарасунской (V–VI вв. н.э.) культур Восточного Забайкалья, а также у населения Северного Китая и Кореи в IV–VI вв. н.э. [Худяков, 1986, рис. 27.-5–11; 1991, с. 56, рис. 26.-13, 22; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, рис. 79.-3–7, 9, 12, 13; Бобров, Худяков, 2005, рис. 3.-38; Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 194, рис. 9.-10, 11]. Данные образцы, по-видимому, разрабатывались на основе однолопастных геометрических срезней сяньби конца I – начала III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 68.-7, 8, 10; 71.-2, 7, 8, 10; 74.-3, 4; 75.-7; 77.-2–4]. На территории Алтая наконечники этого типа генетически связаны с сяньбийским или кокэльским комплексом вооружения. В исследуемом регионе они появились, вероятно, в IV в. н.э. и существовали до финала булан-кобинской культуры. Наконечники типа 12 зафиксированы в булан-кобинских памятниках Айрыдаш-I, Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Дялян, Кок-Паш, Кызыл [Горбунов, 2006а, с. 41].

Таким образом, коллекция железных наконечников стрел, обнаруженных при раскопках могильника Степушка, демонстрирует довольно развитый арсенал наступательного вооружения дальнего боя у населения булан-кобинской культуры Алтая в сяньбийско-жужанское время. Большинство экземпляров датируются в широких хронологических рамках II–V вв. н.э. Исключение составляют трехлопастные листовидные и специфические по внешнему облику четырехгранные бронебойные наконечники, характерные для IV–V вв. н.э. Важно подчеркнуть, что в проанализированной серии отсутствуют модификации оружия, характерные для местного населения хуннуского периода.

Боевые ножи

Боевой нож – это достаточно короткое однолезвийное оружие режущего действия для ведения ближнего (рукопашного) боя. Отечественная практика оружиеведческих исследований показывает, что к боевым ножам принято относить экземпляры с длиной и толщиной лезвия, гарантирующей надежность смертельного поражения человека или нанесения глубокой раны [Соловьев, 1987, с. 85–87; Горелик, 2003, с. 11; Горбунов, 2006а, с. 75–76]. В настоящей работе авторы исходили из того, что минимально допустимый показатель длины клинка составляет 12–13 см, а ширина спинки (обуха) – не менее 0,3 см. Стоит заметить, что образцы с данными характеристиками также применялись для хозяйственных нужд [Худяков, 2002б, с. 86].

Сложность изучения боевых ножей кочевников Северной и Центральной Азии I тыс. н.э. обусловлена плохой сохранностью железной части изделий, а также утратой рукояти и ножен из органических материалов. Это приводит к выпадению из исследования важных типологических признаков и порождает картину существования многих модификаций ножей без видимых изменений в течение длительного времени. В связи с этим обнаружение археологически хорошо сохранившихся образцов данного вида оружия с территории Алтая имеет большое значение для специалистов.

В комплексе Степушка-I идентифицированы шесть боевых ножей в пяти мужских (курганы №5, 7, 13, 17, 19) и одном детском (курган №21) погребениях. Положение клинков в них значительно варьировало: на грудной клетке, острием в направлении ног покойного (курган №5); в проекции пояса практически перпендикулярно позвоночнику, острием на правую сторону (курган №7); под левым предплечьем, острием в сторону головы (курган №13); на правом крыле таза под углом 45° относительно позвоночника, острием на левую сторону (курган №17); у правого крыла таза острием к голове человека (курган №19); у правого крыла таза острием к ногам умершего (курган №21).

В комплексе Степушка-2 обнаружены два боевых ножа в мужских погребениях. В одном случае (объект №40) боевой нож лежал на правой половине тазовых костей под углом к позвоночнику, острием налево. В другом (объект №48) – слева от таза, острием на левую сторону.

Из имеющегося опыта рассмотрения боевых ножей у кочевников Алтая поздней древности и средневековья [Худяков, 1986, 2002б; Мамадаков, 1990б; Соенов, Эбель, 1992; Эбель, 1998; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Тетерин, 2004; и др.] был выбран вариант анализа на основе классификации, предложенной В.В. Горбуновым [2006а, с. 75–79]. Таксономическая систематика исследуемой категории предметов выполнялась по следующим уровням: группа определяет материал изготовления клинка и черена; разряд – форму поперечного сечения клинка; раздел – форму окончания клинка; отдел – положение рукояти относительно оси клинка; тип – наличие/отсутствие перекрестия; вариант – детали оформления рукояти.

В результате классификации выделена одна группа, один разряд, один раздел, два отдела, два типа, дополненных двумя вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. С треугольным клинком.

Раздел I. С острым окончанием.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 1. Без перекрестия. *Вариант* ***а*** – без навершия, с гладким череном. Размеры клинка: длина – 12–19,5 см, максимальная ширина – 1,7–2,5 см, толщина спинки (обуха) – 0,5–1,3 см. Длина черена варьирует в пределах 3,7–5 см. Всего 4 экз.: Степушка-I, курганы №7, 13, 17; Степушка-2, объект №48 (табл. 9.-*4, 7, 16*; 11.-*2*).

Отдел II. С наклонной рукоятью.

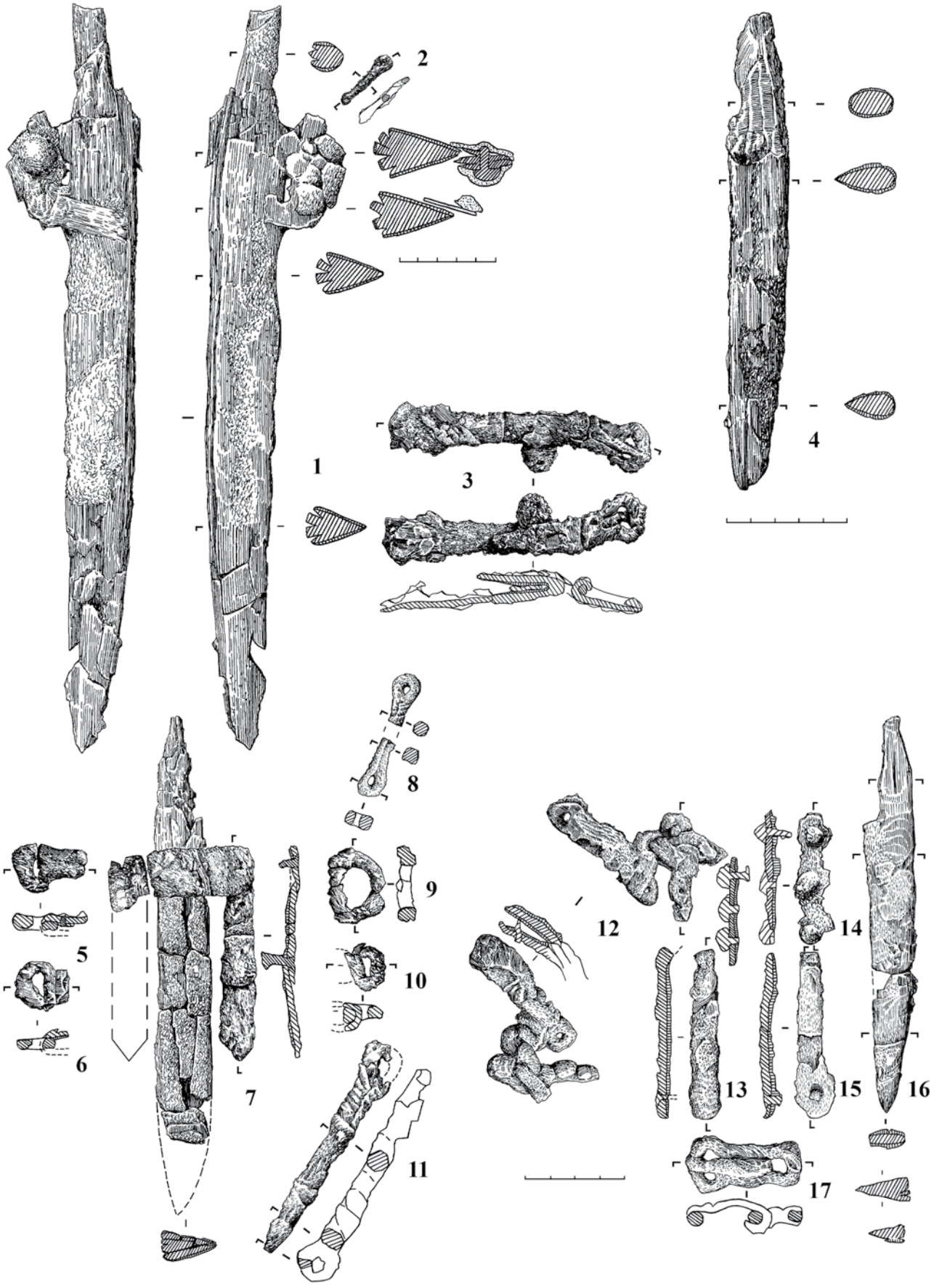

Таблица 9. Железные боевые ножи и детали ножен из комплекса Степушка-I: курганы №5 (1–3), №7 (4), №13 (5–11), №17 (12–17)

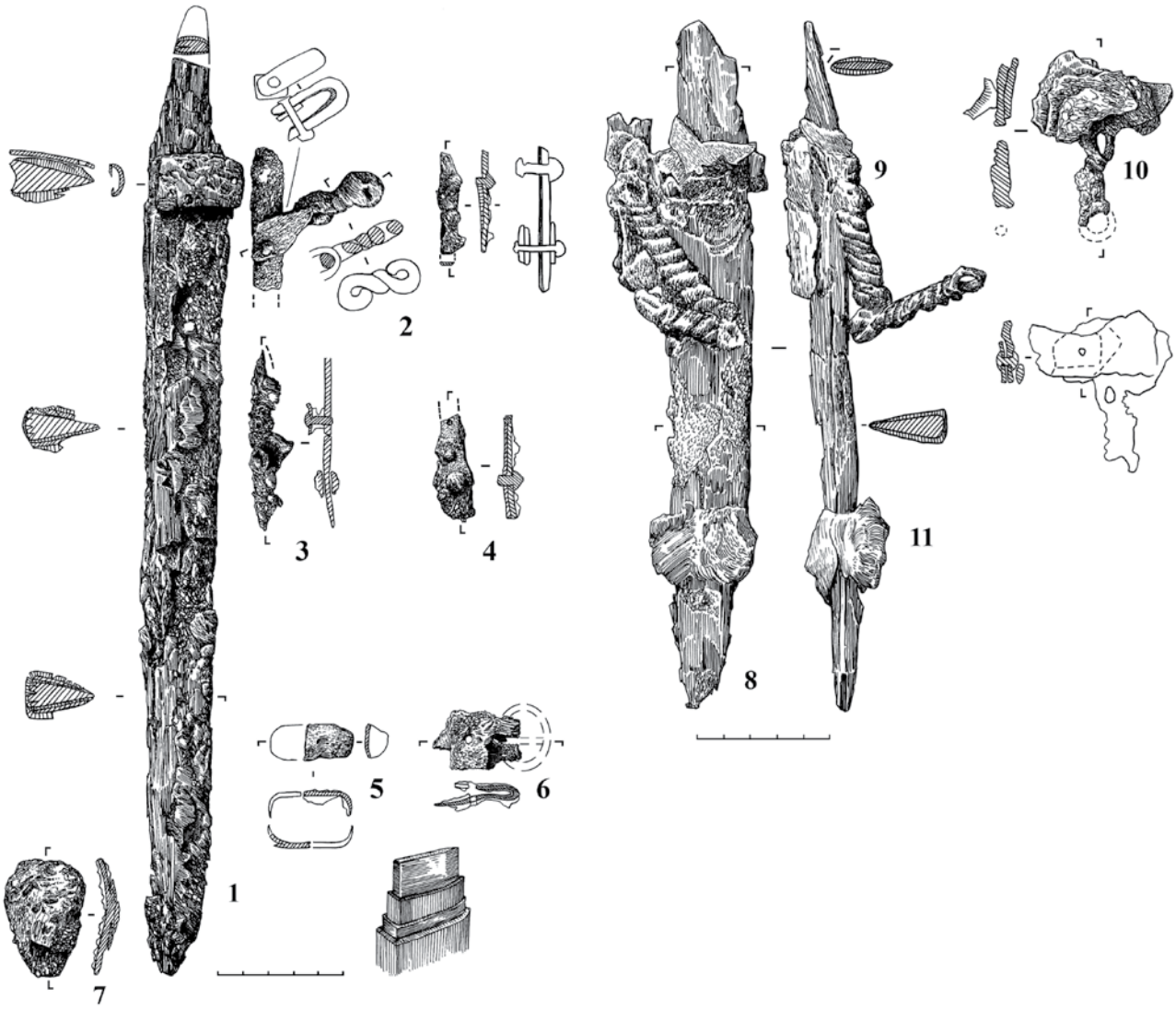

Таблица 10. Железные боевые ножи и детали ножен из комплекса Степушка-I: курганы №19 (1–7), №21 (8–11)

Тип 2. Без перекрестия. *Вариант* ***а*** – без навершия, с гладким череном. Размеры клинка: длина – 19–32,6 см, максимальная ширина – 3,1–4 см, толщина спинки (обуха) – 0,8–1,9 см. Длина черена варьирует в пределах 4,7–6,6 см. Всего 4 экз.: Степушка-I, курганы №5, 19, 21; Степушка-2, объект №40 (табл. 9.-*1*; 10.-*1, 2*; 11.-*1*).

Все боевые ножи из некрополя Степушка имеют треугольное сечение клинка (разряд I) и острое окончание (раздел I) и подразделяются на модификации с прямой (отдел I) и наклонной (отдел II) рукоятью без перекрестия и дополнительных деталей (типы 1, 2). Изделия с данными морфологическими признаками широко распространены во времени и пространстве и практически не несут на себе примет этнографического характера, демонстрируя в некоторых случаях специфику способов ношения и конструкции ножен.

В памятниках Алтая боевые ножи обоих типов встречаются одинаково часто (с учетом анализируемых материалов авторами учтено не менее 67 экз.). Ранние актуальные для датирования аналогии типам 1а, 2а зафиксированы в Центральной Азии в памятниках хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.) и сяньби (конец I – III в. н.э.)

[Коновалов, 1976, табл. XVI.-5, 8; Могильников, 1992в, табл. 107.-43, 44; Давыдова, 1996, табл. 8.-5; 14.-27; 40.-6; Миняев, 1998, с. 33, рис. 16.-1; Цэвэндорж, 2000, зураг 6.-3; 10.-1; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 183, зураг 19; Яремчук, 2005, рис. 81.-1; Хүннүгийн Өв, 2011, т. 244, зураг 370]. Подобные изделия достаточно широко представлены в Туве в комплексах улуг-хемской (I в. до н.э. – начало III в. н.э.) и кокэльской культур (III–V вв. н.э.). Редко встречаются они на Среднем Енисее в материалах таштыкской культуры (IV–VI вв. н.э.) [Кызласов, 1960, рис. 30.-8; 51.-7; Дьяконова, 1970, табл. X.-22, 33; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81.-69; Николаев, 2001б, табл. 63.-4; 83.-7; 84.-1, 9; 93.-3; Памятники..., 2011, с. 44]. На Алтае боевые ножи типов 1а и 2а появились во II в. н.э., вероятно, под влиянием хуннуской военной традиции. Имеющиеся вещественные источники позволяют определить их относительную датировку для булан-кобинской культуры в рамках II–V вв. н.э. Экземпляры с выпуклой (горбатой) спинкой происходят преимущественно из комплексов III–V вв. н.э. [Соенов, 2017, с. 120]. Верхняя хронологическая граница бытования рассмотренных типов короткоклинкового оружия у кочевников Алтая доводится до XIV в. [Горбунов, 2006а, с. 77].

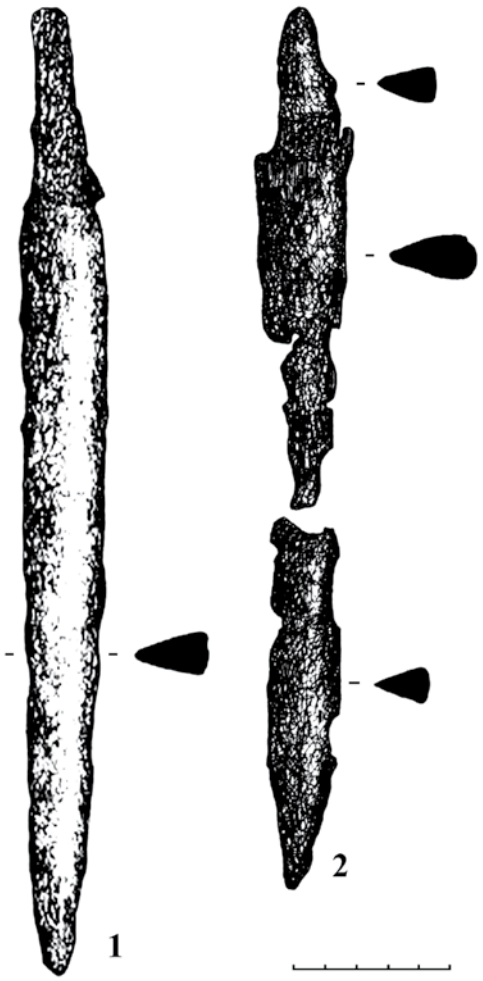

Таблица 11. Железные боевые ножи и детали ножен из комплекса Степушка-2: объекты №40 (1), №48 (2) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2016, рис. 179.-1; 184.-11]

Средства защиты

В погребении воина из кургана №19 комплекса Степушка-I обнаружена железная пластина. Она зафиксирована *in situ* на правой половине грудной клетки человека. Изделие представляет собой прямоугольник размерами 9,4×7,5 см, толщиной 0,15 см, со скругленными углами. Пластина в продольном сечении изогнута по дуге. По краям ее располагалось пять небольших отверстий. На тыльной поверхности предмета имелась деревянная «подкладка» толщиной 0,5–0,8 см (табл. 12.-*1*). Совершенно уверенно можно утверждать, что данная пластина не относится к поясной гарнитуре и является элементом защитной экипировки, предназначенной для прикрытия корпуса человека. Пластина могла фиксироваться (пришиваться?) к матерчатой или кожаной основе через сквозные отверстия. Аналогии рассматриваемой находке в памятниках булан-кобинской культуры Алтая и в близких по времени археологических материалах других регионов авторам не известны.

В комплексе Степушка-2 в объекте №20, который содержал захоронение двухлетнего ребенка, обнаружена железная пластина ламеллярного доспеха вертикальной системы набора. Изделие лежало в области пояса. Сохранившийся элемент бронепокрытия имеет форму укороченного прямоугольника с овальным верхним краем размерами 4×3,1 см, толщиной 0,2 см. Пластина снабжена восьмью крепежными отверстиями: две пары боковых, расположенных с каждой стороны вертикально, пара срединных

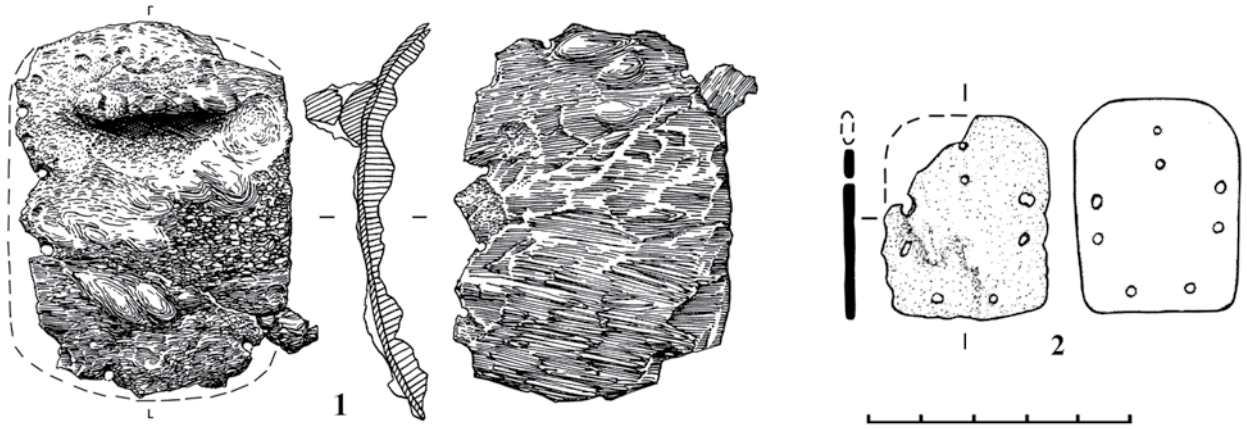

Таблица 12. Железные защитные пластины: Степушка-I, курган №19 (1); Степушка-2, объект №20 (2) [по: Тишкин, Матренин, 2013б, рис. 2.-27; Соенов, Константинов, Трифанова, 2015а, рис. 13.-12]

верхних, размещающихся вертикально, и пара срединных нижних, ориентированных по горизонтали (табл. 12.-*2*).

Железные панцирные пластины с боковыми и срединными верхними и нижними отверстиями восходят к китайской традиции бронничества, заимствованной в конце III в. до н.э. хунну и племенами польцевской культуры Приамурья [Горбунов, 2003, с. 43–44]. В Центральной и Восточной Азии пластины с данной системой крепления наиболее широко применялись в сяньбийском доспехе [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 10.-10–12]. Ранние аналогии пластине из Степушки представлены в хуннуских памятниках конца III в. до н.э. – I в. до н.э., а более поздние – в комплексах сяньби конца I – III в. н.э. и начала IV в. н.э. [Давыдова, 1995, табл. 39.-2, 56.-11, 144.-12, 174.-9; Excavation of Tomb…, 1997, fig. 11.-2, 12.-10; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, с. 41, рис. 4.-12–14; Могильник Дундацзин, 2004, рис. 10.-2, 7]. Близкие по пропорциям экземпляры, но с большим количеством боковых отверстий обнаружены в Прибайкалье в материалах IV–VI вв. н.э., а также в Верхнем Приобье в памятнике одинцовской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. [Горбунов, 2003, с. 44, рис. 4.-3]. На Алтае пластина с похожей системой крепления, но с семью отверстиями (две пары боковых с каждой стороны вертикально, пара срединных верхних, расположенных вертикально, одно срединное нижнее) обнаружена совсем недавно при раскопках могильника сяньбийско-жужанского времени на археологическом комплексе Чобурак-I*.

У населения булан-кобинской культуры пластины с рассмотренными признаками распространялись под влиянием раннесяньбийского оборонительного вооружения. Их существование охватывает период со II по начало V в. н.э. (при этом для панцирей 2-й половины IV – V в. н.э. они выглядят архаично и применялись, по-видимому, главным образом при наборе бармиц). Данный тип защитных пластин не получит развития в паноплии тюркской культуры 2-й половины V – XI в. н.э.

Редкость обнаружения железных средств защиты в археологических материалах Алтая обусловлена тем, что металлический панцирь был очень дорогим видом экипировки, который могла позволить себе небольшая группа профессиональных воинов, составляющих подразделения тяжелой и средней конницы и тяжеловооруженной пехоты [Горбунов, 2003, с. 90; 2006а, с. 95]. Находку панцирной пластины в детском захоронении следует рассматривать как подношение, выполнявшее охранительные или какие-то иные символические функции [Соенов, Константинов, Трифанова, 2015а, с. 22].

* Авторы благодарят Н.Н. Серегина за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными археологическими материалами.

3.2. Снаряжение человека

В археологической литературе понятие снаряжения строго не определено. Опираясь на общую и специализированную (прежде всего, войсковую) терминологию [БСЭ; ВЭС], под снаряжением (амуницией) человека авторы понимают комплект приспособлений, предназначенных для ношения личного оружия, средств защиты и иных вещей, а также запасов продовольствия. Главным элементом амуниции выступает поясной ремень, служащий для затягивания на теле человека верхней одежды, к которому крепятся портупейные ремешки, разная функциональная и декоративная гарнитура (пряжки, застежки, бляхи, распределители, наконечники, блоки, цепочки и др.), футляры (ножны, колчаны, налучья, сумочки и пр.) [Матренин, 2017, с. 3]. Опыт многочисленных исследований показывает, что предметы снаряжения, обнаруживаемые в археологических памятниках, являются достаточно информативным источником для разработки дробной периодизации материальной культуры, а также для изучения процессов этнического и межкультурного взаимодействия древнего и средневекового населения. Отдельное место они занимают при реконструкции системы жизнеобеспечения и социальной структуры исследуемого общества.

Ножны

В ходе раскопок и в процессе реставрации боевых ножей, обнаруженных в комплексе Степушка-I, удалось проследить элементы конструкции ножен и выполнить реконструкцию некоторых сохранившихся образцов. Принимая во внимание редкость археологических сведений о футлярах для короткоклинкового оружия из памятников Азии сяньбийско-жужанского времени, считаем целесообразным привести развернутое описание всех зафиксированных деталей ножен [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012а; Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014; Матренин, 2017, с. 21–25].

Курган №5. Боевой нож в ножнах обнаружен в захоронении обезглавленного мужчины на его грудной клетке, был ориентирован острием в сторону ног покойного. На разных участках клинка длиной 32,6 см прослеживался тлен от деревянных ножен, не позволявший сделать точные заключения относительно их конструкции. Можно предположить, что ножны состояли из двух накладывавшихся одна на другую деревянных планок с выточенными пазами для боевой части, покрытых сверху кожей. Они плотно соединялись друг с другом с помощью кожаных ремешков в области устья (приемного отверстия), средней части и окончания ножен. Рядом с плечиком ножа расчищено сильно корродированное металлическое крепление ножен, представленное фрагментами железной окантовки устья в виде полуобоймы (шириной около 5 см) и бортиком из двух пластин-накладок со стороны лезвия (табл. 9.-*1*). Последние были вытянуто-прямоугольной формы размерами 6×1 см и соединялись между собой с помощью трех вставных шпеньков с полусферическими шляпками, зажимавшими боковой край окантовки устья. Центральный шпенек бортика фиксировал хомут в виде полуобоймы, к которой подводилась железная цепочка, состоявшая из одного витого восьмерковидного звена длиной 3,5 см (табл. 9.-*2*). Через отверстие в цепочке, по всей видимости, пропускался узкий подвесной портупейный ремешок. Он, в свою очередь, соединялся с кольцом железной бляхи-полуобоймы основного пояса. Окончание ножен могло быть скреплено кожаной обмоткой. На нижней трети клинка *in situ* зафиксирована железная пряжка Т-образной формы с подвижным язычком на вертлюге и длинным пластинчатым щитком (табл. 9.-*3*), лежавшая перпендикулярно боевому ножу. Пряжка служила для застегивания свисавшего вниз портупейного ремешка, фиксировавшегося к кольцу железной бляхи-полуобоймы основного пояса. Данные особенно-

сти крепления ножен обеспечивали регулируемое ношение боевого ножа в двух позициях: практически параллельно основному поясу либо вертикально свисавшим вдоль бедра (табл. 13.-*1*).

Курган №13. Боевой нож найден на тазовых костях мужчины, под предплечьем левой руки. Выявлены следующие особенности конструкции ножен. Деревянная основа футляра (из двух половинок с соответствующими пазами для клинка с кожаным покрытием сверху) имела одностороннюю железную окантовку устья в виде накладки П-образной формы шириной 6,3 см, длиной 9,4 см, с приостренными концами. Она фиксировалась с помощью четырех вставных шпеньков (табл. 9.-*7*). С обеих сторон боевого ножа находилась пара железных портупейных колец с пластинами-полуобоймами и без них, которые служили для крепления (табл. 9.-*5, 6, 9, 10*). Со стороны лезвия зафиксированы два железных витых восьмерковидных звена длиной 9,8 и 4,5 см от цепочки (табл. 9.-*8, 11*), служившей для подвешивания ножен к основному поясу. Сделанные наблюдения относительно размещения ножа и деталей крепления дают основания считать, что рассматриваемый боевой нож мог носиться параллельно поясу и вдоль бедра (табл. 13.-*3*).

Курган №17. Боевой нож в ножнах обнаружен в погребении юноши на правом крыле таза под углом 45° относительно позвоночника, острием в направлении ног. Ножны имели железный бортик со стороны лезвия, образованный двумя парами пластин вытянуто-прямоугольной формы (шириной 0,9 см, длиной 5,2 и 6,8 см, соответственно), соединяющихся между собой вставными шпеньками с выпуклыми шляпками (табл. 9.-*13–15*). Бортик полностью обрамлял боковую сторону ножен, выполненных из дерева и кожи. Ножны подвешивались к поясу железной цепочкой, состоявшей из витого восьмерковидного звена длиной до 3,5 см, один конец которого крепился к бортику металлическим хомутиком с помощью шпенька, а другой завершался пластиной-полуобоймой со шпеньком, присоединявшейся к портупейному ремешку (табл. 9.-*12*). Последний, по-видимому, вертикально свисал с подвижного кольца железной бляхи-полуобоймы основного пояса. Окончание ножен имело регулируемое соединение с поясом за счет портупейного ремешка, застегиваемого в пряжке с подвижным язычком на вертлюге (табл. 9.-*17*). Благодаря данным особенностям крепления боевой нож мог носиться параллельно поясу и вдоль бедра (табл. 13.-*2*).

Курган №19. Массивный нож с клинком длиной 32 см лежал у правого крыла таза мужчины, острием в направлении головы человека. Ножны имели деревянную основу, покрытую сверху кожей. Устье окантовано железной полуобоймой прямоугольной формы размерами 4×2,1 см с парой симметрично расположенных отверстий по бокам, в которые вставлялись железные шпеньки-заклепки. Со стороны лезвия к ней примыкал бортик из двух железных пластин-накладок вытянуто-прямоугольной формы шириной 1 см, длиной не менее 6 см, которые соединялись между собой тремя вставными шпеньками с полусферическими шляпками (табл. 10.-*2–4*). Бортик зажимал боковой край устьевой окантовки. Примерно в средней части длины ножны охватывала еще одна железная обойма, сохранившаяся в виде нескольких небольших фрагментов (табл. 10.-*5*). Лицевая сторона окончания ножен была снабжена железной накладкой листовидной формы с максимальными размерами 4,6×3,2 см, фиксировавшейся к деревянной основе шпеньками-заклепками (табл. 10.-*7*). Ножны подвешивались к основному поясу с помощью железной цепочки, состоявшей из одного витого восьмерковидного звена длиной 3,5 см, фиксировавшемуся к бортику с помощью петли-хомутика (табл. 10.-*2*). Другой конец цепочки крепился к портупейному ремешку посредством железной полуобоймы со шпеньком, пропущенной в отверстие звена. К окончанию ножен был подведен еще один портупейный ремешок, застегивавшийся на железную пряжку с подвижным язычком (табл. 10.-*6*). Оба портупейных ремня подвешивались к кольцам железных блях-полуобойм основного пояса. Регулируемое крепление ножен позволяло носить нож параллельно поясу либо вдоль бедра (табл. 13.-*4*).

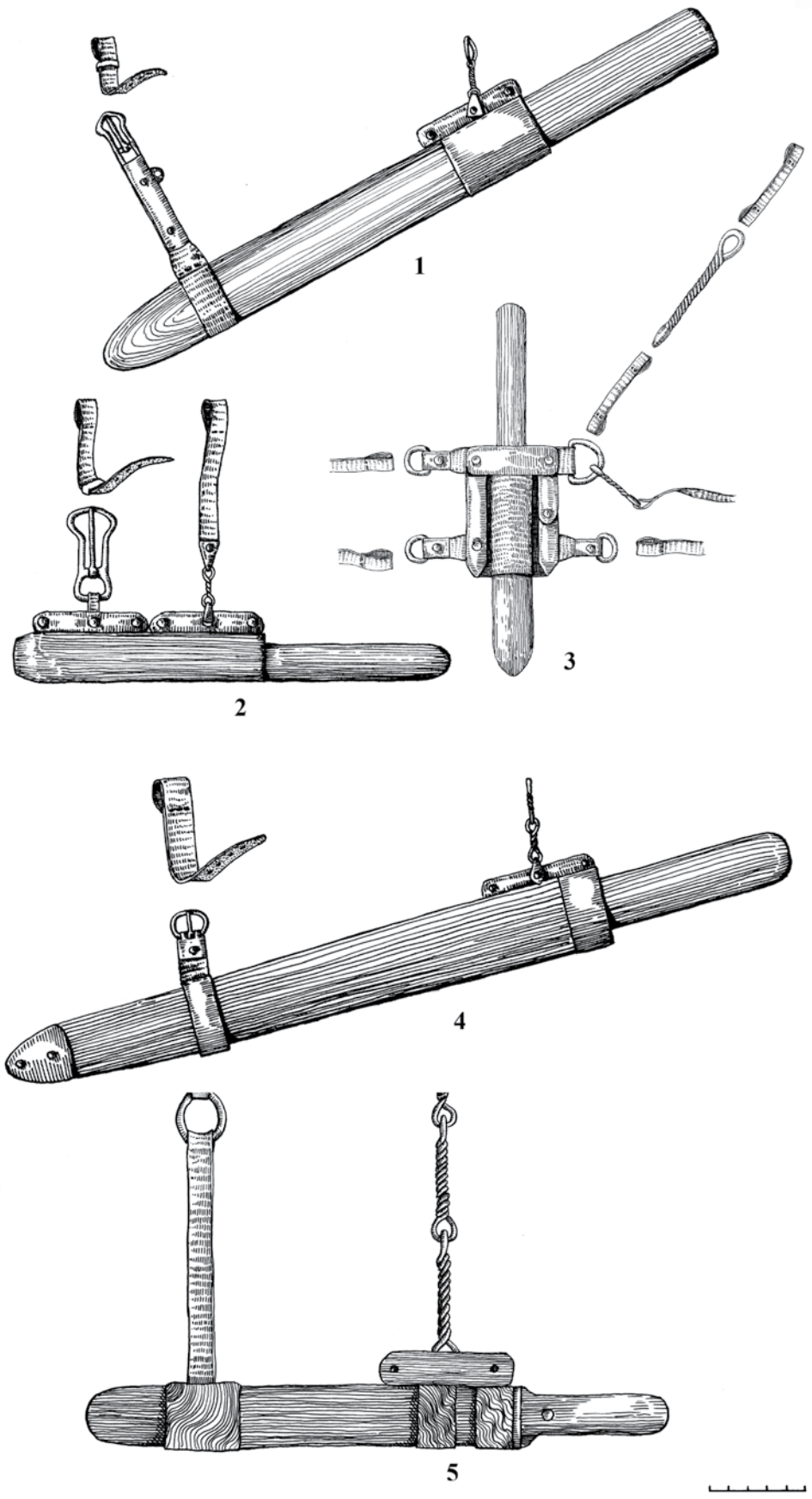

Таблица 13. Реконструкция ножен боевых ножей из комплекса Степушка-I: курганы №5 (1), №13 (3), №17 (2), №19 (4), №21 (5)

Курган №21. Боевой нож найден в погребении ребенка (у правого крыла таза). Он был расположен острием в направлении ног и помещен в ножны, состоявшие из двух деревянных планок, обложенных сверху полированной кожей. Устье ножен скрепляла железная полуобойма прямоугольной формы шириной около 4 см (табл. 10.-*9*). Еще одна похожая обойма шириной около 3 см окантовывала участок клинка в нижней трети его длины (табл. 10.-*11*). Бортик ножен размещался со стороны лезвия и состоял из двух железных пластин-накладок вытянуто-прямоугольной формы размерами 5,7×1,3 см, фиксировавшихся между собой тремя шпеньками с полусферическими шляпками. Бортик зажимал боковой край окантовки устья ножен со стороны лезвия. Центральный шпенек фиксировал хомут в виде пластины-полуобоймы, к которому крепилась железная цепочка, сделанная из трех витых восьмерковидных звеньев разной длины. Хомут пропускался в отверстие крайнего звена (табл. 10.-*9*). Аналогичным образом осуществлялось крепление противоположного конца цепочки с железной накладкой основного пояса, представляющей собой прямую бляху-пластину размерами 4,6×2 см со шпеньками и кольцом (табл. 10.-*10*). Возможно, что к окончанию ножен подводился портупейный ремешок, вертикально свисавший с основного пояса. По-видимому, данный боевой нож носился двумя способами: параллельно поясу или вдоль бедра (табл. 13.-*5*).

Рассмотренные образцы ножен с одной или двумя железными обоймами и бортиком из пластин-накладок, подвешивавшимся к поясу с помощью железной цепочки, являются достаточно информативными в плане относительной хронологии. Аналогии им происходят из погребений булан-кобинской культуры, исследованных на могильниках Булан-Кобы-IV, Яломан-II, Кок-Паш, Пазырык [Гаврилова, 1965, рис. 3.-5–7; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 35.-7–9; Тишкин, Горбунов, 2007, рис. 1, с. 172; Матренин, 2017, с. 17–21]. Важно отметить, что на Алтае найдено больше всего хорошо сохранившихся и археологически реконструируемых изделий. В Туве железные цепочки встречаются в комплексах кокэльской культуры Тувы, датирующихся не ранее конца III в. н.э. Однако в исключительно редких случаях они присоединялись к ножнам, имеющим железные оковки-обоймы [Николаев, 2000, рис. 3.-1, 2]. Еще один регион применения похожих по конструкции ножен с железными цепочками связан с ареалом распространения ранних памятников (2-я половина IV – V в. н.э.) одинцовской культуры в Алтайской лесостепи, куда они попали, скорее всего, от кочевников Алтая [Грязнов, 1956, табл. XXXII.-22, XLI.-10]. Близкие по оформлению ножны с цепочками и без них зафиксированы в снаряжении лесных культур Приобья V–VI вв. н.э. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 2.-1; 5.-5; 8.-2; 14.-4; 53.-7, 8; Соловьев, 1987, рис. 20.-7, 8]. На территории Среднего Енисея железные цепочки встречаются в склепах таштыкской культуры V–VI вв. н.э., но случаи использования их для подвешивания ножен достоверно не известны [Вадецкая, 1999, с. 124–125]. Изучение взаимной встречаемости ножен с железными цепочками в закрытых комплексах булан-кобинской культуры с другими датирующимися категориями инвентаря показывает факт предпочтительного появления их на Алтае в IV в. н.э., с верхней хронологической границей бытования в данном регионе в рамках V – начала VI в. н.э. Эти изделия можно относить к числу маркеров поздней стадии бело-бомского этапа булан-кобинской культуры и показательным индикатором комплексов верх-уймонского этапа.

Колчанные крюки

Остатки саадачных (стрелковых) поясов представлены шестью железными крюками-застежками: Степушка-I, курганы №5, 6, 13, 17, 19; Степушка-2, объект №40. Расположение крюков *in situ* в погребениях показывает, что они размещались преимущественно в области таза или в верхней части бедер (обычно смещены в правую сторону) в проекции горловины колчана. Расстояние от крюка до дна колчана составляет не менее 50 см. В могилу саадачные пояса, скорее всего, помещались расстегну-

тыми. Отсутствие находок органической основы пояса, а также крепежных деталей в виде распределителей ремней затрудняет реконструкцию способа соединения крюка, пояса и колчана. Все обнаруженные крюки зафиксированы отдельно от пряжек основных поясов.

Несмотря на немногочисленность, колчанные крюки могут быть подвергнуты классификации, которая станет основой для их типологии. Для классификации крюков применялась таксономическая схема со следующим структурированием морфологических признаков: группа определяет материал изготовления; разряд – наличие или отсутствие поперечной планки (перекладины) на язычке (резко загнутый конец основания крюка в виде стержня или пластины, предназначенный для фиксации свободного конца ремня); раздел – оформление поперечной планки (прямое, фигурное) и окончания язычка без планки (простое, зооморфное); отдел – конструкция щитка (место неподвижного соединения крюка с ремнем, четко выделенное или плавно переходящее в основание); тип – форма (абрис) щитка [Матренин, 2011, с. 142–143; 2017, с. 8–11].

В результате систематизации выделена одна группа, два разряда, два раздела, три отдела, пять типов крюков.

Группа I. Железные крюки.

Разряд I. С поперечной планкой на язычке.

Раздел I. Планка прямая.

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 1. Щиток овальный, вытянутый перпендикулярно основанию. 1 экз.: Степушка-I, курган №5. Длина крюка 10,5 см. Размеры щитка 3,3×2,7 см. Длина планки 2,3 см (табл. 14.-*1*).

Отдел II. Щиток представляет собой пластину, фиксирующуюся к ремню с помощью вставных шпеньков-заклепок.

Тип 2. Щиток овально-четырехугольный, плавно переходящий в основание. 1 экз.: Степушка-I, курган №19. Длина крюка 10,1 см. Размеры щитка 3×2 см. Длина планки 3,2 см (табл. 14.-*2*).

Разряд II. Без поперечной планки на язычке.

Раздел II. Окончание простое.

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 3. Щиток прямоугольный, вытянутый перпендикулярно основанию. 1 экз.: Степушка-I, курган №13. Предполагаемая длина крюка не более 10 см (изделие фрагментировано). Размеры щитка 3,5×1,4 см (табл. 14.-*3*).

Тип 4. Щиток округлый. 2 экз.: Степушка-I, курган №17; Степушка-2, объект №40. Длина крюков 6,6–6,8 см. Размеры щитка 1,8–1,9×1,8–2,2 см (табл. 14.-*4, 5*).

Отдел III. Щиток представляет собой пластину, фиксирующуюся к ремню, по-видимому, с помощью шпеньков.

Тип 5. Щиток прямоугольный, вытянутый перпендикулярно основанию. 1 экз.: Степушка-I, курган №6. Длина крюка 9 см. Размеры щитка 2,6×1,5 см (табл. 14.-*6*).

Колчанные крюки представлены в поясных гарнитурах многих кочевых народов Евразии со 2-й половины I тыс. до н.э. Практика использования данных застежек в Центральной Азии и Сибири значительно сократилась во II в. до н.э. – I в. н.э. за счет широкого распространения металлических пряжек с подвижным язычком. Колчанные крюки очень редко встречаются в памятниках хунну Забайкалья и Монголии [Давыдова, 1996, табл. 42.-6; Миняев, 1998, табл. 30.-7; Эрдэнэ, Амгалантөгс, Нельсон, 2007, т. 225]. В степях Восточной Европы такие изделия вышли из употребления в раннесарматское время (II–I вв. до н.э.). Новое их появление в данном регионе связано с пришедшими туда в конце IV в. н.э. гуннами. В лесных культурах Прикамья крюки-застежки известны на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. [Генинг, 1963, табл. XVIII.-2; 1988, рис. 16.-5–7, 9; Агеев, 1992, табл. 8.-27–29; 18.-1–6; Останина, 1997, рис. 11.-9–13, 40–42].

Известные на сегодняшний день колчанные крюки булан-кобинской культуры происходят из памятников, датирующихся не ранее II в. н.э. Генезис железных колчанных крюков «булан-кобинцев» не связан с бронзовыми гарнитурами скифо-сакского времени. Верхняя хронологическая граница бытования данных застежек на Алтае смыкается со временем появления раннетюркских памятников 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э.

У булан-кобинского населения наибольшей популярностью пользовались крюки с поперечной планкой на язычке (разряд I). Данный признак присутствовал у 22 из 36 известных крюков в памятниках Алтая II–V вв. н.э. Функциональное назначение планки заключалось в том, что она предназначалась для более надежной фиксации свободного конца ремня, который представлял собой широкую прорезь или петлю. Особенностью большинства крюков с таким оформлением язычка выступает большая длина основания, которое почти всегда прогнуто.

Начальная дата появления крюков с поперечной планкой на территории Южной Сибири является принципиально важной для региональной археологической периодизации. Сложность ее определения вызывает «плавающая» датировка комплексов, где найдены данные предметы, или фрагментарная публикация материалов некоторых перспективных для решения этого вопроса памятников. Неудивительно, что в ряде случаев такие крюки сами приобретают значение хронологического индикатора.

Имеющиеся к настоящему моменту археологические источники показывают, что этой модификации крюков нет в I–II вв. н.э. [Васютин, Елин, 1984, с. 36; Николаев, 2000, с. 78–82]. За пределами Алтае-Саянской горной страны крюки с поперечной планкой происходят преимущественно из памятников IV–V вв. н.э. Они представлены в бурхотуйской и дарасунской культурах Восточного Забайкалья (IV–VI вв.), у поздних сяньби на территории Северного Китая (начало IV в.), у племен курумчинской культуры Прибайкалья, у «кенкольцев» Тянь-Шаня (IV–V вв.), у джетыасарского населения Восточного Приаралья (IV в.), у кочевников Приуралья и Северного Причерноморья гуннского времени (конец IV–V вв.), а также у племен Новосибирского Приобья (2-я половина V – начало VI в.) [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 170, табл. VI.-8; XVIII.-1–3, 6; XX.-10; XXIII.-2; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 2.-10, 11; Худяков, 1991, рис. 30.-1–3, 5–7, 9; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, рис. 75.-5; 76.-2; 80.-10; Левина, 1994, рис. 139.-37; Засецкая, 1994, табл. 5.-12; 37.-21; 46.-19; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 23.-9; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 112, рис. 37.-6; Yu Junyu, 1997, fig. 9.-3; Дашибалов, 2011, рис. 21.-10]. Однако крюки данной конструкции появились раньше. Этот вывод подтверждают данные закрытых комплексов Восточного Забайкалья, Тувы, предгорий Кузнецкого Алатау и непосредственно Алтая, датировка которых в настоящее время хорошо аргументирована*.

Полноценное рассмотрение материалов Восточного Забайкалья сейчас практически сведено на нет выборочной публикацией захоронений бурхотуйской культуры, начальная дата которой уже несколько десятилетий определяется в пределах IV или V в. н.э. без каких-либо указаний на более узкие хронологические интервалы. В данном контексте важно то, что колчанные крюки с планкой обнаружены в сяньбийских погребениях дуройского типа Приаргунья (могильники Большая Канга-I, Дурой-I) [Ковычев, 2006, рис. 6.-III: 4; Зюзин, 2008, с. 168]. В хронологическом отношении они занимают промежуточное положение между зоргольскими (II – начало III в. н.э.) и бурхотуйскими памятниками и датируются, по-видимому, не ранее середины III в. н.э. [Яремчук, 2003, с. 73–75; Ковычев, 2006, с. 255, 257]. Погребения этой группы поздних сяньби отражают процесс формирования элементов вещевого комплекса и погребального обряда бурхотуйской общности на рубеже III–IV вв. н.э.

* На территории Монголии крюк с планкой найден в могильнике Бурхан-Толгой (впускное погребение №25а) в закрытом комплексе с костяной пряжкой с подвижным язычком и железным двулопастным наконечником стрелы, на основании которых можно заключить, что данный объект не древнее III в. н.э. Этому не противоречит полученная радиоуглеродная дата в широком интервале (МЭ 55 – 213 гг. н.э.) [Эрдэнэбаатар, Төрбат, Эрдэнэбат, Крюбезы, Жискар, Мюраи, Хай, 1998, зураг 5.-7, хүснэгт 1].

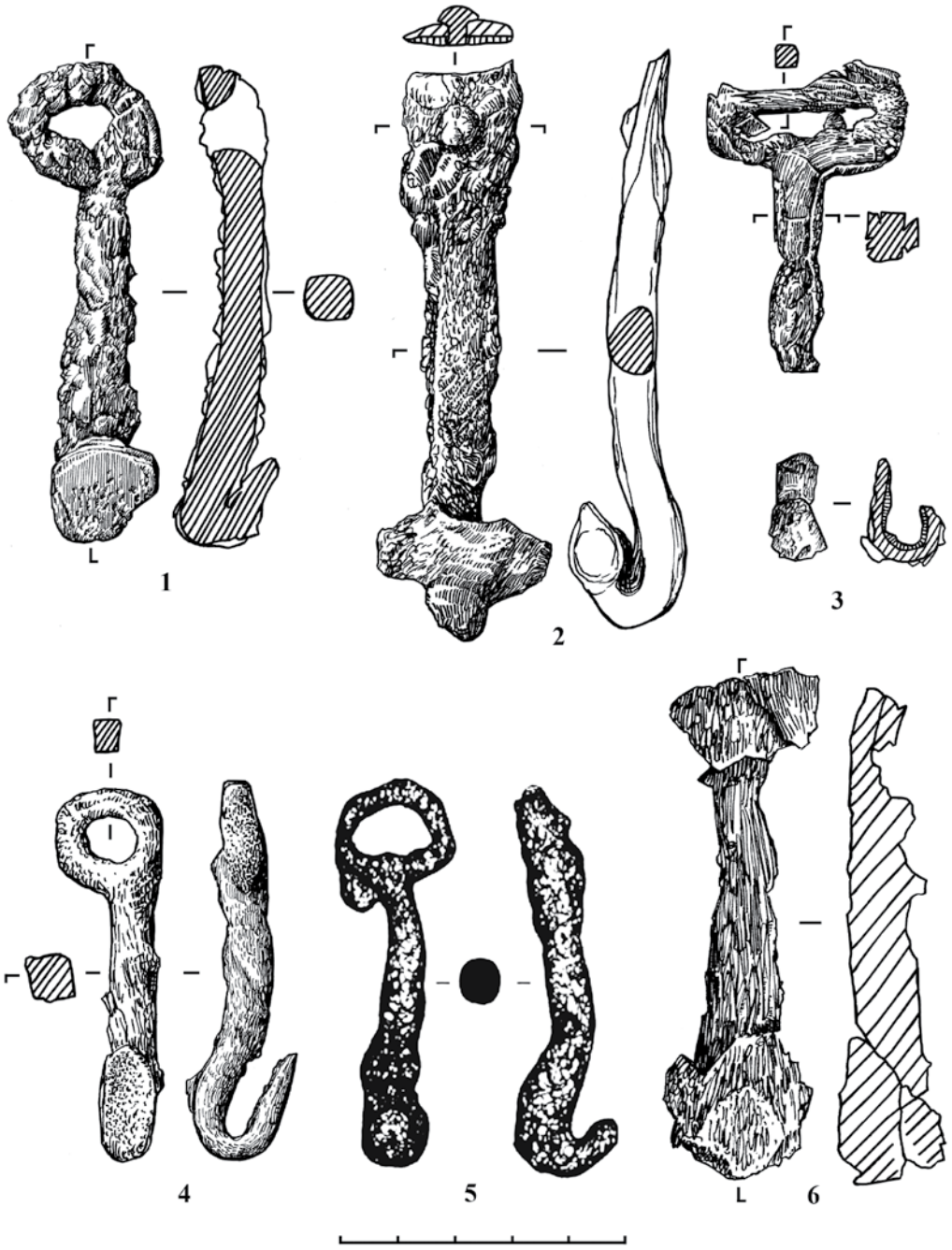

Таблица 14. Железные крюки-застежки саадачных поясов из комплексов Степушка-I, курганы №5 (1), №6 (6), №13 (3), №17 (4), №19 (2) и Степушка-2, объект №40 (5) [по: Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013б, рис. 10.-6–10; Соенов, Константинов, Трифанова, 2016, рис. 180.-13]

На территории Тувы ранние находки крюков с поперечной планкой представлены в могильнике Аймырлыг-XXXI, который относится ко II–III вв. н.э.* В опубликованных материалах кокэльской культуры Тувы крюки с планкой представлены двумя экземплярами из кургана-кладбища Кокэль-26 [Вайнштейн, 1970, рис. 60.-2; 73.-8]. Крюк из Бай-Тайги датируется по сопутствующим вещам (прежде всего, по железным пластинам от доспеха) не ранее 2-й половины IV в. н.э. [Грач, 1966, рис. 30.-1]. Вре-

* Авторы выражают признательность сотруднику Государственного Эрмитажа, кандидату исторических наук Н.Н. Николаеву за возможность знакомства с частью археологической коллекции из данного памятника.

мя существования некрополя Кокэль по-прежнему вызывает дискуссии. По мнению Д.Г. Савинова, датировка этого уникального комплекса приходится на 2-ю половину II – середину III в. н.э. с возможным «запаздыванием» до начала IV в. н.э. и соответствует периоду господства в Центральной Азии сяньби [Савинов, 1992, с. 107–109; 2003, с. 54–55; Длужневская, Савинов, 2007, с. 74]. Н.Н. Николаев [2001б, с. 24–25, 55] определяет нижний хронологический рубеж функционирования данного некрополя временем крушения военно-политического могущества сяньби, а сам памятник датирует не ранее конца III в. н.э. Принимая во внимание относительно «короткую» хронологию Кокэля, можно допустить, что большинство погребений попадают в интервал с конца III по 1-ю половину IV в. н.э. Крюки с планкой происходят из погребений (КЭ-26, XXXI и XXXVIII), сопроводительный инвентарь которых не имеет более узких хронологических привязок. Правда, экземпляр из комплекса КЭ-38 найден вместе с витой пластинчатой гривной, типологически более ранней, чем крученые гривны из нескольких сплетенных проволок. Ее точные подобия представлены в таштыкском склепе №2 Изыхского чаатаса IV–V вв. н.э. [Вадецкая, 1999, табл. 91]. В Туве эти украшения появились, видимо, несколько раньше, чем на Среднем Енисее.

Экземпляр крюка с поперечной планкой имеется в фоминской культуре. Он обнаружен в предгорьях Кузнецкого Алатау в Усть-Абинском могильнике [Ширин, 2003, с. 65, табл. LXX.-11]. Археологический возраст этого памятника определяется не ранее 2-й половины III в. н.э. на основании хорошо датирующихся вещевых комплексов, в том числе с привлечением позднесарматских и прикамских аналогий. Крюки этой конструкции демонстрируют контакты населения подтаежной зоны юга Западной Сибири с кочевыми племенами на волне «эпохи Великого переселения народов». С какой территории данное изделие попало в предгорья Кузнецкого Алатау, сказать сложно. Однако, учитывая параллели в вещевых наборах с булан-кобинской и кокэльской культурой, предпочтительным будет рассматривать направление связей с Алтаем и Тувой. В ареале фоминской культуры начало распространения крюков с планкой может запаздывать до последней четверти III в. н.э.

Приведенные выкладки дают основания считать, что период использования колчанных крюков с поперечной планкой в воинском снаряжении «булан-кобинцев» приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э. На Алтае один из ранних крюков с поперечной планкой на язычке представлен оригинальным образцом из цветного металла, обнаруженным в кургане №227 могильника Балыктыюль [Сорокин, 1977, рис. 6.-5]. Данный экземпляр середины III в. н.э. может рассматриваться в качестве прототипа железных крюков такой конструкции у населения булан-кобинской культуры. Судя по определениям химического состава сплавов, балыктыюльский крюк и другие изделия из цветного металла имеют неместное происхождение и, по-видимому, связаны с традициями цветной металлургии народов Средней Азии[*].

Верхняя хронологическая граница бытования рассматриваемых железных крюков на Алтае устанавливается достаточно уверенно в рамках 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. по их присутствию в оградках кызыл-ташского этапа тюркской культуры [Илюшин, 2000, рис. 4.-6, 7; Тишкин, Серегин, 2011, с. 24]. На последующих этапах развития тюркской общности они не встречены.

Изобретение крюков с рассматриваемым оформлением язычка пока трудно связать с какой-то конкретной этнокультурной средой, хотя предпочтение можно отдать племенам «позднесяньбийского конгломерата». При этом выделяются два региона, где данные застежки имели наибольшую популярность. Одним из них является Алтай, другим – Восточное Забайкалье. На остальных территориях такие крюки встречаются редко. Из Цент-

[*] Рентгенофлюоресцентный анализ, осуществленный С.В. Хавриным в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа по просьбе одного из авторов монографии, показал, что крюк, как и некоторые другие изделия из указанного погребения, изготовлен из бронзы: Cu (медь) – основа; Sn (олово) – 9–11%; Zn (цинк) – <0,5%; Pb (свинец) – <0,3%; Bi (висмут) – <0,3%; Fe (железо) – <0,2%; Ag (серебро) – ? Но часть деталей этого комплекса сделана из латуни.

ральной Азии они проникают в Семиречье и на Нижнюю Сырдарью (IV в. н.э.), откуда в конце IV в. н.э. вместе с гуннами данные предметы попали в степи Приуралья и дальше в Восточную Европу.

Колчанной крюк с прямой поперечной планкой и щитком в виде сомкнутой петли овальной формы (тип 1) обнаруживает значительное количество аналогий: в кокэльском ритуальном комплексе из Бай-Тайги в Туве, в дуройских (Большая Канга-I) и бурхотуйских погребениях Восточного Забайкалья, в катакомбах кенкольской культуры Тянь-Шаня, в кургане раннего этапа верхнеобской культуры из Крохалевки-23, в памятниках гуннского времени Приуралья и Северного Причерноморья, в раннетюркской оградке могильника Кудэргэ [Грач, 1966, рис. 30.-1; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XVIII.-2; XXIII.-2; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 2.-11; Засецкая, 1994, табл. 5.-12; 37.-21; 46.-19; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 23.-9; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, рис. 80.-10; Илюшин, 2000, рис. 5.-9; Ковычев, 2006, рис. 6.-4; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, рис. 37.-6]. В булан-кобинских погребениях Алтая авторам известны еще семь подобных экземпляров из некрополей Булан-Кобы-IV, Дялян, Кок-Паш, Верх-Уймон [Матренин, 2011, с. 143; 2017, с. 9, 14, рис. 2.-5–7]. Они наиболее широко применялись в IV–V вв. н.э.

Крюк с прямой поперечной планкой, снабженный пластинчатым щитком овально-четырехугольной формы (тип 2), находит соответствия в позднесяньбийских материалах могильника Дурой-I Восточного Забайкалья (не ранее середины III в. н.э.), а также в погребении династии Ранняя Янь (начало IV в. н.э.) из Чаояна в Северном Китае [Yu Junyu, 1997, fig. 7.-3; Зюзин, 2008, с. 168]. Наиболее вероятное время бытования данных крюков у булан-кобинского населения – это IV–V вв. н.э. Похожий, но не идентичный на уровне абриса щитка экземпляр зафиксирован в тюркской оградке 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. из Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. 2.-6].

Железные крюки без поперечной планки (разряд II) с простым окончанием язычка (раздел II) имели широкую географию распространения в период поздней древности и Средневековье. При этом похожие изделия встречались на весьма отдаленных территориях. В железном исполнении крюки без планки появились уже в скифо-сакское время. На Алтае они впервые зафиксированы в пазырыкской культуре, хотя значительно чаще встречаются в Алтайской лесостепи у племен каменской культуры [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 29.-11; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 120.-8–10; 20–28]. В Центральной и Северной Азии железные крюки без планки с простым оформлением язычка известны у хунну Забайкалья и Монголии, «кокэльцев» Тувы, у поздних сяньби Восточного Забайкалья, у носителей тесинской и таштыкской культур Хакасии, у шестаковских племен Ачинско-Мариинской лесостепи, у фоминского населения Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау, у носителей одинцовской культуры Алтайской лесостепи и верхнеобской культуры Томского Приобья, у «саргатцев» Западной Сибири [Грязнов, 1956, табл. XXXII.-2; XLI.-22; Вайнштейн, 1970, рис. 29.-6; 40.-2, 3; 76.-3; 97.-7–9; 106.-5; Дьяконова, 1970, табл. I.-25, 26; Уманский, 1978, рис. 3.-4; 5.-6; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 4.-9; 7.-2; 14.-9; Матвеева, 1993, рис. 24.-6; 1994, рис. 20.-4; 45.-11; Давыдова, 1996, табл. 42.-6; Культура зауральских скотоводов на рубеже эр…, 1997, рис. 22.-12, с. 54; Миняев, 1998, табл. 30.-7; Вадецкая, 1999, рис. 15.-25, 27–29; 65; 70; 77, табл. 8.-9–11; 68.-2; 91; 104; 115; 135.-1, 2; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, рис. 40.-44; Панкова, 2003, рис. 5.-4; Ширин, 2003, табл. XXXVII.-1; XLIX.-1; LIII.-18; Митько, 2007, рис. 22.-13–15; Эрдэнэ, Амгалантөгс, Нельсон, 2007, т. 225; Зюзин, 2008, с. 168].

Колчанные крюки без планки с простым окончанием язычка из памятников булан-кобинской культуры генетически не связаны с гарнитурами скифо-сакского времени. Датировка таких крюков имеет сложности, которые вызваны небольшой серией данных экземпляров в закрытых комплексах Алтая II–V вв. н.э.

Крюк со щитком-петлей прямоугольной формы (тип 3) обнаруживает точную аналогию в кургане №26 могильника Булан-Кобы-IV, который относится к финалу бело-бомского – началу верх-уймонского этапа (середина – 2-я половина IV в. н.э.) булан-

кобинской культуры. Данные изделия могут быть производными от крюков с поперечной планкой, часто имеющих подобное оформление щитка. На соседних с Алтаем территориях аналогии данному типу крюков авторам не известны.

Крюки с округлым щитком-петлей (тип 4) являются частой находкой в археологических комплексах 2-й половины I тыс. до н.э. Наиболее близкие в территориальном отношении экземпляры связаны с каменской культурой Верхнего Приобья и саглынской культурой Тувы и Монголии [Могильников, 1997, с. 57–58, рис. 47.-1, 2; Семенов, 2003, табл. 3.-37; 32.-1, 9; 60.-30; 95.-17; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 120.-20–24]. В 1-й половине I тыс. н.э. они встречаются в памятниках кокэльской, тесинской, таштыкской, фоминской, саргатской культур [Вайнштейн, 1970, рис. 29.-6; Матвеева, 1994, рис. 20.-4; Вадецкая, 1999, рис. 15.-24, 29; табл. 8.-9, 10; Ширин, 2003, табл. XXXVII.-1; XLIX.-1; LIII.-18; Митько, 2007, рис. 22.-13]. Похожий крюк найден в позднебулан-кобинском погребении 2-й половины IV – V в. н.э. на могильнике Дялян. Установить начальную дату появления крюков этого типа у кочевников Алтая пока трудно. Этот вопрос остается открытым. На сегодняшний день можно констатировать их отсутствие на Алтае в хуннуское время (II в. до н.э. – I в. н.э.).

Крюк с пластинчатым прямоугольным щитком (тип 5) из кургана №6 представляет собой редкий образец застежки саадачного пояса, не имеющий аналогий в материалах булан-кобинской культуры. Применение крюков без планки с пластинчатыми щитками других форм зафиксировано в памятниках хунну, в курганах саргатской культуры, в грунтовых могилах таштыкской культуры, в позднесяньбийских погребениях дуройского типа [Культура зауральских скотоводов на рубеже эр…, 1997, рис. 22.-15, с. 54; Вадецкая, 1999, рис. 15.-25; Эрдэнэ, Амгалантөгс, Нельсон, 2007, т. 225; Зюзин, 2008, с. 168]. Данные изделия получат широкое распространение в раннем и развитом средневековье. На Алтае они наиболее массово представлены у тюрок [Кубарев, 2005, табл. 7.-4; 99.-16; 150.-5; и др.]. С учетом распространения морфологически близких предметов на Среднем Енисее и в Восточном Забайкалье появление данных крюков на Алтае предварительно можно отнести к III в. н.э. Вопрос о верхней хронологической границе бытования крюков типа 5 в булан-кобинской культуре остается пока открытым.

В заключение еще раз подчеркнем, что материалы по стрелковым поясам могильника Степушка демонстрируют популярность у «булан-кобинцев» крюков с поперечной планкой, период бытования которых приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э. Данным изделиям найдено значительное количество аналогий в памятниках IV–V вв. н.э., что отражает время их активного использования. Эти застежки являются одним из хронологических индикаторов поздней фазы бело-бомского этапа (конец III – середина IV в. н.э.), а также показательным элементом предметного комплекса верх-уймонского (2-я половина IV – V в. н.э.) этапа булан-кобинской культуры. Датировка колчанных крюков с язычком без планки имеет сложности, которые вызваны небольшой серией находок в закрытых комплексах Алтая II–V вв. н.э. Такие застежки генетически не связаны с традициями материальной культуры скифо-сакского времени.

Колчаны

В кургане №19 погребального комплекса Степушка-I зафиксированы остатки колчана, уложенного справа от человека. Тлен органической основы корпуса прослеживался от середины бедренной кости до локтевого сустава. Данный футляр представлял собой цилиндр-тубус, от которого сохранилось только деревянное днище диаметром 9,2 см, толщиной 1,2 см. По боковой поверхности диска на одинаковом расстоянии друг от друга находилось семь отверстий, которые использовались для крепления с матерчатой или кожаной основой колчана (табл. 15). На одну (по-видимому, наружную) сторону днища был нанесен резной орнамент в виде дуг и полукружий, образующих симметричный узор. Стрелы лежали в колчане наконечниками вниз.

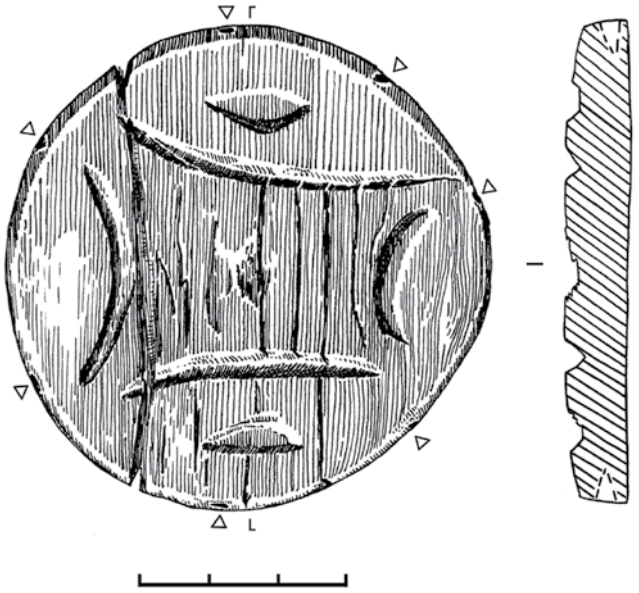

Таблица 15. Деревянное дно колчана из комплекса Степушка-I, курган №19

На сегодняшний день остатки колчанов обнаружены в немногих памятниках булан-кобинской культуры, что обусловлено плохой сохранностью органических материалов в захоронениях [Матренин, 2017, с. 25–28]. Наиболее хорошо сохранившиеся детали конструкции колчанов представлены в погребениях 2-й половины IV – V в. н.э. некрополя Яломан-II с той существенной разницей, что они могли также иметь деревянную крышку и дополнительные крепежные элементы в виде деревянных планок [Горбунов, 2006а, с. 45; Тишкин, Горбунов, 2007, с. 168, рис. 3.-1–7; Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 52.-1; 53.-1; 57; 58; 75; 76]. За пределами Алтая колчаны с деревянным днищем без крышки встречены в воинской экипировке из могильника Кокэль (Западная Тува) 2-й половины III – IV в. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. II.-15; Вайнштейн, 1970, рис. 25.-9; 57.-5; 70.-3; 76.-2; 112.-1; Дьяконова, 1970, рис. 44].

На современном уровне накопления археологических источников из Центрально-Азиатского региона можно предположить, что колчаны с цилиндрическим корпусом и деревянным днищем распространялись на Алтае под влиянием традиций позднесяньбийского снаряжения. У населения булан-кобинской культуры данные футляры будут сосуществовать с классическим колчаном с «карманом» (щитком), являвшимся новацией стрелкового снаряжения Жужанского каганата и одним из элементов тюркского снаряжения. В результате «степного влияния» в конце V в. н.э. колчаны с «карманом» появились у воинов Тоба Вэй [Бобров, Худяков, 2005, с. 111].

В объекте №48 комплекса Степушка-2 зафиксированы фрагменты берестяного колчана, уложенного между ног человека. Стрелы в нем располагались наконечниками вверх [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 40, рис. 127]. Плохая сохранность органической основы не позволяет сделать выводов о конструкции, форме и размерах данного футляра.

В целом берестяные колчаны – достаточно редкая находка в памятниках булан-кобинской культуры. В доступных нам археологических материалах учтены детали двух берестяных колчанов в могильниках Белый Бом-II и Дялян [Матренин, 2017, с. 25; Тетерин, Пилипенко, 2017, с. 119–120].

Поясные пряжки

В погребальном комплексе Степушка-I поясные пряжки были найдены в десяти непотревоженных курганах №5–7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21. Полученная коллекция насчитывает 14 экз. хорошей и удовлетворительной сохранности. Среди них десять изделий являются застежками основного пояса, остальные служили для фиксации портупейных ремешков. В погребальном комплексе Степушка-2 поясные пряжки обнаружены в 16 объектах (№2, 5, 7–10, 15, 19, 26, 30, 32–34, 39, 40, 41а). Общее их количество составляет 20 экз. Поясные пряжки зафиксированы в мужских, женских и детских погребениях.

Прежде чем перейти к изучению данных артефактов, необходимо остановиться на общей терминологии, используемой при морфологическом описании пряжек. В конструкцию пряжки обязательно входит рамка, фиксатор ремня (подвижный язы-

чок или неподвижный шпенек), в отдельных случаях щиток. *Рамка* – основная часть корпуса пряжки, снабженная отверстием для пропускания свободного конца ремня. В рамке различают дужку (передний край) и основание (задняя часть, к которой присоединяется ремень или щиток). *Подвижный язычок* – отдельно изготовленный стержень (из металла или кости), предназначенный для фиксации ремня, закрепленный на основании рамки или оси – вертлюге. *Неподвижный шпенек* – цельный или вставной фиксатор (игловидной, крючковой, кнопочной или другой формы) свободного конца ремня, расположенный, как правило, на лицевой части дужки в одной плоскости с рамкой либо под углом к ней. *Щиток* – единое с рамкой или отдельно изготовленное крепление, предназначенное для фиксации пряжки к ремню [Тишкин, Матренин, 2010, с. 221; Матренин, 2017, с. 29–30].

Для классификации пряжек их признаки были разбиты на шесть уровней: группа учитывает материал изготовления рамки и щитка; разряд отражает вид фиксатора свободного конца ремня; раздел демонстрирует размещение фиксатора ремня на рамке; отдел указывает на наличие или отсутствие щитка, особенности соединения с рамкой; подотдел характеризует способ крепления щитка к ремню, тип определяет форму рамки, а вариант – форму и длину лицевой части щитка. Анализируемую серию составили 27 предметов хорошей и удовлетворительной сохранности: 13 экз. из комплекса Степушка-I, 14 экз. из комплекса Степушка-2.

В результате систематизации выделены две группы, два разряда, три раздела, два отдела с одним подотделом, девять типов поясных пряжек, дополненных десятью вариантами[*].

Группа I. Железные.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел I. Язычок размещается на основании рамки.

Отдел I. Без щитка. Ремень пропускается в приемную прорезь, перегибается через основание рамки с последующим пришиванием.

Тип 1. Овальные. Рамки вытянуты по вертикали, симметричные или со слегка выпрямленным основанием и изогнутой дужкой. Всего 5 экз.: Степушка-2, объекты №5, 9, 10, 19, 32. Размеры рамки 3–3,6×2,7–3,4 см (табл. 17.-*11–15*).

Тип 2. Прямоугольные, вытянутые по горизонтали. Всего 2 экз.: Степушка-2, объекты №19, 41а. Размеры рамки 4,7–7,5×2,5–2,7 см (табл. 17.-*8, 9*).

Отдел II. Подвижный щиток, четко выделенный от рамки. Щиток представляет собой пластину-полуобойму, перегнутую через основание рамки. *Подотдел* ***а*** – щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 3. Овальные. Рамки вытянуты по вертикали, симметричные или со слегка выпрямленным основанием и изогнутой дужкой. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным щитком средней длины. Всего 2 экз.: Степушка-I, курганы №9, 11. Размеры рамки 2,3–2,8×3,1–3,4 см, размеры щитка 3×2 см (табл. 16.-*1, 2*). *Вариант* ***б*** – с прямоугольно-овальным коротким щитком. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №15 (портупейная пряжка). Размеры рамки 2,8×2,6 см, длина щитка менее 3 см при ширине 1,4 см (табл. 16.-*3*). *Вариант* ***в*** – с прямоугольно-овальным щитком средней длины. Всего 6 экз.: Степушка-I, курганы №5, 6, 7, 15; Степушка-2, объекты №7, 33[**]. Размеры рамки 3,2–4×2,6–3,5 см, размеры щитка 3,7–4,3×2–2,5 см (табл. 16.-*4–7*; 17.-*1, 3*).

Тип 4. Трапециевидные, укороченные. Рамка представляет собой четырехугольную фигуру с более широкой дужкой. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным коротким щитком. Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №39. Размеры рамки приблизительно составляют 1,4×1,3 см, размеры щитка – 1,6×1,1 см (табл. 17.-*2*).

[*] Типы 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9 соответствуют типам 2, 5, 12, 14, 15, 19, 20, 29, 32 развернутой классификации пряжек населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, разработанной одним из авторов монографии [Матренин, 2017, с. 30–40].

[**] К данному типу относится пряжка из объекта №15 комплекса Степушка-2 с обломанным щитком, форма которого не может быть определена [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 41].

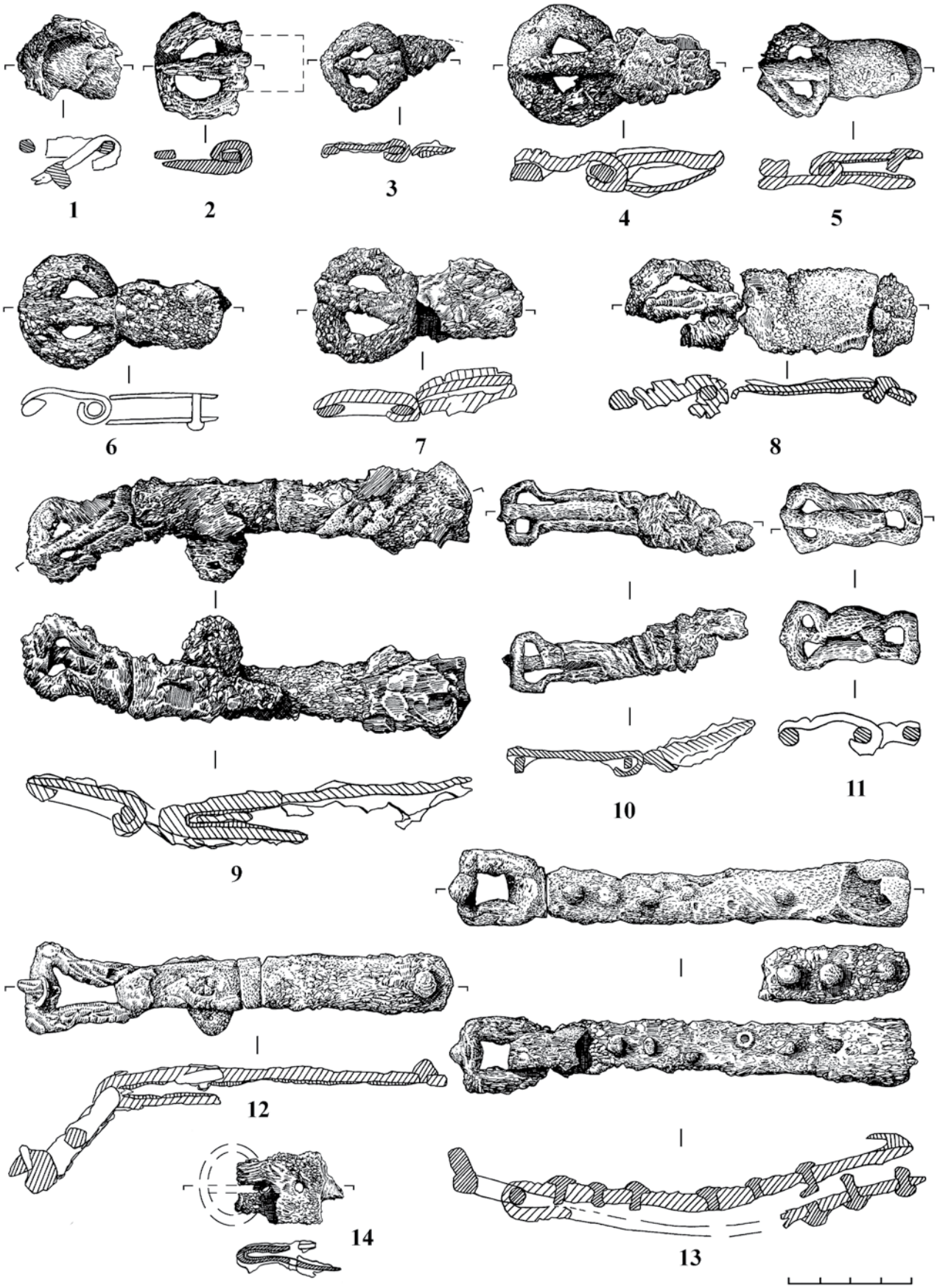

Таблица 16. Железные поясные пряжки из комплекса Степушка-I: курганы №5 (4, 9), №6 (5), №7 (6), №9 (1), №11 (2), №13 (8), №15 (3, 7), №17 (11, 12), №19 (13, 14), №21 (10)

Тип 5. Арочные. Рамка имеет сильно изогнутую дужку и параллельные боковые стороны. *Вариант* ***а*** – с прямоугольно-овальным щитком средней длины. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №13. Размеры рамки 3,6×2,6 см, размеры щитка 5,6×2,6 см (табл. 16.-*8*).

Раздел II. Язычок размещается на цельной вертлюге в прорези рамки.

Отдел I. Без щитка.

Тип 6. Т-образные. Всего 3 экз.: Степушка-I, курган №17 (портупейная пряжка); Степушка-2, объекты №8, 40. Размеры рамки 4,6–4,1×2,3–2,5 – 1,6 – 1,4 см (табл. 16.-*11*; 17.-*6, 7*).

Отдел II. Подвижный щиток-полуобойма, четко выделенный от рамки. *Подотдел* ***а*** – щиток крепится к ремню с помощью шпеньков.

Тип 7. Т-образные. Силуэт рамки образован сочетанием двух геометрических фигур: овала и четырехугольника, боковые стороны которого расширяются к основанию. Абрис сильно вытянут по горизонтали. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным щитком средней длины. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №21. Размеры рамки 5×1,4–2,1 см, размеры щитка 3,5×1,8 см (табл. 16.-*10*). *Вариант* ***б*** – с трапециевидным длинным щитком. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №5 (портупейная пряжка). Размеры рамки 4,5×1,9–2,9 см, размеры щитка 10×1,6–2,3 см (табл. 16.-*9*).

Разряд II. Неподвижный шпенек.

Раздел III. Неподвижный шпенек располагается на лицевой стороне дужки.

Отдел I. Подвижный щиток, выделенный от рамки. Щиток представляет собой пластину-полуобойму, перегнутую через основание рамки. *Подотдел* ***а*** – крепится к ремню с помощью шпеньков.

Тип 8. Трапециевидные. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным длинным щитком. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №17. Размеры рамки 4,9×2,2–3,2 см, размеры щитка 12×1,5–1,6–2 см (табл. 16.-*12*). *Вариант* ***б*** – с трапециевидным длинным щитком. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №19. Размеры рамки 2,5×2,2–2,5см; размеры щитка 13,8×1,7–2,2 см (табл. 16.-*13*).

Группа II. Пряжки из цветного металла.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел I. Язычок располагается на основании рамки.

Отдел II. Подвижный щиток-полуобойма, четко выделенный от рамки. *Подотдел* ***а*** – щиток крепится к ремню с помощью шпеньков.

Тип 9. Овальные, вытянутые по вертикали. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным щитком средних пропорций. Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №30. Размеры рамки 2,3×1,8 см, размеры щитка 1,8×1 см (табл. 17.-*18*).

В коллекции поясных пряжек из могильника Степушка количественно доминируют железные экземпляры (группа I), что отражает общую традицию использования населением булан-кобинской культуры черного металла в качестве основного материала при изготовлении снаряжения. Принципиально важные различия морфологии данных предметов касаются способа фиксации свободного конца ремня на рамке. Это выражается в существовании двух относительно самостоятельных линий эволюции пряжек, представленных модификациями с подвижным язычком и неподвижным шпеньком [Матренин, 2013а, с. 229; 2017, с. 40–56].

Железные пряжки с подвижным язычком на основании рамки (разряд I, раздел I) традиционно рассматриваются в качестве хроноиндикаторов начала «гунно-сарматского» времени. Наиболее ранние экземпляры их происходят из памятников хунну Центральной Азии II в. до н.э. [Коновалов, 1976, табл. XI; XII; Давыдова, 1996, табл. 1, 3, 8, 10–12, 23, 26, 35, 40, 49, 50, 52; Миняев, 1998, табл. 7, 23, 40, 56, 67, 82, 93, 96, 104, 108, 120; Пан Линь, 2007, с. 63–73]. Это совершенно новая модификация застежек, происхождение которой не связано с металлическими пряжками кочевников Азии скифо-сакского периода. Данный вывод подтверждается разницей в конструкции и форме железных пряжек с подвижным язычком и бронзовых пряжек

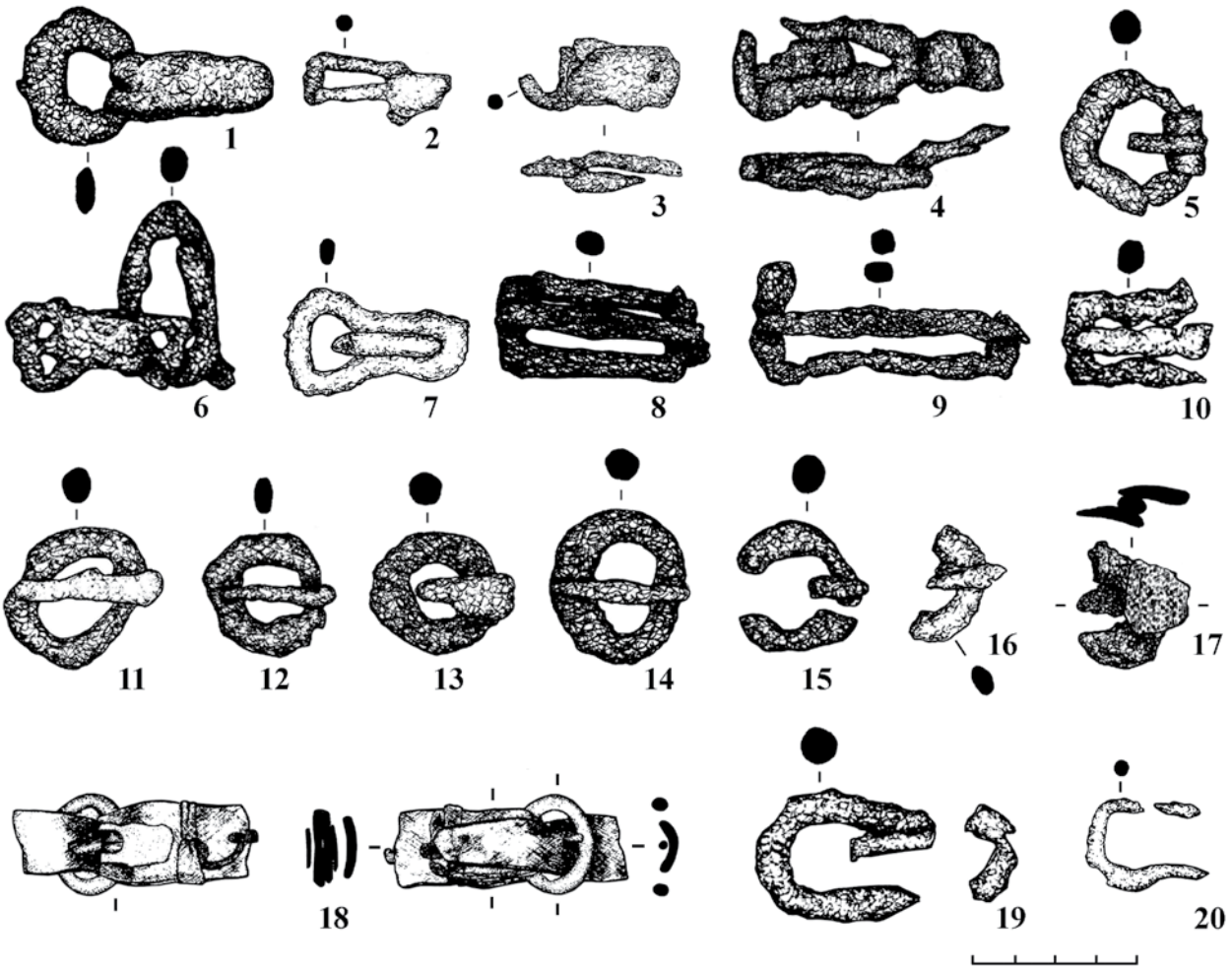

Таблица 17. Железные и бронзовые поясные пряжки из комплекса Степушка-2: объекты №2 (17), №5 (4, 13), №7 (1), №8 (7, 16), №9 (15), №10 (11), №15 (5), №19 (9, 14), №26 (10), №30 (18), №32 (12), №33 (3), №34 (19), №39 (2, 20), №40 (6), №41а (8) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 3; рис. 6.-1; 17.-2; 25.-6; 32.-6; 70.-5; 81.-1; 90.-2; 94.-3; 106.-2; 111.-14]. *1–5, 7–17, 19, 20 – железо; 6 – железо, кожа; 18 – бронза, кожа*

с неподвижным шпеньком из хуннуских погребений. Неслучайной выглядит исключительная редкость бронзовых пряжек с подвижным язычком в погребениях раннего этапа хуннуской культуры Дырестуйского и Иволгинского некрополей [Давыдова, 1996, табл. 30.-24; Миняев, 1998, табл. 60.-9]. Сами хунну могли заимствовать подвижный фиксатор ремня от китайцев, у которых в период династий Цинь и Западной Хань существовали оригинальные металлические пряжки с подвижным язычком на вертлюге, применявшиеся в конском снаряжении и воинской экипировке [Xuzhou Museum, 2006, fig. 7.-6; Ковалев, Эрдэнэбаатар, Матренин, Гребенников, 2011, рис. 18.-2; 19.-4, 5]. При установлении нижней даты железных пряжек с подвижным язычком на основании рамки важно учитывать отсутствие их в составе инвентаря погребений кочевников III в. до н.э. Северного Китая с признаками влияния хунну, а также среди предметов, отражающих хуннуские новации в памятниках саглынской культуры Тувы III – начала II в. до н.э. [Ковалев, 2002, рис. 2–6; Семенов, 2003, с. 77–80]. Датировка ранних находок таких пряжек в Минусинской котловине из коллективного погребения в позднетагарском кургане Лисий («нижняя погребальная камера») и других комплексов с «бронзовыми миниатюрами» сейчас пересмотрена в сторону омоложения [Вадецкая, 1999, с. 134–135, рис. 65]. На Среднем Енисее такие пряжки фиксируются в позднетагарских и тесинских памятниках I в. до н.э. Они получили там широкое применение с середины указанного столетия [Мартынов, 1979, табл. 23.-1, табл. 36.-108; Кузьмин,

1988, рис. 13.-5, 11–21; Пшеницына, 1992, табл. 93.-45; Вадецкая, 1999, рис. 65, 77, 80, 84; 94.-58–59; Савинов, 2009, рис. 8.-1–4]. Представленные наблюдения наводят на мысль о распространении подвижно-язычковых пряжек у населения Алтайской горной страны не ранее 2-й трети II в. до н.э. (принимая во внимание запаздывание по отношению к центральноазиатским аналогиям). Примерно в то же время они впервые появились в Туве (могильник Урбюн-III, Чинге-II) [Савинов, 1969, с. 104–108].

В Среднюю Азию железные пряжки с подвижным язычком были занесены в конце II в. до н.э. «восточными» кочевниками во время разгрома Греко-Бактрии и приобрели популярность в I в. до н.э. во многих областях [Мандельштам, 1966, табл. XLIV.-1–3; XLII.-11, 12; XLI.-1–7, 9, 10, 16, 17, с. 111–112; 1975, с. 140–141, табл. XV.-1, 2; XIV.-10–12, XXXI.-3, 8, 9; XXXII.-2; Горбунова, 1984, рис. 2.-69; 2001, с. 128–130; Оболдуева, 1988, с. 166, рис. 4.-9, 12; Маслов, Яблонский, 1996, с. 176, рис. 2.-4, 5; Подушкин, 2006, с. 214, 226].

В других регионах железные пряжки с подвижным язычком отмечены позже. В Верхнем Приобье они появились в I в. до н.э., вероятно во 2-й половине столетия [Троицкая, 1979, табл. XXIV.-13, 14; XLVI.-88; Полосьмак, 1987, рис. 69.-9; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 22; Дураков, Мжельская, 1995, с. 50, рис. 6.-18; Фролов, Шамшин, 1999, рис. 2.-9, 10]. Начальная дата таких пряжек в саргатской культуре Западной Сибири сейчас может быть омоложена до 2-й половины – конца I в. до н.э. [Матвеева, 1994, с. 99, рис. 24.-1; 29.-2; 32.-17; 45.-7; 54.-29; 57.-14; Культура зауральских скотоводов…, 1997, с. 67–68]. У сарматов металлические пряжки с подвижным язычком стали применяться с рубежа эр, что демонстрирует активизацию азиатского направления культурных связей [Симоненко, 2004, с. 145, рис. 7.-41; Медведев, 2004, с. 89; Сергацков, 2004, с. 107]. Тогда же или немного позже они могли появиться на Кавказе [Абрамова, 1989, табл. 107.-13; 111.-25–31]. У населения Западного Приуралья пряжки с подвижным язычком известны с I в. н.э. [Генинг, 1988, рис. 4; Агеев, 1992, с. 64, 42]. Свою историю металлические пряжки с подвижным язычком имеют в Центральной Европе, где они известны ранее всего в областях, подвергнувшихся римскому влиянию, и отражают знакомство «варваров» с образцами воинской экипировки римских легионов конца I в. до н.э. [Труфанов, 2004, с. 162].

Пряжки с овальной, симметрично изогнутой рамкой, вытянутой по вертикали (тип 1), впервые появились в Центральной Азии у хунну в I в. до н.э. и широко распространились с конца I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XII, 2, 4]. Пряжки этого типа обнаружены на территории Тувы в погребениях II–V вв. н.э. [Вайнштейн, 1970, рис. 103.-7, 111.-7; Памятники кокэльской культуры Тувы, 2010, с. 62]. В то время они также были широко представлены в снаряжении народов многих регионов Евразии [обзор аналогий по: Матренин, 2017, с. 42]. Начальный период использования таких пряжек кочевниками Алтая приходится на 2-ю половину I в. до н.э. – I в. н.э. Овально-рамчатые пряжки были самой популярной модификацией поясных застежек у населения булан-кобинской культуры во II–V вв. н.э.

Бесщитковые пряжки с прямоугольной рамкой удлиненных пропорций (тип 2) в Центральной Азии имеют датированные аналогии в погребальных памятниках раннесяньбийского времени (конец I – начало III в.) Тувы (Аймырлыг-XXXI) и Юго-Восточного Забайкалья (Зоргол-I) [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81.-41; Яремчук, 2005, рис. 97.-3, 102.-4, 8]. У кочевников степной полосы Восточной Европы, Северного Кавказа, а также у народов лесного Приуралья период активного использования железных подвижно-язычковых пряжек с прямоугольной рамкой удлиненных пропорций приходится на I – начало III в. н.э. [Пшеничнюк, 1973, с. 188, рис. 5; Генинг, 1988, с. 82, рис. 19.-20; Абрамова, 1989, табл. 111.-27; Симоненко, 2004, с. 145]. В булан-кобинской культуре пряжки типа 2 с рамкой удлиненных пропорций обнаружены в памятниках II–IV вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 31].

Железные пряжки с подвижным язычком на основании рамки, оснащенные выделенным щитком в виде подвижной пластины-полуобоймы (отдел II), ранее всех ста-

ли использовать хунну Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э., но особенно часто в I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XI.-13, 17; Цэвэндорж, 1990, рис. 4.-5; 2000, зураг 12; Төрбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, зураг 3; Худгийн толгойн…, 2003, зураг 18.-4–6; Амартувшин, Хатанбаатар, 2010, т. 289, зураг 7]. С хуннуским влиянием связаны достаточно ранние находки подобных изделий в польцевской культуре Приамурья [Деревянко, 1976, табл. XVIII.-9–11]. Такие пряжки представлены в снаряжении сяньби конца I – начала III в. н.э. Юго-Восточного Забайкалья и Северо-Западной Маньчжурии [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, fig. 5.-11; 10.-1; Яремчук, 2005, рис. 99.-3; 101.-1, 8; Archaeological Study…, 2005, p. 311]. Ранние экземпляры железных подвижно-язычковых пряжек с подвижным щитком обнаружены в Туве в погребениях могильников Аймырлыг-XX и XXXI, предварительно датирующихся концом I – началом III в. н.э. В дальнейшем они широко распространились и встречаются в памятниках кокэльской культуры III–V вв. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII.-20; Дьяконова, 1970, табл. XI.-25, 27, 32, 45, 46; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81.-34]. Крайне мало таких изделий на Среднем Енисее, где они известны в склепах таштыкской культуры не ранее середины IV в. н.э. [Вадецкая, 1999, табл. 113.-2; 115].

В Средней Азии пряжки с подвижными щитками датируются не ранее 2-й половины II в. н.э. или начала III в. н.э. и представляют собой новацию, отражающую новую волну проникновения центрально-азиатских кочевников после окончательного разгрома северных хунну [Бернштам, 1952, вкл. 4.-173; Сорокин, 1956, с. 13; Кожомбердиев, 1963, с. 71, рис. 4.-14; 19–21; Заднепровский, 1992, с. 105, табл. 39.-12]. На юге Западной Сибири пряжки с подвижным язычком и подвижным щитком появились в конце II – начале III в. н.э., а в предгорьях Кузнецкого Алатау еще позже – не ранее 2-й половины III в. н.э. [Ширин, 2003, с. 66–67, 102–104, 114]. Для Западной Сибири эта дата подтверждается отсутствием пряжек с подвижными щитками в саргатской культуре I–II вв. н.э., носители которой имели тесные контакты с сарматами и кочевыми племенами Средней и Центральной Азии.

Сарматы Восточной Европы стали использовать пряжки с подвижным щитковым креплением в 1-й половине – середине II в. н.э., особенно широко со 2-й половины столетия. Такие пряжки выступают одним из индикаторов предметного комплекса позднесарматской общности, сложившегося в ходе миграции «восточных» кочевников [Малашев, 2000, с. 198–199, 209; Кривошеев, 2004, с. 112, 119; Медведев, 2004, с. 91, рис. 1.-52; Мошкова, 2004, с. 32; Симоненко, 2004, с. 153 – 155]. Во 2-й половине II в. н.э. пряжки с подвижным щитком появились на Кавказе, став особенно популярными в III–V вв. н.э. [Абрамова, 1997, рис. 2.-10, 11; 13.-2; 15.-12, 14; 70, 74]. В Западном Приуралье пряжки с такими морфологическими характеристиками имеются в памятниках пьяноборской общности рубежа II – начала III в. н.э., но массово они представлены в материалах конца III – начала VI в. н.э. [Генинг, 1979, рис. А–Н; 1988, с. 82, рис. 19.-24, 25; Агеев, 1992, с. 42, 69, табл. 12.-18]. В Центральной Европе железные пряжки с подвижным язычком и подвижным щитком стали известны с середины – 3-й четверти I в. н.э. [Труфанов, 2004, с. 162].

Современный корпус археологических источников дает основания считать, что железные пряжки с подвижным язычком и щитком отдела Ia распространились у кочевников Алтая во II в. н.э. под влиянием позднехуннуской и раннесяньбийской материальной культуры. Широкую популярность они приобрели с конца II – III в. н.э. и использовались до финала существования булан-кобинской общности (V в. н.э.). Как массовое явление такие пряжки исчезают у тюрок 2-й половины V – XI в. н.э.

Среди подвижно-щитковых пряжек отдела II, обнаруженных в могильнике Степушка, количественно доминируют образцы с овальной рамкой (тип 3). На территории Тувы овально-рамчатые пряжки с прямоугольным щитком имеются в могильнике кокэльской культуры Часкал-II (тип 3а), датируемом не ранее III в. н.э., а также в некрополе Кокэль (курган №11, п. XXXVIII) (тип 3в), археологический возраст которого определяется концом III – IV в. н.э. [Дьяконова, 1970, табл. XI.-25; Мандельштам,

Стамбульник, 1992, табл. 81.-34). Бронзовые модификации овально-рамчатых пряжек, похожих на пряжки типа 3в, представлены в могильнике Чааты 2-й половины IV – начала V в. н.э. [Кызласов, 1969, рис. 22.-5, 11]. На Среднем Енисее железная овально-рамчатая пряжка с обломанным подвижным щитком прямоугольно-овальной формы средней длины (тип 3б) найдена в склепе таштыкской культуры на могильнике Усть-Тесь, относящемся ко 2-й половине IV – V в. н.э. Тем же временем датируется пряжка типа 3а из могильника Джесос, склеп №3. К данному перечню сравнений следует добавить бронзовые аналогии пряжек из таштыкских склепов №2 и 7 Уйбатского чаатаса, входящих в хронологическую группу памятников конца IV – V в. н.э. [Вадецкая, 1999, с. 122, табл. 87.-1, 2, 113.-2; 115; рис. 64]. В Алтайской лесостепи пряжки типа 3а зафиксированы в погребении фоминской культуры на могильнике Ближние Елбаны-VII (не ранее рубежа II–III вв. н.э.) и в захоронении одинцовской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. из Ближних Елбанов-XIV [Грязнов, 1956, табл. XLI.-19; XLII.-15; Ширин, 2003, с. 66, табл. XXXVII.-3]. В предгорьях Кузнецкого Алатау пряжка типа 1а происходит из Усть-Абинского могильника 2-й половины III – 1-й половины IV в. н.э. [Ширин, 2003, табл. LX.-5]. В Новосибирском и Томском Приобье пряжки типа 3а–б связаны с комплексами V–VI вв. н.э., 2-й половины VI – 1-й половины VII в. н.э. и даже VII–VIII вв. н.э. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-5; 70.-3; Троицкая, 1996, с. 154–155; Троицкая, Новиков, 1998, с. 49, 51, рис. 25.-17, 36]. Пряжки типа 3а обнаружены в памятниках кенкольской культуры Тянь-Шаня не ранее 2-й половины II – начала III в. н.э., в могильнике Шаушукум из Ташкентского оазиса, датирующегося II–IV или III–V вв. н.э., в некрополях арысской культуры Южного Казахстана конца II – IV в. н.э. [Кожомбердиев, 1963, рис. 4.-19–21; Абрамова, 1989, с. 13; Заднепровский, 1992, табл. 39.-12; Подушкин, 2000, с. 70; 2006, с. 226]. С территории Восточного Казахстана известна находка пряжки типа 1в из погребения 2-й половины IV – V в. н.э. в кургане с «усами» №1 Зевакинского могильника [Арсланова, 1975, табл. I.-14). В Восточном Туркестане пряжка типа 1в, но из цветного металла, зафиксирована в могильнике Чаохугоу-3, который относится ко II–IV вв. н.э. [Zhang Minghua, Wang Huiju, 1990, fig. 8.-1].

В рамках хронологической схемы позднесарматской культуры редкие находки железных овально-рамчатых пряжек со щитком соотносятся с комплексами 2-й половины II в. н.э. – начала IV в. н.э. (тип 3а) и 2-й половины III в. н.э. (тип 3, варианты б и в). Отдельный регион производства пряжек с прямоугольными щитками-полуобоймами представляет Прикамье, где данные модификации в цветном металле впервые появились в конце II в. н.э. [Генинг, 1988, рис. 19.-24; Агеев, 1992, табл. 12.-18].

С территории Алтая учтено более 20 уверенно идентифицируемых пряжек типа 1 из могильников Айрыдаш-I, Белый Бом-II, Бош-Туу, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш, Яломан-II, Курайка, Улуг-Чолтух-I, Усть-Бийке-III, Верх-Уймон. Большинство данных изделий относятся к III–IV вв. н.э. Показательные различия между экземплярами из датированных комплексов пока не устанавливаются, что отчасти обусловлено сохранностью железных предметов. Наиболее вероятный период бытования таких пряжек в булан-кобинской культуре определяется в широких рамках от 2-й половины II – начала III в. н.э. до V в. н.э. включительно. Сравнительное изучение археологических материалов Центральной и Северной Азии позволяет сделать вывод, что прямоугольные щитки средних и удлиненных модификаций появляются позже укороченных, по-видимому, в III в. н.э. В количественном отношении они преобладают в памятниках IV–V вв. н.э.

Пряжка с трапециевидной короткой рамкой и щитком-полуобоймой укороченных пропорций (тип 4а) обнаруживает сходство с экземпляром из могильника Кокэль (КЭ-11, п. XL), относящегося ко 2-й половине III – IV в. н.э. [Kenk, 1984, Abb. 41.-D: 1]. Близкая по оформлению пряжка из цветного металла найдена на могильнике Тепсей-III в склепе №2 таштыкской культуры IV–VI вв. [Грязнов, 1979, рис. 67.-29]. В памятниках булан-кобинской общности похожие пряжки с длинными щитками зафиксированы в могильниках Булан-Кобы-IV (конец III – IV в. н.э.) и Кок-Паш (2-я половина

IV – V в. н.э.) [Матренин, 2017, с. 34]. Принимая во внимание немногочисленные датированные аналогии, можно допустить относительную хронологию пряжек типа 4 в рамках 2-й половины III – V в. н.э.

Пряжка с подвижным язычком на основании рамки арочной формы с прямоугольно-овальным щитком-полуобоймой средних пропорций (тип 5а) обнаруживает аналогию в позднекокэльском комплексе V в. н.э. Усть-Хадынных-III (курган №21) в Западной Туве [Панкова, 2003, рис. 4.-11]. Близкая по оформлению уздечная пряжка обнаружена на Алтае в тюркской оградке 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. на могильнике Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. 2.-1]. Среди бронзовых изделий можно назвать пряжку из погребения фоминской культуры Усть-Абинского могильника (предгорья Кузнецкого Алатау) конца III – IV в. н.э., а также находку в кургане верхнеобской культуры VI–VII вв. н.э. Тимирязевского могильника-II (Томская область) [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 70.-4; Ширин, 2003, табл. LXVIII.-15]. Подобные изделия в цветном металле встречаются в экипировке верхового коня сяньби Северного Китая конца III – начала IV в. н.э. и у когурёсцев в IV–VI вв. н.э. [Дун Гао, 1997, рис. 1.-1]. В булан-кобинской культуре пряжки с рассматриваемыми морфологическими особенностями идентифицированы в инвентаре могильников Айрыдаш-I и Булан-Кобы-IV [Матренин, 2017, с. 34]. Период существования пряжек типа 4 в снаряжении «булан-кобинцев» определяется пока предварительно III–V вв. н.э.

Железные пряжки с подвижным язычком на цельной вертлюге в прорези рамки (раздел II) представлены модификациями без щитка (отдел I) и с подвижным щитком-полуобоймой (отдел II), имеющими рамку Т-образной формы (типы 6, 7а–б). Для хронологической интерпретации таких пряжек привлекаются «западные» и «восточные» материалы, в рамках которых они имеют разный археологический возраст. У кочевников восточно-европейских степей такие пряжки встречаются в памятниках среднесарматского времени во 2-й половине I – начале II в. н.э. (тип 6) и начальной фазы позднесарматского периода во 2-й половине II – 1-й половине III в. н.э. (типы 6, 7). При этом ранние экземпляры имеют длинные, а поздние – короткие рамки часто с декором в виде завитков [Малашев, 2000, рис. 3.-Б: 2, 3; 5.-А: 3; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182, рис. 8.-37, 38; Медведев, 2004, с. 91–92, рис. 1.-53; Симоненко, 2004, с. 145; Труфанов, 2004, рис. 4.-1, 3–10; 5; и др.]. Они рассматриваются как подражания «провинциально-римским» («маркоманским») пряжкам, распространившимся в Центрально-Европейском «Барбарикуме» в I – начале III в. н.э. У позднесарматского населения Подунавья похожие изделия, в том числе с длинными щитками, сохранялись до 2-й половины III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 208]. Важно подчеркнуть, что экземпляры из европейской части России отличаются от пряжек, найденных на Алтае, тем, что они часто снабжены вставной вертлюгой, которая у моделей с длинной рамкой подвижная и представляет собой одно целое с язычком. Кроме того, пряжки с подвижным щитком-полуобоймой из «западных» комплексов имеют короткие рамки, которые лишь условно можно называть Т-образными.

В Центральной Азии самая представительная коллекция Т-образных пряжек с подвижным язычком на вертлюге, аналогичных находкам из могильника Степушка, происходит из Тувы. Они обнаружены в погребении улуг-хемской культуры на некрополе Аймырлыг-XXXI, погребение №7 (тип 6), а также в памятниках кокэльской культуры III–V вв. н.э. Темир-Суг-I, курган №2 (тип 6); Аймырлыг-VIII, курган №15, в.п. (тип 6), Кокэль, курган №37, п. XVI (тип 7), курган №39, п. XXIX (тип 7), погребение №45 (тип 6) [Дьяконова, 1970, табл. XII.-24, 33, 47; Николаев, 2000, рис. 3.-2; 4.-2, 5]. В Монголии Т-образная пряжка с язычком на вертлюге и длинным щитком типа 6 найдена во впускном погребении из местности Хад Узуур Сагил сомона, археологический возраст которого авторы раскопок определяют гипотетически жужанским временем, ссылаясь при этом на материалы с территории Алтая [Худяков, Цэвэндорж, 1986, рис. 1]. Пряжки типа 6 встречаются в памятниках таштыкской культуры Минусинской котловины [Николаев, 2000, рис. 3.-8]. В Средней Азии пряжка, схожая

по своим морфологическим характеристикам с типом 6, но выполненная из цветного металла, зафиксирована в Орлатском могильнике, датирующемся III в. н.э. [Горбунова, 2001, рис. 5.-26]. В Алтайской лесостепи Т-образная пряжка плохой сохранности имеется в погребении одинцовской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. в урочище Татарские могилки [Уманский, 1974, с. 141, рис. 3.-3].

Определенно стоит говорить, что основной ареал применения пряжек типов 6 и 7 связан с древним населением Алтае-Саянской горной страны. На территории распространения булан-кобинской культуры, кроме могильника Степушка, известны три изделия типа 6 в некрополях Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Яломан-II и один экземпляр пряжки типа 7 из памятника Яломан-II [Матренин, 2017, с. 34]. Для решения вопроса о дате появления Т-образных пряжек у кочевников Алтая актуально обратиться к бронзовым пряжкам из кургана №227 могильника Балыктыюль. Знакомство с этими предметами, хранящимися в Государственном Эрмитаже, подтверждает, что их рамки украшены фасетками. Подобный способ декорирования, безусловно, имеет «западное» происхождение и фиксируется на ременных гарнитурах сарматов Восточной Европы не ранее конца II – начала III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 208; Малашев, Яблонский, 2008, с. 54]. Орнаментальный стиль фасетированных изделий представлен также в древностях Прикамья III–IV вв. н.э., но там он имеет другой этнокультурный контекст появления [Генинг, 1979, рис. А–Д; Малашев, Яблонский, 2008, с. 53]. Художественное оформление балыктыюльских пряжек резко диссонирует с удлиненным абрисом рамок, которые имели распространение в Восточной и Центральной Европе не позже 1-й половины II в. н.э. Экземпляры из могильника Балыктыюль демонстрируют не шествие провинциально-римской моды по кочевому миру на восток, а результат импорта вышедших из обращения редких («антикварных») образцов пряжек провинциально-римского круга, отвечавших тогдашним вкусам номадов Алтая. Важно отметить, что сочетание датирующихся категорий инвентаря из кургана №227 могильника Балыктыюль свидетельствует об археологическом возрасте этого закрытого комплекса в рамках III в. н.э. (ближе к середине этого столетия). Анализ имеющихся материалов позволяет сделать вывод, что начальный период использования пряжек типов 6 и 7 кочевниками Алтая приходится на III в. н.э., по-видимому, на середину обозначенного столетия [Матренин, 2017, с. 50].

Найденные в могильнике Степушка железные пряжки с неподвижным шпеньком (разряд II) на дужке (раздел III) и подвижным пластинчатым щитком-полуобоймой выделены в тип 8, который характеризуется сочетанием короткой трапециевидной рамки и длинных щитков прямоугольной (вариант ***а***) и трапециевидной (вариант ***б***) форм. Сравнительный анализ похожих изделий в археологических материалах разных регионов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, пластинчатые щитки-полуобоймы у пряжек с неподвижным шпеньком были заимствованы от подвижно-язычковых модификаций после их массового распространения в III в. н.э. Во-вторых, данные пряжки генетически не связаны с железными бесщитковыми пряжками с неподвижным шпеньком, бытовавшими у населения Северной и Центральной Азии на рубеже эр и в I–II вв. н.э. В-третьих, в генезисе данной модификации поясных застежек не отразилось влияние снаряжения хунну и сяньби [Матренин, 2017, с. 52]. Пряжки типа 8 имеют ограниченный ареал распространения, связанный с Алтае-Саянской горной страной. Центром их широкого применения была Тува, где они известны в погребальных памятниках кокэльской культуры (Кокэль, Бай-Даг-II, Алды-Бель-I, Аймырлыг-VI, Темир-Суг-I) 2-й половины – конца III в. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII.-17; Дьяконова, 1970, табл. XI.-35–38, 41, 58; XII.-30, 32, 48; Вайнштейн, 1970, рис. 100.-1; Памятники кокэльской культуры Тувы, 2010, с. 34]. На Среднем Енисее пряжка типа 8 найдена в грунтовом могильнике таштыкской культуры Староозначенская переправа-I [Тетерин, 1999, рис. 2.-12]. Она может указывать на датировку данного комплекса в пределах конца III в. н.э. Близкие в морфологическом отношении пряжки в цветном металле происходят из таштыкского склепа №1 Изыхского чаатаса, который относится к более позднему времени (не ранее VI в. н.э.) [Вадецкая, 1999, с. 122, рис. 64, табл. 90].

Населением Алтая пряжки с неподвижным шпеньком-язычком, совмещенные с подвижным пластинчатым щитком, скорее всего, были заимствованы у населения Тувы в начале IV в. н.э., в период нестабильной военно-политической ситуации в Центральной Азии после развала кочевой империи сяньби, когда имелись реальные условия для взаимодействия с племенами кокэльской культуры. Такие пряжки со щитками разной длины можно рассматривать в качестве хроноиндикаторов погребальных комплексов булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э.

Единственная пряжка из цветного металла (группа II) имеет подвижный язычок (разряд I) на основании рамки (раздел I), подвижный щиток-полуобойму с шпеньковым креплением (отдел IIа), рамку овальной формы (тип 9а). На Алтае две похожие пряжки обнаружены в могильниках Айрыдаш-I и Улита. Начальная дата их появления определяется не ранее момента широкого распространения аналогичных пряжек из железа (тип 3) во 2-й половине II в. н.э. Период бытования пряжек с овальной рамкой и прямоугольным щитком в снаряжении «булан-кобинцев» приходится на 2-ю половину II – V в. н.э. [Матренин, 2017, с. 36].

Таким образом, обнаруженные в могильнике Степушка поясные пряжки представлены достаточно распространенными и редкими модификациями застежек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени. Анализ данных изделий показал, что развитие поясных пряжек населения булан-кобинской культуры во II–V вв. н.э. происходило под влиянием центрально-азиатской моды оформления ременных гарнитур и имело определенное своеобразие по сравнению с эволюцией снаряжения народов Европы.

Поясные бляхи

Поясные бляхи представляют собой пластины декоративного или декоративно-функционального назначения, фиксирующиеся к кожаному ремню. В количественном отношении это самые многочисленные и разнообразные предметы, входящие в состав наборных поясов. Обнаруженные в погребениях некрополя Степушка поясные бляхи имеют относительно хорошую сохранность, что делает их перспективными для классификации и типологии, а в отдельных случаях для реконструкции наборных поясов с опорой на детали, зафиксированные *in situ*.

В комплексе Степушка-I пояса с бляхами найдены в шести мужских погребениях (курганы №5, 6, 9, 13, 15, 17, 19) и одном (курган №21) детском. В курганной группе Степушка-2 данные детали поясных гарнитур присутствовали в девяти мужских захоронениях (объекты №5, 9, 19, 30, 32, 33, 40, 41, 48), одном женском (объект №8) и одном детском (объект №20).

При морфологическом описании поясных блях последовательно рассматривались такие составные части, как *корпус* (основа из одной или двух пластин, выполненных из металла или органических материалов), *крепежные элементы* (обычно это шпеньки-заклепки в виде металлических стерженьков, вставляемых в сквозные отверстия в корпусе, либо цельно изготовленные с пластиной, загибающиеся на тыльной стороне ремня), *дополнительные конструктивные элементы* (цельные или отдельно изготовленные кольца на нижней стороне корпуса, прорези).

В классификации использовались 422 поясные бляхи (343 экз. из Степушки-I и 79 экз. из Степушки-2) хорошей и удовлетворительной сохранности. При систематизации данных предметов применялась таксономическая схема со следующими признаками: группа определяет материал предмета; разряд – способ крепления к ремню; раздел – конструкция корпуса; отдел – отсутствие или наличие у блях колец, прорезей; подотдел – особенности соединения блях с кольцами и скобами; тип – форму лицевой части корпуса блях; вариант – размеры изделий [Тишкин, Матренин, 2013а, с. 205; Матренин, 2017, с. 62–70].

В результате систематизации выделены три группы, два разряда, два раздела, два отдела, два подотдела, 18 типов поясных блях, дополненных 19 вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Бляхи-накладки, закрепляющиеся на ремне с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 1. Квадратные. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 4 экз. от двух поясов: Степушка-2, объект №41 (2), 48 (2). Размеры изделий 1,1–2,4×1,1–2,1 см (табл. 20.-*5, 6, 9, 10*).

Тип 2. Прямоугольные. Крепятся в горизонтальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 8 экз. от четырех поясов: Степушка-I, курган №13 (4); Степушка-2, объекты №19 (1), 32 (1), 33 (2). Размеры изделий 3–4×1,3–2 см (табл. 18.-*1–4*; 20.-*2, 3, 7, 8*).

Тип 3. Вытянуто-прямоугольные. Абрис бляхи представляет собой сильно вытянутую четырехугольную фигуру небольшой ширины. Крепятся в горизонтальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 13 экз. от двух поясов: Степушка-I, курган №13 (11); Степушка-2, объект №41 (2). Размеры изделий 4–5,2×0,9–1,1 см (табл. 18.-*7–12*). *Вариант* ***б*** – большие. Всего 4 экз. от двух поясов: Степушка-2, объекты №8 (1), 48 (3). Размеры изделия 7,2–7,3×1,1–2 см (табл. 20.-*1, 13–15*).

Тип 4. Трапециевидные. Крепятся в горизонтальном положении. *Вариант* ***а*** – средние. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №13. Размеры изделия 4,6×2–2,3 см (табл. 18.-*5*).

Тип 5. Шестиугольные. Крепятся в горизонтальном положении. *Вариант* ***а*** – средние. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №13. Размеры изделия 4,8×3,5 см (табл. 18.-*6*).

Тип 6. Округлые. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 2 экз. от одного пояса: Степушка-2, объект №20. Размеры изделий 1,2–1,3 см (табл. 20.-*11, 12*).

Отдел II. С кольцом. *Подотдел* ***а*** – неподвижное кольцо на короткой (нижней) стороне пластины.

Тип 7. Прямоугольные. Крепятся в вертикальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №6. Общая длина изделия с кольцом составляет 2,3 см (рис. 40.-*7*).

Тип 8. Прямоугольно-овальные. Крепятся в вертикальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №19. Общая длина изделий с кольцом составляет 3,6 см (табл. 18.-*13*).

Тип 9. Вытянуто-прямоугольные. *Вариант* ***а*** – большие. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №21. Размеры изделия 4,5×2 см (табл. 10.-*10*; рис. 126.-*3*).

Раздел II. Пластина сложена пополам в полуобойму.

Отдел II. С кольцом. *Подотдел* ***б*** – подвижное кольцо на короткой (нижней) стороне пластины. Пластина охватывает кольцо в месте своего перегиба.

Тип 10. Прямоугольные. Крепятся в вертикальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 43 экз. от двенадцати поясов: Степушка-I, курганы №5 (3), 6 (2), 17 (13), 19 (7), 21 (3); Степушка-2, объекты №5 (1), 9 (2), 19 (1), 30 (2), 33 (1), 40 (7), 41 (1). Размеры изделий 2,3–3,1×0,9–1,3 см. (табл. 18.-*14–17*; 19.-*1, 2*; 20.-*19–21, 25–31, 43*; 22.-*1*).

Тип 11. Прямоугольно-овальные. Имеют слабо изогнутую верхнюю сторону. Крепятся в вертикальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 10 экз. от трех поясов: Степушка-I, курганы №6 (4), 9 (3), 15 (3). Размеры изделий 2,3–3,1×0,9–1,3 см (табл. 18.-*18–21*).

Разряд II. Бляхи-зажимы. Фиксируются на ремне без шпеньков за счет плотного прижатия лицевой и тыльной частей корпуса.

Раздел III. Пластина имеет сильно загнутые на тыльную поверхность короткие (верхние и нижние) стороны, благодаря чему корпус бляхи напоминает собой скобу.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 12. Вытянуто-прямоугольные. Крепятся в вертикальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Идентифицировано 324 экз. от четырех поясов: Степушка-I, курганы

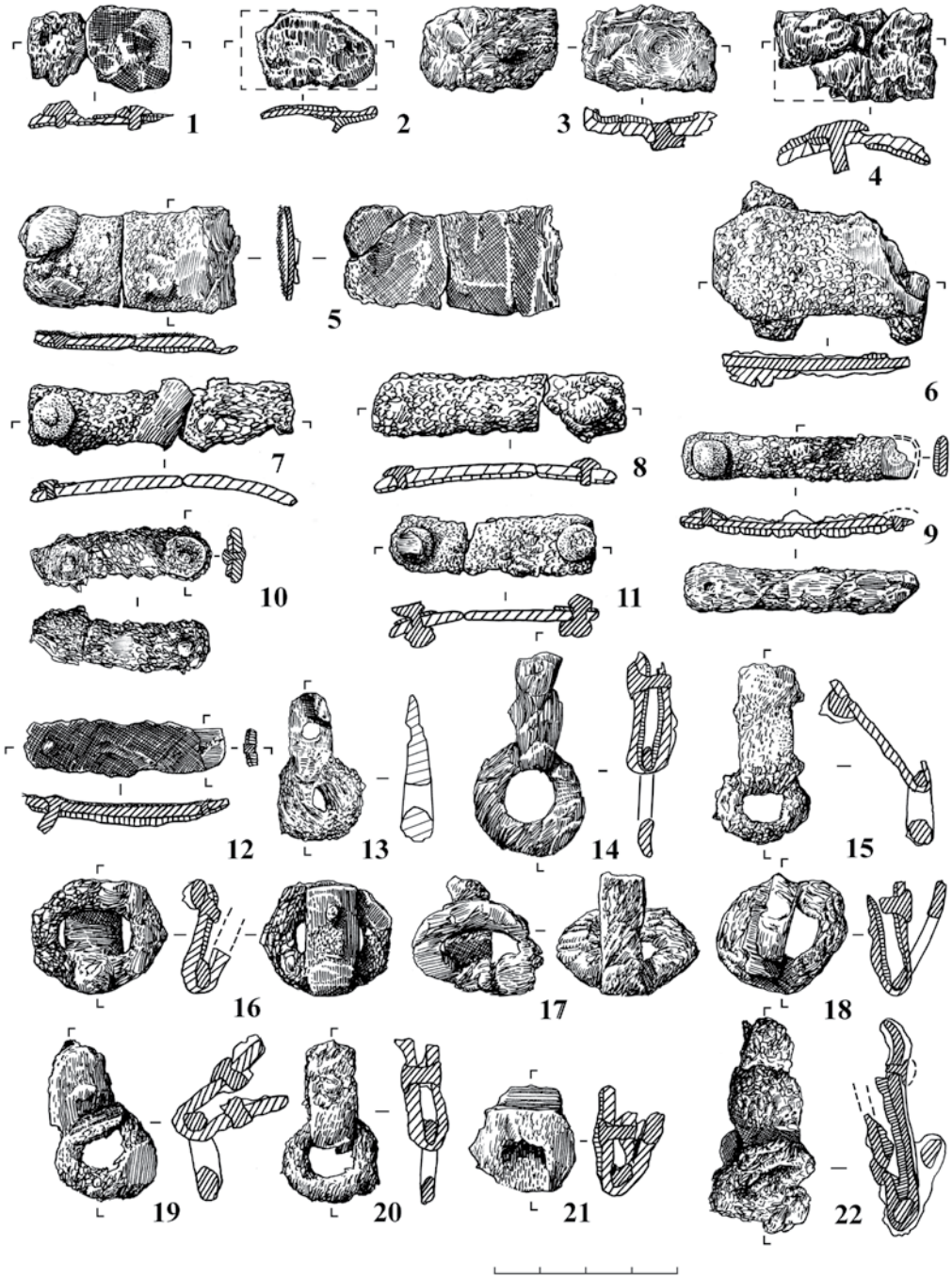

Таблица 18. Железные поясные бляхи из комплекса Степушка-I:
курганы №6 (19 – 21), №13 (1 – 12), №15 (22), №17 (14, 17, 18), №19 (13), №21 (15)

№17 (53 экз.), 19 (167 экз.), 21 (60 экз.); Степушка-2, объект №8 (43 экз.). Размеры изделий 2–2,5×0,3–0,4 см (табл. 19.-*1–8*; 22.-*15–22*).

Группа II. Бронзовые.

Разряд I. Бляхи-накладки.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 13. Прямоугольные. Крепятся в вертикальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 2 экз. от двух поясов: Степушка-I, курган №13; Степушка-2, объект №33. Размеры изделий 3–3,3×1–1,7 см (табл. 19.-*9*; 20.-*18*).

Тип 14. Вытянуто-прямоугольные. Крепятся в горизонтальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №13. Размеры изделия 5,2×0,9 см (табл. 19.-*10*).

Тип 15. Вытянуто-овальные. Крепятся в горизонтальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №13. Размеры изделия 3,6×0,8–1,3 см (табл. 19.-*11*).

Отдел II. С кольцом. *Подотдел* ***а*** – неподвижное кольцо на короткой (нижней) стороне пластины.

Тип 16. «Секировидные». Крепятся в вертикальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №13. Общая длина изделия составляет 4,1 см, из которых 1,5 см приходится на кольцо (табл. 19.-*12*).

Раздел II. Пластина сложена пополам в полуобойму.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 17. Вытянуто-прямоугольные. Крепятся в вертикальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №13. Размеры изделия 3,4×0,8 см (табл. 19.-*13*).

Группа III. Биметаллические бляхи.

Разряд I. Бляхи-накладки, закрепляющиеся на ремне с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Раздел II. Пластина сложена пополам в полуобойму.

Отдел II. С кольцом. *Подотдел* ***б*** – подвижное кольцо на короткой (нижней) стороне пластины. Пластина охватывает кольцо в месте своего перегиба.

Тип 18. Прямоугольно-овальные. Крепятся в вертикальном положении. *Вариант* ***а*** – малые. Всего 3 экз.: Степушка-2, объект №33. Размеры изделий 2,2–2,3×0,8–1,4 см (табл. 20.-*22–24*).

Поясные бляхи как отдельная категория предметного комплекса известны на Алтае с аржано-майэмирского времени (конец IX – середина VI в. до н.э.) [Суразаков, Тишкин, 2007, с. 50–51; Шульга, 2008]. В дальнейшем они использовались многими кочевыми народами данного региона вплоть до позднего средневековья и обладали специфическим обликом в рамках культурно-хронологических комплексов скифо-сакского, хуннуско-сяньбийско-жужанского, тюркского, кыргызского и монгольского времени.

У населения Алтая в сяньбийско-жужанском периоде преобладали поясные бляхи, сделанные из железа (группа I). Имеющиеся на сегодняшний день археологические источники дают основания считать, что среди кочевников Центрально-Азиатского региона железные поясные бляхи впервые стали широко использовать хунну Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XIII.-1–5; 2008, рис. 45.-2, 4; Давыдова, 1996, табл. 5.-15; Баранов, 2002, с. 302; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 8.-16–18, 22, 24, 25; 10.-14; 13.-5; 17.-15; Миллер, Оллард, Эрдэнэбатор, Ли, 2008, рис. 8; 13; Амартүвшин, Хатанбаатар, 2008, зураг 8; Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2008, зураг 8; и др.]. Применение железа привело к существенным изменениям морфологии данной категории деталей ременных гарнитур, которые коснулись конструкции корпуса, способов крепления, приемов декорирования. Массовый переход к железу в производстве поясных блях относится к концу I – II в. н.э. С того времени такие изделия наиболее широко использовали сяньби Юго-Восточного Забайкалья и Маньчжурии [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 5.-4; Яремчук, 2005, рис. 96.-5, 100–103].

Имеющийся к настоящему моменту корпус вещественных материалов позволяет сделать вывод, что на Алтае железные поясные бляхи появились в раннесяньбийское время (условно со II в. н.э.) и широко применялись до конца существования булан-кобинской культуры (V в. н.э.).

Одним из важнейших признаков при типологическом рассмотрении поясных блях выступает способ крепления к ремню. У населения булан-кобинской культуры доминировал накладной вариант фиксации с помощью металлических шпеньков,

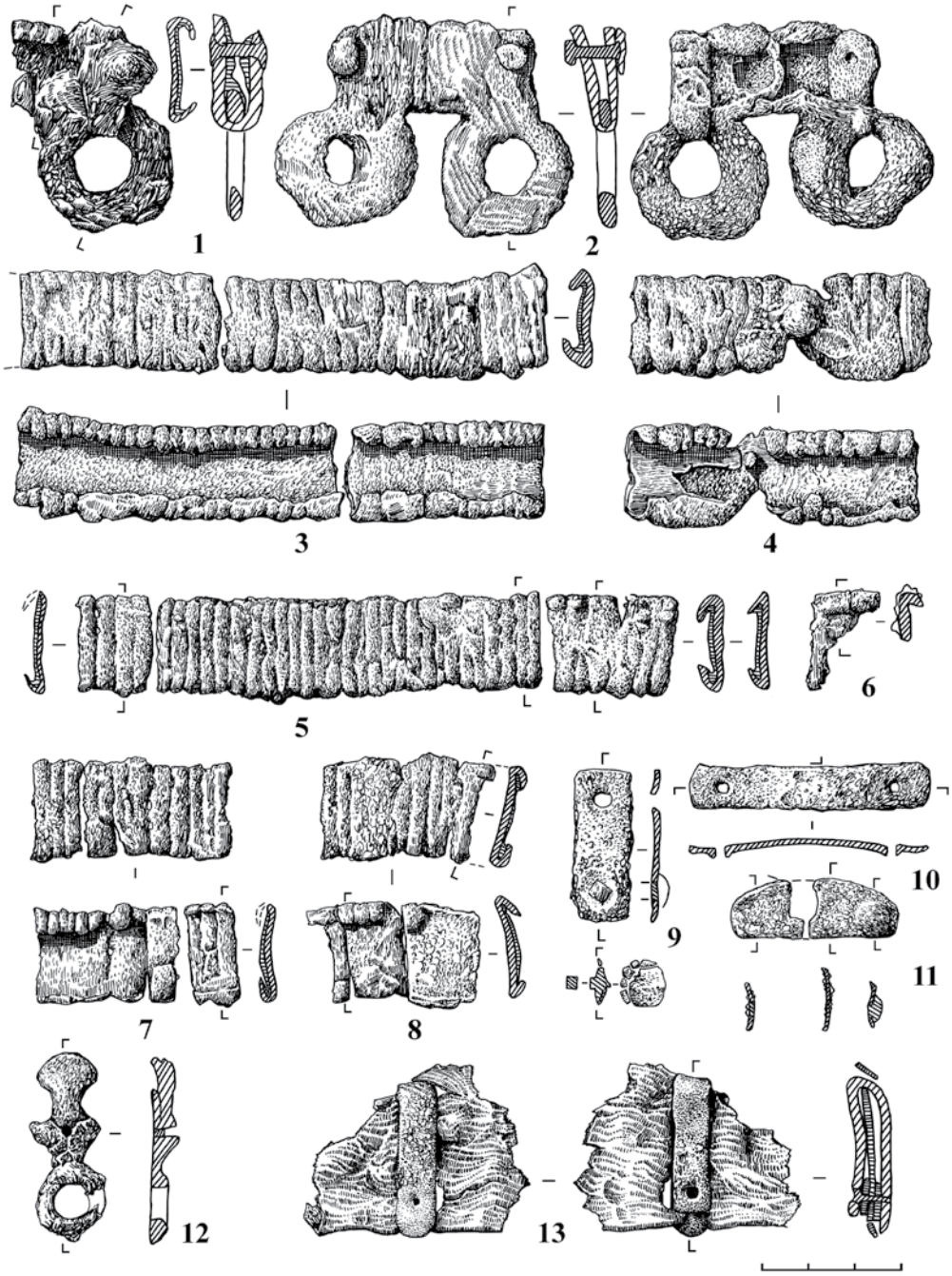

Таблица 19. Железные и бронзовые поясные бляхи из комплекса Степушка-I: курганы №13 (9–13), №17 (1), №19 (2–8). *1–8 – железо; 9–12 – бронза; 13 – бронза, кожа*

вставляемых в сквозные отверстия в корпусе и ремне (разряд I). На тыльной стороне ремня шпеньки расплющивались, а на лицевой части бляхи они держались за счет плоской или выпуклой шляпки. Пояса с железными бляхами-накладками с рассматриваемым способом крепления найдены в памятниках хунну Монголии и Забайкалья не ранее конца I в. до н.э. Данный способ крепления мог быть заимствован из конструкции железных подвижно-язычковых пряжек со щитками-полуобоймами. Шпеньки-фиксаторы встречаются также на других деталях ременных гарнитур хунну, среди которых отметим распределители ремней с подвижными лопастями от суголовий верхового коня, металлические бляхи от конского снаряжения, железные пряжки с неподвижным шпеньком-язычком (в том числе экземпляры, декорированные заклепками), поясные бляхи из дерева [Коновалов, 1976, табл. X.-1, 2, 10; XI.-13, 17;

Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 4.-22; 8.-17, 22; 10.-14; 11.-5; 13.-5, 11, 12; Ковычев, 2006, рис. 3.-8, 10–16; Худгийн толгойн..., 2003, fig. 18.-4–6, 8, 9; 19.-8; 20.-1–11; 35.-3; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, 233, 235, 253, 257; Цэвэндорж, 1985, рис. 4.-16; Erdelyi, 2000, fig. 37; Ереел-Эрдэнэ, 2007, т. 252–255]. Перечисленные предметы отражают новый этап развития хуннуского снаряжения в конце I в. до н.э. – I в. н.э. Железные поясные бляхи рассматриваемой схемы крепления активно использовали сяньби Юго-Восточного Забайкалья в конце I – начале III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 96.-5, 100–103]. Они встречаются в дуройских (III–IV вв. н.э.) и бурхотуйских памятниках (IV–VI вв. н.э.) степной Даурии [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXV.-7, 11; XXVI.-1, 3; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, рис. 81.-4, 18–20; Литвинцев, 2006, рис. 38.-7]. В Туве железные бляхи разряда I известны по находкам в погребальном комплексе Аймырлыг-XXXI (не ранее II в. н.э.), но более многочисленны они среди преметов кокэльской культуры III–V вв. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII.-12, 22; Дьяконова, 1970, табл. XI.-13–24, 47; XII.-5–7, 9, 23–28; Николаев, 2000, рис. 3.-4, 12; Панкова, 2003, рис. 4.-6–8, 10; 6.-7; Памятники кокэльской культуры Тувы, 2010, с. 44, 49, 50, 51, 53, 61, 65]. В Восточном Туркестане такая бляха происходит из комплекса Чаохугоу-3, который датируется периодом от династии Восточная Хань до династий Вэй – Цзинь (II–IV вв. н.э.) [Комиссаров, Поздняков, 2004, рис. 2.-8]. Известна находка железной бляхи с шпеньковым креплением из северо-бактрийского могильника Ксиров, датировка которого предлагается в широких рамках с конца II в. до н.э. по I в. н.э. [Горбунова, 2001, рис. 5.-11]. На юге Западной Сибири железные бляхи-накладки имеют более молодой возраст. В Барнаульском Приобье они датируются с конца II – III в. н.э., в Новосибирском Приобье – концом IV – V в. н.э. Наиболее ранние экземпляры из памятников Томского Приобья относятся к V – 1-й половине VI в. н.э. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-4, 15, 16, 19; 13.-11; 17.-3–5; 55.-4; Троицкая, 1996, рис. 1.-5, 6, 11, 13, 15, 16; 3.-1–5, 9, 10, 16–18; Троицкая, Новиков, 1998, с. 52–54; рис. 25.-44– 46; 26.-42, 61, 65, 66; Ширин, 2003, табл. XI.-4, 5]. В предгорьях Кузнецкого Алатау такие находки появились, видимо, не ранее III в. н.э. [Ширин, 2003, табл. LXIII.-4, 6; LXVII.-1, 2].

На территории Алтая начальная дата использования железных блях со шпеньковым креплением запаздывает по отношению к хуннуским экземплярам и может быть определена не ранее II в. н.э. Распространителем моды на данные изделия могла стать одна из групп северных сяньби. Пояса с железными бляхами-накладками описываемой конструкции существовали до 2-й половины V – начала VI в. н.э., не получив широкого применения в тюркской культуре.

Бляхи, выполненные из одной прямой или слегка согнутой пластины (раздел I) без колец и прорезей (отдел I) впервые зафиксированы в хуннуских памятниках конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. [Erdelyi, 2000, fig. 37; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 4.-22; 8.-17, 22; 10.-14; Ковычев, 2006, рис. 3.-8; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, 233, 235, 253, 257]. Наиболее многочисленные находки происходят из северосяньбийских памятников Юго-Восточного Забайкалья конца I – IV в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 96.-6; 97.-4, 7; 99.-1, 2, 5–7, 10; 100.-2–4; 101.-2–7; 103.-1–4; Зюзин, 2008]. С сяньбийским наследием связано присутствие данных предметов в снаряжении бурхотуйской культуры [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXV.-7, 11; XXVI.-3; Литвинцев, 2006, рис. 38.-7]. В Туве подобные бляхи-накладки встречаются сравнительно редко: в могильнике Аймырлыг-XXXI (I – начало III в. н.э.), а также в более поздних памятниках кокэльской культуры (III–V вв. н.э.): в комплексах Кокэль, Хара-Даг-Бажи, Усть-Хадынных-Ш, Кара-Тал-Ш и IV [Дьяконова, 1970, табл. XII.-9; Данченок, Нестеров, 1989, рис. 2.-11; Панкова, 2003, рис. 4.-10; Памятники кокэльской культуры Тувы, 2010, с. 61, 65]. Территориально удаленные немногочисленные западные аналогии рассматриваемым изделиям имеются в ареале памятников мазунинской культуры Среднего Прикамья конца III – V в. н.э. [Останина, 1997, рис. 11.-19; 25.-2, 3; 30.-17]. Приведенные вещественные материалы демонстрируют факт пред-

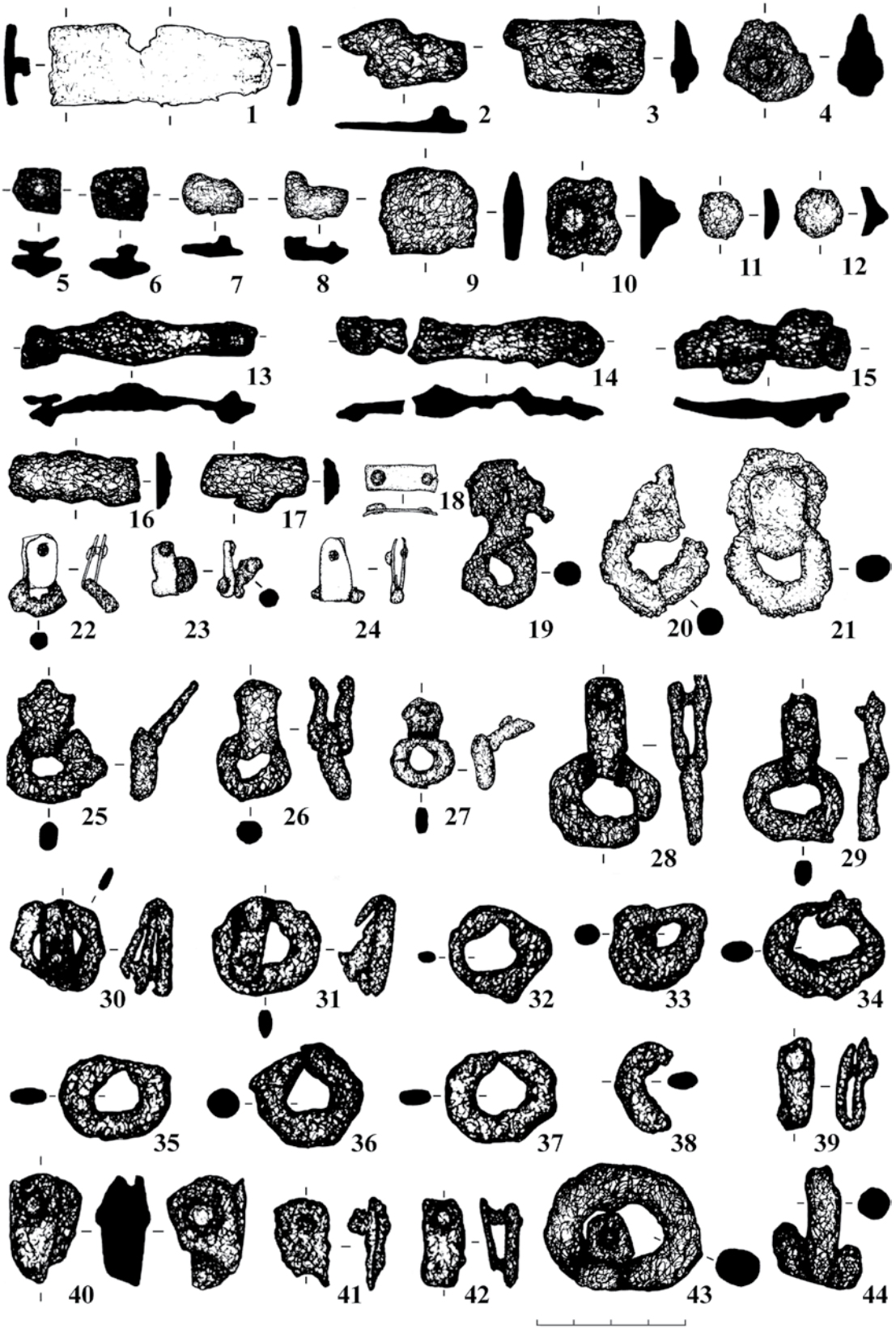

Таблица 20. Железные и бронзовые поясные бляхи из комплекса Степушка-2: объекты №5 (19), №8 (1), №9 (25), №19 (2, 26), №20 (11, 12), №30 (20, 21), №32 (3, 4), №33 (7, 8, 18, 22–24, 27), №40 (28–42), №41 (9, 10, 16, 17, 43, 44), №48 (5, 6, 13–15) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 4; рис. 17.-4; 25.-9; 56.-8; 60.-13, 14; 81.-3, 4; 85.-8, 10; 90.-1, 3, 4, 8; 111.-1, 2, 5–12, 15–17; 114.-8–11, 16, 17; 116.-9–11; 129.-5–10]. *1–21, 25–44 – железо; 18 – бронза; 22–24 – бронза, железо*

почтительного распространения железных блях-накладок раздела I отдела I на Алтае под влиянием материальной культуры сяньби в период их максимального усиления в Центральной Азии во 2-й половине II – начале III в. н.э. Широкое использование железных поясных блях описываемой конструкции прекратилось на Алтае с оформлением тюркской культуры, в рамках которой доминирующей стала традиция ношения поясов с бляхами из цветного металла иной модификации.

Железные бляхи раздела I отдела I представлены типами 1–6. Квадратные и прямоугольные бляхи малых пропорций (типы 1а, 2а) имеют аналогии в Туве в памятниках Аймырлыг-XXXI и Кокэль [Дьяконова, 1970, табл. XII.-9]. На Алтае они обнаружены в могильниках Карбан-I, Улуг-Чолтух-1, Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Яломан-II, Верх-Уймон, Кок-Паш [Матренин, 2017, с. 62]. Данные бляхи представляют собой продукты местного развития деталей ременных гарнитур населения булан-кобинской культуры во II–V вв. н.э., имевшие в своей основе подражание сяньбийским образцам. «Запаздывающие» находки блях типа 1*а* обнаружены в тюркской оградке 2-й половины V – 1-й половины VI в. [Илюшин, 2000, рис. 5.-10]. Начальный хронологический рубеж появления блях типов 1 и 2 у кочевников Алтая можно определить только по результатам их корреляции с датирующимися категориями инвентаря из закрытых комплексов погребений булан-кобинской культуры.

Железные вытянуто-прямоугольные бляхи малого размера (тип 3а) в Центральной Азии встречаются редко. С полной уверенностью можно назвать несколько экземпляров из Тувы, найденных в некрополе Аймырлыг-XXXI (I – начало III в. н.э.)[*]. Железные вытянуто-прямоугольные бляхи малых пропорций обнаружены в позднехуннуском некрополе I в. н.э. Кия-13 в Юго-Восточном Забайкалье[**]. С другой стороны, бляхи с таким абрисом средних и крупных размеров часто встречаются в памятниках сяньбийского населения зоргольской (конец I – начало III в. н.э.) и дуройской (III–IV вв. н.э.) культур Приаргунья, а также известны в поздних комплексах кокэльской культуры Тувы (конец IV – V в. н.э.): могильники Кара-Тал-III (курган №3) и Усть-Хадынных-III (курган №21, п. 1) [Панкова, 2003, рис. 4.-10; Яремчук, 2005, рис. 99.-1, 2, 5, 10; 103.-1–4; Зюзин, 2008, с. 168–169].

На Алтае бляхи типа 3а обнаружены при раскопках могильников Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш, Дялян, Верх-Уймон, Яломан-II [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 12.-41, 42; 13.-7, 23; 15.-34; Соенов, Эбель, 1992, рис. 31; 39; Тетерин, 1995, рис. 76; Матренин, 2017, с. 62]. Можно высказать предположение, что у кочевников Алтая поясные бляхи типа 3а получили широкое распространение со 2-й половины III в. н.э., хотя сами они появились раньше. Верхний хронологический горизонт их бытования в булан-кобинской культуре соответствует V в. н.э. [Матренин, 2017, с. 72–73]. Данные наблюдения, вероятно, справедливы и в отношении трапециевидных (тип 4) и шестиугольных (тип 5) поясных блях.

Достаточно редкими являются бляхи с округлым корпусом (тип 6). Похожие изделия и производные от них экземпляры каплевидной формы со шпеньковым креплением известны в хуннуских памятниках Монголии и Забайкалья I в. н.э. в составе уздечных наборов и, возможно, в качестве декоративного элемента наборных поясов [Коновалов, 1976, табл. XII.-11, 18; Худгийн толгойн…, 2003, зураг 20.-6–11]. Поясные бляхи типа 6 обнаружены в сяньбийских памятниках Юго-Восточного Забайкалья конца I – начала III в. н.э. (могильник Зоргол-I) и III–IV вв. н.э. (могильник Дурой-I) [Яремчук, 2005]. При этом конкретное назначение таких блях в закрытых комплексах данного региона (использование их в качестве украшений пояса, узды

[*] Археологические коллекции данного памятника любезно показаны научным сотрудником Государственного Эрмитажа Н.Н. Николаевым.

[**] Выражаем признательность Е.В. Ковычеву за работу с неопубликованными материалами могильника Кия-13. К сожалению, захоронения данного памятника были потревожены древними грабителями. В связи с этим нет полной уверенности, что все данные железные изделия являются деталями поясных наборов.

или ножен) точно не установлено. Такие бляхи зафиксированы в саргатской культуре Приишимья в погребениях могильника Аббатский-I, относящихся к концу I в. до н.э. – I в. н.э. и I–II вв. н.э. [Матвеева, 1994, рис. 4.-5; 24.-2–4, с. 44–45]. С учетом приведенных аналогий период бытования блях типа 6 у кочевников Алтая можно определить пока в широких рамках II–IV вв. н.э. В памятниках булан-кобинской культуры идентифицированы три похожих экземпляра из могильников Карбан-I и Айрыдаш-I [Матренин, 2017, с. 64].

Железные поясные бляхи-накладки разряда I с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса (отдел IIа) представлены экземплярами с прямоугольным (тип 7), прямоугольно-овальным (тип 8), вытянуто-прямоугольным (тип 9) корпусом. Аналогии бляхам типа 7 зафиксированы в памятниках хунну Забайкалья и Монголии конца I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XШ.-1, 2, 4–7; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 13.-5; Худгийн толгойн…, 2003, зураг 19.-8; Миллер, Оллард, Эрдэнэбатор, Ли, 2008, рис. 8; Амартүвшин, Хатанбаатар, 2008, зураг 9.-1; и др.]. Бляхи типа 8 имеют своими исходными прототипами хуннуские экземпляры и обнаруживают сходство с предметами из могильников Черемуховая Падь, Ильмовая Падь, Худгийн Толгой и др. [Коновалов, 1976, табл. XIII.-1, 2, 6, 7; Худгийн толгойн…, 2003, зураг 19.-8]. С учетом некоторого «запаздывания» появления рассматриваемых экземпляров в булан-кобинской культуре по отношению к центрально-азиатским материалам ранние экземпляры блях типа 8 из памятников Алтая можно датировать не ранее конца I – II в. н.э. Экземпляры типа 9 отражают практику активного применения кочевниками Алтая поясов с бляхами вытянуто-прямоугольной формы, а также распределителей ремней с длинными лопастями. Нижняя хронологическая граница бытования таких блях, скорее всего, может быть обозначена не ранее середины III в. н.э. [Матренин, 2017, с. 74].

Железные поясные бляхи-накладки из пластины, сложенной пополам в полуобойму (раздел II), и с подвижным кольцом на короткой стороне (отдел II б) являются одной из самых многочисленных модификаций рассматриваемых деталей ременных гарнитур у кочевников Алтая. Они предназначались для фиксации подвесных портупейных ремешков и для крепления разных предметов. На уровне формы изделия представлены экземплярами прямоугольной (тип 10) и прямоугольно-овальной (тип 11) формы малых пропорций.

В Центральной Азии наиболее ранние, но, в сущности, единичные находки железных поясных блях известны в культуре сяньби Юго-Восточного Забайкалья: в погребениях конца I – начала III в. н.э. могильника Зоргол-I [Яремчук, 2005, рис. 96.-5]. Позднее они отложились в сяньбийских захоронениях 2-й половины III – IV в. н.э. на могильнике Дурой-I и в погребениях бурхотуйской культуры IV–VI вв. н.э. [Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, рис. 81.-4, 18–20; Зюзин, 2008, с. 168–169]. Если отступить от характера материала, то следует заметить, что пояса с бляхами-накладками, снабженными кольцами, были в широком обиходе у разных групп поздних сяньби и других кочевых племен Северного Китая в IV – 3-й четверти VI в. н.э., а также у когурёсцев Кореи IV–VI вв. н.э. [Zhang Xue-Yan, 2004, fig. 1.-1; 3.-10; 4.-1–5; 6; 7; Чжан Даньлин и др., 2005, рис. 4.-6: 1; 14.-1, 4; Гао Фэн, 2006, с. 62; Бобров, Худяков, 2005, с. 121; Xian Municipal Institute…, 2008, p. 34]. На территории Тувы наиболее ранние (II в. н.э.) находки блях раздела II и отдела IIб происходят из могильников Бай-Даг-II и Аймырлыг-XXXI. Однако широкое распространение в данном регионе они получили в кокэльской культуре III–V вв. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII.-12, 22; Дьяконова, 1970, табл. XI.-13–24, 47; XII.-5–7, 23–28; Николаев, 2000, рис. 3.-4, 12; Панкова, 2003, рис. 4.-6–8; 6.-6]. В предгорьях Кузнецкого Алатау аналогичные бляхи известны из Усть-Абинского могильника фоминской культуры, археологический возраст которого определяется не ранее 2-й половины III в. н.э. [Ширин, 2003, LXIII.-4, 6; LXVII.-1, 2]. На юге Западной Сибири бляхи-накладки с подвижными кольцами часто встречаются в памятниках верхнеобской

культуры V–VI вв. н.э., демонстрируя длительное сохранение местных поясов «дотюркского» облика в Новосибирском Приобье до VIII–IX вв. н.э. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-15, 16, 19; 13.-11; 17.-3–5; 55.-4; Троицкая, 1996, рис. 1.-1–4, 11, 15; Троицкая, Новиков, 1998, с. 53–54, табл. 8].

Таким образом, на Алтае железные бляхи-накладки, имеющие корпус в виде пластины-полуобоймы с подвижным кольцом, появились во II в. н.э. Они пока не найдены в памятниках тюрок кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.), что является свидетельством смены традиций производства поясных гарнитур на Алтае в середине I тыс. н.э. Относительная хронология поясных блях типов 10 и 11 в булан-кобинской культуре определяется в рамках II–V вв. н.э. с предпочтением периода активного использования в пределах с конца II – начала III в. н.э. до середины V в. н.э. Такие бляхи обнаружены при раскопках многих булан-кобинских памятников: Карбан-I, Тыткескень-VI, Бике-I, Улита, Айрыдаш-I, Улуг-Чолтух-I, Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Яломан-II, Верх-Уймон, Кок-Паш, Дялян [Матренин, 2017, с. 64, 66].

Железные бляхи-зажимы (разряд II) в виде плоской пластины-скобы с сильно загнутыми на тыльную поверхность короткими сторонами (раздел III) без дополнительных конструктивных деталей (отдел I) имеют вытянуто-прямоугольный корпус малого размера (тип 12). Точные аналогии поясам с бляхами-скобами представлены в Юго-Восточном Забайкалье в позднесяньбийском могильнике Дурой-1, датируемом 2-й половиной III – IV в. н.э., а также в погребальных комплексах IV–VI вв. н.э. бурхотуйской культуры (Улан-Хода, Дворцы-I и др.) [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXI.-24; Зюзин, 2008, с. 168–169][*]. Подобные изделия происходят из «запаздывающих» материалов верхнеобской культуры V – середины VI в. н.э. Тимирязевского курганного могильника-I в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-4; 11.-5; 13.-12]. Территориально отдаленные аналогии в бронзовом материале с рельефным корпусом известны в Прикамье в памятниках V в. н.э. [Останина, 1997, рис. 7.-24; 73.-9]. В булан-кобинской культуре такие бляхи идентифицированы в могильниках Кок-Паш, Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II [Матренин, 2017, с. 66, 76]. Имеющиеся археологические источники демонстрируют факт предпочтительного появления блях типа 12 в ареале позднесяньбийской общности. У кочевников Алтая они распространились с IV в. н.э. и существовали до V в. н.э. включительно.

Бронзовые бляхи (группа II) в памятниках Алтая сяньбийско-жужанского времени встречаются редко. Они представлены единичными предметами, не связанными своим происхождением с бронзовыми поясными гарнитурами предшествующего хуннуского периода. Данные изделия являются результатом самостоятельного генезиса или подражаниями железным поясным бляхам на уровне способа крепления, конструкции и формы корпуса. Все поясные бляхи из цветного металла, найденные в могильнике Степушка, были накладного способа фиксации (разряд I). Большинство экземпляров имеют корпус в виде прямой или слегка согнутой пластины без колец и прорезей (отдел I). Нижняя дата таких блях на территории Алтая по соответствиям с железными экземплярами определяется не ранее II в. н.э.

Прямоугольные бляхи малых пропорций (тип 13) не имеют себе подобий в известных археологических материалах II–V вв. н.э. из Южной Сибири и Центральной Азии. При хронологической атрибуции блях данного типа у кочевников Алтая можно опираться пока только на результаты их корреляции с датирующимися категориями инвентаря из кургана №13 курганной группы Степушка-I.

Небольшие по размеру бляхи вытянуто-прямоугольной формы (тип 14) обнаруживают сходство с аналогичными деталями ременных гарнитур из памятников разных регионов, среди которых когурёсские погребения IV–VI вв. н.э., курганы верхнеобской культуры в Томском Приобье конца IV – начала VI в. н.э., погребальные комплексы

[*] Не опубликованные материалы бурхотуйской культуры, хранящиеся в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете (г. Чита), любезно показаны Е.В. Ковычевым.

джетыасарской культуры Восточного Приаралья IV–V вв. н.э., кочевнические захоронения гуннского круга конца IV – V в. н.э. в степях Центрального Казахстана и Северного Причерноморья, погребения мазунинской культуры Среднего Прикамья 2-й половины III – V в. н.э. [Генинг, 1979, рис. А.-9; Б.-6; Ж.-17, 18; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 42.-7, с. 27; рис. 49.-5, с. 29–30; Левина, 1993, рис. 83.-16; 1996, рис. 129.-9, 10, 14; 133.-1; Засецкая, 1994, табл. 34.-7; 46.-5; Останина, 1997, рис. 11.-18, 19, 21, 38; 23.-14–18; 24.-10; 25.-2; 28.-3; 30.-17; Zhang Xue-Yan, 2004, fig 1.-1]. Похожие изделия встречаются в более раннее время (I–III вв. н.э.) у населения Центрально-Европейского «Барбарикума» [Малашев, 2007, рис. 2.-4]. Приведенные аналогии дают основания предположить, что поясные бляхи-накладки типа 14 с территории Алтая могут датироваться 2-й четвертью I тыс. н.э.

Вытянуто-овальная бляха с округлым вырезом (тип 15) не имеет себе точных аналогий. По своим морфологическим признакам она относится ко II–V вв. н.э., с вероятностью датировки в интервале III–IV вв. н.э.

Бронзовые бляхи-накладки из прямой пластины с неподвижным кольцом на короткой стороне (отдел IIа) представлены экземпляром секировидной формы (тип 16). Этот оригинальный предмет имеет сходство с поясными деталями из комплекса кокэльской культуры Кожээлиг-Хову-58-V (погребение под задернованной западиной) в Западной Туве [Грач, 1960, рис. 35]. Стилистически они напоминают собой металлические бляхи-нашивки из памятников сяньби II–III вв. н.э., исследованных во Внутренней Монголии [Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци, 2004, рис. 11.-4]. Не исключено, что в булан-кобинской и кокэльской культурах данные бляхи являются поздними подражаниями сяньбийским образцам и датируются не ранее середины III в. н.э.

Бронзовая бляха-накладка с корпусом из плоской пластины, сложенной в полуобойму (раздел II), без колец и прорезей (отдел I) представлена экземпляром вытянуто-прямоугольной формы малых пропорций (тип 17). Данное изделие было зафиксировано *in situ* с остатками кожаного ремня, благодаря чему удалось выяснить особенности его крепления. Бляха размещалась на поясе в вертикальном положении. Для этого около верхнего края ремня имелась небольшая горизонтальная прорезь, куда пропускалась согнутая пластина, фиксирующаяся в нижней части с помощью вставного шпенька. Данный образец снаряжения обнаруживает конструктивное сходство с ременными наконечниками, популярными у поздних сарматов (2-я половина II – 1-я половина III в. н.э.), племен Среднего Прикамья (с рубежа III – IV в. н.э.), а также с реже встречавшимися аналогичными изделиями у населения Верхнего Приобья (не ранее II в. н.э.), «кокэльцев» Тувы (не ранее III в. н.э.), у кочевых народов Северного Китая (конец IV – 1-я треть VI в. н.э.) и у когурёсцев (IV–V вв. н.э.) [Троицкая, 1979, табл. XXIV.-10; Данченок, Нестеров, 1989, рис. 3.-3; Останина, 1997, рис. 29.-13; 32.-1; 34.-17; 35.-20; 36.-19; 67.-24; Малашев, 2000, с. 210; Zhang Xue-Yan, 2004, fig. 5.-2–5, 10; Гао Фэн, 2006, с. 62; Малашев, Яблонский, 2008, с. 57]. Опираясь на эти сопоставления, нижнюю дату данных блях в рамках булан-кобинской культуры можно определить не ранее III в. н.э. Вопрос о верхнем хронологическом рубеже бытования подобных изделий в булан-кобинской культуре пока остается открытым. Стоит заметить, что подобные экземпляры пока не найдены в памятниках тюрок Алтая 2-й половины V – XI в. н.э.

Для поясных блях из цветного металла, обнаруженных в комплексе Степушка-I, (курган №43) был определен химический состав бронзовых сплавов. Изделия изучались на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ с помощью спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) в аналитическом режиме. Для большинства предметов тестирование осуществлялось дважды в разных местах, в том числе со снятием поверхностных окислов, если это позволяла сохранность предмета. Полученные результаты представлены в таблице. Часть из них можно рассматривать лишь на качественном уровне из-за существенного воздействия процессов коррозии.

Результаты рентгенофлюоресцентного тестирования находок из кургана №13 комплекса Степушка-I

Наименование изделия	Cu (медь), %	Sn (олово), %	Pb (свинец), %	As (мышьяк), %	Ni (никель), %	Fe (железо), %
Поясная бляха-накладка из прямой пластины вытянуто-прямоугольной формы (табл. 19.-*10*)	86,02 84,45	12,71 13,4	0,32 0,3	0,74 0,83	0,21 –	– –
Поясная бляха-накладка из прямой пластины прямоугольной формы (табл. 19.-*9*)	79,89 79,24	6,31 7,53	0,17 0,17	1,25 1,2	0,71 0,79	11,67
Поясная бляха-накладка из прямой пластины вытянуто-овальной формы (табл. 19.-*11*)	74,62 81,62	7,73 8,79	0,58 1,33	– –	– –	17,07 8,26
Поясная бляха-накладка секировидной формы (табл. 19.-*12*), *в окислы*	87,79	10,5	0,16	1,36	0,08	0,11
Поясная бляха-полуобойма (табл. 19.-*13*)	89,4 74,2 80,19	7,48 16,34 13,62	1,92 3,64 3,64	0,88 1,04 0,92	0,06 0,11 –	0,26 4,67 1,63

Представленные показатели демонстрируют медно-оловянный и медно-оловянно-свинцовый сплавы с набором других элементов разного происхождения. Эти данные отличаются от определений, полученных аналогичным методом при исследовании археологических находок, которые обнаружены на памятнике хуннуского времени Яломан-II в Центральном Алтае [Тишкин, Хаврин, 2004].

Биметаллические бляхи из железа и бронзы (группа III) накладного крепления (разряд I), имеющие корпус из прямой пластины (раздел I), с подвижным кольцом на короткой стороне (отдел IIб) представлены экземпляром прямоугольно-овальной формы малых пропорций (тип 18а). Данное изделие можно датировать в рамках II–V вв. н.э., принимая во внимание хронологические выкладки для аналогичных железных блях (тип 11). В известных нам материалах булан-кобинской культуры биметаллические бляхи похожей конструкции с прямоугольным корпусом зафиксированы в могильнике Айрыдаш-I [Матренин, 2017, с. 70].

Исследование поясных блях из некрополя Степушка позволяет сделать следующие выводы. Железные бляхи-накладки в виде прямой пластины или пластины-полуобоймы с подвижным кольцом распространились на Алтае во II в. н.э. под влиянием материальной культуры сяньби. Им найдено значительное количество аналогий в Восточном Забайкалье (зоргольская, дуройская, бурхотуйская культуры) и Туве (поздние улуг-хемские и кокэльские памятники). Использование таких блях на Алтае прекратилось на раннем этапе тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.). Железные бляхи-зажимы с корпусом в виде «скобы» обнаруживают точные аналогии в позднесяньбийских и бурхотуйских памятниках Восточного Забайкалья, что позволяет рассматривать их в качестве хроноиндикаторов при выделении памятников булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э. Поясные бляхи из бронзы представлены единичными модификациями, не связанными своим происхождением с предметным комплексом из цветных металлов хуннуского периода. Они являются результатом самостоятельного генезиса или подражаниями железным экземплярам, что определяет их датировку в рамках II–V вв. н.э.

Наконечники и распределители ремней, «блоки», застежки, крепления

Ременные наконечники. В кургане №17 комплекса Степушка-I найден наконечник подвесного ремня, сделанный из прямой железной монолитной пластины язычковидной формы (размеры 9,5×2–2,3 см) с фиксаторами в виде двух вставных шпеньков (табл. 21.-*1*). Наконечники ремней, как отдельная категория предметного комплекса, впервые появились в Центральной Азии у хунну около рубежа эр [Матренин, 2012, с. 162]. «Пробные» экземпляры накладных наконечников ремней с креплением в виде шпеньков датируются I–II вв. н.э. Накладные наконечники встречаются в памятниках саргатской культуры Притоболья III–IV вв. н.э. [Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, рис. 58.-19; табл. 10]. К тому же времени могут принадлежать бронзовые экземпляры из Новосибирского Приобья, а также из предгорий Кузнецкого Алатау [Меженова, Мжельская, 2000, с. 196–197; Ширин, 2003, табл. LXXIX.-139]. В Туве находки наконечников-накладок известны в комплексах кокэльской культуры III–IV вв. н.э. [Дьяконова, 1970, табл. XI.-51].

Язычковидные наконечники рассматриваемой конструкции обнаруживают сходство с бронзовыми экземплярами поздних сарматов, у которых они появились в 1-й половине – середине III в. н.э. [Малашев, 2000, рис. 6.-Д: 1; с. 210]. Похожие наконечники и накладки из цветного металла происходят из памятников Прикамья 2-й половины – конца III – V в. н.э. [Генинг, 1979, рис. А.-13; Г.-11; Д.-17, 22, 23; Останина, 1997, рис. 51.-34]. На Алтае такие наконечники зафиксированы в булан-кобинских погребениях III–IV вв. н.э. (Айрыдаш-I, Белый Бом-II) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Кок-Паш). Период бытования данных изделий определяется предварительно серединой III – V в. н.э. [Матренин, 2017, с. 84].

В объекте №41 комплекса Степушка-2 обнаружен бронзовый наконечник ремня пятиугольной формы размерами 2,8×1,3×0,7 см. На тыльной его поверхности сделана втулка-петля, а с лицевой стороны – небольшое отверстие [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 43] (табл. 22.-*23*). Данный предмет не имеет аналогий в снаряжении кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Похожий по конструкции вкладышевый наконечник зафиксирован в сопроводительном инвентаре таштыкской культуры IV–V вв. н.э. (из памятника Быстрая-II в Хакасии) [Поселянин, 2003, рис. 1.-15].

Распределитель ремней обнаружен в кургане №9 комплекса Степушка-I. Данный элемент поясной гарнитуры выполнен из железа, имеет подвижную лопасть в виде пластины-полуобоймы прямоугольно-овальной формы с фиксаторами-шпеньками и трапециевидный приемник размерами 6,5×2,4–3 см (табл. 21.-*2*). Железные распределители с подвижными лопастями впервые появились у хунну Монголии и Забайкалья около рубежа эр и использовались в конструкции узды [Коновалов, 1976, табл. IX.-10; X.-1, 2, 10; Худгийн толгойн…, 2003, зураг 20.-1, 2, 3]. В составе наборных поясов распределители этой конструкции стали применяться значительно позже. В Центральной Азии они представлены в материалах кокэльской культуры Тувы конца III – IV в. н.э. [Дьяконова, 1970, табл. XI.-30, 31, 39; XII.-35]. Распределители с одной или двумя подвижными лопастями-полуобоймами представлены в памятниках III–IV вв. н.э. Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау [Ширин, 2003, табл. XI.-4, 5; XII.-2; XXV.-2–4; LXVI.-3, 4]. На Алтае похожие распределители найдены в погребениях 2-й половины III – IV в. н.э. (Айрыдаш-I, Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Кок-Паш, Яломан-II, Дялян) [Матренин, 2017, с. 92]. Судя по находке бронзового распределителя с двумя лопастями из могильника Балыктыюль [Сорокин, 1977, рис. 6.-8, 11], нельзя исключать, что их первые образцы могли появиться у «булан-кобинцев» около середины III в. н.э.

«Блоки». Данное обозначение получили железные и бронзовые предметы в виде колец и петель, напоминающие собой подвижные элементы поясных блях-полуобойм.

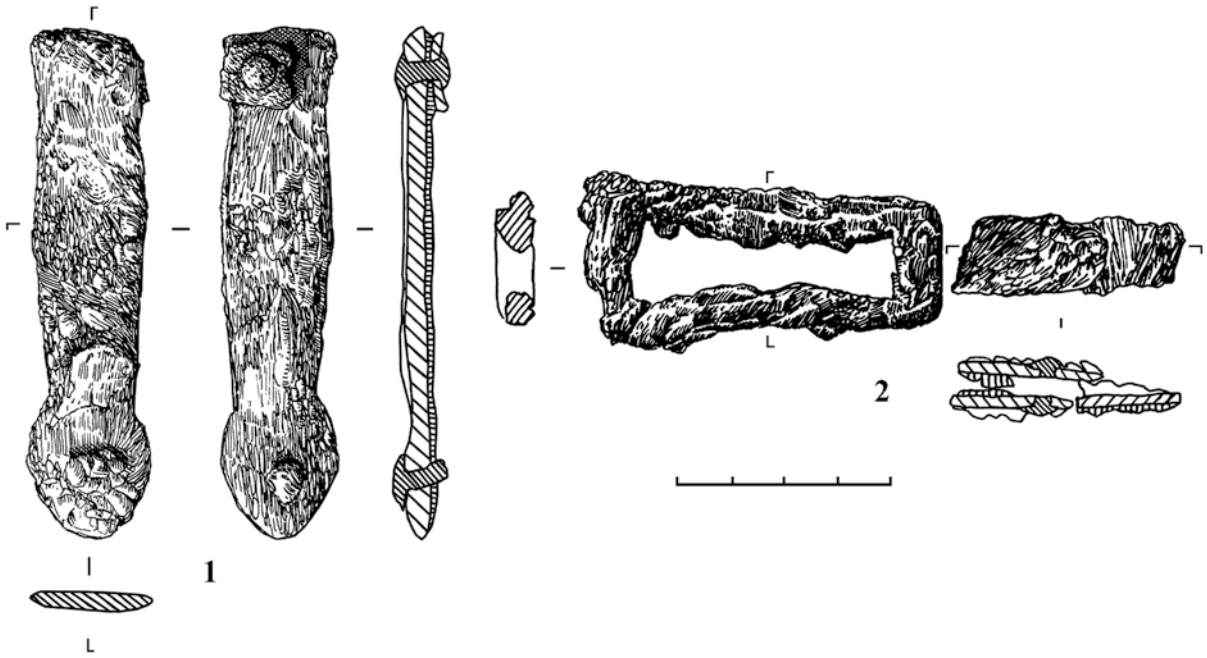

Таблица 21. Железные наконечник (1) и распределитель ремней (2)
из комплекса Степушка-I: курган №9 (2); курган №17 (1)

В материалах некрополя Степушка идентифицированы 16 таких артефактов: Степушка-I – 8 экз. (курганы №4, 8, 15, 17, 21); Степушка-2 – 8 экз. (объекты №9, 10, 30, 41а, 48). В погребениях они зафиксированы в проекции пояса и в одном случае (Степушка-I, курган №15) на груди человека. Точное их функциональное назначение не ясно. По-видимому, данные изделия предназначались для стягивания или завязывания ремней, а также для подвешивания ножен, нагаек, сумочек, футляров с какими-то мелкими вещами. «Блоки» могли фиксироваться к подвижной кожаной петле или к свободно свисавшему портупейному ремешку. Не исключено, что некоторые экземпляры выполняли роль безлопастных распределителей.

Найденные образцы хорошей и удовлетворительной сохранности были подвергнуты классификации по следующим основаниям: группа учитывает материал; разряд – технику изготовления; раздел – конструкцию приемника; отдел – способ крепления к ремню; тип – форму предмета.

В результате систематизации выделены две группы, два раздела, два отдела, четыре типа «блоков».

Группа I. Железные.

Разряд I. Кованые.

Раздел I. Сомкнутые.

Отдел I. Без фиксирующих элементов.

Тип 1. Округлые. Всего 4 экз.: Степушка-I, курганы №4, 8; Степушка-2, объекты №30, 41а (табл. 22.-*6, 7*; 23.-*3, 4*).

Тип 2. Овальные. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №21 (табл. 23.-*10*).

Отдел II. С фиксаторами-шпеньками.

Тип 3. Округлые. Всего 9 экз.: Степушка-I, курганы №4, 15, 17 (2), 21; Степушка-2, объекты №7, 9, 10, 48 (табл. 22.-*11–14*; 23.-*5–9*).

Группа II. Бронзовые.

Разряд II. Литые.

Раздел I. Сомкнутые.

Отдел I. Без фиксаторов.

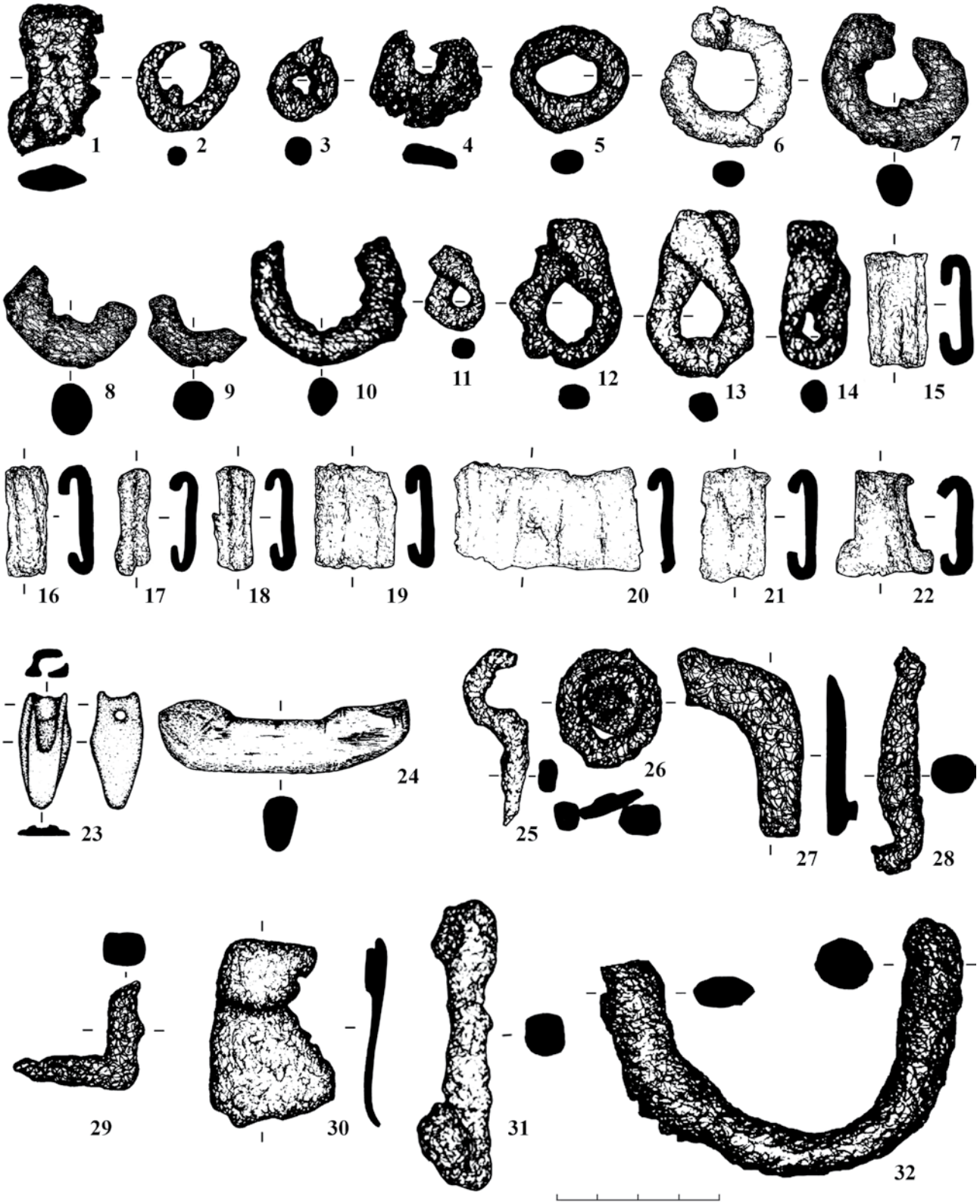

Таблица 22. Железные поясные бляхи и «блоки», бронзовый наконечник ремня, костяная застежка, обломки железных гарнитур из комплекса Степушка-2: объекты №5 (24), №7 (11), №8 (15–22), №9 (1, 2, 12), №10 (13), №15 (26), №17 (27–29), №26 (31), №30 (6), №32 (3–5, 25, 30), №41 (23), №41а (7–9), №48 (10, 14, 32) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 4; рис. 17.-4; 26.-1 – 8; 27.-3, 8; 85.-9, 11, 12, 14, 15; 114.-15; 116.-9–11; 129.-10; 130.-4]. *1–22, 25–32 – железо; 23 – бронза; 24 – кость*

Тип 4. Овальные. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №13 (табл. 23.-*11*)*.

Железные «блоки» типа 1 имеют массовые аналогии в хуннуских погребениях Монголии и Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э. [Давыдова, 1996, табл. 5.-19, 20; 11.-23–26, 30; 12.-20–22; 16.-3, 4; 17.-7; 22.-15; 23.-6, 7; 26.- 11, 13, 14; 27.-8, 13, 15; 32.-10; 33.-7; 34.-10; 35.-2; 37.-4; 39.-22; 41.-5; 42.-5, 7; 47.-15; 52.-7–9; Миняев, 1998, табл. 52.-1–3; 55.-6; 56.-5, 6; 59.-6, 8, 9; 67.-13; 83.-28; 93.-5, 10; 96.-5; 99.-12–16; 101.-5, 6, 10; 115.-3, 4; 116.-4, 5; 120.-14, 15; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 178, зураг 4, 5; т. 180, зураг 2, 3; т. 246, зураг 2–4]. «Блоки» овальной формы небольшого размера (типы 2 и 4) за пределами Алтая наиболее многочисленны в памятниках носителей кокэльской культуры Тувы III–V вв. н.э. В снаряжении у населения булан-кобинской общности такие изделия широко распространялись, по-видимому, со II в. н.э. и сохранялись до V в. н.э. включительно. Железные «блоки» в виде сомкнутой петли, фиксировавшейся с помощью шпеньков (тип 3), судя по их обнаружению с другими датирующимися деталями ременных гарнитур, встречаются преимущественно в булан-кобинских погребениях 2-й половины III – IV в. н.э. (Айрыдаш-I, Улуг-Чолтух-I, Булан-Кобы-IV) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Кок-Паш) [Матренин, 2017, с. 94].

Застежки и крепления представлены изделиями из кости и металла. Обозначенные предметы отличает большая вариативность оформления. Принимая во внимание их немногочисленность, считаем целесообразным ограничиться рассмотрением данных элементов снаряжения человека без классификации.

В кургане №2 комплекса Степушка-I найдена костяная застежка вытянуто-овальной формы размерами 4,7×1,4 см с овальным отверстием в центре (табл. 23.-*1*). Она обнаружена в области стоп человека и могла использоваться для фиксации обувных ремешков. Точные и при этом весьма многочисленные аналогии ей имеются в снаряжении верхового коня у сяньби конца I – начала III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 104.-3, 4, 7–9; 105.-9, 10; 106.-4; 107.-2; 111.-4; 112.-3, 10, 11, 15; 113.-6]. В булан-кобинской культуре такие застежки иногда встречаются в погребениях III–IV вв. н.э. (Айрыдаш-I, Улуг-Чолтух-I). Похожий экземпляр зафиксирован в кургане 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э. могильника Дялян в качестве элемента снаряжения верхового коня. Все приводимые для сравнения предметы не опубликованы.

Костяная застежка из кургана №15 комплекса Степушка-I с овально-прямоугольным корпусом размерами 5,3×1,9–2,3 см и двумя округлыми отверстиями разного диаметра (табл. 23.-*2*) по своему облику сопоставима с местными застежками скифо-сакского времени (2-я половина VI – III в. до н.э.), применявшимися в экипировке верхового коня [Суразаков, 1989, рис. 11; Марсадолов, 1998, рис. 1, с. 21]. Похожие, но не идентичные предметы существовали на Алтае на протяжении всего хунну-ско-сяньбийско-жужанского времени. Среди наиболее близких аналогий стоит указать на экземпляр 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э. из булан-кобинского могильника Верх-Уймон [Соенов, 2000а, рис. 3.-3].

В объекте №5 комплекса Степушка-2 обнаружено костяное изделие вытянуто-овальной формы с небольшим углублением (желобом), которое предположительно является застежкой (табл. 22.-*24*). Аналогии данному предмету нам не известны.

Крепление-пробой из кургана №15 комплекса Степушка-I представлено железным кованым стержнем подквадратного сечения длиной 3 см, один конец которого завершался планкой, другой – петлей с подвижным кольцом (табл. 23.-*13*). Аналогичное изделие зафиксировано в погребении жужанского времени на могильнике Яломан-II (курган №32) в составе подвесной цепочки ножен боевого ножа [Матренин, 2017, с. 97, рис. 4.-III]. В хронологическом отношении эти предметы неинформативны.

Цепочка («подвеска»), найденная в кургане №17 комплекса Степушка-I, состояла из пяти вплетенных друг в друга железных колец диаметром около 1 см (табл. 23.-*12*).

* Для изделия, сильно покрытого окислами, получены следующие результаты рентгенофлюоресцентного анализа: Cu (медь) – 88,2%; Sn (олово) – 5,66%; As (мышьяк) – 2,14%; Sb (сурьма) – 1,31%; Pb (свинец) – 1,32%; Fe (железо) – 0,8%; Bi (висмут) – 0,45%; Ni (никель) – 0,12%.

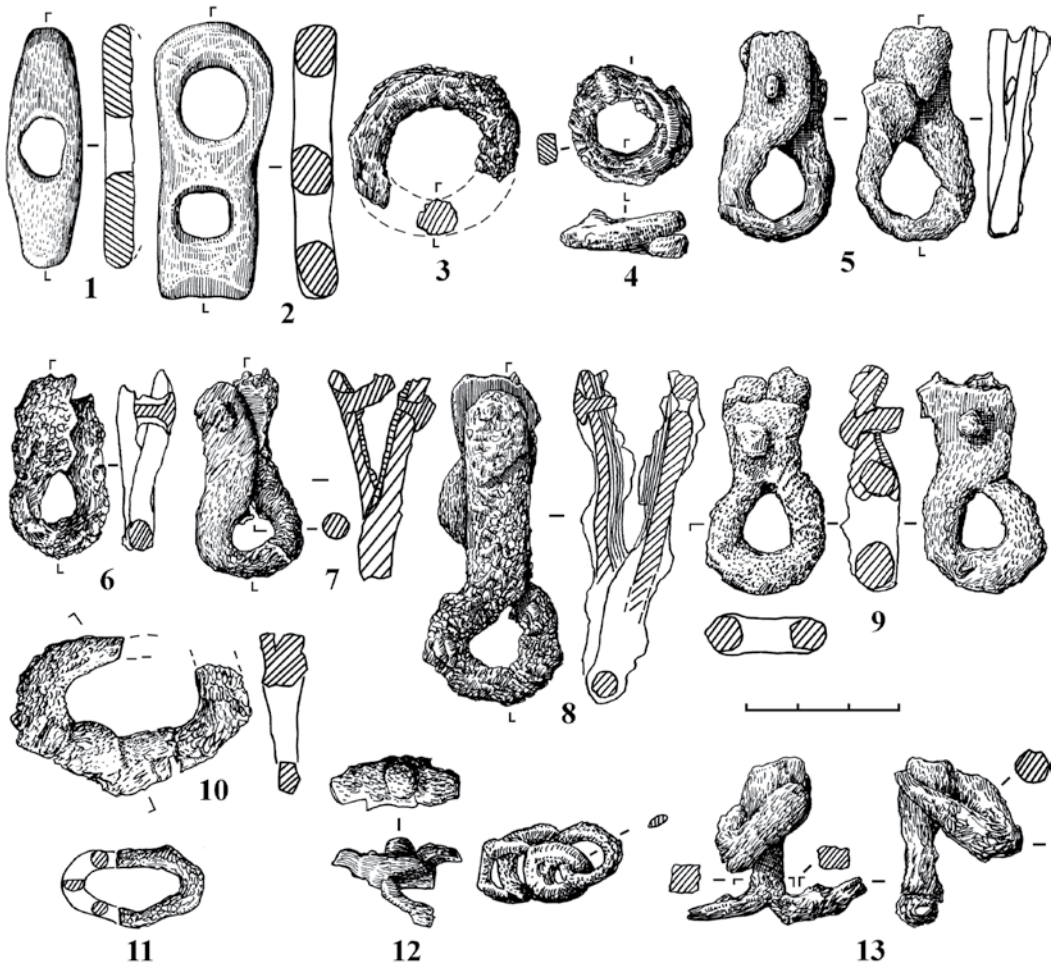

Таблица 23. Железные и бронзовые «блоки», костяные застежки, железный пробой и цепочка из комплекса Степушка-I: курганы №2 (1), № 4 (3, 6), №8 (4), №13 (11), №15 (2, 8, 13), №17 (5, 7, 12), №21 (9, 10). *1, 2 – кость; 3–10, 12, 13 – железо; 11 – бронза*

Указать функциональное назначение данного изделия сложно. Похожие цепочки большей длины, выполненные из цветного металла, известны в материальной культуры сяньби II–III вв. Северо-Западной Маньчжурии в качестве приспособлений для подвешивания бронзовых блях [Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, рис. 3.-26]. В булан-кобинской культуре цепочки из колец зафиксированы в могильнике 2-й половины IV – V в. н.э. памятника Яломан-II (курган №30) [Матренин, 2017, с. 97].

Рассмотренные наконечники, распределители, «блоки», застежки и крепления в своей основной массе являются дополнительными элементами снаряжения кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени.

Разновидности наборных поясов

Наборный пояс – это ремень из кожи, оснащенный деталями гарнитуры функционального и декоративного назначения (пряжками, бляхами, распределителями, наконечниками, «блоками» и некоторыми другими предметами) [Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015, с. 121]. Перечисленные изделия изготовлялись главным образом из металла, но изредка использовались и другие материалы.

Изучению наборных поясов кочевников Азии II в. до н.э. – V в. н.э. в работах современных археологов уделено скромное место. На материалах Алтая данная тема была впервые затронута в книге В.Н. Добжанского [1990], где представлены схематичные графические реконструкции поясов из могильников Балыктыюль (курган

№227) и Кок-Паш (курган №39). В дальнейшем поясные гарнитуры из памятника Кок-Паш рассматривались А.С. Васютиным [2000] и в общем виде изданы в монографии «Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.)» [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003]. В книге В.И. Соенова и А.В. Эбеля [1992] «Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни» содержится выборочное описание находок от поясных гарнитур из некрополя Верх-Уймон. Ценные наблюдения для конструкции поясов сяньбийского времени сделаны Ю.С. Худяковым и А.Ю. Борисенко [2004а] по материалам могильника Улуг-Чолтух-I. Важное значение имело обнаружение в 2003 и 2007 гг. при раскопках некрополя Яломан-II (Центральный Алтай) остатков поясов с металлическими гарнитурами, подражавшими хуннуским образцам и, возможно, являющимися импортом из метрополии кочевой империи Хунну [Тишкин, 2005а; Tishkin, 2011; Тишкин, Матренин, 2011; 2017в].

В комплексе Степушка-I были вскрыты восемь погребений с наборными поясами разной степени сохранности. Среди них шесть мужских (курганы №5, 9, 15, 17, 19), одно подростковое (курган №6) и одно детское (курган №21) погребения. Последовательная расчистка металлических деталей с оставлением на месте всех артефактов до и после вынимания скелета позволила проследить порядок размещения отдельных предметов и их скоплений *in situ* от пряжки до окончания ремня. Ниже приводится описание обнаруженных наборов и их реконструкции [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012б; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015; Матренин, 2017, с. 102–108].

Курган №5. Железные детали пояса располагались в районе живота обезглавленного человека. Размещение артефактов свидетельствовало о том, что ремень был надет на погребенного после его смерти. Пряжка с подвижным язычком лежала у верхнего края левого крыла таза (табл. 24.-*I: 1*). Относительно покойного дужка пряжки ориентирована в левую сторону. В 0,13 м справа от окончания щитка, в проекции бокового изгиба ремня, проходившего по низу грудной клетки, обнаружена бляха-полуобойма с подвижным кольцом (табл. 24.-*I: 2*). В 0,25 м слева от нее, под позвонком грудного отдела, найден аналогичный предмет (табл. 24.-*I: 3*). Еще один подобный экземпляр (табл. 24.-*I: 4*) с обломанным корпусом и кольцом расчищен в 2 см слева от таза на расстоянии 0,25 м от предыдущего изделия. На основании зафиксированных металлических деталей гарнитуры можно сделать вывод, что наборный пояс имел достаточно «простую» конструкцию: включал пряжку и три бляхи-накладки в виде полуобойм с кольцами, находящимися по бокам и на спине, примерно на равном удалении друг относительно друга (табл. 28.-*1*). Ремень в пряжке застегивался на левую сторону. Длина участка между «крайними» металлическими бляхами составляла 0,63 м, ширина кожаного ремня предположительно была не менее 2 см.

Курган №6. Железные детали поясной гарнитуры обнаружены чуть выше тазовых костей подростка 12,5–13,5 лет в следующей последовательности. Пряжка с подвижным язычком и щитком размещалась сверху правого крыла таза (табл. 24.-*II: 1*). Относительно покойного дужка рамки обращена в правую сторону. На участке пояса в 0,1–0,18 м левее окончания щитка пряжки обнаружены три бляхи-накладки, фиксирующиеся к ремню с помощью вставных шпеньков. Среди них фрагментированная бляха-полуобойма (табл. 24.-*II: 2*) прямоугольно-овальной формы с подвижным кольцом, обращенным по направлению к голове человека. В 3,5 см левее ее находилась бляха-полуобойма прямоугольной формы (табл. 24.-*II: 3*) с утраченным кольцом, обращенная сомкнутой стороной пластины вверх. В 2 см левее данного предмета на поясничном позвонке лежала бляха-накладка (табл. 24.-*II: 4*) из прямой пластины прямоугольной формы с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса, обращенным «вверх». Далее пояс продолжался участком несохранившегося кожаного ремня длиной 36,5 см без металлических деталей, который охватывал всю левую половину скелета почти до позвоночника. Под поясничным позвонком обнаружены две бляхи-полуобоймы (табл. 24.-*II: 6, 7*) прямоугольно-овальной формы с подвижными кольцами, обращенными «вверх». Пояс завершался участком ремня без металлических элементов гарнитуры, выходящим на

переднюю правую половину скелета. Кроме того, на фалангах правой руки расчищены две бляхи-полуобоймы с обломанными кольцами, обращенными сомкнутой стороной к голове человека (табл. 24.-*II: 5, 8*). Первоначально они могли размещаться на боковых изгибах ремня. Таким образом, данный наборный пояс включал пряжку, шесть бляхполуобойм с подвижными кольцами (по паре по бокам, положение двух экземпляров точно не ясно) и бляху из прямой пластины с неподвижным кольцом, фиксировавшуюся на правом боку (табл. 28.-*2*). Ширина пояса, по-видимому, составляла не менее 3 см. Судя по тому, что все бляхи лежали кольцами «вверх», пояс был надет на умершего человека в перевернутом виде.

Курган №9. Железная ременная гарнитура лежала в области грудной клетки мужчины 35–40 лет. Наборный пояс состоял из пряжки с утраченным подвижным язычком (табл. 24.-*III: 1*), находившейся под локтевым суставом правой руки. В 0,12 м от окончания щитка пряжки располагались бляха-полуобойма (табл. 24.-*III: 2*) и распределитель (табл. 24.-*III: 3*). На расстоянии 12 и 16,5 см от него находились две бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами (табл. 24.-*III: 4, 5*). Завершался пояс участком ремня без металлических деталей. Ремень был шириной не менее 2,7 см. Реконструируемый наборный пояс имел пряжку, три бляхи-полуобоймы с кольцами (одна спереди на правой половине, одна на спине, одна на левом боку) и распределитель (на правом боку) (табл. 28.-*4*).

Курган №13. Наборный пояс включал большое количество металлических блях, огибавших скелет пожилого мужчины (около 50 лет) выше таза. Железная пряжка с подвижным язычком располагалась под предплечьем правой руки в проекции запястья (табл. 25.-*1*). Относительно покойного дужка рамки ориентирована на левую сторону. Рядом с окончанием щитка зафиксирован фрагмент бронзового кольца овальной формы (табл. 25.-*2*), которое первоначально крепилось к нижней части пояса с помощью узкого ремешка, сложенного в петлю. Вплотную с ним лежала бронзовая бляха-накладка в виде плоской пластины «секировидной» формы с неподвижным кольцом (табл. 25.-*3*). Участок передней правой половины ремня длиной 0,14 м был декорирован тремя железными бляхами-накладками вытянуто-прямоугольной формы (табл. 25.-*4–6*). Расстояние между бляхами составляло не более 1 см. Резкий изгиб пояса в проекции правого бока представлен тремя железными бляхами-накладками (табл. 25.-*7–9*), выявленными рядом с локтевым суставом. Конструкция и размеры данных деталей гарнитуры совпадают с характеристиками ранее описанных предметов. Сегмент пояса, соответствующий спине протяженностью 0,28–0,3 м, был расчищен под нижней частью грудной клетки и позвоночником. Это линия тесно расположенных друг к другу металлических изделий. С правой стороны находились три железные бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы (табл. 25.-*10–12*), аналогичные ранее встреченным экземплярам. Под поясничным позвонком обнаружены остатки кожаного ремня с бронзовой бляхой-накладкой в виде полуобоймы вытянуто-прямоугольной формы, размещавшейся на поясе в вертикальном положении (табл. 25.-*13*). Левую половину спины украшали одна бронзовая бляха-накладка вытянуто-прямоугольной формы (табл. 25.-*14*) и две похожие бляхи из черного металла (табл. 25.-*15, 16*). Изогнутый участок пояса в проекции левого бока длиной 0,21–0,24 м зафиксирован под левым предплечьем. Он был декорирован железными бляхами-накладками из прямой пластины: четырьмя прямоугольными (табл. 25.-*17–20*), одной шестиугольной (табл. 25.-*21*), одной трапециевидной (табл. 25.-*22*). Далее шел фрагмент пояса без металлических деталей длиной не менее 0,11 м, который прерывался бронзовой бляхой-накладкой из прямой пластины с прямоугольным абрисом (табл. 25.-*23*). На ремне она фиксировалась, по-видимому, в вертикальной проекции. В 6 см правее от нее лежала бронзовая вытянуто-овальная бляха (табл. 25.-*24*). На поясе данный предмет мог размещаться в горизонтальном положении. Далее пояс продолжался обычным кожаным ремнем, который не сохранился. Таким образом, общая длина пояса составляет не менее 1,1 м, а ширина – в пределах 3,6 см. Ремень в пряжке застегивался на левую сторону (табл. 29.-*1*).

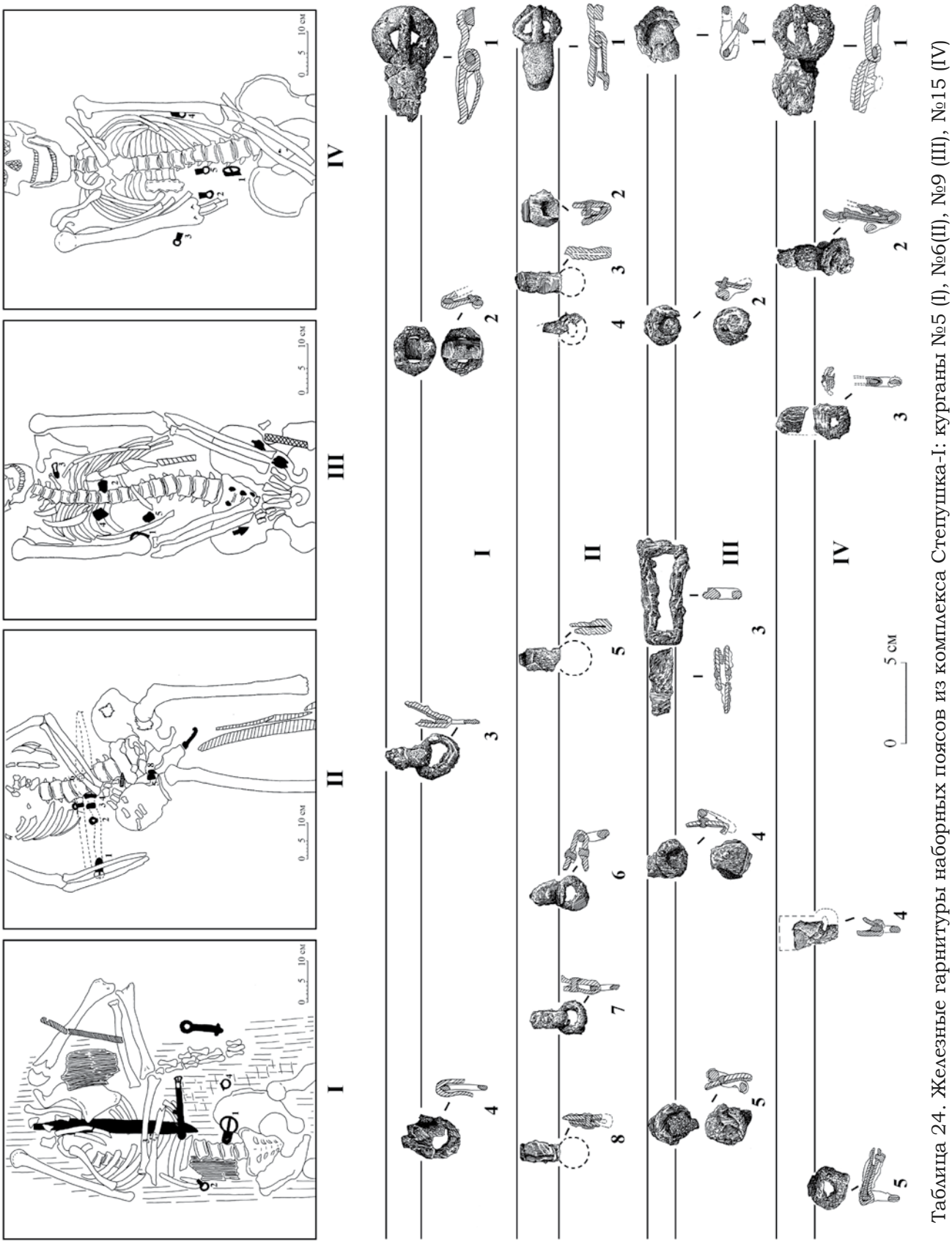

Таблица 24. Железные гарнитуры наборных поясов из комплекса Степушка-I: курганы №5 (I), №6(II), №9 (III), №15 (IV)

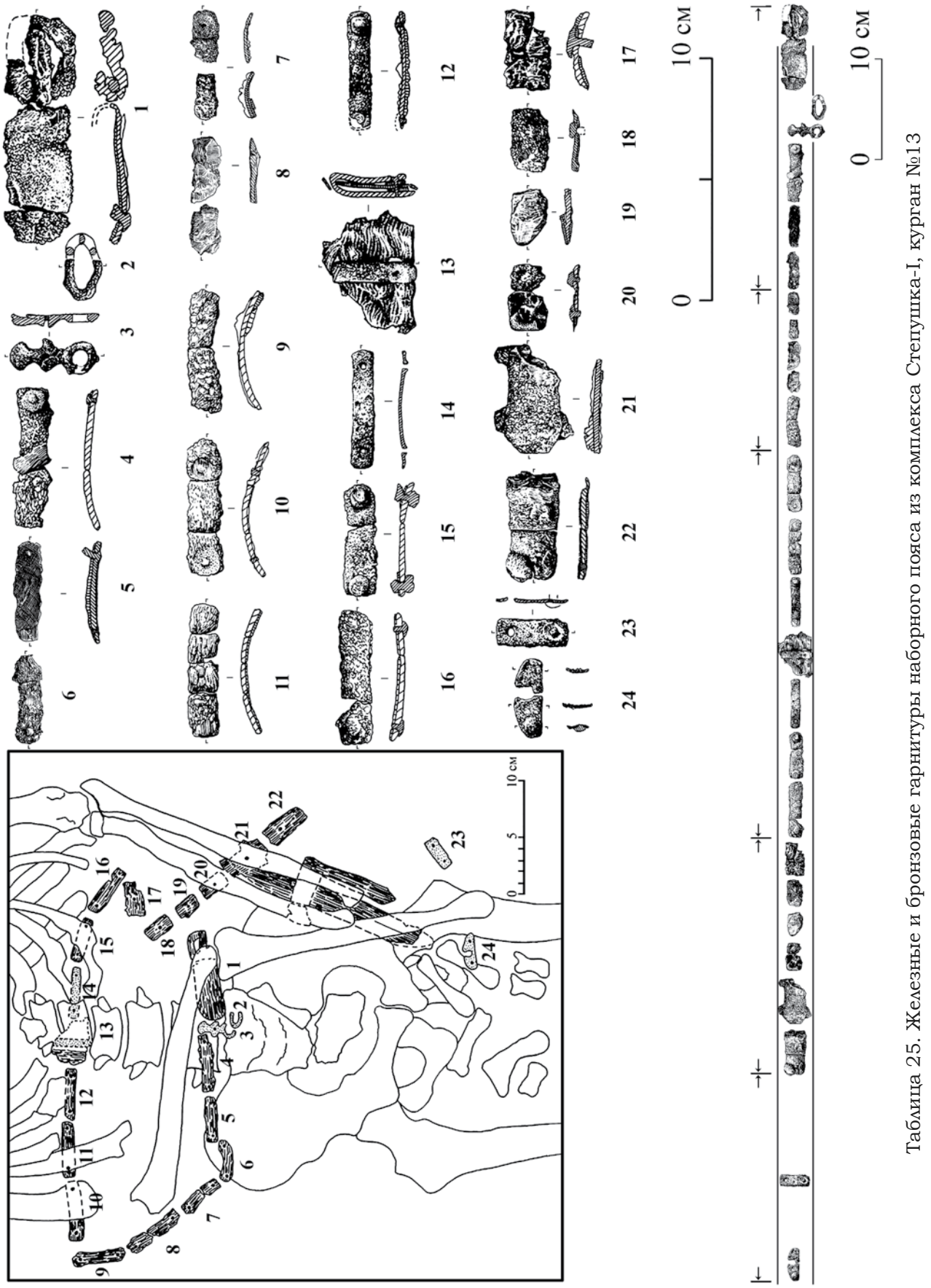

Таблица 25. Железные и бронзовые гарнитуры наборного пояса из комплекса Степушка-I, курган №13

Курган №15. Железные детали наборного пояса обнаружены выше тазовых костей в области живота взрослого человека 35–40 лет. Пряжка с подвижным язычком располагалась немного правее поясничного позвонка и была обращена дужкой на левую сторону (табл. 24.-*IV: 1*). В 8 см от окончания щитка пряжки на передней правой половине пояса находилась бляха-полуобойма с подвижным кольцом (табл. 24.-*IV: 2*). На расстоянии 10 см от нее в проекции бокового изгиба ремня обнаружена похожая бляха плохой сохранности (табл. 24.-*IV: 3*). Участок спины представлен несохранившимся кожаным ремнем без металлических гарнитур длиной около 0,3 м. С внутренней стороны левой плечевой кости, немного выше локтя, расчищена фрагментированная бляха-полуобойма с подвижным кольцом (табл. 24.-*IV: 4*). Последний металлический предмет на ремне – это прямоугольно-овальная бляха-полуобойма с подвижным кольцом (табл. 24.-IV: 5), обнаруженная в 5 см выше пряжки. Рассмотренный наборный пояс имел пряжку, четыре бляхи-полуобоймы с кольцом: одну спереди на правой половине, две по бокам, одну спереди на левой половине. Ширина пояса составляла не менее 4 см, длина его от пряжки до «крайней» металлической бляхи – 0,8 м. Ремень застегивался на левую сторону (табл. 28.-*3*).

Курган №17. Железные детали наборного пояса зафиксированы в 14 см выше тазовых костей юноши 15–16 лет. Пряжка с неподвижным шпеньком-язычком и щитком лежала на нижних ребрах левой половины грудной клетки и частично на левом локте (табл. 26.-*I: 1*). Относительно покойного дужка рамки ориентирована налево. Рядом с окончанием щитка найдены четыре прикипевшие друг к другу бляхи-зажимы (табл. 26.-*I: 2*). В 3,5 см справа от этих изделий сверху ребер и позвоночника расчищено скопление элементов гарнитуры длиной 27,6 см, протянувшихся полосой до правого предплечья. Различались семь блях-полуобойм с подвижными кольцами (табл. 26.-*I: 3–6, 8, 10, 12*). Все свободное пространство между ними занимали бляхи-зажимы (табл. 26.-*I: 3, 5, 7, 9, 11, 13*). На участке ремня под ребрами и позвоночником располагались шесть блях-полуобойм с кольцами (табл. 26.-*I: 14, 16, 18, 20, 22, 24*) и множество блях-зажимов (табл. 26.-*I: 15, 17, 19, 21, 23, 25*). Они образовывали сплошную ленту протяженностью 0,24 м. Все бляхи были обращены кольцами вниз. Продолжение изогнутой части пояса на передней левой половине скелета представлено кожаным ремнем без металлических блях. К нему крепился железный подвесной наконечник, обнаруженный в 5 см ниже рамки пряжки под левым предплечьем (табл. 26.-*I: 26*). Таким образом, пояс включал пряжку, 13 блях-накладок в виде полуобойм с шпеньковым креплением, снабженных подвижными подвесными кольцами спереди, по бокам и на спине, не менее 53 бляхзажимов, расположенных вплотную друг к другу на разных участках пояса, а также наконечник ремня на окончании подвесного ремня на левом боку[*]. Ширина кожаной основы составляла 2 см, протяженность металлической гарнитуры от дужки пряжки до «крайней» металлической бляхи – 0,73 м. Общая длина пояса была более 1 м. Пояс застегивался на левую сторону (табл. 29.-*2*).

Курган №19. Обнаружен наиболее хорошо сохранившийся наборный пояс в погребении мужчины 35 лет [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012; Тишкин, Матренин, 2013; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015]. Металлические детали зафиксированы в 10 см выше тазовых костей человека. Найдено большое количество железных изделий, расположение которых четко передавало контур истлевшего кожаного ремня, некогда опоясывавшего тело покойного. Пряжка лежала в проекции «живота» под поясничными позвонками под небольшим углом к ним (табл. 27.-*1*). Она имела трапециевидную рамку и подвижный щиток. Относительно покойного дужка ориентирована направо. Рядом с окончанием щитка под левым локтевым суставом зафиксировано скопление предметов (сегмент «А»). В него входили две бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, обращенными к голове человека (табл. 27.-*2, 4*). Между данными изделиями находились бляхи-зажимы (не

[*] Рассматриваемые материалы заставляют усомниться в варианте реконструкции пояса из кургана №39 могильника Кок-Паш, представленном в работах В.Н. Добжанского [1990] и А.С. Васютина [2000б]. Определенно стоит указать на то, что наличие железных колец, «вмонтированных» в кожаную основу (как это изображено на рисунках), не вытекает из внешнего облика конкретных изделий в итоговой публикации вещественных источников [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 40].

менее 20 экз.) в виде узких пластин-скоб (табл. 27.-*3, 4*). Они располагались вплотную друг к другу, образуя металлическую ленту на левом боку. Все описанные детали гарнитуры лежали вверх лицевой стороной. Самый большой фрагмент пояса протяженностью 0,28 м расчищен под скелетом (сегмент «B»). Точно под позвоночником располагались две бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, обращенными «вверх» (табл. 27.-*6, 8*). Между ними, а также справа и слева располагались бляхи-зажимы общим количеством 92 экз., которые составляли сплошную железную ленту по всей спине (табл. 27.-*5, 7, 9*). Эти элементы гарнитуры лежали вверх тыльной стороной, благодаря чему хорошо просматривались особенности их крепления к кожаной основе. Изгиб пояса в проекции правого бока представлен сегментом «C», выявленным в 7,5 см левее локтевого сустава. Там зафиксированы сильно фрагментированные предметы: бляха-полуобойма с подвижным кольцом и спекшиеся бляхи-зажимы (сохранились 5 экз.), которые лежали друг на друге (табл. 27.-*10*). Продолжение изогнутой части пояса (сегмент «D») зафиксировано на правой половине скелета и представляло собой сплошную металлическую ленту из бляхзажимов (36 экз.) длиной 0,11 м, обращенную вверх лицевой стороной (табл. 28.-*11*). Ее замыкало небольшое скопление железных гарнитур (сегмент «E»), в котором идентифицированы две сильно коррозированные бляхи-полуобоймы с подвижным кольцом, спекшиеся с бляхами-скобами общим количеством не менее 14 экз. (табл. 27.-*12–14*). Кольца были обращены в направлении головы человека. Самый крайний металлический предмет на ремне (сегмент «F») расчищен рядом с пряжкой немного ниже щитка. Это бляха-накладка с шпеньковым креплением, выполненная из прямой пластины прямоугольной формы, имеющая неподвижное кольцо на короткой стороне корпуса. Далее пояс продолжался обычным кожаным ремнем, который не сохранился. Реконструируемый наборный пояс включал пряжку, семь блях-накладок в виде полуобойм с шпеньковым креплением, снабженных подвижными подвесными кольцами (пара на спине по центру, два на правом, а три на левом боку), не менее 167 блях-зажимов, расположенных вплотную друг к другу на спине и по бокам, а также одну бляху из прямой пластины с неподвижным кольцом ближе к окончанию ремня (табл. 29.-*3*). Протяженность металлических гарнитур с учетом щитка пряжки составляла 0,68–0,73 м. Общая длина пояса не превышала 1,2 м. Ширина кожаной основы была 1,9–2 см с незначительным сужением окончания, продевавшегося в пряжку. В погребение пояс, скорее всего, был помещен в расстегнутом виде. Обращает на себя внимание, что на всем протяжении пояса бляхи-полуобоймы лежали кольцами «вверх». Такое нестандартное положение свидетельствует о том, что пояс был надет на воина в перевернутом виде. В дополнение к этому следует отметить, что рядом находился боевой нож, ориентированный острием к голове человека.

Курган №21. Железные детали наборного пояса зафиксированы в области таза ребенка 5–6 лет. Пряжка с подвижным язычком на вертлюге лежала по середине таза (табл. 26.-*II: 1*). Относительно покойного дужка рамки ориентирована налево. В 4 см вправо от окончания щитка пряжки располагался «блок» (табл. 26.-*II: 2*). На поясе он мог висеть на коротком ремешке. На расстоянии 10 см от данного предмета, в области изгиба ремня, на правом боку обнаружена железная бляха в виде пластины размерами 4,5×2 см (табл. 26.-*II: 3*). К ее нижней стороне присоединялась железная витая цепочка, к которой подвешивался боевой нож в ножнах. Вплотную к железной пластине примыкал сегмент из 12 блях-зажимов (табл. 26.-*II: 4*). Сразу же за ним располагалась бляха-полуобойма с подвижным кольцом (табл. 26.-*II: 5*). Участок пояса, соответствующий спине, имел протяженность 0,14 м и представлял собой сплошную ленту из блях-зажимов (табл. 26.-*II: 6*). В проекции изгиба по левому боку зафиксирована бляха-полуобойма с кольцом (табл. 26.-*II: 7*). Рядом с ней расчищен сегмент из блях-зажимов, протяженностью 5 см (табл. 26.-*II: 8*), разделяемый бляхой-полуобоймой с подвижным кольцом (табл. 26.-*II: 9*). Самый крайний металлический предмет на поясе расчищен ниже пряжки. Это овальный блок. Он, по-видимому, фиксировался на кожаную петлю, в которую продевался ремень (табл. 26.-*II: 10*). Общая длина пояса составляла не менее 0,7 м. Ширина ремня 2 см, ширина окончания ремешка 1,5 см. Ремень в пряжке застегивался на левую сторону (табл. 29.-*4*).

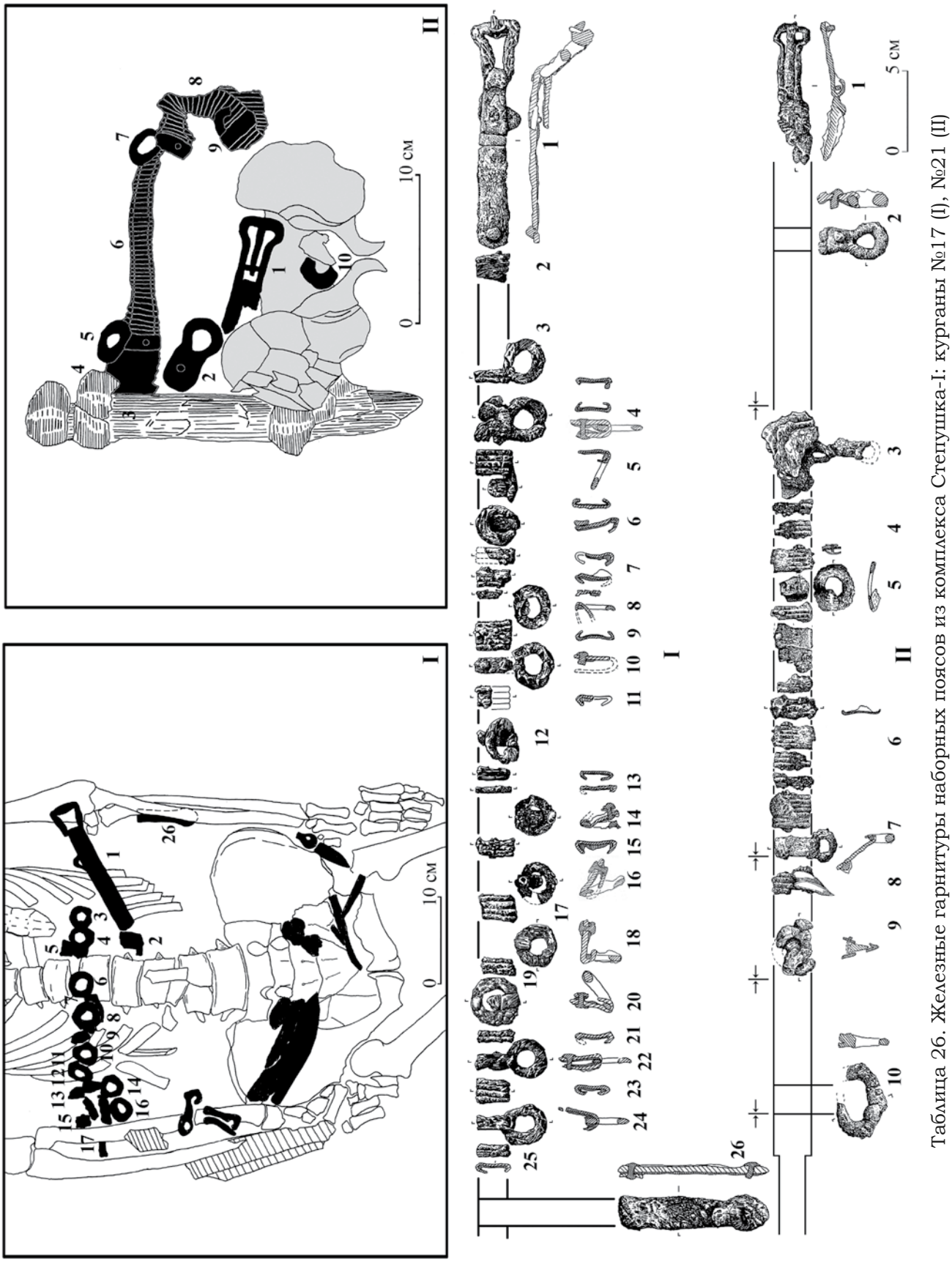
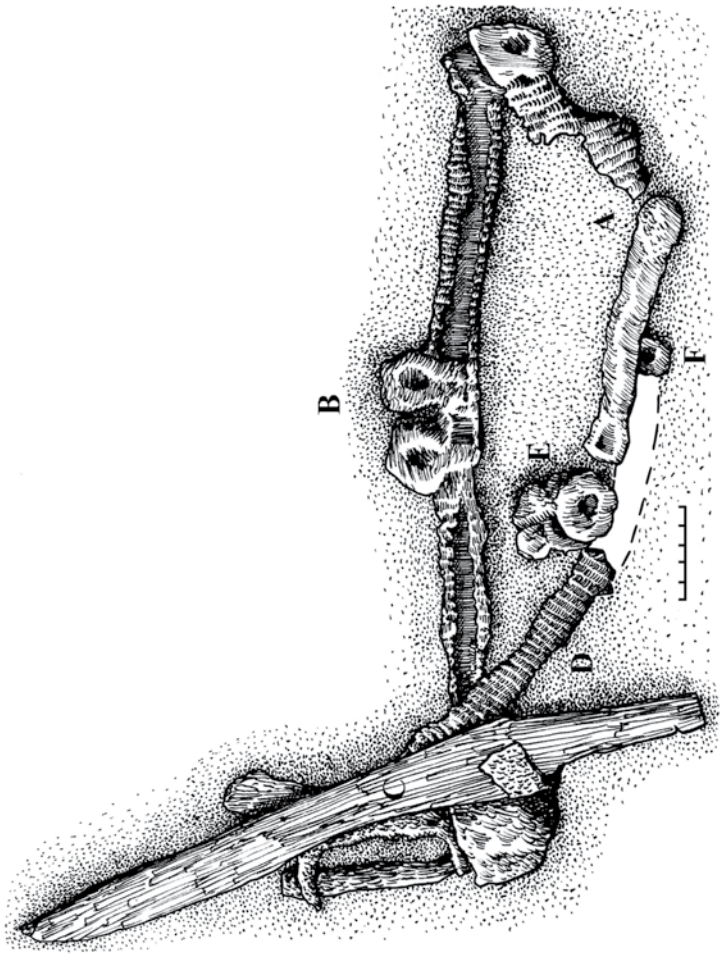

Таблица 26. Железные гарнитуры наборных поясов из комплекса Степушка-I: курганы №17 (I), №21 (II)

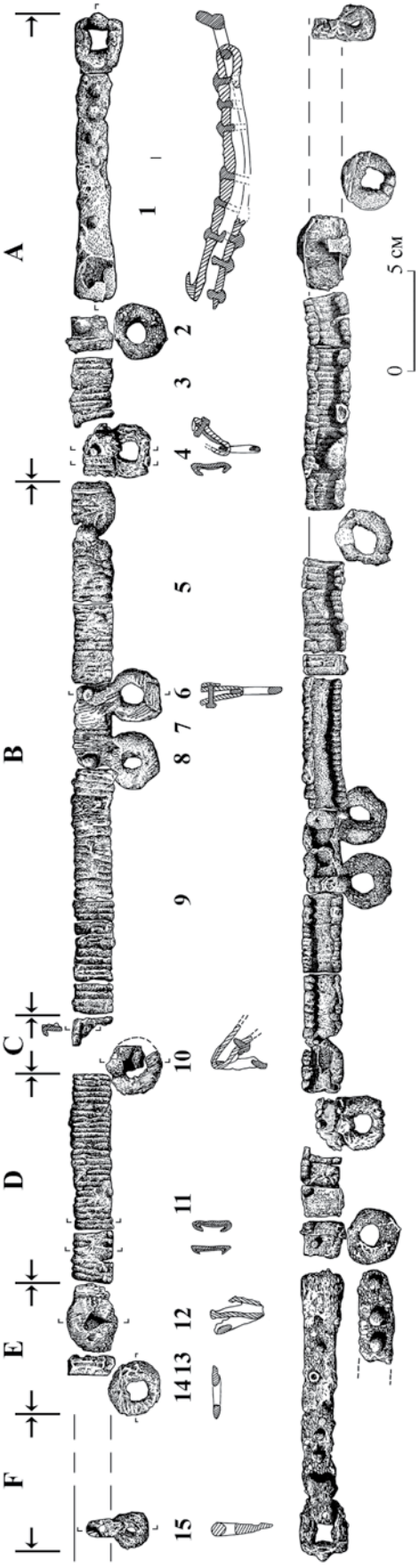

Таблица 27. Железные гарнитуры наборного пояса из комплекса Степушка-I, курган №19

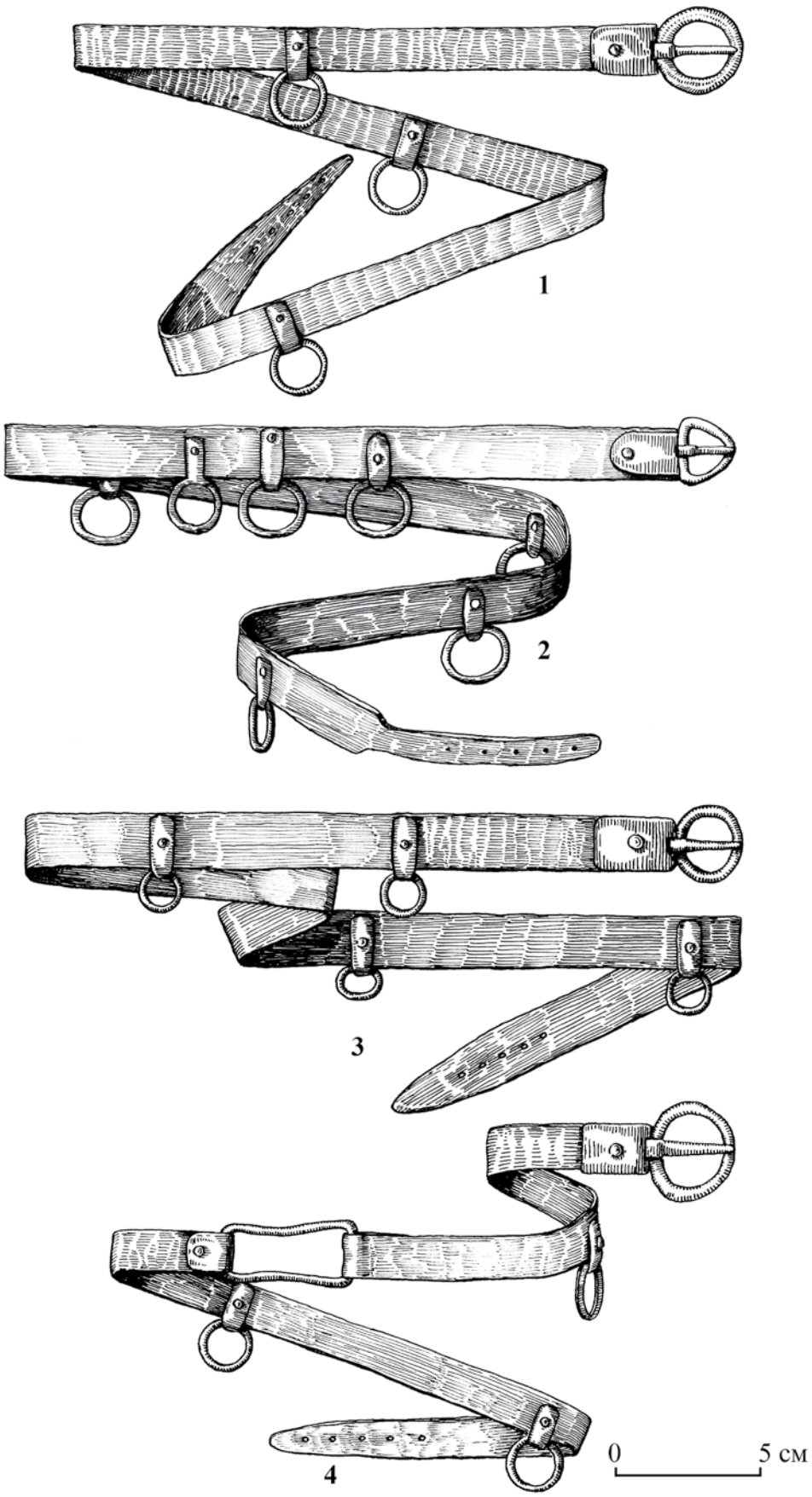

Таблица 28. Реконструкция наборных поясов из комплекса Степушка-I: курганы №5 (1), №6 (2), №9 (4), №15 (3)

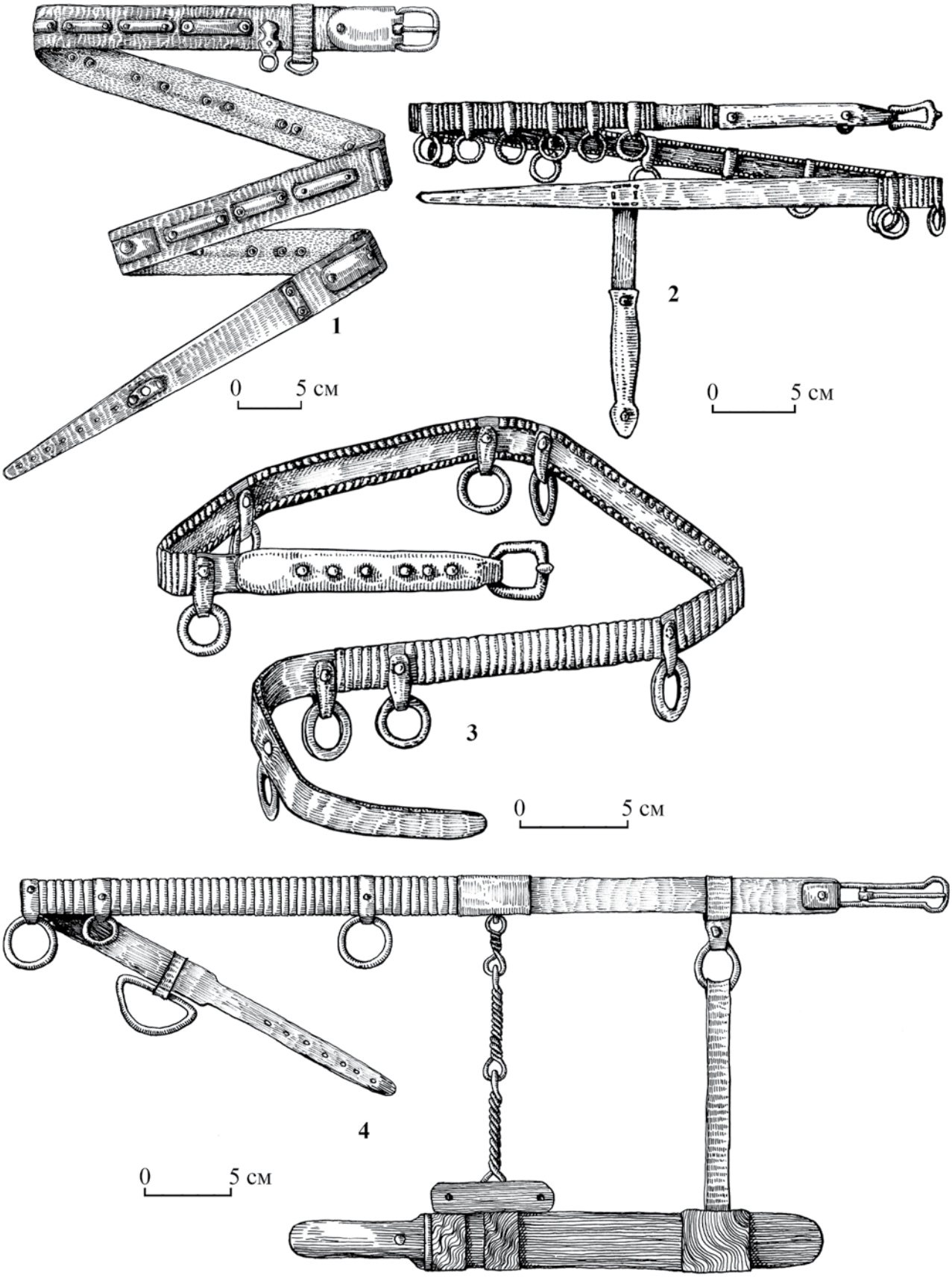

Таблица 29. Реконструкция наборных поясов из комплекса Степушка-I: курганы №13 (1), №17 (2), №19 (3), №21(4)

В комплексе Степушка-2 наборные пояса, состоявшие из пряжек, блях, а в некоторых случаях и других деталей ременных гарнитур, выявлены в восьми мужских (объекты №5, 9, 19, 30, 32, 33, 40, 41) и одном женском (объект №8) погребениях. Зафиксированные комплекты можно кратко охарактеризовать на основе текстовой и графической информации о металлических ременных гарнитурах, опубликованной археологами Горно-Алтайского государственного университета [Соенов, Константинов, Трифанова, 2016; 2018].

Объект №5. Железные детали наборного пояса располагались в области тазовых костей мужчины 35–40 лет. Наборный пояс состоял из пряжки с подвижным язычком на основании рамки без щитка (табл. 17.-*13*) и бляхи-полуобоймы с подвижным кольцом (табл. 20.-*19*).

Объект №8. Железная ременная гарнитура обнаружена в области тазовых костей женщины 35–45 лет: бесщитковая пряжка с Т-образной рамкой, имеющая подвижный язычок на вертлюге (табл. 17.-*7*), не менее 43 блях-зажимов в виде узких пластин-скоб (табл. 22.-*15–22*), бляха-накладка из прямой пластины вытянуто-прямоугольной формы с шпеньковым креплением (табл. 20.-*1*).

Объект №9. В районе пояса молодого мужчины, умершего в возрасте около 25 лет, найдены железные детали: пряжка с подвижным язычком на основании рамки без щитка (табл. 17.-*15*), не менее трех блях-полуобойм с подвижными кольцами (табл. 20.-*25*; 22.-*1, 2*), кольцевой «блок» со щитком (табл. 22.-*12*).

Объект №19. На тазовых костях мужчины 30–35 лет зафиксированы железные детали поясной гарнитуры: две пряжки с подвижным язычком на основании рамки без щитка (табл. 17.-*9, 14*), бляха-накладка в виде прямой пластины прямоугольной формы с шпеньковым креплением (табл. 20.-*2*), бляха-полуобойма с подвижным кольцом (табл. 20.-*26*).

Объект №30. В области пояса юноши 14–16 лет размещалась ременная гарнитура из металла: бронзовая пряжка с подвижным язычком на основании рамки и щитком (табл. 17.-*18*), две железные бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами (табл. 20.-*20, 21*), железный «блок» в виде кольца (табл. 22.-*6*).

Объект №32. В погребении мужчины в возрасте около 30 лет идентифицированы следующие детали поясной гарнитуры из железа: пряжка с подвижным язычком на основании рамки без щитка (табл. 17.-*12*), две бляхи-накладки в виде прямой пластины четырехугольной формы с шпеньковым креплением (табл. 20.-*3, 4*), три кольца, являющиеся, по-видимому, частью блях-полуобойм (табл. 22.-*3–5*).

Объект №33. В захоронении молодого человека, предположительно мужчины 25 лет, справа от таза обнаружены такие поясные принадлежности: железная пряжка с подвижным язычком на основании и щитком (табл. 17.-*3*), не менее десяти железных блях-накладок в виде прямых прямоугольных пластин с шпеньковым креплением (табл. 20.-*7, 8*), три бронзовые бляхи-полуобоймы с подвижными железными кольцами (табл. 20.-*22–24*), бронзовая бляха-накладка в виде пластины прямоугольной формы (табл. 20.-*18*), железная бляха-полуобойма с подвижным кольцом (табл. 20.-*27*).

Объект №40. Наборный пояс из погребения мужчины 45–50 лет включал следующие железные предметы: пряжка с подвижным язычком на вертлюге Т-образной рамки без щитка (табл. 17.-*6*), бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами (не менее 10 экз.) (табл. 20.-*28–42*).

В двух могилах комплекса Степушка-2 зафиксированы «неполные» наборные пояса без пряжки, которая могла не сохраниться.

Объект №41. В области пояса мужчины возраста около 35 лет обнаружены четыре железные бляхи-накладки в виде прямой пластины четырехугольной формы (табл. 20.-*9, 10, 16, 17*), железная бляха-полуобойма с подвижным кольцом (табл. 20.-*43*), бронзовый наконечник ремня (табл. 22.-*23*).

Объект №48. В погребении мужчины, умершего в возрасте около 50 лет, зачищены железные детали пояса. Среди них две бляхи-накладки из прямой пластины квадратной формы (табл. 20.-*5, 6*), три бляхи-накладки вытянуто-треугольной формы (табл. 20.-*13–15*), железный кольцевой «блок» (табл. 22.-*14*).

В *объекте №10* комплекса Степушка-2 неполный наборный пояс найден в погребении мужчины 45–50 лет. Зафиксированы железная пряжка с подвижным язычком на основании рамки без щитка (табл. 17.-*11*) и железный «блок» (рис. 22.-*13*).

Рассмотренные комплекты гарнитур из курганов №5, 6, 9, 15 комплекса Степушка-I и объектов №5, 9, 30, 40 комплекса Степушка-2 являлись одной из самых распространенных разновидностей наборных поясов населения Алтая во II–IV вв. н.э. Наборные пояса из кургана №13 комплекса Степушка-I и объектов №32, 33 комплекса Степушка-2 датируются III–V вв. н.э. Пояса из курганов №17, 19, 21 комплекса Степушка-I и объекта №8 комплекса Степушка-2 относятся к IV–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 111]. Этим же временем, по-видимому, следует определить наборный пояс из объекта №41 комплекса Степушка-2.

Таким образом, на основе вещественных источников из некрополя Степушка удалось идентифицировать несколько вариантов наборных поясов у населения булан-кобинской культуры (в том числе редкие и ранее неизвестные модификации), а также получить ценные наблюдения для воссоздания облика частично сохранившихся поясов из других памятников Алтая, информация о которых представлена графическими данными и текстовым описанием.

3.3. Снаряжение верхового коня

Предметы снаряжения верхового коня являются важными источниками для разработки хронологии археологических памятников, а также для реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия народов Евразии периода поздней древности и средневековья.

Первый опыт рассмотрения элементов экипировки верхового коня населения Алтая сяньбийско-жужанского времени относится к середине прошлого столетия и связан с работой А.А. Гавриловой [1965] «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен». Спустя два десятилетия к данной проблеме обратился Ю.Т. Мамадаков [1987а; 1990б, с. 103–111], затронувший вопросы классификации удил и подпружных пряжек из раскопанных им могильников Булан-Кобы-IV и Белый Бом-II в краткой публикации, а также в кандидатской диссертации. Существенный вклад в накопление и осмысление археологических материалов по обозначенной тематике принадлежит В.И. Соенову, который предпринял систематизацию конского снаряжения из разных погребальных комплексов Алтая в книге «Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни» [Соенов, Эбель, 1992]. Позднее он опубликовал развернутую классификацию удил и псалиев булан-кобинской культуры, а также небольшую работу о подпружных пряжках из органических материалов [Соенов, 1998а–б]. Последние по времени исследования снаряжения верхового коня населения региона II–V вв. н.э. представлены в работах авторов настоящей монографии [Тишкин, Горбунова, 2005; Тишкин, Матренин, 2010; 2017а; Матренин, 2018а–в; Матренин, Тишкин, 2015, 2016а–б; Мыльников, Тишкин, 2016; и др.].

В могильнике Степушка элементы конской амуниции зафиксированы в одиннадцати погребениях: восьми мужских (Степушка-I, курганы №5, 7, 14, 17, 19; Степушка-2, объекты №26, 40, 48), одном детском (Степушка-I, курган №21), двух (Степушка-2, объекты №3, 4) с неустановленной половой принадлежностью. Обнаруженные предметы представлены изделиями функционального и декоративного назначения.

Удила, псалии, уздечная гарнитура

Удила и псалии присутствовали в девяти захоронениях: Степушка-I, курганы №5, 7, 17, 19, 21; Степушка-2, объекты №3, 26, 40, 48. Все они размещались в челюстях лошадей. Для исследования данных предметов был выбран вариант их раздельной классификации [Кызласов, 1983, с. 22–29; Овчинникова, 1990, с. 90; Неверов, 1992, с. 141; Тишкин, 1996, с. 15–17; Соенов, 1998а, с. 93–95]. Содержание признаков таксономического описания удил выглядело следующим образом: группа характеризует материал изготовления; разряд – технологию производства; раздел – наличие или отсутствие псалиев; отдел – способ соединения звеньев; тип – оформление внешних окончаний грызл; вариант – наличие или отсутствие дополнительных петель для ремней.

В результате систематизации девяти изделий нами выделена одна группа, один разряд, два раздела, два отдела, четыре типа удил, дополненных пятью вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Кованые.

Раздел I. Удила с псалиями.

Отдел I. Соединеннокрюковые.

Тип 1. С петельчатыми окончаниями звеньев. *Вариант* ***а*** – с дополнительными петлями овальной и восьмерковидной формы. Всего 2 экз.: Степушка-I, курганы №19, 21 (табл. 30.-*7, 9*). *Вариант* ***б*** – без петель. Всего 3 экз.: Степушка-I, курган №5; Степушка-2, объекты №40, 48 (табл. 31.-*1, 2*).

Тип 2. С малокрючными окончаниями звеньев. *Вариант* ***а*** – без дополнительных петель. Всего 2 экз.: Степушка-2, объекты №3, 26 (табл. 31.-*4, 5*).

Раздел II. Удила без псалиев.

Отдел I. Соединеннокрюковые.

Тип 3. С петельчатыми окончаниями звеньев. *Вариант* ***а*** – с дополнительными петлями овальной формы. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №17 (табл. 30.-*5*).

Тип 4. С малокрючными окончаниями звеньев. *Вариант* ***а*** – без петель. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №7 (табл. 30.-*4*).

Классификация псалиев построена на сочетании следующих параметров: группа отражает материал изготовления; разряд – технологию производства; раздел – деление псалиев на вертикальные и кольцевые; отдел – количество отверстий или колец; подотдел – размер кольчатых псалиев; тип – абрис изделий; вариант – дополнительные элементы (оформления концов и отверстий вертикальных псалий, наличие или отсутствие обойм и петель у кольчатых модификаций).

В результате систематизации восьми изделий выделены две группы, два разряда, два раздела, два отдела, один подотдел, четыре типа псалиев, дополненных пятью вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Кованые гладкие.

Раздел I. Кольцевые.

Отдел I. Однокольчатые.

Подотдел *а*. Малые.

Тип 1. Круглые. *Вариант* ***а*** – с обоймами. Всего 2 экз. от одного набора: Степушка-2, объект №3 (табл. 31.-*4*). *Вариант* ***б*** – без обойм. Всего 1 экз. от одного набора: Степушка-2, объект №26 (табл. 31.-*5*).

Группа II. Роговые.

Разряд II. Резные гладкие.

Раздел II. Вертикальные.

Отдел II. Двудырчатые.

Тип 2. Стержневидные, прямые, с асимметричными концами (один – тупой, другой – приостренный), без утолщений рядом с отверстиями (*вариант* ***а***). Всего 2 экз. от одного набора: Степушка-I, курган №5 (табл. 30.-*1, 3*).

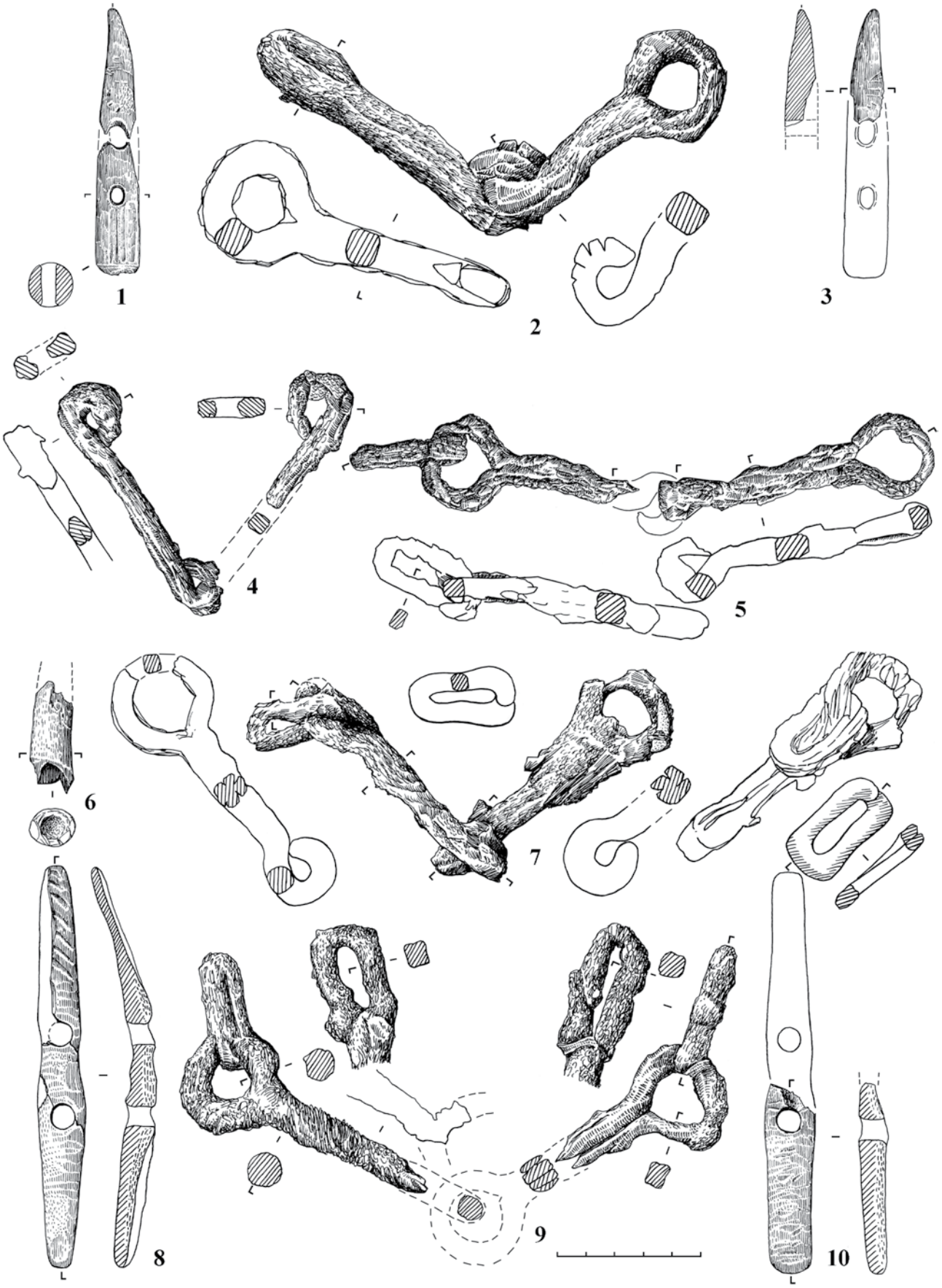

Таблица 30. Железные удила и роговые псалии из комплекса Степушка-I: курганы №5 (1–3), №7 (4), №17 (5), №19 (6, 7), №21 (8, 9, 10). *1, 3, 6, 8, 10 – рог; 2, 4, 5, 7, 9 – железо*

Тип 3. Стержневидные, прямые, с симметричными скругленными концами и утолщениями вокруг отверстий (*вариант* ***а***). Всего 1 экз. от одного набора: Степушка-2, объект №48 (табл. 31.-*3*).

Тип 4. Стержневидные, слабоизогнутые, с симметрично скругленными концами (*вариант* ***а***). Всего 2 экз. от одного набора: Степушка-I, курган №21 (табл. 30.-*8, 10*).

Удила и псалии являются самыми многочисленными категориями экипировки верхового коня, обнаруживаемыми при раскопках погребальных комплексов булан-кобинской культуры. Все найденные удила железные, сделаны в технике ковки гладкого металлического дрота подквадратного или округлого в сечении, с псалиями и без них. Длина звеньев варьирует в пределах 7,3–11,6 см, при выраженной асимметрии в комплектах. Удила с крюковым соединением и петельчатыми окончаниями грызл (типы 1 и 3) в Центральной Азии широко распространяются с раннесяньбийского периода (II–III вв. н.э.) [Яремчук, 2005, рис. 107.-3; 110.-6, 8, 9; 111.-3, 5; 113.-3; Борисенко, Худяков, Юй Су-Хуа, 2006]. Начальный этап использования удил типов 1 и 3 населением Алтая определяется пока условно в рамках I–II вв. н.э. Они бытовали до финала существования булан-кобинской общности. У «булан-кобинцев» такие удила сочетаются только с вертикальными псалиями. Экземпляры IV–V вв. н.э. часто имеют добавочные петли восьмерковидной формы. Наличие широких петельчатых окончаний делало их удобными для комбинации с разными типами псалиев. Однако у населения булан-кобинской культуры они сочетались только с вертикальными роговыми псалиями.

Соединеннокрюковые удила с малокрючными окончаниями звеньев (типы 2 и 4) у населения Центральной и Северной Азии использовались достаточно редко. В эволюционном отношении они являются более поздними, чем модификации с петельчатыми окончаниями [Кызласов, 1983, с. 57]. На территории Среднего Енисея модели удил с малокрючными окончаниями связаны с таштыкскими склепами IV–VI вв. н.э. [Тетерин, 2007, рис. 18.-2]. Аналогии удилам типа 2 происходят из погребального комплекса кенкольского могильника (Тянь-Шань), датирующегося не ранее III в. н.э. [Заднепровский, 1992, табл. 31.-9].

Удила типов 2 и 4 у населения степной и лесостепной полосы Восточной Европы массово представлены в археологических комплексах позднесарматского времени 2-й половины II в. н.э. [Малашев, 2000, рис. 3.-А: 2; 9.-А: 21; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 5.-26, 29; 13.-19; 17.-23; 18.-36, 39; 30.-5, 38; Медведев, 2008, с. 87, рис. 9.-11; 45.-10; 76.-9, 10]. В лесной зоне Западного Приуралья малокрючные удила появились в III в. н.э. [Генинг, 1988, рис. 16.-4; Останина, 1997, рис. 16.-4; 18.-3; 20.-3, 6; Голдина, Бернц, 2010, табл. 247, 248]. Ближайшие в территориальном отношении аналогии удилам типа 2а булан-кобинской культуры зафиксированы в Верхнем Приобье в позднефоминских (конец III – 1-я половина IV в. н.э.), одинцовских (2-я половина IV – V в. н.э.) и тимирязевских комплексах (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.) [обзор аналогий по: Матренин, Тишкин, 2015, с. 118–119]. Начальный период бытования таких удил в булан-кобинской культуре можно предварительно определить в рамках 2-й половины III – начала IV в. н.э. Данные изделия могут отражать «среднеазиатское» влияние на развитие конского снаряжения населения юга Западной Сибири и Алтая. Применение малокрючных удил племенами Алтая напрямую связано с распространением кольчатых псалиев небольшого диаметра. Аналогичные удила типа 3 найдены в булан-кобинских комплексах сяньбийско-жужанского времени некрополей Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Дялян, Кок-Паш, Улита, Усть-Бийке-III, Яломан-II [Мамадаков, 1990б, рис. 39.-1; Соенов, 1998а, рис. 1.-8; 2.-1–3; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 13.-22; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-9, 10].

Железные кованые гладкие однокольчатые псалии встречаются крайне редко в памятниках кочевников Центральной Азии I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. На территории Монголии они обнаружены в хуннуском кургане №4 могильника Хурэн Хондын, археологический возраст которого определяется временем около рубежа эр

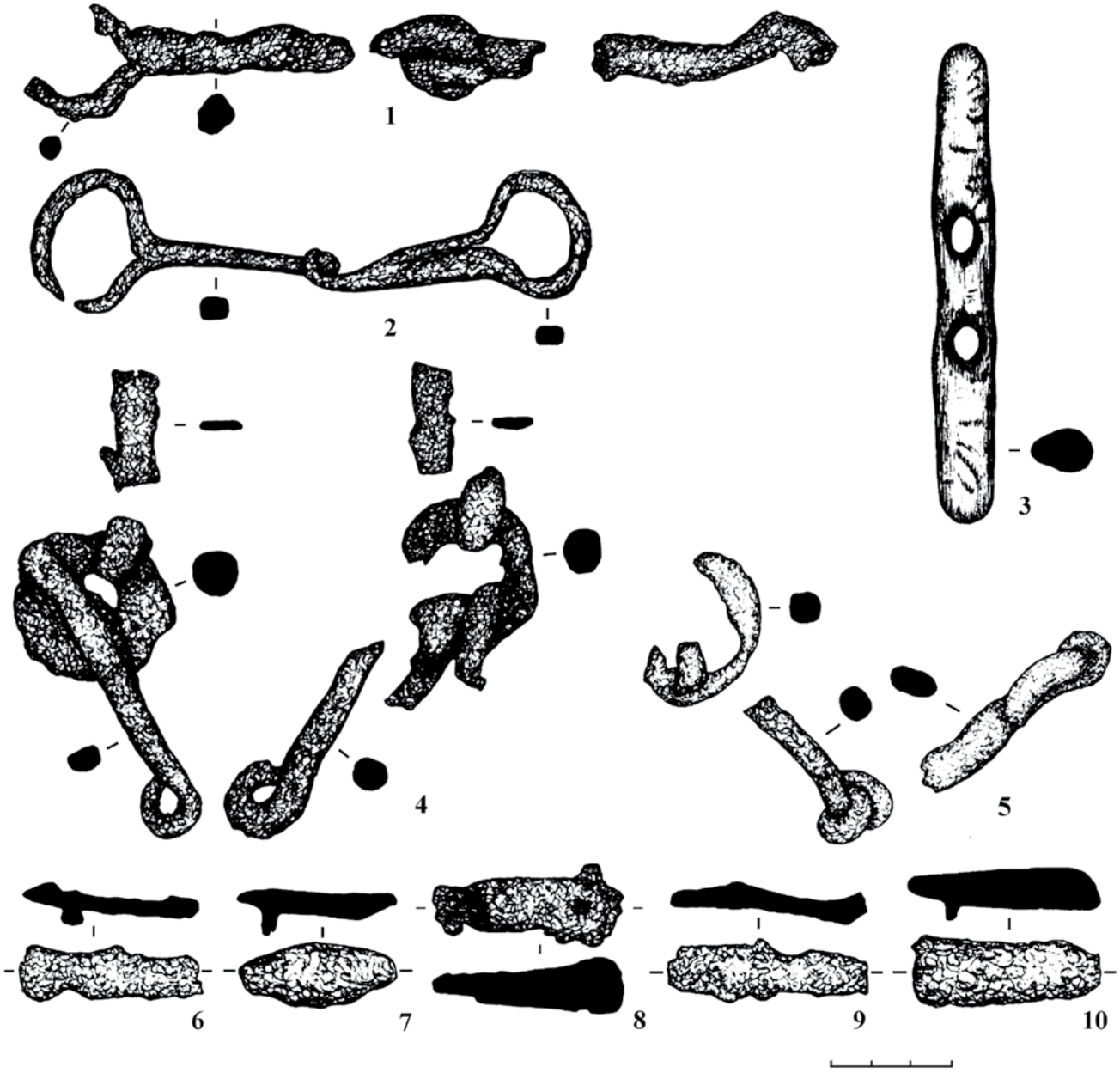

Таблица 31. Железные удила, уздечные бляхи, роговой псалий из комплекса Степушка-2: объекты №3 (4, 6, 8, 9), №26 (5, 7, 10), №40 (2), №48 (1, 3) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 6; рис. 9.-4, 9, 10; 70.-10, 11]. *1, 2, 4–10 – железо; 3 –рог*

[Амартүвшин, Хатанбаатар, 2008, зураг 8.-2]. В Туве кольчатые псалии из гладкого и ложновитого дрота известны в погребениях кокэльской культуры конца III – IV в. н.э. [Вайнштейн, 1970, рис. 51.-8, 9; Кызласов, 1979, рис. 82.-1, 2]. Находка кольчатых псалиев происходит из склепа таштыкской культуры Среднего Енисея V–VI вв. н.э. [Тетерин, 2007, рис. 18.-2]. В Средней Азии кольчатые псалии есть в комплексе кенкольской культуры III–IV вв. н.э. [Заднепровский, 1992, табл. 31.-9].

Особенностью псалиев типа 1 из могильника Степушка является небольшой диаметр (до 4,5 см), присутствие металлических зажимов, сочетание с удилами, имеющими короткие грызла с малокрючными окончаниями звеньев без дополнительных петель для повода. По данным признакам они существенно отличаются от ранних большекольчатых модификаций из памятников Алтая хуннуского периода [Тишкин, Матренин, 2017а, рис. 1]. Ближайшие в территориальном отношении аналогии им зафик-

сированы в Верхнем Приобье в позднефоминских (конец III – 1-я половина IV в. н.э.), одинцовских (2-я половина IV – V в. н.э.) и тимирязевских комплексах (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.) [Егоров, 1993, рис. 1.-6; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 24.-5; Ширин, 2003, табл. XXXVI.-1]. Датировка таких псалиев у населения булан-кобинской культуры может быть определена в рамках 2-й половины III – V в. н.э.

Роговые псалии вертикальной системы крепления с двумя отверстиями для соединения с ремнями повода и суголовья являются распространенной модификаций уздечных конструкций, начиная со скифо-сакского времени. Обнаруженные в могильнике Степушка экземпляры с прямыми и слабоизогнутыми концами (типы 2–4) не показательны для датирования. В конском снаряжении булан-кобинской культуры аналогии данным экземплярам зафиксированы в погребениях IV в. н.э. (Белый Бом-II) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Дялян, Яломан-II) [Матренин, 2018а].

Уздечные бляхи-накладки найдены в кургане №17 комплекса Степушка-I (5 экз.), объектах №3 (3 экз.) и №26 (2 экз.) группы Степушка-2. Данные изделия лежали у черепов лошадей. Все они сделаны из прямых железных пластин с подквадратным (1,4×1,5 см), прямоугольным (2–2,2×1,1 см), вытянуто-прямоугольным (4–5×1–1,5 см) абрисом и фиксируются к кожаной основе с помощью вставных металлических шпеньков (табл. 31.-6–10; 32.-2–6). В кургане №17 зафиксировано размещение данных изделий *in situ* на черепе лошади, свидетельствующее об использовании их для декорирования нащечных и подбородочных ремней суголовья. Единичные аналогии таким уздечным бляхам в железе и цветном металле происходят из погребений 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э. могильников Дялян и Берель [Сорокин, 1969, рис. 23.-10; Тетерин, 1995, рис. 73]. У населения булан-кобинской культуры данные бляхи-накладки могли быть заимствованы из конструкции наборных поясов [Матренин, 2017, рис. 14.-1–3, 5, 6, 12, 13; 15.-1–15].

Застежка ремня в виде восьмерковидной петли из кургана №17 комплекса Степушка-I (табл. 32.-1) применялась для фиксации (стягивания?) подбородочного ремня узды. В конструкции узды булан-кобинской культуры данный предмет зафиксирован впервые.

Подпружные пряжки, застежки, подвески

Подпружные пряжки найдены в семи погребениях: 4 экз. – Степушка-I (курганы №5, 7, 14, 19), 3 экз. – Степушка-2 (объекты №3, 4, 40, 48). К числу изделий данного функционального назначения относится также роговой блок овальной формы («пряжка без язычка») с двумя ременными прорезями (табл. 33.-*4*) из объекта №3 курганной группы Степушка-2 [Соенов, Константинова, 2015, рис. 12.-3][*].

Подпружные пряжки могут быть классифицированы на основе ранее апробированной схемы таксономического группирования поясных пряжек по следующим показателям: группа определяет материал изготовления; разряд – вид фиксатора свободного конца ремня; раздел – размещение фиксатора ремня на рамке; отдел – наличие или отсутствие щитка, особенности соединения с рамкой; подотдел – способ крепления щитка к ремню; тип – форму рамки; вариант – форму и пропорции щитка.

В результате систематизации выделены две группы, два разряда, два раздела, два отдела с одним подотделом, шесть типов подпружных пряжек, дополненных тремя вариантами.

Группа I. Железные пряжки.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел I. Язычок размещается на основании рамки.

[*] Нельзя исключать, что данный предмет является пряжкой с «утраченным» игольчатым шпеньком-язычком. Похожий экземпляр зафиксирован в неопубликованных материалах могильника Белый Бом-II, хранящихся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (коллекция №117).

Отдел I. Без щитка.

Тип 1. Округлые. Всего 2 экз.: Степушка-I, курганы №5 (язычок утрачен) и 7 (табл. 32.-*8, 9*).

Тип 2. Овальные. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №14 (табл. 32.-*13*).

Группа II. Роговые (костяные) пряжки*.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел II. Язычок располагается на вставной вертлюге в виде железного стержня в основании рамки.

Отдел II. С неподвижным щитком, не выделенным от рамки.

Подотдел *а*. Щиток крепится к ремню с помощью концевой прорези, соединенной с прорезью для свободного конца ремня (так называемая однотавровая прорезь).

Тип 3. Арочные. *Вариант* ***а*** – с трапециевидным коротким щитком, обращенным широкой стороной к рамке. Окончание щитка вогнутое. Всего 1 экз.: Степушка-2, курган №40 (табл. 33.-*2*).

Отдел II. С неподвижным щитком, четко выделенным от рамки сужением («перехватом») или вырезами на боковых сторонах корпуса пряжки.

Подотдел *а*. Щиток крепится к ремню с помощью концевой прорези, соединенной с прорезью для свободного конца ремня (так называемая однотавровая прорезь).

Тип 4. Арочные. *Вариант* ***а*** – с трапециевидным коротким щитком, обращенным короткой стороной к рамке. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №19 (табл. 32.-*12*).

Тип 5. Шестиугольные. *Вариант* ***а*** – с четырехугольным коротким щитком. Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №4 (табл. 33.-*1*).

Разряд II. Неподвижный шпенек-язычок.

Раздел III. Шпенек располагается на дужке под тупым или прямым углом относительно плоскости рамки.

Отдел I. Без щитка.

Тип 6. Округлые. Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №48 (табл. 33.-*3*).

Представим основные результаты типологического изучения рассмотренной категории седельного снаряжения, которые в основном уже опубликованы [Тишкин, Матренин, 2010; Матренин, Тишкин, 2016а].

Железные пряжки с подвижным язычком, закрепленным на основании рамки округлой (тип 1) или овальной формы (тип 2) были широко распространены в поясных гарнитурах населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Однако для застегивания подпруги они использовались редко. Общая датировка названных типов седельных гарнитур определяется в широких рамках II в. до н.э. – V в. н.э.

Роговые (костяные) подпружные пряжки как отдельная массовая категория появились на Алтае в комплексах снаряжения пазырыкской культуры [Суразаков, 1989, с. 37–39, рис. 13; Марсадолов, 1998, с. 12–13, 22–23, рис. 1, фото 7; Степанова, 2006]. Наиболее ранние известные на сегодняшний день роговые пряжки с подвижным язычком на вставной металлической вертлюге (типы 3–5) происходят с территории Бурятии из памятников II–I вв. до н.э., а также близких и более поздних по времени комплексов Восточного Забайкалья (степной Даурии), связываемых с археологической культурой хунну [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 77–78, 124, табл. XI.-16; XXIV.-7; Давыдова, 1995, табл. 185.-20; 1996, табл. 58.-13; Ковычев, 2006, с. 255]. Более широкое применение данных пряжек в Центральной Азии отмечено у сяньби, начиная с периода военно-политического господства созданной ими кочевой империи на рубеже I–II вв. н.э. [Ковычев, 2006, рис. 7]. Под влиянием традиций снаряжения сяньби или других центрально-азиатских номадов они попали в Южную и Западную Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию, Приуралье и на более отдаленные европейские

* Собрание известных на сегодняшний день роговых (костяных) подпружных подвижно-язычковых пряжек булан-кобинской культуры с учетом образцов плохой сохранности и недоступных или неопубликованных предметов составляет не менее 30 экз. [Соенов, 1999; Тишкин, Матренин, 2010, рис. 1.-5, 6; 2.-5; Соенов, Константинова, 2015, с. 124, 125, 127].

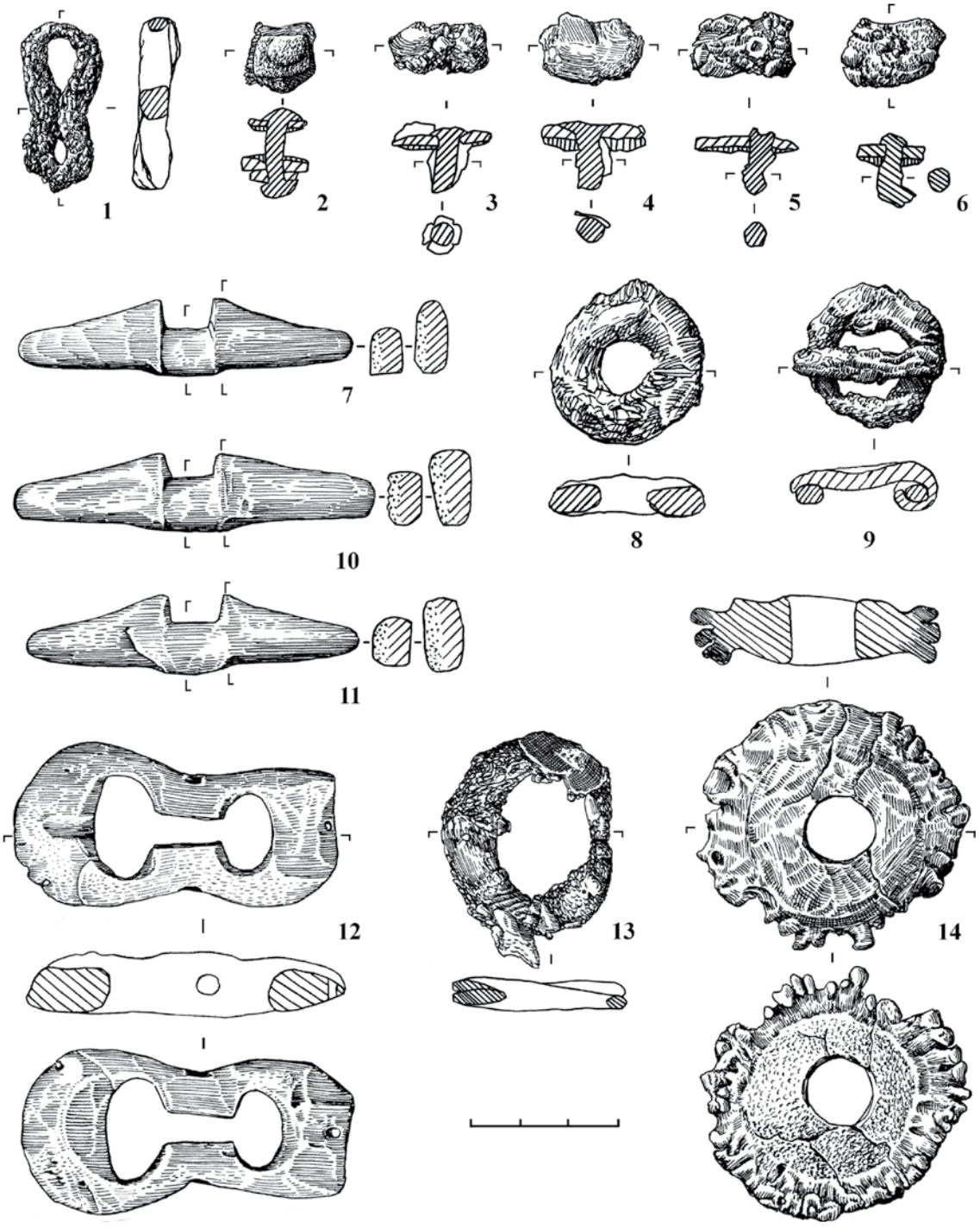

Таблица 32. Железные уздечные бляхи, застежка, железные и роговые подпружные пряжки, роговые цурки и подвеска из комплекса Степушка-I: курганы №5 (8), №7 (9), №14 (13), №17 (1–6), №19 (7, 10, 11, 12, 14). *1–6, 8, 9, 13 – железо; 7, 10–12, 14 – рог*

территории [Генинг, 1963, табл. XXIII.-14; Деревянко, 1975, табл. XLII.-6, 7; LIV.-1; Матвеева, 1994, рис. 42.-3; Дашевская, 1995, рис. 3.-8; Левина, 1996, рис. 96.-7–9; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, рис. 31.-1].

На Алтае роговые пряжки с подвижным язычком на вертлюге зафиксированы в сопроводительном инвентаре булан-кобинской культуры из памятников Белый Бом-II, Верх-Уймон, Дялян, Яломан-II [Тишкин, Матренин, 2010, рис. 1.-4–6; 2.-7–11]. Начальный период их существования в данном регионе приходится, по-видимому, на рубеж III–IV вв. н.э. [Тишкин, Матренин, 2010, с. 225–226]. В эволюционном отношении данные модификации являются связующим звеном между

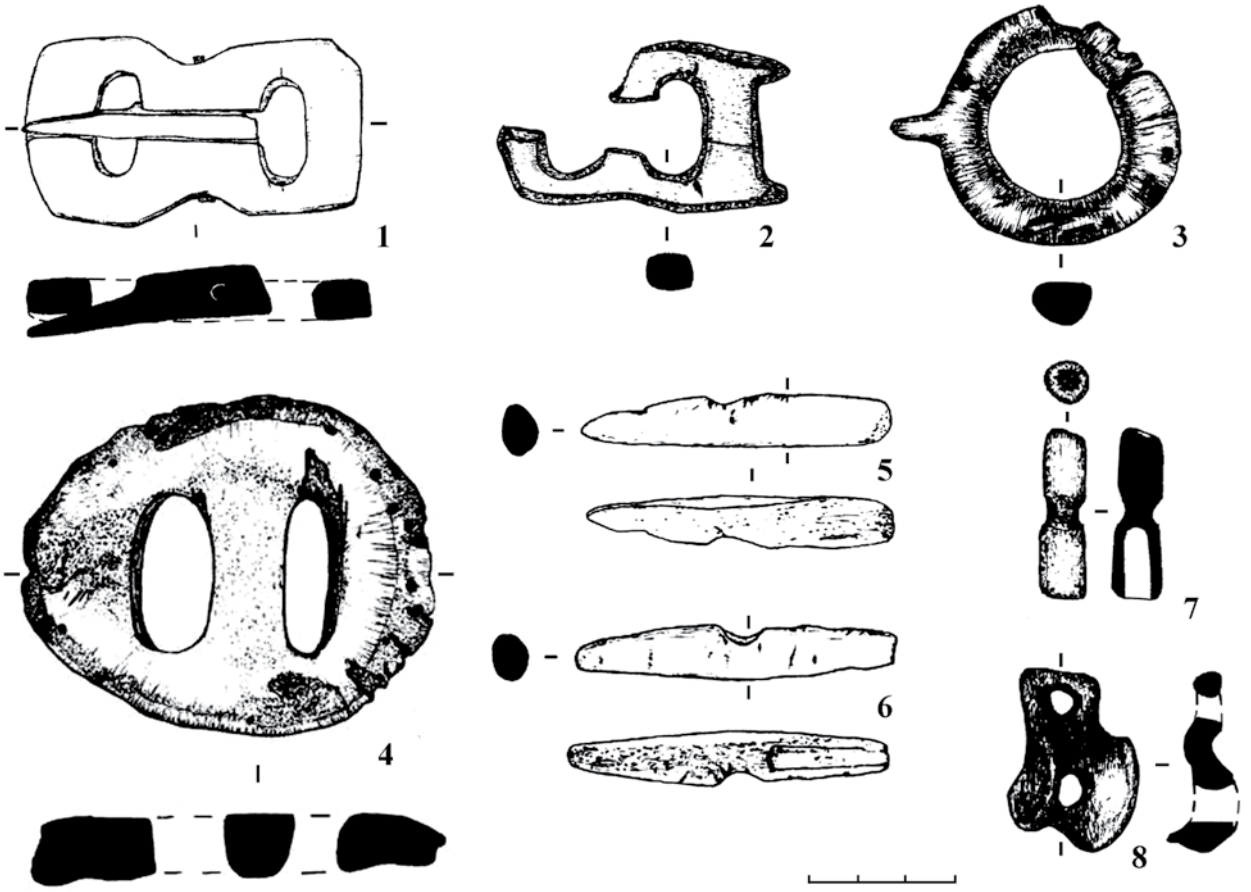

Таблица 33. Роговые подпружные пряжки, костяные цурки и застежки из комплекса Степушка-2: объекты №3 (4, 5, 6), №4 (1), №40 (2, 7, 8), №48 (3) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 7; рис. 9.-2, 3; 110.-12, 14]

образцами сяньбийской и тюркской традиций. От своих сяньбийских прототипов экземпляры из могильника Степушка отличаются видом прорезей, более изящным исполнением дужки, боковых сторон рамки и щитка, что свидетельствует об их более «молодом» возрасте. Сходство булан-кобинских и тюркских пряжек отражает их генетическую преемственность, обусловленную развитием данной категории снаряжения под влиянием общего центрально-азиатского импульса развития материальной культуры в период существования Жужанского каганата, включавшего в свой состав до 552 г. и земли Алтая.

Роговые подпружные пряжки с неподвижным шпеньком-язычком известны на Алтае со скифо-сакского времени, уже со 2-й половины VI в. до н.э. [Руденко, 1953, табл. 41, 51, 55; 1960, рис. 81, табл. XXII, XLI, LXV, CIX; Суразаков, 1989, с. 37, 39, рис. 13.-2–5, 10–12; Марсадолов, 1998, рис. 1; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 115]. Экземпляры с неподвижным игольчатым шпеньком активно применялись в Северной Евразии с V в. до н.э. до III в. н.э. Они зафиксированы в материалах саглынской культуры Тувы V–III вв. до н.э. [Мандельштам, 1992, с. 189, табл. 75.-72, 73; Семенов, 2003, табл. 27.-2; 32.-18; 50.-5], в каменских комплексах Верхнего Приобья III–II вв. до н.э. – рубежа эр [Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXX.-12; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 114.-7], в быстрянских памятниках Кузнецкой котловины [Ширин, 2003, рис. 14.-2], в саргатской культуре Зауралья и юга Западной Сибири с V в. до н.э. по II–III вв. н.э. [Корякова, 1988, с. 77, рис. 18.-98; Матвеев, Матвеева, 1991, рис. 6.-1, с. 48–49; Погодин, Труфанов, 1991, рис. 10.-13, 15, с. 125, табл. 4; Могильников, 1992г, табл. 124.-17, 44, 59, 67; Матвеева, 1994, рис. 50.-20; Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 52.-7; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, рис. 54.-8,

с. 113, табл. 10], памятниках хунну Забайкалья и Монголии II в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. VIII.-16; Могильников, 1992в, табл. 106.-42; Давыдова, 1995, табл. 182.-4, 5, 9], погребениях сяньби Юго-Восточного Забайкалья конца I – начала III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 107.-1], в тесинской культуре Среднего Енисея во II в. до н.э. – начало III в. н.э. [Грязнов, 1979, рис. 48.-21, 29, с. 87; Кузьмин, 1988, рис. 15.-31, 36; Вадецкая, 1999, рис. 37.-I, с. 243–244], в лесных культурах Западного Приуралья в конце II в. до н.э. – начале III в. н.э. и Волго-Окского междуречья в конце I тыс. до н.э. – начале новой эры [Пшеничнюк, 1968, рис. 16.-1, 2, 4, 5; Генинг, 1988, рис. 19.-16–18; Смирнов, 1974, табл. V.-1, 2, с. 47; Агеев, 1992, табл. 12.-21–25], в раннесарматских комплексах (III–I вв. до н.э.) Восточной Европы [Смирнов, 1989, табл. 71.-51].

Найденная в могильнике Степушка роговая пряжка с неподвижным шпенькомязычком, без щитка и с рамкой округлой формы (тип 6) является редким образцом подпружных застежек. Актуальные для сравнения похожие экземпляры встречаются в конском снаряжении хунну (II–I вв. до н.э.) и сяньби (конец I – начало III в. н.э.) Центральной Азии, саргатского населения Среднего Притоболья (II–I вв. до н.э.), пьяноборских племен Прикамья (I в. до н.э. – II в. н.э.), племен дьяковской культуры междуречья Волги и Оки (III в. до н.э. – II в. н.э.), у ранних сармат Поволжья (III–I вв. до н.э.) [Генинг, 1971, табл. IX.-14; Смирнов, 1974, с. 46, табл. V.-2; Смирнов, 1989, табл. 71.-51; Агеев, 1992, с. 43, табл. 12.-22, 23; Давыдова, 1995, табл. 182.-9; Матвеев, Матвеева, 1991, рис. 6.-1, с. 48–49; Матвеева, 1993, рис. 4.-23; Яремчук, 2005, рис. 107.-1]. Определение хронологии таких изделий в булан-кобинской культуре пока затруднено из-за их немногочисленности. На Алтае данные пряжки без щитка, но с иной формой рамки зафиксированы в закрытых комплексах конца III – IV в. н.э. (Белый Бом-II) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Дялян).

Застежки ремней. В исследованном некрополе найдены пять роговых (костяных) цурок: три экземпляра в кургане №19 комплекса Степушка-I, два экземпляра в объекте №3 группы Степушка-2. В захоронениях они размещались у передних ног или на ребрах лошади. Данные изделия имеют форму трапеции (длиной 6,4–7,5 см) с широким основанием, плавно изогнутыми боковыми сторонами, скругленными углами и несомкнутую прорезь для ремня (табл. 32.-*7, 10, 11*; 33.-*5, 6*). Похожие застежки от пут зафиксированы в Восточном Туркестане и Восточном Приаралье в памятниках середины IV – V в. н.э., а также в раннесредневековых комплексах (2-я половина V – VI в.) курумчинской культуры Прибайкалья [Левина, 1996, рис. 94.-4; Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей…, 2003, рис. 2.-2; 8.-10, 11; Дашибалов, 2011, с. 26, рис. 58.-7]. Аналогии цуркам с несомкнутой прорезью с территории Восточной Европы относятся к гуннскому времени и раннему средневековью [Дмитриев, 1979, с. 212, рис. 1.-1; Обломский, 2013, рис. 11.-9, с. 212–214].

Точные подобия обнаруженным цуркам представлены в хорошо датированных булан-кобинских погребениях 2-й половины IV – V в. н.э. из могильников Верх-Уймон, Дялян, Яломан-II (неопубликованные материалы раскопок В.И. Соенова, Ю.В. Тетерина, А.А. Тишкина). Данные предметы выступают хроноиндикатором снаряжения верхового коня жужанского времени [Матренин, 2018в].

К числу застежек относятся два предмета, найденные в объекте №40 комплекса Степушка-2. Среди них костяной стержень с «перехватом», размещавшийся у передних конечностей лошади (табл. 33.-*7*), и астрагал с двумя просверленными отверстиями, лежавший на поясничных позвонках животного (табл. 33.-*8*). Последнее изделие имеет аналогию в неопубликованных материалах некрополя Айрыдаш-I [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 50].

Подвеска в виде диска из рога марала из погребального комплекса Степушка-I (курган №19) в памятниках булан-кобинской культуры обнаружена впервые (табл. 32.-*14*).

3.4. Орудия труда, предметы быта, украшения

Орудия труда

Данная категория изделий представлена полифункциональными и узкоспециализированными предметами, предназначенными для производственной деятельности разного уровня. Такие археологические артефакты являются информативными источниками для реконструкции системы жизнеобеспечения древнего и средневекового населения. На сегодняшний день вопросы атрибуции и комплексного анализа орудий труда у животноводов Алтая сяньбийско-жужанского времени разработаны недостаточно полно, хотя целенаправленные исследования в данном направлении уже предпринимались рядом специалистов [Константинова, 2014; Соенов, Константинова, 2015]. Сложность их изучения в значительной степени обусловлена плохой сохранностью железных изделий, а также пока небольшим количеством качественно опубликованных специализированных орудий.

Зафиксированный в могильнике Степушка корпус предметов включает орудия, связанные с осуществлением охотничьей деятельности, узкопрофилированные инструменты деревообработки, универсальные изделия, предназначенные для обработки органических материалов (кость, дерево, кожа) и продуктов питания (мясо, растительное сырье), а также при решении повседневных бытовых задач.

Костяные (роговые) наконечники стрел являются многочисленной находкой охотничьего инвентаря, найденного в могильнике Степушка*. Полученная коллекция представлена 41 изделием (15 экз. – Степушка-I; 26 экз. – Степушка-2) преимущественно хорошей и удовлетворительной сохранности (табл. 34 и 35). В комплексе Степушка-I роговые наконечники присутствовали в погребениях шести мужчин (курганы №1, 3, 7, 8, 14, 15) и одного подростка (курган №6). В курганной группе Степушка-2 они зафиксированы в десяти мужских могилах (объекты №5, 10, 26, 27, 32, 34, 39, 41, 41а, 46) и в одном захоронении лошади, определяемом как кенотаф (объект №3). В непотревоженных могилах задокументированы различные варианты размещения данных предметов: с внутренней стороны правого плеча (Степушка-I, курган №1); в области грудной клетки (Степушка-2, объекты №10, 27, 39); в области живота и у правого бедра с внешней стороны (Степушка-I, курган №6); на костях таза (Степушка-I, курган №3; Степушка-2, объекты №41, 41а); на костях таза и справа от них (Степушка-2, объект №30); под тазом (Степушка-2, объекты №26, 34); справа от таза (Степушка-2, объект №46); у правого бедра с внутренней стороны (Степушка-I, курган №7); у левого и правого бедра с внешней стороны (Степушка-I, курган №8); у коленных суставов левой и правой ног (Степушка-2, объект №5); под черепом лошади (Степушка-2, объект №3). В могиле находились обычно 1–2, редко 3–7 экземпляров.

* В настоящем исследовании авторы опираются на точку зрения об изменении роли костяных (роговых) наконечников стрел в материальной культуре кочевых народов Центральной Азии и Южной Сибири в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. [Горбунов, 2006а]. Данную позицию подтверждает факт сокращения количества наконечников из Ксоти (рога) в погребениях сяньбиийско-жужанского времени на фоне увеличения в колчанных наборах числа железных проникателей. В условиях распространения с III–II вв. до н.э., а особенно в IV–V вв. н.э., металлических доспехов применение в бою костяных (роговых) наконечников стрел стало менее эффективным. В отношении могильника Степушка стоит отметить факт отсутствия таких наконечников стрел в составе колчанных наборов мужчин с «богатым» воинским инвентарем. В связи с этим костяные наконечники стрел более правильным будет рассматривать, прежде всего, как элемент охотничьего инвентаря, конечно, полностью не исключая возможности их применения в военных целях против слабо защищенных противников. При раскопках могильника Степушка засвидетельствовано два достоверных случая, когда такими наконечниками были убиты люди: в кургане №15 комплекса Степушка-I роговой наконечник стрелы застрял в орбите правой глазницы мужчины; в объекте №27 комплекса Степушка-2 костяным наконечником стрелы пробита грудина мужчины [Матренин, 2013б; Матренин, Тур, 2017, рис. 1.-2; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 210; Тур, 2018, с. 147].

Опираясь на имеющийся опыт изучения костяных (роговых) наконечников стрел булан-кобинской культуры [Мамадаков, 1990б, с. 66–78; Эбель, 1998], была выполнена их классификация по следующим параметрам: группа фиксирует материал изготовления; разряд – способ насада наконечника на древко; раздел – поперечное сечение пера; отдел – общий силуэт пера в продольной плоскости и наличие острия; тип – абрис пера; вариант – особенности перехода пера в насад, наличие/отсутствие свистунки, форму и пропорции насада. Для анализа использованы 34 изделия (Степушка-I – 12 экз.; Степушка-2 – 22 экз.), обладающих всем набором обозначенных показателей.

В результате систематизации выделены одна группа, три разряда, пять разделов, два отдела, четырнадцать типов роговых (костяных) наконечников стрел, дополненных семнадцатью вариантами.

Разряд I. Черешковые.

Раздел I. Четырехгранные (ромбовидные).

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 1. Вытянуто-треугольные. *Вариант* ***а*** – с остроугольным переходом в четырехугольный черешок без свистунки, имеющий укороченные пропорции (меньше или равен длине пера). Всего 2 экз.: Степушка-2, объекты №10 и 27. Размеры пера 3,6–3,8×1,3 см, длина насада 2–2,2 см (табл. 35.-*9, 15*).

Тип 2. Вытянуто-ромбические. *Вариант* ***а*** – с тупоугольным переходом в четырехугольный черешок без свистунки, имеющий укороченные пропорции (меньше длины пера). Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №41. Размеры пера 3,5×1,3 см, длина насада 1 см (табл. 35.-*19*).

Тип 3. Шестиугольные. *Вариант* ***а*** – с тупоугольным переходом в четырехугольный черешок без свистунки, имеющий укороченные пропорции (меньше или равен длине пера). Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №27. Размеры пера 5,3×1,3 см, длина насада 2,5 см (табл. 35.-*13*).

Раздел II. Линзовидные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 4. Вытянуто-треугольные. *Вариант* ***а*** – с остроугольным переходом в четырехугольный черешок без свистунки, имеющий укороченные пропорции (меньше длины пера). Всего 4 экз.: Степушка-2, объекты №26, 27, 34, 41а. Размеры пера 4,2–6,2×1,2–2 см, длина насада 1,3–3,1 см (табл. 35.-*4, 8, 10, 22*). *Вариант* ***б*** – с тупоугольным переходом в четырехугольный черешок (без свистунки), имеющий равную длину с пером. Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №39. Размеры пера 2,8×1 см, длина насада 2 см (табл. 35.-*12*).

Раздел III. Дуговидные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 5. Треугольные. *Вариант* ***а*** – с остроугольным переходом в четырехугольный черешок без свистунки, имеющий укороченные пропорции (меньше или равен длине пера). Всего 2 экз.: Степушка-2, объекты №10, 41. Размеры пера 2,6–3×1,5–1,7 см, длина насада 2 см (табл. 35.-*11, 16*).

Тип 6. Вытянуто-треугольные. *Вариант* ***а*** – с остроугольным переходом в четырехугольный черешок без свистунки, имеющий укороченные пропорции (меньше длины пера). Всего 3 экз.: Степушка-2, объекты №32 (2), 46. Размеры пера 3,5–4,7×0,9–1,9 см, длина насада 1,7–2,2 см (табл. 35.-*5–7*). *Вариант* ***б*** – с прямоугольным переходом в четырехугольный черешок без свистунки, имеющий укороченные пропорции (меньше длины пера). Всего 2 экз.: Степушка-2, объекты №41, 41а. Размеры пера 3,2–4,5×1,3–1,6 см, длина насада до 1,6 см (табл. 35.-*14, 23*).

Тип 7. Вытянуто-ромбические. *Вариант* ***а*** – с тупоугольным переходом в четырехугольный черешок без свистунки, имеющий укороченные пропорции (меньше длины пера). Всего 3 экз.: Степушка-2, объекты №27, 41 (2). Размеры пера хорошо сохранившихся изделий 2,2–2,4×0,9 см, длина насада не меньше 1 см (табл. 35.-*24–26*).

Разряд II. Втульчатые.

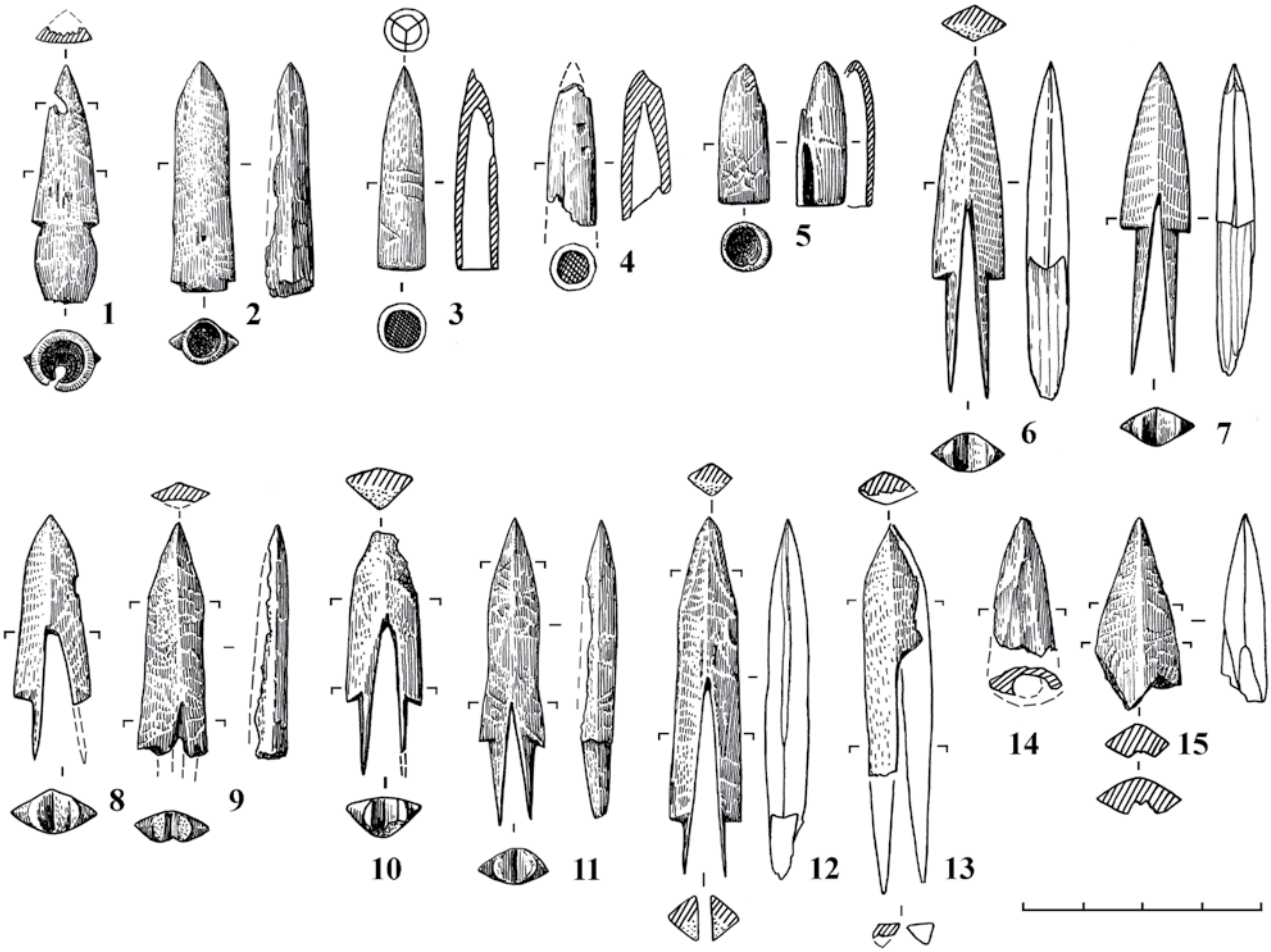

Таблица 34. Роговые наконечники стрел из комплекса Степушка-I:
курганы №1 (13), №3 (4), №6 (3, 14), №7 (5, 15), №8 (1, 2, 9, 11), №14 (6, 7, 8, 12), №15 (10)

Раздел I. Четырехгранные (ромбовидные).

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 8. Пятиугольные. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным переходом в выступающую втулку цилиндрической формы без свистунки. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №8. Размеры пера 3,7×1,1 см, длина насада 2 см (табл. 34.-*2*).

Раздел IV. Трехгранные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 9. Вытянуто-треугольные. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным переходом в выступающую втулку бочонковидной формы с встроенной свистункой. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №8. Размеры пера 2,7×1,1 см, длина насада 1,3 см (табл. 34.-*1*).

Раздел V. Круглые, граненые.

Отдел II. Негеометрические, заостренные.

Тип 10. Килевидные. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным переходом в скрытую втулку без свистунки. Всего 3 экз.: Степушка-I, курганы №3, 6, 7. Размеры пера 2,4–3,6×0,8–0,9 см (табл. 34.-*3, 4, 5*).

Разряд III. Зажимные.

Раздел I. Четырехгранные (ромбовидные).

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 11. Треугольные. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным переходом выступающих концов раздвоенного насада вытянуто-треугольной формы без свистунки, имеющих равную длину с пером. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №14. Размеры пера 2,8×1,3 см, длина насада 2,8 см (табл. 34.-*7*).

Тип 12. Вытянуто-треугольные. *Вариант* ***а*** – с остроугольным переходом выступающих концов раздвоенного насада вытянуто-треугольной формы без свистунки, почти равных по длине перу. Всего 1 экз.: Степушка-2, объект №32. Размеры пера 4,5×1,2 см, длина насада 4,4 см (табл. 35.-*3*). *Вариант* ***б*** – с прямоугольным переходом выступающих концов раздвоенного насада вытянуто-треугольной формы без свистунки, имеющих укороченные пропорции. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №14. Размеры пера 3,7×1,1 см, длина насада 3 см (табл. 34.-*6*).

Тип 13. Пятиугольные. *Вариант* ***а*** – с прямоугольным переходом выступающих концов раздвоенного насада вытянуто-треугольной формы без свистунки, имеющих укороченные пропорции. Всего 6 экз.: Степушка-I, курганы №8 (2), 14 (2); Степушка-2, объекты №3, 5. Размеры пера 3,1–5,2×1–1,4 см, длина насада – 2–3,2 см (табл. 34.-*8, 9, 11, 12*; 35.-*1, 2*).

Раздел III. Трехгранные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 14. Пятиугольные. *Вариант* ***а*** – с остроугольным переходом выступающих концов раздвоенного насада вытянуто-треугольной формы без свистунки, имеющих укороченные пропорции. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган №15. Размеры сохранившегося пера 2,8×1,2 см, длина насада 1,2 см (табл. 34.-*10*).

Приступая к типологии классифицированных изделий, выразим согласие с распространенной в археологической литературе позицией о том, что определить период бытования и эволюцию большинства модификаций костяных (роговых) наконечников стрел не представляется возможным. Вариативность морфологических характеристик наконечников стрел из остеологического материала зависела от качества исходного сырья, а также определялась участием в их производстве широкого круга мастеров-косторезов. При датировке роговых (костяных) проникателей археологических культур периода поздней древности и средневековья, как правило, не имеет большого смысла привлечение широкого круга аналогий из памятников отдаленных территорий.

Костяные (роговые) черешковые наконечники (разряд I) с четырехгранным сечением (раздел I) заостренного геометрического пера (отдел I) обнаружены в составе сопроводительного инвентаря погребального комплекса Степушка-2. Они принадлежат к самой распространенной традиции косторезной практики населения булан-кобинской культуры, неизвестной на Алтае в предшествующее скифо-сакское время. Нижняя хронологическая граница распространения черешковых наконечников стрел с четырехгранным пером в данном регионе определяется концом III – II в. до н.э. [Мамадаков, 1990б, с. 75]. Экземпляры вытянуто-ромбической формы с тупоугольным переходом в четырехугольный черешок укороченных пропорций без свистунки (тип 2а) встречаются в данном регионе в памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. (Усть-Эдиган) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Кок-Паш, Усть-Бийке-III) [Худяков, 1997, рис. 2.-2, 3; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-3; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-3–5]. Образцы с пером вытянуто-треугольной и шестиугольной форм, имеющие остро- и тупоугольный переход в четырехугольный черешок укороченных пропорций без свистунки (типы 1а и 3а), зафиксированы в памятниках булан-кобинской культуры II–V вв. н.э. (Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Верх-Уймон, Карбан-I, Тыткескень-VI) [Мамадаков, 1990б, рис. 15.-7; 25.-6; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-4; 18.-3–5; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 6.-10, 13; Соенов, 2017, рис.14.-6].

Черешковые наконечники с линзовидным в сечении пером (раздел II) в виде геометрической заостренной фигуры (отдел I) вытянуто-треугольной формы с остроугольным переходом в четырехугольный черешок укороченных пропорций без свистунки (тип 4а) и тупоугольным переходом в четырехугольный равновеликий черешок без свистунки (тип 4б) в памятниках булан-кобинской культуры обнаружены впервые.

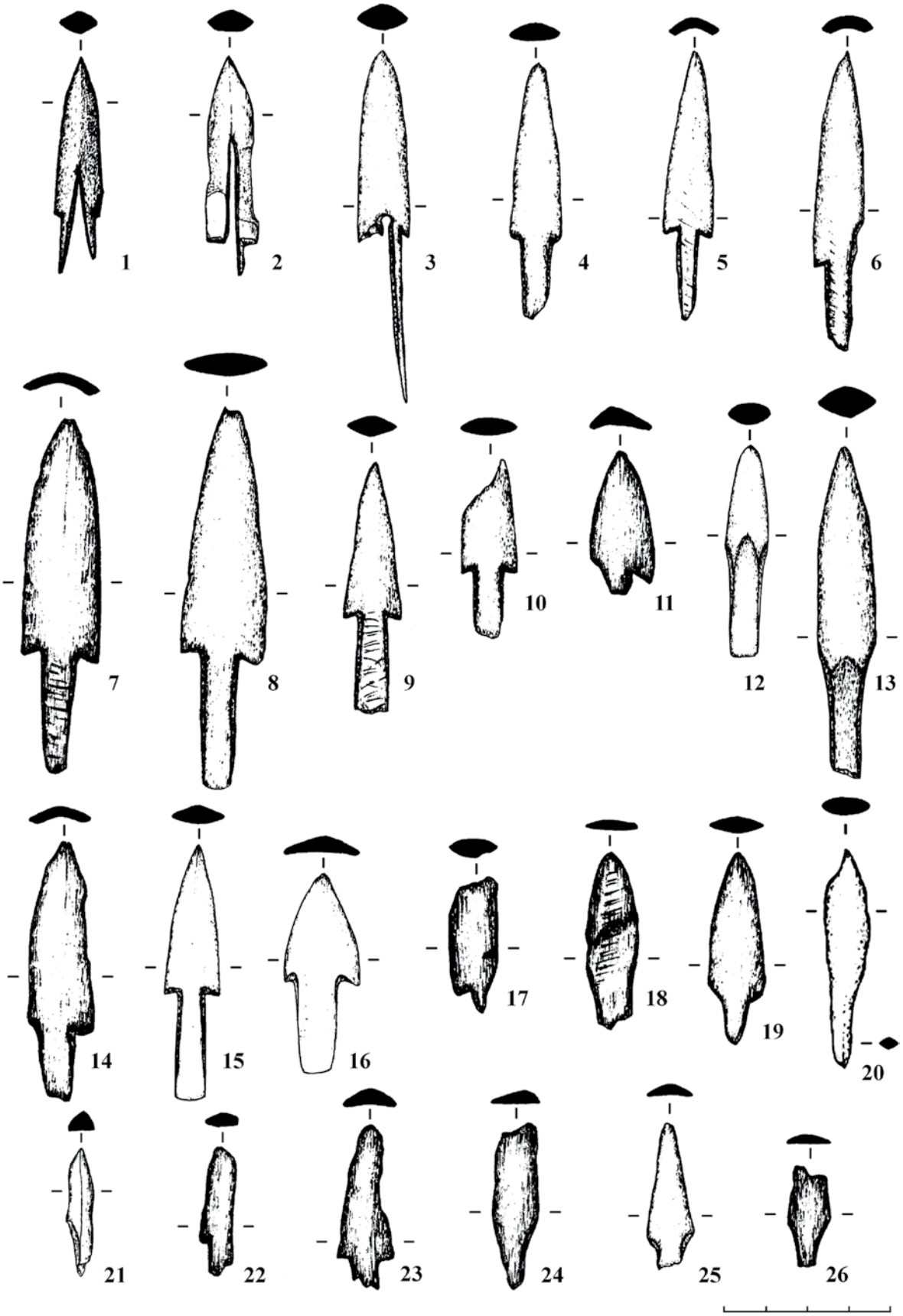

Таблица 35. Роговые и костяные наконечники стрел из комплекса Степушка-2: объекты №3 (1), №5 (2, 21), №10 (15, 16), №26 (8, 20), №27 (9, 10, 13, 25), №32 (3, 5, 6), №34 (4), №46 (7), №39 (12), №41 (11, 14, 17, 18, 19, 24, 26), №41а (22, 23) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 2; рис. 16.-4; 70.-4; 106.-1; 114.-5]

Черешковые наконечники с дуговидным в сечении пером (раздел III) с заостренным геометрическим абрисом (отдел I) представлены изделиями с треугольным (тип 5а), вытянуто-треугольным (тип 6а–б), вытянуто-ромбическим (тип 7а) пером. Аналогии им в археологических материалах Алтая также не известны. Дуговидное сечение поражающей части обусловлено изготовлением данных наконечников из трубчатых костей [Соенов, Константинова, 2015, с. 34].

Костяные (роговые) наконечники стрел с втульчатым насадом (разряд II) обнаружены при раскопках погребального комплекса Степушка-I. Они значительно различаются сечением пера, особенностями перехода в насад, абрисом проникающей части, конструкцией и формой втулки.

Четырехгранный наконечник с пятиугольным пером, имеющим прямоугольный переход в выступающую втулку цилиндрической формы без свистунки (тип 8а), не имеет точных аналогий в колчанных наборах булан-кобинской культуры. В качестве наиболее похожих изделий можно назвать образец вытянуто-треугольной формы с остроугольным переходом в насад из памятника Усть-Эдиган (II в. до н.э. – I в. н.э.) и ромбовидный экземпляр с вытянуто-треугольным абрисом из некрополя Булан-Кобы-IV (конец III – IV в. н.э.) [Мамадаков, 1990б, рис. 75.-35; Худяков, 1997, рис. 1.-6].

Трехгранные наконечники с вытянуто-треугольным пером, имеющим прямоугольный переход в выступающую втулку бочонковидной формы с встроенной (цельной) свистункой (тип 9а), отсутствуют в памятниках Алтая скифо-сакского времени*. Впрочем, они также не известны в ранних булан-кобинских комплексах хуннуского периода (II в. до н.э. – I в. н.э.). За пределами данного региона единичные аналогии им представлены в Восточном Забайкалье в могильниках дуройской (III–IV вв. н.э.) и бурхотуйской (IV–VI вв. н.э.) культур [Худяков, 1991, рис. 28.-1–4; Ковычев, 2006, рис. 6.-10]. Близкие по оформлению экземпляры, но с иным переходом пера в насад, имеются в неопубликованных булан-кобинских материалах 2-й половины III – IV в. н.э. (Айрыдаш-I, Белый Бом-II), а также в раннетюркском комплексе 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. (Усть-Бийке-III) [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 25.-6, 7]. Происхождение наконечников типа 9 могло быть связано с черешковыми экземплярами II–III вв. н.э., снабженными отдельно изготовленной свистункой [Матренин, 2013б, с. 203]. Период бытования таких наконечников у населения булан-кобинской культуры можно определить в широких рамках – III–V вв. н.э.

Роговые наконечники с круглым пером килевидной формы, переходящим в скрытую втулку без свистунки (тип 10а), являются редкой модификацией проникателей кочевников Алтая сяньбийско-жужанского периода. Имеющиеся материалы не позволяют отмечать наличие генетической связи данных изделий с экземплярами скифо-сакского времени. Необходимо указать на отсутствие сколько-нибудь похожих предметов в ранних булан-кобинских комплексах II в. до н.э. – I в. н.э. Прототипом наконечников типа 10а на территории Алтая могли быть втульчатые округлые наконечники с граненым острием со скрытой втулкой, обнаруженные в погребальных памятниках III–IV вв. н.э. (Айрыдаш-I, Белый Бом-II). Более поздний по времени образец зафиксирован в закрытом комплексе тюркской культуры 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. на могильнике Ороктой [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5].

Костяные (роговые) наконечники стрел с зажимным насадом (разряд III) количественно преобладают в погребальном комплексе Степушка-I. Они представлены четырехгранными (раздел I) и трехгранными (раздел IV) экземплярами с треугольным, вытянуто-треугольным, ромбовидным, пятиугольным пером, имеющим остро- и прямоугольный переход выступающих концов раздвоенного насада (типы 11а, 12а–б, 13а, 14а).

* Стоит заметить, что у «булан-кобинцев» костяные (роговые) втульчатые наконечники стрел с треугольным в сечении пером, прямыми плечиками и треугольным абрисом встречаются весьма редко на фоне многочисленных экземпляров с ромбическим сечением пера, зафиксированных в некрополях Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Карбан-I.

Распространение у кочевых народов Северной Азии в I тыс. н.э. наконечников с зажимным способом крепления на древке исследователи традиционно рассматривают как влияние материальных традиций хунну, у которых данные проникатели являлись этнодиагностирующим элементом предметного комплекса уже в «доимперский» (конец IV – III в. до н.э.) период проживания их на территории Внутренней Монголии [Худяков, 1986, с. 39–41; Ковалев, 2002, с. 122, рис. 2.-2, 18]. Верхняя хронологическая граница бытования данных наконечников в хуннуской культуре определяется условно в рамках I – начала II в. н.э. Единичные их экземпляры известны у отдельных групп северных сяньби в погребениях конца I – начала III в. н.э. Юго-Восточного Забайкалья [Ковычев, 2006, рис. 5.-16]. Знакомство древних кочевников Южной Сибири с роговыми (костяными) зажимными наконечниками стрел могло произойти, скорее всего, после перенесения ставки державы хунну в Северную Монголию в последней четверти II в. до н.э. Не ранее данного хронологического рубежа должны датироваться такие изделия у «тесинцев» Минусинской котловины и «шестаковцев» Ачинско-Мариинской лесостепи, а также редкие находки у племен саглынской и улугхемской культур Тувы [Савинов, 1969; Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. XXX-VII.-12–14; XLIII.-21–29; XLVIII.-1–6; LI–LVI; Худяков, 1986, рис. 16.-5–7, 11–19, с. 57–59; Семенов, 2003, табл. 21.-1, 2; 34.-48; 88.-1; Кузьмин, 2011, рис. 38, 40, 41, 43; Leus, 2011, fig. 6.-8–10]. Имеющаяся на сегодняшний день репрезентативная серия археологических материалов демонстрирует, что роговые (костяные) наконечники стрел с зажимным насадом пока не обнаружены в раннебулан-кобинских комплексах II в. до н.э. – I в. н.э. Нижнюю хронологическую границу появления их в данном регионе можно определить в рамках II – начала III в. н.э. Важно заметить, что наконечники из могильника Степушка по своему оформлению значительно отличаются от хуннуских, поскольку они разрабатывались в местной культурной среде, по-видимому, на основе черешковых наконечников с хорошо выраженным переходом пера в насад в виде прямых или острых плечиков. Данные изделия являются показательным «этнографическим» элементом охотничьего снаряжения булан-кобинского населения Алтая. Обнаруженным экземплярам с ромбовидным сечением (типы 11–13) найдено значительное количество аналогий в памятниках 2-й четверти I тыс. н.э.: Айрыдаш-I, Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Степушка-2, Улуг-Чолтух-I [Мамадаков, 1990б, рис. 75.-20–27; Соенов, Эбель, 1992, рис. 28.-1; Худяков, 2014аа, рис. 4.-5; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 2.-1–3]. Верхний хронологический горизонт бытования зажимных наконечников на Алтае маркируют находки из тюркских комплексов 2-й половины V – середины VII в. н.э. [Гаврилова, 1965, табл. XXI.-5; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5; Мамадаков, 1994б, рис. 2.-12; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. IX.-11, 12; Кубарев, 2005, табл. 4.-8].

Сделанные типологические наблюдения отражают общие тенденции развития косторезного дела племен Алтая в сяньбийско-жужанское время. В заключение можно сделать вывод, что могильник Степушка входит в круг погребальных памятников булан-кобинской культуры, для которых характерно количественное преобладание роговых (костяных) наконечников стрел с черешковым и зажимным насадом*. Рассмотренные материалы демонстрируют предпочтения в изготовлении роговых (костяных) наконечников стрел населением, оставившим разные курганные группы: в комплексе Степушка-I присутствовали проникатели с зажимным и втульчатым насадом, тогда как в комплексе Степушка-2 преобладают черешковые экземпляры, редко встречаются зажимные образцы и совершенно отсутствуют втульчатые модификации.

Ножи представляют собой категорию универсальных орудий, имеющих короткий (до 12 см) клинок с толщиной обуха (спинки) до 0,5 см. Они использовались в деревообработке, косторезном деле, скорняжном производстве, а также при решении по-

* Наиболее похожая ситуация соотношения проникателей с разными способами крепления на древке зафиксирована на могильниках Булан-Кобы-IV и Белый Бом-II.

вседневных бытовых задач, в том числе в качестве столовых приборов. В могильнике Степушка зафиксирован 31 бытовой нож (табл. 36, 37): в 19 мужских (Степушка-I, курганы №1, 4, 7, 8, 9, 13, 15, 17, 19; Степушка-2, объекты №5, 7, 9, 19, 23, 26, 27, 32, 41, 46), в двух женских (Степушка-I, курган №11; Степушка-2, объект №8), в двух детских захоронениях (Степушка-I, курганы №21, 24), в двух кенотафах (Степушка-2, курганы №16, 18), в одной могиле с неустановленным полом (Степушка-2, объект №4), а также в околокурганном пространстве (Степушка-2, объекты №36 и 36а) [Тишкин, Матренин, 2018; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 50–51]. В погребениях данные предметы располагались преимущественно в области таза (Степушка-I, курганы №1, 4, 7, 8, 9, 11, 13, 15; Степушка-2, объекты №5, 7, 8, 9, 14, 32, 41), реже рядом с головой (Степушка-I, курганы №17, 19, 24), в районе груди (Степушка-I, курган №21), у бедра (Степушка-2, объекты №19, 27) и берцовых костей (Степушка-2, объект №23) умерших людей. Они могли находиться вместе с остатками ритуальной мясной пищи, от которой сохранились кости овцы. Зафиксированы редкие случаи, когда железный нож лежал в деревянном блюде (Степушка-I, курган №17) и на берестяной «подставке» (Степушка-I, курган №24).

По своим морфологическим характеристикам бытовые ножи совпадают с боевыми аналогами, что позволяет классифицировать их по одному набору показателей: группа определяет материал изготовления; разряд – форму поперечного сечения клинка; раздел – форму окончания клинка; отдел – положение рукояти относительно оси клинка; тип – наличие/отсутствие перекрестия; вариант – детали оформления рукояти.

В результате описания 16 экз. хорошей и удовлетворительной сохранности выделены одна группа, один разряд, один раздел, два отдела, два типа, два варианта бытовых ножей.

Группа I. Железные.

Разряд I. С треугольным клинком.

Раздел I. С острым окончанием.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип 1. Без перекрестия. *Вариант* ***а*** – без навершия, с гладким череном. Всего 11 экз.: Степушка-I, курганы №1, 9, 11, 13, 21, 24; Степушка-2, объекты №5, 19, 32 (табл. 36.-*2, 6–8, 13, 14*; 37.-*2, 12, 13*).

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 2. Без перекрестия. *Вариант* ***а*** – без навершия, с гладким череном. Всего 5 экз.: Степушка-I, курганы №2, 7, 17; Степушка-2, объекты №7, 36 (табл. 36.-*3, 4, 11*; 37.-*3, 14*).

Представленные образцы бытовых ножей часто встречаются в памятниках булан-кобинской культуры Алтая II–V вв. н.э. [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 37.-19; 40.-10; 44.-12, 13; 46.-10; Мамадаков, 1990б, рис. 85.-12–15; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 6.-8, 9; Соенов, Константинова, 2015, рис. 5, с. 20–21; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 50–51; и др.].

Шилья являются универсальными орудиями режуще-проворачивающего действия, применяющимися особенно широко в скорняжном производстве. Данные предметы найдены в трех мужских погребениях комплекса Степушка-I (курганы №13, 17, 19) у левого бедра, на тазу, у правого колена покойных. Обнаруженные экземпляры представляли собой заостренные стержни округлого и подквадратного сечения, на которые насаживалась деревянная рукоять (табл. 38.-*4, 6 7*). В мужских погребениях булан-кобинской культуры идентифицированы около 20 шильев. Их облик на протяжении хуннуско-сяньбийско-жужанского времени не претерпел особых изменений.

Тесла принадлежат к числу специализированных инструментов для деревообработки. Данная категория инструментов представлена двумя экземплярами, обнаруженными в мужских захоронениях из курганов №13 и 19 комплекса Степушка-I. Тесла выполнены из железа, имеют длину 9–10 см, узкое лезвие и несомкнутую втулку для

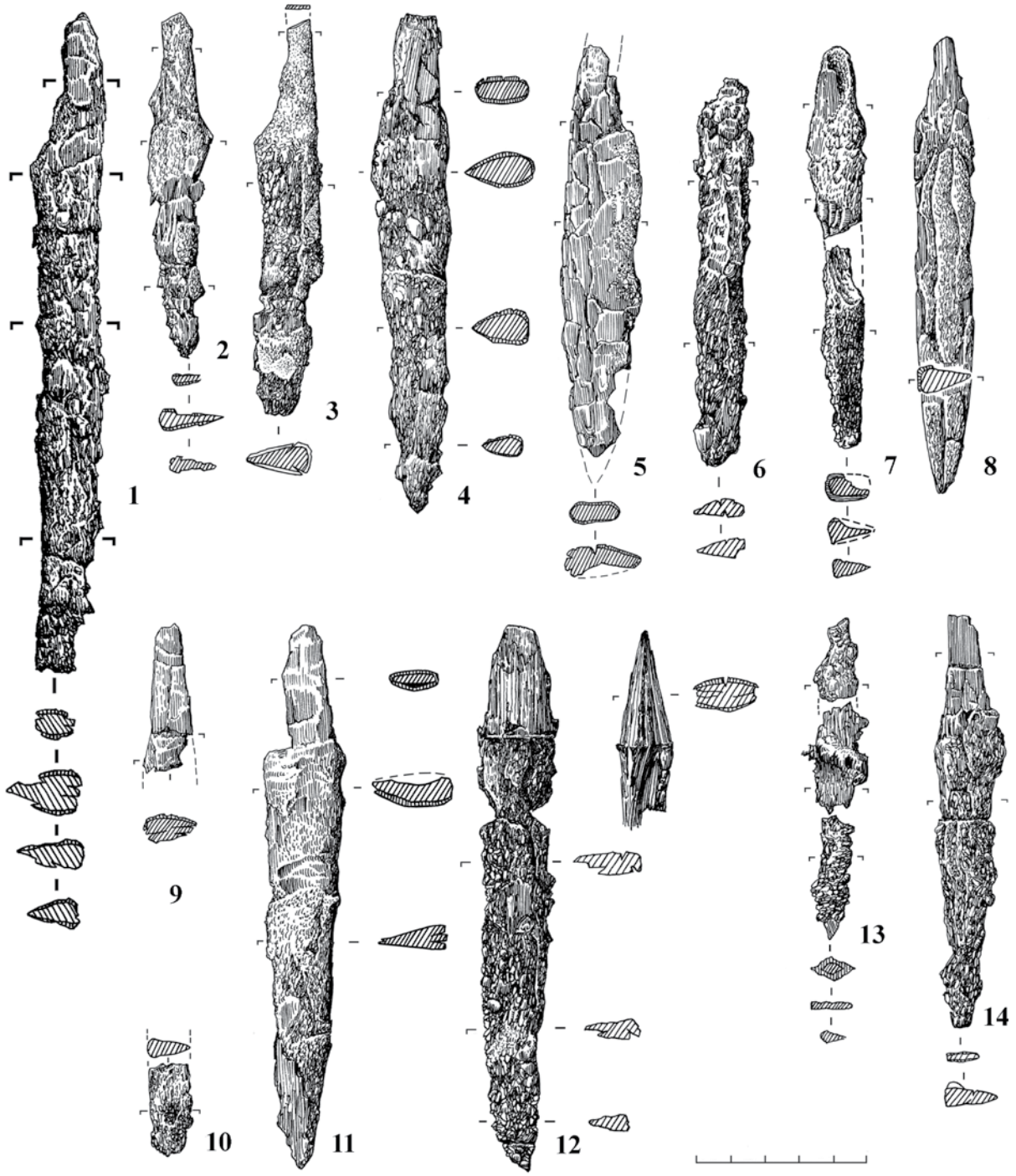

Таблица 36. Железные бытовые ножи из комплекса Степушка-I:
курганы №1 (2), №2 (3), №4 (1), №7 (4), №8 (5), №9 (6), №11 (7),
№13 (8), №16 (9), №17 (11), №18 (10), №19 (12), №21 (13), №24 (14)

деревянной рукояти (табл. 38.-*1, 2*). Рассматриваемые рубящие орудия плотницкого дела можно сопоставить с находками из булан-кобинских могильников сяньбийского (Карбан-I – 1 экз., не опубликован) и жужанского времени (Верх-Уймон – 3 экз. [Соенов, Константинова, 2013, рис. 1.-1–3], Яломан-II – 2 экз., неопубликованные материалы раскопок А.А. Тишкина). Важно подчеркнуть, что тесла происходят из погребений с достаточно многочисленным и разнообразным сопроводительным инвентарем, что подчеркивает высокий социальный и профессиональный статус их владельцев.

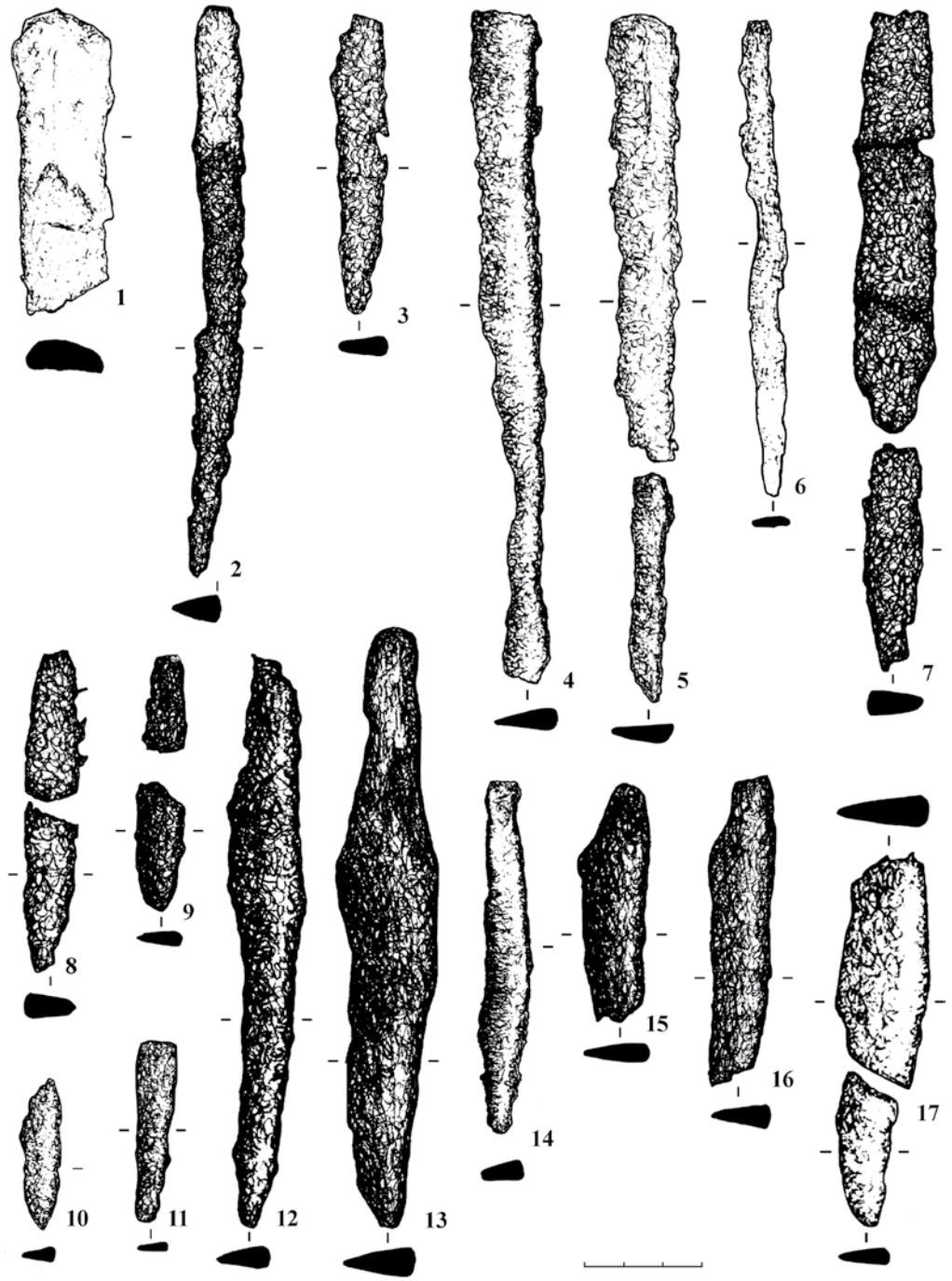

Таблица 37. Железные бытовые ножи из комплекса Степушка-2:
объекты №4 (1), №5 (2), №7 (3), №8 (4–6), №9 (7, 8), №14 (9), №19 (12), №23 (10), №26 (17), №27 (11), №32 (13), №36а (14), №41 (15), №46 (16) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 12.-Г; 17.-1; 21.-1; 25.-1–3; 32.-1, 2; 40.-1; 56.-1; 64.-3; 70.-6; 85.-16; 98.-5; 114.-12; 124.-2]

«Напильники» – железные инструменты, предназначенные для шлифования и заточки готовых металлических (железных) и деревянных предметов. К числу данных орудий относятся два железных предмета из курганов №16 и 19 погребального комплекса Степушка-I (табл. 38.-*5, 8*).

«Стамеска-ложкорез» найдена в составе сопроводительного инвентаря мужского погребения из кургана №19 комплекса Степушка-I. Данное изделие является уникальным деревообрабатывающим инструментом (табл. 38.-*9*). На Алтае это всего лишь третья находка таких узкопрофильных орудий, ранее зафиксированных в ходе раскопок

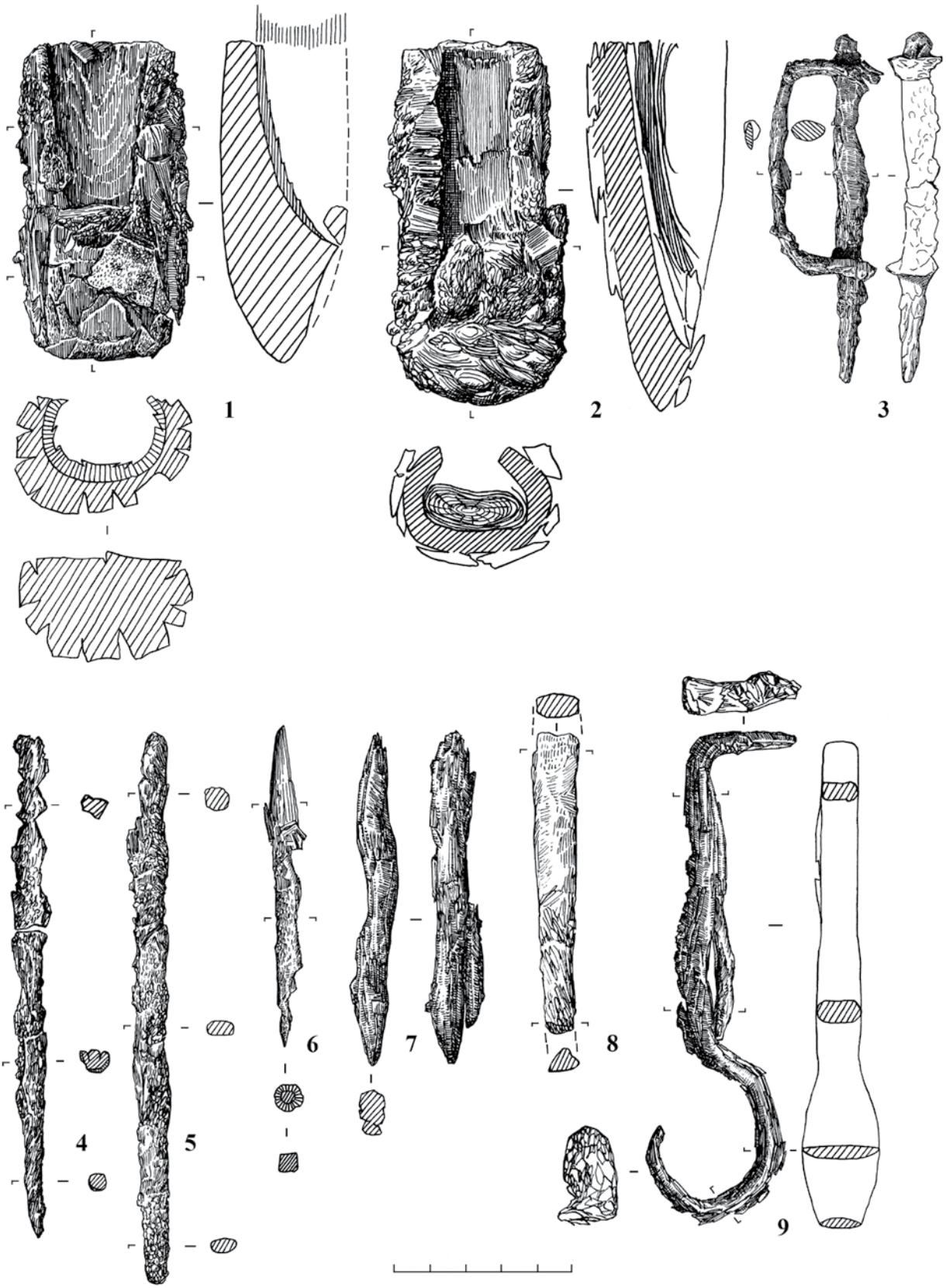

Таблица 38. Железные тесла, шилья, «напильники», стамеска из комплекса Степушка-I: курганы №13 (1, 4), №16 (8), №17 (6), №19 (2, 3, 5, 7, 9)

на могильнике Верх-Уймон и датирующихся 2-й половиной IV – V в. н.э. [Соенов, Константинова, 2014, с. 14–16; 2015, рис. 3.-2, 8]. Деревянная утварь, при изготовлении которой могли использоваться подобные инструменты, представлена в булан-кобинских памятниках II в. до н.э. – V в. н.э. (Балыктыюль, Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Бош-Туу-I, Курайка, Яломан-II) [Сорокин, 1977, с. 62, рис. 4; Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 17; 18; 27–29; 42.-4; 43–50; 70–71; 82–83]. За пределами Алтая аналогии таким предметам известны в Западной Сибири в саргатских памятниках V–III вв. до н.э., в Приуралье – в мазунинских (III–V вв. н.э.) и бахмутинских (V–VII вв. н.э.) древностях, в Восточной Европе – в восточно-славянских (VI–IX вв. н.э.) и салтово-маяцких (VIII–X вв. н.э.) материалах [обзор аналогий по: Соенов, Константинова, 2013, с. 51; 2014, с. 15].

К орудиям деревообработки также может принадлежать железный инструмент в виде стержня с рукояткой (табл. 38.-*3*). Похожий предмет обнаружен в Туве в некрополе позднехуннуского времени (I – начало II в. н.э.) Бай-Даг-II[*].

Плети представлены находками четырех костяных деталей рукоятей из мужских погребений: Степушка-I, курганы №8, 13, 19; Степушка-2, объект №40[**]. В двух случаях они обнаружены у бедренных костей человека, по одному случаю – у черепа и на ребрах лошади.

Экземпляры в виде гладких и рельефных трубочек (табл. 39.-*1, 2*) достаточно широко представлены в материалах булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э. [Гаврилова, 1965, рис. 5.-2; Глоба, 1983, табл. V.-6; VI.-1, 2; Мамадаков, 1990б, рис. 19.-7; 25.-10; 26.-12; 28.-19; 29.-2, 4, 7; 34.-16; 45.-15; 49.-5; 53.-3; 56.-8; Соенов, Эбель, 1992, рис. 32.-3; 42.-14; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 18.-9; Могильников, Суразаков, 2003, рис. 29.-2; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-2; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 6.-21, 22; Тетерин, 2016, рис. 1, 2; и др.]. Больше всего таких предметов происходит из некрополей Булан-Кобы-IV, Айрыдаш-I, Дялян, Белый Бом-II. На соседних территориях они встречаются в памятниках хунну Забайкалья, «кокэльцев» Тувы, у тесинских и раннеташтыкских племен Среднего Енисея, а также у населения Верхнего Приобья [Тетерин, 2016, с. 87–89].

Изделия со сквозным боковым отверстием (табл. 39.-*3, 4*) имеют точные соответствия на Алтае в закрытых комплексах жужанского времени (2-я половина IV – V в. н.э.) могильников Верх-Уймон, Дялян, Катанда-I, Яломан-II (неопубликованные материалы раскопок А.А. Тишкина) [Тетерин, 2016, рис. 2.-1; Соенов, 2017, с. 122, рис. 9.-1; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 110.-11].

Жернова ручной мельницы обнаружены в насыпях курганов №21 и 22 комплекса Степушка-2, содержавших детские погребения. Один из них сделан из сланца (размеры 37×20,5×7 см) (табл. 40.-*1*), другой – из песчанника (размеры 22–31×7 см) (табл. 40.-*2*). Оба предмета сломанные и, по-видимому, являются вотивными копиями [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 51]. Данные орудия предназначались для переработки (измельчения) зернового сырья, возможно, продуктов растениеводства. Зафиксированные изделия могут быть остатками ритуалов, направленных на «возрождение» умерших детей [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 52]. Важно заметить, что на сегодняшний день это пока единственные находки жерновов из погребальных памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени.

---

[*] Авторы благодарят сотрудников Государственного Эрмитажа К.В. Чугунова и Н.Н. Николаева за возможность познакомиться с альбомом иллюстративного материала к отчету А.М. Мандельштама об исследованиях, проведенных 2-м отрядом Саяно-Тувинской экспедиции в 1966 г.

[**] Функциональная атрибуция обозначенных предметов основана на сравнении их с элементами нагаек скифо-сакского времени из памятников Северной и Центральной Азии [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 154–156, рис. 113]. Подобная археологическая интерпретация «костяных трубочек» хуннуско-сяньбийско-жужанского времени обоснована Ю.В. Тетериным [2016].

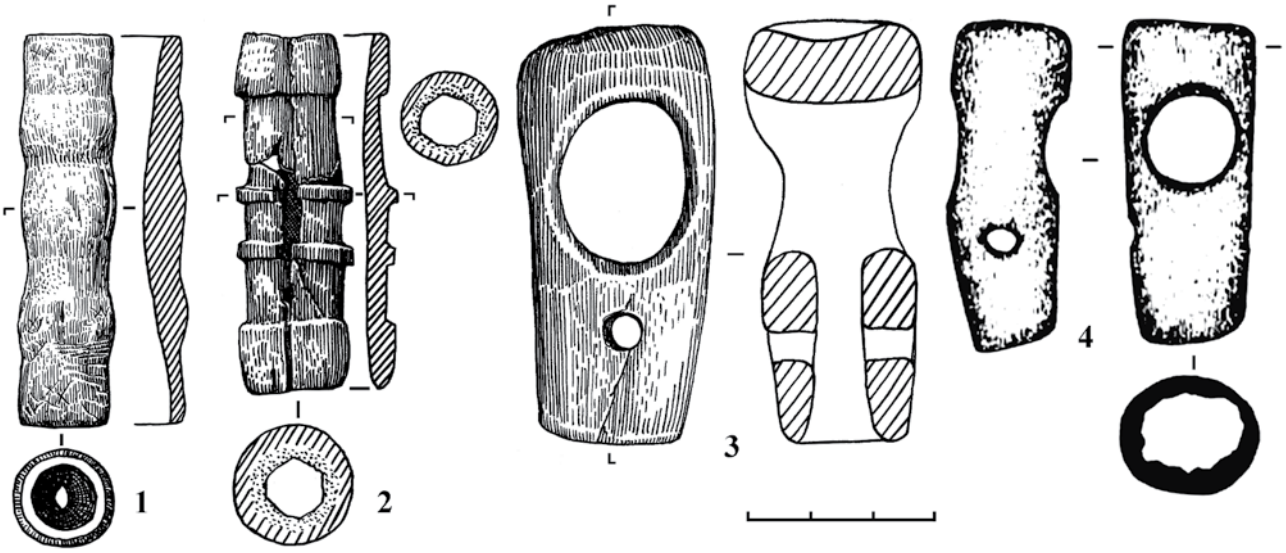

Таблица 39. Роговые и костяные детали рукоятей плетей из комплексов Степушка-I, курганы №8 (1), №13 (2), №19 (3) и Степушка-2, объект №40 (4) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2016, рис. 179.-11]

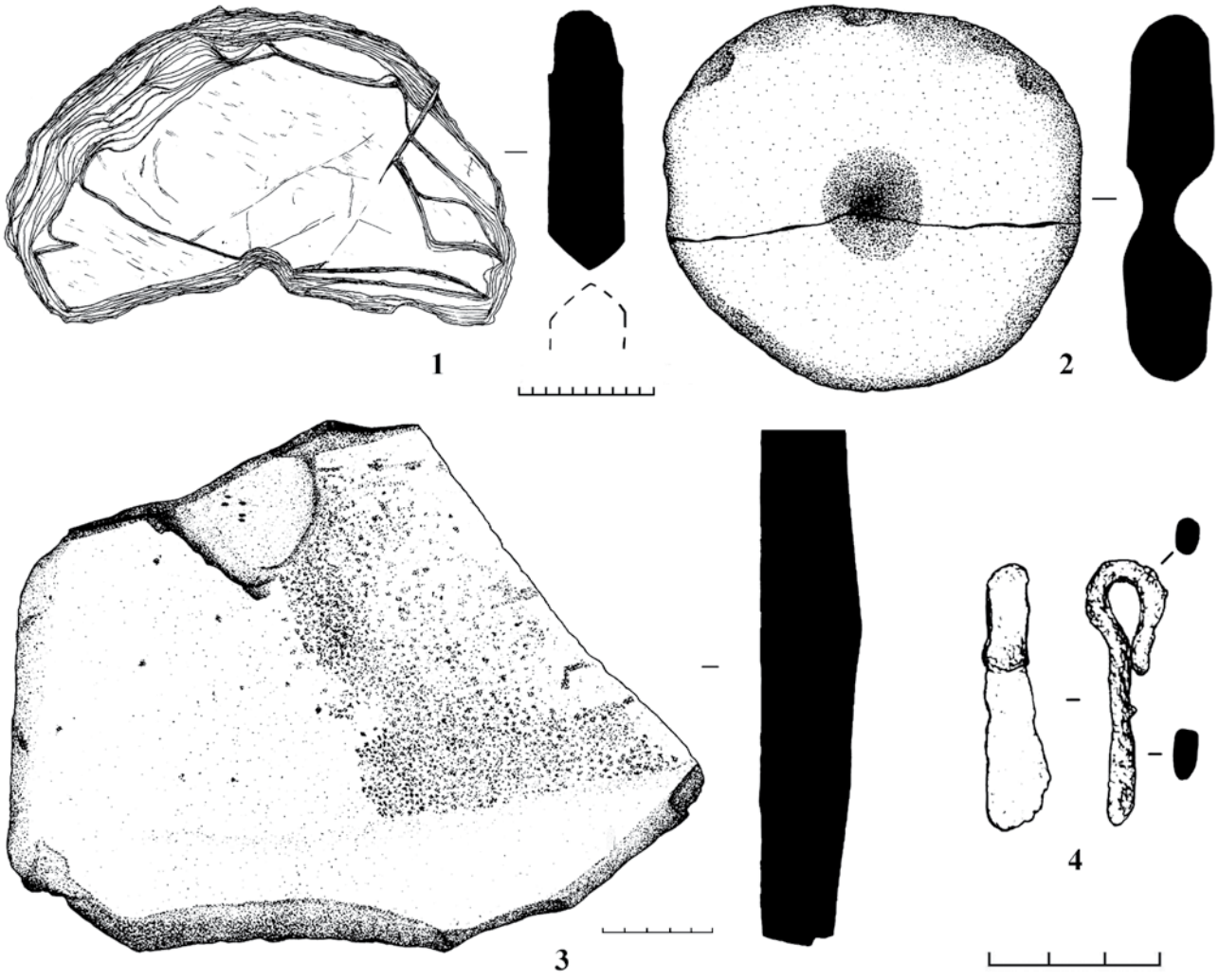

Таблица 40. Каменные жернова ручных мельниц, наковальня, железный пинцет из комплекса Степушка-2: объекты №8 (4), №21 (1), №22 (2), №46 (3) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 25.-4; 61.-1, 2; 122]. *4 – железо, остальные предметы – камень*

Курант зернотерки зафиксирован при зачистке насыпи объекта №40 комплекса Степушка-2 (табл. 41.-*6*). Предмет изготовлен из сланцевой заготовки размерами 30,2×10×2 см [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 51]. Практика помещения курантов в насыпи курганов известна у кочевников Алтая с аржано-майэмирского времени (IX – начало VI в. до н.э.) и связана с реализацией определенных погребально-ритуальных культов [Суразаков, Тишкин, 2007]. В памятниках булан-кобинской культуры данный предмет зафиксирован впервые.

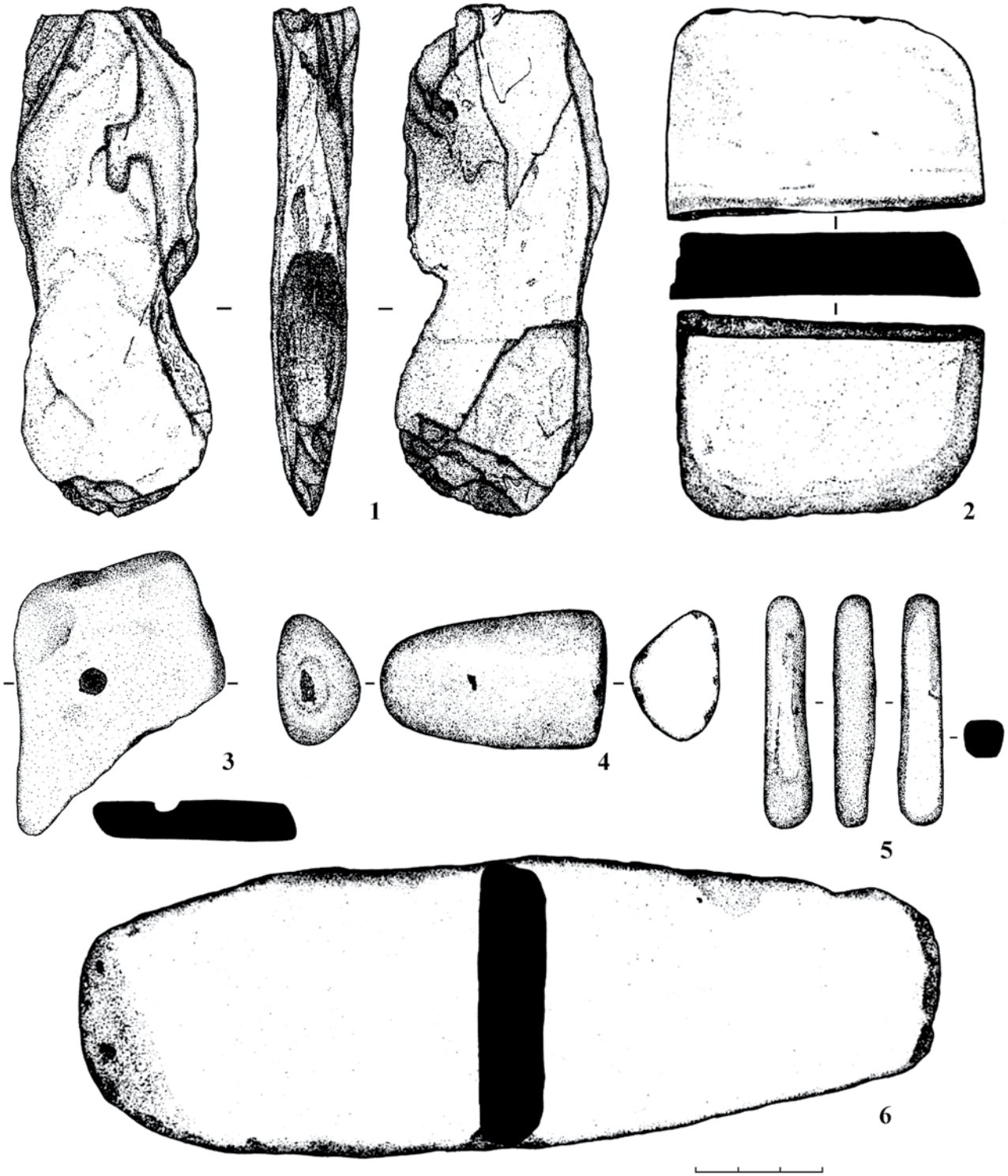

Таблица 41. Каменные орудия из комплекса Степушка-2:
объекты №2 (4), №9 В (3), №34 (1), №40 (2, 6), №49 (5)
[по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 4.-6; 31.-8; 108.-1, 2; 131.-В]

Пест найден в межкурганном пространстве объектов №1 и 2 комплекса Степушка-2 (табл. 41.-*4*). Изделие вытянуто-овальной формы (размерами 9,6×4,6×3,8 см) имеет широкий рабочий торец с выраженными следами сработанности [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 52].

Абразивы. В комплексе Степушка-2 идентифицированы два каменных предмета, которые могли применяться для заточки лезвий железных орудий или при лощении [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 52]. Экземпляр из насыпи погребального объекта №40 представлял собой прямоугольную базу размерами 10,5×7 см толщиной 2 см с трапециевидным сечением и двумя скругленными углами (табл. 41.-*2*). Изделие, встреченное при зачистке ритуальной выкладки (объект №49), являлось небольшим каменным оселком вытянуто-овальной формы размерами 8,1×1,6×1,5 см (табл. 41.-*5*).

Наковальня. В таком качестве, по-видимому, использовалась плоская каменная плитка размерами 31×21,5×4,6 см со следами сработанности, найденная в наземной конструкции погребального объекта №46 комплекса Степушка-2 (табл. 40.-*3*) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 52].

В состав орудийного набора входит топоровидное каменное изделие размерами 17,5×6,5×3,1 см с приостренным рабочим краем (мотыга?) из насыпи погребального объекта №34 комплекса Степушка-2 (табл. 41.-*1*) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 52]. При разборке ритуальной выкладки №9В комплекса Степушка-2 найден плоский камень с округлым углублением, являющийся заготовкой какого-то изделия (табл. 41.-*3*) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 10].

К числу инструментов может относиться найденный в женском погребении из объекта №8 комплекса Степушка-2 обломок железного предмета, напоминающий собой *пинцет* (табл. 40.-*4*). На соседних территориях похожие изделия зафиксированы в Туве в могильнике Кокэль (конец III – IV в. н.э.) [Kenk, 1984, Abb. 33.-*B:4*; 51.-*K:2*].

Рассмотренный комплекс орудий из могильника Степушка расширяет источниковую базу для междисциплинарного изучения системы жизнеобеспечения населения Алтая в сяньбийско-жужанское время. Важно отметить, что большинство орудий, связанных с обработкой органических материалов, имеют широкие хронологические рамки бытования. В заключение также подчеркнем, что специальной проработки требует вопрос о функциональном назначении отдельных инструментов.

Предметы быта

В могильнике Степушка бытовые предметы обнаружены при раскопках 22 погребений (Степушка-I, курганы №1, 5а, 10, 19, 21, 24; Степушка-2, объекты №7, 8, 10, 14, 15, 17, 21, 23, 35, 36а, 37, 40, 41, 46, 48) и пяти ритуальных выкладок (Степушка-2, объекты №1, 15а, 28, 31, 47). Данные изделия представлены фрагментами керамической и деревянной посуды, обломком металлического зеркала, берестяной подставкой, костяной косметической щеточкой, остатками берестяного футляра, деревянным дисковидным предметом. На сегодняшний день бытовая утварь остается слабо изученным предметным комплексом кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени.

Керамическая посуда. В своей основной массе находки глиняной посуды являются остатками поминальных тризн или каких-то иных ритуальных действий. В комплексе Степушка-I зафиксированы обломки четырех керамических емкостей в насыпях и околомогильном пространстве (курганы №1, 10, 19), а также в составе сопроводительного инвентаря (курган №5а). Они представлены развалами и одиночными фрагментами.

Курган №1. Развал лепного плоскодонного керамического сосуда без орнамента выявлен у южного края могильной ямы на уровне древнего горизонта. Сильная фрагментарность изделия, прежде всего верхней части, не позволяет определить его форму и подобрать адекватные для сравнения аналогии (табл. 42.-*1*).

Курган №5а. Половина керамического сосуда размещалась в области правого локтевого сустава ребенка 5–6 лет. Изделие представляет собой миниатюрную плоскодонную банку (высота 8,5 см, диаметр тулова 10 см) с отогнутым наружу венчиком

диаметром около 10 см (табл. 42.-*2*). Аналогии данному сосуду в погребальных памятниках Алтая сяньбийско-жужанского времени не известны.

Курган №10. При зачистке насыпи найден фрагмент венчика неорнаментированного керамического сосуда (табл. 42.-*3*). Данный экземпляр не информативен в плане археологического сравнения.

Курган №19. В юго-западной поле насыпи на разной глубине обнаружен развал верхней части керамического горшка с невысокой шейкой, прямым венчиком (диаметр около 19,5 см) и раздутым туловом (диаметр 30 см) (табл. 42.-*4*). Два близких по форме сосуда происходят из неопубликованных материалов некрополей Улита и Булан-Кобы-IV, относящихся к бело-бомскому этапу (II – 1-я половина IV в. н.э.) булан-кобинской культуры.

В комплексе Степушка-2 обломки керамической посуды задокументированы при раскопках 16 погребальных объектов (№7, 8, 10, 14, 15, 17, 21, 23, 35, 36а, 37, 40, 41, 46, 48) и пяти ритуальных выкладок (№1, 15а, 28, 31, 47) (табл. 43, 44). Они происходят преимущественно из наземных конструкций и околокурганного пространства и существенно реже встречаются в заполнениях могил и погребениях. Среди обнаруженных фрагментов несколько экземпляров декорированы резными линиями, вдавлениями, отпечатками шнурка или грубой ткани (табл. 43.-*2, 3*; 44.-*4, 15, 17*). Зафиксированы развалы двух сосудов.

Курган №15. В заполнении могильной ямы сохранилась часть небольшого плоскодонного горшка с отогнутым венчиком без орнамента (табл. 43.-*13–17*) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 53, рис. 43.-1–5; фото 67].

Курганы №36 и 36а. Под насыпью в межмогильном пространстве обнаружены обломки тулова и придонной части неорнаментированного сосуда, форма которого не устанавливается (табл. 44.-*9–12*) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 53, рис. 98.-1–4].

Необходимо отметить, что керамическое производство является слабо изученным аспектом системы жизнеобеспечения населения Алтая сяньбийско-жужанского времени. Сложившаяся ситуация отчасти обусловлена дефицитом введенных в научный оборот вещественных источников по развитию гончарства во II–V вв. н.э., а также по-прежнему не решенной проблемой выделения поселений булан-кобинской культуры из массива памятников региона периода поздней древности. На сегодняшний день опубликованы керамические сосуды из немногих могильников булан-кобинской культуры обозначенного периода: Чендек, Бике-I, Кызыл, Курайка, Верх-Уймон, Кок-Паш, Ябоган-III [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 31.-1; Соенов, Эбель, 1992, рис. 9, с. 25; 1998, рис. 9.-2; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-10; Кочеев, Суразаков, 2003, с. 71; Могильников, Суразаков, 2003, с. 26–29, рис. 28; Соенов, 2017, рис. 8]. Коллекция не изданных образцов керамической посуды более представительна, при этом среди них (в частности, в некрополях Айрыдаш-I и Улуг-Чолтух-I) имеются относительно хорошо сохранившиеся горшки и банки.

Археологические материалы могильника Степушка демонстрируют существование на Алтае в сяньбийско-жужанское время традиции бесстанкового производства керамики, как правило, лишенной орнаментации. Последняя черта существенно отличает ее от местной посуды предшествующего хуннуского периода (II в. до н.э. – I в. н.э.). В целом, для погребальной практики кочевников Алтая II–V вв. н.э. наблюдается значительное сокращение случаев применения керамической посуды по сравнению с раннебулан-кобинским периодом [Худяков, 1998в; Тишкин, 2005б], что, вероятнее всего, обусловлено более широким применением металлической и деревянной утвари.

Деревянное «блюдо» в виде небольшого фрагмента чаши зафиксировано в кургане №21 комплекса Степушка-I на груди ребенка (табл. 42.-*5*). В нем размещались железный коротколезвийный нож и позвонки овцы. Деревянные блюда известны среди бытовой утвари многих кочевых народов периода поздней древности. Данные предметы не являются этнокультурным и хронологическим индикаторами. В булан-кобинских памятниках Алтая деревянные блюда и чаши встречаются не часто, что объясняется их плохой сохранностью. Они происходят из разновременных погребальных комплексов хуннуско-сяньбийско-жужанского периода: Белый Бом-II, Бош-Туу-I,

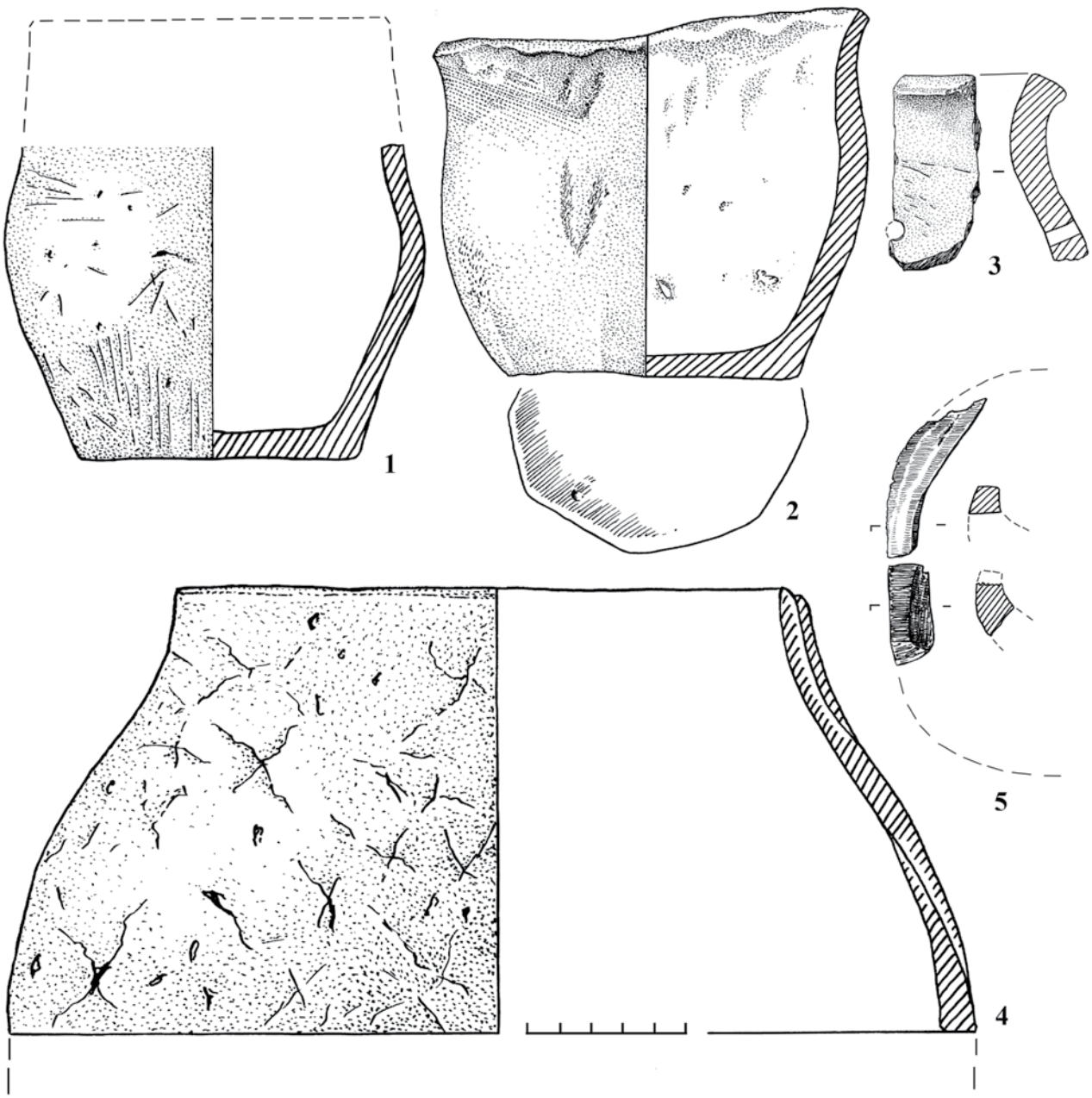

Таблица 42. Фрагменты керамической и деревянной посуды из комплекса Степушка-I: курганы №1 (1), №5а (2), №10 (3), №19 (4), №21 (5). *1–4 – глина; 5 – дерево*

Булан-Кобы-IV, Курайка, Яломан-II [Соенов, Эбель, 1998, рис. 10.-1; 13.-3; 17.-1; Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 17; 18; 27; 47–49].

Берестяная «подставка» обнаружена в кургане №24 комплекса Степушка-I за головой ребенка. Изделие выполнено из одного слоя бересты и представляло собой диск диаметром около 14 см (табл. 45.-*3*). На «подставке» лежали позвонки овцы и железный нож. Похожие «подставки» (обычно из нескольких слоев бересты, сшитых вместе и часто с орнаментом) имеются в погребальных памятниках центрально-азиатских хунну (конец I в. до н.э. – I в. н.э.) и ранних сяньби (конец I – начало III в. н.э.) [Төрбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 184, 241; Предварительное изучение сяньбийских погребений во Внутренней Монголии, 2004, рис. 3.-6; Яремчук, 2005, рис. 44; 48.-2; 49; 51.-2; 55; 56.-2; Ковычев, 2006, с. 251]. Аналогичные предметы зафиксированы в раннебулан-кобинском захоронении I в. до н.э. – I в. н.э. на могильнике Яломан-II [Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 10.-4, 6, 7; 11.-1, 2].

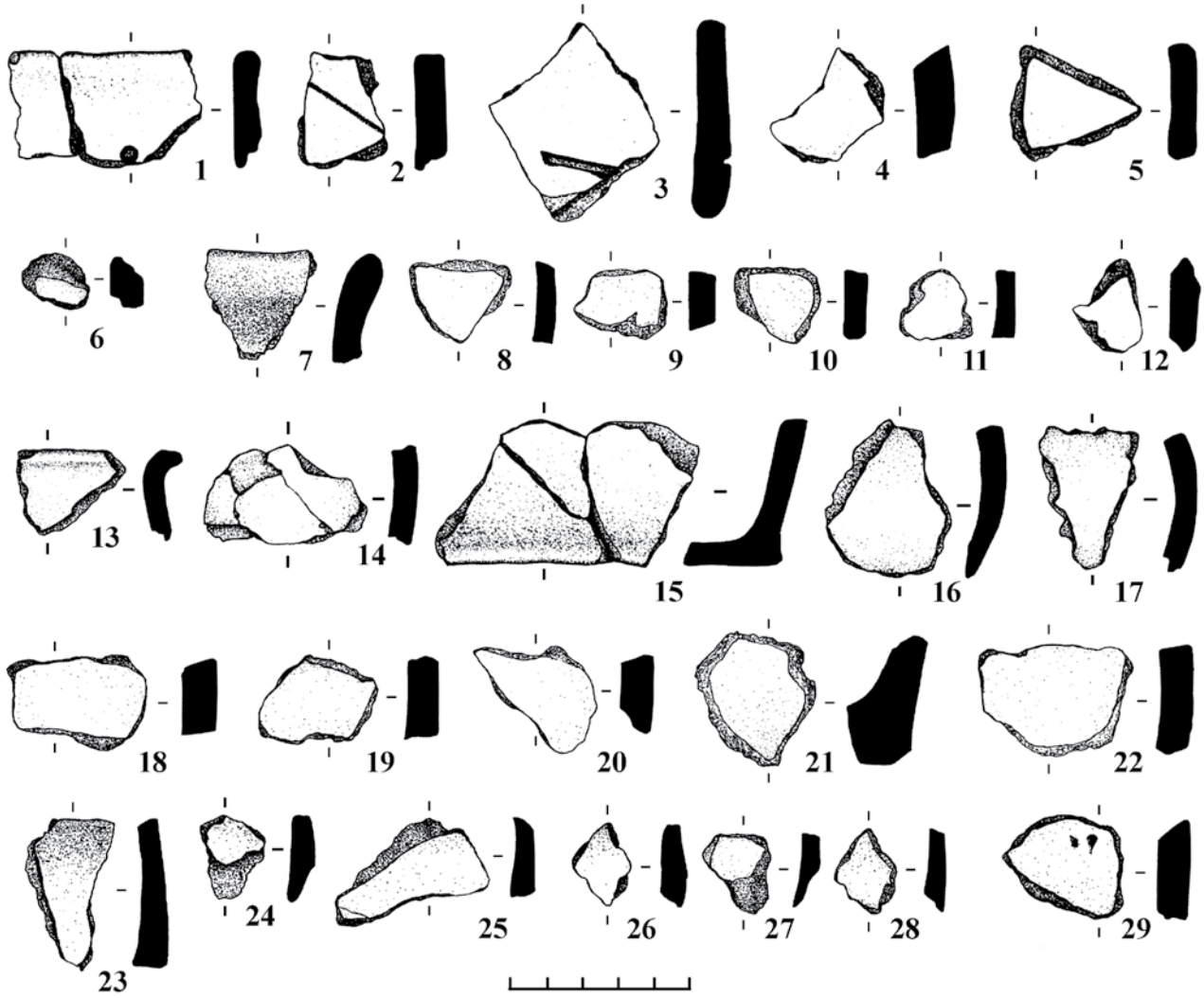

Таблица 43. Фрагменты керамической посуды из комплекса Степушка-2: объекты №1 (1–5), №7 (6), №8 (7–11), №14 (12), №15 (13–17), №15а (18–22), №17 (23–28), №21 (29) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 4.-1–5; 21.-5; 27.-1–5; 40.-2; 43.-1–5; 45.-1–5; 49.-4–9; 60.-7]

Берестяной футляр из кургана №19 комплекса Степушка-I сохранился в виде отдельных фрагментов, не позволяющих судить о его конструкции и форме (табл. 45.-*1*).

Деревянный дисковидный предмет обнаружен в кургане №24 комплекса Степушка-I. Диаметр изделия составлял 7,5 см, толщина – 1,4 см (табл. 45.-*2*). Назначение данного предмета не ясно, если учесть контекст его расположения на голове ребенка.

Зеркало найдено в женском погребении из кургана №8 комплекса Степушка-2, по-видимому, в кожаной сумочке (или мешочке с бусиной), подвешивавшейся к поясу. Зеркало представляло собой небольшой (3,3×3,8 см) обломок металлического (бронзового) диска с бортиком толщиной 0,4 см (табл. 46.-*1*), который мог использоваться в качестве амулета. По заключению японского специалиста Т. Масумото, данный фрагмент является копией китайских зеркал типа «Ляньшу-вэньцзинь» II–I вв. до н.э. [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 48]. Обнаружение предмета в закрытом комплексе могильника Степушка демонстрирует достаточно длительное использование подражаний таким типам ханьских зеркал кочевниками Алтая вплоть до IV в. н.э. Стоит отметить, что в памятниках булан-кобинской культуры сяньбийско-жужанского времени находки зеркал являются большой редкостью. Они представлены в основном неопубликованными артефактами из могильников Айрыдаш-I (2 экз.), Балыктыюль

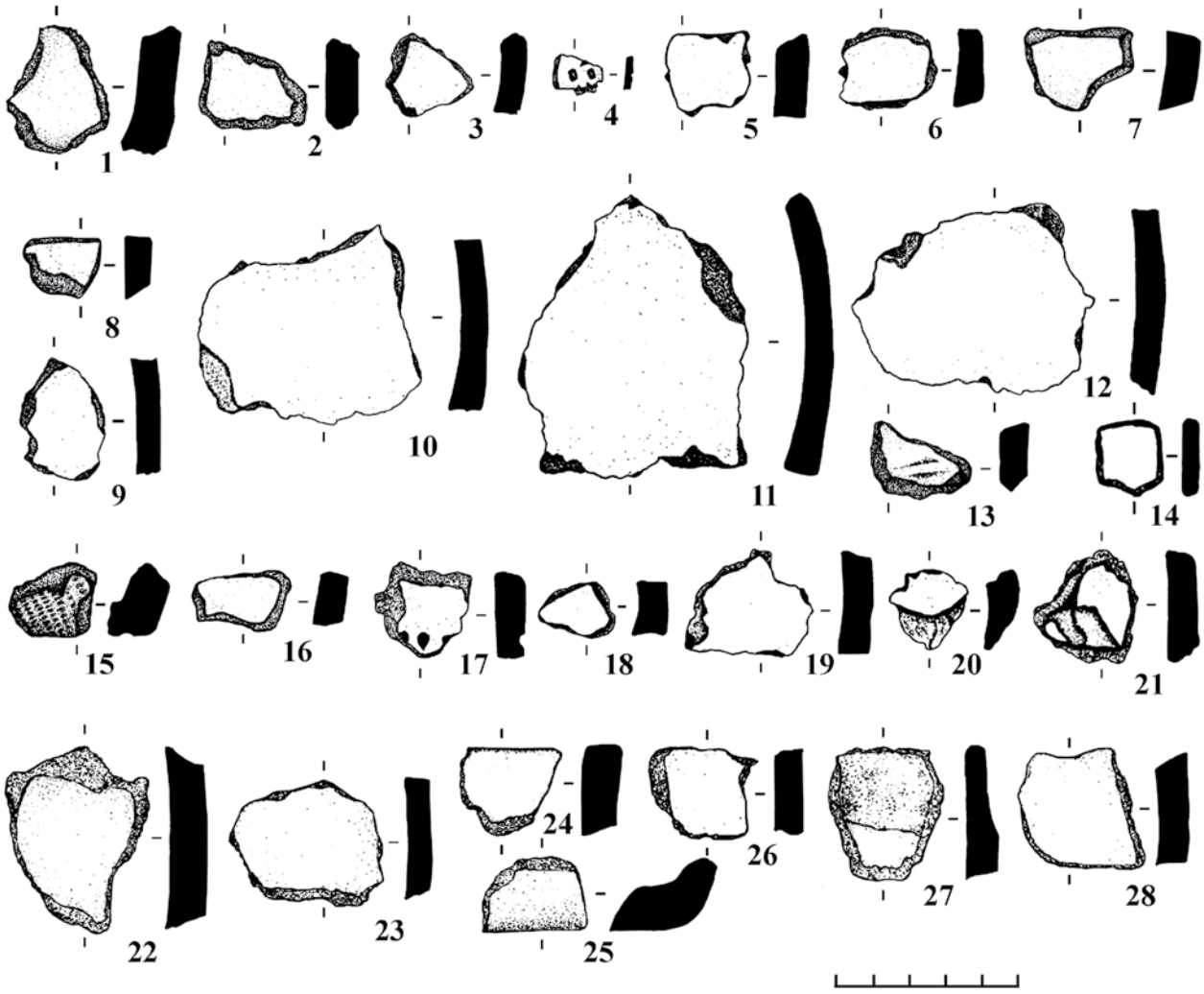

Таблица 44. Фрагменты керамической посуды из комплекса Степушка-2: объекты №23 (1, 2), №28 (3–6), №31 (7), №35 (8), №36а (9–12), №37 (13), №40 (14), №41 (15, 16), №46 (17, 18), №47 (19–21), №48 (22–28) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 64.-1, 2; 77.-1–4; 82.-3; 95.-В; 98.-1–4; 101.-5; 108.-4; 114.-13, 14; 124.-4, 5; 125.-В, Г, Д; 130.-5–11]

(1 экз.), Белый Бом-II (1 экз.), Булан-Кобы-IV (1 экз.), Кок-Паш (2 экз.?) [Мамадаков, 1990б, рис. 20.-7; Серегин, Матренин, 2017].

Косметическая щеточка. В погребальном объекте №10 комплекса Степушка-2, содержащем захоронение девочки-подростка, в области пояса найдена костяная ручка гигиенической щетки. Изделие размерами 10,3×1,0×0,7 см украшено поясками и резными линиями. На одном конце рукояти просверлены три сквозных отверстия, имеющих сужающийся диаметр от 0,4–0,3 см до 0,2 см. Противоположный конец оформлен в виде зооморфного навершия, изображающего голову какого-то животного (табл. 46.-*2*). Похожие по конструкции косметические щеточки с различным орнаментом обнаружены на Алтае в памятниках булан-кобинской культуры III–V вв. н.э. (Айрыдаш-I, Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон), а также на городищах майминской культуры (Нижний Чепош-3, Курлап) [Глоба, 1983, табл. V.-1, 2; Мамадаков, 1990б, рис. 23.-1; 28.-3; 37.-4; Соенов, Эбель, 1992, рис. 42.-13; Соенов В.И., Трифанова, Константинов, Константинова, Соенов Д.В., 2011, с. 31, рис. 50.-2]. За пределами рассматриваемого региона такие предметы известны в материалах кокэльской культуры Тувы и таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины [Грач, 1960, рис. 37; Вадецкая, 1999, с. 272; Готлиб, 2007, рис. 23.-1]. Данные предметы происходят в основном из женских погребений.

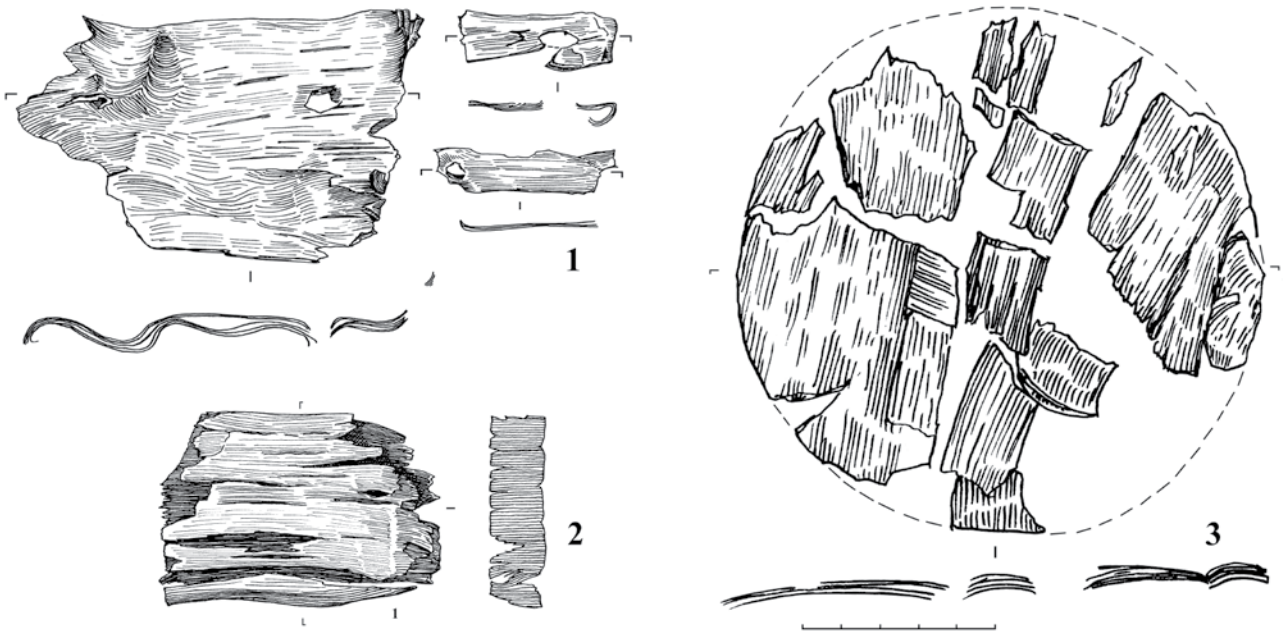

Таблица 45. Фрагменты берестяного футляра, берестяная «подставка», деревянное изделие из комплекса Степушка-I: курганы №19 (1), №24 (2, 3) (*1, 3 – береста; 2 – дерево*)

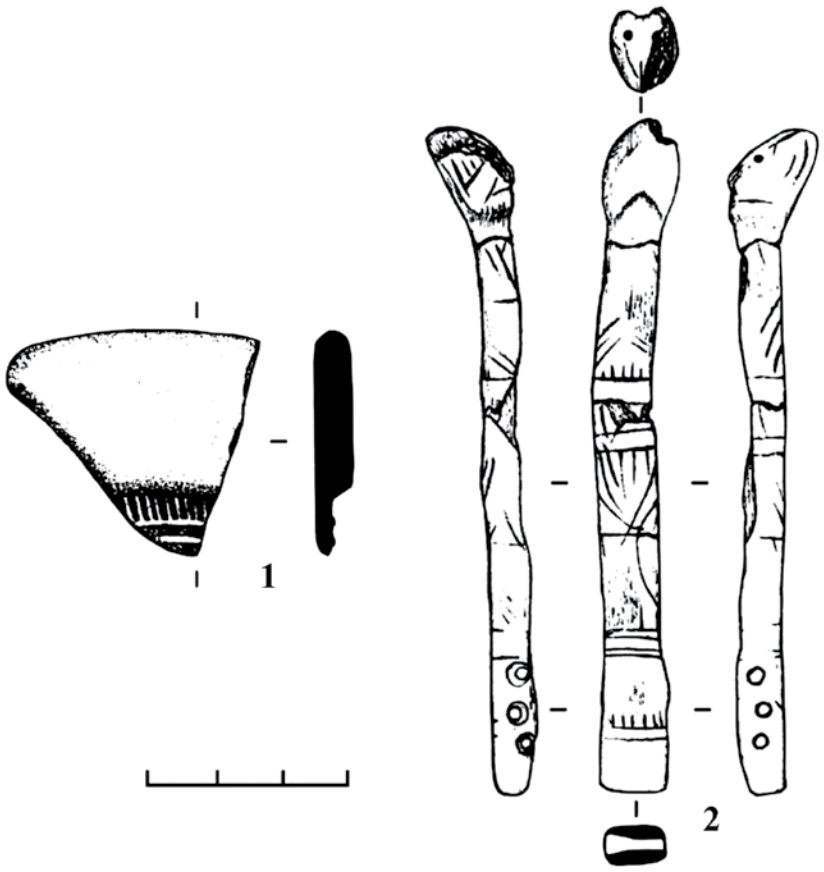

Таблица 46. Бронзовое зеркало и костяная щеточка из комплекса Степушка-2: 1 – объект №8; 2 – объект №2 [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 6.-7; 25.-8]

Украшения

Украшения являются массовым предметным комплексом, обнаруживаемым в погребениях Алтая сяньбийско-жужанского времени. На сегодняшний день многие категории данных изделий, выполненные из металла (серьги, бляхи, гривны, диадемы, подвески), рассмотрены на уровне обобщающих аналитических исследований [Трифанова, 2004а–б, 2005а–в, 2006а–б; Тетерин, 2001, 2005; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011; Худяков, 2014в]. Имеющиеся научные изыскания демонстрируют большую информативность декоративных элементов костюма для датировки памятников булан-кобинской культуры, изучения социальной структуры оставившего их населения, реконструкции контактов с народами других регионов Северной и Центральной Азии. Несмотря на достигнутый положительный опыт, актуальность сохраняет полноценное введение в научный оборот всех найденных разновидностей украшений и их междисциплинарное изучение с привлечением результатов исследования технологий изготовления предметов из металла, стекла, кости (рога) и минерального сырья.

В составе сопроводительного инвентаря раскопанного могильника представлена выразительная серия украшений, выполненных из металла (бронза, железо) и органических материалов (кость, рог, когти, минералы, стекло). В комплексе Степушка-I данные предметы идентифицированы в двух мужских (курганы №7, 19) и одном женском (курган №11) захоронениях. В комплексе Степушка-2 они присутствовали в пяти мужских (объекты №5, 26, 32, 34, 46), трех женских (объекты №7, 8, 37) и четырех детских (объекты №2, 18а, 20, 22) погребениях. Сохранившиеся артефакты относятся преимущественно к украшениям головы, прически, шеи, реже являются декоративными деталями верхней плечевой одежды.

Серьги найдены в комплексе Степушка-2: в мужском (объект №34 – 1 экз.) и детском (объект №22 – 2 экз.) погребениях в области черепа умерших людей. Все они сделаны из сплава на основе бронзы.

Крючковые серьги со щитком в виде плоской двойной концентрической спирали (табл. 48.-*1, 2*) являются производными от сяньбийских экземпляров конца I – начала III в. н.э. [Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, рис. 1.-15, 16, 20; 2.-16, 17; Яремчук, 2005, рис. 114.-1–3, 5, 9, 10; Ковычев, 2006, рис. 5.-25–27, 29]. На Алтае аналогичные изделия встречаются в могильниках Айрыдаш-I (6 экз.), Булан-Кобы-IV (1 экз.), Катанда-I (2 экз.), Курайка (1 экз.), Чендек (1 экз.), Улита (1 экз.) [Гаврилова, 1965, с. 13; Соенов, Эбель, 1992, с. 56–58; 1998, с. 135; Мамадаков, 1990б, рис. 28.-6, 8; Soenov, Trifanova, 2017, p. 129–130]. Относительная хронология таких серег для булан-кобинской культуры определяется в рамках середины III – V в. н.э. Похожая серьга обнаружена в Верхнем Приобье в захоронении IV–V вв. н.э. [Грязнов, 1956, табл. XLV]. В лесостепной регион она могла попасть с территории Алтая [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 58].

Серьга в виде сомкнутого кольца (табл. 48.-*3*) имеет широкий круг аналогий в археологических материалах от эпохи бронзы до этнографического времени [Тетерин, 2005, с. 52, 57–58, рис. 1.-35–44; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 44]. Похожие украшения происходят из погребений булан-кобинской культуры, датирующихся II – 1-й половиной IV в. н.э.: Айрыдаш-I (2 экз.), Бике-I (2 экз.), Карбан-I (2 экз.) [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 40.-17, 18; Трифанова, 2006б, рис. 3.-6].

Накосные украшения представлены 19 металлическими предметами из четырех женских (Степушка-I, курган №11 – 8 экз.; Степушка-2, объекты №7 – 4 экз., №8 – 3 экз., №37 – 3 экз.) и одного мужского (Степушка-I, курган №7 – 1 экз.) погребений. Они зафиксированы *in situ* в области черепа умерших людей. В отношении захоронения из кургана №11 комплекса Степушка-I сделан вывод, что волосы женщины были заплетены в две косы. На одной из них были закреплены три прямоугольных и два ромбических накосника, на другой – два прямоугольных накосника и две бляхи-подвески ромбической формы [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, с. 424].

Большинство изделий представляют собой небольшие пластины из бронзового сплава (13 экз.), реже железа (3 экз.), размерами 3,1–3,4×0,8–1,9 см, согнутые в дугу или полуобойму, с двумя сквозными отверстия на краях для пришивания к матерчатой либо кожаной основе. Четыре накосника декорированы полусферическими выступами и точечным орнаментом, нанесенным с внутренней стороны (табл. 47.-*1, 6–10*; 48.-*4–17*). На территории Алтая аналогичные украшения прически из цветного металла зафиксированы в могильниках II–V вв. н.э.: Айрыдаш-I, Бике-I, Верх-Уймон, Карбан-I, Улуг-Чолтух-I [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 31.-7, 8, 11, 37.-3, 6; Соенов, Эбель, 1992, рис. 26.-26, 27; Трифанова, 2006б, с. 106–109, рис. 22; Худяков, 2014в, рис. 4.-5, 6; 6.-21, 30; 7.-2].

К отдельному типу накосников из комплекса Степушка-I (курган №11) относятся две дуговидные пластины из цветного металла, имеющие ромбовидный абрис размерами 3,4–3,5×2,1 см (табл. 47.-*13, 15*). Данные предметы, по-видимому, сделаны из ромбовидных подвесок, которые встречаются в памятниках булан-кобинской культуры II–V вв. н.э. [Трифанова, 2006б, рис. 25.-1–13, 16–18].

Внимания заслуживает большой накосник (заколка) из кургана №11 комплекса Степушка-I, который использовался для фиксации основания прически в районе темени. Украшение выполнено из бронзовой пластины длиной 13 см, постепенно сужающейся к концам (максимальная ширина в центральной части – 2,8 см), согнутой в полукруг радиусом до 6,5 см. На концах предмета располагается по одному отверстию диаметром 0,3–0,4 см (табл. 47.-*2*). Похожая «заколка» обнаружена в погребении булан-кобинской культуры середины III – IV в. н.э. на могильнике Айрыдаш-I [Трифанова, 2006б, рис. 22.-19]. Происхождение этой разновидности накосных украшений на Алтае могло быть определенным образом связано с пластинами для диадем, которые найдены в погребениях III–IV вв. н.э. (Айрыдаш-I, Улуг-Чолтух-I) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Верх-Уймон) [Трифанова, 2006б, с. 122–125; Худяков, 2014в, рис. 4.-1; 5.-1; 6.-1; 7.-1]. В позднем захоронении жужанского времени на могильнике Яломан-II (курган №29) засвидетельствован случай, когда аналогичный предмет, сделанный из «золотой» пластины от диадемы, применялся для фиксации гривы лошади [Тишкин, Матренин, 2015]. Относительная хронология таких изделий на Алтае определяется в рамках III–V вв. н.э.

Диадема. В женском захоронении из объекта №8 комплекса Степушка-2 сохранилась в обломках железная пластина вытянуто-овальной формы, которая пришивалась к налобной повязке из материи или кожи (табл. 48.-*22*). Аналогичные элементы головных уборов из черного металла зафиксированы на Алтае в могильнике Айрыдаш-I [Трифанова, 2006б, рис. 9.-6, 7, 12, 13]. С учетом находок похожих бронзовых изделий из памятников Айрыдаш-I, Верх-Уймон, Улуг-Чолтух-I [Соенов, 2000а, рис. 2.-9; Трифанова, 2006б, рис. 9.-10, 11; Худяков, 2014в, рис. 4.-1; 5.-1; 6.-1] данную категорию украшений можно датировать в рамках III–V вв. н.э., возможно, не ранее середины III в. н.э.

Малые бляхи-нашивки насчитывают пять изделий из цветного металла, обнаруженных в трех женских захоронениях: Степушка-I, курган №11 (2 экз.); Степушка-2, объекты №7 (2 экз.), №37 (1 экз.). Они зафиксированы *in situ* в разных положениях: у головы, на шейных позвонках, у правого плеча, с правой стороны таза погребенных людей. Изделия имеют круглый корпус диаметром до 2 см с полусферическим выступом, плоские поля, декорированные небольшими выпуклинами-жемчужинами, пару симметрично расположенных отверстий для пришивания (табл. 47.-*16, 17*; 48.-*18, 21*). Данные украшения являются одним из важных «этнографических» элементов женского костюма кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Общее их количество в погребениях булан-кобинской культуры насчитывает сейчас более 350 экз. Похожие бляхи-нашивки в золотом исполнении появились на Алтае еще в скифо-сакское и хуннуское время. Они отражают связи кочевников Алтая с материальной культурой племен сарматского и, в большей степени, среднеазиатского

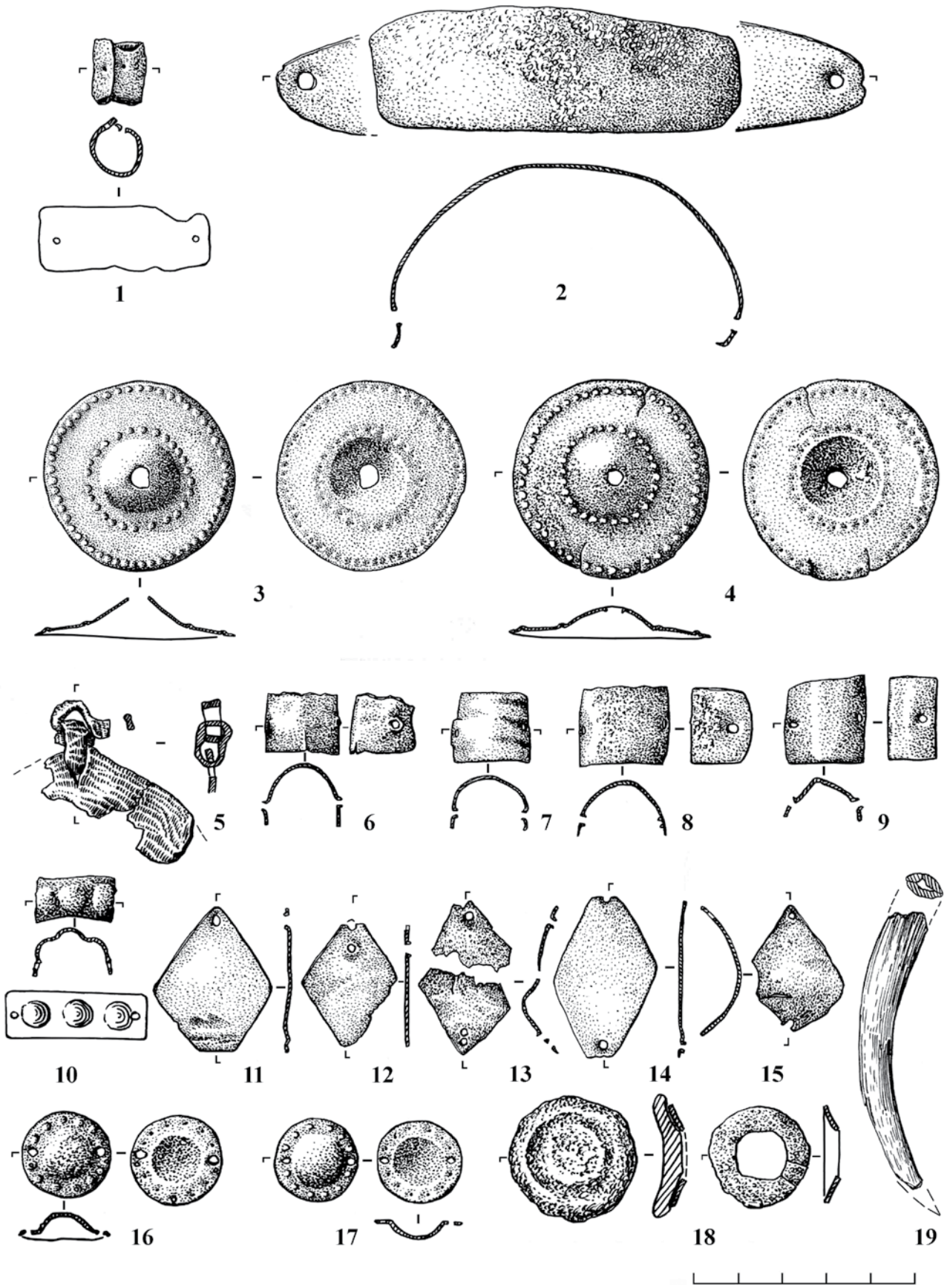

Таблица 47. Бронзовые накосные украшения, бляхи-нашивки, бляхи-подвески, биметаллическая бляха-накладка, клык-подвеска из комплекса Степушка-I: курганы №7 (1), №11 (2 – 18), №19 (19). *1–4, 6–17 – бронза; 5 – кожа; 18 – железо, бронза; 19 – коготь*

(раннекушанского) круга [Худяков, 1998а, с. 102, 110; Борисенко, Худяков, 2004б, с. 70; Тишкин, Горбунов, 2006, с. 113–114; Тишкин, 2007; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 8.-39–40; Тишкин, Матренин, 2011; и др.]. Экземпляры из могильника Степушка отличаются от ранних модификаций отсутствием у выпуклой центральной части бортика-углубления и наличием орнамента на полях. Хронологически значимые аналогии данным украшениям, правда из золота, представлены в раннесяньбийских материалах II–III вв. н.э. из Маньчжурии и Внутренней Монголии [Могильник Дундацзин…, 2004, рис. 5.-15, 16; Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци, 2004, рис. 11.-1; Худяков, Юй Су-Хуа, 2006, рис. 3.-6, 9, 12, 29]. На Алтае такие бляхи с орнаментом обнаружены в могильниках развитого (II – 1-я половина IV в. н.э.) и позднего (2-я половина IV – V в. н.э.) этапов булан-кобинской культуры: Бике-I, Айрыдаш-I, Улита, Верх-Уймон, Чендек, Булан-Кобы-IV, Улуг-Чолтух-I [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 31.-4–6; 37.-7–9; 40.-14, 19; 44.-6, 9; Мамадаков, 1990б, рис. 28, 30; Соенов, Эбель, 1992, рис. 13.-2–4; Трифанова, 2005б, с. 139–144; Худяков, 2014в, рис. 4.-8–13; 6.-17–29; 7.-3, 4].

Крупные бляхи-нашивки. В женском погребении №11 комплекса Степушка-I обнаружены две крупных круглых бляхи из цветного металла с выступом и отверстием в центре, широкими полями, орнаментированными выпуклинами-жемчужинами. Засвидетельствована ситуация, когда оба изделия крепились не на головной убор. Экземпляр диаметром 5,2 см с усеченно коническим выступом (табл. 47.-*3*) лежал на грудной клетке и фиксировался к верхней плечевой одежде с помощью кожаного ремешка, пропускавшегося через сквозное отверстие, один конец которого, возможно, завязывался в узелок, а другой пришивался к верхней плечевой одежде. Не исключено, что данный предмет выполнял функцию застежки. Вторая бляха (табл. 47.-*4*) диаметром 4,4 см с полусферическим выступом и отверстием в центре размещалась у правого плеча.

Данные бляхи являются относительно информативными в плане датировки. В качестве сравнения можно указать конструктивно аналогичные нашивные украшения (но без орнамента) на сопредельных территориях. Например, они найдены в Туве в некрополе Кокэль (КЭ-11), который датируется не ранее конца III в. н.э., а также в Минусинской котловине в склепе №6 памятника Уйбат-I, относящегося к более позднему времени, вероятно, к середине IV – V в. н.э. [Дьяконова, 1970, табл. XI.-44, 55; Вадецкая, 1999, табл. 82]. Подобные изделия найдены на Алтае в таких булан-кобинских комплексах, как Айрыдаш-I, Балыктыюль, Верх-Уймон, Улуг-Чолтух-I [Сорокин, 1977, рис. 5.-12; Трифанова, 2006а, с. 12, 16, 20; Худяков, 2014в, рис. 6.-2; 7.-7]. Похожая бляха, но с двумя отверстиями на полях, происходит из памятника Булан-Кобы-IV [Мамадаков, 1985, рис. 4.-2]. Период бытования рассматриваемых украшений у населения булан-кобинской культуры приходится на III–V вв. н.э. с большой вероятностью нижней хронологической границы около середины III в. н.э.

Бляхи-подвески найдены в двух женских захоронениях: Степушка-I, курган №11 (3 экз.); Степушка-2, объект №7 (3 экз.). Они выполнены из цветного металла и представляют собой прямые пластины ромбовидной формы (размеры 3,5–3,6×2,3–2,5 см) с отверстием для пришивания (табл. 47.-*11, 12, 14*; 48.-*12–14*). Размещение данных изделий в погребениях варьировало: за головой (крепились к какой-то матерчатой основе, например, к ленте или шнурку, которые вплетались в косу либо фиксировались на корпус накосника), на шейных позвонках, на левом плече. Бляхи имели следы длительной эксплуатации, в том числе в виде сломанных отверстий. Аналогичные украшения на территории Алтая датируются II–V вв. н.э. В известных нам материалах булан-кобинской культуры ромбовидные бляхи-подвески, как правило, фиксировались на повязку, надеваемую на голову или поверх головного убора [Трифанова, 2006б, с. 109–110].

Бляха-накладка. В мужском погребении из объекта №32 комплекса Степушка-2 у правого бедра найдена бронзовая полусферическая бляха-заклепка круглой формы

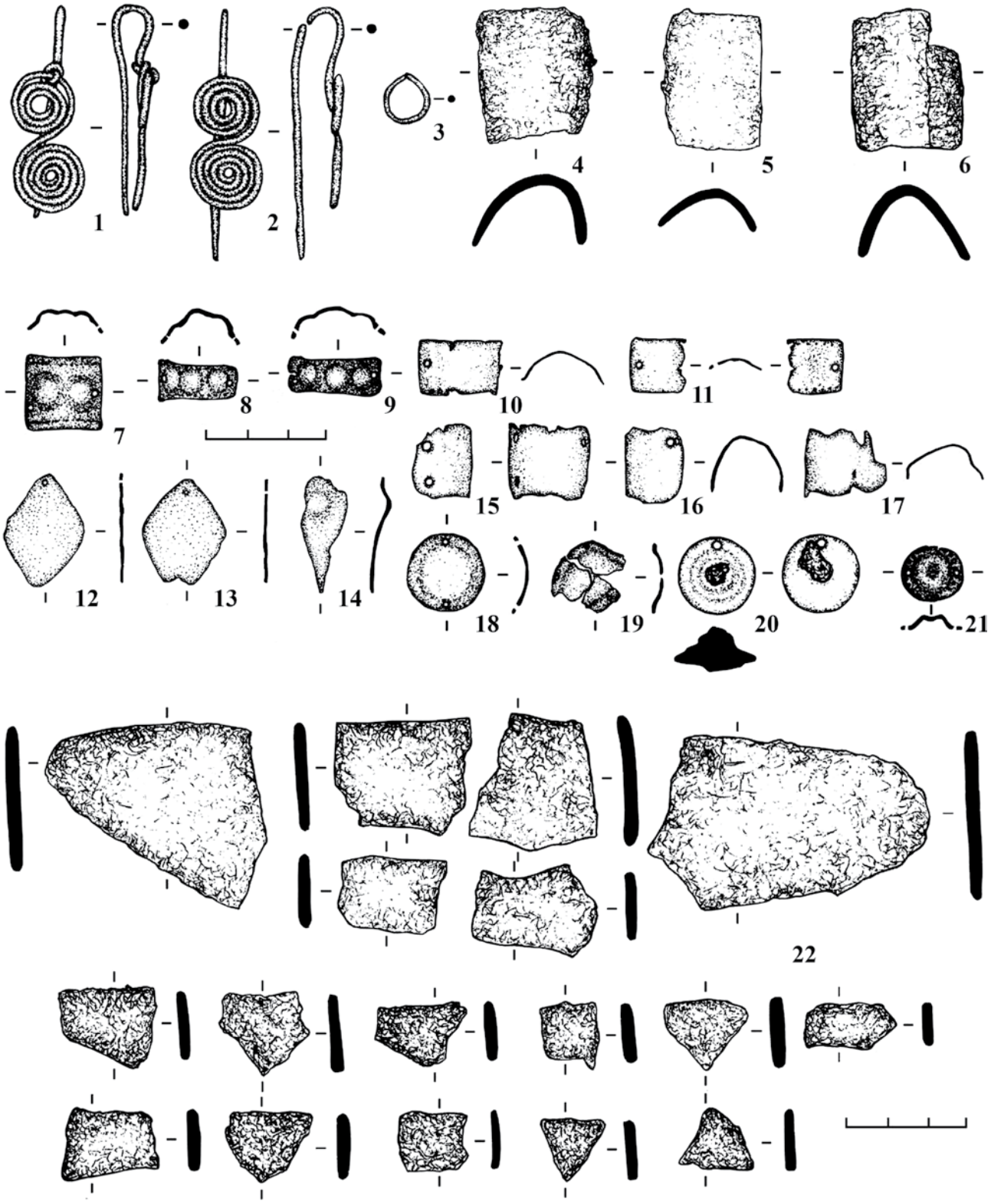

Таблица 48. Бронзовые серьги, бляхи-нашивки, бляхи-подвески, бронзовые и железные накосники, бронзовые бляхи-нашивки, бляхи-подвески, бляха-накладка, бронзовые и железные накосники, железная диадема из комплекса Степушка-2: объекты №22 (1, 2), №7 (10–19), №8 (4–6, 22), №32 (20), №34 (3), №37 (7–9, 21) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 5]. *1–3, 7–19, 21 – бронза; 20 – бронза, железо; 4–6, 22 – железо*

с остатками железного стержня в центре изделия (табл. 48.-*20*). Данный предмет имеет датированные аналогии среди уздечных блях в закрытых комплексах булан-кобинской культуры 2-й половины IV – V в. н.э.: Берель, Кок-Паш, Яломан-II (центральная группа) [Матренин, Тишкин, 2016б; Матренин, 2018в, рис. 1.-10–14, 16–23, 29–41].

Двусоставная бляха зафиксирована в женском погребении из комплекса Степушка-I (курган №11) на груди рядом с крупной бляхой-нашивкой. Украшение состояло из железной монолитной основы диаметром 2,9 см и бронзового «диска-шайбы»* диаметром 2,3 см с выпуклым корпусом (табл. 47.-*18*). Способ крепления изделия к матерчатой или кожаной основе не ясен, так как из-за сильной коррозии не просматриваются остатки шпенька и отверстий. Аналогии данному предмету не известны. На Алтае похожие железные бляхи-накладки встречаются в составе поясных гарнитур II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 64, 73].

Украшения из цветного металла, найденные в комплексе Степушка-I, были проанализированы на предмет химического состава сплавов. Вещи исследовались на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ с помощью спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Данная процедура проводилась в аналитическом режиме. Для двух изделий тестирование осуществлялось дважды в разных местах.

Полученные результаты демонстрируют специфический набор показателей, характеризующих различные сплавы на медной основе.

Наименование изделия	Cu (медь), %	Sn (олово), %	Pb (свинец), %	As (мышьяк), %	Ni (никель), %	Sb (сурьма), %	Fe (железо), %
Степушка-I, курган №7							
Накосник прямоугольный гладкий (табл. 47.-*1*)	85,16 95,93	4,13 4,04	10,2 9,38	0,39 0,48	0,12 0,11	– –	– 0,06
Степушка-I, курган №11							
Большой «накосник-заколка» (табл. 47.-*2*)	96,47	2,34	0,8	0,31	0,08	–	–
Крупная «бляха-нашивка» (табл. 47.-*3*): лицевая сторона тыльная сторона	90,8 94,2	2,34 2,18	6,67 3,57	– –	0,05 –	– –	0,19 –
Крупная «бляха-нашивка» (табл. 47.-*4*): лицевая сторона тыльная сторона	97,09 97,01	0,45 0,31	0,71 0,79	0,85 0,79	0,11 0,11	0,79 0,99	– –
Накосник прямоугольный гладкий (табл. 47.-*6*)	85,01	11,45%	2,45	0,92	0,09	–	0,08
Накосник прямоугольный гладкий (табл. 47.-*7*)	94,07	3,61	0,44	1,79	0,09	–	–
Накосник прямоугольный гладкий (табл. 47.-*8*)	98,38	–	0,61	–	0,08	–	–
Накосник прямоугольный гладкий (табл. 47.-*9*)	97,91	1,33	0,65	–	0,11	–	–

* Изделие имеет сильный окисел, поэтому полученный результат может больше претендовать на установление качественного, а не количественного состава.

Наименование изделия	Cu (медь), %	Sn (олово), %	Pb (свинец), %	As (мышьяк), %	Ni (никель), %	Sb (сурьма), %	Fe (железо), %
Накосник прямоугольный с выпуклинами (табл. 47.-*10*)	85,6	12,33	1,01	0,92	–	–	0,14
Накосник ромбовидный, треснувший почти пополам (рис. 47.-*13*)	92,84	3,5	2,34	1,2	0,07	–	0,05
Накосник ромбовидный, с обломанным краем (табл. 47.-*15*)	91,46	3,51	4,36	0,52	0,09	–	0,06
Бляха-подвеска ромбовидная (табл. 47.-*11*)	98,43	0,45	0,68	0,33	0,11	–	–
Бляха-подвеска ромбовидная (табл. 47.-*12*)	93,7	5,2	0,49	–	0,09	–	–
Бляха-подвеска ромбовидная (табл. 47.-*14*)	96,72	1,14	2,07	–	0,07	–	–
Малая «бляха-нашивка» (табл. 47.-*16*)	85,52	13,75	0,58	–	–	–	0,15
Малая «бляха-нашивка» (табл. 47.-*17*)	79,51	17,95	1,79	0,44	0,06	–	0,25
«Диск-шайба» от комбинированной бляхи (табл. 47.-*18*)	73,49	15,32	4,56	–	0,17	–	0,17

Представленные материалы демонстрируют отличие набора искусственных лигатур бронзовых сплавов населения Алтая II–V вв. н.э. от местного бронзолитейного комплекса предшествующего хуннуского периода. Украшения из курганной группы Степушка-I в основном обнаруживают сходство с выкладками по химическому составу цветного металла, полученными для могильников булан-кобинской культуры Айрыдаш-I и Верх-Уймон [Соенов, Константинова, 2015, с. 214]. В заключение необходимо отметить, что накопленная к настоящему моменту серия изделий из цветного металла, обнаруженных при раскопках других погребальных памятников Алтая II–V вв. н.э., практически не исследована. Данное обстоятельство актуализирует продолжение изучения цветной металлургии кочевников булан-кобинской культуры.

Подвески из зубов и когтей. В мужском погребении из кургана №19 комплекса Степушка-I по середине грудной клетки зафиксирован обломок когтя животного (табл. 47.-*19*). В погребении мужчины из объекта №5 комплекса Степушка-2 в районе пояса обнаружен коготь со сквозным отверстием (табл. 49.-*33*). В погребении девочки-подростка из объекта №2 комплекса Степушка-2 в области шеи, между костями рук, ребрами, а также в районе таза обнаружено шесть подвесок из зубов марала (табл. 49.-*24–30*). Украшения из зубов, когтей животных и птиц в погребальных памятниках Алтая сяньбийско-жужанского времени являются большой редкостью [Глоба, 1983, с. 117, 120; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 61, 74; Соенов, Эбель, 1992, с. 26; 1998, рис. 2.-4; Соенов, 2005, 2017, рис. 9.-2; Трифанова, 2006б, с. 110–111, рис. 23; Киреев, Штанакова, Моносов, 2012, с. 88].

Костяные подвески, пронизи. Две костяные подвески, декорированные насечками, точным и циркульным орнаментом, обнаружены в детском захоронении из объекта №2 комплекса Степушка-2 (табл. 49.-*31, 32*). Изделия располагались у правого локтя и у правого тазового крыла. Точные аналогии данным украшениям в памят-

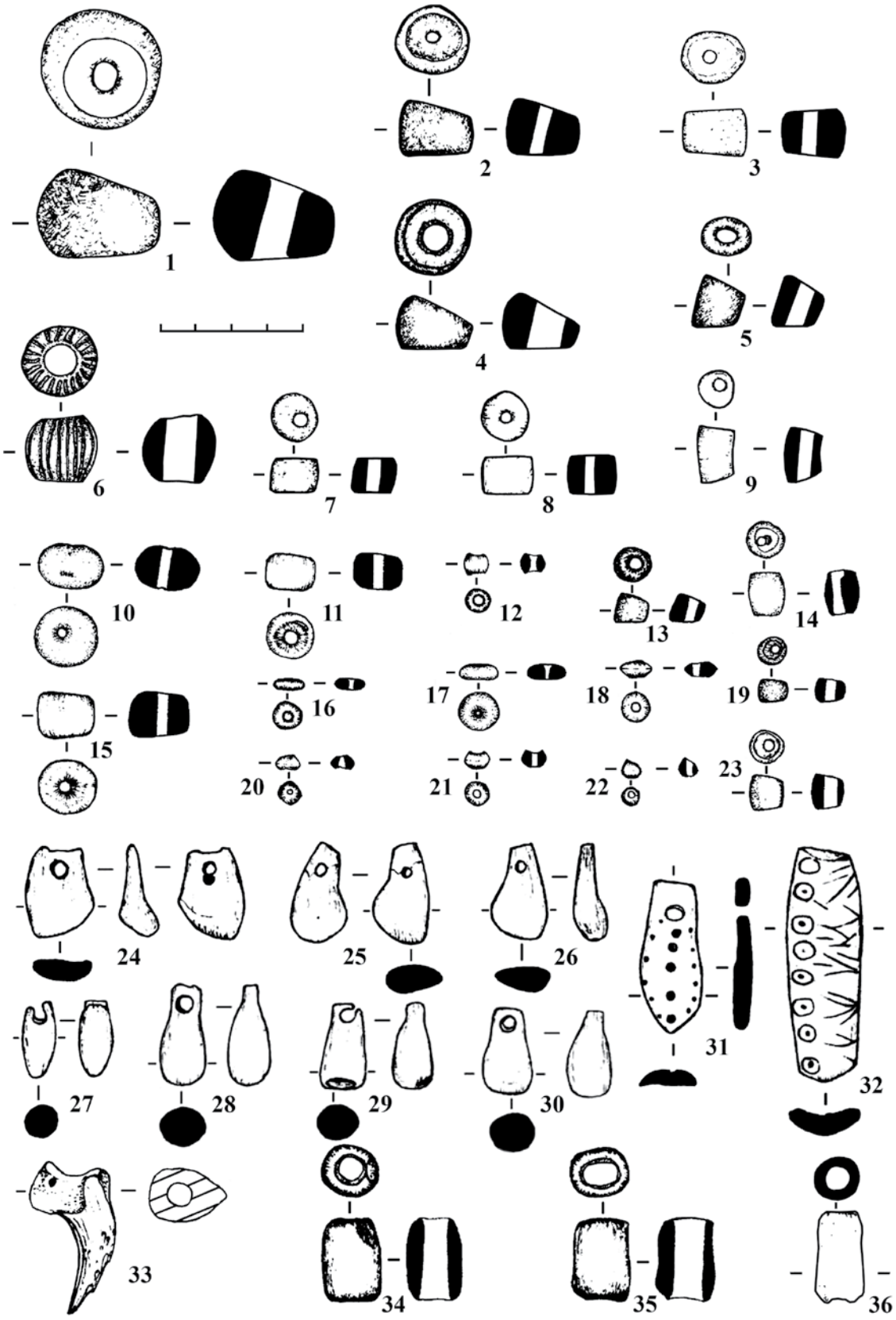

Таблица 49. Каменные и стеклянные бусы, подвески из кости, зубов и клыков, костяные пронизи из комплекса Степушка-2: объекты №2 (24–32), №5 (33), №7 (10–12, 15–22), №18а (13), №20 (3, 6–9, 14), №22 (19, 23), №26 (1), №30 (36), №32 (4, 34, 35), №34 (2), №46 (5) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 5; рис. 20.-5; 81.-5; 85.-17, 18, 20].
1–5, 13, 14, 19, 23 – камень; 6–12, 15–22 – стекло; 24–30 – клыки; 33 – коготь; 31, 32, 34–36 – кость

никах Алтая сяньбийско-жужанского времени пока не известны, хотя стиль их орнаментации встречается на предметах косторезного дела булан-кобинской культуры [Глоба, 1983, табл. V.-6; Мамадаков, 1985, рис. 4.-4–7]. Костяные пронизи представлены тремя экземплярами из комплекса Степушка-2. Они найдены в погребении юноши справа от тазовых костей (объекта №30) и в захоронении взрослого мужчины с правой стороны ребер (объект №32) (табл. 49.-*34–36*). Данные предметы использовались, по-видимому, для декорирования ремней или шнуров. Похожие изделия в памятниках булан-кобинской культуры единичны [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 18.-10].

Бусы насчитывают 23 изделия из комплекса Степушка-2. Они найдены в трех мужских (объекты №26 – 1 экз.; №32 – 1 экз.; №34 – 1 экз.), двух женских (объекты №7 – 10 экз.; №8 – 1 экз.), трех детских (объекты №18а – 1 экз.; №20 – 6 экз.; №22 – 2 экз.) захоронениях. Бусы располагались преимущественно в области головы и шеи (входили в состав ожерелий и украшений ворота верхней плечевой одежды)*, иногда на ребрах и у тазовых костей (в качестве украшения сумочки) погребенных людей [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 45]. Среди них 12 предметов выполнены из минералов, 11 – из стекла (табл. 49.-*1–23*). Для многих экземпляров трудно выявить морфологические особенности, которые позволяют четко классифицировать их на отдельные типы. В памятниках Алтая сяньбийско-жужанского времени бусы являются массовым археологическим материалом. Крупная стеклянная бусина с рельефным корпусом (табл. 49.-*6*) имеет аналогии в памятниках булан-кобинской культуры III–V вв. н.э.: Айрыдаш-I – 5 экз.; Бике-I – 1 экз.; Кок-Паш – 1 экз.; Улита – 1 экз. [Трифанова, 2006, рис. 12.-1; 13.-2, 4, 5, 18, 24, 36]. Остальные изделия широко встречаются в могильниках Алтая II–V вв. н.э. (Айрыдаш-I, Бике-I, Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Бош-Туу-I, Верх-Уймон, Карбан-I, Кок-Паш, Курайка, Чендек) [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 28.-2; 44.-8; 46.-12; Мамадаков, 1990б, рис. 28.-5, 9, 14, 15; 30; 38.-11; 65.-3–11, 16; 66.-8; Соенов, Эбель, 1992, рис. 4, 10, 13, 18, 26; 1998, рис. 2.-2, 3; 3.-3; 13.-2; 17.-2; 18.-3; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 43.-16]. В заключение отметим, что для датировки бус необходимо проведение комплексного естественно-научного изучения данной категории предметов из памятников Алтая [Тишкин, Хаврин, 2004; Тишкин, Хаврин, Френкель, 2007; Соенов, Константинова, 2015, с. 57–60, 178–179, табл. 1].

Проанализированные категории погребального инвентаря являются информативным источником для определения хронологии раскопанных объектов, а также для реконструкции различных аспектов жизнедеятельности населения Алтая в сяньбийско-жужанское время.

* Существует мнение, что крупные бусины, находящиеся на шейных позвонках и груди погребенных, являлись подвесками «гривен», которые могли быть выполнены из лозы или прутьев [Тетерин, 2001, с. 109].

ГЛАВА IV

ДАТИРОВКА, ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СТЕПУШКА

4.1. Относительная и абсолютная хронология объектов

За 2-ю половину XX – начало XXI в. на Алтае был получен обширный корпус археологических источников по сяньбийско-жужанскому времени, представленный результатами раскопок погребений булан-кобинской культуры. На сегодняшний день эти материалы еще не подвергнуты комплексному хронологическому исследованию. Недостаточная разработанность данного аспекта обусловлена неоднозначностью относительного и абсолютного датирования памятников хунну и сяньби, выступающих в качестве эталона при хронологической интерпретации культур Северной и Средней Азии конца I тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. н.э. Необходимо указать на отсутствие специальных исследований в области выделения узких хронологических индикаторов предметов материальной культуры II–V вв. н.э. и их корреляции на массовых сериях в разных регионах Восточной Евразии. Данную картину дополняет выборочная публикация синхронных и близких по времени археологических памятников с территории Тувы, Восточного Забайкалья, Синьцзяна, Внутренней Монголии и Маньчжурии.

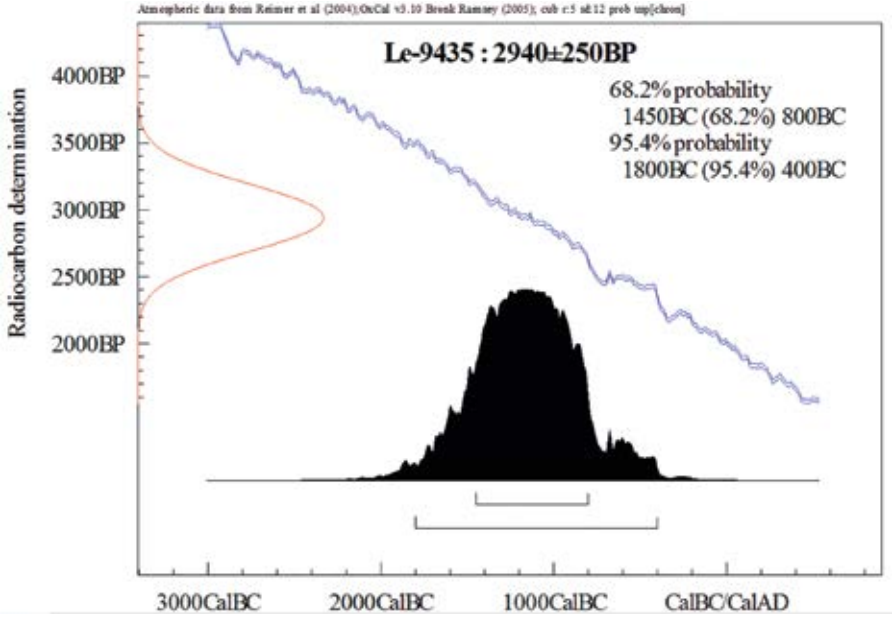
В настоящий момент обозначены основные этапы развития булан-кобинской культуры и получены определенные результаты радиоуглеродного анализа органических материалов в разных научных центрах [Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160–161; Тишкин, 2006, с. 28–31; 2007, с. 175–179; 2010; 2017; 2018; Panyushkina, Sljusarenko, Bikov, Bogdanov, 2007; Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008; Тишкин, Матренин, 2013в, 2017б; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 159–161, 172]. Несмотря на это, по-прежнему остается открытым вопрос о позиции отдельных памятников в рамках выделенных интервалов, а также микрохронология некрополей с большим количеством погребений. Актуальной является ревизия археологического возраста некоторых могильников рассматриваемой общности в контексте «короткой» хронологии.

С учетом вышесказанного корреляция результатов относительной хронологии с показателями естественно-научного датирования материалов полностью раскопанного некрополя Степушка представляется важным опытом в решении обозначенной задачи. Значимость такой работы определяется ограниченностью качественных образцов для подобного рода изысканий из многих могильников сяньбийско-жужанского времени, изученных в 1980–1990-е гг. (в антропологические коллекции попадали «не полные» скелеты, представленные в основном черепами, дополняющиеся в редких случаях другими костями; остеологический материал лошадей на хранение не поступал).

В большинстве погребений комплекса Степушка-I обнаружен массовый вещественный материал, информативный для археологического датирования. В результате типологии сопроводительного инвентаря удалось установить хронологические индикаторы разного уровня [Матренин, 2011; 2012; 2013а; 2016; 2017; 2018в; Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014; Тишкин, Матренин, 2010; 2012; 2013а; 2018; Матренин, Тишкин, 2016а–б; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, 2012а]. Изучение взаимной встречаемости данных изделий позволило выделить группу «эталонных» объектов на разных участках могильника, относительная хронология которых подтверждалась показателями радиоуглеродного анализа органического материала [Тишкин, Матренин, 2013в; 2017б; Тишкин, 2018][*].

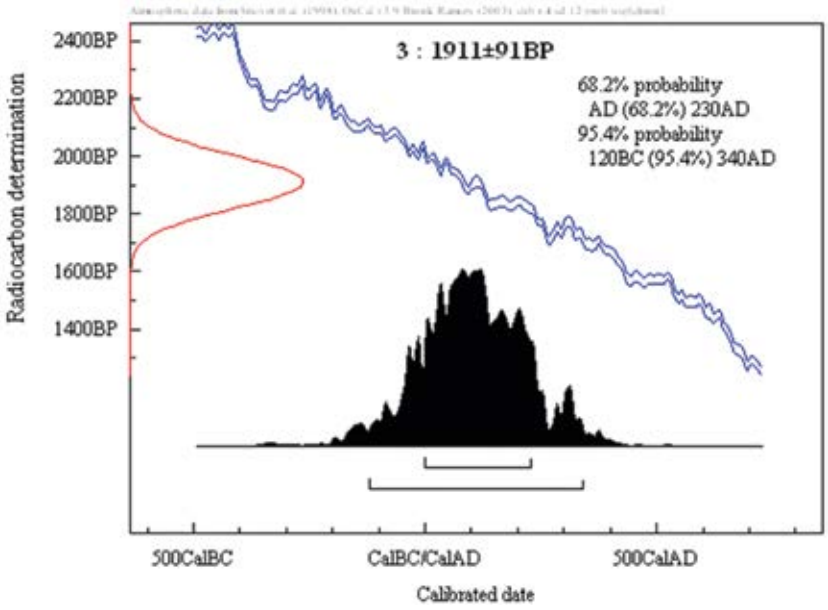
Курган №5 располагался на северном участке комплекса Степушка-I (табл. 50). В погребении обнаружен сопроводительный инвентарь с хронологическими индикаторами IV–V вв. н.э. (ножны боевого ножа с витой цепочкой) (рис. 29.-*1, 2*), 2-й половины III – V в. н.э. (колчанный крюк с поперечной планкой, портупейная пряжка с подвижным язычком на вертлюге, Т-образной рамкой и длинным пластинчатым щитком) (рис. 29.-*4, 5*), III–V вв. н.э. (лук со срединными боковыми накладками трапециевидной формы) (рис. 30). Остальные предметы (рис. 31; 32.-*1–4*) (железные трехлопастные наконечники стрел с асимметрично-ромбическим пером, поясная пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и пластинчатым щитком, железные бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, железные соединеннокрюковые удила с петельчатыми окончаниями звеньев, роговые псалии) характерны для II–V вв. н.э.

Остеологический материал от лошади, проанализированный в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН (образец Ле-9435), дал нечеткие выкладки, что, возможно, было обусловлено «нечистотой» пробы (кости соприкасались с деревянной внутримогильной конструкцией или другие проблемы).

Изучение повторно отобранного археозоологического образца (ИМКЭС-14С999) в лаборатории Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН (Томск) продемонстрировало показатели, укладывающиеся в календарный интервал 2-й половины III – 1-й половины IV в. н.э.: радиоуглеродный возраст – 1911±91, калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) – 0–230 AD; по 2δ (sigma) (95,4%) – 120BC– 340 AD.

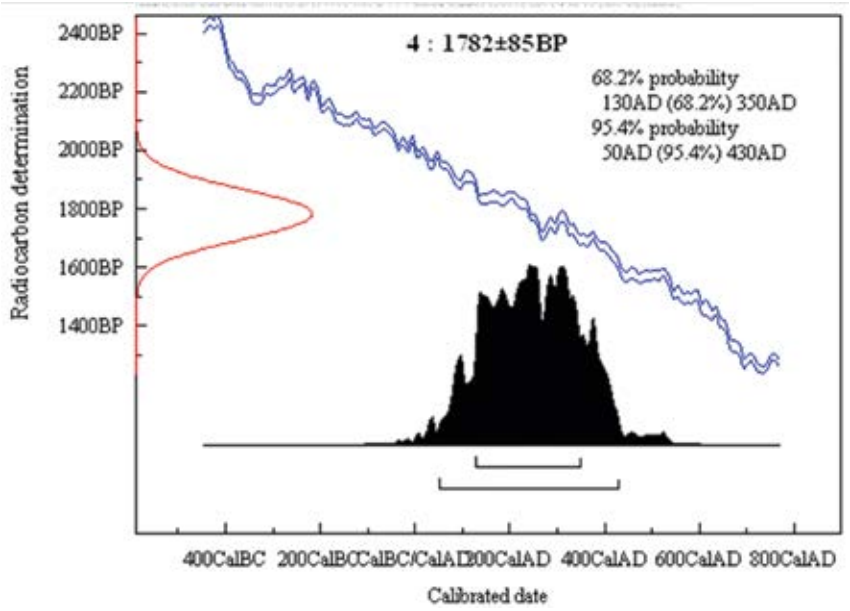
[*] Отбор проб осуществлялся авторами с учетом качественного и количественного состава сопроводительного инвентаря, специфики размещения объектов на территории памятника, а также фиксируемых для них различий в устройстве погребальных сооружений и способов захоронения. Исследование образцов проводилось специалистами лабораторий Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), а также Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (Томск).

С учетом наиболее «молодых» предметов курган №5 можно датировать 1-й половиной IV в. н.э.

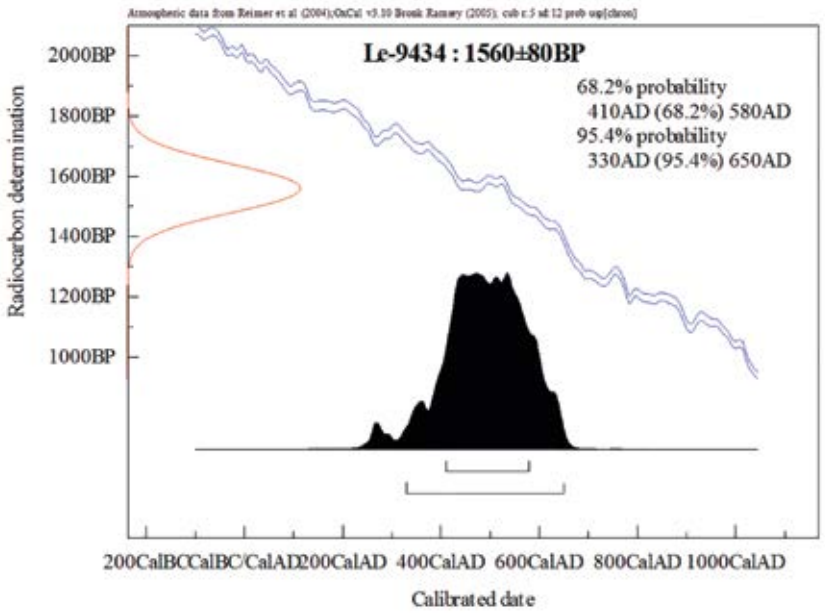
Курган №7 находился в центральной части комплекса Степушка-I (табл. 50). В захоронении присутствовал набор изделий, в котором наиболее поздними являлись удила с малокрючными окончаниями звеньев (рис. 46.-*7*), характерные для 2-й половины III – V в. н.э. Другие категории изделий датируются в более широком диапазоне: III–V вв. н.э. (лук с роговыми срединными боковыми накладками трапециевидной формы, костяной наконечник стрелы со скрытой втулкой и круглым пером килевидной формы) (рис. 46.-1–6; 48.-11) и II–V вв. н.э. (железные трехлопастные наконечники стрел, среди которых уверенно идентифицируется экземпляр с асимметрично-ромбическим пером, железные боевые и бытовые ножи, поясная и подпружная пряжки из железа с подвижным язычком, овальной рамкой, щитком-полуобоймой и без него, бронзовый накосник из плоской пластины небольшого размера) (рис. 46.-*8*; 48.-*1, 4, 7, 9, 10, 12*).

Результаты радиоуглеродного анализа некондиционных костей лошади в лаборатории Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН (Томск) (образец ИМКЭС 14С991): δ1 (68,2%) – 130–350 AD; δ2 (95,4%) – 330–430 AD позволяют сузить хронологию данного объекта в рамках IV – начала V в. н.э.

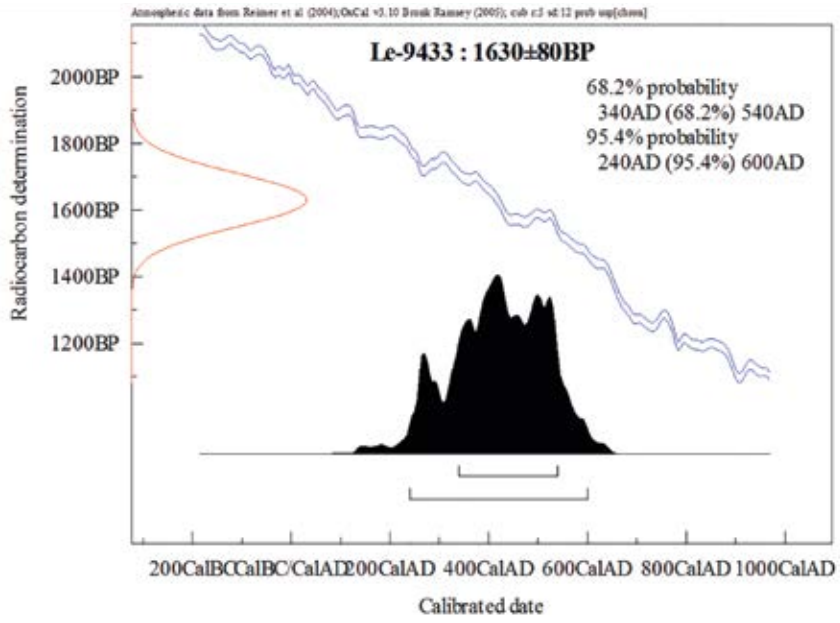
Курган №11 являлся самым крайним с юга в цепочке объектов, обозначенной как ряд VI (табл. 50). Сопроводительный инвентарь данного закрытого комплекса включал украшения и предметы снаряжения, датирующиеся в рамках III–V вв. н.э.: бронзовый накосник-заколка большого размера, бронзовые крупные бляхи с выступом и отверстием в центре, железная пряжка с длинным подвижным язычком и коротким щитком-полуобоймой (рис. 64.-*1, 2, 4*; 65.-*15*).* Остальные предметы (бронзовые накосники из плоских и дуговидных пластин небольшого размера, малые полусферические бляхи-нашивки, ромбовидные бляхи-подвески, железная бляха с бронзовой «шайбой», железный коротколезвийный нож) (рис. 65.-*1–14*) существуют на протяжении II–V вв. н.э.

Показатели радиоуглеродного исследования костей человека (образец Ле-9434) позволяют сузить археологический возраст погребения в рамках 2-й трети IV – 1-й четверти V в. н.э.

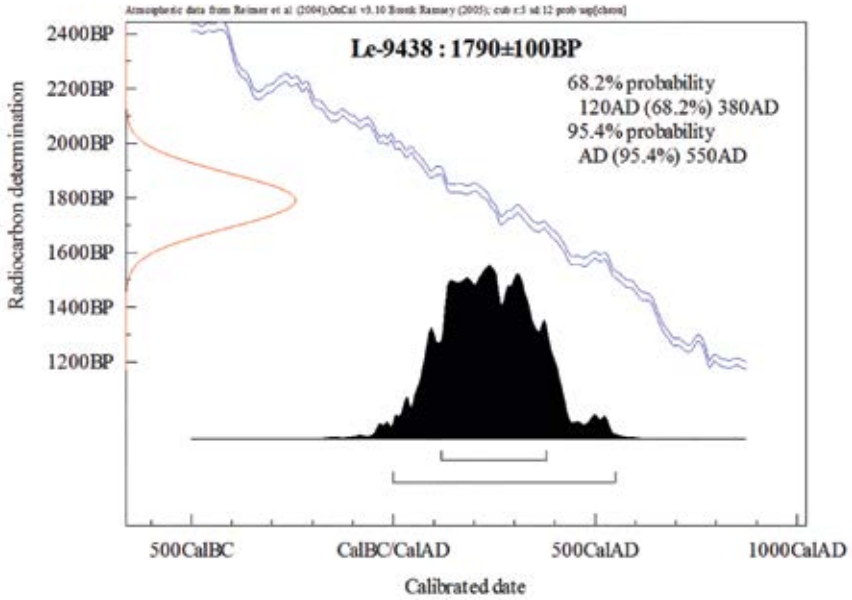
Курган №13 находился в центральной части комплекса Степушка-I, крайним с юга в цепочке объектов, обозначенной как ряд VII (табл. 50). В захоронении найден вещевой комплекс, содержащий хроноиндикаторы IV–V вв. н.э. (ножны с цепочкой) (рис. 74.-*2–8*) и 2-й половины III – V в. н.э. (пряжка с арочной рамкой и длинным щитком, бронзовая секировидная бляха с неподвижным кольцом) (рис. 75.-*1, 2*). Другие зафиксированные предметы датируются в рамках III–V вв. н.э. (железные и бронзовые поясные бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы, бронзовая бляха-полуобойма без колец и прорезей) (рис. 75.-*7–18*) и II–V вв. н.э. (луки со срединными боковыми накладками дуговидной формы, железные трехлопастные наконечники стрел с асимметрично-ромбическим пером, боевой нож, колчанный крюк с простым окончанием язычка, железные поясные бляхи-накладки прямоугольной и трапециевидной формы, бронзовый «блок», железное тесло, костяная деталь рукояти плети) (рис. 73; 74.-*1, 9, 10–12*; 75.-*5, 6, 19–24*). Результаты радиоуглеродного анализа антропологического материала (образец Ле-9433): δ1 (68,2%) – 340–540 AD, δ2 (95,4%) – 240–600 AD дают основания скорректировать археологический возраст данного погребения в рамках 2-й трети IV – начала V в. н.э.

* Пряжка из данного погребения обнаруживает значительное сходство с аналогичными деталями гарнитур конца III – V в. н.э.

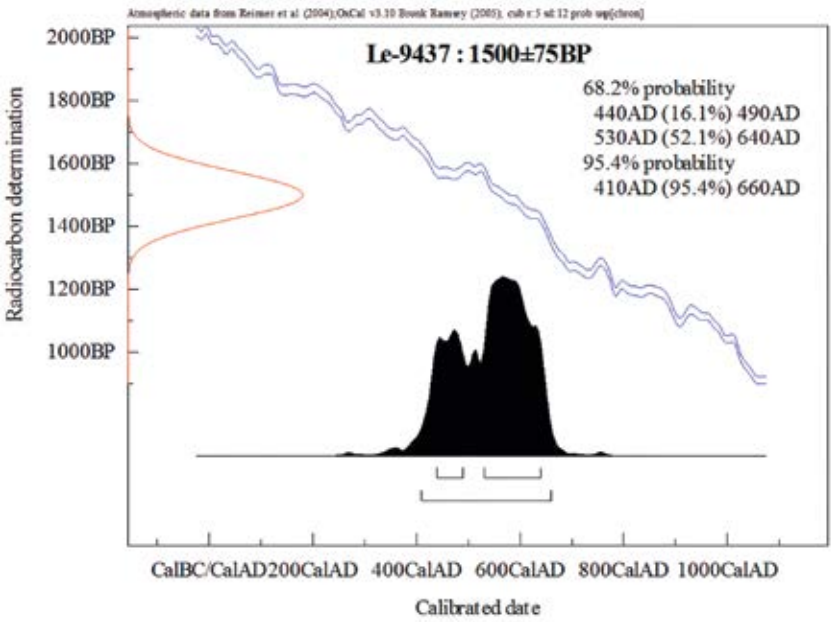
Курган №17 являлся самым крайним погребальным объектом на юго-восточном участке комплекса Степушка-I, не входящим в какую-либо цепочку (ряд) (табл. 50). Датировка захоронения археологическим методом определяется не ранее IV в. н.э. по присутствию в инвентаре боевого ножа в ножнах с витой цепочкой, наборного пояса, оснащенного железными пряжкой с неподвижным шпеньком и длинным щитком-полуобоймой, а также бляхами-зажимами, и, возможно, уздечных блях-накладок прямоугольной формы (рис. 93.-*3–7*; 95.-*2–8, 12*; 96.-*1*; 97.-*13, 17, 18–31* и др.). Остальные предметы характерны для середины III – V в. н.э. (железная портупейная пряжка с подвижным язычком на вертлюге и Т-образной рамкой, железный накладной наконечник язычковидной формы) (рис. 95.-*1*; 96.-*4*), III–V вв. н.э. (железные «блоки» с неподвижным щитком, фиксирующиеся с помощью шпеньков) (рис. 96.-*6, 7*) и II–V вв. н.э. (лук с роговыми накладками, в том числе со срединными боковыми дуговидной формы, железные трехлопастные наконечники стрел с ярусным, асимметрично-ромбическим, ромбическим, шестиугольным пером, колчанный крюк с простым окончанием язычка, соединеннокрюковые удила с петельчатыми окончаниями звеньев, снабженные дополнительными петлями без псалиев, коротколезвийный нож, шило) (рис. 93.-*1, 8–14*; 94; 96.-*2, 3, 5*).

Хронологию данного кургана в рамках IV – начала V в. н.э. подтверждают полученные радиоуглеродные выкладки по образцу костей человека (Ле-9438, некондиционный остеологический материал): δ1 (68,2%) – 120–380 AD, δ2 (95,4%) – 0–550 AD.

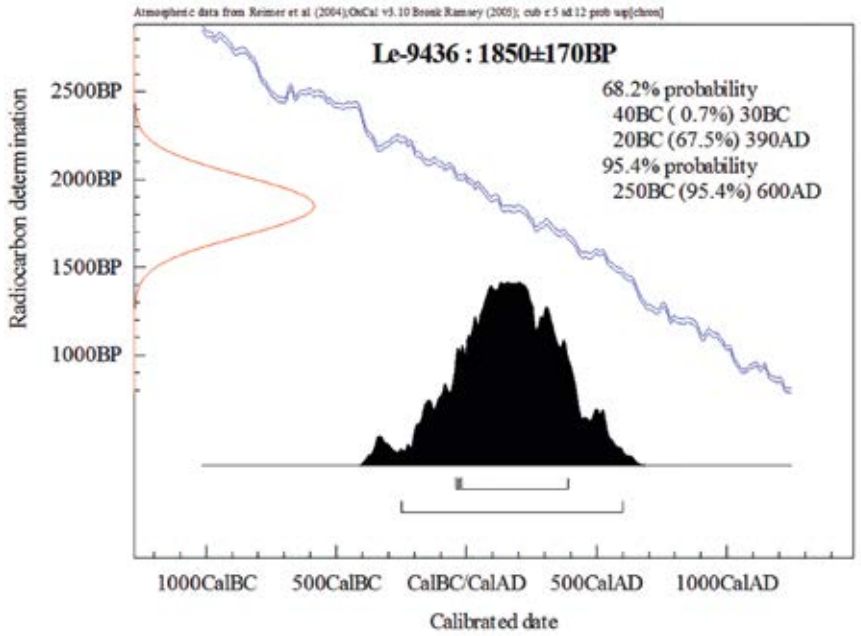
Курган №19 размещался на восточной окраине комплекса Степушка-I и входил в цепочку объектов, маркированную как ряд VIII (табл. 50). Датировка захоронения определяется 2-й половиной IV – началом V в. н.э. по взаимной встречаемости хронологически значимых изделий: бронебойные наконечники стрел с четырехгранным пером листовидной формы и цилиндрическим упором, ножны боевого ножа с витой цепочкой, колчанный крюк с поперечной планкой, поясная железная пряжка с неподвижным шпеньком и длинным щитком-полуобоймой, поясные бляхи-зажимы, роговая подпружная пряжка с подвижным язычком, роговые цурки, костяные детали рукоятей плетей в виде цилиндра со сквозным боковым отверстием (рис. 106.-*1–5, 14*; 107; 108; 109.-*3–7*). Остальной сопроводительный инвентарь (лук с роговыми накладками, железные наконечники стрел с трехлопастным пером асимметрично-ромбической, шестиугольной формы, поясная бляха-накладка с неподвижным кольцом, удила с петельчатыми окончаниями звеньев и дополнительными петлями, роговой псалий, железное тесло, «напильник», шило и др.) имеет широкий период бытования в рамках II–V вв. н.э. (рис. 109.-*1, 2, 8*; 110; 111; 105; 106.-*6–8*).

Относительная хронология данного объекта полностью согласуется с показателями радиоуглеродного исследования образца из некондиционных костей лошади (Ле-9437): δ1 (68,2%) – 440–490 AD, δ2 (95,4%) – 410–660 AD.

Курган №21 располагался на юго-восточной оконечности комплекса Степушка-I, к северо-западу от кургана №17 (табл. 50). Наиболее поздние вещи (поясные бляхи-зажимы, ножны боевого ножа с железной цепочкой) (рис. 122; 123.-*7–18*) дают основание определить археологический возраст данного объекта не ранее IV в. н.э. Остальные обнаруженные предметы характерны для середины III – V в. н.э. (железная поясная пряжка с подвижным язычком на вертлюге Т-образной рамки и пластинчатым щитком-полуобоймой) (рис. 123.-*1*), III–V вв. н.э. (железный «блок» с неподвижным щитком, фиксирующийся с помощью шпеньков) (рис. 123.-*5*) и II–V вв. н.э. (железные поясные бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, железный «блок» без фиксаторов, железные соединеннокрюковые удила с петельчатыми окончаниями звеньев, снабженные дополнительными петлями и роговыми псалиями, железные ножи) (рис. 123.-*2–4, 6*; 124).

Археологическую датировку объекта в рамках IV – начала V в. н.э. подтверждают выводы по радиоуглеродному анализу. Изучение образца от скелета человека (образец Ле-9436) в лаборатории ИИМК РАН показало календарный возраст по δ1 (68,2%) – 20 BC – 390 AD, по δ2 (95,4%) – 250 BC – 600 AD.

Анализ остеологического материала лошади (ИМКЭС-14С95) в лаборатории ИМКЭС СО РАН продемонстрировал возраст BP=1671+/-35: календарный возраст по δ1 – 260–430 AD, по δ2 – 250–440 AD.

Еще одна группа объектов комплекса Степушка-I представлена курганами и выкладками, в которых присутствовали одиночные хроноиндикаторы, определяющие археологический возраст в интервале не менее 150 лет.

Курган №3 находился в северной части комплекса Степушка-I, в цепочке курганов, которые составляли ряд V (табл. 50). Сопроводительный инвентарь (рис. 18.-*3, 4*) включал два железных трехлопастных наконечника стрелы, один из которых листовидный, характерный для IV–V вв. н.э. (наиболее часто встречается в памятниках 2-й половины IV – V в. н.э.). Кроме того, в погребении обнаружен костяной наконечник со скрытой втулкой и круглым в сечении пером килевидной формы, относящийся к III–V вв. н.э. (рис. 18.-*5*).

Выкладка №12 располагалась к югу от кургана №13 (табл. 50). Под камнями найден железный четырехгранный наконечник стрелы с четырехугольным пером (рис. 68.-*3*), встречающийся в погребениях булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э.

Курган №18 размещался на восточном участке комплекса, крайним с севера в цепочке курганов, обозначенной как ряд VII (табл. 50). Информативными для относительной хронологии являются два железных бронебойных наконечника стрел с четырехгранным в сечении пером четырехугольной формы (рис. 88.-*3, 4*), представленные в колчанных наборах булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э. Остальные предметы (два железных трехлопастных наконечника ромбической и шестиугольной формы, сильно фрагментированный железный нож с коротким лезвием) (рис. 88.-*5, 6, 9*) датируются II–V вв. н.э.

Достаточно многочисленная группа погребений комплекса Степушка-I содержала сопроводительный инвентарь, существовавший продолжительный период в рамках сяньбийско-жужанского времени. Археологический возраст некоторых таких объектов можно было скорректировать с учетом их расположения на площади могильника с хорошо датированными захоронениями (в процессе раскопок документированы случаи примыкания насыпей курганов друг к другу, отражающие их относительную хронологию).

Курган №1 находился на северной оконечности комплекса, открывая цепочку погребальных объектов, обозначенную как ряд VI (табл. 50). В захоронении обнаружены вещи, датирующиеся III–V вв. н.э. (сложносоставной лук с роговыми срединными боковыми накладками трапециевидной формы) (рис. 11.-*1–10*) и II–V вв. н.э. (железный трехлопастной наконечник стрелы с треугольным пером и лопастным упором, роговой

наконечник стрелы с расщепленным насадом плохой сохранности, железный коротколезвийный нож) (рис. 11.-*11, 13, 14*).

Курган №1а прилегал к южной поле кургана №1 (табл. 50), что можно рассматривать как свидетельство их синхронности (не ранее III в. н.э.) Найденные в погребении железные трехлопастные наконечники стрел с ромбическим пером характерны для II–V вв. н.э. (рис. 13.-*2–4*).

Курган №2 размещался к югу от объекта №4 комплекса Степушка-2 в цепочке сооружений (ряд V) (табл. 50). В ограбленном погребении сохранился инвентарь, представленный фрагментами роговых накладок от лука, железным трехлопастным наконечником стрелы с ромбическим пером и костяной застежкой (рис. 23.-*1–4, 7*). Указанные изделия относятся ко II–V вв. н.э. Следует отметить, что курган №2 располагался рядом с курганом №3 комплекса Степушка-I, датирующимся IV в. н.э.

Курган №4 располагался в цепочке погребальных объектов (ряд V) между курганами №2 и 7 комплекса Степушка-I (табл. 50). Найденный сопроводительный инвентарь включал железные предметы, встречавшиеся во II–V вв. н.э. (трехлопастной наконечник стрелы ромбической формы, нож, «блок»-кольцо) и III–V вв. н.э. («блок» со щитком) (рис. 23.-*6*). Объект находился к югу от кургана №3, соприкасаясь с северной полой насыпи кургана №7, датированного IV – началом V в. н.э.

Курган №6 располагался к югу от кургана №1а, примыкая с востока к насыпям курганов №2 и 4 (табл. 50). В погребении найдены изделия, характерные для III–V вв. н.э. (костяной наконечник стрел со скрытой втулкой, с круглым в сечении пером килевидной формы) (рис. 40.-*1*) и II–V вв. н.э. (лук с роговыми срединными боковыми накладками дуговидной формы, железный колчанный крюк без планки, пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и пластинчатым щитком, бляхи-полуобоймы с целыми и утраченными кольцами, железный нож) (рис. 40.-*5–13*; 41). Локализация данного объекта вблизи с курганами №3–5 позволяет предположить его датировку не ранее IV в. н.э.

Курган №8 являлся самым крайним с юга курганом в цепочке, обозначенной как ряд V (табл. 50). Содержал комплекс предметов, зафиксированных в памятниках булан-кобинской культуры III–V вв. н.э. (лук с роговыми срединными боковыми накладками трапециевидной формы, роговые наконечники стрел с зажимным насадом и пером пятиугольной формы, а также с выделенной втулкой бочонковидной и цилиндрической форм, имеющих треугольный и килевидный абрис пера) (рис. 52; 53.-*6–9*) и II–V вв. н.э. (железные трехлопастные наконечники стрел с асимметрично-ромбическим пером, железный коротколезвийный нож, железный кольцевой «блок», деталь плети в виде костяной трубочки) (рис. 53.-*1–5*).

Курган №9 размещался к юго-востоку от кургана №6, продолжая цепочку сооружений (ряд VI) (табл. 50). Среди датирующихся вещественных материалов обнаружены предметы, характерные для 2-й половины III – V в. н.э. (железный распределитель ремня с подвижной лопастью) (рис. 60.-*14*) и II–V вв. н.э. (железный трехлопастной наконечник стрелы с ярусным абрисом пера, поясная пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и пластинчатым щитком, поясные бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, железный нож) (рис. 60.-*9–15*).

Курган №14 входил в цепочку погребальных объектов на восточном участке комплекса Степушка-I (ряд VII) (табл. 50). В потревоженном грабителями погребении найдены костяные (роговые) наконечники стрел с зажимным насадом и треугольным, удлиненно-треугольным и пятиугольным пером, массово представленные в булан-кобинских сериях 2-й четверти I тыс. н.э. (рис. 80.-*5–8*). Железная подпружная пряжка с утраченным подвижным язычком и трехлопастной наконечник стрелы предположительно с ромбовидной формой пера имеют период бытования в рамках II в. до н.э. – V в. н.э. (рис. 80.-*2, 4*). Локализация объекта поблизости с курганами №18 и 19 дает основание допустить его хронологию не ранее IV в. н.э.

Курган №15 находился на восточной окраине комплекса (табл. 50). Сопроводительный инвентарь представлен предметами, датирующимися III–V вв. н.э. (железный

«блок» с неподвижным щитком) (рис. 85.-*8*) и II–V вв. н.э. (железные трехлопастные наконечники стрел ромбической формы пряжки с подвижным язычком, овальной рамкой и пластинчатым щитком, железные бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, железный нож, костяной (роговой) наконечник стрелы с зажимным насадом и пятиугольным пером) (рис. 85.-*1–3, 7, 9, 11–15*). Остальные изделия (рис. 85.-*4–6, 10*) не информативны для археологического датирования. Рассматриваемый курган примыкал северо-восточным краем к насыпи кургана №19, расположенного с ним в одной цепочке (ряд VIII), что является косвенным аргументом для определения его относительной хронологии не ранее IV в. н.э., по-видимому, ближе к середине столетия.

В остальных погребениях комплекса Степушка-I обнаружены изделия, хронологическая атрибуция которых затруднена, либо вещественный материал отсутствовал. Археологический возраст некоторых таких объектов определялся условно с учетом наблюдений за их планиграфичеким расположением.

Курган №5а. Из погребения происходит миниатюрный керамический сосуд баночной формы без орнамента (рис. 32.-*5*), точные аналогии которому в памятниках Алтая сяньбийско-жужанского времени пока не известны. Курган вплотную примыкал с севера к кургану №5, образуя с ним сплошной каменный «панцирь» (табл. 50). Данная планиграфическая ситуация показывает их хронологическую близость.

Курган №10 представлен безынвентарным погребением. Объект находился вплотную с юга к кургану №9 (табл. 50) и, по-видимому, был сооружен с ним в один отрезок времени в рамках 2-й половины III – начала V в. н.э.

Курган №16 содержал захоронение-кенотаф с железными предметами плохой сохранности: обломки двух наконечников стрел, фрагмент коротколезвийного ножа, «напильник» (рис. 88.-*7, 8, 10, 11*). Данный объект находился между курганами №5 и 18 (табл. 50). Принимая во внимание это обстоятельство, курган №16 можно датировать IV–V вв. н.э.

Курган №20 и выкладка №22 образовывали одно целое с насыпью кургана №13 (табл. 50), что, вероятно, свидетельствует об их одновременности.

Курган №24. Обнаруженные в погребении деревянный диск, фрагмент бронзового предмета, берестяная подставка, железный коротколезвийный нож (рис. 129) для датировки не информативны. Локализация объекта на юго-восточном краю некрополя вплотную с курганом №19 (табл. 50) может указывать на его археологический возраст в рамках IV – начала V в. н.э.

В отношении ритуальной выкладки №5б следует допустить, что она являлась одновременной курганам №5 и 5а. Датировка выкладок №2а–б, 23 и 25 не может быть определена.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что большинство погребальных и ритуальных сооружений комплекса Степушка-I относятся к IV в. н.э., что соответствует финалу бело-бомского этапа – начальной стадии верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры. Самым поздним хорошо датирующимся объектом 2-й половины IV – начала V в. н.э. является курган №19.

Результаты типологии разных категорий погребального инвентаря позволяют определить относительную хронологию захоронений и ритуальных выкладок комплекса Степушка-2. Образцы органики из семи объектов, отобранных археологами Горно-Алтайского государственного университета [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 159–161], проанализированные в радиоуглеродных лабораториях Института геологии и минералогии СО РАН (Новосибирск), Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (Томск), продемонстрировали очень широкие временные интервалы: объект №3 – 2210±45 лет (кость лошади, СОАН – 8286), 1870±300 лет (кости лошади, Ле-10308); объект №9 – 2270±45 лет (древесный уголь, СОАН – 8287); объект №14 – 2165±35 лет (древесный уголь, СОАН – 8288); объект №26 – 2130±35 лет (древесный уголь, СОАН – 8289), 2200±45 лет (кости лошади, СОАН – 8290), 1700±70 лет (кости лошади,

Ле-10307); объект №32 – 2460±35 лет (древесина, СОАН, 8291), 3470±45 лет (древесина, СОАН, 8292); объект №46 – 3445±50 лет (древесина, СОАН, 8293), 2047±71 лет (древесина, ИМКЭС-14С701), 2622±53 лет (древесина, ИМКЭС-14С679); объект №48 – 2415±45 лет (кости лошади, СОАН 8294).

Опорный для археологического датирования вещественный материал зафиксирован в большинстве погребений комплекса Степушка-2. Они были локализованы на разных участках данного кладбища. Представленная ниже последовательная характеристика этих объектов выполнена на основе относительной хронологии погребального инвентаря с учетом перехода от «узких» к более «широким» временным интервалам. При описании представлена информация о ритуальных выкладках и кенотафах без инвентаря, которые были пристроены к датированным погребальным объектам и, скорее всего, являлись синхронными комплексами.

Объект №3 (курган) открывал с севера цепочку погребальных сооружений, обозначенную как ряд IV (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 6; рис. 9, 10]. В сопроводительном инвентаре наиболее поздними являлись костяные цурки с несомкнутой прорезью (табл. 33.-*5, 6*), определяющие археологический возраст комплекса 2-й половиной IV – V в. н.э. Другие изделия датируются IV–V вв. н.э. (железные уздечные бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы, аналогичные деталям гарнитуры из кургана №17 комплекса Степушка-I) (табл. 31.-*6–8*), 2-й половиной III – V в. н.э. (удила с малокрючными окончаниями звеньев и кольчатыми псалиями, снабженными обоймами) (табл. 31.-*4*), III–V вв. н.э. (роговой наконечник стрелы с зажимным способом насада ромбовидным в сечении пером пятиугольной формы) (табл. 35.-*1*), II–V вв. н.э. (железный трехлопастной наконечник стрелы с асимметрично-ромбическим пером) (табл. 8.-*1*). Не подлежат хронологической атрибуции роговая подпружная застежка с двумя прорезями и лук с роговыми накладками, имеющими плохую сохранность срединных боковых пластин (табл. 4.-*1–6*; 33.-*4*), а также сильно корродированные железные наконечники стрел (табл. 8.-*2, 23*).

Представленная археологическая датировка может быть использована для корректировки заключения по радиоуглеродному анализу остеологического материала лошади, проведенному в лаборатории ИИМК РАН: 1870±300 лет (Ле-10308) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 159].

Объект №4 (кольцо) размещался на северной оконечности памятника к северо-западу от кургана №2 комплекса Степушка-I, в одной цепочке с ним (ряд V) (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 7; рис. 12, 13]. Захоронение датируется не ранее рубежа III–IV вв. н.э. на основании обнаруженной роговой подпружной пряжки с подвижным язычком на вертлюге (табл. 33.-*1*). В составе сохранившегося после ограбления предметного комплекса присутствовали также лук с роговыми накладками, в том числе со срединными боковыми дуговидной формы, характерными для II–V вв. н.э. (табл. 4.-*7–11*), а также фрагменты железного наконечника стрелы (табл. 8.-*24*) и ножа (табл. 37.-*1*), не поддающиеся хронологической атрибуции.

Объект №8 (курган) располагался на северном участке комплекса, к юго-западу от объекта №3, крайним в самой большой цепочке погребальных сооружений (ряд III) (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 8–9; рис. 24–26]. В захоронении зафиксирован вещевой комплекс с хроноиндикаторами IV–V вв. н.э. (поясные железные бляхи-зажимы) (табл. 22.-*15–22*) и 2-й половины III – V в. н.э. (поясная железная пряжка с подвижным язычком на вертлюге и Т-образной рамкой, поясная железная бляха-накладка вытянуто-прямоугольной формы, железная диадема) (табл. 17.-*7*; 20.-*1*). Остальные предметы (часть железной подвижно-язычковой пряжки с овальной рамкой, фрагмент копии ханьского зеркала, железные ножи, железный пинцет, обломок бусины) (табл. 17.-*16*; 37.-*4–6*; 40.-*4*; 46.-*1*) для датировки не показательны.

Объект №32 (курган) был локализован в южной части комплекса среди сооружений, образующих ряд III (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 18; рис. 85, 86]. В погребении присутствовал сопроводительный инвентарь, имеющий аналогии в материалах булан-кобинской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. (бронзовая бляха-

заклепка с железным шпеньком) (табл. 48.-*20*), III–V вв. н.э. (лук с роговыми накладками (в том числе со срединными боковыми трапециевидной формы), роговой наконечник стрелы с зажимным насадом и ромбовидным пером вытянуто-треугольной формы) (табл. 4.-*15–21*; 35.-*3*), II–V вв. н.э. (поясные железные бляхи-накладки прямоугольной формы, железный нож, железные кольцевые «блоки» без щитка и шпеньков, вероятно, каменная бусина) (табл. 20.-*3, 4*; 22.-*3–5*; 49.-*4*; 37.-*13*), II в. до н.э. – V в. н.э. (поясная железная пряжка с подвижным язычком и овальной рамкой без щитка, железный трехлопастной наконечник стрелы с шестиугольным пером) (табл. 8.-*8*; 17.-*12*). Хронология остальных вещей (железный наконечник стрелы плохой сохранности, костяные черешковые наконечники стрел с дуговидным в сечении пером вытянуто-треугольной формы, костяные пронизи) (табл. 8.-*11*; 22.-*25, 30*; 35.-*5, 6*; 49.-*4, 34, 35*) не установлена. Археологический возраст объекта определяется предварительно в рамках IV–V вв. н.э. С южной стороны к кургану примыкал объект №34а (выкладка с каменным ящиком без вещей) (табл. 50), что можно рассматривать как свидетельство их синхронности.

Объект №40 (курган) располагался на южном участке комплекса к юго-западу от цепочки погребальных объектов, обозначенной как ряд I (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 22–23; рис. 110–112]. Сопроводительный инвентарь включал предметы, встречающиеся в памятниках булан-кобинской культуры 2-й половины IV – V в. н.э. (деталь рукояти плети в виде костяной трубочки со сквозным боковым отверстием) (табл. 39.-*4*), конца III – V в. н.э. (подпружная роговая пряжка с подвижным язычком на вставной вертлюге) (табл. 33.-*2*), середины III – V в. н.э. (поясная железная пряжка с подвижным язычком на вертлюге и Т-образной рамкой) (табл. 17.-*6*), II–V вв. н.э. (лук с роговыми накладками (в том числе срединными боковыми дуговидной формы), железные трехлопастные наконечники стрел с ромбовидным и ярусным (с малой верхней частью) пером, поясные железные бляхи-полуобоймы, железный боевой нож, удила с крюковым соединением звеньев и петельчатыми окончаниями, колчанный крюк с простым окончанием язычка) (табл. 8.-*10, 12, 13, 19*; 11.-*1*; 14.-*5*; 20.-*28–42*; 31.-*2*). Остальные изделия (застежка из альчика, костяная застежка в виде стержня с «перехватом») (табл. 33.-*7, 8*) для датирования не показательны.

Объект №5 (курган) располагался к юго-востоку от объекта №3 в одной цепочке с ним (ряд IV) (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 7–8; рис. 16, 17]. Найденный инвентарь включал предметы, датирующиеся серединой III – V в. н.э. (поясная железная пряжка с подвижным язычком на вертлюге, имеющая рамку Т-образной формы и подвижный щиток-полуобойму) (табл. 17.-*4*), III–V вв. н.э. (роговой наконечник стрелы с зажимным насадом и ромбовидным в сечении пером пятиугольной формы) (табл. 35.-*2*), II–V вв. н.э. (поясная железная бляха-полуобойма с подвижным кольцом, железный нож) (табл. 22.-*24*; 35.-*2*), концом II в. до н.э. – V в. н.э. (железная бесщитковая пряжка с подвижным язычком) (табл. 17.-*13*). Хронологическая атрибуция железных трехлопастных наконечников стрел плохой сохранности и фрагмента костяного наконечника стрелы затруднена (табл. 8.-*3–5*; 35.-*21*).

Объект №9 (курган) размещался на северном участке комплекса в одной цепочке (ряд IV) с объектами №3, 5, 7 (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 9; рис. 31, 32]. В погребении обнаружены вещи, датирующиеся 2-й половиной III – V в. н.э. (железные трехлопастные ярусные наконечники стрел с малой верхней частью пера и кольцевым упором) (табл. 8.-*6, 14*), III–V вв. н.э. (железный «блок» с неподвижным щитком) (табл. 22.-*12*), II–V вв. н.э. (поясные железные бляхи-полуобоймы с подвижным кольцом) (табл. 20.-*25*; 22.-*1, 2*). Остальной инвентарь (фрагмент костяной накладки, железные наконечники стрел, ножи) (табл. 4.-*12*; 8.-*20, 26, 27*; 37.-*7, 8*) имеет плохую сохранность и не может использоваться для определения археологического возраста объекта. Данному кургану синхронны локализованные рядом с ним ритуальные выкладки №9а–в (табл. 50).

Объект №22 (курган) располагался в центральной части комплекса в цепочке погребальных сооружений, обозначенной как ряд III (табл. 50) [Соенов, Константинов,

Трифанова, 2018, с. 15; рис. 60]. Захоронение датируется 2-й четвертью I тыс. н.э. на основании бронзовых крючковых серег со щитком в виде двойной концентрической спирали (табл. 48.-1, 2). Другие предметы (каменные бусы) для хронологии мало информативны (табл. 49.-*19, 23*).

Объект №26 (курган) располагался в центральной части комплекса, в середине ряда III (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 16; рис. 70]. Погребение датируется археологическими методами не ранее 2-й половины III – начала IV в. н.э. по наличию в сопроводительном инвентаре железных удил с малокрючными окончаниями грызл и кольчатыми псалиями (табл. 31.-*5*), а также уздечных железных блях-накладок вытянуто-прямоугольной формы (табл. 31.-*7, 10*). Остальной инвентарь бытовал в течение продолжительного времени: II–V вв. н.э. (костяной черешковый наконечник стрелы с вытянуто-треугольным пером, железный коротколезвийный нож) (табл. 35.-*8*; 37.-*17*), I в. до н.э. – IV в. н.э. (поясная железная пряжка с подвижным язычком, прямоугольной короткой рамкой без щитка) (табл. 17.-*10*), II в. до н.э. – V в. н.э. (роговые концевые боковые накладки от лука) (табл. 4.-*13, 14*). Отдельные предметы плохой сохранности (костяной наконечник, фрагмент железного изделия) не подлежат хронологической атрибуции (табл. 35.-*20*). Археологическую датировку данного погребения можно использовать для уточнения показателя радиоуглеродного анализа образца костного материала, полученного в лаборатории ИИМК РАН: 1700±70 лет (кости лошади, Ле-10307).

Объект №39 (кольцо) размещался на южной оконечности комплекса крайним в цепочке сооружений, обозначенной как ряд II (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 21, 22; рис. 105, 106]. При датировке данного объекта можно опираться на железную подвижно-язычковую пряжку с трапециевидной рамкой и прямоугольным щитком-полуобоймой (табл. 17.-2), имеющую аналогии среди поясных гарнитур булан-кобинской культуры 2-й половины III – V в. н.э. Остальные предметы (лук с роговыми накладками плохой сохранности, роговой черешковый наконечник стрелы с вытянуто-треугольным пером, сильно фрагментированная железная пряжка) (табл. 5.-*6–11*; 17.-*20*; 35.-*12*) для определения относительной хронологии не информативны. Данному кургану синхронны пристроенные к нему с северного и южного края каменные ящики (объекты №39а и 39б), не содержавшие археологического материала (табл. 50).

Объект №48 (курган) был самым крайним погребением на южном участке и не входил в какую-то конкретную цепочку (ряд) на территории могильника (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 25, 26; рис. 128–130]. В составе сопроводительного инвентаря присутствовали изделия, характерные для середины III – V в. н.э. (поясные железные бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы) (табл. 20.-*13–15*), III–V вв. н.э. (железный «блок» с неподвижным щитком) (табл. 22.-*14*), II–V вв. н.э. (лук с роговыми накладками, в том числе срединными боковыми дуговидной формы, боевой нож, поясные железные бляхи-накладки квадратной формы, удила с крюковым соединением и петельчатыми окончаниями звеньев, железный «блок»-кольцо) (табл. 5.-*21–27*; 11.-*2*; 20.-*5, 6*; 22.-*10*; 31.-*1*). Датировка остальных предметов (роговой псалий, подпружная роговая пряжка с неподвижным шпеньком-язычком без щитка, железные трехлопастные наконечники плохой сохранности, фрагменты железных изделий) (табл. 8.-1*7, 21, 22*; 31.-*3*; 22.-*32*; 33.-*3*) затруднена.

Объект №2 (курган) находился в северной части комплекса – крайним в цепочке погребальных сооружений, обозначенной как ряд V (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 5, 6; рис. 6]. В могиле обнаружены косметическая щеточка из кости (табл. 46.-*2*), имеющая аналогии в памятниках булан-кобинской культуры III–V вв. н.э., поясная железная пряжка с подвижным язычком и сломанным щитком-полуобоймой (табл. 17.-*17*), характерная для II–V вв. н.э., а также подвески из зубов марала и костяные изделия (табл. 49.-*24–31*), датировка которых точно не определяется.

Объект №7 (кольцо) находился в одной цепочке (ряд IV) с курганом №5, к югу от него (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 8; рис. 20; 21]. Сопроводительный инвентарь данного закрытого комплекса включал украшения и предметы снаряжения, бытовавшие в III–V вв. н.э. (железный «блок» с неподвижным щитком)

(табл. 22.-*11*) и во II–V вв. н.э. (поясная железная пряжка с подвижным язычком овальной рамкой и длинным щитком-полуобоймой, малые бронзовые бляхи-нашивки с полусферическим выступом и плоскими полями, бронзовые бляхи-подвески ромбовидной формы, бронзовые накосники из прямоугольной пластины небольшого размера, возможно, железный нож и каменные бусы) (табл. 17.-*1*; 37.-*3*; 48.-*10–19*; 49.-*10–12, 15–22*).

Объект №10 (кольцо) располагался в цепочке, обозначенной как ряд III, к югу от объекта №8 (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 10; рис. 34]. В сопроводительном инвентаре присутствовали предметы, характерные для III–V вв. н.э. (железный «блок» с неподвижным щитком) (табл. 22.-*13*), II–V вв. н.э. (костяные черешковые наконечники стрел с ромбовидным и дуговидным сечением пера треугольной и вытянуто-треугольной формы) (табл. 35.-*15, 16*), конца II в. до н.э. – V в. н.э. (поясная железная пряжка с подвижным язычком и овальной рамкой без щитка) (табл. 17.-*11*).

Объект №20 (курган) являлся крайним с юга погребальным сооружением из ряда IV (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 14; рис. 60]. Сопроводительный инвентарь данного захоронения представлен крупной стеклянной бусиной с рифленым корпусом (табл. 49.-6), имеющей аналогии в материалах булан-кобинской культуры III–V вв. н.э., и железной панцирной пластиной (табл. 12.-2), встречающейся в доспехах воинов Алтая II – начала V в. н.э. Другие изделия (каменные бусы, фрагменты керамической посуды) (табл. 49.-*3, 6–9, 14*) для установления хронологии не показательны.

Объект №34 (кольцо) находился на южном участке комплекса: входил в цепочку погребений, обозначенную как ряд III (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 19, 20; рис. 93, 94]. Сопроводительный инвентарь данного захоронения содержал предметы, датирующиеся III–V вв. н.э. (лук со срединными боковыми накладками трапециевидной формы) (табл. 5.-*1–5*) и II–V вв. н.э. (железный трехлопастной наконечник стрелы с ромбовидным пером без упора, бронзовая серьга в виде сомкнутого кольца) (табл. 8.-*9*; 48.-*3*). Остальные изделия (костяной наконечник стрелы с черешковым насадом линзовидным в сечении пером вытянуто-треугольной формы, железная пряжка с подвижным язычком плохой сохранности, костяная бусина) (табл. 17.-*19*; 35.-*4*; 49.-*2*) не показательны для обоснования конкретной хронологии.

Объект №41 (кольцо) находился в южной части комплекса в составе цепочки погребальных сооружений, обозначенной как ряд II (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 23; рис. 114]. Археологический возраст погребения определяется не ранее III в. н.э. (по-видимому, ближе к середине указанного столетия) по наличию в инвентаре железных поясных блях-накладок вытянуто-прямоугольной формы (табл. 20.-*16, 17*) и бронзового наконечника ремня с втулкой-петлей (табл. 22.-*23*). Остальные предметы датируются в рамках II–V вв. н.э. (поясные железные бляхи-накладки квадратной формы, бляха-полуобойма с подвижным кольцом) (табл. 20.-*9, 10, 43*) либо не подлежат надежной хронологической атрибуции (костяные черешковые наконечники стрел с линзовидным и дуговидным пером треугольной, вытянуто-треугольной, вытянуто-ромбической форм) (табл. 35.-*11, 14, 17–19, 24, 26*).

Еще в пяти объектах комплекса Степушка-2 зафиксирован инвентарь, имеющий более продолжительный период существования в рамках сяньбийско-жужанского времени. Данные погребения размещались на разных участках могильника.

Объект №15 (курган) располагался в северной цепочке, входящей во второй ряд погребальных сооружений (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 12; рис. 43]. В погребении обнаружены железная пряжка с подвижным язычком и обломанным щитком-полуобоймой (табл. 17.-*5*), характерная для поясных гарнитур «булан-кобинцев» II–V вв. н.э., а также не датирующиеся артефакты (корродированное железное изделие и фрагменты керамического сосуда) (табл. 22.-*26*; 43.-*13–17*). С северной стороны к кургану примыкала выкладка №15а, не содержавшая археологического материала (табл. 50).

Объект №19 (курган) располагался к югу от объекта №15 (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 14; рис. 54–56]. Археологический возраст погребения

определяется не ранее II в. н.э. по обнаруженным железной поясной бляхе-полуобойме с подвижным кольцом и бляхе-накладке (табл. 20.-*2, 26*). Остальной инвентарь (железные наконечники стрел плохой сохранности, среди которых экземпляр с шестиугольным пером, поясные пряжки с подвижным язычком без щитка, железный нож) (табл. 8.-*15, 16*; 17.-*9, 14*; 37.-*12*) датируется в широких хронологических рамках.

Объект №30 (курган) находился в цепочке (ряд III) между объектами №26 и 32 (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 17, 18; рис. 81]. В погребении найдены металлические детали наборного пояса, характерные для II–V вв. н.э.: бронзовая пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и подвижным щитком-полуобоймой, железные бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, железный кольцевой «блок» (табл. 17.-*18*; 20.-*20, 21*). Костяная пронизь (табл. 49.-*36*) датирующего значения не имеет.

Объект №33 (курган) являлся крайним с юга погребением в цепочке объектов, обозначенной как ряд I (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 19; рис. 89, 90]. Захоронение относится ко II–V вв. н.э. по наличию наборного пояса с большим количеством деталей гарнитуры, среди которых идентифицированы железная пряжка с подвижным язычком на основании овальной рамки и пластинчатым-щитком средней длины, железные и бронзовая бляхи-накладки прямоугольной формы, железные бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами, бронзовые бляхи-полуобоймы с железными кольцами (табл. 17.-*3*; 20.-*7, 8, 18, 22–24, 27*). Найденный сложносоставной лук (табл. 4.-*22–25*) трудно датировать из-за плохой сохранности срединных накладок. С северо-западной стороны к данному кургану пристроена выкладка 33б, а с юго-западной стороны – выкладка №33а (табл. 50). Археологический материал в них отсутствовал.

Объект №37 (кольцо) находился у северного края южной цепочки погребальных сооружений, входящих в ряд II (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 21; рис. 101]. Инвентарь представлен украшениями, датирующимися в рамках II–V вв. н.э.: бронзовая бляха-нашивка с полусферическим выступом и плоскими полями, орнаментированным выпуклинами-жемчужинами, бронзовые накосники из прямой пластины, декорированные полусферическими выступами и точечным орнаментом (табл. 48.-*7–9, 21*). С южной стороны к кургану пристроена выкладка №37а, не содержавшая археологический материал (табл. 50).

Объект №41а (кольцо) находился в южной части третьего ряда погребальных сооружений к северу от кольца №41 (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 23–24; рис. 116]. Информативный для археологического датирования инвентарь представлен поясной железной пряжкой с подвижным язычком и вытянуто-прямоугольной рамкой без щитка (табл. 17.-*8*), имеющей аналогии в снаряжении булан-кобинской культуры II–IV вв. н.э., и железным «блоком» в виде кольца, характерным для II–V вв. н.э. (табл. 22.-7). Хронология других предметов (фрагментированные роговые накладки лука, костяные черешковые наконечники стрел, фрагменты железных ременных гарнитур) (табл. 5.-*12–15*; 22.-*8, 9*; 35.-*22, 23*) затруднена.

В остальных погребениях сопроводительный инвентарь не сохранился либо присутствовали изделия, не поддающиеся хронологической атрибуции. Предполагаемый археологический возраст некоторых таких захоронений определяется исходя из локализации их на площади могильника по отношению к датированным сооружениям. Приводимая ниже характеристика данных объектов выполнена с учетом планиграфической близости в составе цепочек и рядов.

Объект №14 (курган) «открывал» с севера цепочку погребальных объектов, обозначенную как ряд II (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 11, 12; рис. 40]. В погребении зафиксированы обломки железного ножа плохой сохранности (табл. 37.-9). К северо-востоку от него располагалась ритуальная выкладка (объект №11) без археологического материала (табл. 50).

Объект №13 (курган) отстоял к юго-востоку от объекта №14, к северо-западу от объекта №15, датированного II–V вв. н.э. (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 11]. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Объект №23 (курган) входил в состав ряда II, располагаясь к югу от объекта №19, датирующегося II–V вв. н.э. (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 15]. Найдены предметы плохой сохранности: окислы железа, обломок лезвия ножа (табл. 37.-10).

Объект №27 (курган) располагался с юга к предыдущему сооружению (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 16, 17; рис. 73]. В могиле обнаружены фрагменты железного ножа и костяные черешковые наконечники стрел с линзовидным и дуговидным в сечении пером шестиугольной, вытянуто-треугольной, вытянуто-ромбической формы (табл. 35.-*9, 10, 13, 25*; 37.-*11*). Восточным краем данный объект сливался с насыпью кургана №26, что позволяет предполагать их синхронность 2-й половины III – начала IV в. н.э.

Объект №12 (курган) размещался в цепочке погребальных сооружений, обозначенных как ряд III (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 10, 11; рис. 37]. Сохранившийся сопроводительный инвентарь представлен фрагментом железного наконечника стрелы (табл. 8.-*7*).

Объект №16 (кольцо) располагался к югу от объекта №12 (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 12]. Сопроводительный инвентарь в захоронении отсутствовал.

Объект №17 (кольцо) находился в центральной части комплекса (табл. 50) в «окончании» ряда IV по близости с объектом №20, датирующимся в рамках II–V вв. н.э. [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 12, 13; рис. 49]. В могиле обнаружены фрагменты керамического сосуда и детали железных предметов (табл. 43.-*23–28*).

Объект №18 (кольцо) примыкал с востока к насыпи кургана №18а (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 13]. Вещественный материал в захоронении отсутствовал.

Объект №18а (курган) размещался к югу от объекта №16 (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 13–14; рис. 52–53]. Из погребения происходит каменная бусина (табл. 49.-*13*), она не показательна для датировки.

Объект №21 (курган) был локализован (табл. 50) между объектами №22 и 26 (ряд II), датирующимися не ранее середины III в. н.э. [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 14, 15; рис. 60]. Вещевой комплекс отсутствовал.

Объект №36 (курган) располагался (табл. 50) в одной цепочке (ряд I) с курганом №33, датирующимся II–V вв. н.э. [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 20]. Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Объект №36а (курган) примыкал с южной стороны к насыпи предыдущего объекта (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 21; рис. 98]. Сопроводительный инвентарь представлен железным коротколезвийным ножом (табл. 37.-*14*).

Объект №46 (кольцо) являлся самым крайним с юга во втором ряду погребальных сооружений (табл. 50) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 24; рис. 124]. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Локализация рядом с курганом №41 допускает вероятность датировки объекта №46 не ранее середины III в. н.э.

Проанализированные материалы дают основание считать, что период сооружения погребальных объектов комплекса Степушка-2 приходится на такой временной интервал: от конца III – до начала V в. н.э. При этом захоронения были совершены в короткий отрезок времени, по-видимому, во 2-й четверти IV – начале V в. н.э.

Представленные хронологические выкладки показывают, что самые поздние захоронения были совершены на северо-западной, восточной и юго-восточной окраинах могильника. Изучение планиграфии некрополя не позволило получить данные, документирующие последовательность «роста» кладбища. В заключение можно сделать вывод, что полностью раскопанный некрополь Степушка является одним из базовых археологических памятников позднесяньбийского и раннежужанского времени Алтая, материалы которого могут привлекаться для разработки периодизаций археологических культур разных регионов Центральной и Северной Азии «эпохи Великого переселения народов».

4.2. Этнокультурные особенности погребального обряда

В результате изучения некрополя Степушка сплошным раскопом был вскрыт 61 погребальный объект (Степушка-I – 23 кургана; Степушка-2 – 38 курганов и колец) и 33 ритуальных выкладки (Степушка-I – 7 сооружений; Степушка-2 – 26 сооружений). Всего исследованы 63 погребения, которые по характерным элементам обряда и сопроводительного инвентаря относятся к булан-кобинской культуре [Мамадаков, 1990а, с. 15–19; Худяков, 1993а, с. 63–69; Соенов, 1997, с. 16–21; 2003, с. 52–53; Матренин, 2005а, с. 11–16; Тишкин, 2007, с. 158–174; 2010; Серегин, Матренин, 2016, с. 10–78; и др.].

Полученный корпус археологических источников позволяет обозначить общие, особенные и единичные признаки изученного памятника для реконструкции отдельных аспектов этнокультурного развития кочевников Алтая в сяньбийско-жужанское время. Важной составляющей такого исследования было выявление локально-территориальных (в широком смысле «этнографических») и хронологических особенностей погребальной практики «булан-кобинцев», оставивших данный некрополь в сравнении с другими могильниками Алтая указанного исторического периода. Анализ материалов предполагал рассмотрение всех реализованных элементов погребальной практики и корреляцию наиболее важных параметров.

Топография и планиграфия памятника

Топография некрополя Степушка демонстрирует его расположение в труднопроходимой горной местности, в долине Урсула на высокой третьей террасе правого берега реки. Памятник приурочен к району летних пастбищ. Ближайшие известные погребальные комплексы булан-кобинской культуры (Сары-Бел, Уркош-I, Сальдяр-II, Яломан-II, XIV) локализуются к юго-востоку от перевала Чике-Таман, являющегося естественной границей урсульской и среднекатунской локальных групп погребальных памятников Центрального Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени [Тишкин, Серегин, Матренин, 2016, с. 27, рис. 5, 40; Серегин, Матренин, 2016, с. 11, 230, 242, 245]. «Скрытность» местонахождения могильника Степушка на небольшом террасовом плато, окруженном крутыми склонами близлежащих гор, дополнительно подчеркивало отсутствие на его территории археологических объектов других исторических периодов. Данная черта топографии отмечена для небольшого числа некрополей булан-кобинской культуры (Булан-Кобы-IV, Курайка, Яломан-II, Сары-Бел, Уркош-I и др.) [Соенов, 1997, с. 6; 2003, с. 29–30; Матренин, 2005а, с. 11–12]. Такой выбор места под кладбище мог быть продиктован намерением спрятать свои захоронения от соседних групп населения булан-кобинской культуры или иноплеменников.

На площади могильника погребальные объекты располагались компактно на краю террасы несколькими плотными цепочками (от двух до четырнадцати сооружений), выстроенными в меридиональном направлении, преимущественно по линии ЮВ–СЗ, реже – ЮЗ–СВ. Объекты обычно размещались очень плотно другу к другу, благодаря чему развалы наземных конструкций часто образовывали сплошной каменный «панцирь».

Внимательное изучение локализации погребений позволяет выделить несколько рядов. Для удобства они были пронумерованы в порядке их расположения с запада на восток (табл. 50).

Первый ряд включал объекты №33, 36 и 36а комплекса Степушка-2. Вплотную с запада к нему примыкал объект №40. Второй ряд – объекты №14, 13, 15, 19, 23, 27, 37, 37а, 39 комплекса Степушка-2. Третий ряд – объекты №8, 10, 12, 16, 18а, 22, 26, 30, 32, 34а, 34, 41а, 41, 46 комплекса Степушка-2. Четвертый ряд – объекты №3, 5, 7, 9, 17, 20 комплекса Степушка-2. Пятый ряд – объекты №2, 4 комплекса Степушка-2, курганы №2, 3, 4, 7, 8 комплекса Степушка-I. Шестой ряд – курганы №1, 1а, 6, 9, 10, 11 комплекса Степушка-I. К востоку от него размещались курганы №5, 5а, 16. Седьмой ряд – курганы №18, 14, 20, 13 комплекса Степушка-I. Восьмой ряд – курганы

№19, 15 комплекса Степушка-I. К востоку от него на самом краю некрополя находился курган №24. Отдельную планиграфическую группу на юго-восточной окраине некрополя составляли курганы №17 и 21 комплекса Степушка-I. На южной окраине кладбища выделялся отдельно стоявший объект №48 комплекса Степушка-2. Компактное размещение погребальных объектов в рядах отражает их хронологическую близость.

Представленные черты пространственной организации некрополя (плотная концентрация сооружений на территории кладбища, расположение объектов тесными цепочками-рядами) характерны для многих могильников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени [Соенов, 2003, с. 29–31; Матренин, 2005а, с. 11–12; Серегин, Матренин, 2016, с. 13–21]. Они сформировались под влиянием традиций нового населения, мигрировавшего на Алтай в конце III – начале II в. до н.э. [Тишкин, Матренин, 2007, с. 41]. В других регионах Азии размещение погребальных сооружений рядами зафиксировано в близких по времени памятниках сяньби Юго-Восточного Забайкалья, Северо-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии, а также у населения тесинской культуры Хакасии и носителей улуг-хемской и кокэльской культур Тувы [Вайнштейн, 1970, с. 72; Дьяконова, 1970, с. 193; Стамбульник, 1983, с. 34; Вадецкая, 1986, с. 86; Савинов, 1992, с. 107–108; 2009, с. 42–46, табл. II; III; XXXII; XXXIII; Воробьев, 1994, с. 223–226; Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци, 2004, рис. 2; Кузьмин, 2011, с. 113, 115–132].

Околокурганные объекты

В процессе раскопок некрополя Степушка зафиксированы 33 ритуальных выкладки. Они представлены небольшими каменными набросками округлой и овальной формы, а также кольцами обычно с грунтовым заполнением внутреннего пространства. Среди них встречаются как отдельно стоявшие сооружения (Степушка-I, выкладки №2а–б, 5б, 12, 23, 25; Степушка-2, выкладки №1, 6, 11, 24, 25, 25а, 27б, 28, 29, 31, 35, 37а, 42–45, 47, 49), так и конструкции, пристроенные к погребальным объектам (Степушка-I, выкладка №20; Степушка-2, выкладки №9а–в, 15а, 27а, 38, 33а–б, 37а) (табл. 50; 52.-*5–8*; 53). В целом ритуальные выкладки количественно преобладают на западной половине некрополя [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018]. При зачистке и разборке некоторых выкладок обнаружены фрагменты керамики, кости животных, угольки, в редких случаях артефакты (железные наконечники стрел – Степушка-I, выкладка №12; заготовка каменного орудия – Степушка-2, выкладка №9в; каменный оселок – выкладка №49).

Похожие ритуальные конструкции фиксировались при раскопках разновременных памятников булан-кобинской культуры (Дялян, Тыткескень-VI, Усть-Эдиган, Яломан-II) [Матренин, Шелепова, 2007; Серегин, Матренин, 2016, с. 72–73, 76; и др.]. Конкретное назначение данных сооружений у населения Алтая II–V вв. н.э. еще предстоит выяснить.

Около курганов №6 и 19 комплекса Степушка-I зафиксированы одиночные вертикально вкопанные каменные «столбики» высотой до 0,3 м от уровня древнего горизонта, установленные с внешней стороны крепиды на некотором удалении от нее на восток или северо-запад в проекции «изголовья» могилы. Вертикально вкопанные камни достаточно редко встречаются рядом с погребальными сооружениями булан-кобинской культуры. Такие объекты обнаружены на могильниках Сары-Бел [Соенов, 1999, с. 134–135, рис. 1; 2003, табл. 1, рис. 33–2], Кок-Паш [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 179, рис. 3], Урочище Балчикова-3 [Шульга, Горбунов, 2002, с. 112, 113, 117, рис. 1], Кальджин-6 [Молодин, Полосьмак, Новиков, Богданов, Слюсаренко, Черемисин, 2004, с. 161–162, рис. 261], Яломан-II [Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 7], Яломан-XIV и Дялян (неопубликованные материалы). Следует отметить, что они размещались почти исключительно рядом с погребениями лиц мужского пола.

Параллели каменным «столбикам» имеются в синхронных комплексах из Тувы и Хакасско-Минусинской котловины. Это «камни-стояки» по соседству с погребальными и поминальными курганами кокэльской культуры [Вайнштейн, 1970, с. 7;

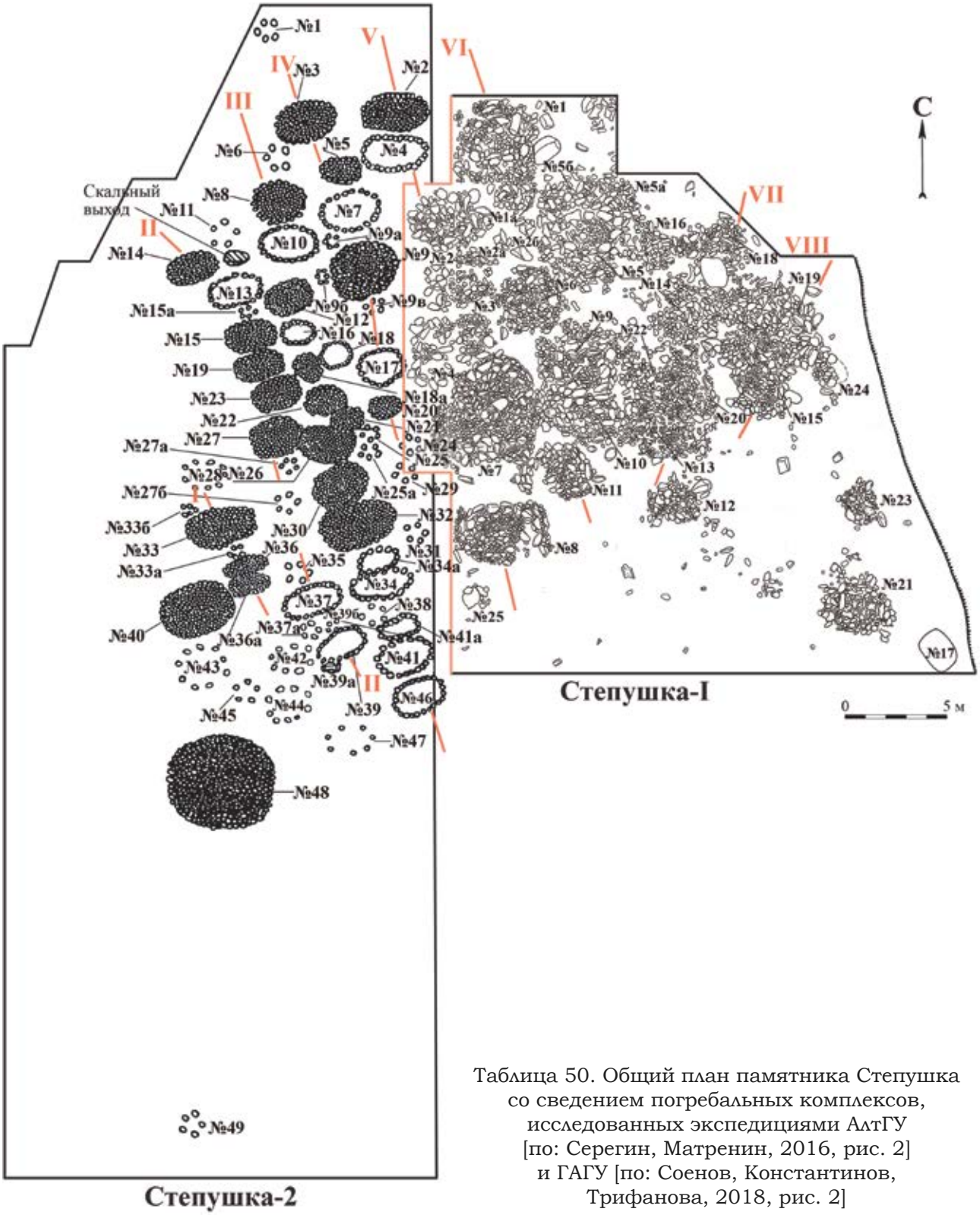

Таблица 50. Общий план памятника Степушка со сведением погребальных комплексов, исследованных экспедициями АлтГУ [по: Серегин, Матренин, 2016, рис. 2] и ГАГУ [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 2]

Дьяконова, 1970, с. 193; Кызласов, 1979, с. 100; Овчинникова, 2001, с. 189, 191–192; Панкова, 2003, с. 92–94] и ряды вертикально вкопанных камней (часто рядом с ними находятся керамические сосуды с пищей, помещенные в специальные углубления) возле таштыкских склепов [Кызласов, 1979, с. 85]. Вопросы происхождения и семантики похожих объектов булан-кобинской культуры остаются пока открытыми.

Группу околокурганных конструкций дополняет сооружение в виде небольшой округлой ямы (диаметр 0,4 м, глубина 0,15 м), обложенной камнями (объект №39б), рядом с погребальным объектом №39 комплекса Степушка-2 (табл. 53.-*32, 33*) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 22].

Погребальные сооружения

По устройству надмогильные сооружения некрополя Степушка представлены двумя разновидностями. К первой (46 объектов – 79%) относятся курганы с каменной плоской и полусферической насыпью овальной или округлой формы длиной от 1,3 до 6,4 м, высотой 0,1–0,45 м, возведенные в один–три слоя. Вторая разновидность (12 объектов – 20,6%) включает курганы с провалившейся земляной насыпью и каменным кольцом в основании длиной от 2,3 до 4 м (зафиксированы в комплексе Степушка-2 и условно обозначены как «кольца», количественно преобладают в третьем ряду погребальных сооружений) (табл. 50). Практически все наземные конструкции имели овальную крепиду, ориентированную обычно длинной осью в широтном направлении и с различными отклонениями. В объекте №12 комплекса Степушка-2 под насыпью с южной стороны от могилы размещалось три вертикально вкопанных каменных плитки, установленных в одну линию узкими гранями (табл. 54.-*9*) [Соенов, Константинов, Трифанова, 2015б, с. 349].

Под насыпями располагалась почти всегда одна могильная яма прямоугольной, трапециевидной или овальной формы, ориентированная обычно длинной осью по линии З–В и с разными отклонениями от нее. Ямы были преимущественно с отвесными стенками, длиной и шириной в пределах 0,9–2,4 и 0,4–1,7 м, соответственно, глубиной от 0,2 до 1 м от уровня древнего горизонта. В шести курганах (Степушка-I, курганы №5, 17, 19, 21; Степушка-2, объекты №40, 48) зафиксированы могилы с подбоем для человека в длинной (как правило, южной) стенке, расположенной ниже, выше или на одном уровне с дном входной части ямы (табл. 51.-*15–17, 19*; 54.-*34, 38*). Ширина ниши составляла до 0,6 м, отметка глубины от погребенной почвы варьировала в пределах 1,05–1,15 м. Могилы данной конструкции у булан-кобинского населения Алтая встречаются достаточно редко. Они зафиксированы на некрополях Верх-Уймон и Айрыдаш-I [Соенов, Эбель, 1992, рис. 35, 37; 1996, с. 157–158; Соенов, 2000а, с. 48–49, рис. 5; 6; 11; Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005, с. 169–170]. Основным центром распространения подбоев в Азии в хуннуско-сяньбийско-жужанское время являлись Семиречье и отдельные области Казахстана, где их появление связано с традициями местных культурных общностей скифо-сакского времени [Бернштам, 1952; Сорокин, 1956; Заднепровский, 1992; Касенбеков, 2003]. Подбойные погребения хуннуского времени на территории Северного Китая и Восточного Туркестана принадлежали выходцам из владений Западного края [Миняев, 1990, с. 78–79]. Представительная серия подбоев происходит из погребальных комплексов сяньби конца I – начала III в. н.э. Юго-Восточного Забайкалья и Внутренней Монголии [Ковычев, Яремчук, 2000, с. 61; Могильник Циланьшань в аймаке Чаючжун, 2004, с. 126, 127, 130–132, 142, 143, 145, 147, 149, 150, 152, 154, 156, 159, 160, 164, 168]. На территории Тувы немногочисленные подбойные захоронения исследованы в памятниках кокэльской и чаатинской культур [Дьяконова, 1970, с. 99, 107, 110, 136, рис. 18–19; 35–38; 77–76; Николаев, 2001а, с. 10]. Среди них выделяются погребения в курганах 2-й четверти I тыс. н.э. на могильниках Чааты-I и II, которые связаны с пришлым населением из Средней Азии [Худяков, 1993а, с. 55–61]. Несколько подбойных могил раскопано в Минусинской котловине в памятнике тесинской культуры Тепсей-VII [Грязнов, 1979, с. 80, рис. 53].

Вопрос о появлении подбойных погребений в булан-кобинской культуре остается пока открытым. В настоящий момент нет убедительных оснований, чтобы рассматривать практику таких захоронений на Алтае в сяньбийско-жужанское время как результат миграции нового населения. Подобное оформление сакрального пространства для умершего человека могло быть обусловлено причинами прагматического (намерением сохранить погребение от возможного ограбления и осквернения, быстрота устройства захоронения в грунте) и социального характера [Матренин, 2015, с. 329; Соенов, Константинов, Трифанова, 2016, с. 368–369].

Зафиксированные погребальные камеры представлены преимущественно ямами без внутримогильных конструкций (23 объекта – 39,6%): Степушка-I, курганы №1а, 4, 5а, 7, 14, 16, 18, 24; Степушка-2, курганы №2, 3, 5, 8, 12, 15, 26, 33, 34, 40, 48, кольца №4, 10, 37, 39 (табл. 51.-*4, 11, 12, 14, 18*; 52.-*1, 2, 3*). Данный вариант решения пространства для умершего человека достаточно часто встречается (около 30% случаев) в памятниках Алтая III–V вв. н.э., количественно преобладая на могильниках Айрыдаш-I, Бике-I, Тыткескень-VI, Улита, Чендек [Матренин, 2005в, с. 110–111; Серегин, Матренин, 2016, с. 38].

В 18 (31%) объектах некрополя обнаружены каменные ящики с перекрытием и без него: Степушка-I, курганы №2, 8, 15, 20; Степушка-2, курганы №14, 20, 21, 22, 23, 27, 30, 36а, кольца №7, 18, 34, 41, 41а, 46 (табл. 51.-*2, 6, 13*; 52.-*4*; 54.-*5, 11, 16, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 27, 30, 35, 36, 37*). По своему оформлению (небольшая ширина, вытянуто-прямоугольные и трапециевидные пропорции, рассчитанные на положение умерших людей в вытянутой позе) они имеют аналогии в булан-кобинских комплексах II–V вв. н.э. [Матренин, 2008а; Серегин, Матренин, 2016, с. 37].

В 13 (22%) объектах присутствовали имитации ящиков без перекрытия в виде каменных плит, установленных в изголовье, реже в изголовье и ногах умерших людей, либо вдоль длинной стенки могилы: Степушка-I, курганы №3, 6, 9, 10, 11, 13, 21; Степушка-2, курганы №9, 19, 36, кольца №13, 16, 17 (табл. 51.-*3, 5, 7, 8, 10, 17*; 53.-*7, 10, 13, 15, 17, 29*). Такие внутримогильные конструкции количественно доминируют в памятниках булан-кобинской культуры Северного и Центрального Алтая, датирующихся 2-й четвертью I тыс. н.э. [Серегин, Матренин, 2016, с. 42].

В трех объектах (5,1%) прослежены остатки деревянных внутримогильных конструкций с перекрытием, условно названных ящиками: Степушка-I, курганы №5, 17, 19 (табл. 51.-*15, 16, 19*). Плохая сохранность не позволяет сказать что-то определенное о принципе соединения стенок. В памятниках сяньбийско-жужанского времени Центрального Алтая данная разновидность деревянных камер является большой редкостью (до 3%) и представлена в основном в могильнике Бош-Туу-I [Мамадаков, 1990б; Могильников, Суразаков, 1995, рис. 5, 8; Тишкин, Мыльников, 2016, с. 33–35]. Более многочисленно деревянные ящики выглядят в погребальной практике населения булан-кобинской культуры III–V вв. н.э. Северного Алтая [Матренин, 2005в; Серегин, Матренин, 2016, с. 37, 40].

В одном объекте (1,7%) стены могильной ямы были обложены рваными камнями: Степушка-I, курган №1 (табл. 51.-*1*). Захоронения сяньбийско-жужанского времени в таких конструкциях на территории Центрального Алтая единичны (до 1%) [Матренин, 2005в, с. 110; Серегин, Матренин, 2016, с. 38, 42–43]. Каменные обкладки являются одним из ведущих типов внутримогильных сооружений булан-кобинского населения Восточного Алтая в IV–V вв. н.э. (могильник Кок-Паш).

Важно отметить, что в комплексе Степушка-I одинаково часто встречаются имитации ящиков и ямы без внутримогильных конструкций и значительно реже – каменные и деревянные ящики и обкладка из камней*. В составе комплекса Степушка-2 численно доминируют ямы без внутримогильных конструкций и каменные ящики (в половине случаев с перекрытием из плит) на фоне малочисленных имитаций ящиков в виде отдельно установленных плит.

* В восточной части некрополя достоверно не зафиксировано ни одного случая наличия у каменных ящиков перекрытия из плит.

Способы захоронения, элементы погребального ритуала

Большинство погребений на некрополе были выполнены по обряду одиночной ингумации. Только два кургана содержали парные захоронения: Степушка-I, курган №15 (мужчина 35–40 лет и ребенок в возрасте двух лет), Степушка-2, кольцо №17 (женщина 35–40 лет и ребенок 11 лет) (табл. 51.-*13*; 54.-*14*). Для погребальной практики булан-кобинской культуры они являются большой редкостью (до 3% случаев): Айрыдаш-I (8), Белый-Бом-II (2), Булан-Кобы-IV (2), Бош-Туу-I (1), Боочи (2), Кок-Паш (1), Курайка (1), Улита (1), Улуг-Чолтух-I (1), Яломан-II (1) [Глоба, 1983, с. 117–123; Мамадаков, 1990б, с. 180, 193, 213; 225; Соенов, Эбель, 1998, с. 113–114; Худяков, 2002в, с. 80; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 5; Соенов, 2003, с. 39–40; Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 81.-1, 2; и др.]. Помещение в одну могилу нескольких человек могло быть обусловлено обстоятельствами смерти и (или) близким родством покойных.

Умершие люди лежали на спине часто с небольшим завалом на бок с вытянутыми или слегка согнутыми в коленях ногами. В четырех случаях (Степушка-2, объекты №33, 37, 39, 40) зафиксировано трупоположение на боку, преимущественно на правой стороне. Головой покойные были обращены обычно в восточный сектор и с отклонениями, чаще к северу. Пять объектов содержали ингумацию с ориентацией в западном направлении: Степушка-I, курганы №5а, 14, 15, 19; Степушка-2, курганы №2, 3. Они располагались на северной и восточной периферии некрополя (табл. 55). В отдельно стоявшем на южной окраине кургане №48 комплекса Степушка-2 исследовано захоронение человека, ориентированного головой на север–северо-запад. Полученные материалы подтверждают тенденцию преобладания у населения булан-кобинской культуры Центрального Алтая ориентации покойных «головой на восток» [Матренин, 2005а, с. 14; 2005г, с. 38–39; Тишкин, Матренин, 2007, с. 44; Серегин, Матренин, 2016, с. 53]. Вытянутое положение покойных характерно для комплексов II–V в. н.э. Сосуществование на Алтае в сяньбийско-жужанское время двух традиций в ориентации умерших людей по сторонам горизонта (при этом в рамках одного некрополя) демонстрирует взаимодействие разных по происхождению этнокультурных групп населения в сяньбийско-жужанский период.

В двенадцати (19%) погребениях некрополя присутствовали сопроводительные захоронения верхового коня, уложенного сбоку от человека на одном уровне с ним, на невысокой материковой приступке или ниже покойного: Степушка-I, курганы №5, 7, 14, 17, 19, 21; Степушка-2, объекты №3, 4, 26, 32, 40, 48 (табл. 51.-*14–19*; 54.-*2, 3, 22, 25, 34, 38*). В непотревоженных объектах скелеты лошадей находились преимущественно в северной половине ямы с левой стороны от человека. В курганах №26 и 32 комплекса Степушка-2 животные занимали южную часть могилы, справа от человека. В кенотафе из объекта №3 комплекса Степушка-2 скелет лошади располагался также вдоль южного борта ямы. В потревоженном грабителями (?) объекте №4 размещение скелета лошади в могиле не установлено.

Ориентация верховых коней головой по сторонам горизонта совпадала с направлением положения человека. В кургане №19 комплекса Степушка-I задокументирована ситуация, когда лошадь располагалась по антитезе с человеком и имела вывернутую к крупу шею, что придавало голове одну ориентацию с покойным. Положение животных отличалось вариативностью: на боку (шесть случаев), на животе (два случая), на спине (два случая). В двух объектах (Степушка-I, курган №14; Степушка-2, кольцо №4) поза не определяется по причине сильной ограбленности захоронений.

Ингумация с верховым конем встречается у булан-кобинского населения Алтая в течение всего периода существования (II в. до н.э. – V в. н.э.) и имеет свои отличительные особенности по сравнению с памятниками скифо-сакского и тюркского времени [Матренин, 2005г, с. 40–43; Матренин, Тишкин, 2005, с. 159–160]. Зафиксированная на некрополе Степушка традиция размещения лошади вдоль продольной стенки могилы встречается уже в хуннуский период у кочевников Северного Алтая (могильник Усть-Эдиган). Она может иметь местное происхождение, связанное с наследием обрядности пазырыкской культуры или кочевников VI–III вв. до н.э. Верхне-

го Прииртышья [Тишкин, Матренин, 2007, с. 47]. Похожее трупоположение с конем представлено в памятниках III–IV вв. н.э. (Айрыдаш-I, Улита) и 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э. (Верх-Уймон, Чендек, Катанда-I, Берель, Чендек) [Матренин, 2005г, с. 42–43; Серегин, Матренин, 2016, с. 61].

В составе могильника идентифицированы десять кенотафов: шесть в комплексе Степушка-I, четыре в комплексе Степушка-2 [Матренин, Тишкин, Шмидт, 2013а; Соенов, Константинов, Трифанова, 2015б]. Они составляют 15,8% от общего количества раскопанных захоронений. По своему оформлению данные объекты представлены двумя разновидностями.

«Классические» кенотафы по размерам и конструкции погребального сооружения не отличались от обычных захоронений [Тишкин, Грушин, 1997] и предназначались, по-видимому, для взрослых людей: Степушка-I, курган №1а; Степушка-2, объект №3) (табл. 52.-*1*; 54.-*2*). Обнаруженный сопроводительный инвентарь включал железные наконечники стрел (Степушка-I, курган №1а), железные и костяные наконечники стрел, роговые накладки от лука, удила, железные детали узды, костяные цурки (Степушка-2, курган №3).

«Миниатюрные» кенотафы имеют главным признаком устройство погребальной камеры, не предназначенной по своим пропорциям для размещения тела взрослого человека. Они представлены ямами (Степушка-I, курганы №16, 18) и каменными ящиками, впущенными в яму (Степушка-2, курган №12) или установленными на древнем горизонте (Степушка-I, курган №20; Степушка-2, кольцо №34а, объект №39а) (табл. 52.-*2, 3*; 54.-*9, 18, 28, 32, 33*). Вещи найдены в трех таких символических захоронениях: Степушка-I, курган №16 – два железных наконечника стрел, «напильник», коротколезвийный нож; Степушка-I, курган №18 – четыре железных наконечника стрел и коротколезвийный нож; Степушка-2, курган №12 – железный наконечник стрелы.

Практика возведения кенотафов отмечена на всех этапах развития булан-кобинской культуры. Обычно такие захоронения предназначались для пропавших без вести, погибшего на чужбине или утонувшего человека, а в некоторых случаях могли выступать своеобразными «мемориалами» в память людей, похороненных далеко от своих родственников [Тишкин, Грушин, 1997]. По сделанным подсчетам они составляют почти одну десятую часть от общего количества раскопанных на сегодняшний день в регионе погребений хуннуско-сяньбийско-жужанского времени [Серегин, Матренин, 2016, с. 62].

Показательно, что в 50% кенотафов, исследованных на могильнике Степушка, присутствовали предметы вооружения. Они локализуются только в северной части некрополя. Важно заметить, что кенотафы с оружием встречаются в могильниках Центрального Алтая, относящихся к концу III – IV в. н.э. (Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV) и ко 2-й половине IV – V в. н.э. (Верх-Уймон, Катанда-I, Яломан-II). Достаточно большой процент таких объектов по сравнению с другими памятниками булан-кобинской культуры свидетельствует об активном участии «степушкинцев» в военных конфликтах [Tur, Matrenin, Soyonov, 2016; Тур, Матренин, 2016].

В кургане №36 комплекса Степушка-2 выявлено парциальное погребение девушки 14–16 лет. В небольшую яму были помещены части расчлененного трупа (внизу череп, сверху тазовые кости и ноги) без рук, лопаток, ребер и позвонков (табл. 54.-*29*). Данное захоронение, по-видимому, связано с ритуалом «обезвреживания» покойника [Соенов, Трифанова, 2015]. Результатом подобной практики может быть нахождение костей таза, кистей и стоп, фрагментов других частей скелета человека в заполнении непотревоженной могильной ямы объекта №3 комплекса Степушка-2 [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 35–36].

В четырех объектах, судя по зафиксированным *in situ* костям посткраниального скелета, были похоронены тела людей с отрубленными ступнями, отсеченными с нижней частью берцовых костей. Среди них встречаются как мужчины (Степушка-I, курганы №3, 8; Степушка-2, курган №30), так и женщины (Степушка-2, курган №8). Данные манипуляции можно рассматривать как проявление ритуала «обезверживания» опасных покойников [Флеров, 2000, с. 55–75]. Аналогичные случаи отчленения известны при раскопках погребений булан-кобинской культуры на других памятниках (Айрыдаш-I, Белый-Бом-II, Бике-I, Верх-Уймон, Чендек, Яломан-II и др.) [Серегин, Матренин, 2016, с. 69].

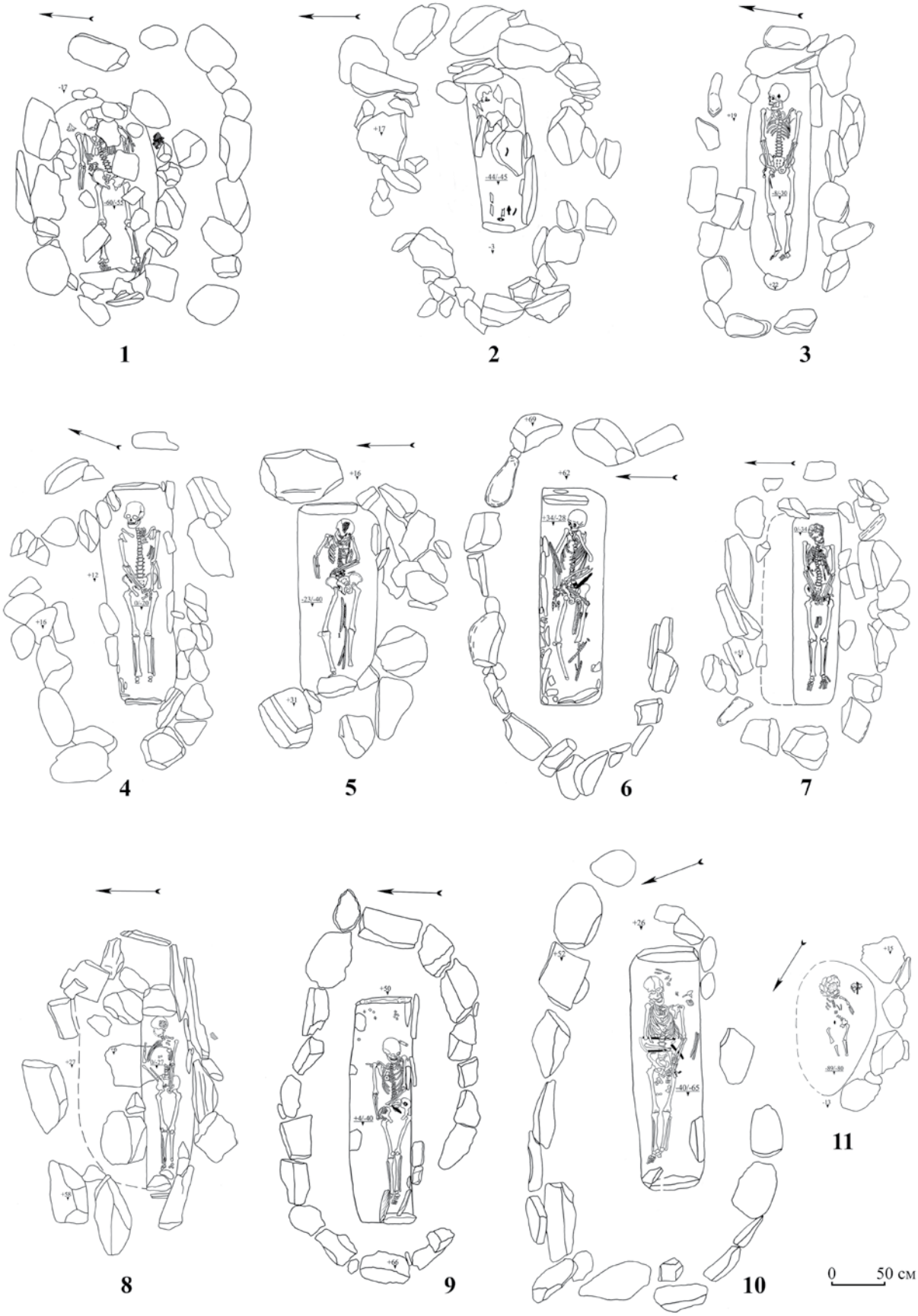
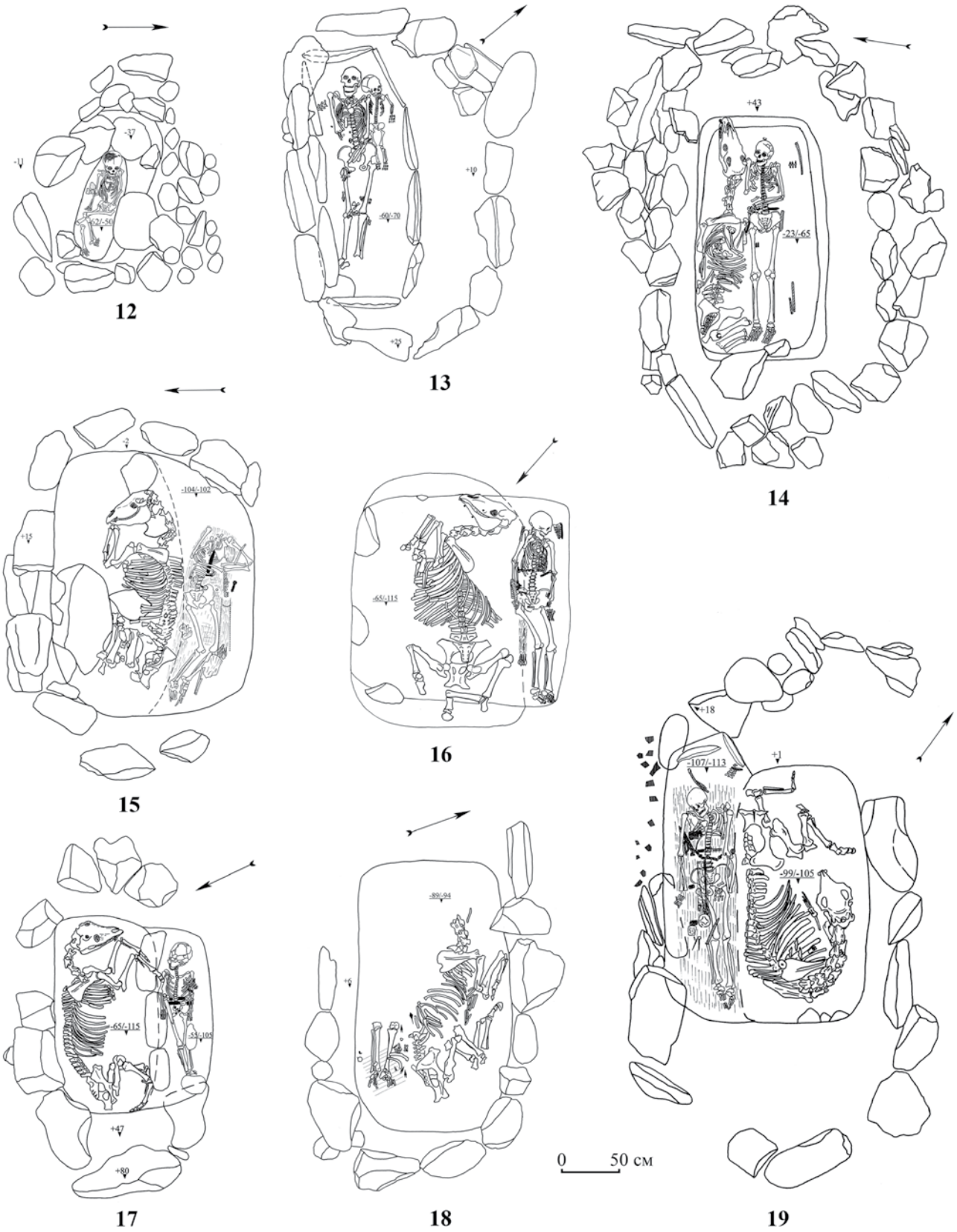

Таблица 51. Погребальные сооружения и способы захоронения комплекса Степушка-I: курганы №1 (1), №2 (2), №3 (3), №4 (4), №6 (5), №8 (6), №9 (7), №10 (8), №11 (9), №13 (10), №24 (11)

Окончание таблицы 51. Погребальные сооружения и способы захоронения комплекса Степушка-I: курганы №5 (15), №5а (12), №7 (14), №14 (18), №15 (13), №17 (16), №19 (19), №21 (17)

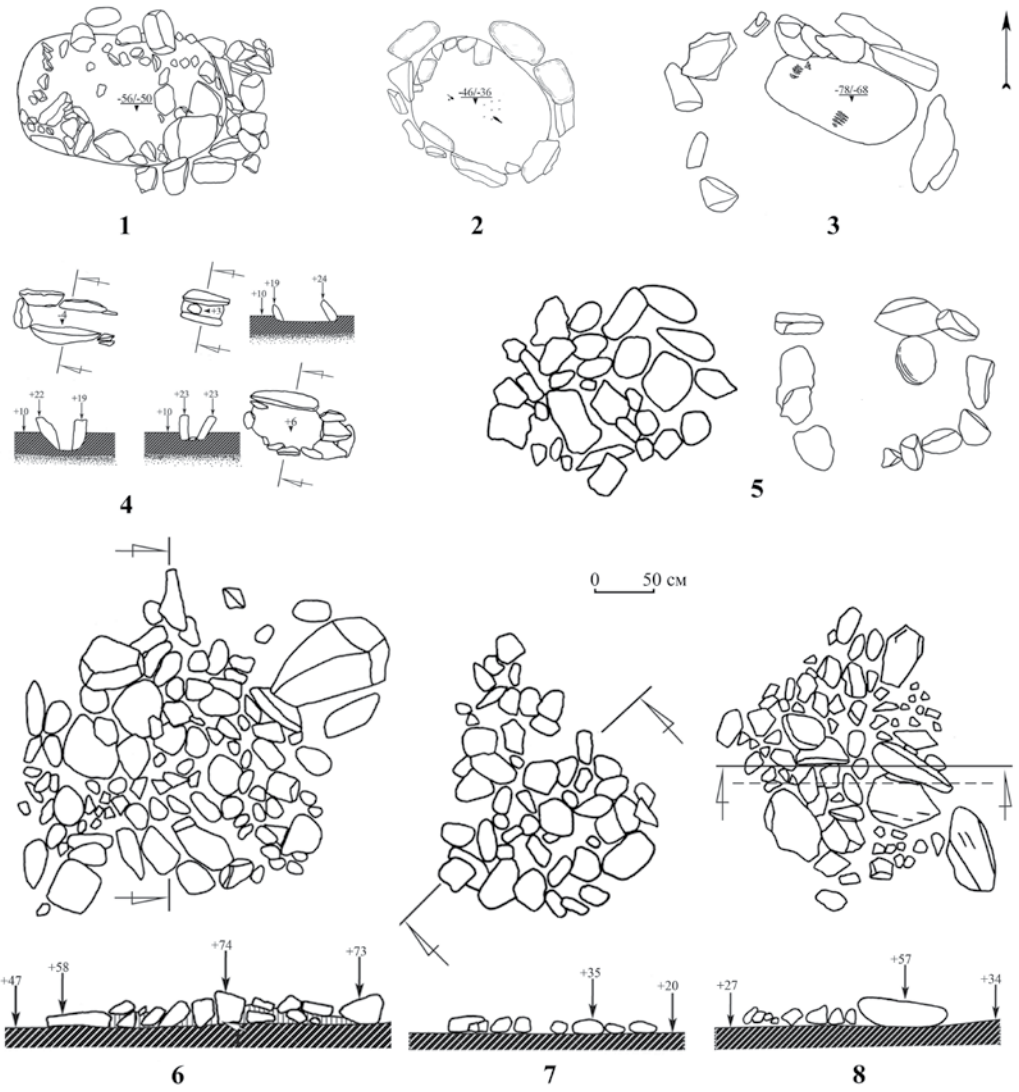

Таблица 52. Кенотафы (1–4) и ритуальные объекты (5–8) комплекса Степушка-I: курганы №1а (1), №16 (2), №18 (3), №20 (4); выкладки №5б (5), №12 (6), №22 (7), №23 (8)

Одним из элементов погребального ритуала было снабжение умерших людей мясной пищей, от которой в десяти могилах (Степушка-I, курганы №1, 13, 15, 17, 18, 19, 21, 24; Степушка-2, курганы №2, 5) зафиксированы кости овцы – преимущественно позвонки пояснично-крестцового отдела скелета, реже другие фрагменты. Установлено, что пища располагалась преимущественно в области головы покойных обычно рядом с железным коротколезвийным ножом, в отдельных случаях на деревянном блюде (Степушка-I, курган №21) или на берестяной подставке (Степушка-I, курган №24). Стоит отметить, что погребения, содержавшие костные остатки пищи, размещались только на северной, восточной и юго-восточной окраине некрополя. Объяснить наличие данного элемента ритуала в конкретных захоронениях пока трудно. В остальных погребениях жертвенная пища, по-видимому, также присутствовала, но не сохранилась, так как была представлена бескостной частью туши животного*. В связи с этим следует подчеркнуть, что для отдельных групп населения Алтая сяньбийско-жужанского времени отсутствие «мяса на кости» является нормой погребального обряда.

* Основанием для такого предположения является обнаружение личинок мясных мух в кожаном мешочке (сумочке?) в погребении юноши из кургана №30 комплекса Степушка-2 [Соенов, Трифанова, 2014, с. 70].

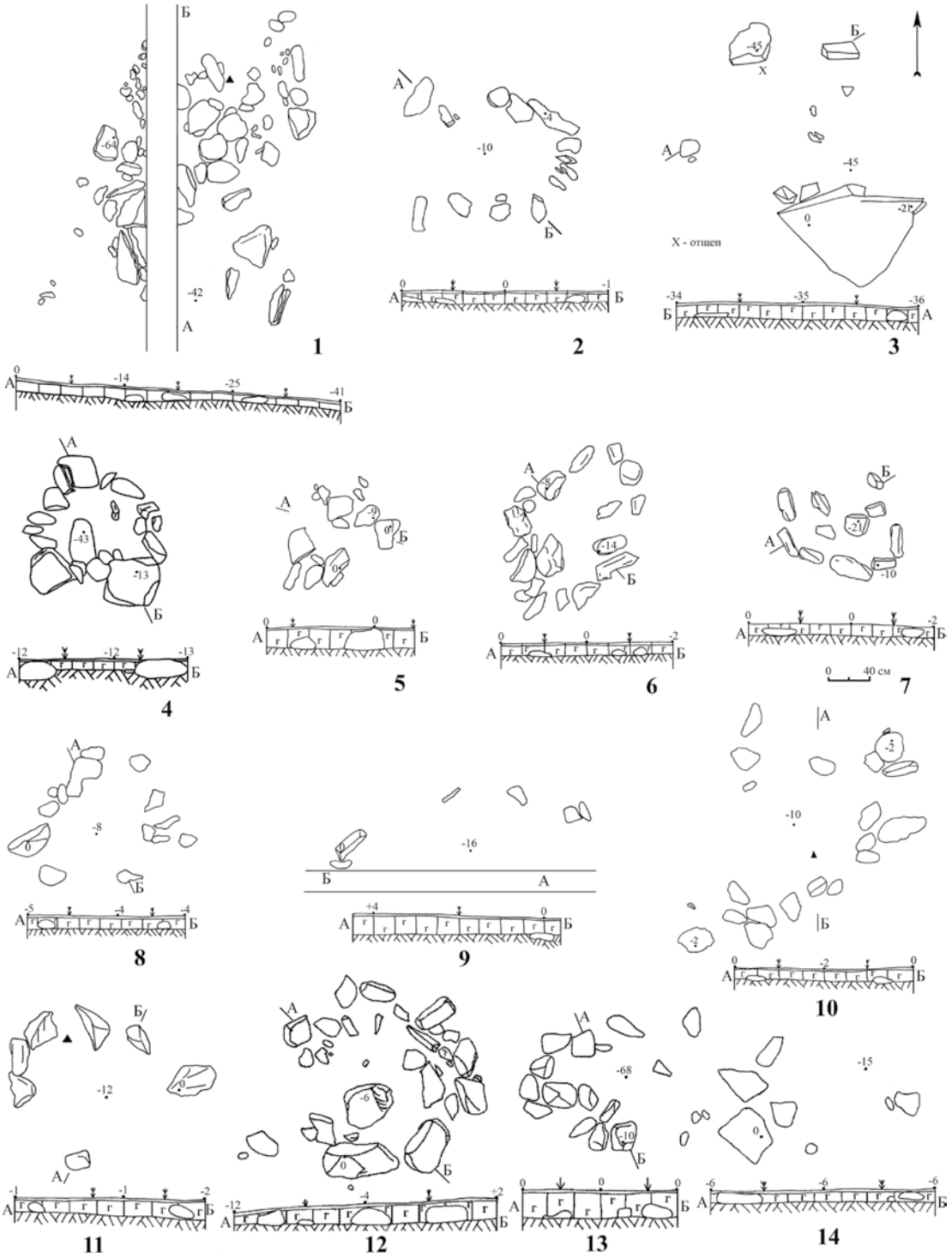
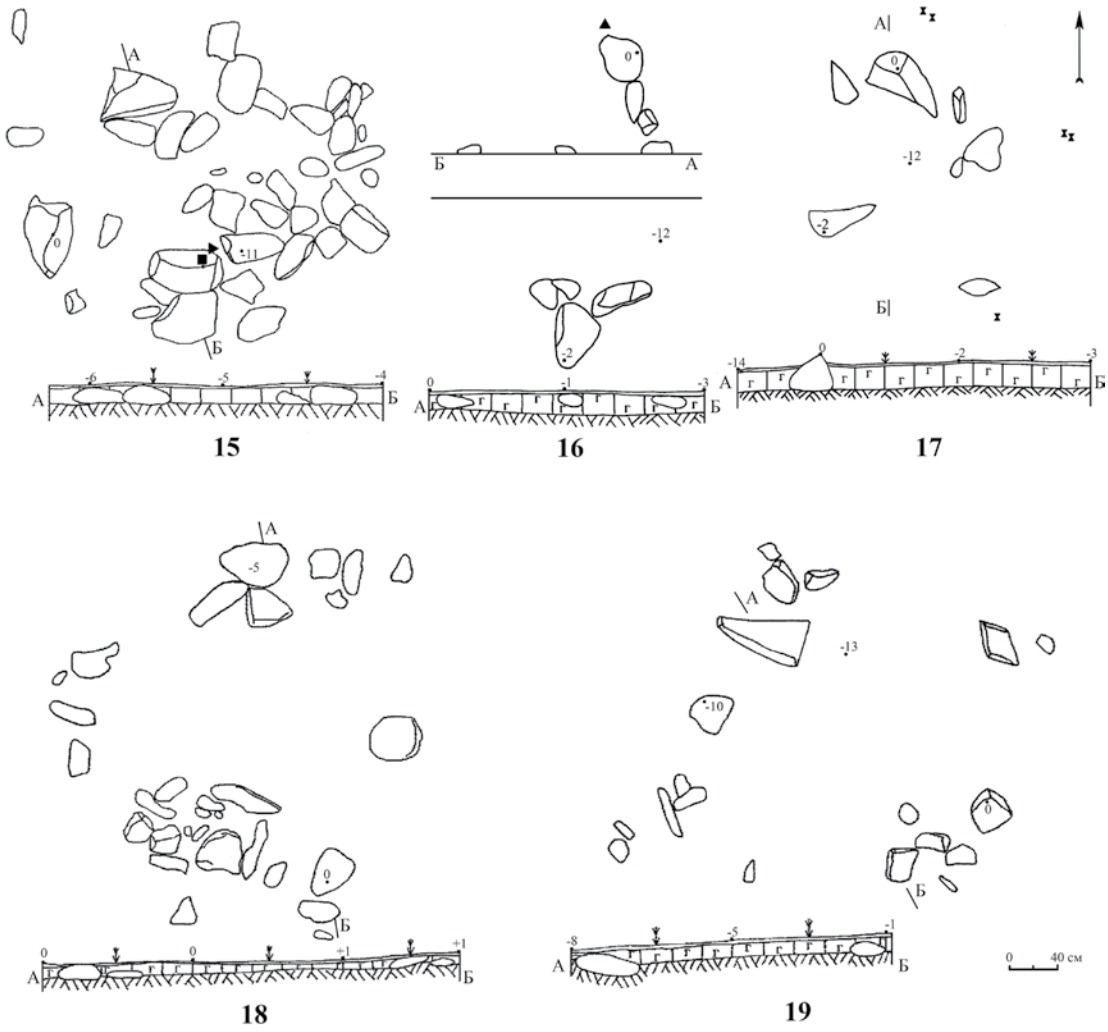

Таблица 53. Ритуальные объекты комплекса Степушка-2:
выкладки №1 (1), №6 (2), №11 (3), №15а (4), №24 (5), №25 (6), №25а (7), №27а (8), №27б (9), №28 (10), №29 (11), №31 (13), №35 (12), №45 (14)
[по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 3, 18, 35, 44, 65–67, 74–76, 78, 82, 95, 120]

Зафиксированные в процессе раскопок фрагменты керамической посуды, костей животных в насыпях курганов и выкладок, а также в пространстве, не занятом объектами, свидетельствуют о реализации на территории некрополя (преимущественно в западной половине) каких-то ритуальных действий.

Окончание таблицы 53. Ритуальные объекты комплекса Степушка-2: выкладки №42 (15), №43 (18), №45 (14), №44 (19), №47 (16), №49 (17) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 117–119, 125, 131]

Типологические группы погребений

Исследованные на некрополе Степушка объекты соотносятся с четырьмя погребальными традициями кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Основанием для выделения их выступало сочетание трех вариабельных этнодиагностирующих показателей: ориентация людей по сторонам горизонта, наличие/отсутствие сопроводительного захоронения лошади, размещение животного в могиле относительно человека [Матренин, Тишкин, 2007; Тишкин, Матренин, 2007; Матренин, 2008б; Серегин, Матренин, 2016]. Полученные в результате корреляции комплексы погребений рассматривались нами в качестве типологических групп, которым были даны условные наименования по названию могильников, где они представлены в наиболее «чистом» виде или составляли преобладающее количество от общего числа исследованных захоронений. Каждая типологическая группа объединялась связью объектов, значительно превышавшую подобную связь с другими объектами, но не объединявшая их общностью учитываемых характеристик [Клейн, 1991, с. 361].

«Улуг-чолтухская» группа – ингумация головой в восточный сектор без лошади (39 погребений). Захоронения производились на глубине от 0,2 до 0,8 м в каменных ящиках (Степушка-I, курганы №2, 8; Степушка-2, объекты №7, 14, 18, 20–23, 27,

30, 36а, 41, 41а, 46), в имитациях ящиков (Степушка-I, курганы №3, 6, 9, 10, 11, 13; Степушка-2, объекты №13, 16, 17, 19, 36), ямах без конструкций (Степушка-I, курганы №4, 24; Степушка-2, объекты №5, 8, 10, 15, 33, 34, 37, 39), обкладке из камней (Степушка-I, курган №1) (табл. 51.-*1–11*; 54.-*4–6, 8, 10, 11–15, 17–21, 23, 24, 26, 27, 29–32, 35–37*). Вид погребальной камеры из объекта №18а комплекса Степушка-2 не определен (табл. 54.-*16*).

Объекты данной типологической группы существовали на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. Они исследованы на многих могильниках булан-кобинской культуры (Белый Бом-II, Бике-I, Бош-Туу-I, Боочи, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш, Пазырык, Сальдяр-II, Сары-Бел, Улуг-Чолтух-I, Урочище Балчикова-3, Усть-Эдиган, Чендек, Яломан-II и др.), доминируя количественно на территории Центрального Алтая (до 50% захоронений). По своим характеристикам такие захоронения обнаруживают широкий круг аналогий в материалах Южной Сибири скифо-сакского времени, что, возможно, свидетельствует о гетерогенном облике оставившего их населения. В его состав могли входить, например, местные «непазырыкцы» (они отождествляются с массивом погребений без лошадей в каменных ящиках, обкладках, рамах), выходцы из Верхнего Прииртышья, Тувы или Монголии. Учитывая сходство обряда «улуг-чолтухцев» с комплексами скифо-сакского времени из разных районов Алтая и сопредельных регионов, идентифицировать роль в генезисе его носителей местных и пришлых этнокультурных компонентов пока трудно. Имеется надежда, что определенную помощь в решении этого вопроса окажут результаты палеогенетических исследований антропологических материалов.

«Карбанская» группа – трупоположение с ориентацией умерших людей головой в западный сектор, без лошади (три погребения). Захоронения совершались на глубине 0,5–0,7 м в ямах без внутримогильных конструкций (Степушка-I, курган №5а; Степушка-2, объект №2) или в каменном ящике (Степушка-I, курган №15). Объекты с данными признаками находились на северной и восточной окраине некрополя Степушка (табл. 51.-*12, 13*; 54.-*1*).

Обозначенная типологическая группа представлена большинством погребений из могильников Усть-Эдиган, Карбан-I, Айрыдаш-I, Тыткескень-VI, Чендек, Улита, а также отмечена на памятниках Бике-I, Бош-Туу-I, Дялян, Верх-Еланда-II, Верх-Уймон, Бош-Туу-I, Усть-Бийке-III, Яломан-II, Кальджин-6 и 8, Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Улуг-Чолтух-I. В количественном отношении данные захоронения преобладали в Северном Алтае (более 75% погребений данной группы на всей территории Алтая, не менее 60% захоронений этого района), где они известны уже в хуннуское время (II в. до н.э. – I в. н.э.), но становятся многочисленными во II–V вв. н.э. В Центральном Алтае объекты карбанского типа составляют около 20% и датируются в своей основной массе II–V вв. н.э. При выяснении генезиса данной группы погребений можно указать, что характерный для нее комплекс признаков наиболее часто фиксируется в памятниках пазырыкской культуры V–III вв. до н.э. Юго-Восточного Алтая. Относительно много захоронений V–IV вв. до н.э., с западной ориентацией в вытянутой позе, раскопано сейчас в Северо-Западном Алтае. Наличие западной ориентации, каменных ящиков, положения вытянуто на спине часто фиксируется в майэмирских (майемерских) и кула-жургинских комплексах Верхнего Прииртышья [Черников, 1951, с. 64–80; Марсадолов, 2000, с. 37]. Появление в булан-кобинской культуре погребений с западной ориентацией может свидетельствовать о перемещении на Алтай племен из периферийных районов Алтая, Восточного Казахстана, Тувы, Верхнего Прииртышья в связи с распространением на рубеже III–II вв. до н.э. экспансии державы Маодуня на северные районы Центральной Азии. Для всех этих регионов отмечается большая роль в культурогенетических процессах «непазырыкских» групп населения. Не исключено, что в этногенезе «карбанцев» принимали участие потомки населения аржано-майэмирского времени, вытесненного в свое время «пазырыкцами».

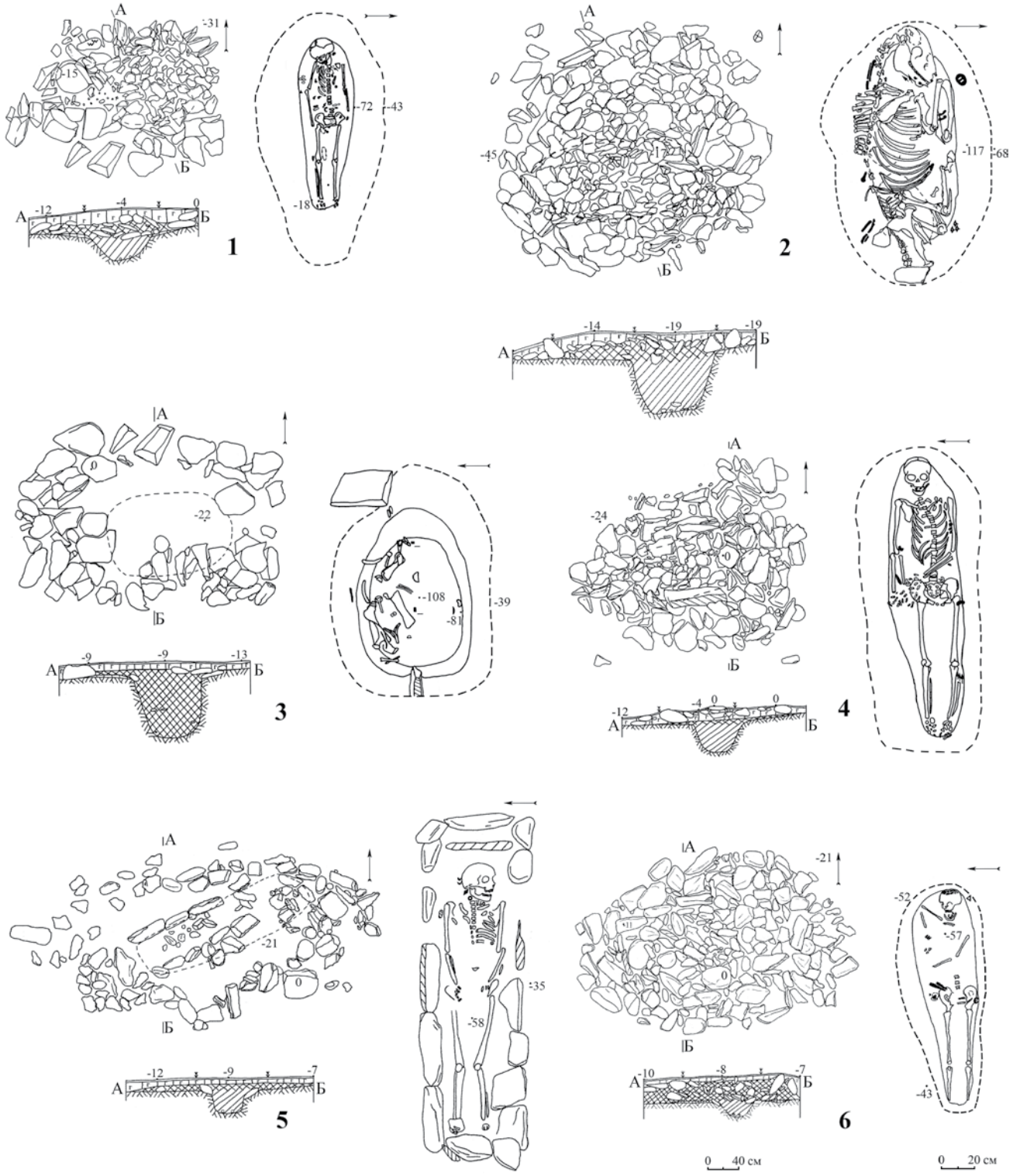
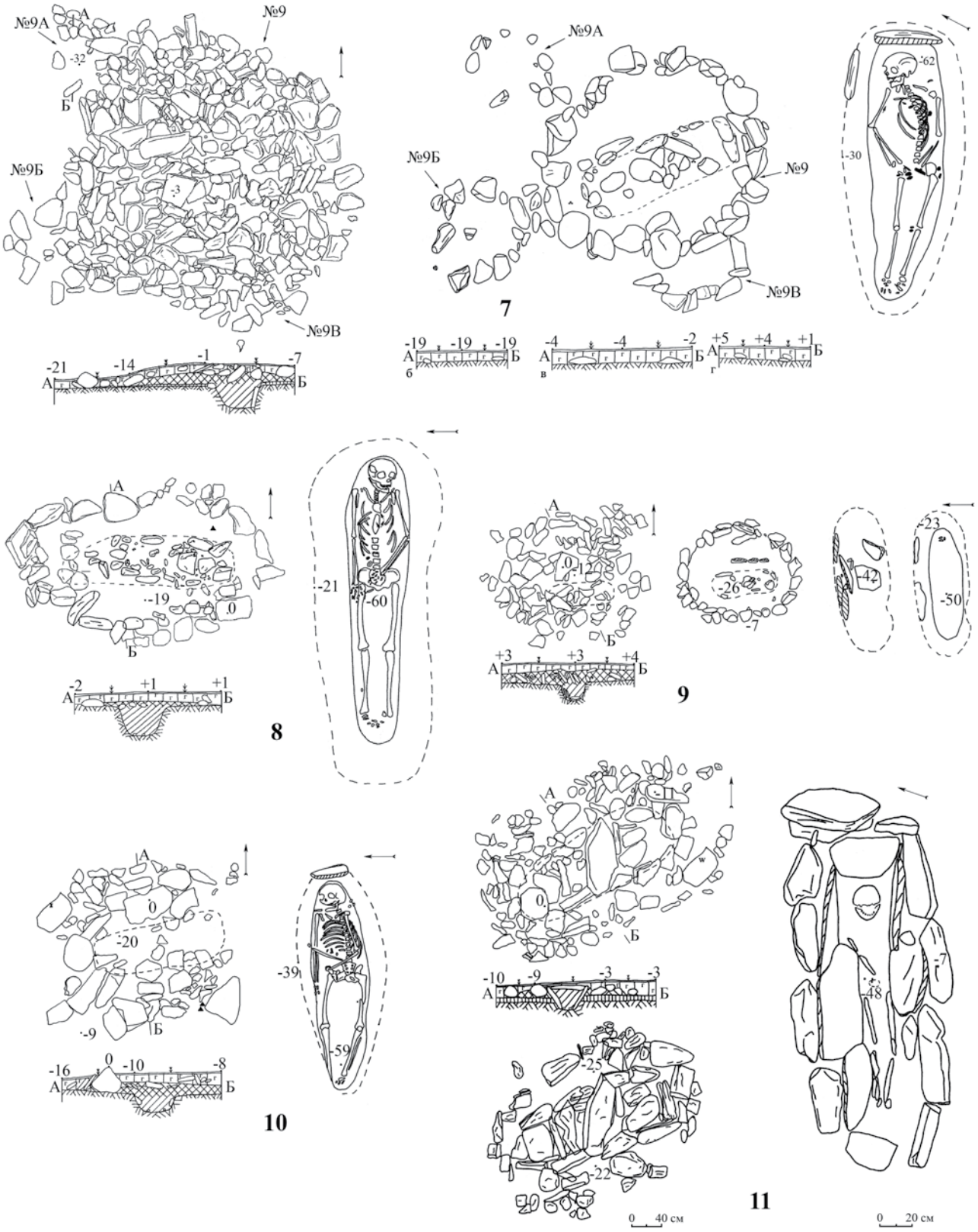
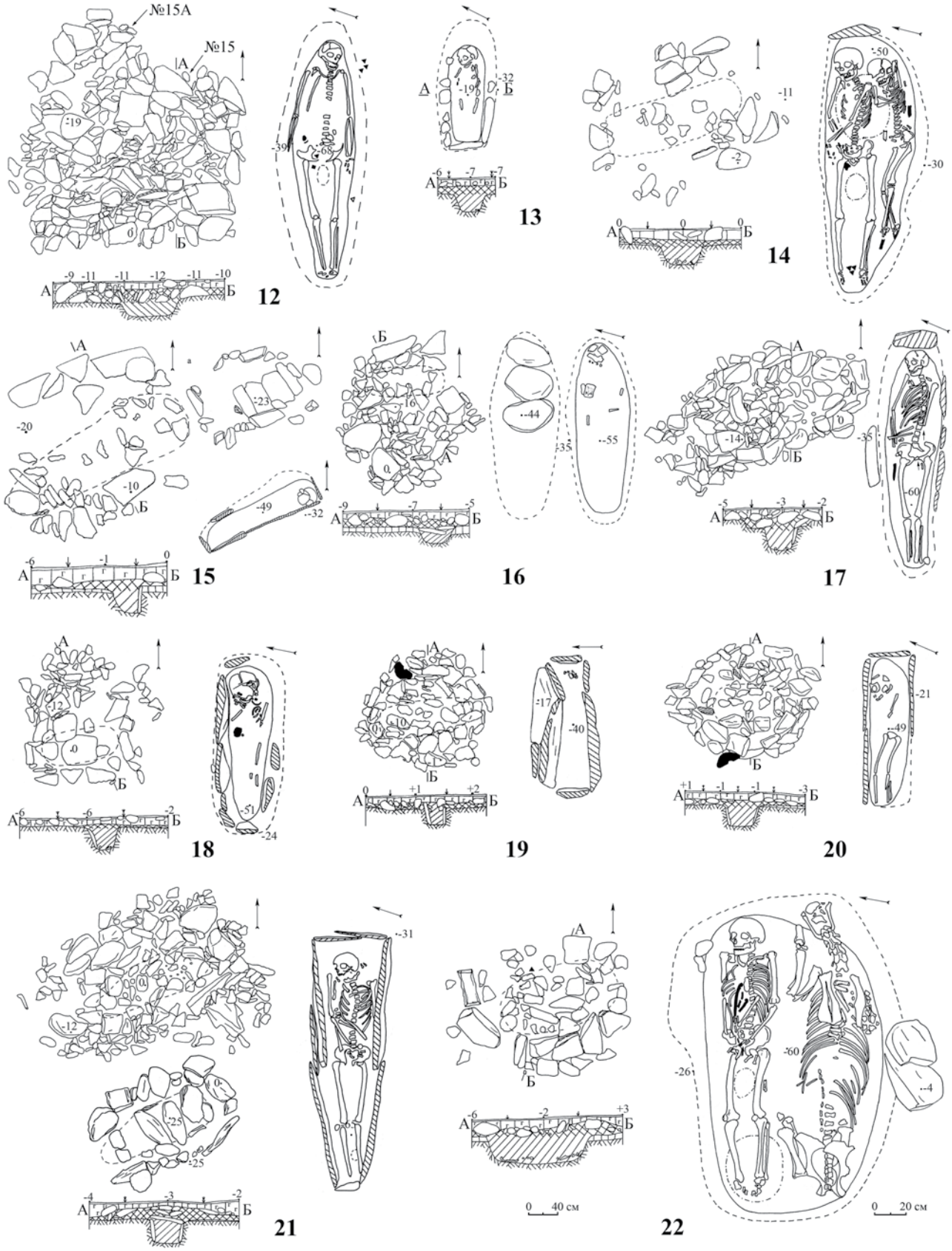

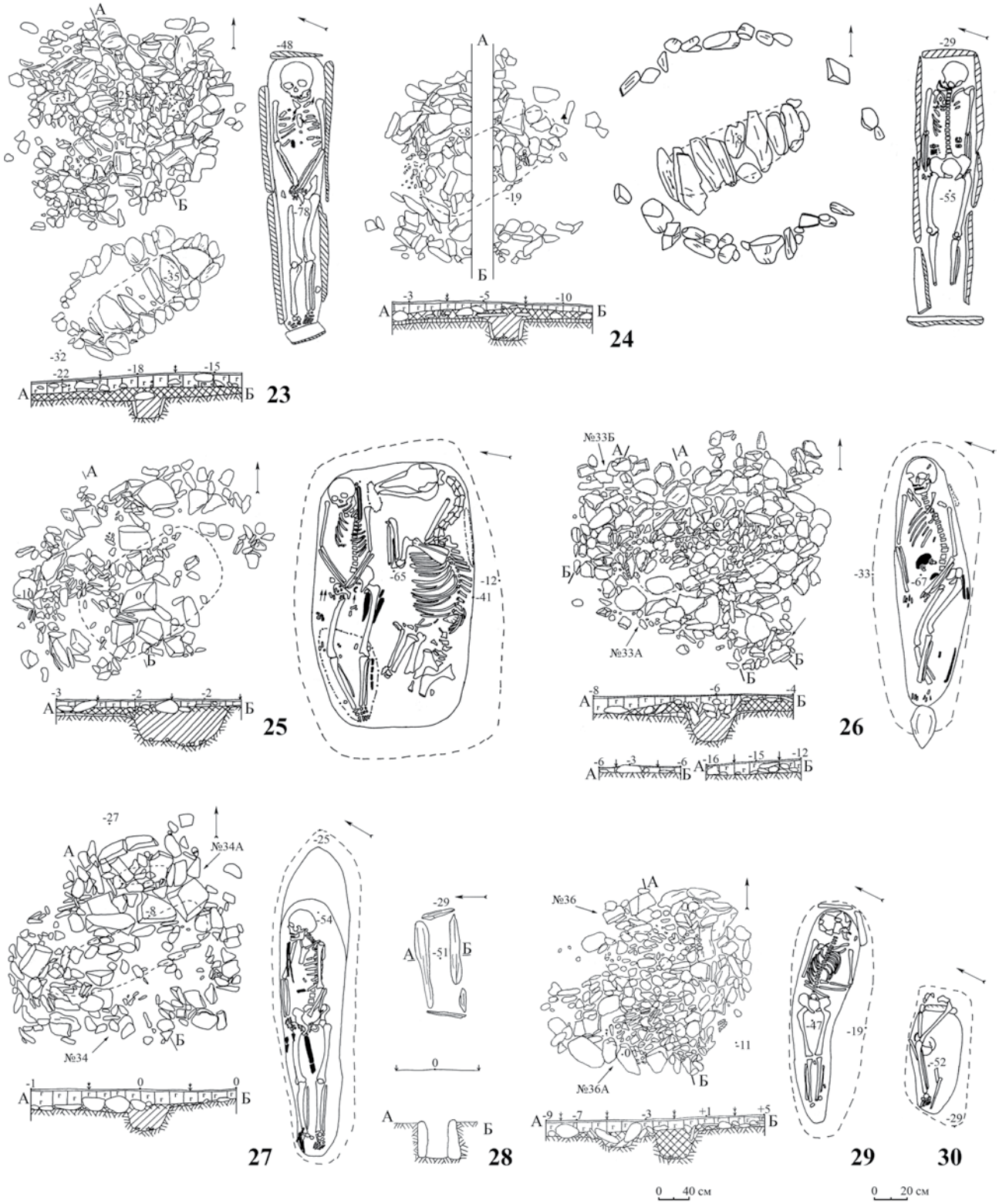
Таблица 54. Погребальные сооружения и способы захоронения комплекса Степушка-2: объекты №2 (1), №3 (2), №4 (3), №5 (4), №7 (5), №8 (6)
[по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 5, 7, 8, 11, 12, 14, 15, 19, 22, 23]

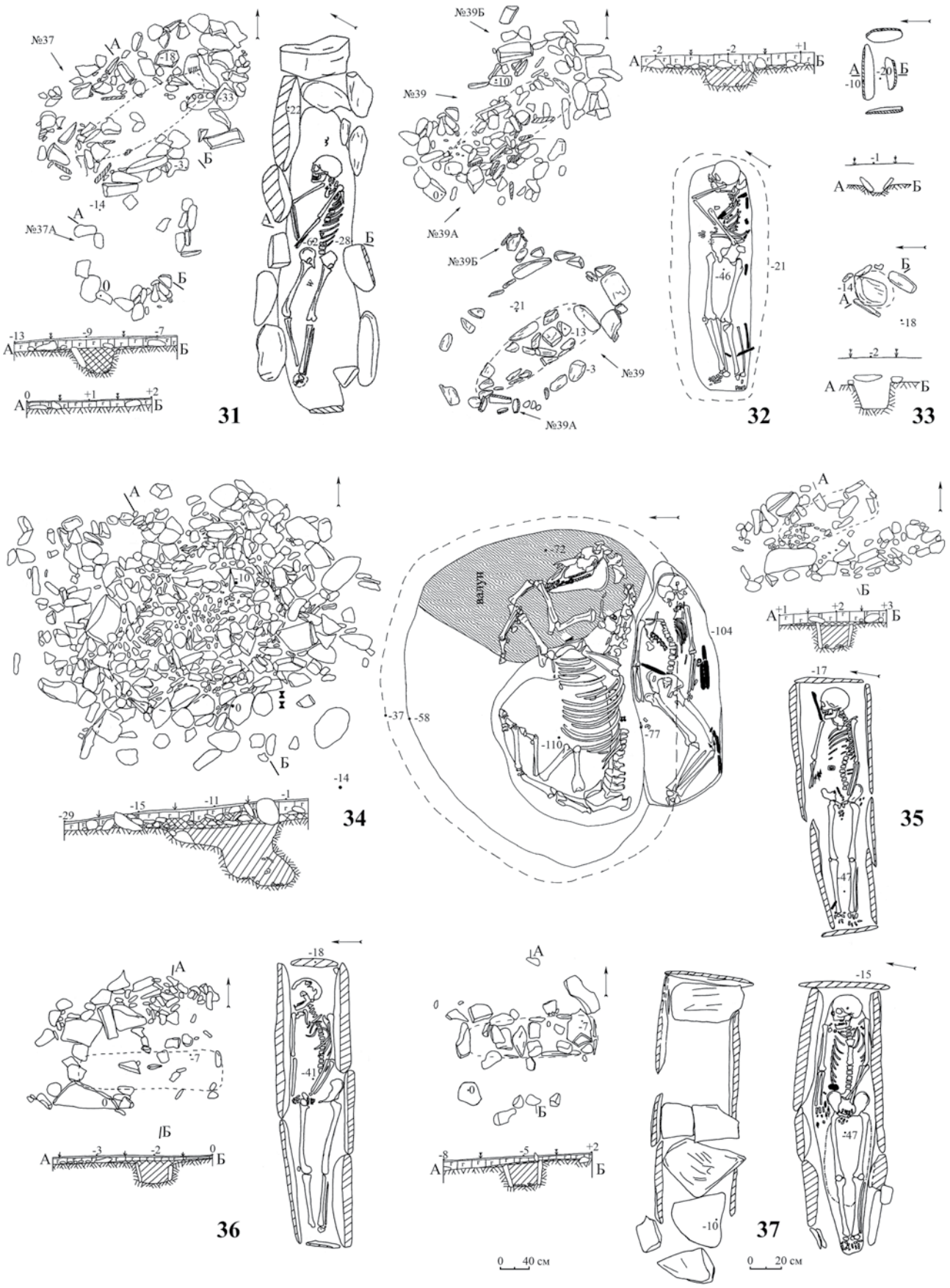
Продолжение таблицы 54. Погребальные сооружения и способы захоронения комплекса Степушка-2: объекты №9 (7), №10 (8), №12 (9), №13 (10), №14 (11) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 28–30, 33, 36–39]

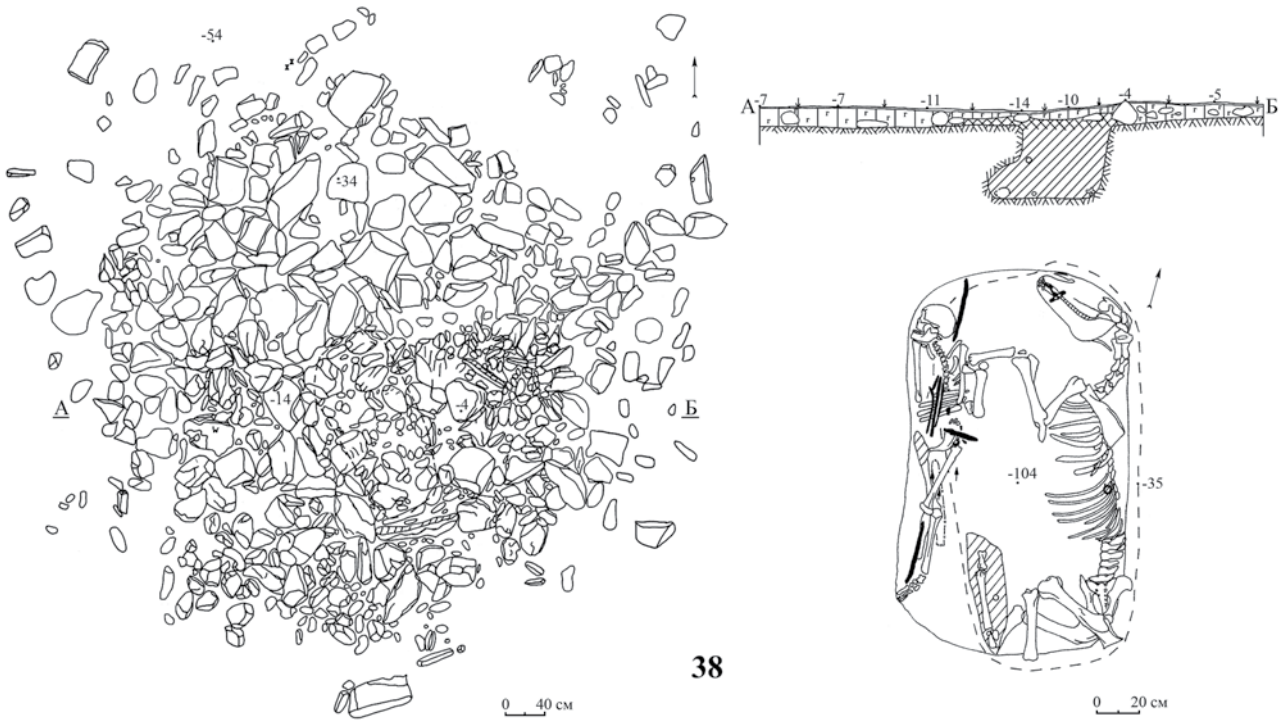
Продолжение таблицы 54. Погребальные сооружения и способы захоронения комплекса Степушка-2: объекты №15 (12), №16 (13), №17 (14), №18 (15), №18а (16), №19 (17), №20 (18), №21 (19), №22 (20), №23 (21), №26 (22) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 41, 42, 46–48, 50–55, 57–59, 62, 63, 68, 69]

Продолжение таблицы 54. Погребальные сооружения и способы захоронения комплекса Степушка-2: объекты №27 (23), №30 (24), №32 (25), №33 (26), №34 (27), 34а (28), №36 (30), №36а (29)
[по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 71, 72, 79, 80, 83, 84, 87, 88, 91, 92, 96, 97]

Продолжение таблицы 54. Погребальные сооружения и способы захоронения комплекса Степушка-2: объекты №37 (31), №39, 39а, 39б (32, 33), №40 (34), №41 (35), №41а (36), №46 (37) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 99, 100, 103, 104, 107, 109, 113, 115, 121, 123]

Окончание таблицы 54. Погребальные сооружения и способы захоронения комплекса Степушка-2: объект №48 (38) [по: Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 126, 127]

«Берельская» группа – ингумация головой в восточном направлении в сопровождении верхового коня, уложенного сбоку от человека в северной или южной половине яме (семь погребений). Захоронения производились в могилах с прямыми стенками или с подбоем на глубине 0,35–1,5 м. Погребальные камеры представлены ямами без внутримогильных конструкций (Степушка-I, курган №7; Степушка-2, объекты №26, 32, 40), деревянными ящиками (Степушка-I, курганы №5, 17), а также имитацией каменного ящика (Степушка-I, курган №21). Какие-либо закономерности в планиграфии погребений не выявлены (табл. 51.-*14–17*; 54.-*22, 25, 34*).

Такие объекты на территории Алтая остаются пока самыми малочисленными и до настоящего времени они были исследованы в комплексах II в. до н.э. – I в. н.э. (Усть-Эдиган) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Берель) [Гаврилова, 1965, с. 54–55; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 34, рис. 41][*]. В сложении «берельцев» хуннуского времени определенную роль, по-видимому, могли сыграть «пазырыкцы» [Тишкин, Матренин, 2007, с. 50; Матренин, 2008б]. Данные погребения сяньбийско-жужанского времени отражают существование у небольшой группы населения булан-кобинской культуры норм ритуала, ставших впоследствии характерными для тюрок 2-й половины V – XI в.

«Айрыдашская» группа – ингумация головой в западный или север–северо-западный сектор в сопровождении лошади, уложенной «сбоку» от человека вдоль длинной (северной) стенки ямы (два погребения). Захоронения выполнены в могилах с прямыми стенками или с подбоем на глубине 0,95–1,1 м в деревянном ящике (Степушка-I, курган №19) или без дополнительных конструкций (Степушка-I, курган №14; Степушка-2, курган №48). Погребения с данными признаками находились на восточной и южной окраине некрополя (табл. 51.-*18, 19*; 54.-*38*).

Захоронения айрыдашской группы представлены серией разновременных объектов из некрополей Айрыдаш-I, Верх-Уймон, Катанда-I, Усть-Эдиган, Улита, Чендек [Гаврилова, 1965; Мамадаков, 1990б; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990; Соенов, Эбель, 1992; Худяков, 1998а–б; Соенов, 2003]. Ранние булан-кобинские комплексы с такой

[*] Возможно, к данной группе принадлежат несколько курганов с каменными ящиками, раскопанных С.В. Киселевым [1951, с. 533–534] на могильнике Туэкта в 1937 г.

ингумацией исследованы в настоящее время пока только на территории Северного Алтая. Они оставлены смешанным населением, условно аккумулировавшем в трансформированном виде традиции местного и пришлого этнокультурных компонентов. Последний мог быть близким по происхождению с кочевниками, оставившими одиночные захоронения с западной ориентацией. На территории Центрального Алтая погребения айрыдашской группы появляются не ранее III в. н.э. (Улита, курганы №16 и 25) и количественно преобладают на Верхней Катуни в составе некрополей 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э. (Катанда-I, Чендек, Верх-Уймон). У раннесредневековых кочевников Алтая такая ингумация человека с конем не известна. Аналогии данному обряду зафиксированы у некоторых представителей тюркского этноса, проживавших на Среднем Енисее [Митько, Тетерин, 1998]. Данное сходство может свидетельствовать о генетических связях этой этнической группы тюрок с «булан-кобинцами» [Серегин, 2012; Серегин, Матренин, 2016, с. 174–181].

Результаты изучения некрополя Степушка подтверждают ранее сделанные выводы относительно локально-территориальной специфики погребальной практики кочевников Центрального Алтая в сяньбийско-жужанское время [Матренин, 2005а–д, 2008а; Матренин, Тишкин, 2007; Тишкин, 2007; Серегин, Матренин, 2016, с. 158–164]. Рассмотренные материалы демонстрируют полиэтничный состав булан-кобинской культуры, характеризующийся контактами носителей нескольких погребальных традиций. Вариабельность обрядности свидетельствует о том, что некрополь Степушка оставлен несколькими кланами, представители которых были включены в общую систему семейно-брачных и производственных отношений. Реконструкция конкретных форм взаимодействия населения, оставивших разные группы погребений, станет возможной только на основе комплексного биоархеологического исследования антропологических материалов с привлечением данных по другим памятникам Алтая II–V вв. н.э.

4.3. Социальная интерпретация материалов

Полностью раскопанный некрополь Степушка содержал корпус археологических и антропологических материалов, информативных для изучения социальной структуры населения Алтая в сяньбийско-жужанское время*. На сегодняшний день это один из немногих памятников булан-кобинской культуры, который можно подвергнуть комплексному биоархеологическому исследованию.

Общепринятой является позиция, что в основе социально-экономической организации всех древних и традиционных народов находилась половозрастная структура, базировавшаяся на физико-генетических различиях людей и определявшая место индивида в производстве, распределении и потреблении материальных благ в связанной с ними системе общественных отношений. В связи с этим методически оправдано начинать палеосоциальные исследования с анализа демографии [Алекшин, 1975, с. 50; Бунятян, 1985, с. 58–71; Колесников, 1985; Ольховский, 1995, с. 89–90; Матвеева, 2000, с. 138–155; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 169–183, 340–356; Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 30–31; Васютин, Крадин, Тишкин, 2005а–б].

По признанию отечественных и зарубежных специалистов, одним из достаточно эффективных способов изучения демографической структуры по антропологическим материалам из древних погребений является вычисление таблиц смертности, отражающих корреляцию различных показателей, которые демонстрируют особенности функционирования популяций [Кислый, 1995; Молодин, Чикишева, Рыбина, 1997, рис. 1, табл. 1; Богатенков, 2000, с. 29; Алексеева, Богатенков, Лебединская, 2003, с. 21–24, табл. 4].

* Опыт социальной интерпретации результатов раскопок погребальных памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени представлен в работах В.Н. Елина [1987а], Ю.Т. Мамадакова [1997], А.С. и С.А. Васютиных [1997; 2005], А.Н. Садового, С.С. Онищенко [2003], С.С. Матренина [2005а–б; 2006], С.С. Матренина и А.А. Тишкина [2005], В.И. Соенова, Н.А. Константинова, С.В. Трифановой [2018].

В составе некрополя Степушка обнаружены костные останки 55 человек разной степени сохранности, среди которых удалось установить половозрастную принадлежность для 50 индивидов: одиннадцать детей – 22%; семь женщин (один подросток, шесть взрослых) – 14%; 32 мужчины (шесть подростков и юношей, 24 взрослых) – 64%*.

Таблица 55

Половозрастной состав людей, погребенных на некрополе Степушка

Дети		
1.	Степушка-I, курган №5а	5–6 лет
2.	Степушка-I, курган №15	2 года
3.	Степушка-I, курган №21	5–6 лет
4.	Степушка-I, курган №24	2 года
5.	Степушка-2, объект №2	10 лет
6.	Степушка-2, объект №16	3 года
7.	Степушка-2, объект №17	11 лет
8.	Степушка-2, объект №18	2 года
9.	Степушка-2, объект №18а	1,5 года
10.	Степушка-2, объект №20	2 года
11	Степушка-2, объект №21	возраст не определен
12.	Степушка-2, объект №22	6 лет
Девушки		
1.	Степушка-2, объект №36	14–16 лет
Женщины		
1.	Степушка-I, курган №11	около 40 лет
2.	Степушка-2, объект №7	45–55 лет
3.	Степушка-2, объект №8	35–45 лет
4.	Степушка-2, объект №15	40–45 лет
5.	Степушка-2, объект №17	35–40 лет
6.	Степушка-2, объект №37	40–45 лет
Подростки и юноши мужского пола		
1.	Степушка-I, курган №6	12,5–13,5 лет
2.	Степушка-I, курган №7	17 лет
3.	Степушка-I, курган №10	14–18 лет
4.	Степушка-I, курган №14	14–17 лет
5.	Степушка-I, курган №17	15–16 лет
6.	Степушка-2, объект №30	14–16 лет
Мужчины		
1.	Степушка-I, курган №1	20–23 лет
2.	Степушка-I, курган №2	40–45 лет
3.	Степушка-I, курган №3	25–30 лет
4.	Степушка-I, курган №4	около 50 лет
5.	Степушка-I, курган №5	25–35 лет
6.	Степушка-I, курган №8	27–28 лет
7.	Степушка-I, курган №9	35–40 лет
8.	Степушка-I, курган №13	40–50 лет
9.	Степушка-I, курган №15	35–40 лет
10.	Степушка-I, курган №19	около 35 лет
11.	Степушка-2, объект №5	35–40 лет
12.	Степушка-2, объект №9	около 25 лет
13.	Степушка-2, объект №10	45–50 лет
14.	Степушка-2, объект №19	30–35 лет
15.	Степушка-2, объект №23	30–35 лет
16.	Степушка-2, объект №26	около 40 лет
17.	Степушка-2, объект №27	около 35 лет
18.	Степушка-2, объект №32	около 30 лет
19.	Степушка-2, объект №33	около 25 лет
20.	Степушка-2, объект №34	35–40 лет

* Все представленные определения выполнены заведующей кабинетом антропологии Музея археологии и этнографии Алтая исторического факультета Алтайского государственного университета, к.и.н. С.С. Тур.

Окончание таблицы 55

21.	Степушка-2, объект №39	35–40 лет
22.	Степушка-2, объект №40	45–50 лет
23.	Степушка-2, объект №41	около 35 лет
24.	Степушка-2, объект №41а	около 25 лет
25.	Степушка-2, объект №46	30–32 лет
26.	Степушка-2, объект №48	около 50 лет
Индивиды с неопределенным полом		
1.	Степушка-2, объект №13	50–60 лет
2.	Степушка-2, объект №36а	14–16 лет
Индивиды с неопределенным полом и возрастом		
1.	Степушка-2, объект №4	–
2.	Степушка-2, объект №14	–

Структура антропологической выборки по некрополю Степушка характеризуется резко выраженным количественным доминированием мужской части населения (в 4,7 раза над женской, в 3 раза над детской). Для сравнения, на большинстве некрополей Алтая сяньбийско-жужанского времени численность мужских захоронений обычно не превышает 2/3 всей совокупности погребений [Матренин, 2006, с. 99][*].

Количественный состав детских могил (22%) можно экстраполировать с большой долей вероятности на реальную булан-кобинскую популяцию с пониманием того момента, что в имеющейся выборке отсутствуют «младенцы» (умершие до 2-х лет), которые по каким-то причинам не хоронились на кладбище. Близкие по уровню показатели получены по археологическим данным для других народов Северной и Центральной Азии периода поздней древности, например, для «пазырыкцев» Алтая – 23,3%, «саргатцев» Обь-Иртышского междуречья – 19–22%, хунну Забайкалья – 17,7–23,7%, «кокэльцев» Тувы – 21,8–22,3% [Алексеев, Гохман, 1970, с. 24–248, 251; Kenk, 1984, s. 93; Матвеева, 2000, с. 240; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 195; Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 36, 43, 50, 56, 62, 65, 68, 72, 73].

Средняя продолжительность жизни детей составляла 4 года, женщин – 40 лет, мужчин – 32 года, взрослых людей обоего пола – 33 года. Значение данного показателя для всей популяции с учетом детской группы составляло 27 лет. Зафиксированные параметры для мужского и женского населения существенно отличаются от индексов, рассчитанных на материалах других памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени и всей совокупности погребений булан-кобинской культуры[**]. В целом население, оставившее могильник Степушка, по средней продолжительности жизни незначительно уступало многим социумам раннего железного века (35,8 года) и средневековья (36,7 года) широкого территориально-хронологического среза [Алексеева, Богатенков, Лебединская, 2003, рис. 14, табл. 10–12].

Из одиннадцати детских захоронений девять (81,8%) принадлежали к младшей возрастной подгруппе (Infantilis I – от рождения до 6 лет включительно): шесть – 0–3 лет, три – 4–6 лет. Индивиды женского пола в возрастном отношении характеризуются следующим образом: 85,7% зрелых (35–54 лет), 14,2% (13–19 лет) юных индивидов. Для мужчин распределение по возрастным интервалам принципиально иное: 43,7% принадлежат к возмужалому (20–34 лет), 37,5% – к зрелому (35–54 лет), 18,7% – к юношескому и подростковому (13–19 лет) периодам (табл. 56).

[*] В рамках наиболее хорошо документированных могильников процентное соотношение детских, женских, мужских захоронений выглядит следующим образом: Булан-Кобы-IV – 28% / 19% / 52%; Белый Бом-II – 15% / 18% / 66%; Бош-Туу-I – 11% / 25% / 62%; Верх-Уймон – 16% / 33% / 50%; Карбан-I – 20% / 20% / 60%. Исключение в этом плане представляет могильник Бике-I, где раскопаны погребения младенцев, девочек-подростков и, вероятно, молодых женщин [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 89].

[**] Средняя продолжительность жизни детей у населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. составляла 5,9 лет, а взрослых людей обоего пола – 36,6–37,2 лет. Средний возраст смерти женщин (32 года) был на семь лет ниже, чем у мужчин (39 лет) [Матренин, 2006, с. 99–101]. Примерно такой же была средняя продолжительность жизни взрослого населения Тувы, оставившего могильники Аймырлыг-XXXI (37,6 года) и Кокэль (38,4 года) [Алексеев, Гохман, 1970, с. 251; Радзюн, 1984, с. 17].

Таблица 56

Уровень смертности и процент доживаемости популяции, оставившей некрополь Степушка*

Возрастной интервал	Дети (11)			Женщины (7)			Мужчины (32)			Взрослые (39)			Вся антропологическая серия (50)		
	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала	Число умерших в интервале	Процент смерти в интервале	Процент доживаемости до интервала
0–3 лет	6	54,5	99,9										6	12,0	99,9
4–6 лет	3	27,2	72,8										3	6,0	87,9
7–12 лет	2	18,1	54,7										2	4,0	81,9
13–19 лет				1	14,2	99,9	6	18,7	99,9	7	17,9	99,9	7	14,0	77,9
20–25 лет							1	3,1	81,2	1	2,5	82	1	2,0	63,9
25–30 лет							4	12,5	78,1	4	10,2	79,5	4	8,0	61,9
30–35 лет							9	28,1	65,6	9	23,0	69,3	9	18,0	53,9
35–40 лет				1	14,2	85,7	5	15,6	37,5	6	15,3	46,3	6	12,0	35,9
40–45 лет				4	57,1	71,5	2	6,2	21,9	6	15,3	31,0	6	12,0	23,9
45–50 лет							3	9,3	15,7	3	7,6	15,7	3	6,0	11,9
50–55 лет				1	14,2	14,4	2	6,2	6,4	3	7,6	8,1	3	6,0	5,9

Построенные на основе разных когорт диаграммы и графики (табл. 57, 58) показывают, что первый пик повышенной смертности наблюдается у детей до 3 лет (54,5% детей; 12% всей популяции). Похожая картина характерна для многих других древних и средневековых обществ и является одной из причин низкой средней продолжительности жизни населения. Вероятность смерти на протяжении всего детства (в особенности до 6 лет) оставалась стабильно высокой, из-за чего 45% детей не доживали до 13 лет (табл. 57).

У лиц мужского пола уровень смертности демонстрирует прогрессирующий рост с возрастной группы 13–19 лет** (18,7%), достигая пика в интервале 30–35 лет (28,1%). Такая демографическая ситуация обусловлена активным участием мужского населения в военных действиях, в том числе включением в межперсональные конфликты подростков и юношей. В целом население, оставившее могильник Степушка, характеризуется ранним социальным взрослением мужчин. Данный вывод подтверждает присутствие в трех захоронениях лиц 13–19 лет полноценных («взрослых») комплектов оружия и снаряжения. Важно отметить, что на костях пяти субъектов, умерших до 35 лет, зафиксированы следы боевых травм без следов заживления [Тур, Матренин, 2016; Тур, 2018, с. 146–147]:

– на черепе подростка 12,5–13,5 лет из кургана №6 комплекса Степушка-I имелся дырчатый перелом, нанесенный острым предметом с ограниченной площадью поражения линзовидной формы (кинжал или двулезвийный меч);

– у юноши 17 лет из кургана №7 комплекса Степушка-I отсечено правое предплечье;

– у мужчины 20–25 лет из кургана №1 комплекса Степушка-I была стреляная рана верхнего эпифиза левой берцовой кости, в которой застрял железный наконечник стрелы, а также отсечение кисти правой руки;

* При построении кривых смертности индивидов мужского пола, когорта 20–25 лет, представленная одним человеком, была объединена с возрастной группой 25–30 лет.

** У других групп населения булан-кобинской культуры процент умерших в возрасте 13–19 лет был существенно ниже. Данный показатель в общей серии из погребений Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. составлял 2,7% [Матренин, 2006, с. 100–101].

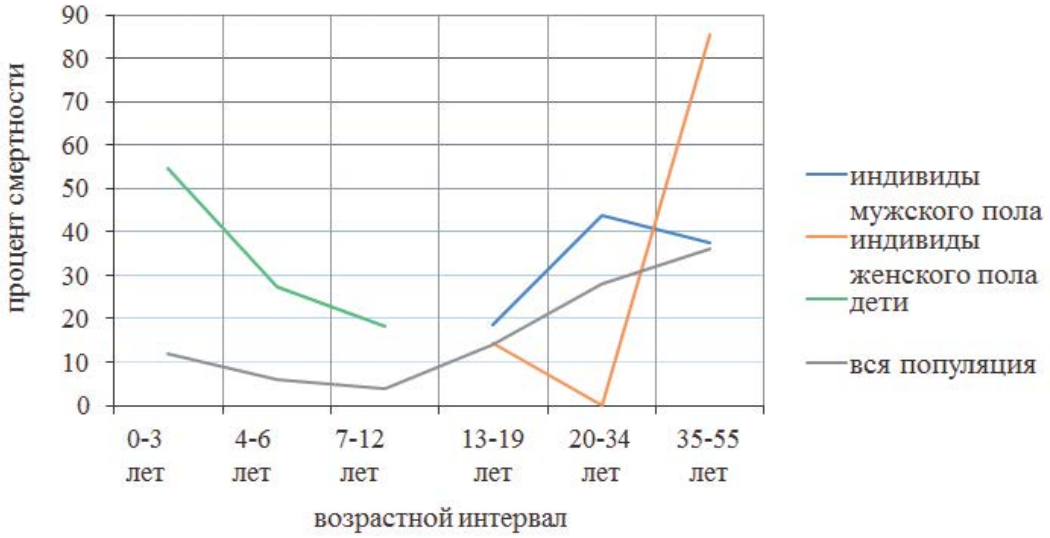

Таблица 57. Кривые смертности людей из некрополя Степушка

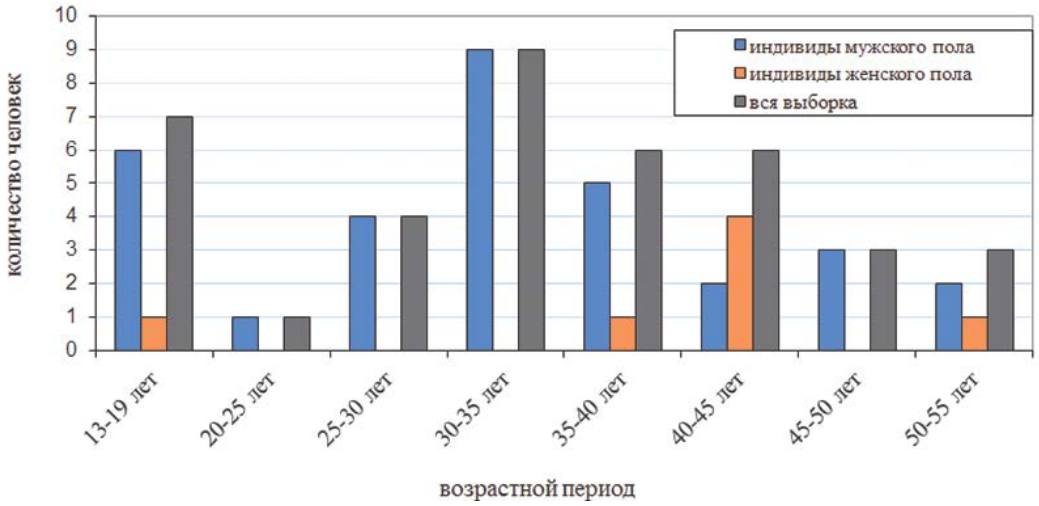

Таблица 58. Диаграмма смертности мужской и женской части популяции некрополя Степушка

– мужчина 25–35 лет из кургана №5 Степушка-I обезглавлен;

– на черепе мужчины 30–35 лет из кургана №19 комплекса Степушка-2 имелся дырчатый перелом черепа, по-видимому, в результате попадания наконечника стрелы.

Процент смертности мужчин сокращается после 35 лет, оставаясь достаточно высоким в 35–40 лет (15,6%)*. Данный показатель снижается после 45 лет, что обусловлено низким процентом доживаемости людей до интервала 45–50 лет. Следует отметить, что на продолжительность жизни мужчин в период с 35 до 55 лет также большое влияние оказывал фактор насильственной смерти, что документируется летальными травмами на костных останках пяти индивидов [Тур, Матренин, 2016; Тур, 2018]:

– на черепе мужчины 30–40 лет из кольца №39 комплекса Степушка-2 имелся дырчатый перелом, предположительно линзовидной формы, по-видимому, от удара колюще-рубящим оружием;

– у мужчины 35–40 лет из кургана №15 комплекса Степушка-I была стреляная рана с застрявшим в глазу костяным наконечником, а также отсечены правое предплечье и левая ступня;

– у мужчины 35–40 лет из кургана №27 комплекса Степушка-2 грудина пробита костяным наконечником стрелы;

* С учетом средней продолжительности жизни максимальная смертность мужского населения приходилась на период от 32 до 37 лет включительно.

– на черепе мужчины 45–50 лет из кольца №10 комплекса Степушка-2 зафиксирован вдавленный оскольчатый перелом височно-теменной области без следов заживления от удара тупым предметом с ограниченной поверхностью;

– на черепе мужчины 45–55 лет из кургана №48 комплекса Степушка-2 присутствовал дырчатый перелом без следов заживления, по-видимому, от удара наконечником стрелы.

У женщин пик смертности приходится на 40–45 лет (57,1%), при единичных случаях смерти в 13–19 лет, 35–40 лет и в возрасте около 50 лет. Показательно, что ни на одном женском скелете не зафиксированы травмы, сопутствующие смерти. Пока трудно сказать, какими причинами вызвано отсутствие на некрополе Степушка погребений молодых женщин 20–35 лет. По одной из версий это могло быть связано с взятием их в полон, в то время как мужчины участвовали в дальних набегах[*]. В целом у индивидов разного пола периоды наибольшей смертности не совпадали.

Изучение археологических материалов некрополя Степушка показало, что обряд захоронения был второстепенным по социальной значимости параметром: размеры и глубина могил фиксировали различия взрослых и детей и за редким исключением социальный статус людей, захоронение с лошадью являлось «этносоциальным» маркером, могилы с подбоем содержали более многочисленные и разнообразные изделия. Главным критерием половой, социальной и профессиональной стратификации населения булан-кобинской культуры выступал сопроводительный инвентарь [Матренин, 2005, с. 146].

Анализ могильников Алтая II–V вв. н.э. [Матренин, 2005а, с. 19–20; Матренин, Тишкин, 2005, с. 161–182] позволяет обосновать разные по степени социальной привилегированности наборы вещевых комплексов[**]. Для предметов вооружения первый по социальной престижности набор включал мечи, доспехи, копья, второй – боевые ножи (кинжалы), третий – луки, стрелы с железными наконечниками. Снаряжение человека подразделялось на три набора: в первый входили наборные пояса с большим количеством деталей гарнитур (более десяти) или с высокохудожественными изделиями, во второй – колчанные крюки, ножны с железными деталями, в третий – простые и наборные пояса с единичными элементами гарнитуры. Амуниция верхового коня подразделялась на два набора, первый из которых – уздечная гарнитура (бляхи, распределители сложной конструкции) и твердые седла, второй – удила, псалии, уздечные, подпружные пряжки, блоки, застежки. Орудия труда представлены двумя наборами, в первый из которых входили тесла, стамески, а во второй – все остальные предметы (преимущественно ножи и костяные наконечники стрел). Бытовые предметы по степени престижности подразделяются на три набора: первый представлен металлическим котлом, второй – зеркалами, третий – всеми остальными изделиями. Шкала социальной престижности украшений для мужчин и женщин отличалась. У мужчин на первом месте находились высокохудожественные изделия из драгоценного металла и бронзовых сплавов (гривны с нагрудными подвесками из драгоценного металла), на втором – крупные бляхи-нашивки из бронзы, серьги (бронзовые, из драгоценного металла), на третьем – маленькие металлические (бронзовые, из драгоценного металла, железные) бляхи-нашивки и подвески, накосники, на четвертом – бусы (бисер), каменные и костяные подвески, прони-

[*] Данное предположение высказано С.С. Тур в процессе изучения скелетных травм в антропологической серии могильника Степушка. Авторы выражают благодарность за ознакомление с результатами исследования межгрупповых конфликтов в статье «Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени», принятой к изданию в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии». №46 (4).

[**] Иерархия социальной значимости элементов инвентаря определялась по следующим критериям: 1) редкость предметов в захоронениях; 2) функциональное назначение вещей при учете животноводства как главного компонента системы жизнеобеспечения и сложной военно-политической обстановки существования исследуемого общества; 3) материальная ценность изделия с точки зрения количества и качества использованного для изготовления материалов, трудоемкости производства, художественной сложности; 4) незаурядность сакрально-символической роли предмета в системе религиозно-мифологических представлений; 5) «модность» вещи, определяющаяся ее принадлежностью к образцам (оригиналам или копиям) предметов материальной культуры господствующего в Центральной Азии кочевого этноса.

зи. У женщин самый привилегированный набор включал пластины-диадемы из бронзы и железа, гривны (бронзовые, железные), крупные бляхи-нашивки (бронзовые, железные), второй – маленькие металлические бляхи-нашивки, подвески, пронизи, накосники на головной убор и верхнюю одежду, серьги и другие мелкие предметы, третий – бусы (бисер), раковины-каури, бляхи-нашивки, подвески и пронизи из кости, камня.

При обосновании наличия в погребении того или иного набора было достаточно присутствия хотя бы одного маркирующего его предмета (например, только лука или стрел с железными наконечниками). Количество категорий и число экземпляров в наборе являлось в некоторых случаях критерием внутригрупповой дифференциации. При интерпретации авторы руководствовались принципом, что все зафиксированные в конкретном захоронении предметы выражают определенное смысловое единство.

В результате статистического исследования выявлен «стандарт» сопроводительного инвентаря детских, женских, и мужских погребений. Формально он представляет собой совокупность вещей, найденных в не менее чем 50% погребений [Матвеева 2000, с. 138; Тишкин, Дашковский 2003, с. 169–183, 307–356]. Данный параметр можно рассматривать как средний социальный тип, отклонения от которого демонстрируют неравенство в рамках вертикальной и горизонтальной стратификации.

Дети. Основная проблема изучения социальной стратификации детских захоронений заключается в том, что археологические показатели, отражающие их статус, не всегда выражены четко. Детские погребения отличались значительной вариабельностью и неустойчивостью наборов вещей, что обусловлено неодинаковой динамикой социализации мальчиков и девочек, зависящей от индивидуальных физиологических особенностей.

Стандартный набор погребального инвентаря детской части населения булан-кобинской культуры Центрального Алтая в сяньбийско-жужанское время предполагал отсутствие вещей у индивидов до 2,5–3 лет, наличие одиночных предметов, представленных главным образом бусами, костяными и роговыми подвесками, железными ножами у детей 4–11 лет [Матренин, 2004б, с. 83–85; 2005а, с. 17].* Несмотря на выявленную обусловленность качественного и количественного состава инвентаря, далеко не всегда удается четко определить влияние полового, возрастного и социально-имущественного факторов в реализации погребального обряда лиц обозначенной категории.

С учетом представленных замечаний были рассмотрены одиннадцать детских погребений. В результате выделены три социальные группы (табл. 59).

Группа 1. Погребение с воинским инвентарем (боевой нож с железными деталями ножен, наборный пояс с большим количеством деталей), снаряжением верхового коня (удила, псалии), орудиями труда (нож) и бытовой утварью (деревянное блюдо). К данной группе принадлежит захоронение ребенка 5–6 лет из кургана №21 комплекса Степушка-I, относящееся к берельской погребальной традиции. Присутствие оружия и пояса определенно указывает на его высокое этносоциальное положение (представитель верхнего слоя общества), обусловленное происхождением и, вероятно, в меньшей степени индивидуальными особенностями (ребенок не прошел инициаций, знаменующих переход в группу юношей). Похожая ситуация обнаружения боевого ножа в погребении ребенка малого возраста зафиксирована в могильнике Белый Бом-II [Глоба, 1983, с. 120].

Группа 2. Погребения с одиночными редкими изделиями или с набором инвентаря, в состав которого могли входить отдельные элементы снаряжения, украшения, орудия труда, бытовая утварь. К данной группе относятся три объекта улуг-чолтухской погребальной традиции, содержавших захоронения детей разного возраста: ребенок двух лет с железной панцирной пластиной, железными поясными бляхами, бусами из кости и стекла (Степушка-2, объект №20); ребенок шести лет с бронзовыми серьгами и бусами (Степушка-2, объект №22); ребенок 11 лет с подвесками из кости и зубов марала, косметической щеточкой, простым поясом, ножом, бронзовым шейным украшением, от которого сохранились окислы на костях (Степушка-2, объект №2).

* Присутствие в могилах детей небольшого возраста даже непрестижных предметов может указывать на их более высокое социальное положение.

Погребения данной группы, вероятно, принадлежали к состоятельной части рядового населения.

Группа 3. Погребения с социально невыразительным инвентарем, преимущественно с одиночными предметами (подгруппа А), либо без вещей (подгруппа Б). Среди них пять могил относятся к улуг-чолтухской, две – к карбанской погребальной традициям.

Подгруппа А – захоронения трех детей разного возраста: ребенок 1,5 лет с бусиной (Степушка-2, объект №18а); ребенок 5–6 лет с керамическим сосудом (Степушка-I, курган №5а); ребенок двух лет с железным ножом, берестяной подставкой для мясной пищи, деревянным диском, фрагментами железного изделия (поясная пряжка?) и бронзового украшения (Степушка-I, курган №24). Немногочисленность вещей у детей 4–6 лет является характерной чертой погребального обряда рядового населения булан-кобинского общества как «средней», так и «бедной» прослоек.

Подгруппа Б – захоронения четырех детей разного возраста: Степушка-I, курган №15 (2 года); Степушка-2, объекты №16 (3 года), 17 (11 лет), 18 (2 года). Безынвентарность является нормой погребального ритуала для детей до трех лет, обычно независимо от того, что они принадлежали к неравным по социальному и имущественному положению семейно-родственным коллективам [Матренин, 2004б, с. 84–85; 2006, с. 104–105].

Женщины. Стандарт вещевого комплекса женских погребений Центрального Алтая сяньбийско-жужанского времени представлен головными уборами с металлическими украшениями (преимущественно бронзовыми бляхами-нашивками небольшого размера), простыми поясами, орудиями труда (обычно железные ножи) [Матренин, 2005а, с. 17–18]. Все семь женских могил из памятника Степушка относятся к улуг-чолтухской погребальной традиции.

На основании качественного и количественно распределения украшений выделено три социальных группы (табл. 59).

Группа 1. Погребения с наиболее престижными декоративными элементами костюма (железная диадема или крупная бронзовая заколка, большие бляхи), разнообразными достаточно многочисленными категориями украшений (бронзовые малые полусферические бляхи-нашивки, подвески, малые накосники), ножами. Умершие могли сопровождаться также другими вещами: наборным поясом с большим количеством деталей гарнитуры, фрагментом бронзового зеркала в сумочке, украшенной бусиной (захоронение женщины 35–45 лет из объекта №8 комплекса Степушка-2) или только простым поясом (захоронение женщины около 40 лет из кургана №11 комплекса Степушка-I). Социальный статус индивидов данной группы выше среднего. Они могут относиться к привилегированной части населения булан-кобинского общества.

Группа 2. Погребения с малыми бронзовыми бляхами-нашивками и накосниками. Остальной инвентарь вариативен, что позволяет выделить две подгруппы, разные по материальному достатку.

Подгруппа А – захоронение женщины 45–55 лет с бронзовыми ромбовидными подвесками, серьгой, бляхами-нашивками малого размера, наборным поясом с небольшим количеством гарнитур, с каменными бусами и железным ножом (Степушка-2, объект №7). Такой набор вещей характерен для среднего слоя рядового населения.

Подгруппа Б – захоронение женщины 40–45 лет с железным предметом (Степушка-2, объект №37). Относится к бедной части рядового населения.

Группа 3. Погребения с одиночными социально «нейтральными» вещами (подгруппа А) либо без инвентаря (подгруппа Б).

Подгруппа А – захоронения с простым поясом (женщина 40–45 лет из объекта №15 комплекса Степушка-2) или фрагментами железа в области таза (женщина 35–40 лет из объекта №17 комплекса Степушка-2).

Подгруппа Б – захоронение девушки 14–16 лет (Степушка-2, объект №36).

Указанные индивиды занимали самую нижнюю ступень в социально-имущественной стратификации женщин, похороненных на могильнике.

Мужчины. Социальная дифференциация мужских погребений выражалась прежде всего в разнице качественного и количественного состава предметов вооружения, воин-

Таблица 59

Распределение категорий сопроводительного инвентаря в закрытых комплексах некрополя Степушка

Комплекс, № объекта	Типологическая группа	Возраст, лет	Количество предметов	Лук	Железные наконечники стрел	Боевой нож	Средства защиты	Простой или наборный пояс с небольшим числом гарнитур	Стрелковый пояс (кочевнический крюк)	Ножны с железными детальми	Наборный пояс с большим числом гарнитур	Бусы/костяные подвески/пронизи	Бронзовый/железный наконечник малый	Бронзовая пряжка	Бронзовая бляха малая	Бронзовая серьга	Бронзовая закалка большая	Бронзовая бляха большая	Железная диадема	Металлическое зеркало	Удила/псалии	Пряжки от конского снаряжения, застежки	Украшенные бляхи	Нож	Костяные наконечники стрел	Шило, пасть	Инструменты (тесла, стамески, резцы)	Другие вещи	Социальная группа
Ст.I, к.21	берельская	5–6	6			1				1	1										1			1			1		1
Ст.2, об.20	уд.-чолтухская	2	9				1					1																	2
Ст.2, об.22	уд.-чолтухская	6	4									1				1													
Ст.II, об.2	уд.-чолтухская	10	11					1				1												1					
Ст.I, к.5а	карбанская	5-6	1																										ЗА
Ст.2, б.18а	уд.-чолтухская	1,5	1									1																	
Ст.I, к.24	уд.-чолтухская	2	5																					1					
Ст.I, к.15	уд.-чолтухская	2	0																										ЗБ
Ст.2, об.16	уд.-чолтухская	3	0																										
Ст.2, об.17	уд.-чолтухская	11	0																										
Ст.2, об18	уд.-чолтухская	2	0																										
Редкость предмета						1	1	1		1	1	4				1					1			2				5	
Ст.2, об.8	уд.-чолтухская	35–45	12								1	1	1	1						1	1			1				1	1
Ст.I, к.11	уд.-чолтухская	ок. 40	18					1					1	1	1		1							1					
Ст.2, об.7	уд.-чолтухская	45–55	21					1				1	1	1	1	1								1					2А
Ст.2, об.37	уд.-чолтухская	40–45	4										1	1															2Б
Ст.2, об.15	уд.-чолтухская	40–45	2					1																				1	3А
Ст.2, об.17	уд.-чолтухская	35–40	3																									1	
Ст.2, об.36	уд.-чолтухская	14–16	0																										3Б
Редкость предмета								3			1	2	4	2	4	1	1	1	1	1				3				3	

Окончание таблицы 59

Мужчины																														
Ст.I, к.19	айрыдашская	ок.35	29	1	1	1	1		1	1	1	1										1	1		1		1	1	1	1
Ст.I, к.5	берельская	25–35	13	1	1	1		1	1	1												1	1							
Ст.I, к.7	берельская	ок.17	15	1	1	1		1					1									1	1		1	1			1	
Ст.I, к.13	ул.-чолтухская	ок.50	10	1	1	1			1	1	1														1		1	1		2
Ст.I, к.17	берельская	15–16	23	1	1	1			1	1	1											1	1	1	1		1			
Ст.2, об.40	берельская	45–50	14	1	1	1			1		1											1	1				1		1	
Ст.2, об.48	айрыдашская	ок.50	11	1	1	1																1	1						1	
Ст.1, к.6	ул.-чолтухская	12,5-13,5	7	1	1			1	1																1	1				
Ст.I, к.8	ул.-чолтухская	27-28	11	1	1																				1	1	1			
Ст.I, к.9	ул.-чолтухская	35-40	4	1	1			1																	1					
Ст.I, к.15	карбанская	35-40	6		1			1																	1				1	
Ст.2, об.5	ул.-чолтухская	35-40	9		1			1				1													1	1				3А
Ст.2, об.9	ул.-чолтухская	25-30	4	1	1			1																	1					
Ст.2, об.26	берельская	ок.40	10	1				1				1										1		1	1				1	
Ст.2, об.32	берельская	ок.30	13	1	1			1				1			1										1	1				
Ст.2, об.33	ул.-чолтухская	ок.25	2	1							1																		1	
Ст.2, об.34	ул.-чолтухская	35–40	7	1	1			1				1				1										1				
Ст.2, об.41а	ул.-чолтухская	ок.25	4	1	1			1																		1				
Ст.I, к.1	ул.-чолтухская	20–23	3	1																					1	1				
Ст.I, к.3	ул.-чолтухская	23–27	3		1																					1				
Ст.I, к.4	ул.-чолтухская	ок.50	5		1																				1					3Б
Ст.2, об.10	ул.-чолтухская	45–50	8		1			1																		1				
Ст.2, об.19	ул.-чолтухская	30–35	5		1			1																	1					
Ст.2, об.39	ул.-чолтухская	35–40	3	1				1																		1				
Ст.2, об.46	ул.-чолтухская	30–32	6		1			1				1													1	1			1	
Ст.2, об.23	ул.-чолтухская	30–35	2																						1					
Ст.2, об.27	ул.-чолтухская	ок.35	4																						1	1				4А
Ст.2, об.30	ул.-чолтухская	14–16	2					1				1																		
Ст.2, об.41	ул.-чолтухская	ок.35	10					1				1													1	1			1	
Ст.I, к.10	ул.-чолтухская	14–18	0																											4Б
Редкость предмета				18	21	7	1	17	6	4	5	8	1		1	1					7	6	2	19	14	5	2	9		

ского снаряжения, экипировки верхового коня, а также в присутствии специализированных орудий (инструментов). Стандарт сопроводительного инвентаря мужских захоронений Центрального Алтая в сяньбийско-жужанское время характеризуется присутствием оружия дальнего боя (лук, стрелы с железными наконечниками), простых или наборных поясов, орудий труда (железные ножи и стрелы с костяными наконечниками) [Матренин, 2005а, с. 18].

В результате анализа 30 непотревоженных мужских захоронений выделено четыре социальных группы погребений (табл. 59).

Группа 1. Погребение с максимально «богатым» инвентарем: оружие дальнего (лук, стрелы с железными наконечниками, в том числе бронебойными) и ближнего боя (нож), средства защиты (железная пластина), наборный пояс с большим количеством деталей гарнитуры, стрелковый пояс с крюком-застежкой, различные элементы амуниции верхового коня (удила, псалии, подпружная пряжка, цурки), орудия труда (нож, шило) и редкие инструменты (тесло, стаместка-ложкорез, резец). Данное захоронение мужчины 25–35 лет из кургана №19 комплекса Степушка-I по обряду принадлежит к айрыдашской погребальной традиции и может быть отнесено к привилегированной прослойке населения. Присутствие в могиле редких узкоспециализированных инструментов указывает на профессиональную занятость покойного в области деревообработки.

Группа 2. Погребения с оружием дальнего (луки и железные наконечники стрел) и ближнего (ножи) боя, наборными или простыми поясами с разным количеством деталей гарнитур, с колчанными крюками и (или) предметами конского снаряжения (удила, псалии, пряжки, иногда уздечные бляхи-накладки). Остальной инвентарь представлен орудиями труда (ножи, реже стрелы с костяными наконечниками, плеть), а также единичными находками инструментов (тесло) и металлических украшений (бронзовый накосник). Данная группа включает захоронения из шести объектов берельской (Степушка-I, курганы №5, 7, 17; Степушка-2, объекты №40), айрыдашской (Степушка-2, курган №48) и улуг-чолтухской (Степушка-I, курган №13) погребальных традиций. Социальный статус данных индивидов (три зрелых, два юных, один возмужалый) был выше среднего.

Группа 3. Погребения с оружием дальнего боя. Состав остального инвентаря позволяет выделить две подгруппы.

Подгруппа А – с наборными и простыми поясами, орудиями труда (ножи, реже костяные наконечники стрел, плети), иногда со снаряжением верхового коня (удила, уздечные бляхи) и украшениями (подвеска из когтя, серьга). Среди одиннадцати объектов с таким набором вещей восемь принадлежат к улуг-чолтухской (Степушка-I, курганы №6, 8, 9; Степушка-2, объекты №5, 9, 33, 34, 41а), а остальные – к карбанской (Степушка-I, курган №15) и берельской погребальным традициям (Степушка-2, объекты №26, 32). Данная подгруппа представляет рядовое население, обладающее относительно высоким уровнем материального благосостояния. В возрастном отношении это пять зрелых, пять возмужалых, один юный индивиды мужского пола.

Подгруппа Б – с одним-тремя изделиями, среди которых простой пояс, «блок», костяные наконечники стрел, нож, бусина. Такой состав инвентаря зафиксирован в семи объектах улуг-чолтухской погребальной традиции: Степушка-I, курганы №1, 3, 4; Степушка-2, объекты №10, 19, 39, 46. Это захоронения более бедной прослойки рядового мужского населения разного возраста (три возмужалых, четыре зрелых индивида).

Группа 4. Погребения без оружия. Выделены две подгруппы.

Подгруппа А – с одиночными предметами снаряжения (наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, «блок»), орудиями труда (нож, костяные наконечники стрел), украшениями (костяная пронизь). Включает три могилы улуг-чолтухской погребальной традиции: Степушка-2, объекты №23, 27, 30. Среди умерших один юноша, субъекты возмужалого и зрелого возраста.

Подгруппа Б – без вещей. Включает единственное захоронение юноши из кургана №10 комплекса Степушка-I, относящегося к улуг-чолтухской погребальной традиции.

Социальный статус указанных людей был ниже среднего. Они принадлежали к самой бедной прослойке населения.

В настоящий момент общепринятым является положение о том, что организация пространства могильников демонстрирует реально существовавшие социальные отношения между покойными [Kenk, 1984, s. 95–96; Миняев, 1985; 1989; 1998, с. 42–69; Савинов, 2005, с. 295–217]. Реализация метода социальной планиграфии (табл. 60) позволяет сделать следующие выводы.

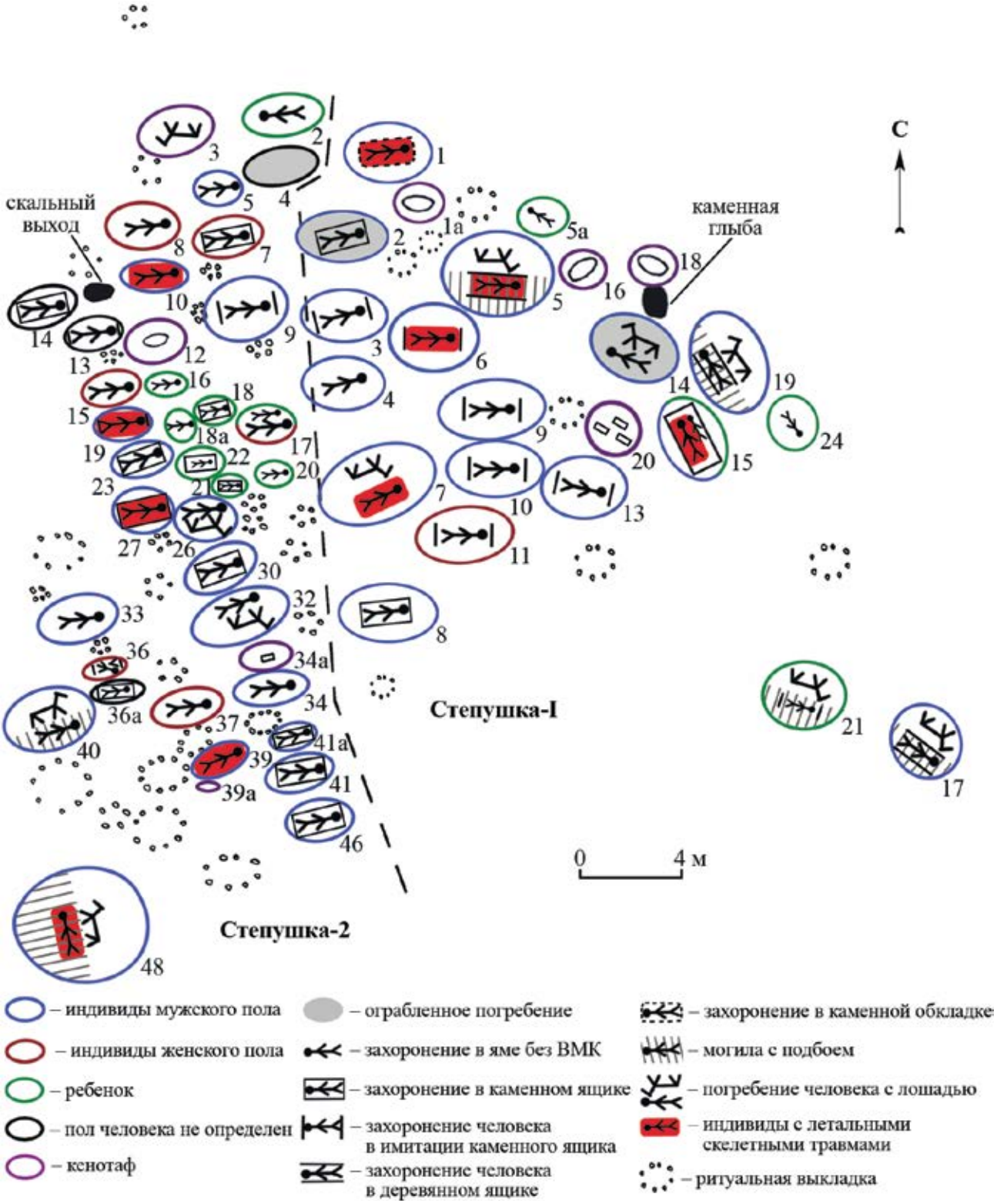

Таблица 60. Планиграфическая схема погребений некрополя Степушка (составлена на основе переработки графического материала из монографии В.И. Соенова, Н.А. Константинова, С.В. Трифановой [2018, рис. 165])

Во-первых, планировка некрополя Степушка не отражает аильный или куренный типы стойбищ кочевников, как это было характерно для населения Алтая в предшествующее аржано-майэмирское и скифо-сакское время.

Во-вторых, погребения лиц женского пола располагались преимущественно (пять из шести) на западной половине могильника (комплекс Степушка-2) в цепочках по соседству с мужскими и детскими могилами. На восточной половине кладбища (комплекс Степушка-I) похоронены в основном мужчины. Все захоронения подростков и юношей мужского пола находились по соседству с взрослыми мужчинами: пять человек в восточной, один – в западной части некрополя.

В-третьих, погребения детей имели незначительное количественное преобладание на западном участке (комплекс Степушка-2). В своей основной массе они образовывали скопление в пределах третьего и четвертого рядов погребальных сооружений в центральной части кладбища. В восточной части некрополя (комплекс Степушка-I) детские захоронения размещались одиночно рядом с мужскими погребениями на периферии могильника.

В-четвертых, мужские и детские захоронения в подбоях содержали наиболее «богатый» сопроводительный инвентарь и располагались на периферии некрополя.

В-шестых, захоронения мужчин и детей, ориентированных головой в западный сектор, располагались на северной, восточной и южной оконечностях некрополя.

В-седьмых, погребения лиц мужского пола с летальными боевыми травмами на костях скелета находятся как в центральной части кладбища внутри и с края рядов, так и на периферии могильника.

В-восьмых, кенотафы с оружием располагаются в северной части некрополя часто по соседству с захоронениями мужчин, умерших насильственной смертью.

В-девятых, на площади некрополя могилы людей с одинаковым социальным статусом, как правило, не обнаруживают компактной локализации. Однако мужские захоронения со «средним» и «бедным» инвентарем, а также без вещей количественно преобладают на западной половине кладбища (комплекс Степушка-2).

В завершение социальной интерпретации археологических материалов важно отметить, что присутствие в популяции большого числа взрослых людей, умерших в интервале от 13 до 35 лет (53%), мужчин разного возраста с зафиксированными на костях скелета травмами, нанесенными летальным оружием (30%), а также наличие значительного количества кенотафов (15,8%) дают основания считать, что погребения на могильнике Степушка были совершены в достаточно короткий (до 70 лет) промежуток времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии представлен опыт изучения материалов сяньбийско-жужанского времени некрополя Степушка, полностью раскопанного археологическими экспедициями Алтайского государственного университета (восточная часть комплекса – курганная группа Степушка-I) и Горно-Алтайского государственного университета (западная часть комплекса – курганная группа Степушка-2). Всего на памятнике был вскрыт 61 погребальный объект (Степушка-I – 23 кургана; Степушка-2 – 38 курганов и колец) и исследованы 33 ритуальных выкладки (Степушка-I – 7 сооружений; Степушка-2 – 26 сооружений), которые относятся к булан-кобинской культуре. В результате получен новый корпус обширных археологических, антропологических и археозоологических материалов для комплексного анализа культуры и системы жизнеобеспечения населения Алтая во II–V вв. н.э.

Изучение таких составляющих показателей погребального обряда, как топография и планиграфия объектов, наличие околокурганных сооружений, погребальные конструкции, способы и элементы ритуала захоронения, позволило выявить общие, особенные и единичные признаки данного некрополя по сравнению с другими могильниками булан-кобинской культуры II–V вв. н.э. Сделанные заключения в основном согласуются с имеющимися выводами относительно локальной специфики погребальной практики кочевников Центрального Алтая. Исследованные захоронения соотносятся с четырьмя ранее зафиксированными погребальными традициями у населения булан-кобинской культуры: *улуг-чолтухская* (ориентация головой в восточный сектор, без лошади, в каменных ящиках, имитациях ящиков, ямах без конструкций, обкладке из камней), *карбанская* (ориентация головой в западный сектор, без лошади, в ямах без внутримогильных конструкций или в каменном ящике), *берельская* (ориентация головой в восточном направлении, с верховым конем, уложенным сбоку от человека, вдоль длинной стенки могилы, деревянного или каменного ящика), *айрыдашская* (ориентация головой в западный или северо-западный сектор, в сопровождении лошади, уложенной сбоку от человека вдоль длинной стенки могилы или деревянного ящика). Отмеченная вариабельность обряда захоронения свидетельствует о том, что некрополь Степушка оставлен несколькими кланами, представители которых были включены в общую систему семейно-брачных, производственных и других отношений. На могильнике идентифицировано достаточно большое (15,8%) количество кенотафов (в том числе с предметами вооружения), что свидетельствует об активном участии «степушкинцев» в военных действиях.

В большинстве объектов обнаружен сопроводительный инвентарь, представленный предметами вооружения и воинского снаряжения, экипировкой верхового коня, орудиями труда, бытовой утварью, украшениями. Полученные вещественные источники были проанализированы по следующим направлениям:

– функциональная атрибуция изделий и морфологическое описание с использованием единообразного терминологического аппарата;

– классификация предметов хорошей и удовлетворительной сохранности на основе отобранных качественных признаков;

– графическая реконструкция некоторых категорий вещевого комплекса;

– рентгенофлюоресцентный анализ предметов из цветного металла (Степушка-I);

– типология систематизированных предметов для установления времени существования и генезиса разных типов;

– корреляция датированных типов в закрытых комплексах некрополя.

Всего были проанализированы 75 роговых накладок от 18 луков, 50 железных наконечников стрел, восемь боевых (длинно-лезвийных) ножей, железные детали пяти ножен, шесть колчанных крюков, две железные пластины от доспеха, фрагменты двух колчанов, 27 поясных пряжек, 422 поясные бляхи, два ременных наконечника, 16 «блоков», четыре ременные застежки, девять удил, восемь псалиев, 10 уздечных блях-накладок, одна уздечная застежка, восемь подпружных пряжек, пять цурок, одна роговая подвеска, 34 костяных (роговых) наконечника стрел, 16 коротколезвийных ножей, три шила, два тесла, два «напильника», одна «стамеска-ложкорез», четыре костяных детали от рукояти плетей, два жернова ручной мельницы, курант зернотерки, пест, два абразива, наковальня, топоровидное каменное изделие, железный «пинцет», металлическое зеркало, косметическая щеточка из кости, фрагмент деревянного «блюда», берестяная «подставка», берестяной футляр, деревянный дисковидный предмет, развалы пяти керамических сосудов, три бронзовые серьги, 19 металлических накосных украшений, железная диадема, семь бронзовых блях-нашивок, бронзовая бляха-накладка, биметаллическая бляха, восемь подвесок из зубов и когтей, две подвески и три пронизи из кости, 23 бусины из минералов и стекла.

При рассмотрении большинства перечисленных изделий привлекался широкий круг аналогий из археологических памятников хуннуско-сяньбийско-жужанского времени разных регионов Азии и европейской части России. В этом процессе большое значение имело ознакомление авторов с археологическими коллекциями II–V вв. н.э. из памятников Тувы и Восточного Забайкалья. Данное обстоятельство позволило существенно расширить возможности хронологической интерпретации вещественных находок могильника Степушка, а также более объективно представить роль «местных» и «пришлых» традиций в развитии булан-кобинской культуры.

Изучение взаимной встречаемости датированных типов изделий позволяет сделать вывод, что погребальные и ритуальные объекты могильника Степушка датируются IV – началом V в. н.э., что соответствует финалу бело-бомского этапа – начальной стадии верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры. Результаты радиоуглеродного анализа образцов остеологического материала из комплекса Степушка-I свидетельствуют в пользу того, что захоронения были совершены в достаточно короткий отрезок времени, по-видимому, в рамках 2-й четверти IV – начала V в. н.э.

Некрополь Степушка содержал корпус археологических и антропологических материалов, информативных для изучения социальной структуры населения Алтая в сяньбийско-жужанское время. Анализ таблиц смертности 50 индивидов с установленной половозрастной принадлежностью продемонстрировал определенное своеобразие демографии популяции по сравнению с другими группами населения булан-кобинской культуры: резко выраженная диспропорция (в 4,7 раза) мужской части населения над женской и в 3 раза над детской; более низкая средняя продолжительность жизни мужчин; большой процент смертности индивидов мужского пола в интервале от 13 до 35 лет (53%); отсутствие погребений молодых женщин 20–35 лет. Зафиксировано достаточно большое количество (30%) захоронений мужчин разного возраста с зафиксированными на костях скелета травмами, нанесенными летальным оружием, и отсутствие следов боевого травматизма на женских и детских скелетах. В целом, для населения, оставившего могильник Степушка, характерно раннее социальное взросление мужчин.

Изучение археологических материалов некрополя Степушка показало, что большинство элементов погребального обряда являлись второстепенными по социальной значимости признаками: размеры и глубина могил фиксировали различия взрослых и детей и за редким исключением демонстрировали социальный статус умерших людей; захоронение с лошадью являлось «этносоциальным» маркером; могилы с подбоем

содержали более многочисленные и разнообразные изделия. Главным критерием половой, социальной и профессиональной стратификации населения булан-кобинской культуры выступал сопроводительный инвентарь. Полученные материалы подтвердили наблюдения относительно выделенных стандартов инвентаря детских, мужских и женских погребений и социальной престижности отдельных категорий предметов материальной культуры. В итоге выделено несколько социальных групп детских, женских и мужских захоронений, соотнесенных с верхней, средней и нижней прослойкой булан-кобинского социума. При исследовании реализован метод социальной планиграфии с демонстрацией полученных результатов в графической форме.

Таким образом, можно сделать вывод, что полностью раскопанный некрополь Степушка является одним из базовых археологических памятников позднесяньбийского и раннежужанского времени Алтая, материалы которого могут привлекаться для разработки периодизаций археологических культур разных регионов Центральной и Северной Азии «эпохи Великого переселения народов». На сегодняшний день это один из немногих памятников булан-кобинской культуры, который можно подвергнуть комплексному биоархеологическому исследованию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 268–281(Археология СССР).

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа в III–V вв. н.э. М. : ИА РАН, 1997. 165 с.

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа : БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л. : Наука, 1970. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. С. 239–297.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М. : Научный мир, 2003. 132 с.

Алекшин В.А. К вопросу о методике реконструкций социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах древнеземледельческих культур) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л. : Наука, 1975. С. 49–53.

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1975. С. 116–129.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск : Наука, 1984. 201 с.

Баранов А. А. Боевые пояса из могильника хуннуского времени Кия-13 // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск : Омск. ун-т, 2002. С. 301–303.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 243с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 346 с. (Материалы и исследования по археологии; № 26).

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2005. С. 80–199.

Богатенков Д.В. Палеодемография могильников Николаевка (Казацкое), Золотая Балка, Неаполь Скифский // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М. : ИА РАН, 2000. С. 27–35.

Боковенко Н.А., Мошкова М.Г., Могильников В.А. Основные проблемы изучения памятников древних скотоводов Западной Сибири и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 151–160 (Археология СССР).

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Наборные пояса кочевников Эдигана в сяньбийский период // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004а. Т. X, ч. I. С. 194–199.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004б. №1 (17). С. 65–72.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Оружие дистанционного боя у номадов долины р. Эдиган в сяньбийско-жужаньское время (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух-I в 2002 году) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 23–26.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа Особенности конского снаряжения сяньби // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. II. С. 280–285.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск : Рифей, 2009. 672 с.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 267 с.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск : Изд-во Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев : Наукова думка, 1985. 228 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 177 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыынчурекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л. : Наука, 1970. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. С. 7–79.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 185–291.

Васютин А.С. О хронологии и культурной принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. Кемерово : Кем. ун-т, 1985. С. 73–79.

Васютин А.С. Раскопки погребений хуннского времени на Восточном Алтае // АО 1985 года. М. : Наука, 1987а. С. 230–231.

Васютин А.С. О культурно-хронологических соотношениях предтюркских памятников хуннского типа в Горном Алтае // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово : Кем. ун-т, 1987б. Ч. II. С. 135–137.

Васютин А.С. Предтюркское и раннетюркское время на Горном Алтае: хронологические границы бытования археологических комплексов // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 162–164.

Васютин А.С. Могильник Кудыргэ и кудыргинская культура // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 210–214.

Васютин А.С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово : Кем. ун-т, 1994. С. 55–68.

Васютин А.С. Хронологические границы предкудыргинских погребальных комплексов Саяно-Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999а. С. 336–340.

Васютин А.С. Некоторые итоги изучения хуннского времени Саяно-Алтая // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : Кем. ун-т, 1999б. С. 104–108.

Васютин А.С. Хронология Берели и верхние даты предкудыргинских комплексов Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000а. Вып. XI. С. 203–206.

Васютин А.С. Защитно-портупейные пояса предкудыргинского времени Восточного Алтая // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : Омск. ун-т, 2000б. С. 24–25.

Васютин А.С., Елин В.Н. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово : Кем. ун-т, 1984. С. 35–39.

Васютин А.С., Елин В.Н. О хронологических границах кок-пашского предметного комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово : Кем. ун-т, 1987. С. 85–90.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н. Исследования в Восточном Алтае // АО 1984 года. М. : Наука, 1986. С. 170.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1985. С. 29–50.

Васютин С.А., Васютин А.С. Социальная планиграфия предтюркских погребений могильника Кок-Паш из Восточного Алтая // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово : Кем. ун-т, 1997. С. 73–77.

Васютин С.А., Васютин А.С. Население Восточного Алтая в предтюркское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркутск. тех. ун-та, 2005. С. 224–236.

Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Реконструкции социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркутск. тех. ун-та, 2005а. С. 10–38.

Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Общее и особенное в реконструкции структуры ранних кочевников // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркутск. тех. ун-та, 2005б. С. 237–250.

Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX века включительно). Владивосток : Дальнаука, 1994. 410 с.

Военный энциклопедический словарь. М. : Воен. изд-во, 1984. 863 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов. Ижевск ; Свердловск : УРКМ, 1963. 161 с. (Вопросы археологии Урала; Вып. 5; Т. 2).

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II: Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.). Свердловск ; Ижевск : УРКМ, 1971. 156 с., 16 л. ил. : ил. (Вопросы археологии Урала; Вып. 11).

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М. : Наука, 1988. 240 с.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.

Голдина Р.Д., Бернц А.В. Тураевский-I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск : Изд-во «Удмуртский ун-т», 2010. 499 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; Т. 17).

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 80–90.

Горбунов В.В. Оборонительное вооружение населения Лесостепного и Горного Алтая в III–XIV вв. н.э. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 25 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I : Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «Великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 92–95.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II : Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006а. 232 с.

Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III – XIV вв. н.э.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Барнаул, 2006б. 55 с.

Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 157–163.

Горбунов В.В. Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 78–87.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. 1: Древний Алтай. Барнаул : Позиция, 1997. 160 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннуского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4. С. 79–85.

Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 99–107.

Горбунова Н.Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 126–151.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие до н.э. – IV в. до н.э.). СПб. : Атлант, 2003. 336 с.

Готлиб А.И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное-II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2007. С. 8–38.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 73–150.

Грач А.Д. Исследование в Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексно археолого-этнографической экспедиции. Т. II : Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 81–107.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. 1940. Вып. 1. С. 17–21.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 162 с. + прил. (Материалы и исследования по археологии; № 48).

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 89–145.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб. : АзиатИКА, 1995. 287 с. (Археологические памятники сюнну; Вып. 1).

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб. : Петербургское востоковедение, 1996. 176 с. (Археологические памятники сюнну; Вып. 2).

Данченок Г.П., Нестеров С.П. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской котловины (сравнительный анализ) // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск : Наука, 1989. С. 94–103.

Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М. : ИА РАН, 1995. С. 56–61.

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2011. 174 с.

Деревянко А.П. Приамурье (I тыс. до н.э.). Новосибирск : Наука, 1976. 384 с.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск : Наука, 1975. 250 с.

Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. : ИИМК РАН, 2007. 197 с.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи Великого переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. №4. С. 212–231.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1990. 174 с.

Дремов В.А. Центральноазиатские связи населения Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 132–142.

Дураков И. А., Мжельская Т. В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск : НОКМ, 1995. С. 47–66.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III : Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л. : Наука, 1970. С. 80–209.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 77–80.

Елин В.Н. Восточный Алтай в предтюркское время (хронология и культурная принадлежность памятников) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1987а. 19 с.

Елин В.Н. Погребальные комплексы предтюркского времени – новый тип памятников Горного Алтая // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово : Кем. ун-т, 1987б. Ч. II. С. 137–139.

Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 119–136.

Елин В.Н. Использование планиграфического метода для определения относительной хронологии памятников предтюркского времени (на примере могильника Кок-Паш в Горном Алтае) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 153–155.

Елин В.Н. О формировании археологических культур гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. С. 76–77.

Елин В.Н. О формировании населения гунно-сарматского времени на Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 132–134.

Елин В.Н. Культурно-хронологические аспекты изучения памятников гунно-сарматского времени Алтая, Южной Сибири, Монголии // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск : ГАИГИ, 1997. С. 156–174.

Елин В.Н., Васютин А.С. Наземные погребальные сооружения предкудыргинского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая (методика раскопок и вопросы классификации) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 135–154.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 73–87 (Археология СССР).

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 174–204.

Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV – V в. н.э.) // История и культура сарматов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. С. 70–84.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н.э.). СПб. : Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В.В. Радлова в 1965 г. // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Зюзин А.В. Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул : Азбука, 2008. С. 168–169.

Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2000. С. 157–169.

Илюшин А.М. Новые материалы к проблеме соотношения памятников предтюркского и раннекудыргинского времени Восточного Алтая // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 212–227.

Казаков А.А. К вопросу о формировании одинцовской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 166–177.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : Изд-во БЮИ МВД России, 2014. 152 с.

Калинин И.В., Тетерин Ю.В. Воинское погребение предтюркского времени могильника Дялян // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск : Красн. ун-т, 1991. Т. 2. С. 61–63.

Касенбеков Е.М. Подбойно-катакомбные погребения Северного Казахстана // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 223–224.

Ким А.Р. Расогенетические связи населения Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Тюркология-88. Фрунзе : Илим, 1988. С. 581–582.

Ким А.Р. К палеоантропологии восточной части Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 134–136.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской котловине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск : [б.и.], 1992. С. 59–61.

Киреев С.М., Штанакова Е.А., Моносов В.М. Украшения гунно-сарматского времени из Бугузуна (Горный Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2012. №4 (16). С. 85–93.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III : Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Материалы сяньбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 5–24. DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-01

Кирюшин Ю.Ф., Мамадаков Ю.Т. Хуннское влияние на этногенез населения Горного Алтая в конце I тыс. до н.э. // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1996. Ч. I. С. 43–44.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи Великого переселения народов в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Барнаул : Алт. пед. академия, 2011. Вып. 7. С. 92–98.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Кислый А.Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // РА. 1995. №2. С. 112–122.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л. : ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР, ЛНИАО, 1991. 448 с.

Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ ; Чита : Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 103–131.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Матренин С.С., Гребенников И.Ю. Раскопки поселения Баян Булаг в Южной Гоби (ханьская крепость Шоусянчэн) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 58–93.

Ковычев Е.В. Лук и стрелы восточнозабайкальских племен I тысячелетия н.э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 97–110.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркут. тех. ун-та, 2006. Вып. 4. С. 242–258.

Ковычев Е.В. К истории ранних монголов в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркут. техн. ун-та, 2012. Вып. 9. С. 129–146.

Ковычев Е.В., Яремчук О.А. Погребальный обряд могильника Зоргол-I // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2000. Т. 3. С. 60–69.

Кожомбердиев И.К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе : Изд-во АН КиргССР, 1963. С. 33–77.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 75–106.

Колесников А.Г. Некоторые вопросы половозрастной стратификации позднетрипольского населения среднего Поднепровья (по материалам могильников софиевского типа) // Археология и методы исторических реконструкций. Киев : Наукова думка, 1985. С. 152–168.

Комиссаров С.А., Поздняков Д.В. Антропологические и культурные характеристики могильника Чауху-3, Восточный Туркестан (Синьцзян) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 289–294.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 98 с.

Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Горного Алтая гунно-сарматского времени : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2014. 23 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. №10. С. 70–83.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток : Дальнаука, 2004. 106 с.

Кривошеев М.В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 117–126.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 24–54.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л. : Наука, 1988. С. 55–82.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1997. 180 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М. : Наука, 1983. 128 с. (Свод археологических источников; Вып. Е 3–18).

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. 198 с.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. 211 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.

Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-Асар, Кос-Асар и Томпак-Асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III: Джетыасарская культура. Ч. 2: Могильники Томпакасар и Косасар. М. : Наука, 1993. С. 32–193.

Левина Л.М. Могильники Алтынасар-4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV: Джетыасарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алтынасар. М. : Наука, 1994. 312 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М. : Восточная литература РАН, 1996. 396 с.: ил.

Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // Советская археология. 1965. №2. С. 75–91.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское воооружение в древневосточном и греческом контексте. М. : Восточная литература, 2001. Т. 2. 528 с.

Литвинцев А.Ю. Погребения эпохи средневековья разновременного могильника в пади Кангил // Записки Нерчинского краеведческого музея. Нерчинск : НКМ, 2006. Вып. 2. С. 35–40.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.) : дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 389 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону : Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV вв. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культуры (вещевой комплекс) // РА. 2007. №3. С. 111–121.

Малашев Ю.В., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка-10. М. : Восточная литература, 2008. 365 с.

Мамадаков Ю.Т. Работы Онгудайского отряда // АО 1981 года. М. : Наука, 1983. С. 212.

Мамадаков Ю.Т. Работы в Горном Алтае // АО 1982 года. М. : Наука, 1984. С. 216–217.

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–198.

Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1987а. С. 197–203.

Мамадаков Ю.Т. Исследования в Горном Алтае // АО 1985 года. М. : Наука, 1987б. С. 259.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990а. 19 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990б. 317 с.

Мамадаков Ю.Т. О роли миграций в демографических процессах в Горном Алтае в гунно-сарматское время // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994а. С. 129–132.

Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994б. С. 58–63.

Мамадаков Ю.Т. Отражение общественных отношений булан-кобинского населения в детских погребениях // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 159–161.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. №2. С. 115–129.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М. ; Л. : Наука, 1966. 232 с. (Материалы и исследования по археологии; № 136).

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л. : Изд-во АН СССР, 1975. 228 с.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 196–205 (Археология СССР).

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 5–24.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. … докт. культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 208 с.

Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. Могильник Гуяр-IV в Северной Туркмении // РА. 1996. №2. С. 168–181.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Савиновский могильник саргатской культуры. Итоги полевых исследований : препринт. Тюмень, 1991. 54 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск : Наука, 2000. 399 с.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и железного веков. Древности Ингальской долины: археолого-палеогеографическое исследование. Новосибирск : Наука, 2003. Вып. 1. 174 с.

Матренин С.С. Некоторые особенности погребения человека с лошадью в курганах булан-кобинской культуры // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск : Омск. ун-т, 2002. С. 331–334.

Матренин С.С. Особенности ориентации погребенных в курганах Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 234–236.

Матренин С.С. Некоторые особенности топографии и планиграфии могильников Горного Алтая гунно-сарматской эпохи // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). Кемерово : Кем. ун-т, 2004а. С. 266–268.

Матренин С.С. Некоторые аспекты палеосоциологического анализа детских погребений булан-кобинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004б. С. 81–86.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2005а. 24 с.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.) : дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2005б. 557 с.

Матренин С.С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2005в. Вып. 1. С. 105–119.

Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2005г. Вып. 2. С. 35–51.

Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005д. С. 93–98.

Матренин С.С. Палеодемографический анализ и реконструкция половозрастной структуры населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 98–109.

Матренин С.С. Хронологические и территориальные особенности погребального обряда населения Горного Алтая хуннуско-сяньбийского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008а. Т. II. С. 53–55.

Матренин С.С. Некоторые результаты сравнительного изучения погребальных памятников Горного Алтая скифо-сакского и хуннуского времени // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История». 2008б. №4/2 (60). С. 127–135.

Матренин С.С. Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, политология». 2011. №4/2 (72). С. 141–149.

Матренин С.С. Наконечники ремней кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, политология». 2012. №4/1 (76). С. 159–168.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История». 2013а. №4/1 (80). С. 228–237.

Матренин С.С. Костяные наконечники стрел кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам курганной группы Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013б. С. 201–205.

Матренин С.С. Детское погребение эпохи Великого переселения народов с воинским инвентарем из Центрального Алтая // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 325–330.

Матренин С.С. Хронология поясных пряжек и блях кочевников Алтая из могильника Степушка-I эпохи Великого переселения народов // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург : ИА РАН, 2016. С. 169–178.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Матренин С.С. Псалии кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. 2018а. №2 (100). С. 167–173.

Матренин С.С. Удила и псалии кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018б. С. 67–71.

Матренин С.С. Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018в. Вып. 2. С. 188–195.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркутск. тех. ун-та, 2005. С. 152–182.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннуского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 102–115.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/2 (88). С. 116–124. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-22

Матренин С.С., Тишкин А.А. Пряжки в культуре кочевников Алтая жужанского времени (по материалам памятника Яломан-II) // Теория и практика археологических исследований. 2016а. № 2 (14). С. 48–66. DOI: 10.14258/tpai(2016)2(14).-04

Матренин С.С., Тишкин А.А. Уздечные бляхи из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: опыт классификации и типологии // Известия Алтайского государственного университета. 2016б. №2 (90). С. 220–228. DOI 10.14258/izvasu(2016)2-40

Матренин С.С., Тишкин А. А., Плетнева Л. М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2 (84). С. 154–164. DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-21

Матренин С.С., Тишкин А.А., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи Великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 15–26. DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-02

Матренин С.С., Тур С.С. Детские погребения сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №2 (94). С. 234–241.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинскя культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2007. Вып. 5. С. 84–90.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск : Наука, 1997. 198 с.

Медведев А.П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 86–94.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус, 2008. 252 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М. : Наука, 1966. 184 с.

Меженова Я.А., Мжельская Т.В. К вопросу о хронологии курганов могильника Быстровка-3 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2000. Т. 1. С. 195–197.

Миллер Б.К., Оллард Ф., Эрдэнэбаатор Д., Ли К. Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод-2 (Монголия, 2002–2005 гг.) // Археологические вести. 2008. Вып. 15. С. 55–71.

Миняев С.С. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 21–27.

Миняев С.С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово : Кем. ун-т, 1989. Ч. I. С. 114–117.

Миняев С.С. Подбойные погребения Центральной Азии в эпоху сюнну // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии : инф. бюлл. 1990. Вып. 17. С. 74–81.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб. : АзиатИКА, 1998. 233 с.: ил. (Археологические памятники сюнну; Вып. 3).

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса №7 в могильнике Царам // Археологические вести. 2002. Вып. 9. С. 86–118.

Митько О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс-II. Материалы и реконструкция сожжения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа №8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2007. С. 39–61.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 396–404.

Могильников В.А. К вопросу о компонентах этногенеза алтайских тюрок // Барнаулу – 250 лет. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 70–71.

Могильников В.А. Некоторые итоги и проблемы изучения культуры древних тюрок Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992а. С. 63–68.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992б. С. 175–212.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992в. С. 254–273 (Археология СССР).

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992г. С. 292–311 (Археология СССР).

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Коба-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116, 257–280.

Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара : [б.и.], 1996. С. 24–30.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М. : ИА РАН ; Пущинский научный центр, 1997. 196 с.

Могильников В.А. Гилево-IX, курган №3 – памятник хуннского времени северо-западных предгорий Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Азбука, 2001. Вып. XII. С. 113–117.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М. : ИА РАН, 1995. С. 62–74.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск : Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 26–63.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск : Наука, 1980. 208 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 256 с. (Материалы по археологии Сибири; Вып. 3).

Молодин В.И., Чикишева Т.А., Рыбина Е.В. Палеодемография игрековской культуры // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово : Кем. ун-т, 1997. С. 43–49.

Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 22–44.

Мыльников В.П., Тишкин А.А. Жесткие деревянные основы седел с памятника Яломан-II на Алтае: междисциплинарный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. №3. 2016. С. 47–55. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.047-055

Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : БГПУ, 1992. С. 141–154, 234–238.

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 121–135.

Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. С. 70–85.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э. : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2001а. 26 с.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э. : дис. … канд. ист. наук. СПб., 2001б. 262 с.

Николаев Н.Н. Некоторые аспекты синхронизации булан-кобинской культуры Горного Алтая // Евразия сквозь века. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001в. С. 208–210.

Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV – V вв. н.э.) // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 194–257.

Оболдуева Т.Г. Курганы на арыке Джун // Советская археология. 1988. № 4. С. 157–168.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Овчинникова Б.Б. О поминальном обряде древних племен в гунно-сарматскую эпоху в Туве (по материалам могильника Даг-Аразы) // Евразия сквозь века. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. С. 187–193.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. №2. С. 85–98.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск : УИИЯЛ, 1997. 326 с.

Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб : ЭликСис, 2010. 252 с.

Панкова С.В. Погребения середины I тыс. н.э. в Западной Туве // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. №11. С. 92–106.

Погодин Л.И., Труфанов А.Я. Могильник саргатской культуры Исаковка-III // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск : Омск. ун-т, 1991. С. 98–127.

Подушкин А.Н. Программа «Археологические и письменные памятники государства Канцзюй (Кангюй) II в. до н.э. – VI в. н.э.»: динамика реализации и некоторые итоги // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : [б.и.], 2006. Вып. 2. С. 208–229.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан : МКТУ, 2000. 200 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука, 1987. 144 с.

Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая-II на Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. : ГЭ : ИИМ РАН, 2003. Кн. II. С. 274–278.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 224–235 (Археология СССР).

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Уфа : Изд-во Башкирского филиала АН СССР, 1968. Т. III. С. 59–104.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Уфа : ИИЯЛ БФ АН СССР, 1973. Т. V. С. 162–243.

Радзюн А.Б. Характеристика населения гунно-сарматского времени Тувы // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск : Омск. ун-т, 1984. С. 16–18.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 751 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.

Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 104–108.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири : дис. … д-ра ист. наук (копия). Л., 1987. 245 с.

Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 93–96.

Савинов Д.Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокэль // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : Омск. ун-т, 1992. Ч. 1. С. 107–109.

Савинов Д.Г. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск : Наука, 1994. С. 144–146.

Савинов Д.Г. Проблема хронологии Кокэля в историческом аспекте // Проблемы истории России. Вып. 5 : На перекрестке эпох и традиций. Екатеринбург : Волот Год, 2003. С. 49–59.

Савинов Д.Г. Кокэльский могильник в Туве // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркут. тех. ун-та, 2005. С. 200–223.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ИИМК РАН, 2009. 226 с.

Садовой А.Н., Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюркского времени // Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С.209–220.

Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 240 с.

Сергацков И.В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 107–116.

Серегин Н.Н. К проблеме происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 2. С. 536–541.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследования и основные аспекты интерпретации. Барнаул : Азбука, 2014. 230 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Китайский «импорт» из памятников Алтая хуннуско-сяньбийского времени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 135–142.

Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар : Фирма НСС, 2004. С. 134–173.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2008. Вып. 7. С. 42–57.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М. : Наука, 1974. С. 7–89.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степная полоса Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 165–177 (Археология СССР).

Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 22 с.

Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998а. С. 93–98.

Соенов В.И. Классификация и хронология гребней гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998в. Т. I. С. 559–563.

Соенов В.И. Костяные подпружные пряжки гунно-сарматского времени Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск ; СПб. : Омск. ун-т, 1998б. Ч. II. С. 80–81.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1999. №4. С. 134–152.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000а. №5. С. 48–62.

Соенов В.И. Продолжение охранных раскопок на могильнике Верх-Уймон в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000б. Вып. XI. С. 201–202.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. 160 с.

Соенов В.И. Комплекс вооружения населения Верхней Катуни в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 52–55.

Соенов В.И. Использование методов естественных и точных наук при изучении археологии Горного Алтая гунно-сарматской эпохи // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 209–212.

Соенов В.И. Полевые археологические исследования научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. №3 (15). С. 3–6.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2017. №8 (20). С. 117–142.

Соенов В.И., Винокурова Г.А. Бусы из могильников гунно-сарматского времени Курайка и Верх-Уймон // Итоги и перспективы геологического изучения Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000. С. 151–155.

Соенов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск : Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 88–90.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Детские погребения могильника Степушка-II // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркутск. техн. ун-та, 2015а. Вып. 3 (16). С. 9–27.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Кенотафы могильника Степушка-II // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015б. С. 345–351.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Погребения в подбоях на могильнике гунно-сарматского времени Степушка-2 (Центральный Алтай) // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. С. 357–369.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 42–57.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Железные стамески гунно-сарматского времени из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. №2. С. 13–18.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2015. 248 с.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Использование естественнонаучных методов при изучении археологических материалов из погребений могильника Верх-Уймон // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 194–196.

Соенов В.И., Трифонова С.В. Украшения из женских погребений могильника Верх-Уймон // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 224–228.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Папуарии sarcophadidae в погребении гунно-сарматского времени некрополя Степушка-2 // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 61–73 DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-05

Соенов В.И., Трифанова С.В. Парциальное погребение гунно-сарматского времени на некрополе Степушка-II // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 32–40 DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-02

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 169–171.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2011. 228 с.

Соенов В.И., Штанакова Е.А. Деревянная посуда из погребений могильника Курайка // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 177–186.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 157–158.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск : «ИНФОЛИО-пресс», 2003. 219 с.

Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // Советская археология. 1956. Т. XXVI. С. 97–117.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды ГЭ. Культура и искусство народов Востока. Л., 1969. Т. X. С. 208–236.

Сорокин С.С. Погребения эпохи «Великого переселения народов» в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л. : Наука, 1983. С. 34–41.

Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. 2006. №13. С. 102–149.

Суразаков А.С. Раскопки у сел Куюс и Кокоря в Горном Алтае // АО 1982 года. М. : Наука, 1984. С. 232–233.

Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш-I в Горном Алтае // АО 1984 года. М. : Наука, 1986. С. 203.

Суразаков А.С. Раскопки могильника Айрыдаш-I // АО 1985 года. М. : Наука, 1987. С. 284–285.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. 216 с.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск : Наука, 1990. С. 197–200.

Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск : Омск. ун-т, 1992. С. 92–97.

Суразаков А.С. Кызык-Телань-II // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001. №6. С. 70–72.

Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // История Республики Алтай. Горно-Алтайск : [б.и.], 2002. С. 177–184.

Суразаков А.С., Тишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул : Азбука, 2007. 232 с.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 155–157.

Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 131–135.

Тетерин Ю.В. Центральноазиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1999. С. 56–65.

Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001. №6. С. 107–115.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2004. С. 37–82 (Труды гуманит. фак. НГУ; Сер. II. Вып. 1).

Тетерин Ю.В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестник НГУ. 2005. Т. 4. Вып. 5 : Археология и этнография. С. 52–64.

Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс I на севере Хакасско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2007. С. 62–88.

Тетерин Ю.В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. №3. С. 87–96.

Тетерин Ю.В., Пилипенко С.А. Берестяные изделия хунно-сарматской эпохи могильника Дялян (Горный Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. №7 : Археология и этнография. С. 117–124.

Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 28 с.

Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 296–300.

Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннуского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 195–201.

Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннуского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005б. С. 129–135.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Алтая: краткая история изучения и современное содержание // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 294–297.

Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 165–176.

Тишкин А.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганов жужанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Томского университета. История. 2017. №49. С. 54–59 DOI: 10.17223/19988613/49/10

Тишкин А.А. Новые данные о радиоуглеродном датировании древних и средневековых памятников Алтая и Верхнего Приобья // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 124–131.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002а. Т. VIII. С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2002б. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003а. №10. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003б. Т. IX. Ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ погребального обряда // РА. 2006. №3. С. 111–115.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи Великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 164–172.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья : иллюстрированный исторический атлас. Барнаул : АРТИКА, 2011. 136 с. : ил.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 118–122.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. №2. С. 24–28.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннуского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 39–56.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннуского и жужанского времени (по материалам могильника Яломан-II) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4/2 (68). С. 220–229.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 158–173.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Колчанные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2012. Т. 11. №7. С. 125–133.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013а. №4/1 (80). С. 204–213.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // КСИА. 2013б. Вып. 231. С. 59–71.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследования. 2013в. №1 (7). С. 147–153 DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-10

Тишкин А.А., Матренин С.С. Керамический материал из раскопок на Алтае курганной группы сяньбийско-жужанского времени Степушка-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 170–174.

Тишкин А. А., Матренин С. С. Части «золотой диадемы» из памятника Яломан-II (жужанское время, Центральный Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 351–355.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Детали конской узды из курганов хуннуского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай): хронологический аспект // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017а. Т. II. С. 60–65.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Относительное и абсолютное датирование курганов погребального комплекса сяньбийско-жужанского времени Степушка-I (Центральный Алтай): корреляция результатов // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017б. Т. II. С. 136–142.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннуского времени (по материалам памятника Яломан-II) // КСИА. 2017в. №247. С. 74–86.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Орудия труда как элементы системы жизнеобеспечения населения Алтая в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 237–244.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка-I // РА. 2015. №1. С. 121–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Вып. 3. С. 420–431.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «Великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012а. С. 59–65.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор : Изд-во Монгольского гос. ун-та, 2012б. С. 116–120.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Кенотафы сяньбийско-жужанского времени могильника Степушка-I // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013а. С. 232–238.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2013б. С. 258–279.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с. (Археологические памятники Алтая; Вып. 2).

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Матренин С.С. Уркошский археологический микрорайон (Центральный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 208 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 1).

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 300–306.

Тишкин А.А., Хаврин С.В., Френкель Я.В. Бусы хуннуского времени (по материалам раскопок памятника Яломан-II в Горном Алтае) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 212–215.

Топрак-Кала. Дворец. М. : Наука, 1984. 304 с.

Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2004а. №12. С. 92–95.

Трифанова С.В. Классификация серег гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004б. С. 306–310.

Трифанова С.В. Классификация гривен населения Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 201–205.

Трифанова С.В. Нашивные бляшки из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005б. С. 139–144.

Трифанова С.В. Реконструкция украшений головы из курганов Айрыдаша // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2005в. С. 95–105.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи : автореф. дис. … канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006а. 22 с.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи : дис. … канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006б. 261 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 124 с.

Троицкая Т.Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии эпохи железа. Новосибирск : Наука, 1981. С. 101–120.

Троицкая Т.Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Проблемы археологии, антропологии и этнографии Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 154–162.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. №4. С. 160–170.

Тур С.С. Травматические повреждения в скелетной выборке из могильника Степушка-2 // Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018. С. 146–148.

Тур С.С., Матренин С.С. Скелетные травмы у кочевников Горного Алтая сяньбийско-жужанского времени // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та, 2016. С. 63–66.

Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 136–149.

Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 129–163.

Флеров В.С. Разыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк : ДонНУ, 2000. С. 55–72 (Труды по археологии. Т. 1).

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 219 – 226.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1993а. 89 с.

Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1993б. С. 107–148.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. №2. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998а. №3. С. 97–112.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово ; Гурьевск : Изд-во Куз. тех. ун-та, 1998б. С. 160–206.

Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998в. С. 206–211.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух-I в 2002 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002а. Т. VIII. С. 472–478.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002б. С. 79–87.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 504–509.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов во II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2005а. С. 19–55.

Худяков Ю.С. Могила изгоя в урочище Улуг-Чолтух // Природа. 2005б. №5. С. 63–66.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005в. Т. XI. Ч. I. С. 480–484.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск : НГУ, 2006. 130 с.

Худяков Ю.С. Сравнительный анализ оружия дистанционного боя древних номадов хунно-сяньбийской эпохи в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2014а. №7 (19). С. 141–153.

Худяков Ю.С. Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух долины р. Эдиган в Горном Алтае (из раскопок Южно-Сибирского отряда 2008 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014б. №2. С. 33–36.

Худяков Ю.С. Женские украшения населения хунно-сяньбийской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014в. №1 (57). С. 107–114.

Худяков Ю.С. Железные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух хунно-сяньбийского времени в Горном Алтае (по материалам раскопок 2005, 2007, 2008 годов) // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7. С. 113–124.

Худяков Ю.С. Опыт систематизации предметов вооружения дистанционного боя из памятников айрыдашского типа хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2016. Т. 15, № 5. С. 20–30.

Худяков Ю.С. Сложносоставные луки из памятника Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в Горном Алтае (по результатам раскопок 2008 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №3 (23) С. 130–137 DOI: 10.14258/tpai(2018)3(23).-09

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск : Наука, 1990. С. 95–150.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Своеобразное впускное погребение из местности Хад Узуур Сагил сомона // Studia Mongolica. Улан-Батор, 1986. Т. XI. С. 60–64.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск : Наука, 1990. С. 126–132.

Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочев В.А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тыттукем в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 279–288.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000. №5. С. 37–48.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа Украшения сяньби // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 50–64.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 51–87.

Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 года // Известия АН КазССР. Вып. 3. Серия археологическая. Алма-Ата, 1951. С. 64–80.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. К особенностям морфологии населения гунно-сарматского времени центральных и восточных районов Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 154–159.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3. С. 116–131.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул : Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

Эрдэнэ-Очир Н. Предметы вооружения трех древних государств Кореи из музея Сеульского национального университета // Археологийн судлал. 2011. Б. XXXI. С. 183–220.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Хуннское оружие дистанционного боя из могильника Эгин-Гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. 2003. Т. 2. Вып. 3. С. 43–53.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. … канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Яремчук О.А. Особенности погребального обряда населения Восточного Забайкалья в хунно-сяньбийскую эпоху // Забайкалье в геополитике России. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 72–75.

Научные труды на иностранных языках

Амартувшин Ч., Хатанбаатар П. Хурэн хондын хунну булшны судалгаа // Археологийн судлал. 2008. Б. VI (XXVI). Т. 190–212 (на монг. яз.).

Амартувшин Ч., Хатанбаатар П. Хүннү булшны судалгаа // Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: Бага газрын чулуу. Археологийн судлал. Улаанбаатар, 2010. Б. (VII) XXVII. Т. 202–296 (на монг. яз.).

Амартүвшин Ч., Эрдэнэ-Очир Н. Бага Газрын чулууны Хүннү булшны зэр зэвсгийн судалгаа // Археологийн судлал. 2011. Б. XXXI. Т. 5–25 (на монг. яз).

Гао Фэн. Северо-вэйские погребения на шоссе в городе Датун провинции Шанси // Вэньу. 2006. №10. С. 51–71 (на кит. яз.).

Дун Гао. Сравнительное изучение мужунсяньбэйской, когуреской, корейской, японской конской амуниции III–VI вв. н.э. // Каогу. 1997. № 12. С. 66–84 (на кит. яз.).

Ерөөл-Эрдэнэ Ч. Год Модны 20-р булшнаас олдсон «бэлгэт-гөрөөс»-ийн дүрст хөөмөл мөнгөн зэмсэг // Археологийн судлал. 2007. Б. IV (XXIV). Т. 244–257 (на монг. яз.).

Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. Умард хуннүгийн язгууртны нэгэн булшны судалгаа // Археологийн судлал. 2008. Б. VI (XXVI). Т. 149–189 (на монг. яз.).

Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин : Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 16–54 (на кит. яз.).

Могильник Дундацзин // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин : Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 55–102 (на кит. яз).

Могильник Циланьшань в аймаке Чфючжун // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин : Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 123–183 (на кит. яз.).

Очир А., Анхбаяр Б. Жужаны уейн булш // Монголын археологийн өв. Боть III: Монголын эртний булш оршуулга. Улаанбаатар : Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, 2016. Т. 190–195 (на монг. яз).

Пан Линь. Иволгинское городище и могильник, а также исследование связанных с ними вопросов в археологии сюнну. Пекин : Кэсюэ чубаньшэ, 2007. 219 с. (на кит. яз.).

Предварительное изучение сяньбийских погребений Внутренней Монголии // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин : Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 211–272 (на кит. яз.).

Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей, Управление культурного наследия Баиньгуолэнского монгольского автономного округа, Управление культурного наследия Чиемоского округа. Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагуньлука в 1998 году // Синьцзянское культурное наследие. 2003. №1. С. 1–19 (на кит. яз.).

Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар : Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 т. (на монг. яз.).

Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш. Улаанбаатар ; Сеул, 2003. 277 т. (на монг., кор. яз.).

Хүүннүгийн Өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү Гүрний соёл. Улаанбаатар : ШУА-ийн Археологийн Хүрээлэн, 2011. 296 т. (на монг., англ. яз.).

Цэвэндорж Д. Морин толгойн булшнаас олдсон хэл хуур // Шинжлэх Ухааны Академийн Мэдэ. Улаанбаатор : ШУА-ийн Археологийн хүрээлэн, 1990. С. 72–80. (на монг. яз.)

Цэвэндорж Д. Бага газрын чулуу, Тарвагатай, Хүүшийн хөтөл, Баруун хайрханы хүннү булш // Археологийн судлал. 2000. Т. XX. Fasc. 1–11. Т. 35–60 (на монг. яз.).

Чжан Даньлин и др. Родовое кладбище эпохи северной династии Суй на улице Хучаньцин в Сиане // Вэньу. 2005. № 10. С. 47–67 (на кит. яз.).

Эрдэнэ Б., Амгалантөгс Ц., Нельсон Р. Бага газрын чулуунд хийсэн археологийн малтлага судалгааны зарим үр дүнгээс // Studia Archaeologica. 2007. Т. IV (XXIV), fasc. 15. Т. 216–225 (на монг. яз.).

Эрдэнэбаатар Д., Төрбат Ц., Эрдэнэбат У., Крюбезы Э., Жискар П.-Х., Мюраи П., Хай Л. Бурхан толгойн хүннү булшны судалгаа // Археологийн судлал. 1998. Б. XVIII. Т. 92–108 (на монг. яз.).

Archaeological Study on Iron Works Before 3-rd Century A.D. in China. Pecin : Science Press, 2005. 414 p. (на кит. яз.).

Erdelyi I. Archaeological Expeditions in Mongolia. Budapest : Mundus Hungarian University, 2000. 261 p.

Excavation of Tomb (coded 88M1) in a Brickyard at Shiertai Township, Chaoyang // Wenwu. 1997. №11. P. 19–32 (на кит. яз.).

Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen. Excavation of a Cluster of Tombs of the Xianbei Nationality at Laoheshen in Yushu, Jilin // Wenwu. 1985. №2. P. 68–82 (на кит. яз.).

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. München, 1984. Band 25. 202 s.

Leus P. New Find from the Xiongnu Period in Central Tuva. Preliminary Communication // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 515–536.

Panyushkina I., Sljusarenko I., Bikov N., Bogdanov E. Floating larch tree-ring chronologies from archaeological timbers in the Russian Altai between about 800 BC and AD 800 // Radiocarbon. 2007. Vol. 49. Nr. 2. P. 693–702.

Soenov V., Trifanova S. A Special Type of Earring from Altai Sites of the Hunno-Sarmatian Period // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Conferences Proceedings. Book 2. Ancience Science. 24–30 August, 2017. Albena, 2017. Vol. II. P. 129–136. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/22/s07.017

The Institute of Archaeology of Xinjiang Excavation of Tomb Coded M8 of Cemetery 95 MNI at the Niya Site in Xinjiang // Wenwu. 2000. №1. P. 4–40 (на кит. яз).

Tishkin A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 539–558.

Tur S.S., Matrenin S.S., Soyonov V.I. Interpersonal violence in the Altai Mountains during the late hunno-sarmatian period // European meeting of the paleopathology association. Moskow, 2016. P. 119.

Xi'an Municipal Institute of Archaeology and Preservation of Cultural Relics Tomb of Kang Ye the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi // Wenwu. 2008. №6. P. 4–35 (на кит. яз.)

Xuzhou Muzeum Excavation of Western Han Tomb №8 on Mt. Houlou in Xuzhou City, Jiangsu // Kaogu. 2006. № 4. P. 22–30 (на кит. яз.).

Yu Junyu. Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. 1997. №11. P. 42–48 (на кит. яз.).

Zhang Minghua, Wang Huiju. Excavation of Cemetry 3 at Chawuhu Pass, Hejing County // Kaogu. 1990. №10. P. 882–889 (на кит. яз.).

Zhang Xue-Yan. Types and Relative Questions of Koguryo Iron Belt Decorations // Research of China's Frontier Archaeology. Pecin, 2004. P. 258–272 (на кит. яз.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГИК – Алтайский государственный институт культуры.
АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию.
АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АН – Академия наук.
АО – Археологические открытия.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.
БСЭ – Большая советская энциклопедия.
БНЦ – Башкирский научный центр / Бурятский научный центр.
БЮИ – Барнаульский юридический институт.
ВЭС – Военный энциклопедический словарь.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА – Институт археологии.
ИИА – Институт истории и археологии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КиргССР – Киргизская Советская Социалистическая Республика.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
МВД – Министерство внутренних дел.
МКТУ – Международный казахско-турецкий университет.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НГУЭУ – Новосибирский государственный университет экономики и управления.
НКМ – Нерчинский краеведческий музей.
НОКМ – Новосибирский областной краеведческий музей.
РА – Российская археология.
РАН – Российская академия наук.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
СО – Сибирское отделение.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
УРКМ – Удмуртский Республиканский краеведческий музей.
УрО – Уральское отделение.
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы.
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

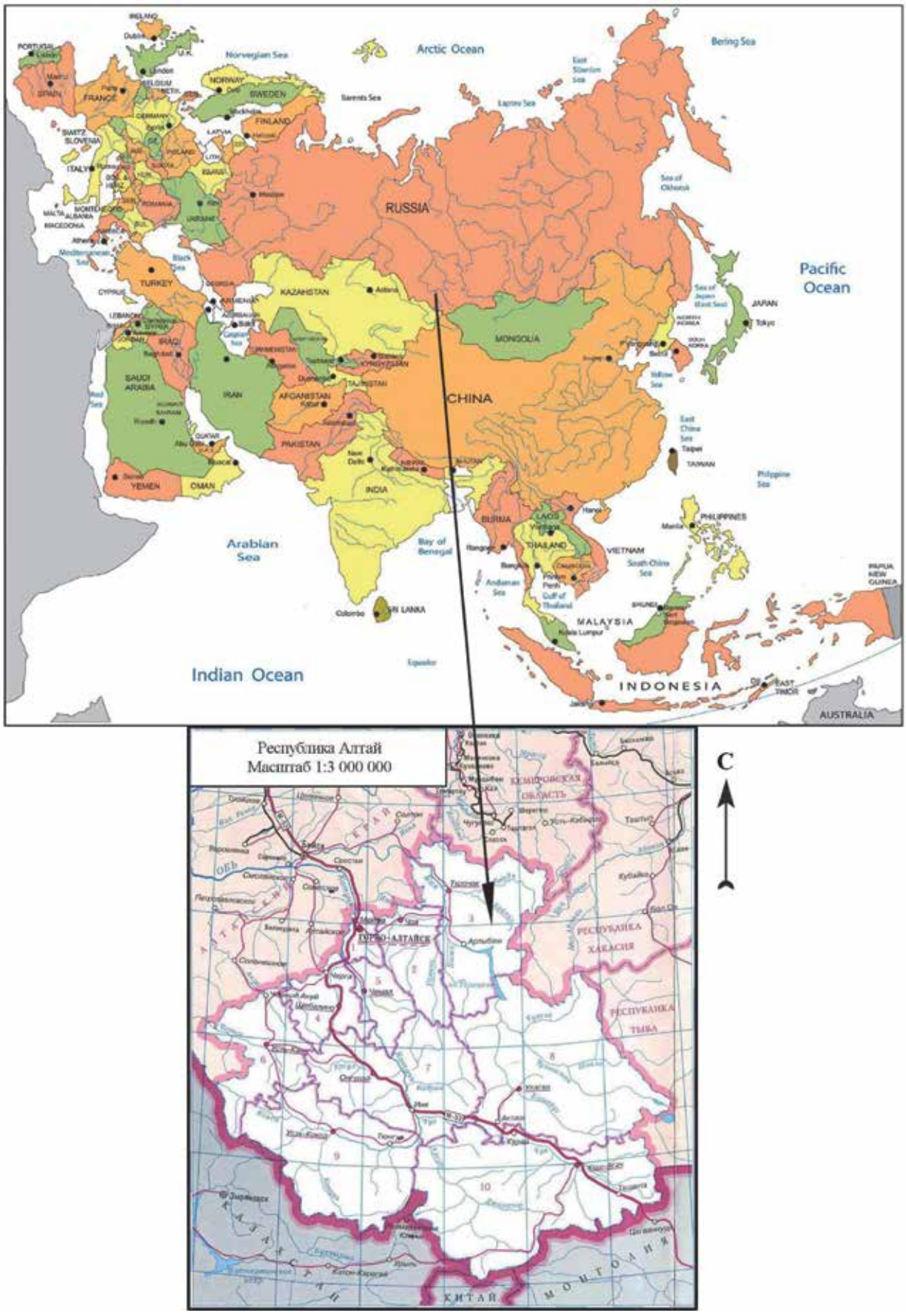

Рис. 1. Республика Алтай (Россия) на карте Евразии

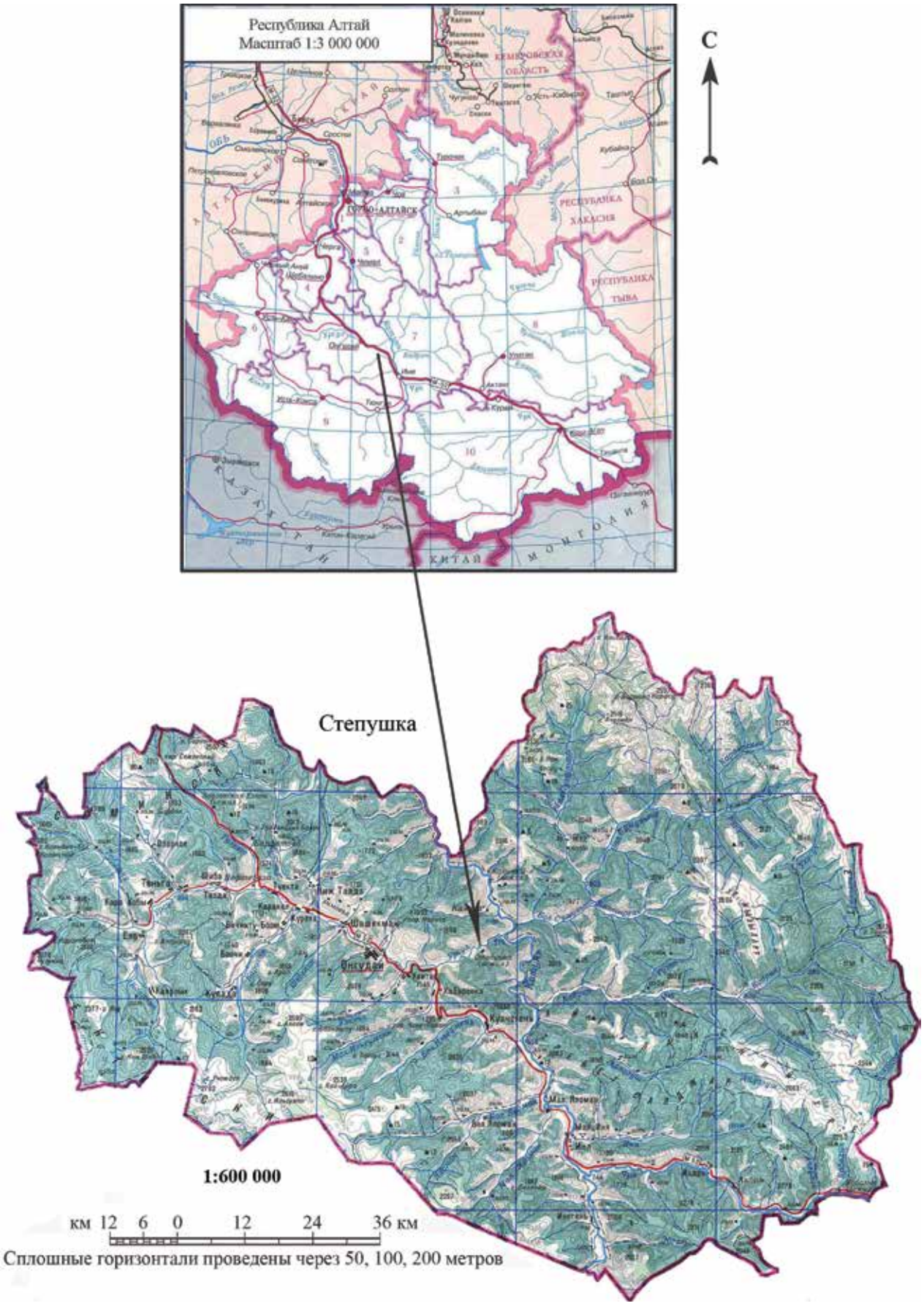

Рис. 2. Расположение памятника Степушка-I на карте Онгудайского района Республики Алтай

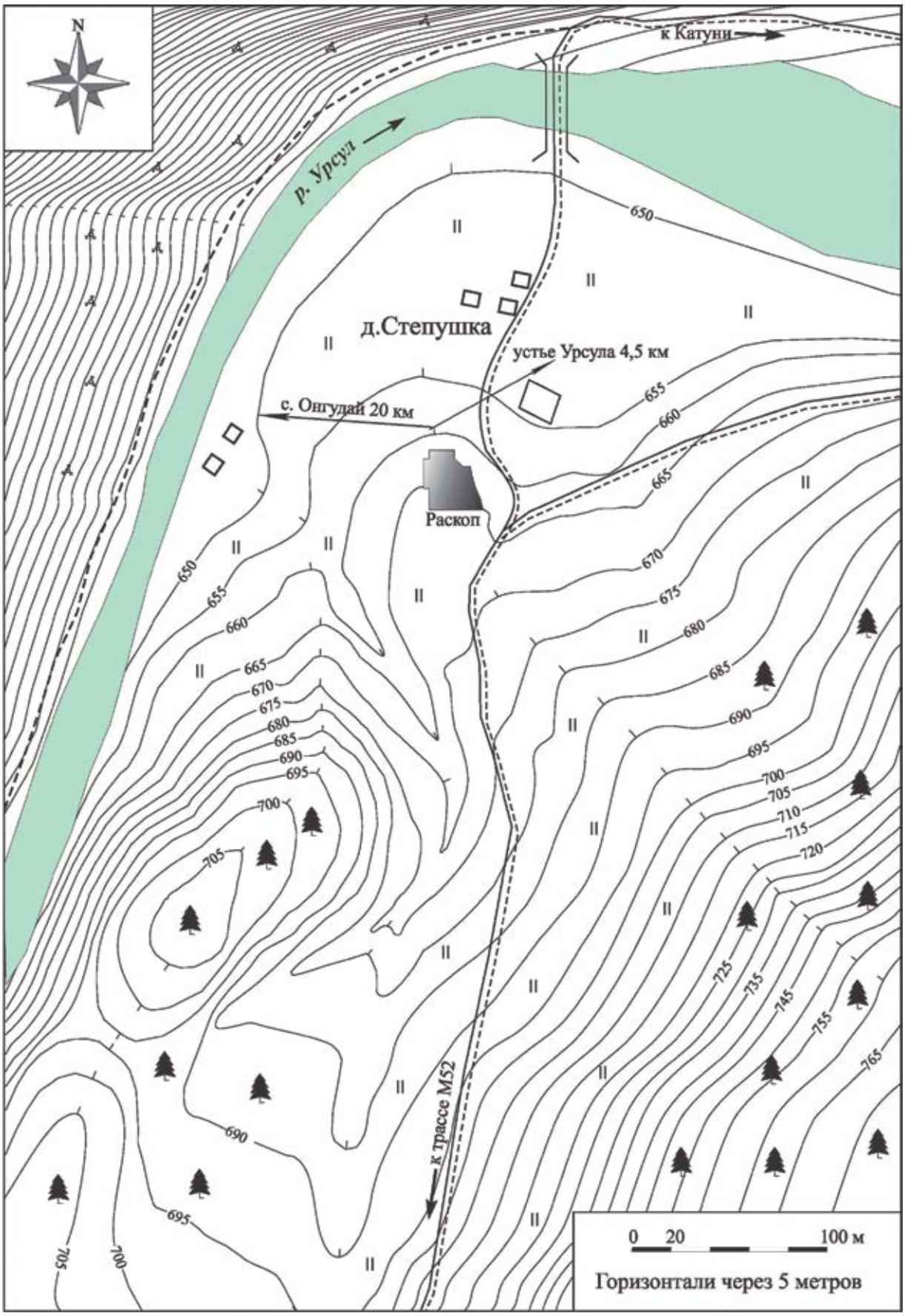

Рис. 3. Место расположения раскопа памятника Степушка-I на топографической карте (геодезическая основа – полевые материалы ОАО «ГИПРОДОРНИИ»)

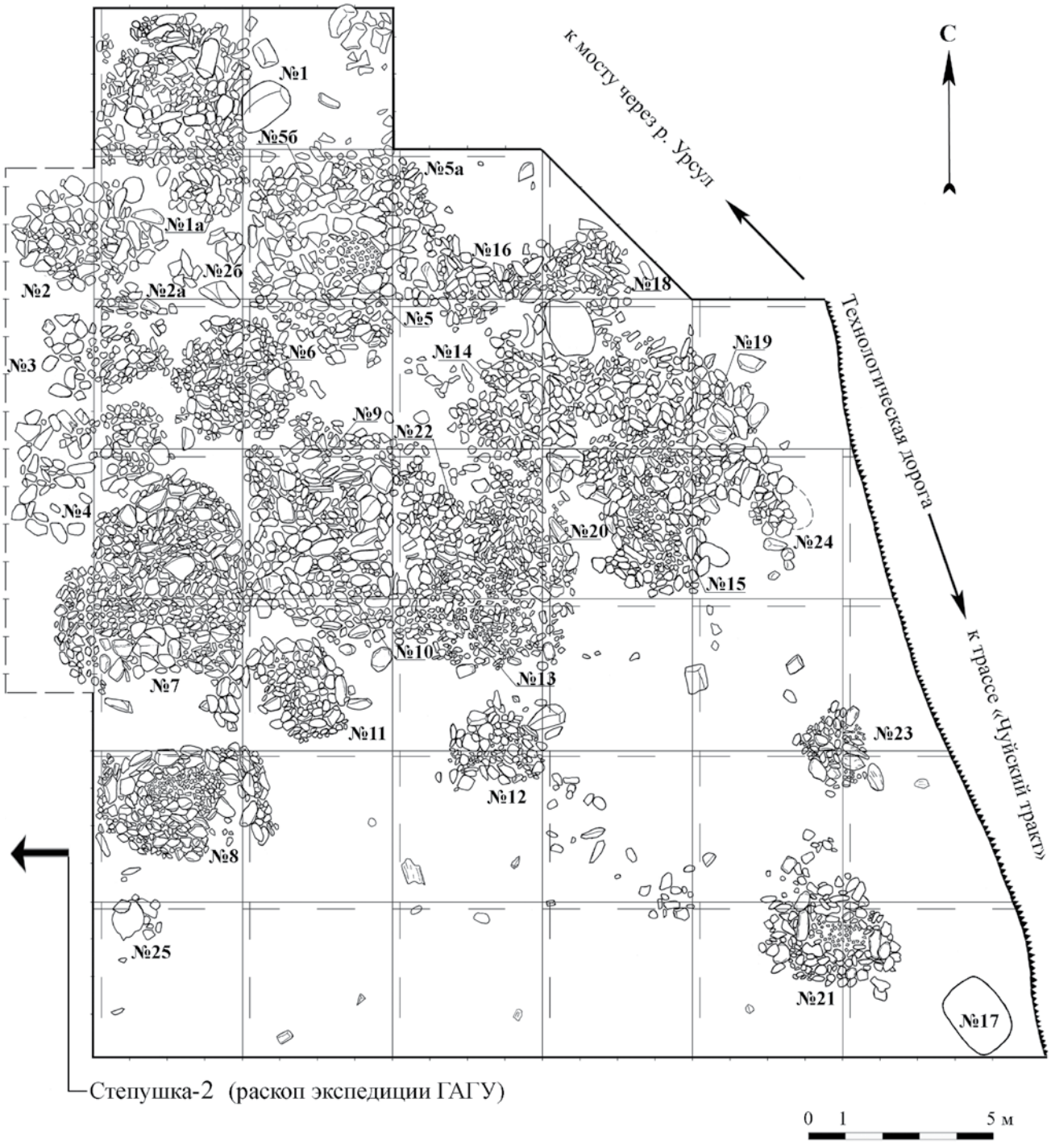

Рис. 4. План курганной группы Степушка-I

Рис. 5. Общий вид на памятник Степушка-I: *1* – прохождение строящейся дороги от автомобильной магистрали «Чуйский тракт» к долине р. Урсул; *2* – разрушение восточной оконечности погребального комплекса технологической дорогой

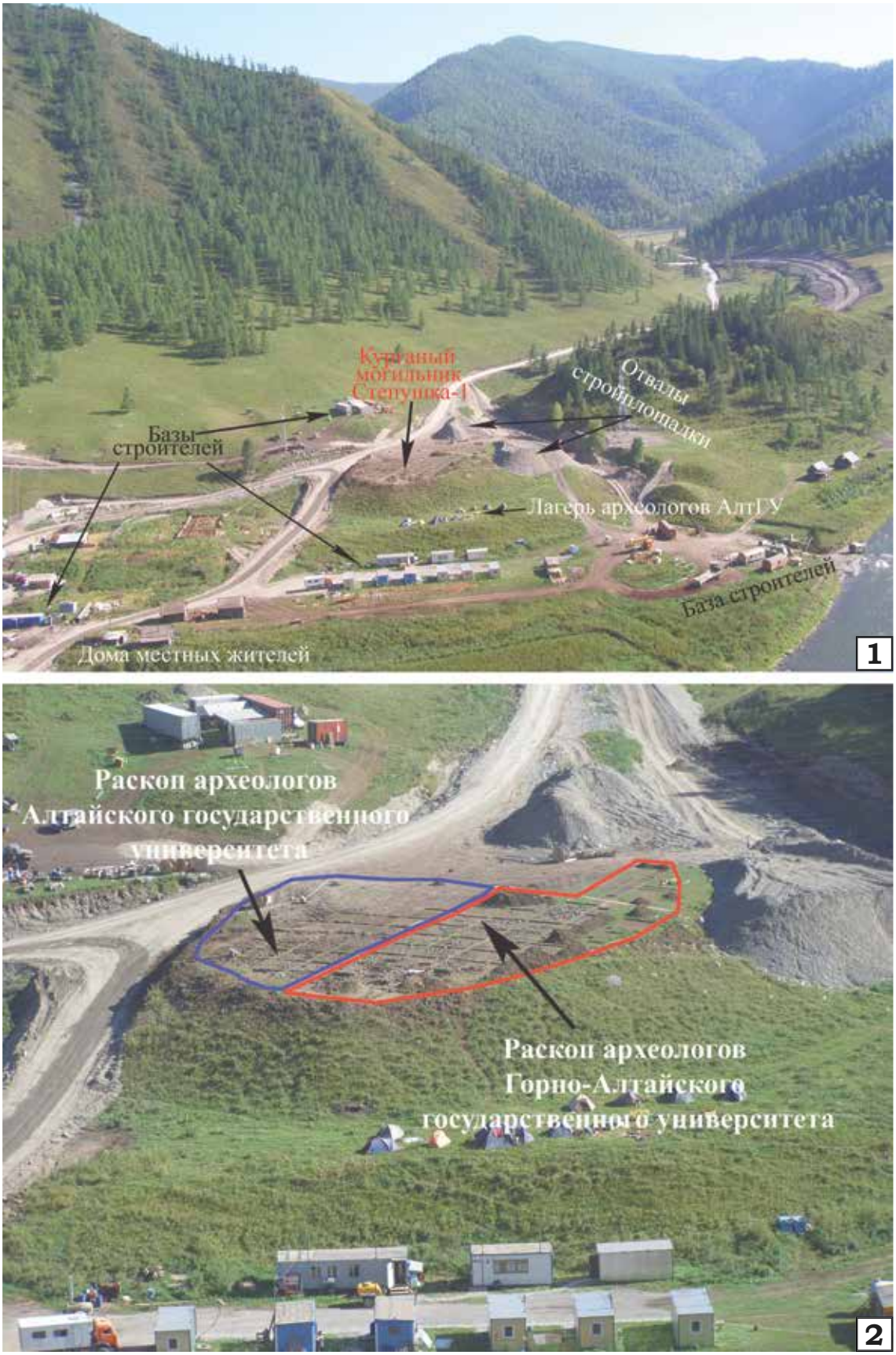

Рис. 6. Общий вид на памятник Степушка-I: *1* – размещение местных объектов и временной строительной инфраструктуры; *2* – локализация раскопов археологических экспедиций АлтГУ (Степушка-I) и ГАГУ (Степушка-2)

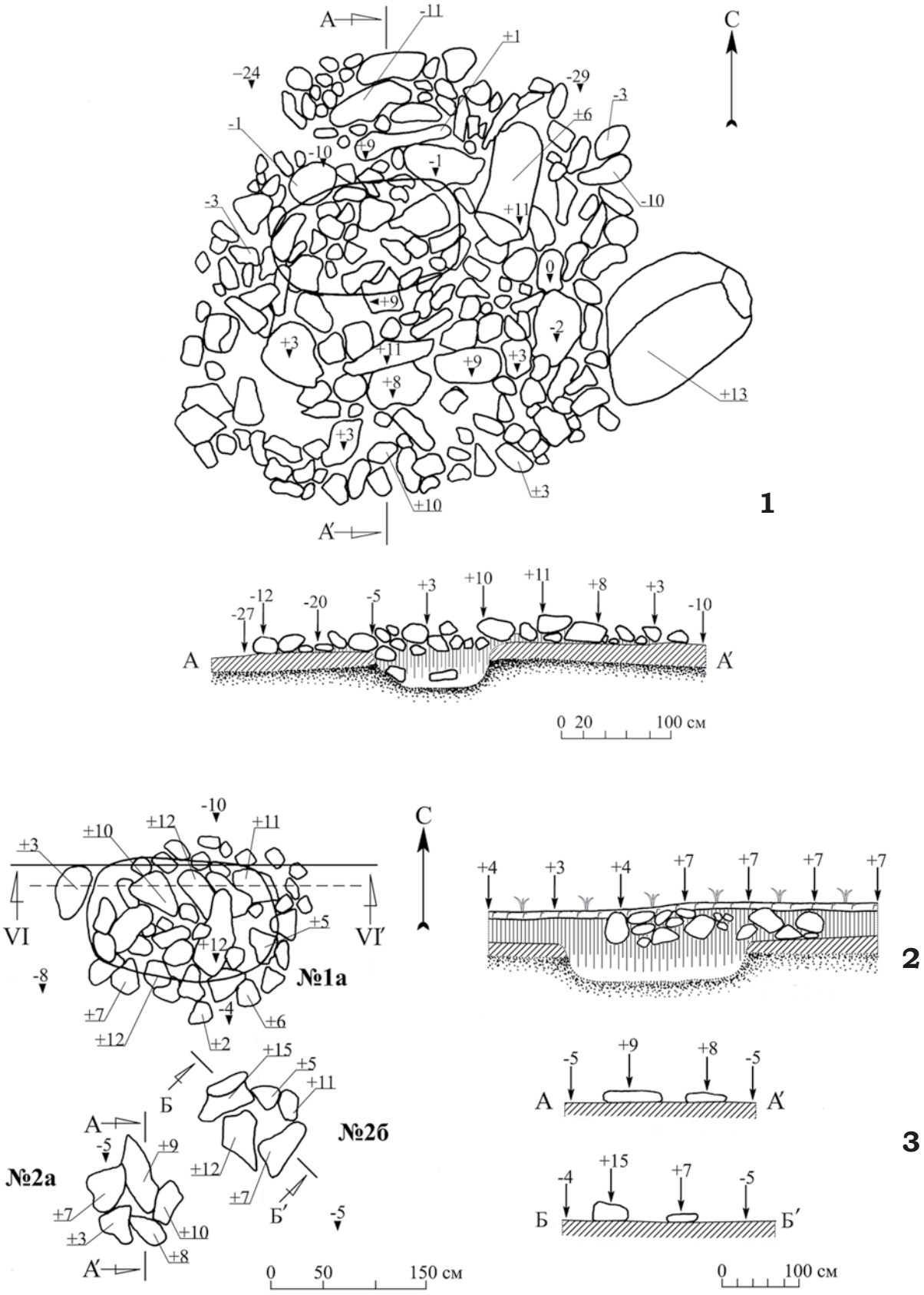
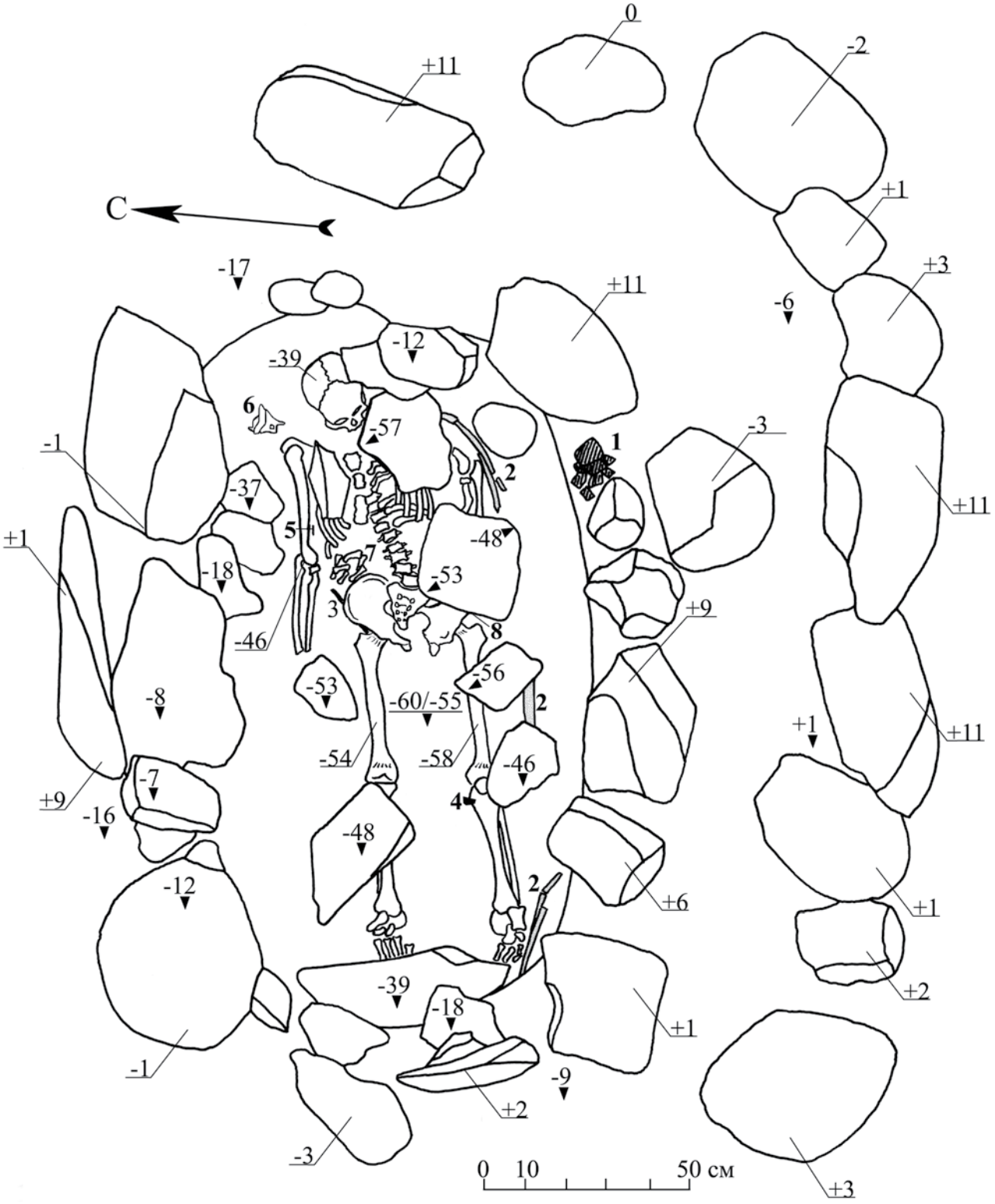

Рис. 7. Степушка-I: *1* – план и разрез кургана №1;
2 – план и разрез кургана №1а; *3* – план и разрезы выкладок 2а–б

Рис. 8. Степушка-I, курган №1: 1 – насыпь после зачистки;
2 – погребение человека в каменной обкладке

1 – развал сосуда (-13 см)
2 – накладки лука (-43; -46; -55 см)
3 – нож (-56 см)
4 – железный наконечник стрелы (-62 см)
5 – роговой наконечник стрелы (-48 см)
6 – кости овцы (-50 см)
7 – кисть правой руки (-58 см)
8 – фрагмент железного изделия (-56 см)

Рис. 9. Степушка-I, курган №1. План погребения

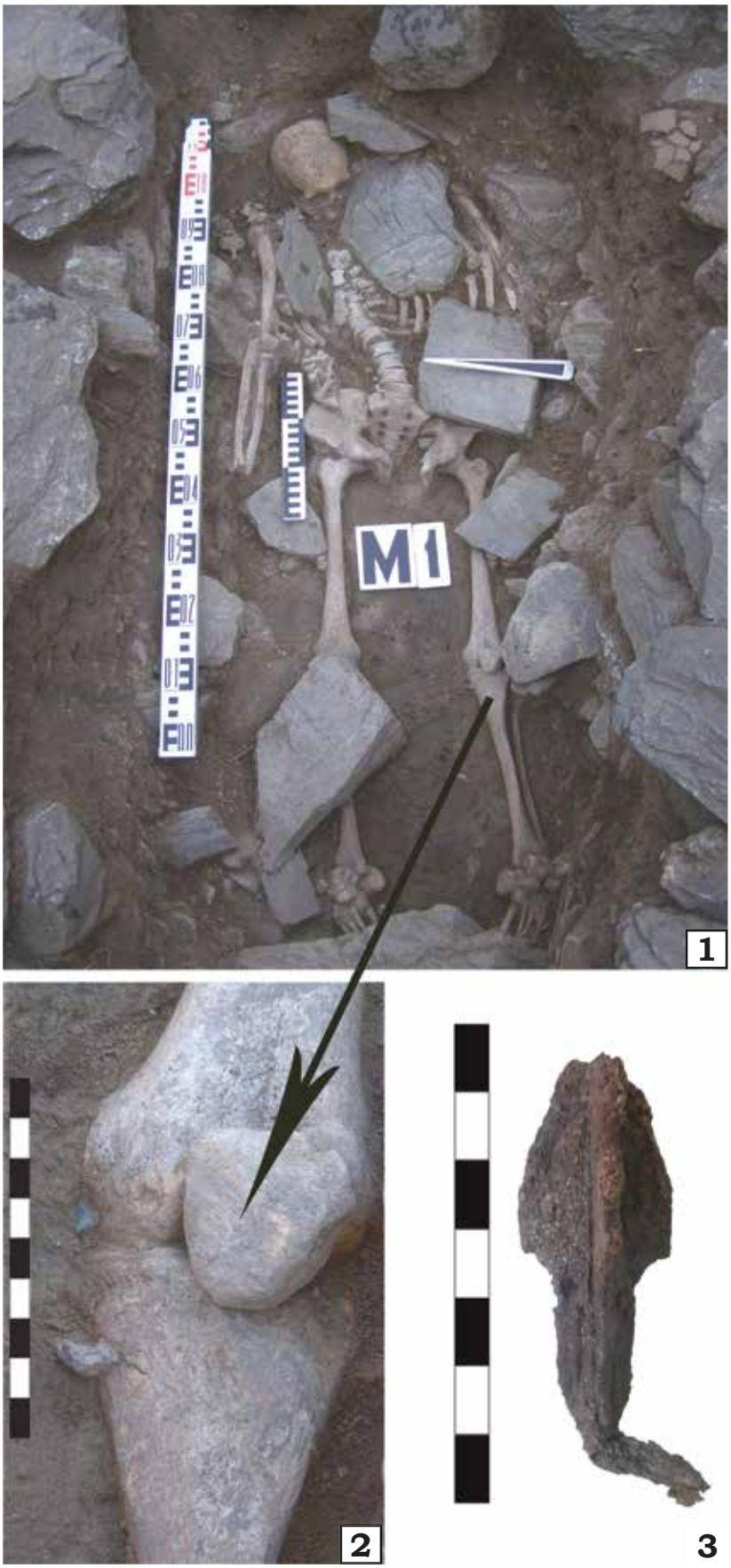

Рис. 10. Степушка-I, курган №1: 1 – погребение человека; 2 – большая берцовая кость с застрявшим наконечником стрелы; 3 – наконечник стрелы из ноги человека

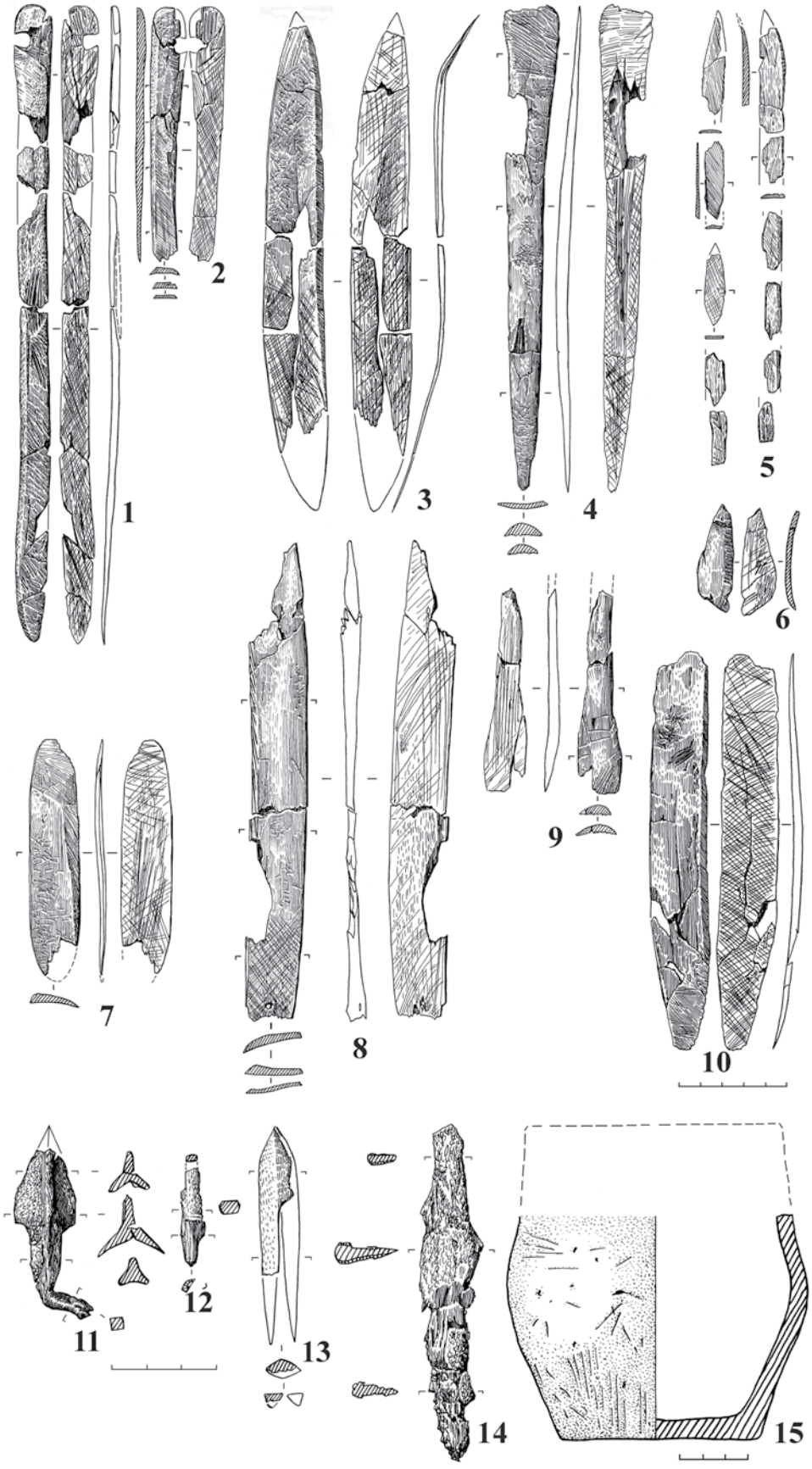

Рис. 11. Степушка-I, курган №1. Предметный комплекс:
1–10 – накладки лука; *11, 13* – наконечники стрел; *12* – фрагмент изделия; *14* – нож; *15* – сосуд (*1–10, 13 – рог; 11, 12, 14 – железо; 15 – керамика*)

Рис. 12. Степушка-I, курган №1: *1–5* – накладки лука; *6* – фрагмент сосуда

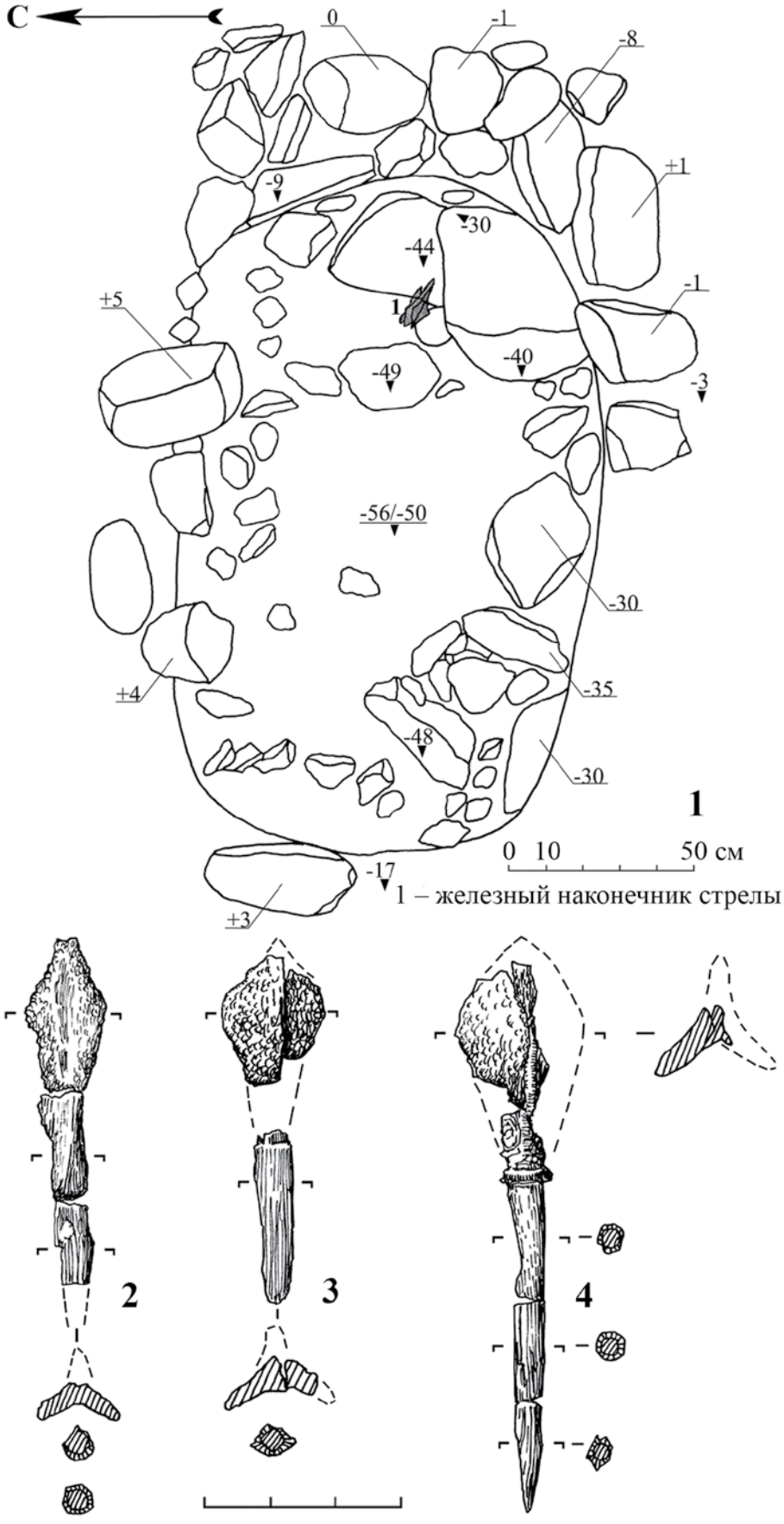

Рис. 13. Степушка-I, курган №1а:
1 – план погребения-кенотафа; *2–4* – железные наконечники стрел

Рис. 14. Степушка-I: *1* – курган №1а, выкладки 2а–б после зачистки; *2* – курган №1а – нижний уровень зачистки погребения-кенотафа

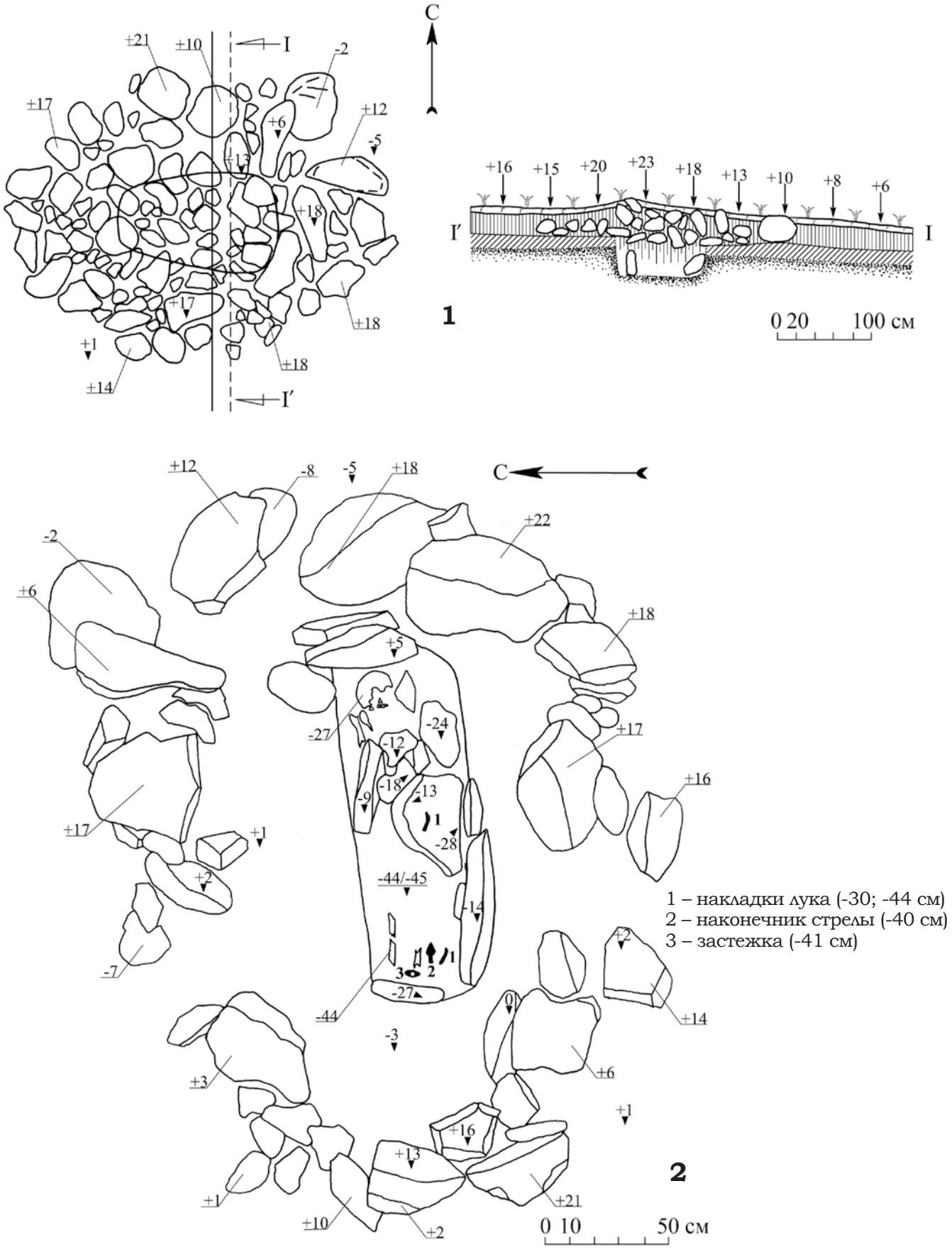

Рис. 15. Степушка-I, курган №2:
1 – план насыпи, разрез наземной конструкции и могильной ямы; *2* – план погребения

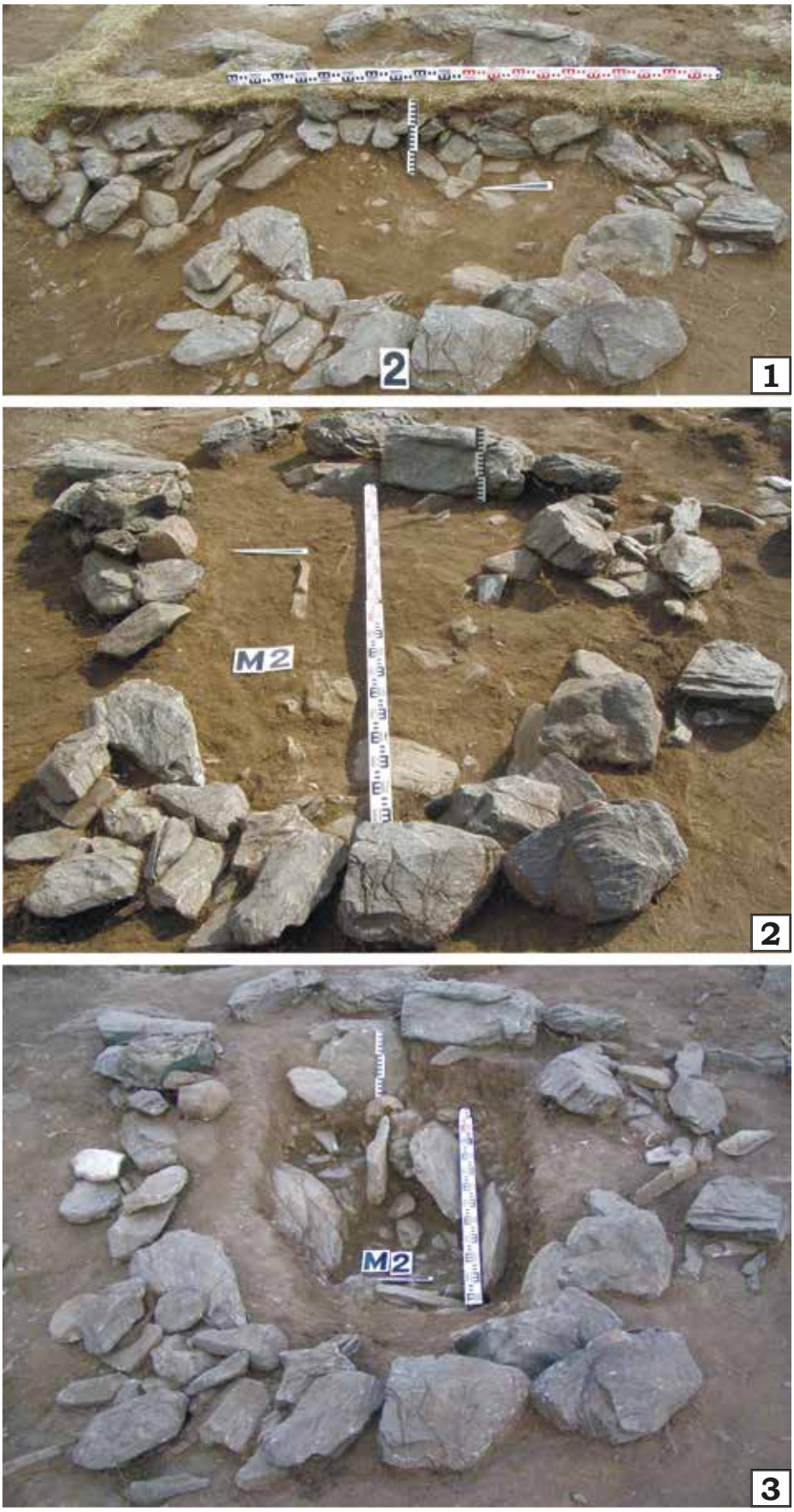

Рис. 16. Степушка-I, курган №2: *1* – насыпь после зачистки; *2* – кольцевая крепида и пятно могильной ямы; *3* – верхний уровень зачистки погребения в разрушенном каменном ящике

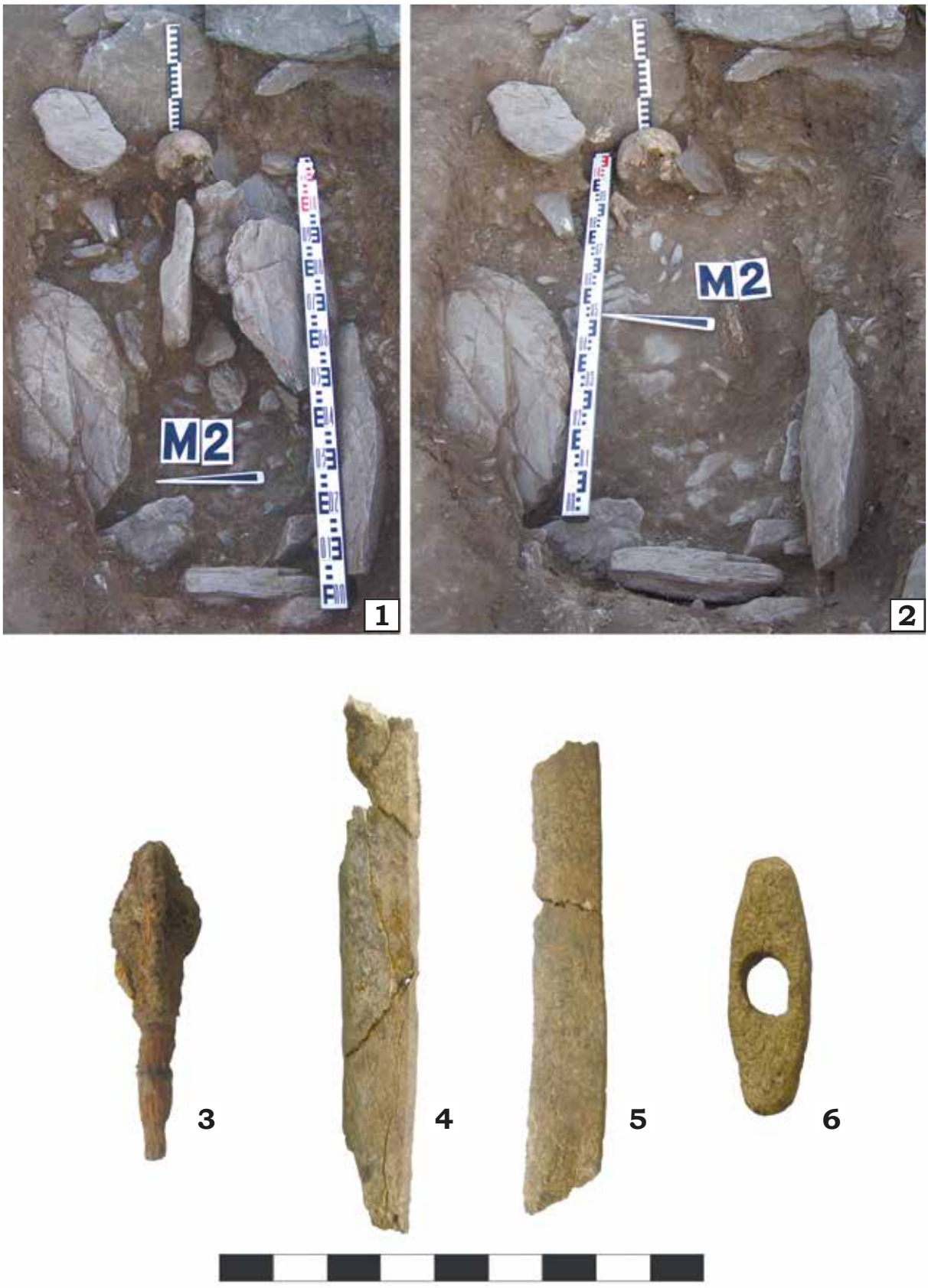
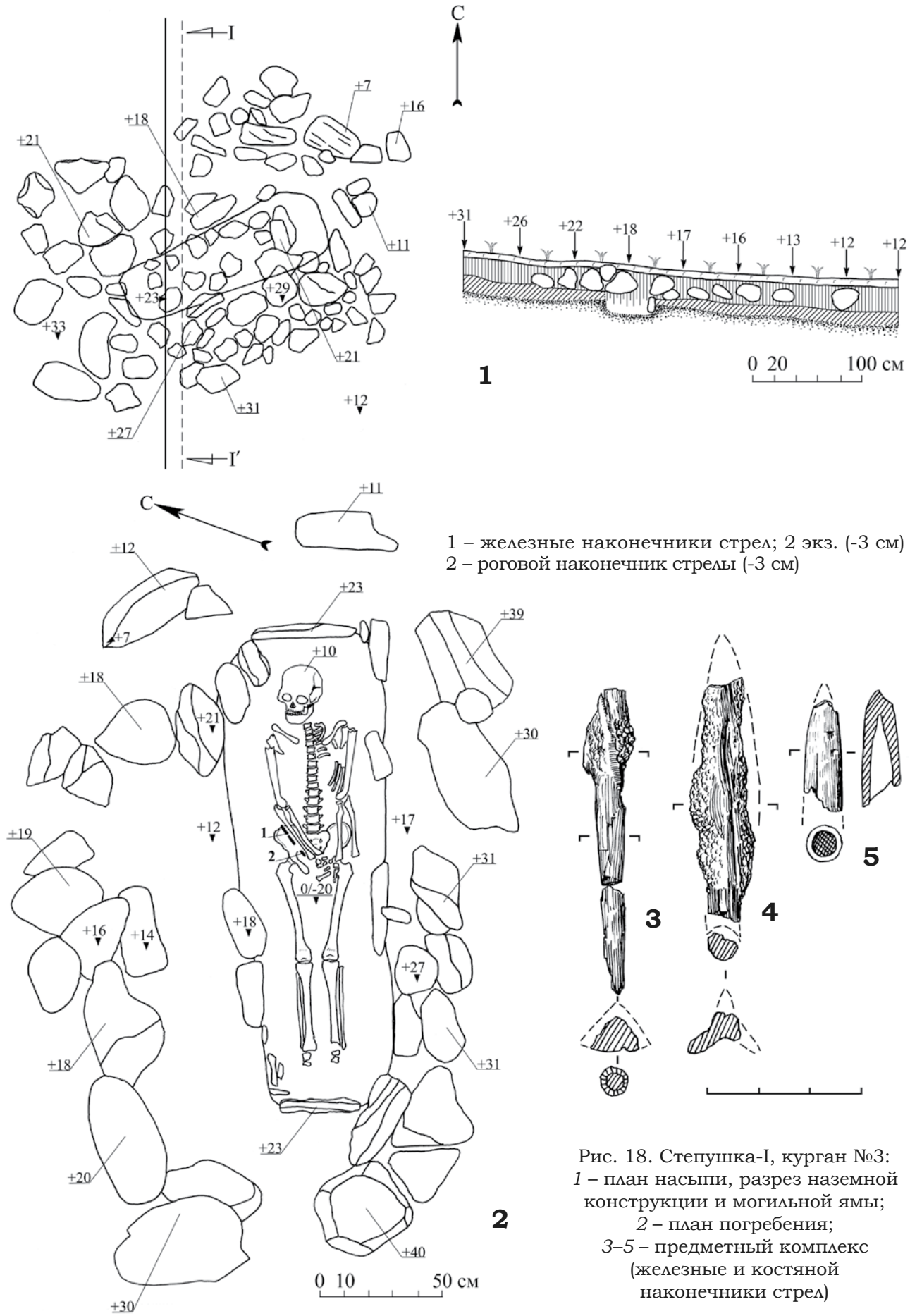

Рис. 17. Степушка-I, курган №2: *1* – верхний уровень зачистки погребения в каменном ящике (фрагмент); *2* – нижний уровень зачистки погребения; *3* – наконечник стрелы; *4, 5* – накладки лука; *6* – застежка

1 – железные наконечники стрел; 2 экз. (-3 см)
2 – роговой наконечник стрелы (-3 см)

Рис. 18. Степушка-I, курган №3:
1 – план насыпи, разрез наземной конструкции и могильной ямы;
2 – план погребения;
3–5 – предметный комплекс (железные и костяной наконечники стрел)

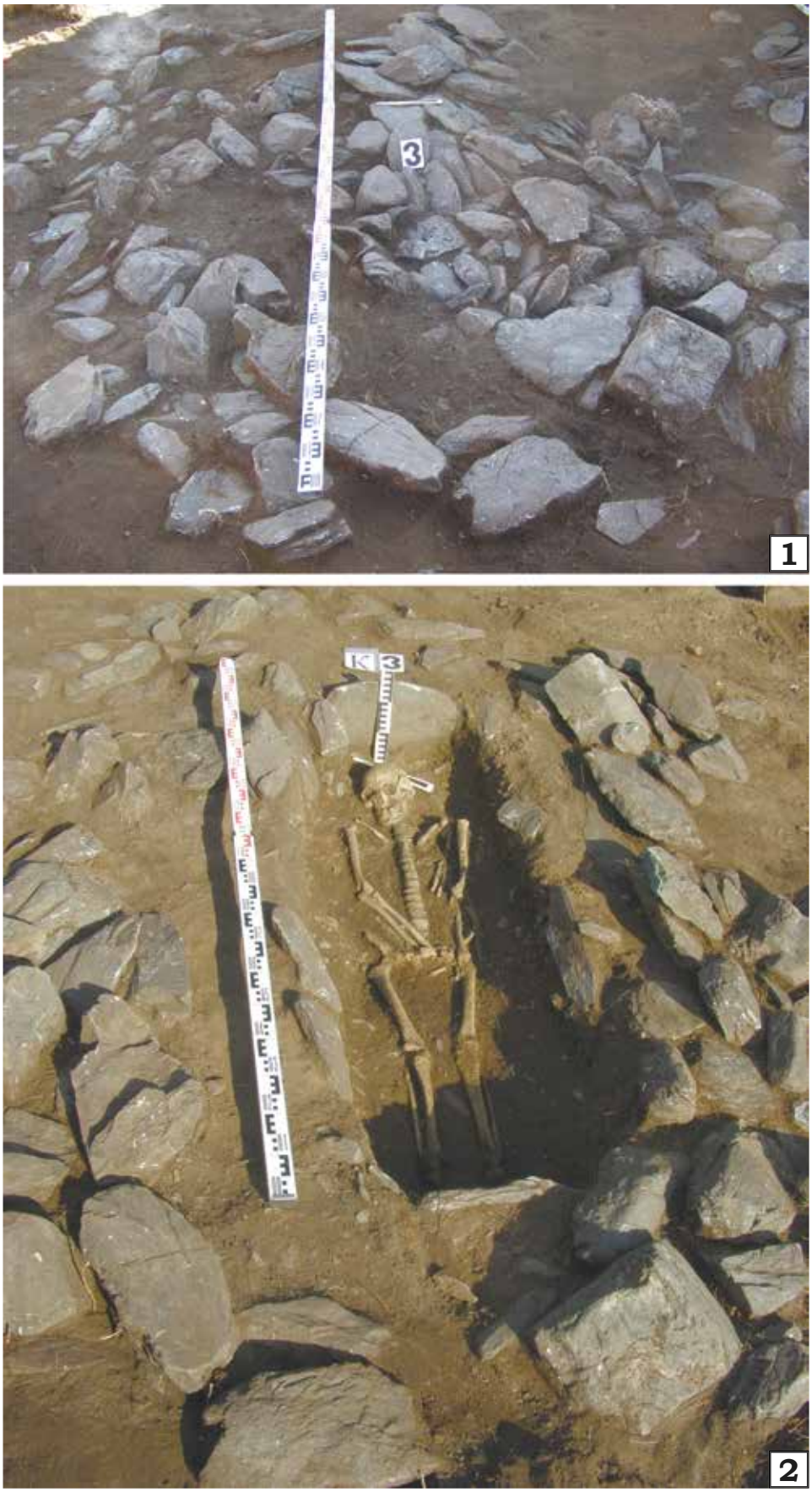
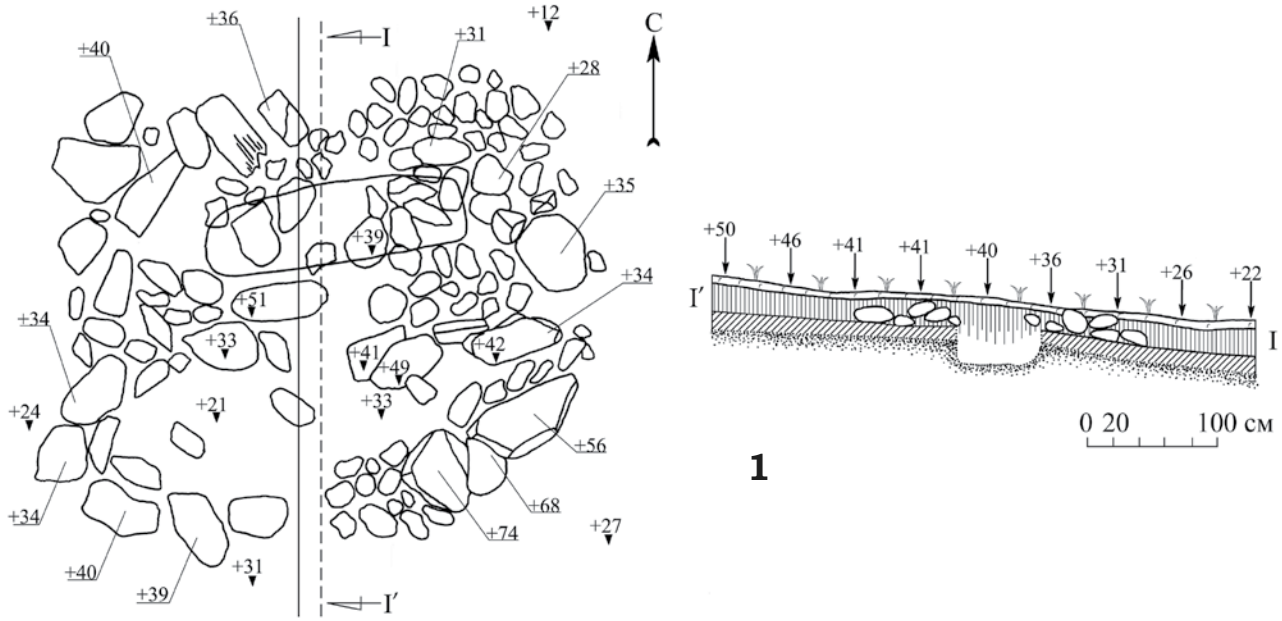
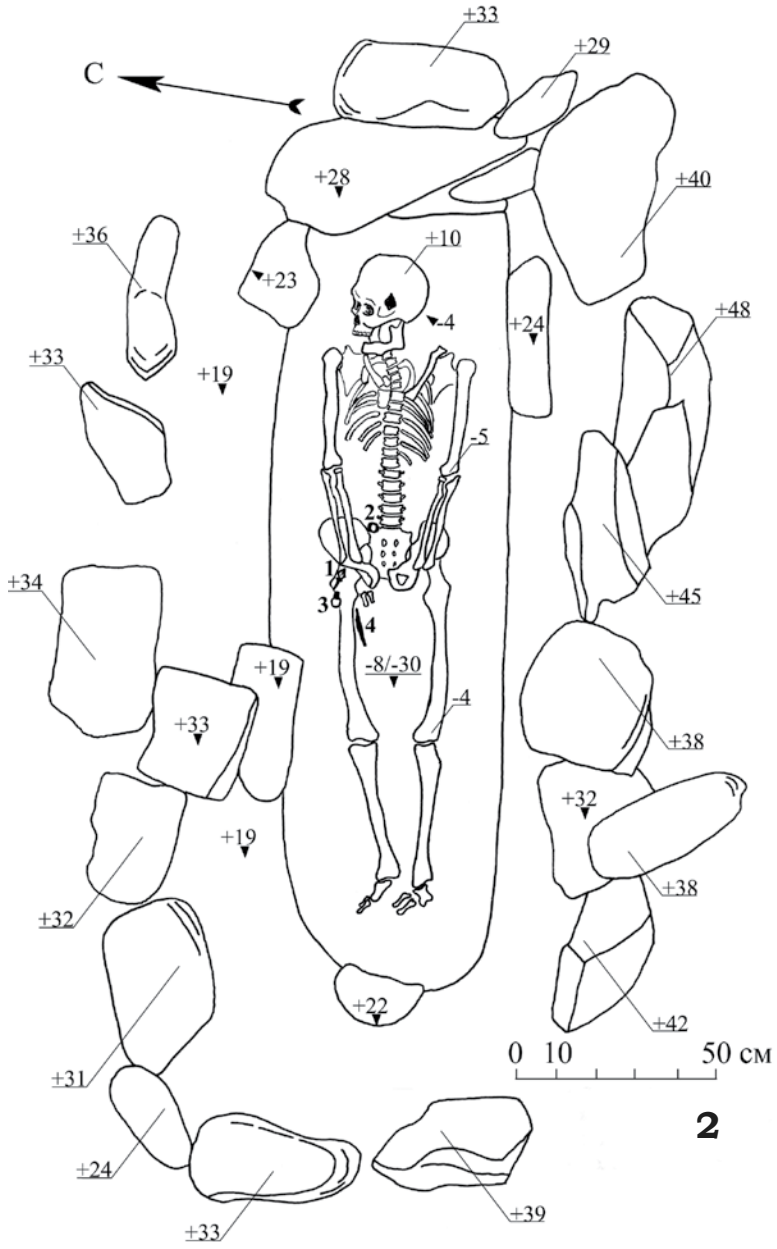

Рис. 19. Степушка-I, курган №3: *1* – насыпь после зачистки;
2 – кольцевая крепида и погребение в каменной конструкции

1 – наконечник стрелы (-8 см)
2 – «кольцо-блок» (-7 см)
3 – «блок» со щитком (-8 см)
4 – нож (-10 см)

Рис. 20. Степушка-I, курган №4:
1 – план насыпи, разрез наземной конструкции и могильной ямы;
2 – план погребения

Рис. 21. Степушка-I, курган №4:
1 – разрез насыпи; *2* – кольцевая крепида и пятно могильной ямы

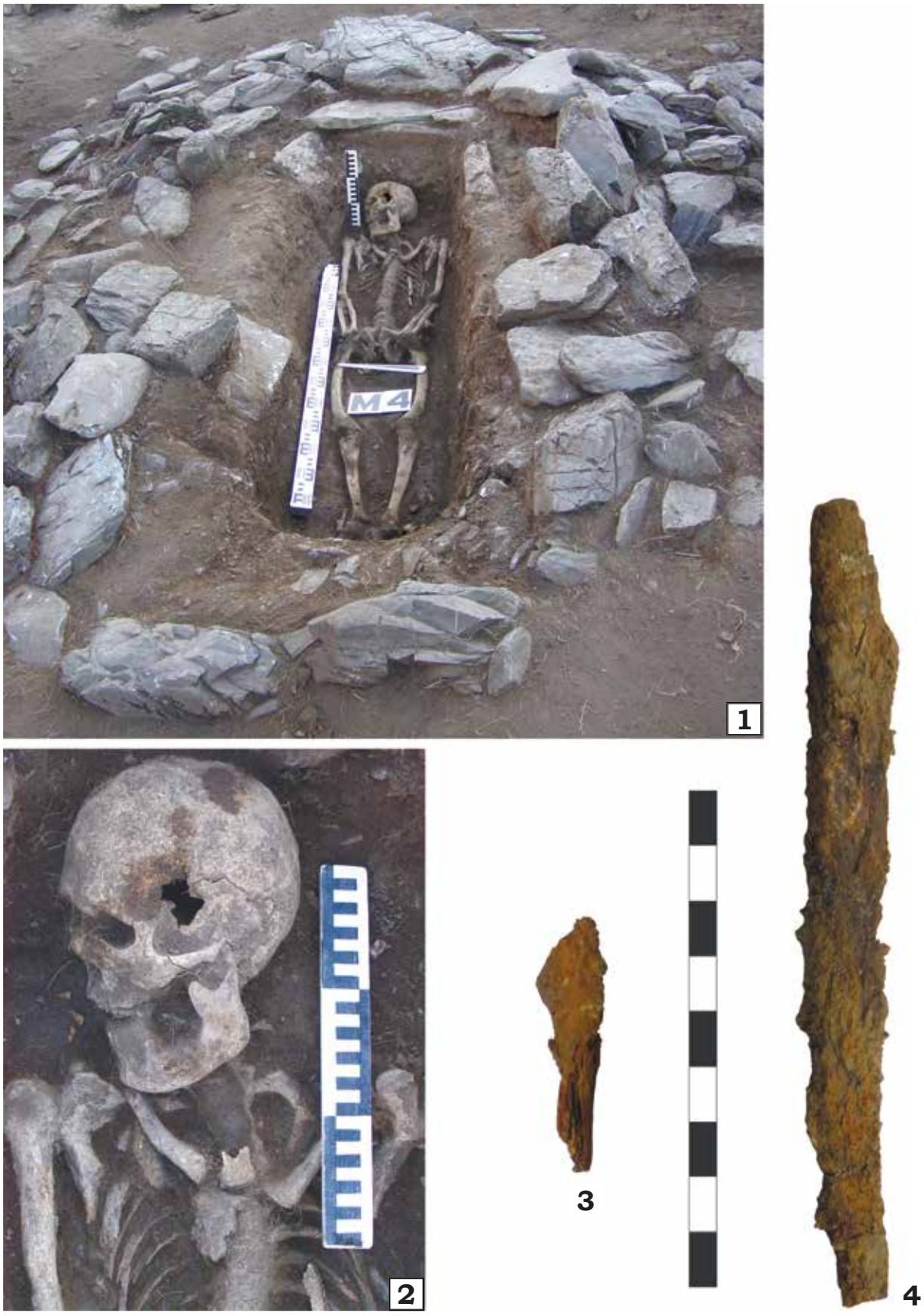

Рис. 22. Степушка-I, курган №4: *1* – кольцевая крепида и нижний уровень зачистки погребения; *2* – погребение человека (фрагмент); *3* – наконечник стрелы; *4* – нож

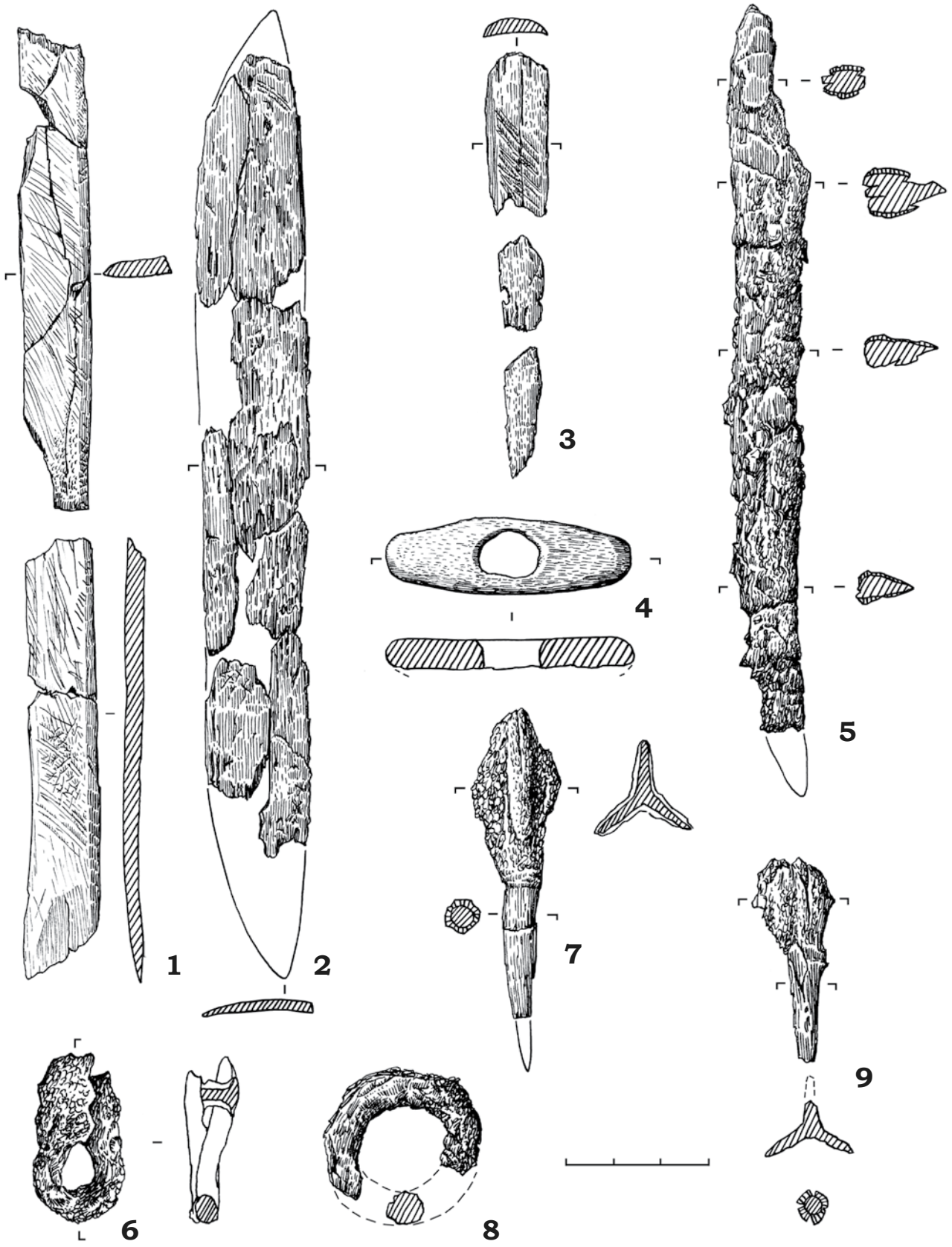

Рис. 23. Предметный комплекс из курганов № 2 (1–4, 7) и №4 (5, 6, 8, 9): *1–3* – накладки лука; *4* – застежка; *5* – нож; *6, 8* – «блоки»; *7, 9* – наконечники стрел (*1–3, 4 – рог/кость; 5–9 железо*)

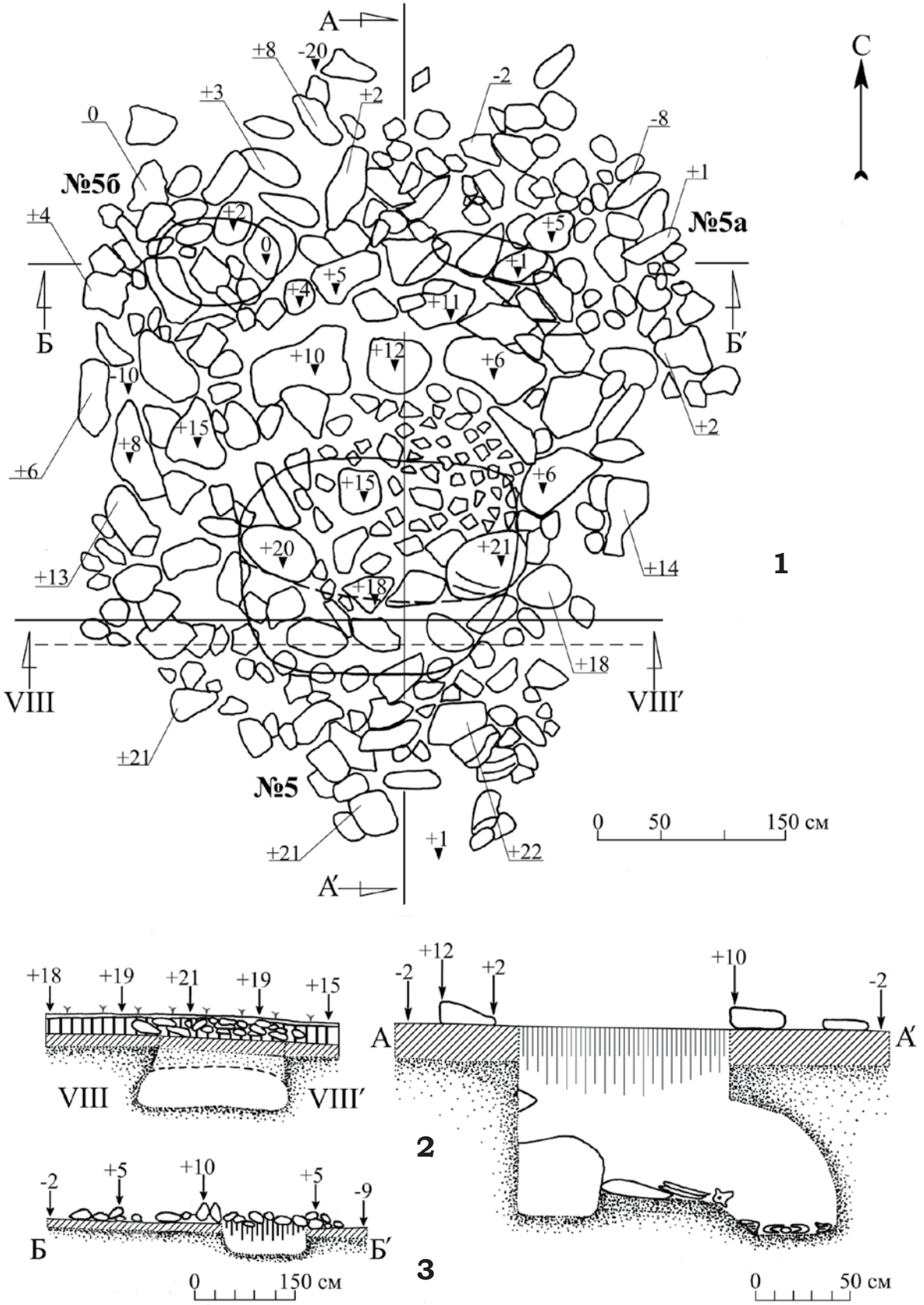
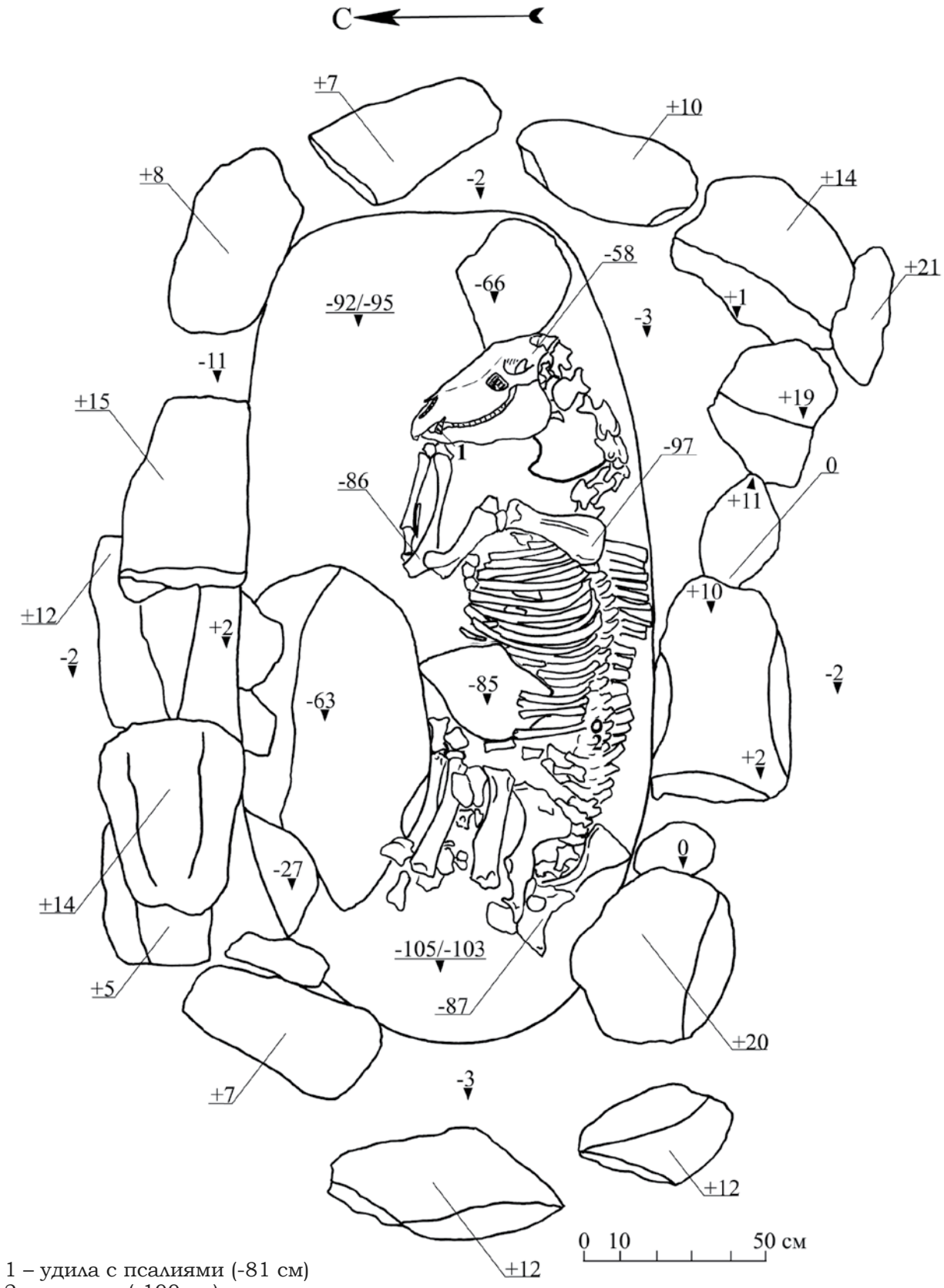
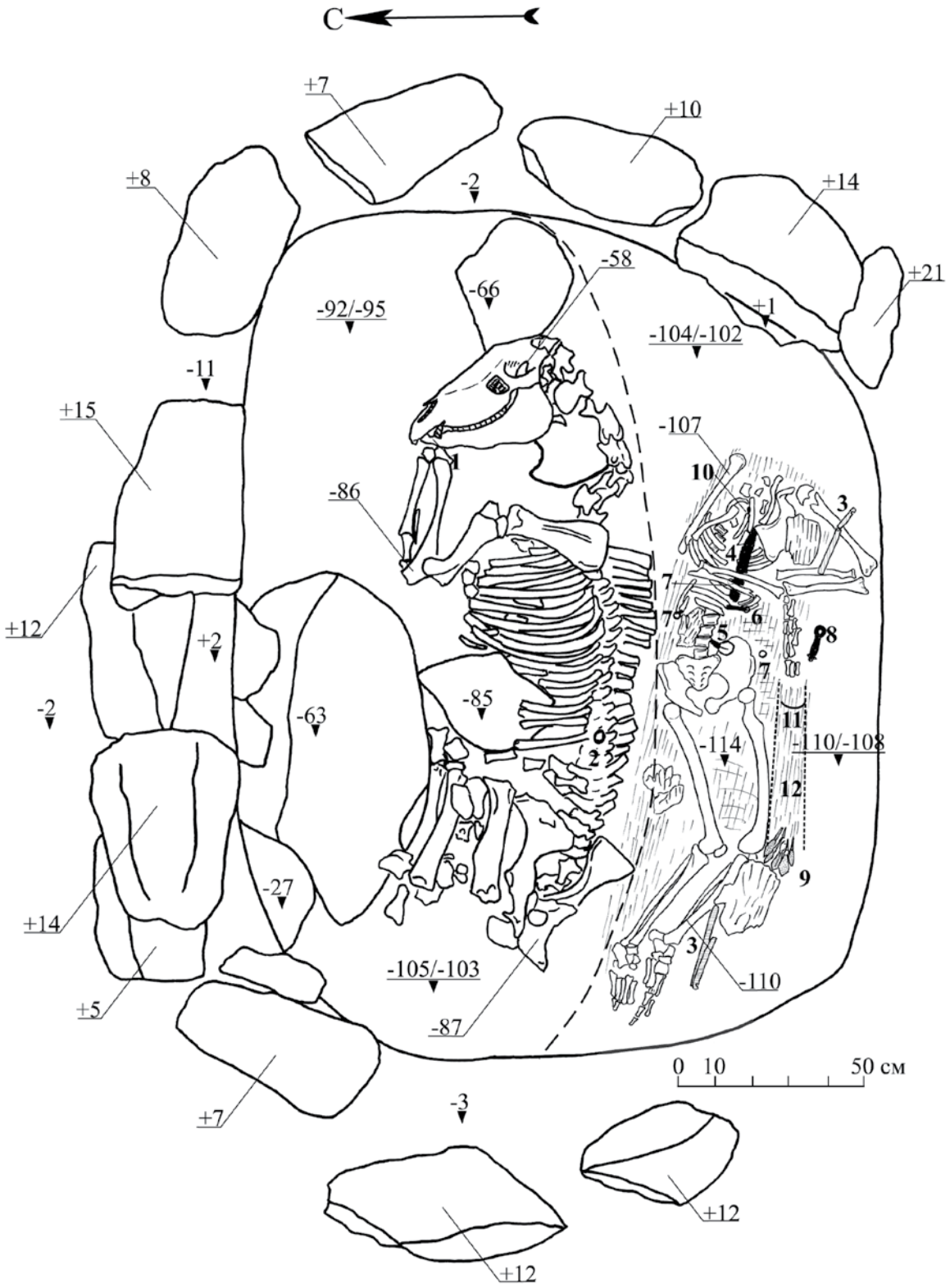

Рис. 24. Степушка-I: *1* – план курганов №5, №5а и выкладки 5б; *2* – разрезы кургана №5; *3* – разрез кургана №5а и выкладки 5б

1 – удила с псалиями (-81 см)
2 – пряжка (-100 см)

Рис. 25. Степушка-I, курган №5.
План захоронения лошади во «входной» части могилы с подбоем

3 – накладки лука (-89; -110 см)
4 – боевой нож в ножнах (-113 см)
5 – пряжка основного пояса (-113 см)
6 – портупейная пряжка (-111 см)
7 – поясные бляхи-полуобоймы; 3 экз. (-112 см)
8 – колчанный крюк (-108 см)
9 – наконечники стрел; 6 экз. (-103 см)
10 – звено витой цепочки (-112 см)
11 – фрагмент изделия (-110 см)
12 – тлен колчана (-110 см)

Рис. 26. Степушка-I, курган №5. План погребения человека с лошадью

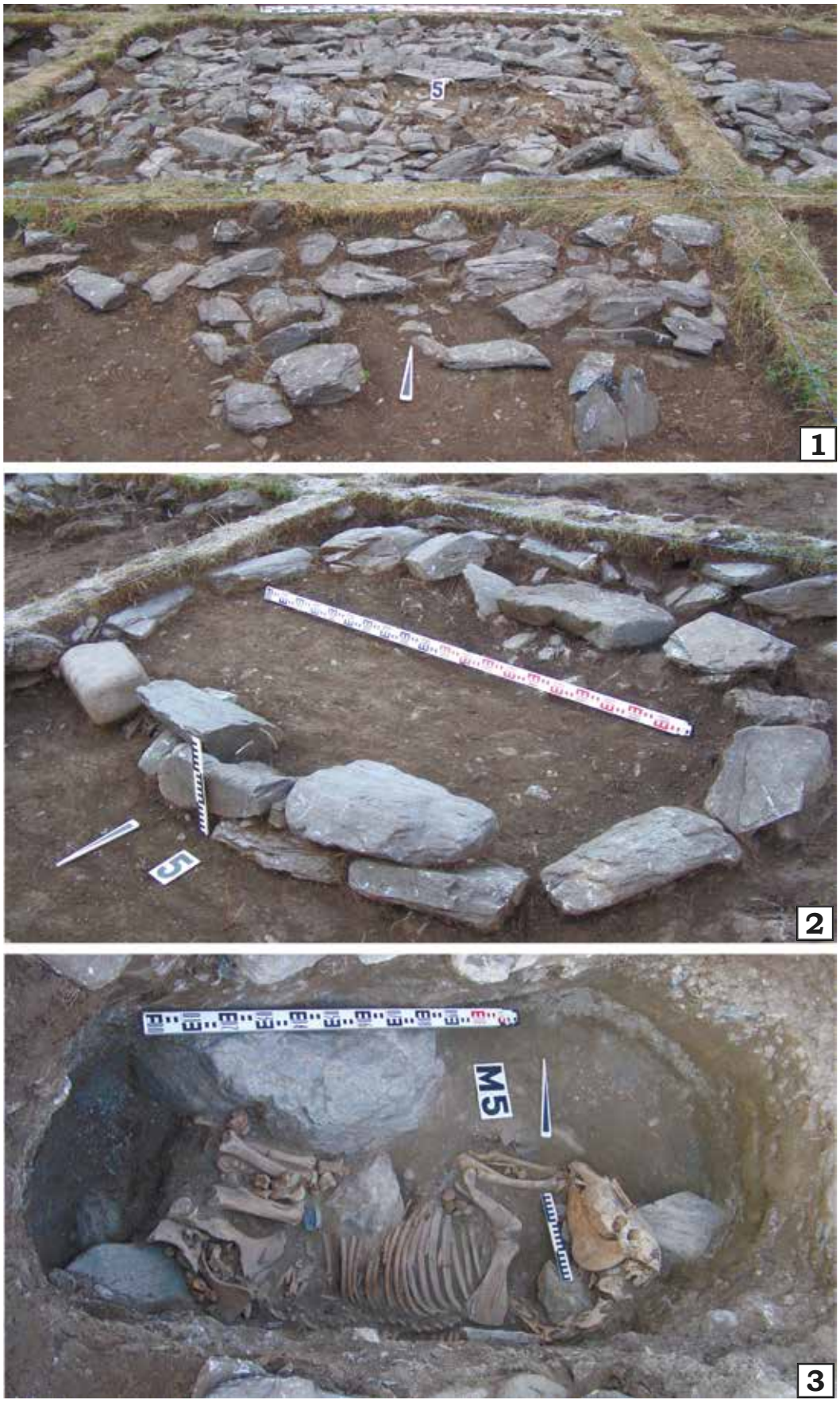

Рис. 27. Степушка-I, курган №5: *1* – насыпь после зачистки; *2* – кольцевая крепида; *3* – захоронение лошади во «входной» части могилы с подбоем

Рис. 28. Степушка-I, курган №5: *1* – погребение обезглавленного человека; *2* – колчанный крюк; *3–5* – бляхи-полуобоймы; *6* – пряжка основного пояса; *7* – фрагмент изделия; *8* – портупейная пряжка; *9* – боевой нож

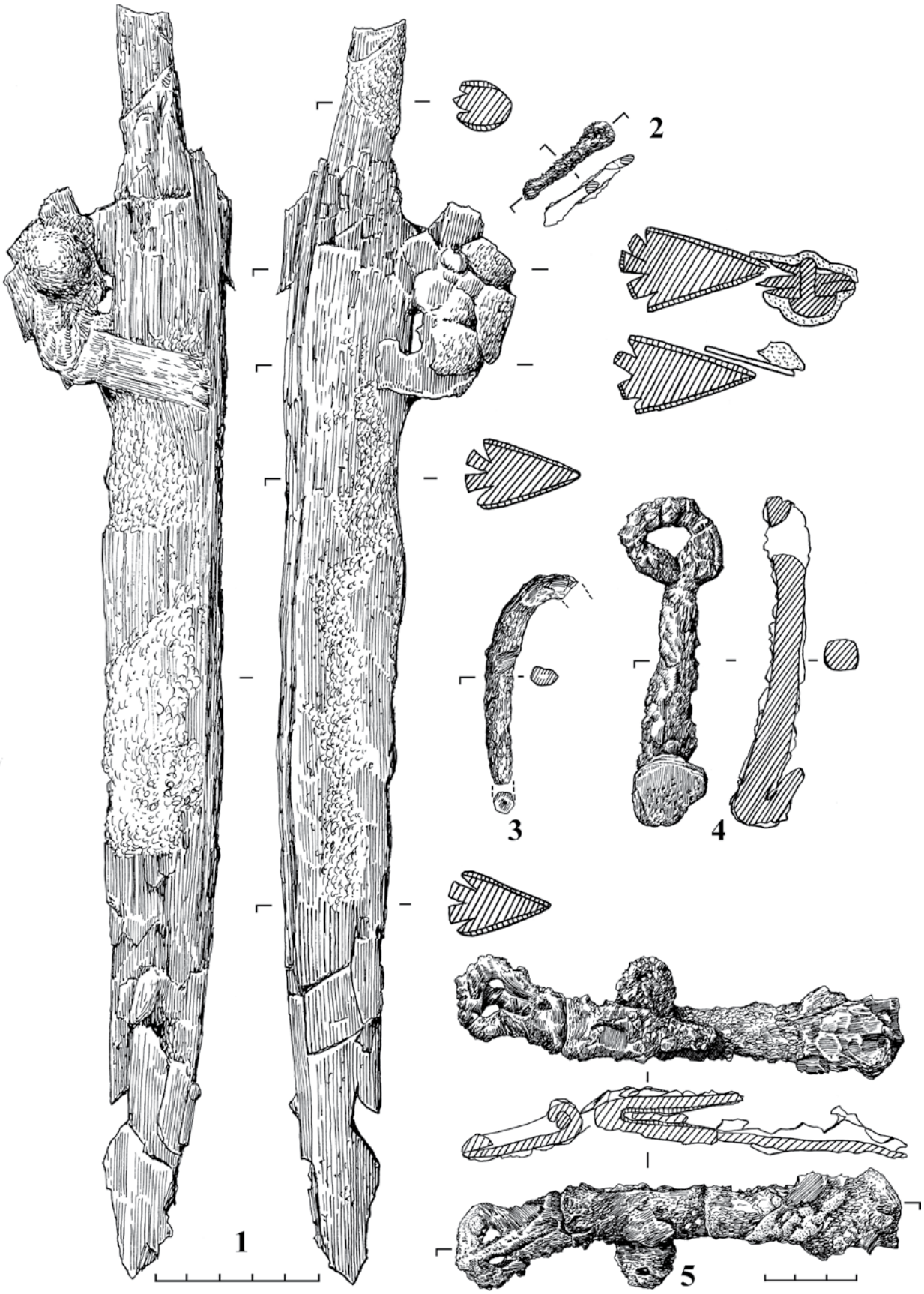

Рис. 29. Степушка-I, курган №5. Предметный комплекс:
1 – боевой нож; *2* – звено витой цепочки; *3* – фрагмент изделия (петли);
4 – колчанный крюк; *5* – портупейная пряжка (*1 – железо, дерево; 2–5 – железо*)

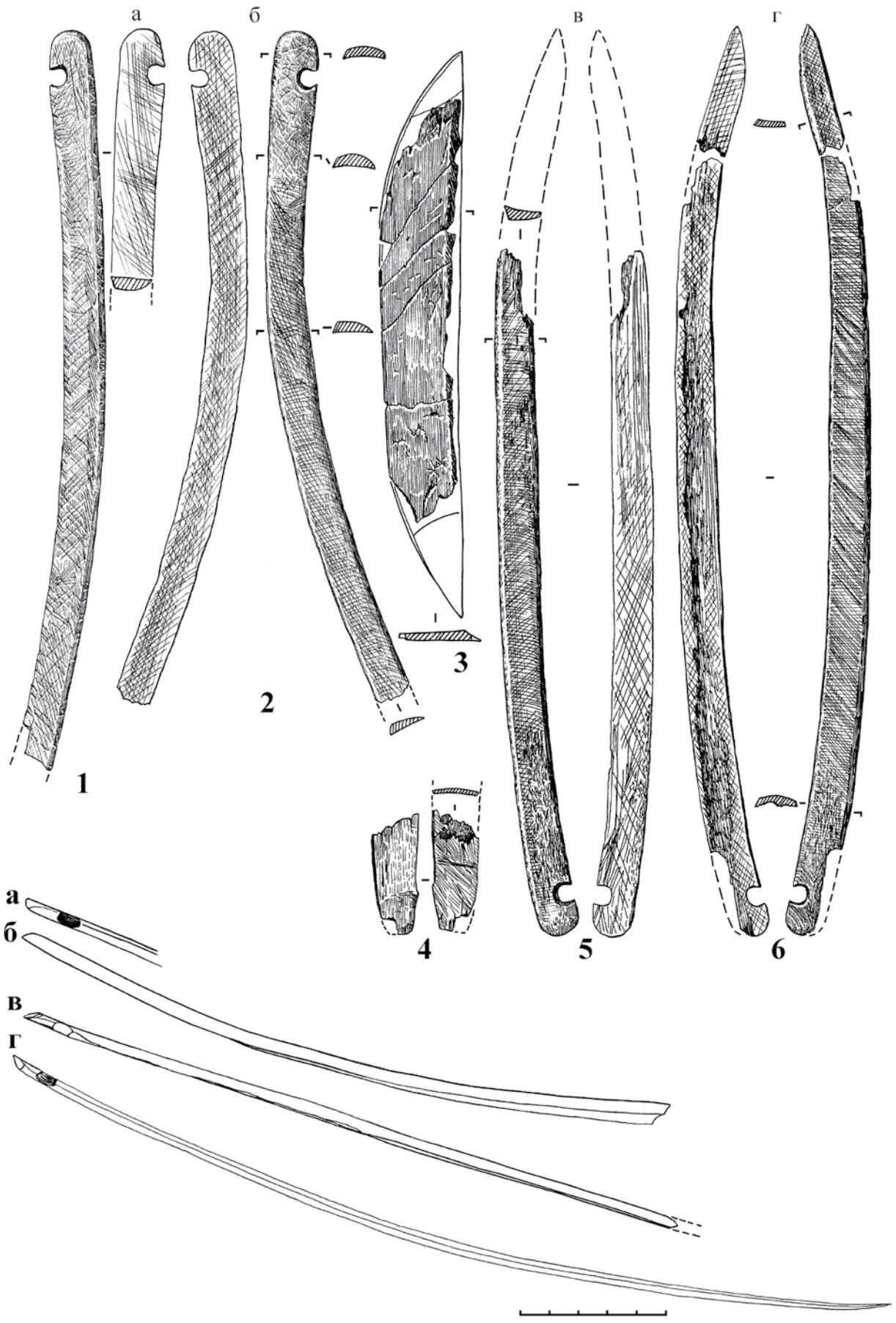

Рис. 30. Степушка-I, курган №5. Предметный комплекс: *1–6* – роговые накладки лука

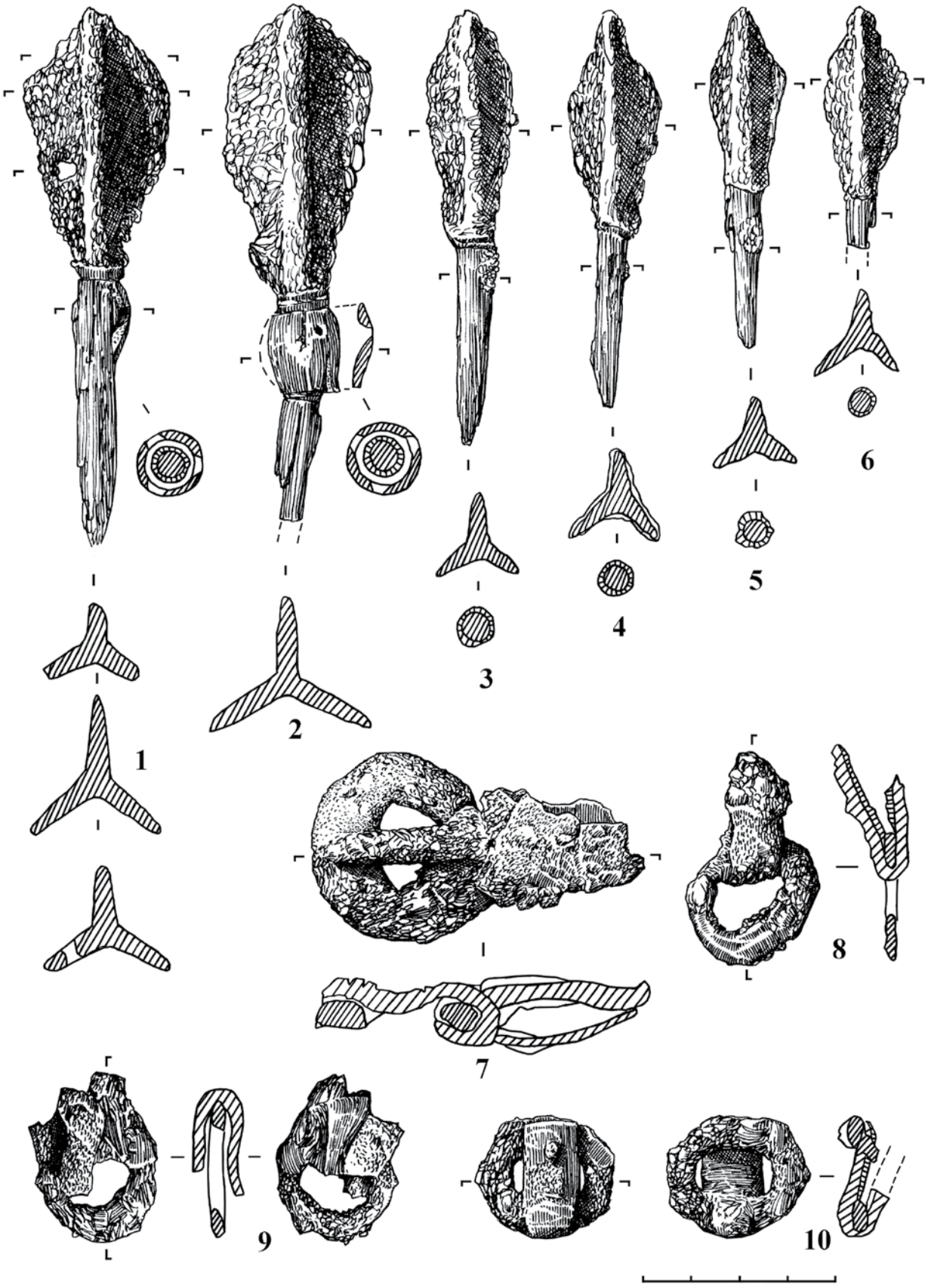

Рис. 31. Степушка-I, курган №5. Предметный комплекс: *1–6* – наконечники стрел; *7* – пряжка; *8–10* – бляхи-полуобоймы (*1, 2 – железо, рог/кость; 3–10 – железо*)

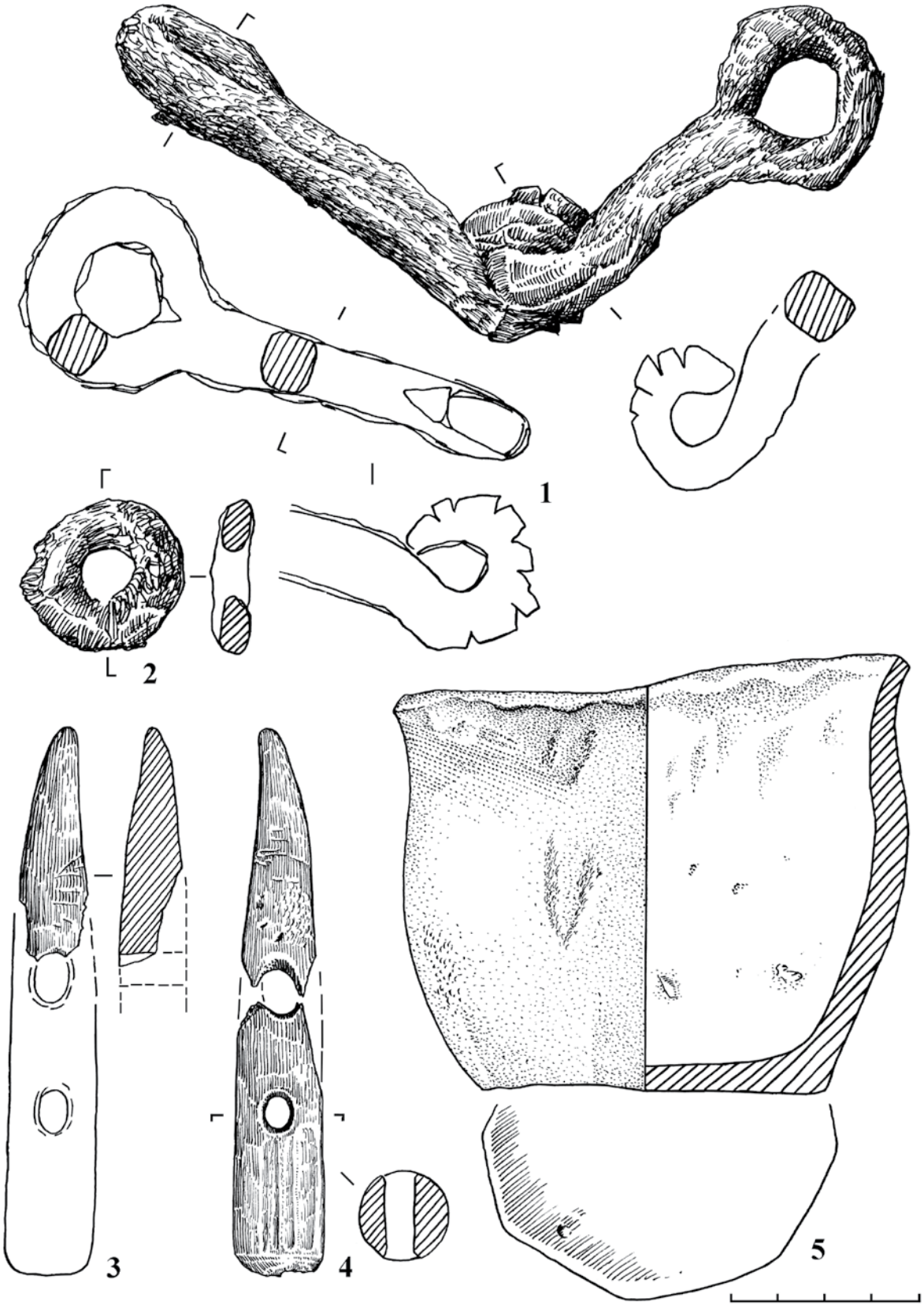

Рис. 32. Степушка-I. Предметный комплекс из курганов №5 (1–4) и №5а (5):
1 – удила; *2* – пряжка от снаряжения верхового коня; *3, 4* – псалии; *5* – сосуд
(*1, 2 – железо; 3, 4 – рог; 5 – керамика*)

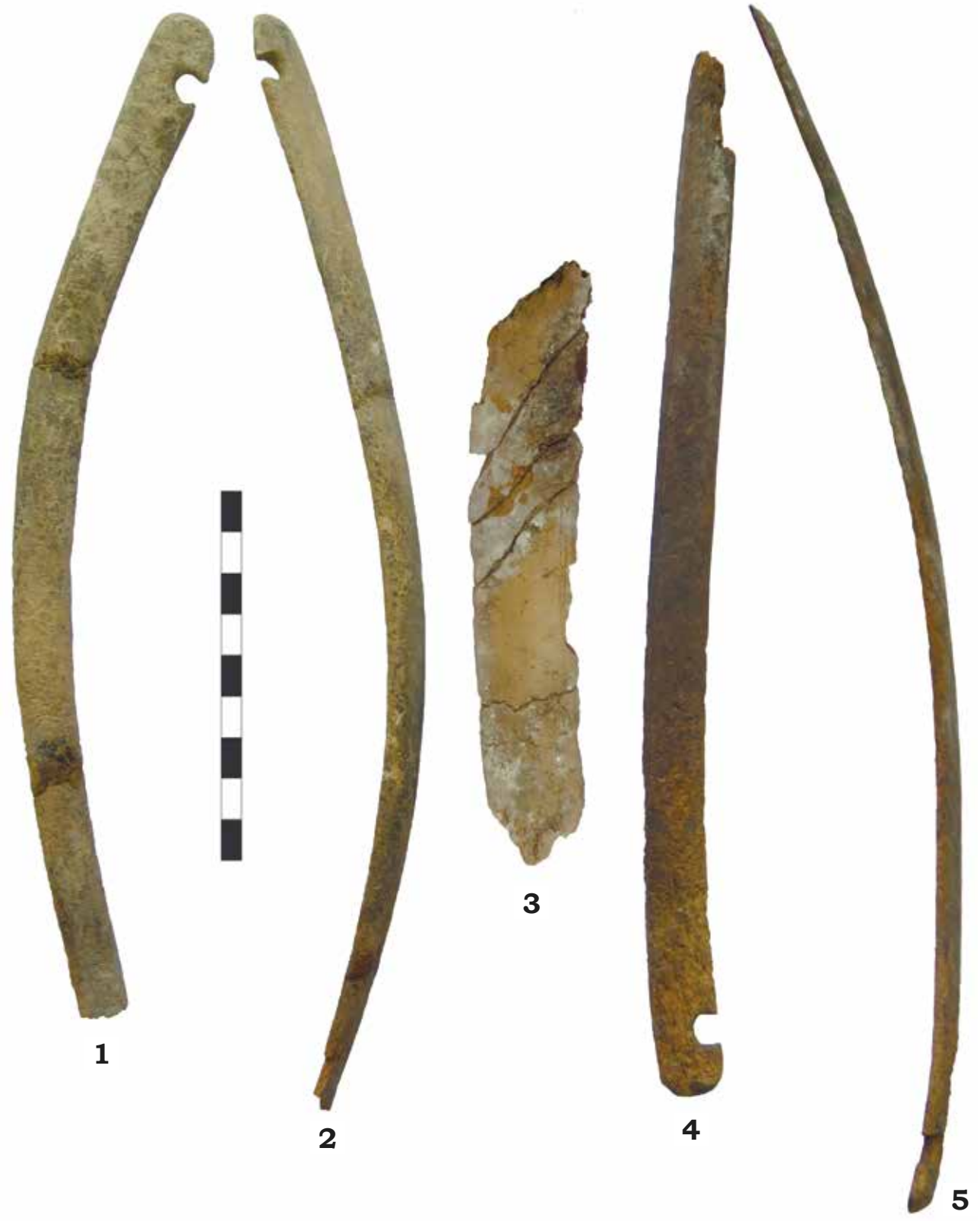

Рис. 33. Степушка-I, курган №5: накладки лука

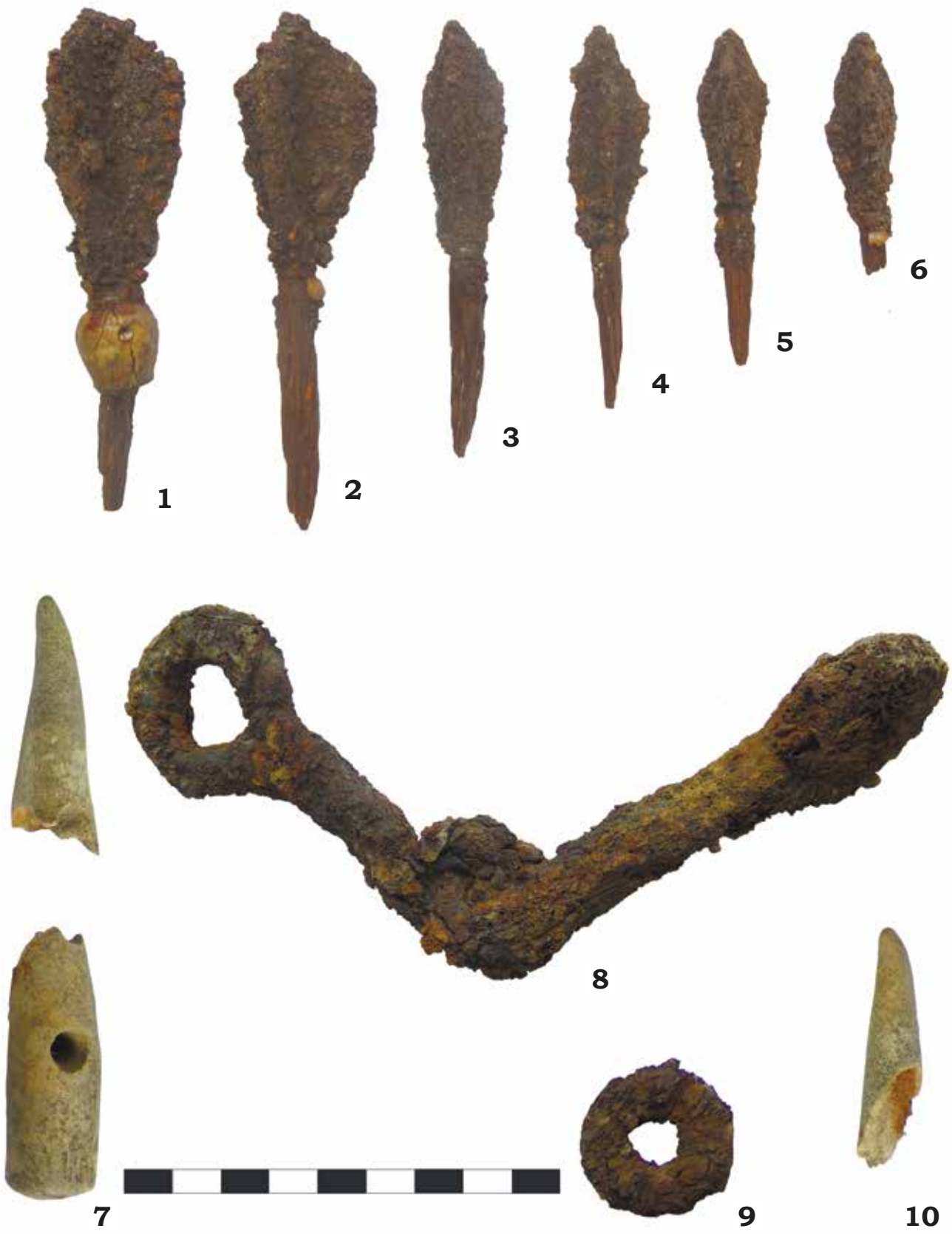

Рис. 34. Степушка-I, курган №5: *1–6* – наконечники стрел; *7, 10* – псалии; *8* – удила; *9* – пряжка от снаряжения верхового коня

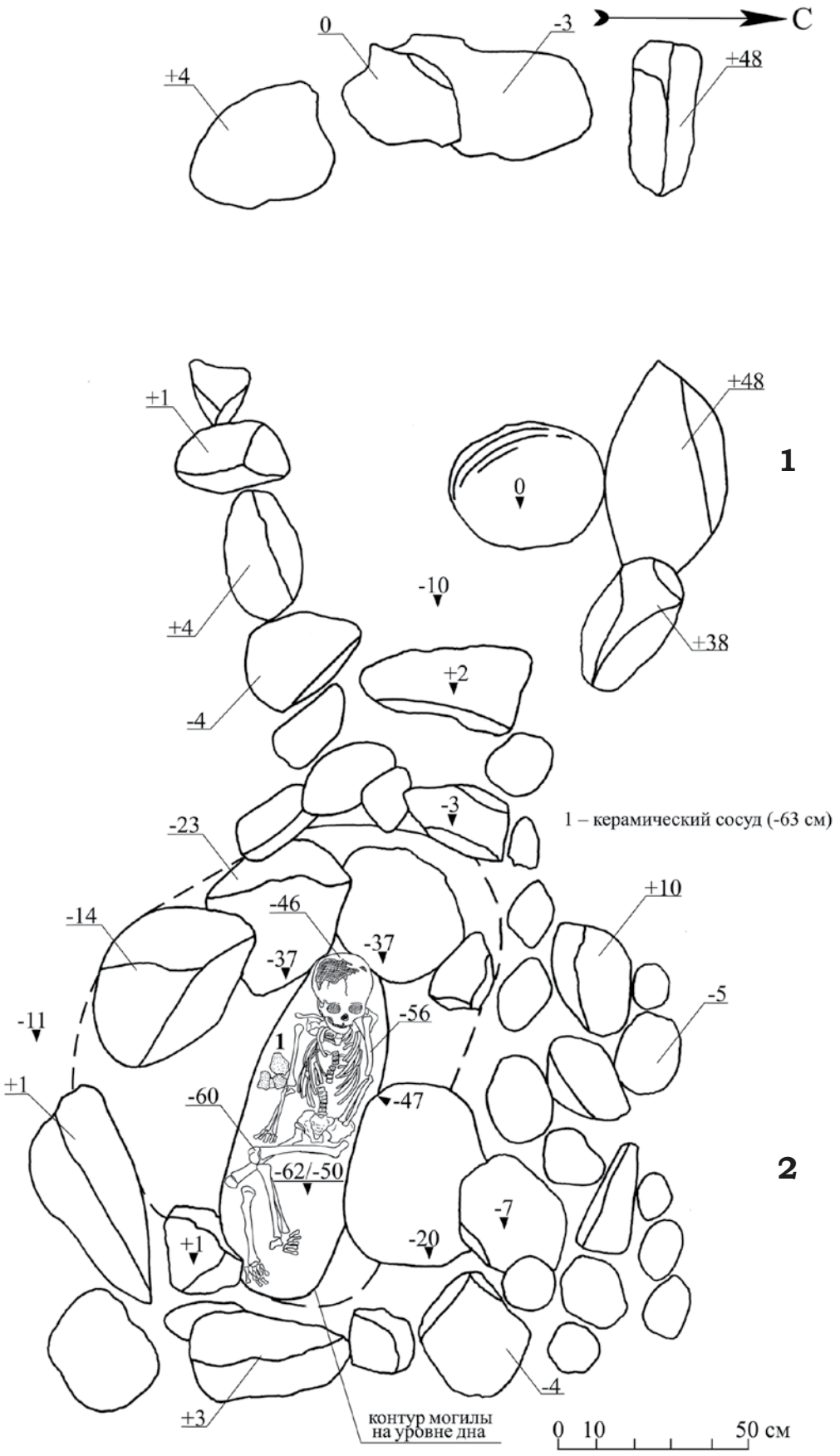

Рис. 35. Степушка-I: *1* – план выкладки №5б после выборки внутреннего пространства; *2* – план погребения в кургане №5а

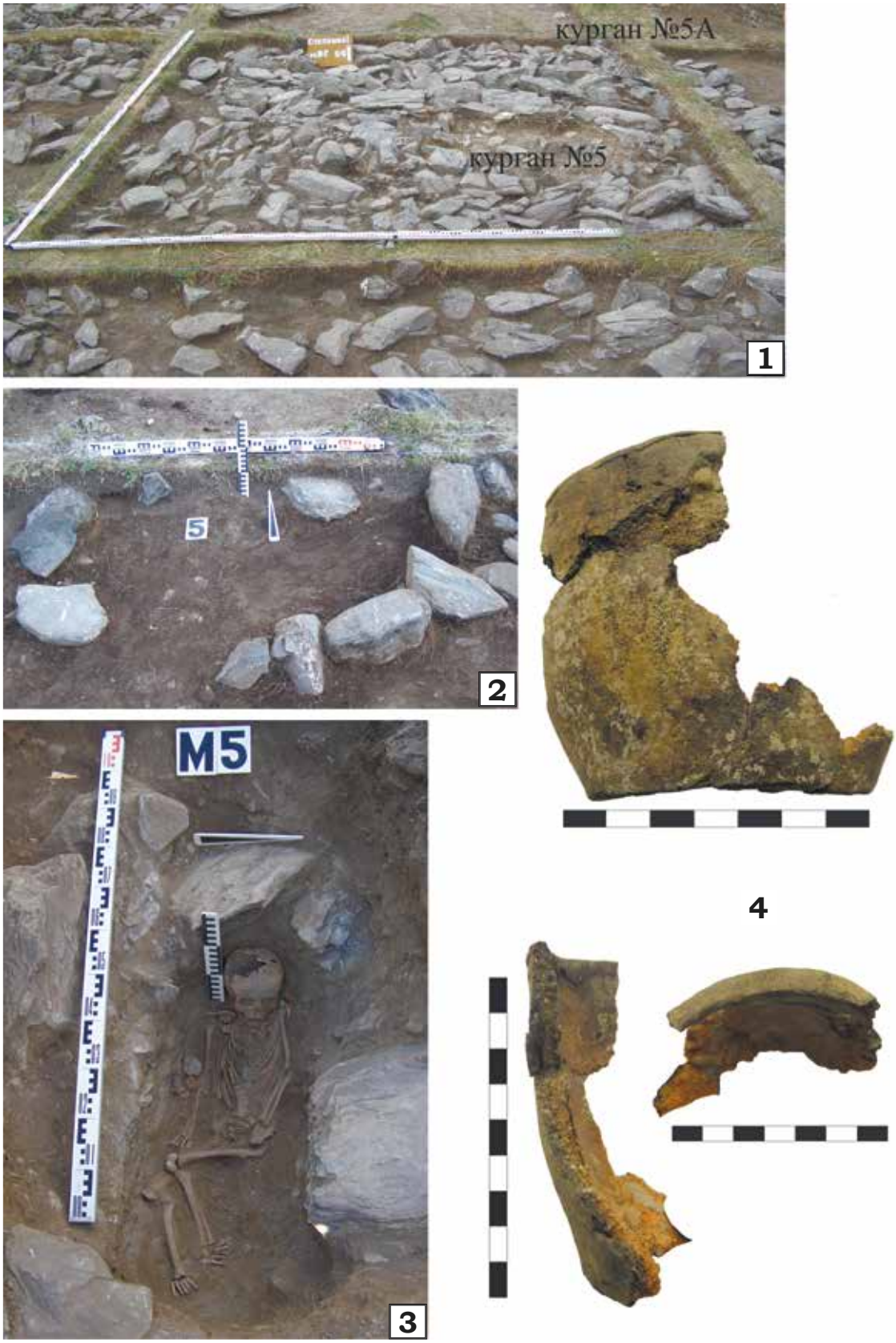
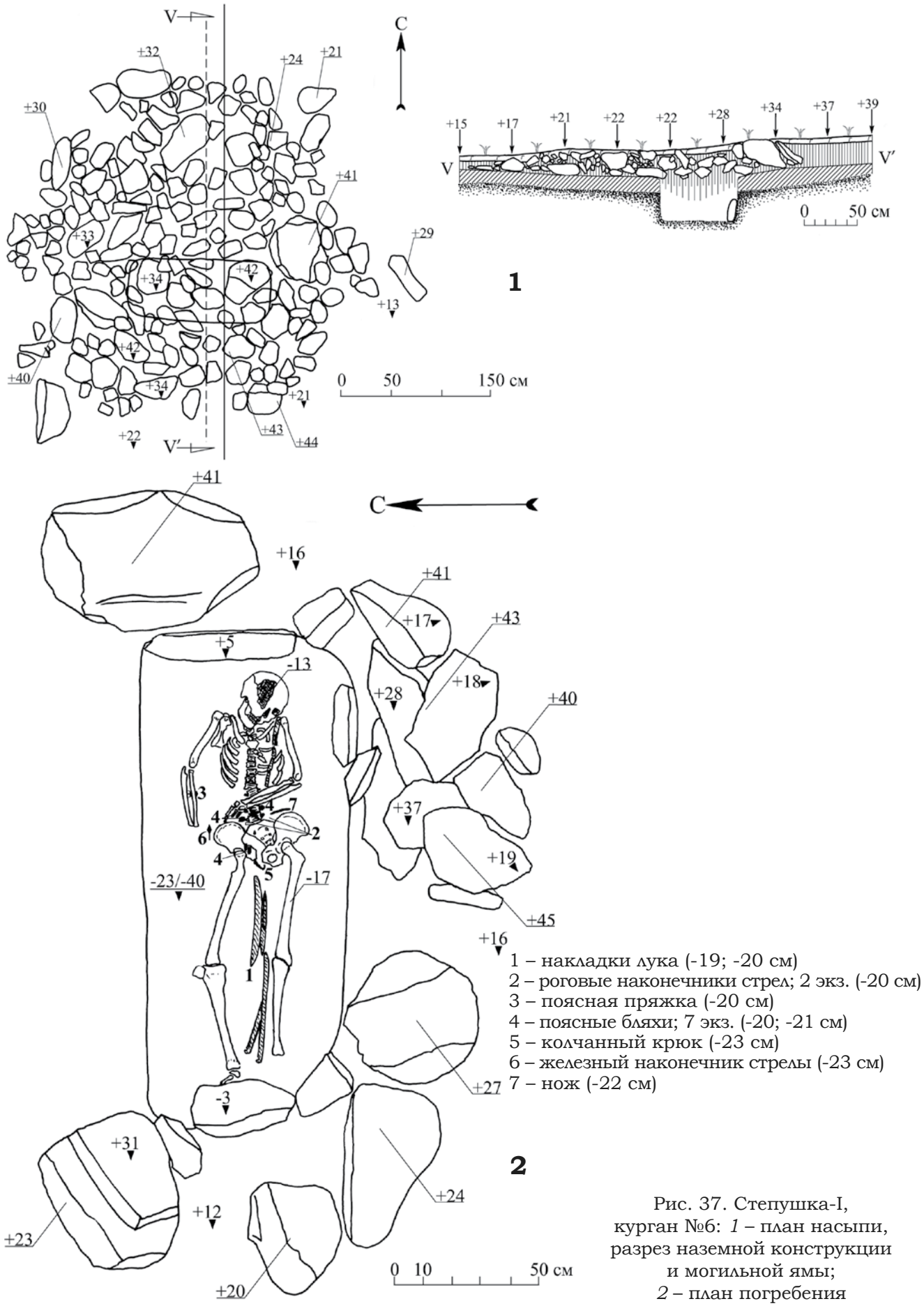

Рис. 36. Степушка-I, курган №5а: *1* – насыпь после зачистки;
2 – кольцевая крепида; *3* – погребение ребенка; *4* – фрагмент керамического сосуда

1 – накладки лука (-19; -20 см)
2 – роговые наконечники стрел; 2 экз. (-20 см)
3 – поясная пряжка (-20 см)
4 – поясные бляхи; 7 экз. (-20; -21 см)
5 – колчанный крюк (-23 см)
6 – железный наконечник стрелы (-23 см)
7 – нож (-22 см)

Рис. 37. Степушка-I, курган №6: *1* – план насыпи, разрез наземной конструкции и могильной ямы; *2* – план погребения

Рис. 38. Степушка-I, курган №6:
1 – насыпь после зачистки; *2* – разрез насыпи с кольцевой крепидой

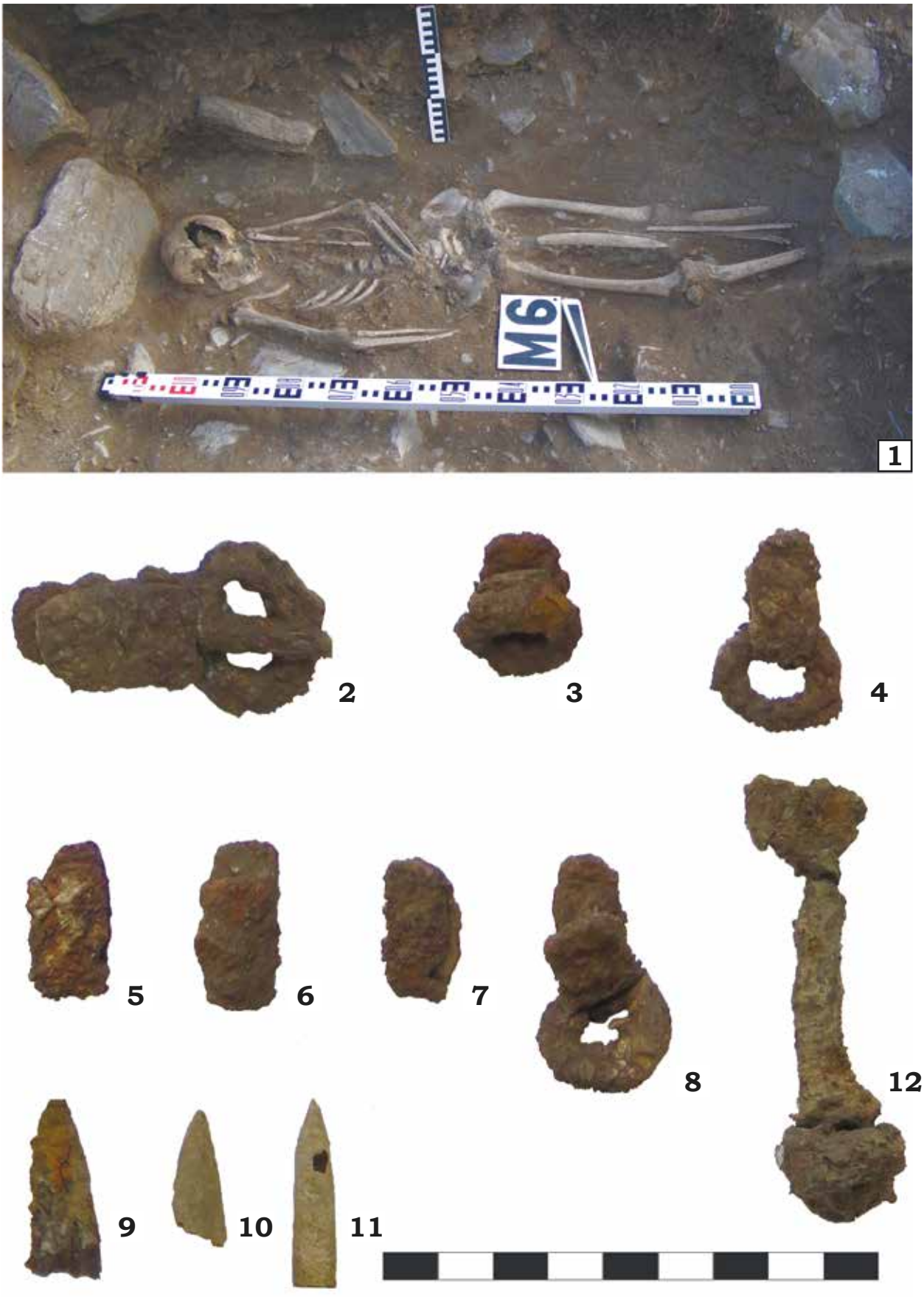

Рис. 39. Степушка-I, курган №6: *1* – погребение подростка; *2* – поясная пряжка; *3–8* – поясные бляхи-полуобоймы; *9* – фрагмент ножа; *10, 11* – наконечники стрел; *12* – колчанный крюк

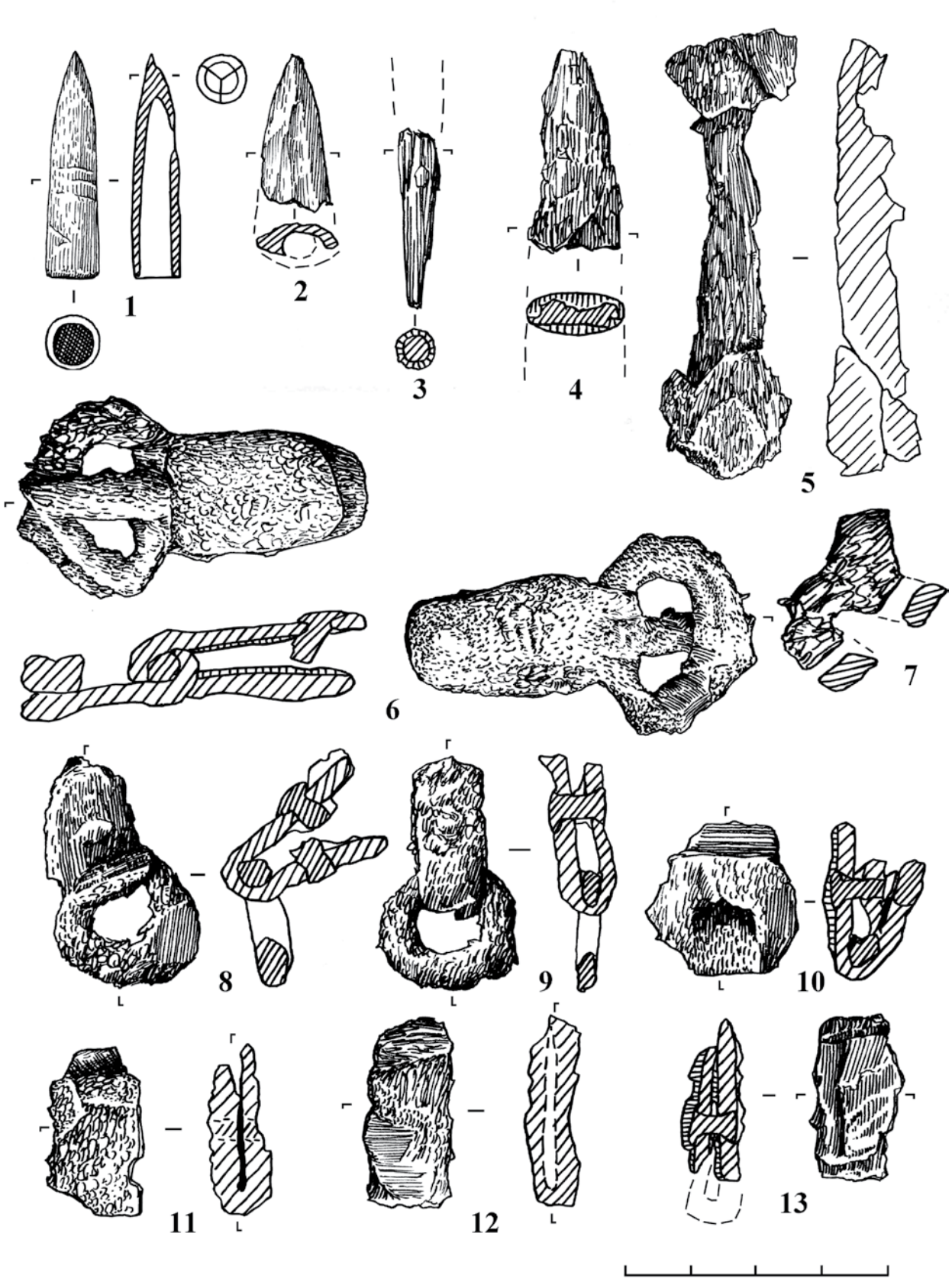

Рис. 40. Степушка-I, курган №6. Предметный комплекс: *1–3* – наконечники стрел; *4* – нож; *5* – колчанный крюк; *6* – поясная пряжка; *7–13* – поясные бляхи (*1, 2 – рог; 3–13 – железо*)

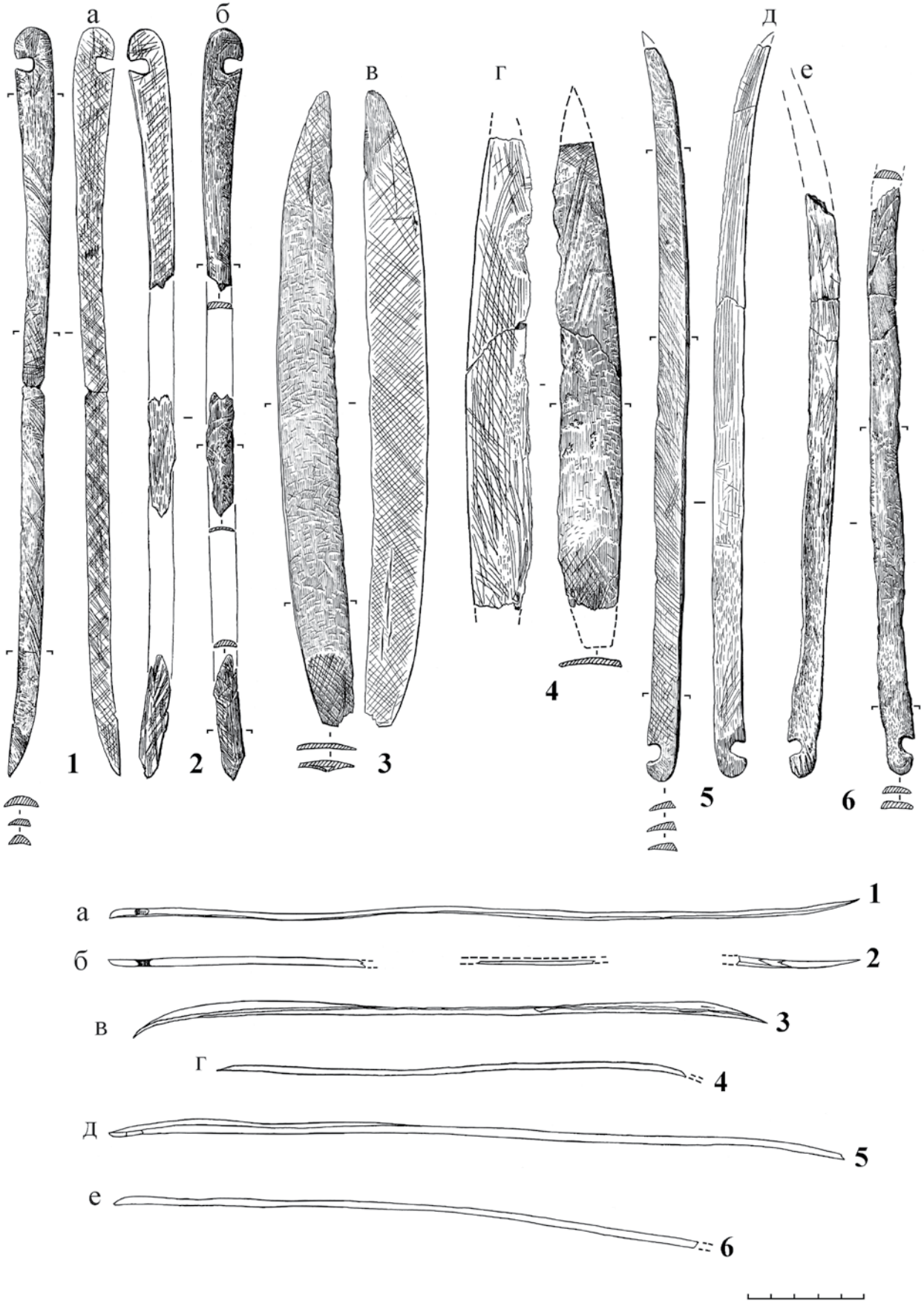

Рис. 41. Степушка-I, курган №6. Предметный комплекс: *1–6* – роговые накладки лука

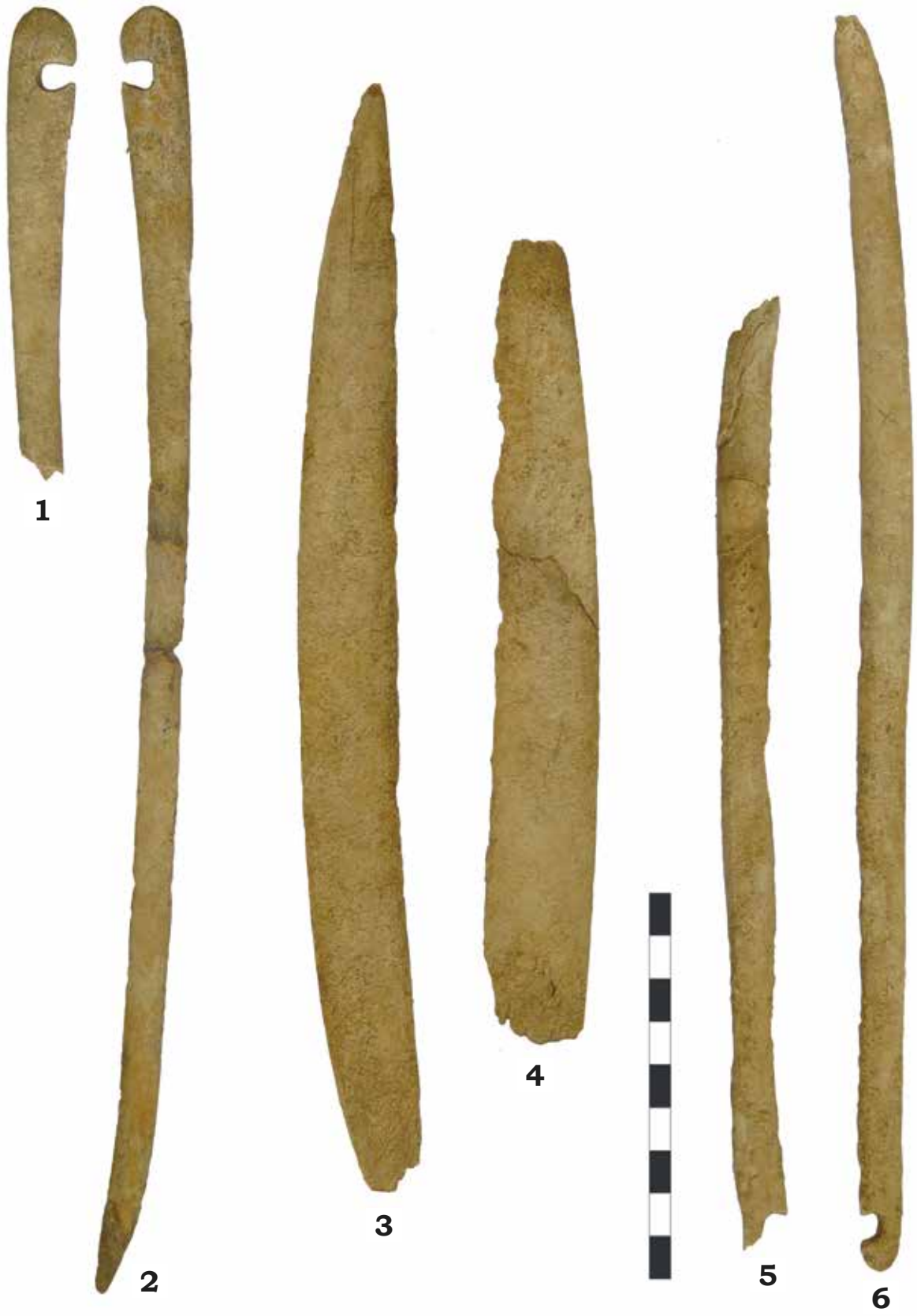
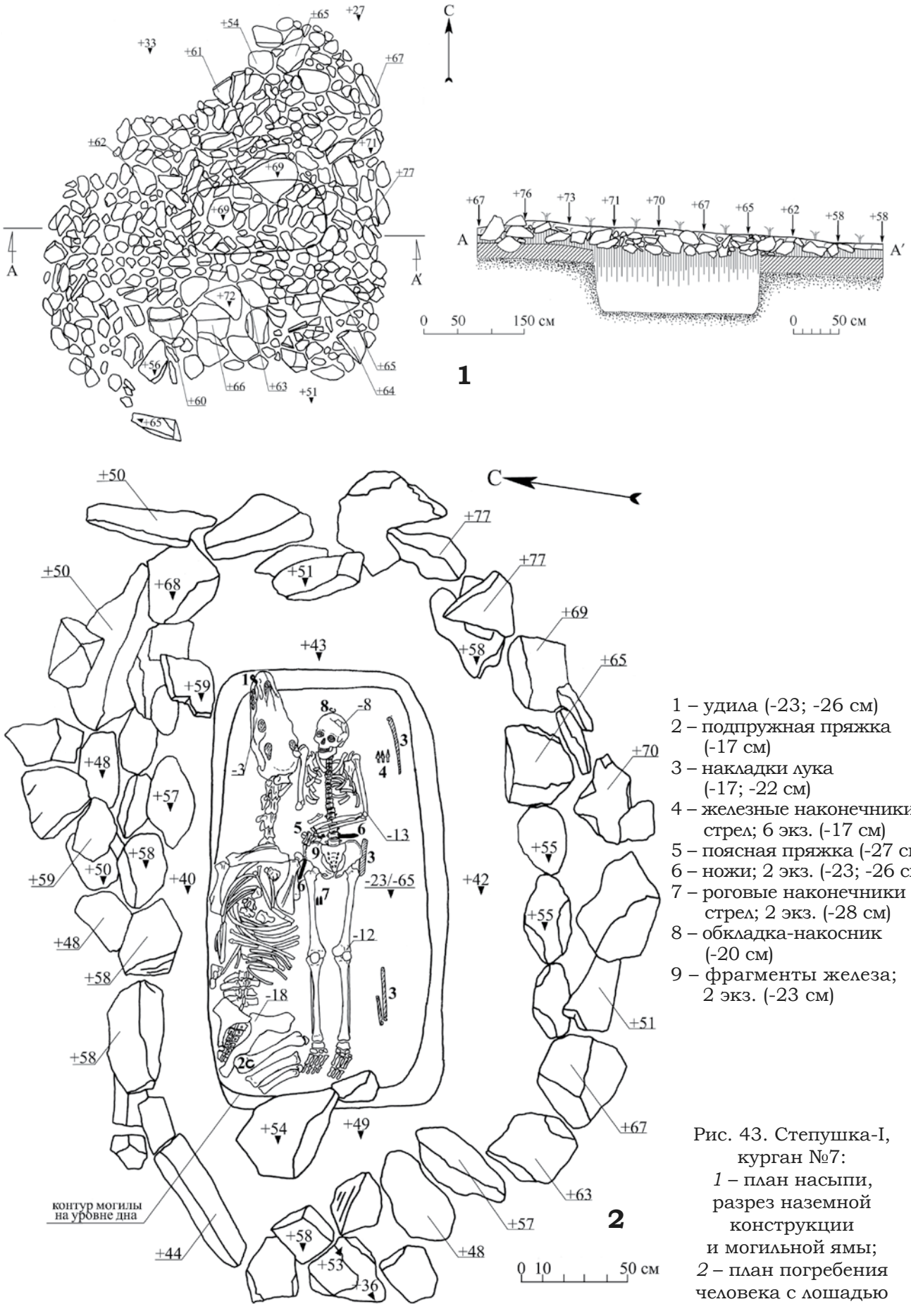

Рис. 42. Степушка-I, курган №6: накладки лука

1 – удила (-23; -26 см)
2 – подпружная пряжка (-17 см)
3 – накладки лука (-17; -22 см)
4 – железные наконечники стрел; 6 экз. (-17 см)
5 – поясная пряжка (-27 см)
6 – ножи; 2 экз. (-23; -26 см)
7 – роговые наконечники стрел; 2 экз. (-28 см)
8 – обкладка-накосник (-20 см)
9 – фрагменты железа; 2 экз. (-23 см)

Рис. 43. Степушка-I, курган №7:
1 – план насыпи, разрез наземной конструкции и могильной ямы;
2 – план погребения человека с лошадью

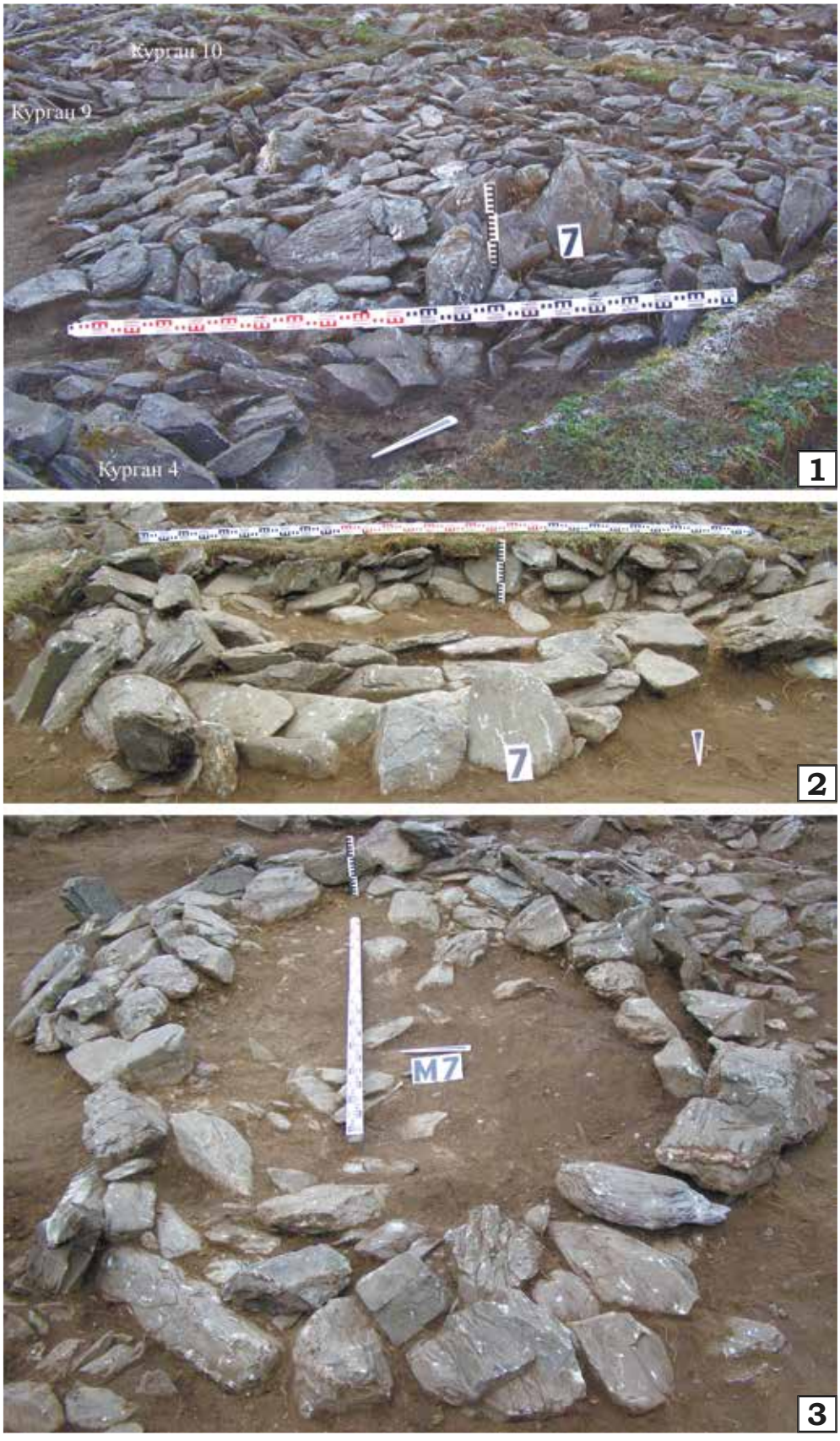

Рис. 44. Степушка-I, курган №7:
1 – насыпь после зачистки; *2* – разрез насыпи; *3* – кольцевая крепида

Рис. 45. Степушка-I, курган №7: *1* – погребение человека с лошадью; *2, 3* – ножи; *4–8, 11* – наконечники стрел; *9, 10* – свистунки; *12* – обкладка-накосник; *13* – поясная пряжка; *14* – пряжка от снаряжения верхового коня; *15* – удила

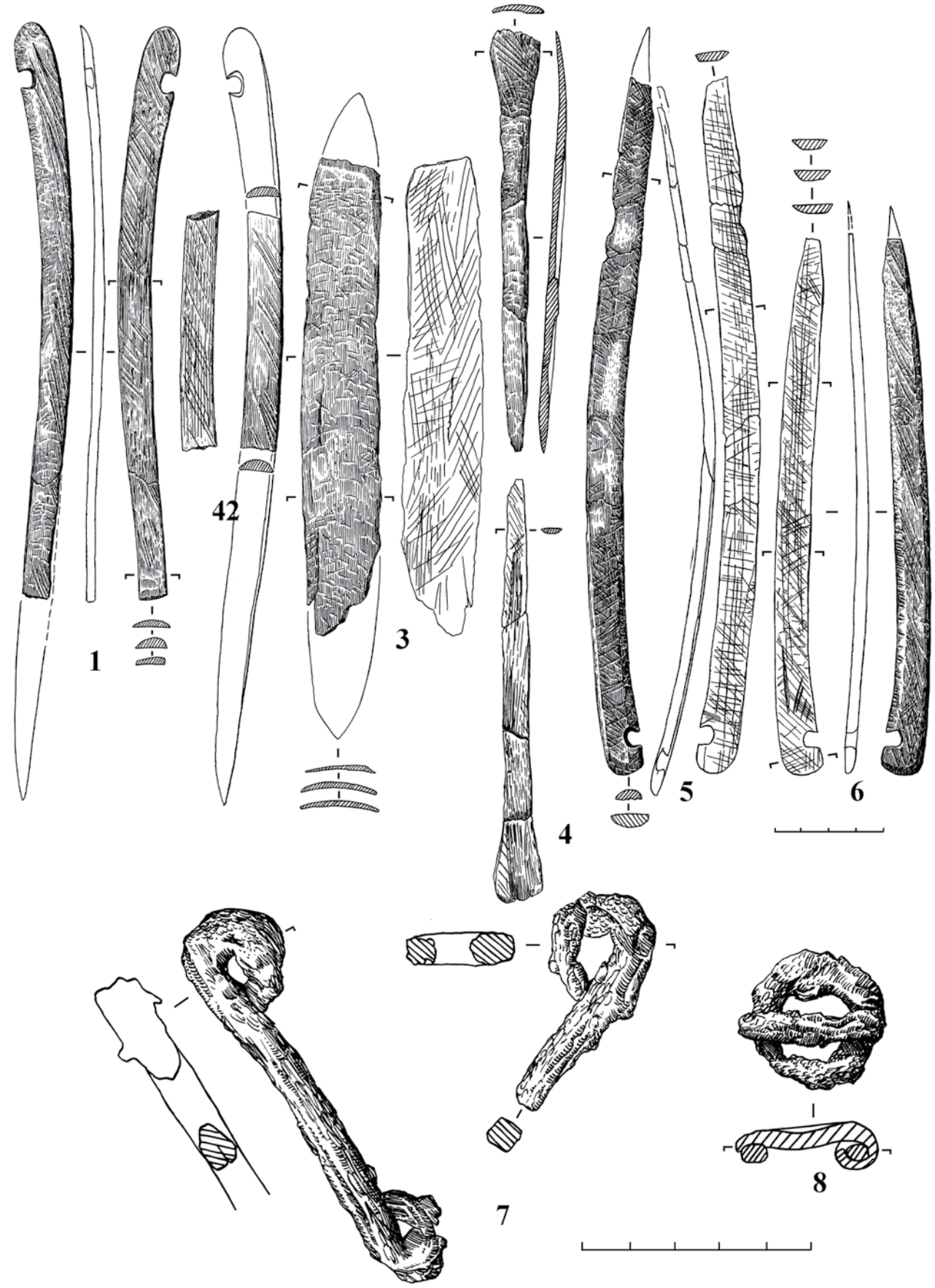

Рис. 46. Степушка-I, курган №7. Предметный комплекс:
1–6 – накладки лука; *7* – удила; *8* – подпружная пряжка (*1–6 – рог; 7, 8 – железо*)

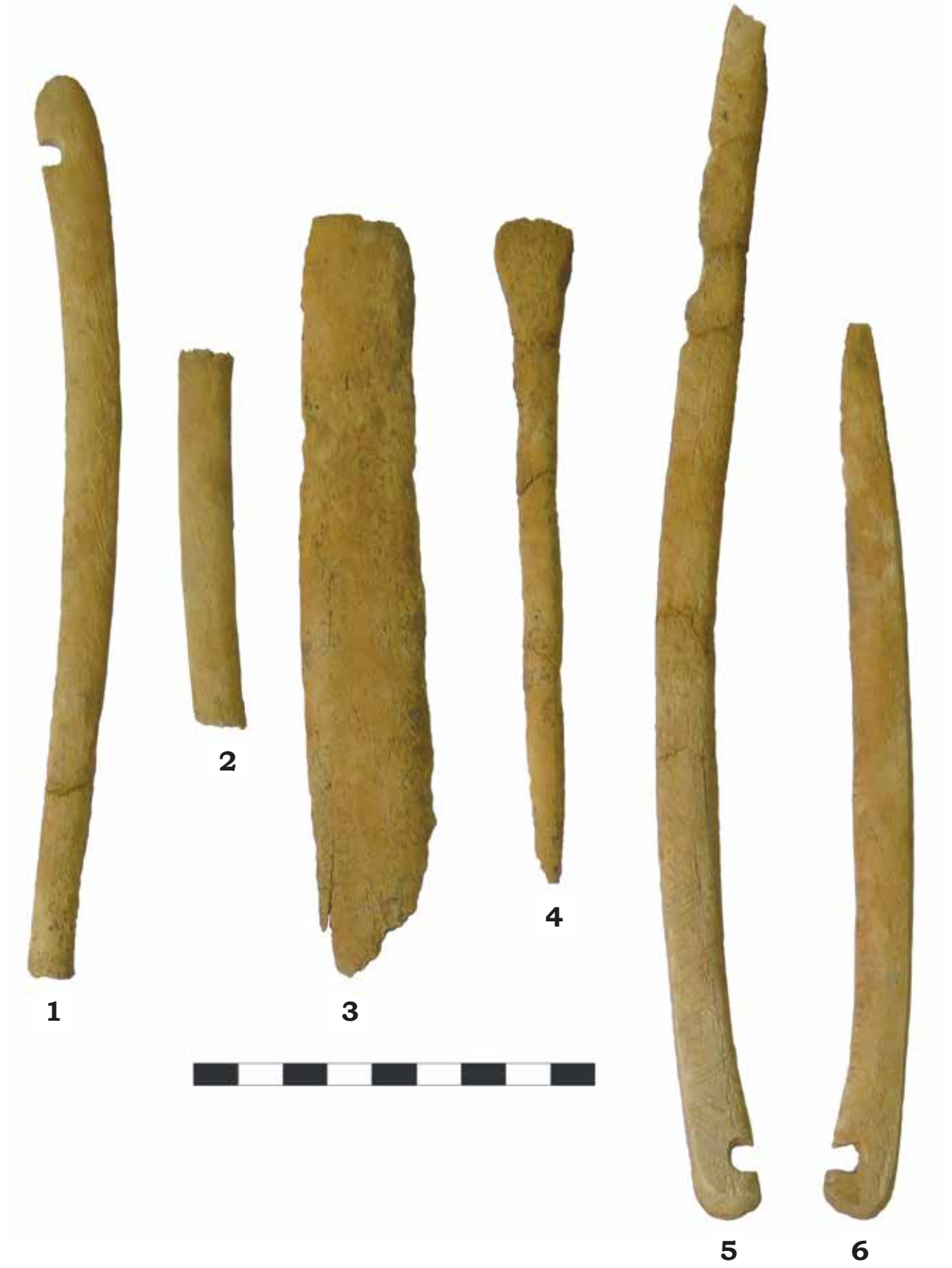

Рис. 47. Степушка-I, курган №7: накладки лука

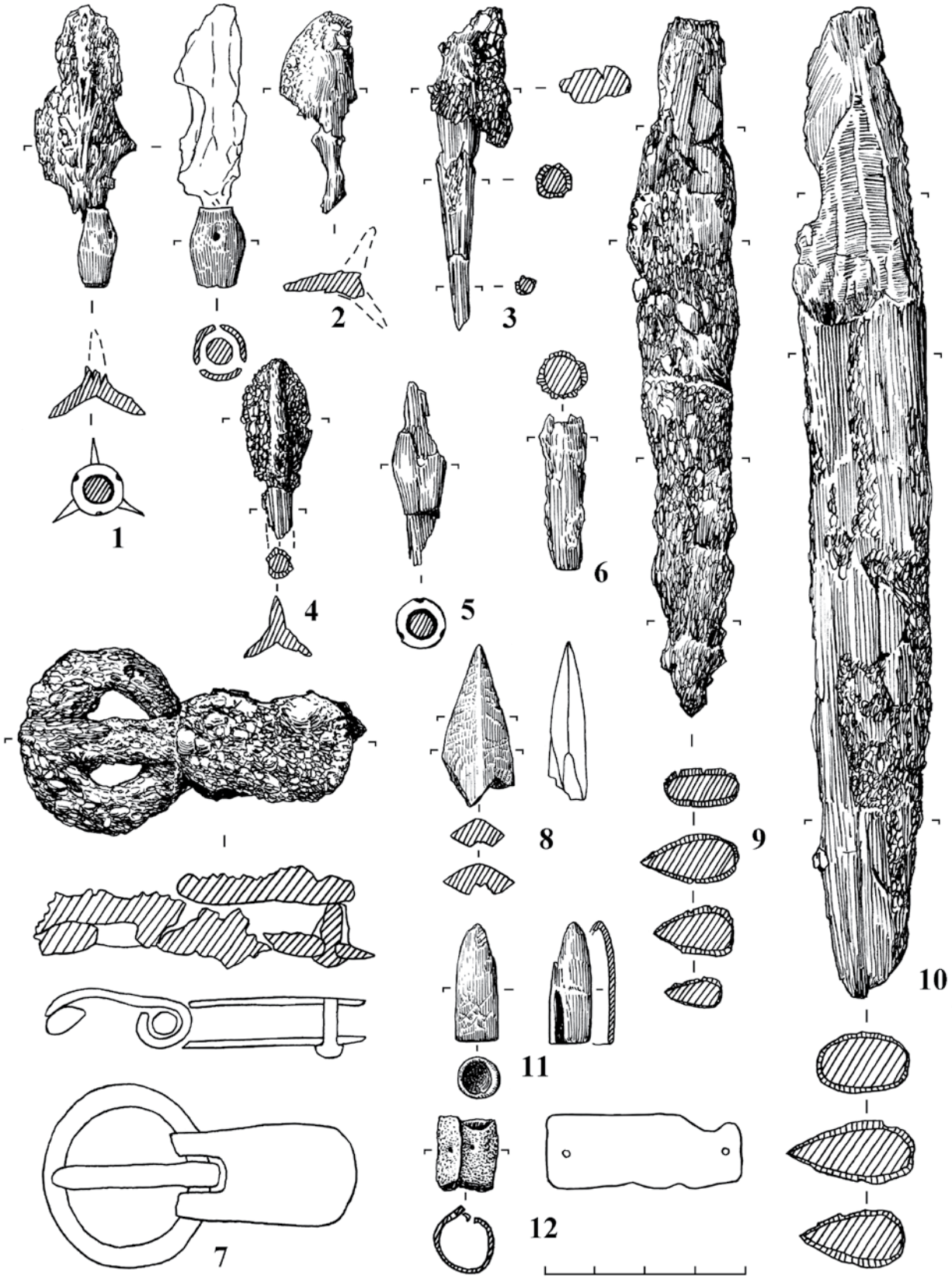

Рис. 48. Степушка-I, курган №7. Предметный комплекс: *1–6, 8, 11* – наконечники стрел; *7* – поясная пряжка; *9, 10* – ножи; *12* – обкладка-накосник (*1, 5 – железо, кость; 2, 3, 4, 6, 7, 9 – железо; 10 – железо, дерево; 8, 11 – рог; 12 – бронза*)

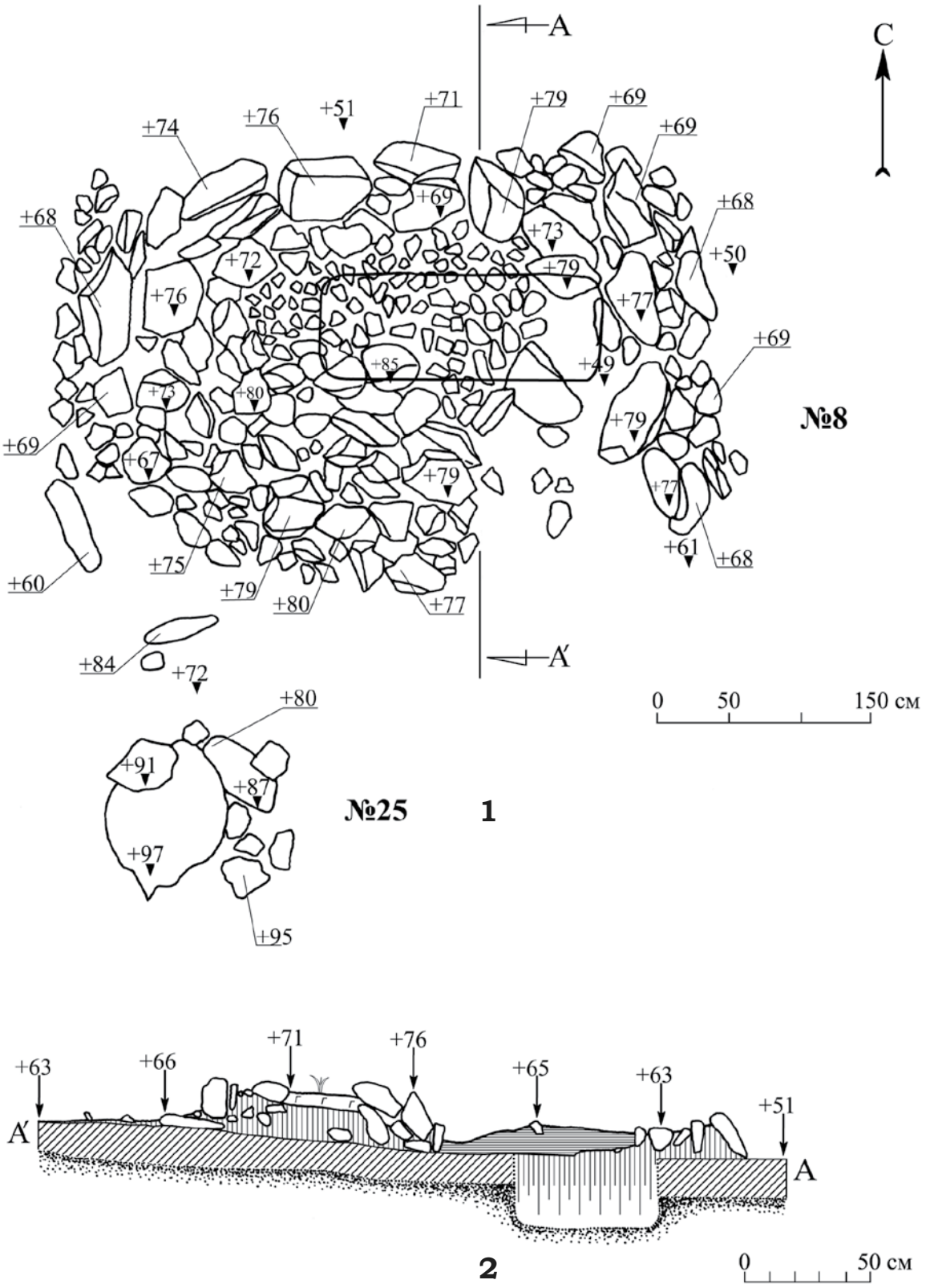
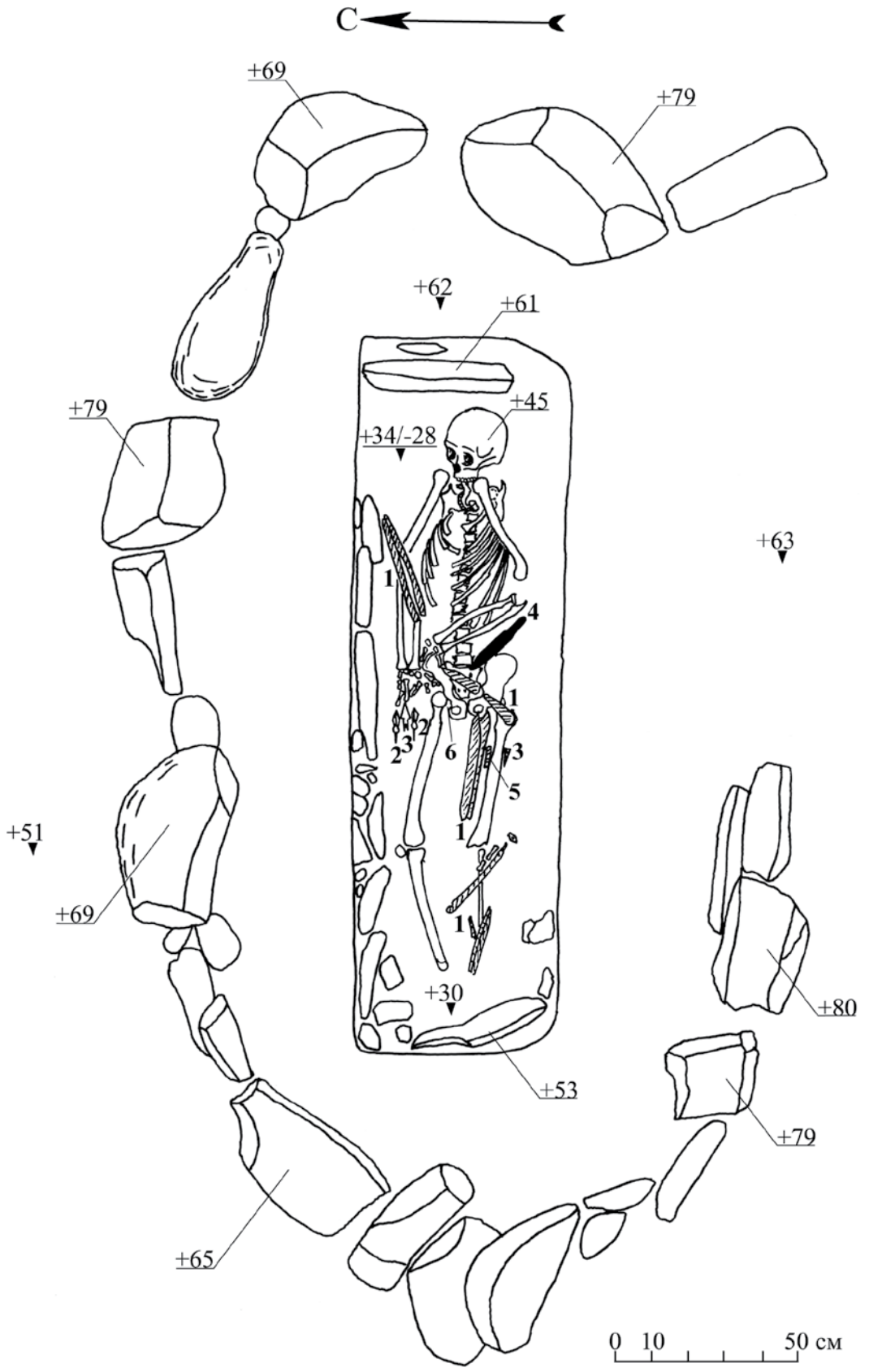

Рис. 49. Степушка-I: *1* – план кургана №8 и выкладки №25;
2 – разрез наземной конструкции и могильной ямы кургана №8

1 – накладки лука (+27; +31; +32 см)
2 – железные наконечники стрел; 2 экз. (+22 см)
3 – роговые наконечники стрел; 4 экз. (+22 см)
4 – нож (+26 см)
5 – трубочка (+26 см)
6 – «кольцо-блок» (+26 см)

Рис. 50. Степушка-I, курган №8. План погребения

Рис. 51. Степушка-I, курган №8: *1* – кольцевая крепида и пятно могильной ямы; *2* – погребение человека в каменной конструкции; *3* – погребение человека (фрагмент)

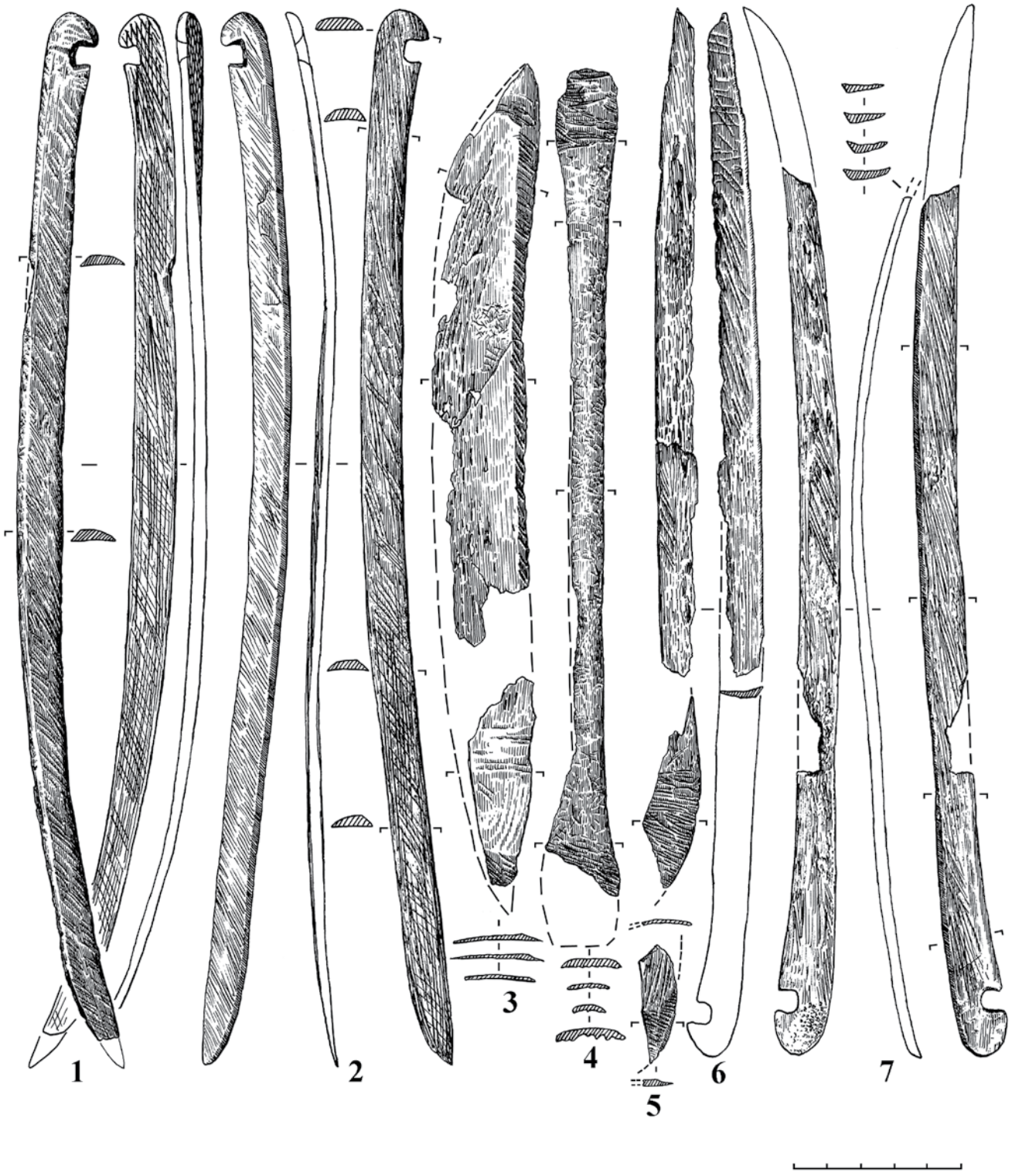

Рис. 52. Степушка-I, курган №8. Предметный комплекс:
1–7 – роговые накладки лука

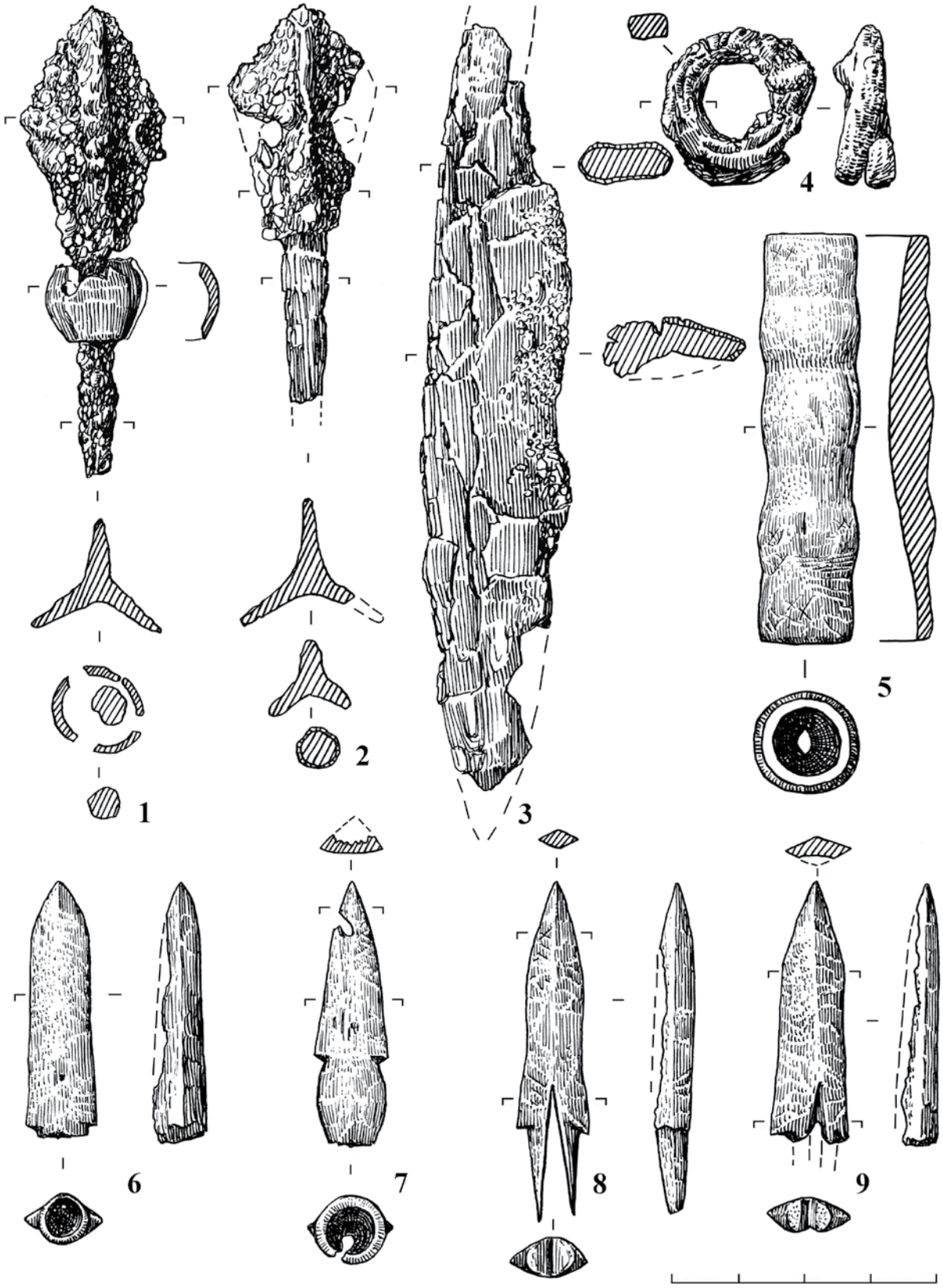

Рис. 53. Степушка-I, курган №8. Предметный комплекс: *1, 2, 6–9* – наконечники стрел; *3* – нож; *4* – «кольцо-блок»; *5* – трубочка (*1 – железо, кость; 2, 3, 4 – железо; 5–9 – рог / кость*)

Рис. 54. Степушка-I, курган №8: *1–7* – накладки лука;
8–11, 13, 14 – наконечники стрел; *12* – трубочка; *15* – «кольцо-блок»

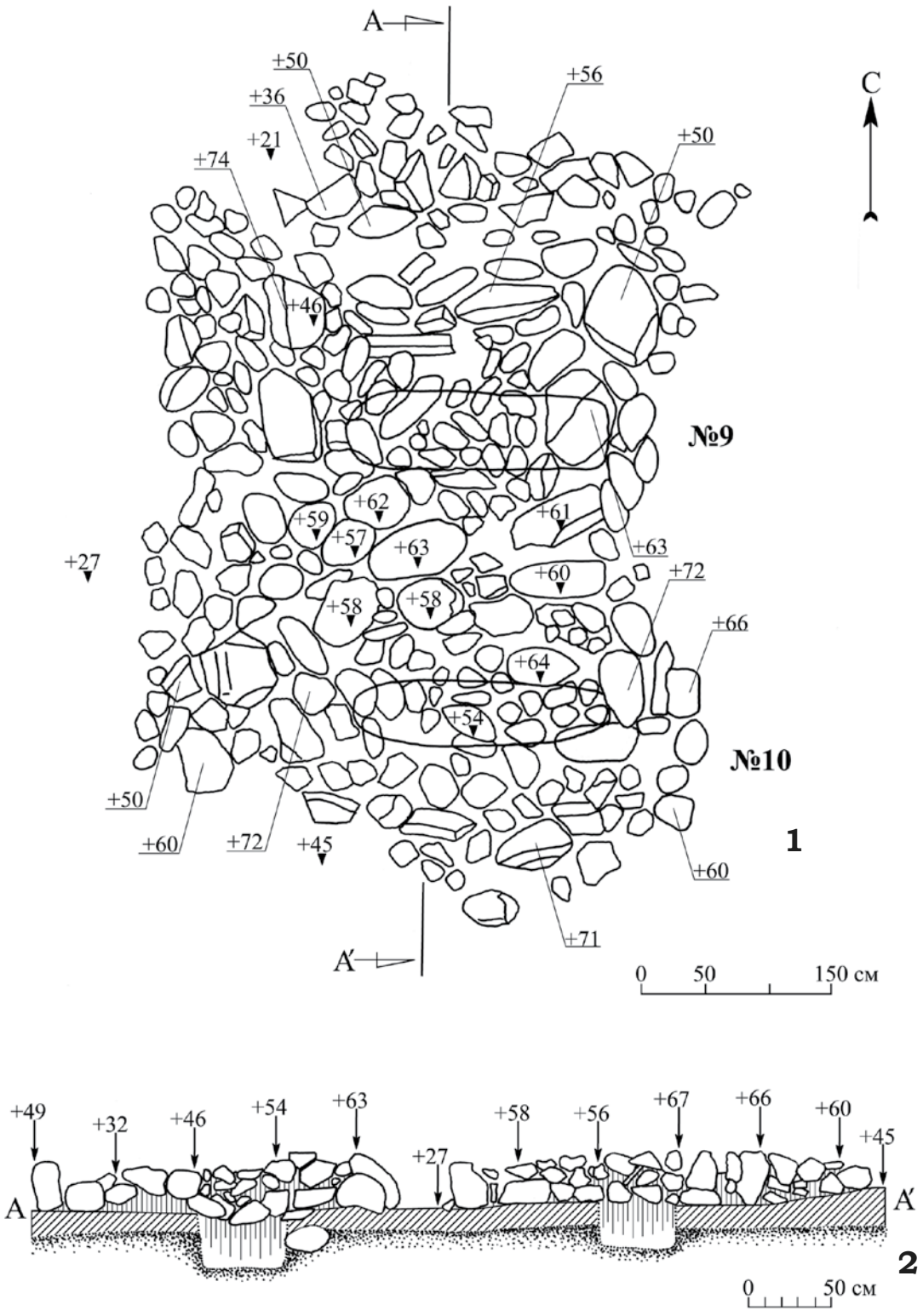

Рис. 55. Степушка-I, курганы №9, 10: *1* – план насыпей;
2 – разрез наземных конструкций и могильных ям

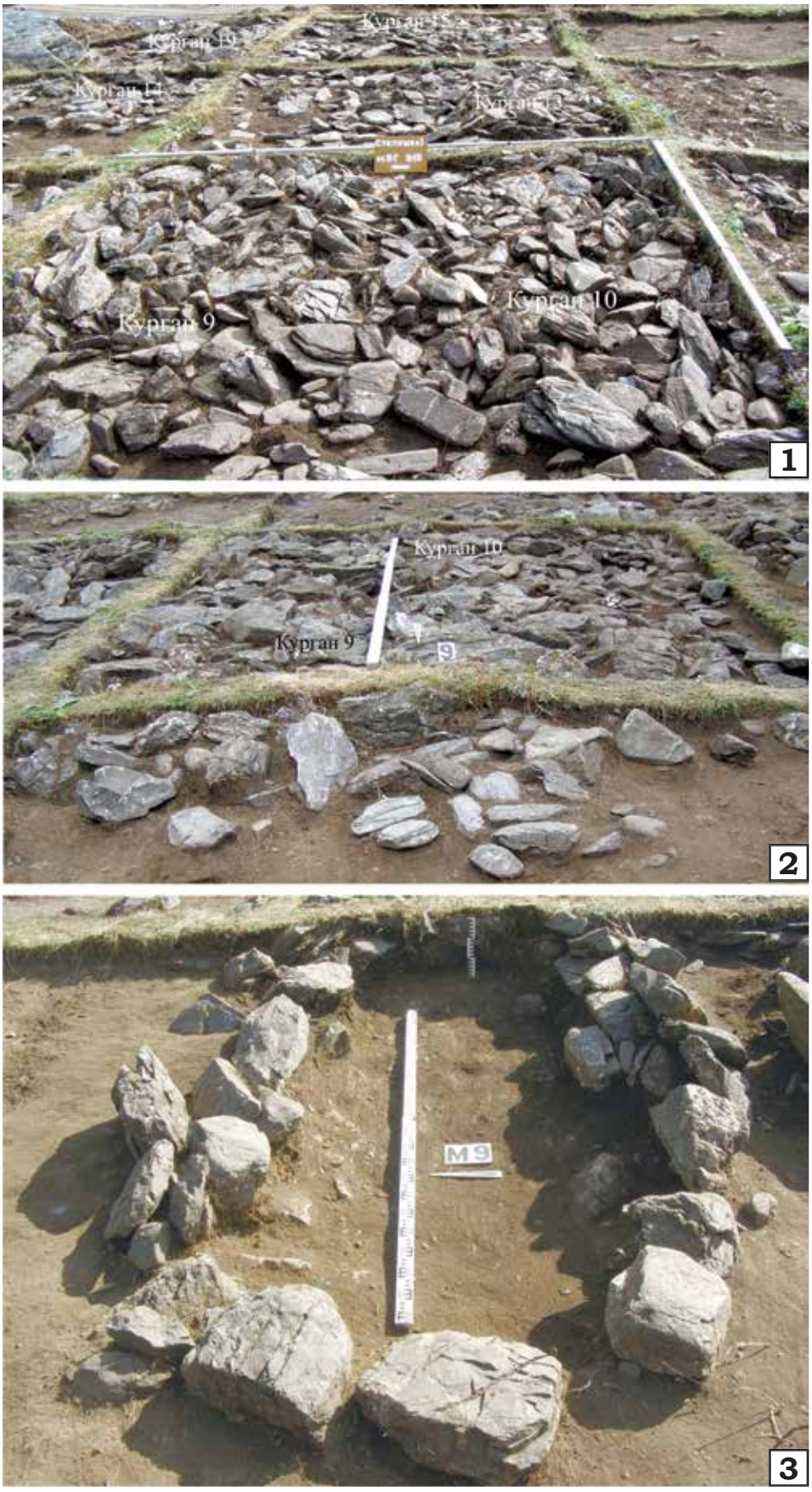

Рис. 56. Степушка-I, курганы №9, 10: *1, 2* – насыпи после зачистки; *3* – кольцевая крепида и пятно могильной ямы в кургане №9

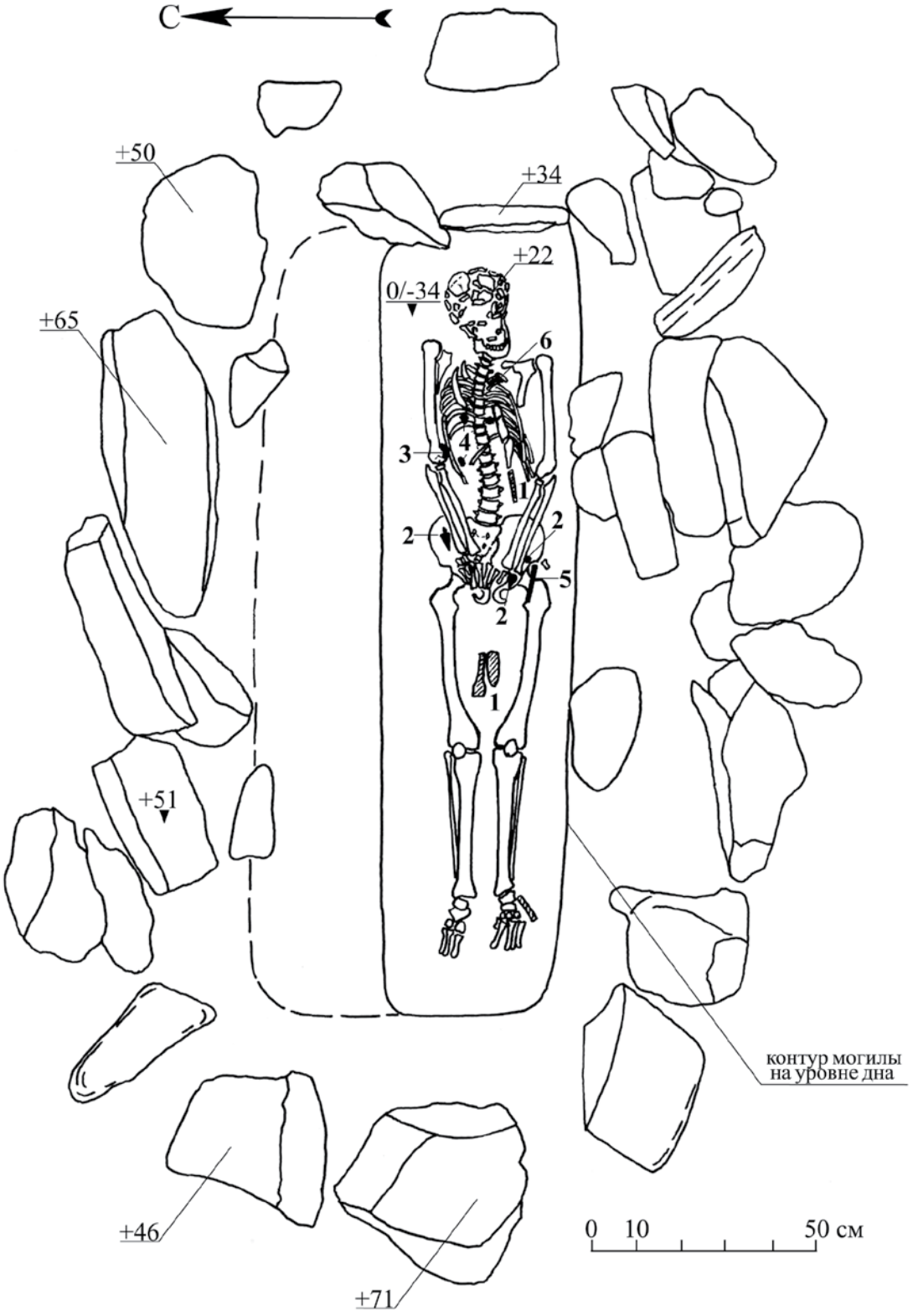
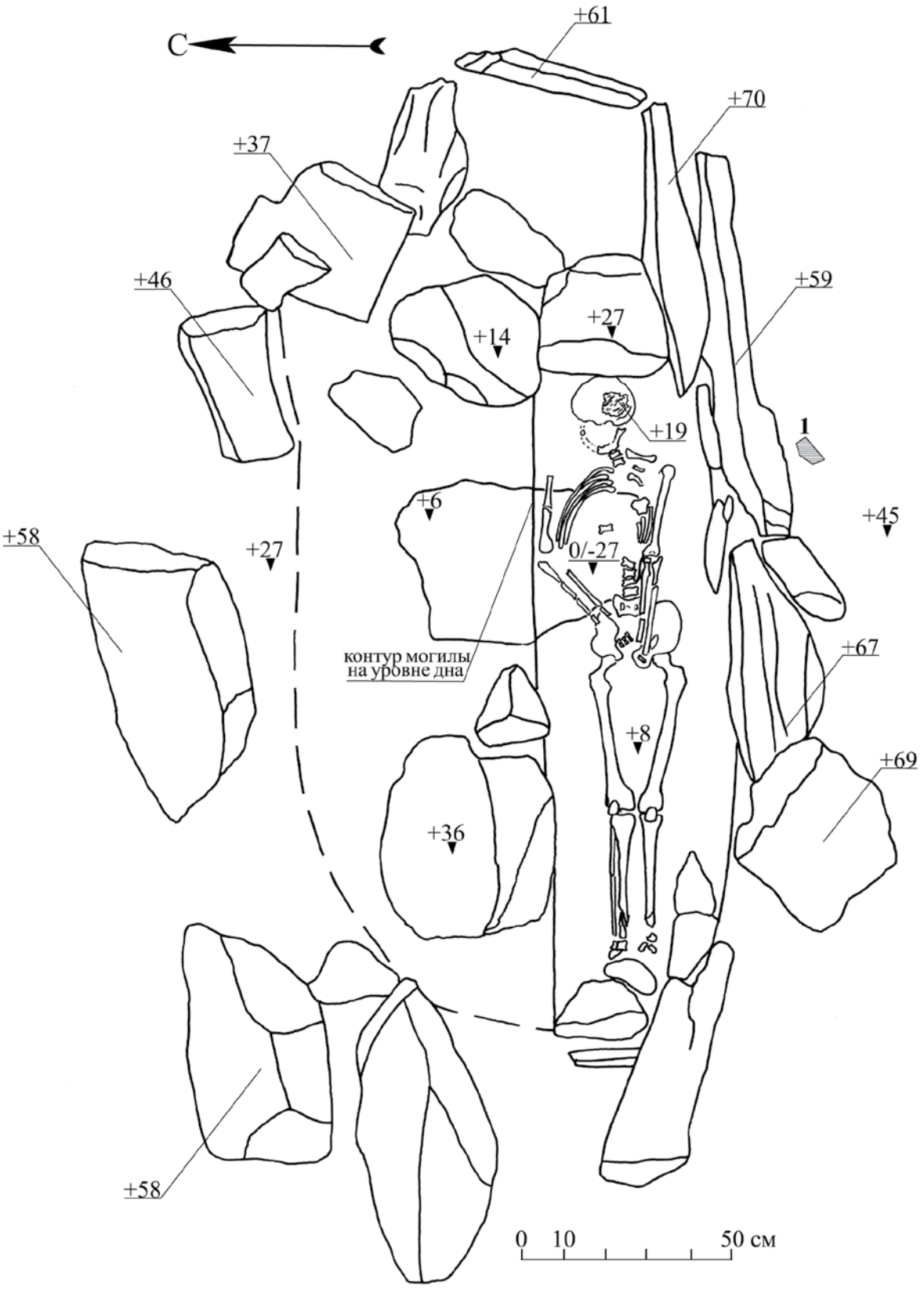

Рис. 57. Степушка-I, курган №9. План погребения

1 – фрагмент керамического сосуда (+45 см)

Рис. 58. Степушка-I, курган №10. План погребения

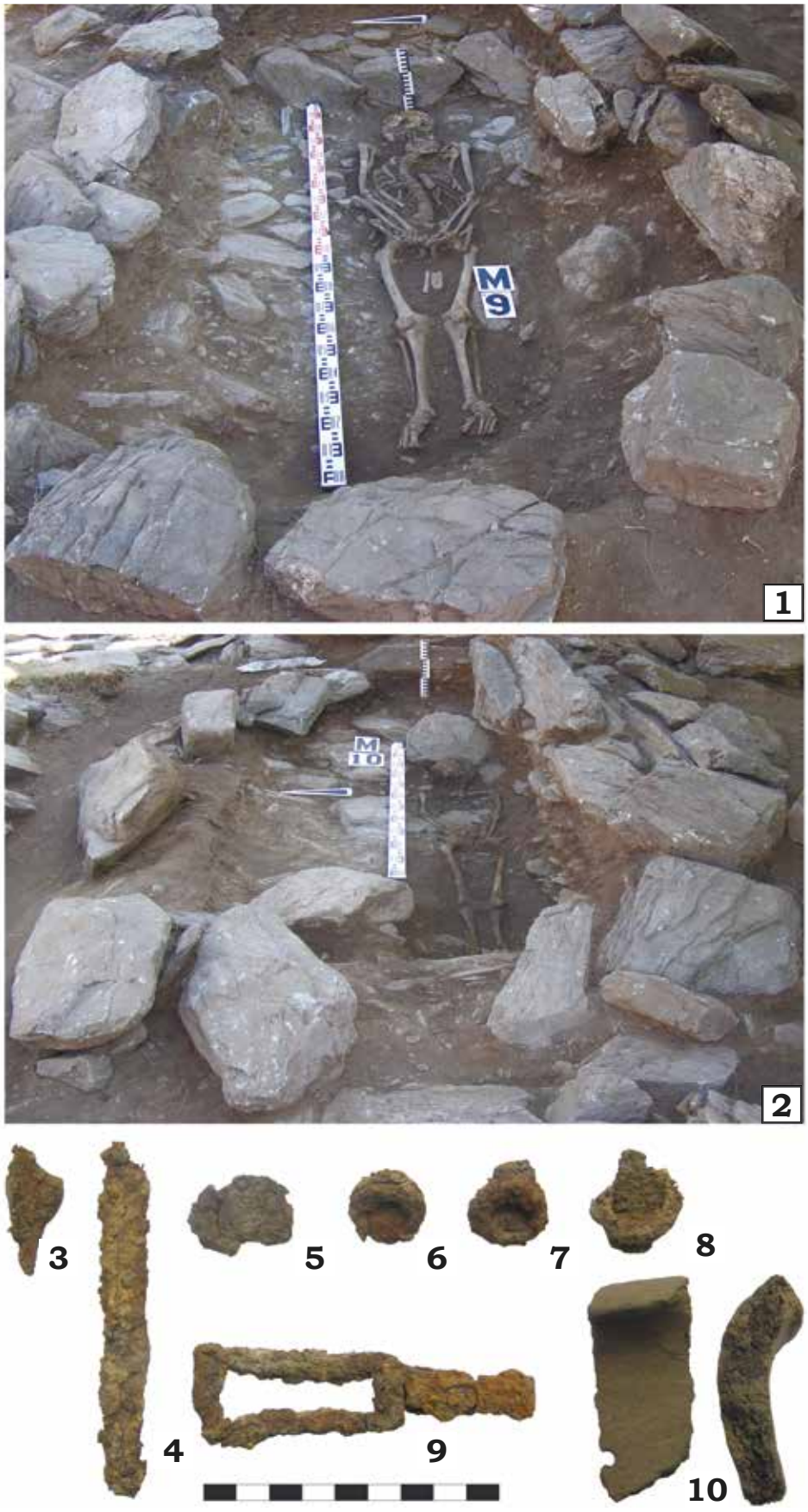

Рис. 59. Степушка-I, курганы №9, 10: *1* – погребение человека в кургане №9; *2* – погребение человека в кургане №10; *3* – наконечник стрелы, *4* – нож; *5* – поясная пряжка; *6–8* – поясные бляхи-полуобоймы; *9* – распределитель ремня; *10* – фрагмент керамики (*3–9 – курган №9; 10 – курган №10*)

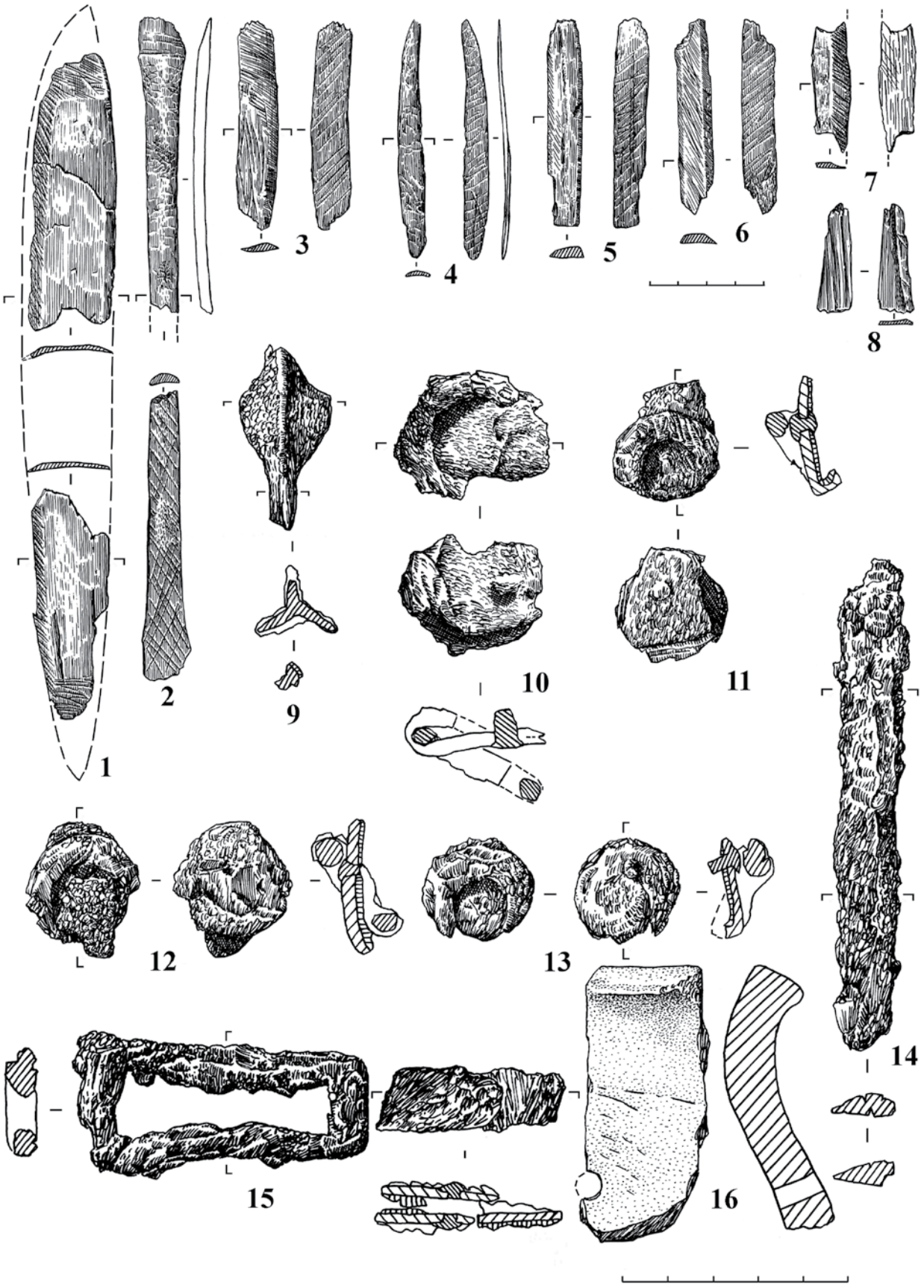

Рис. 60. Степушка-I, курган №9. Предметный комплекс: *1–8* – накладки лука; *9* – наконечник стрелы; *10* – поясная пряжка; *11–13* – поясные бляхи-полуобоймы; *14* – нож; *15* – распределитель ремня; *16* – фрагмент сосуда (*1–8 – рог/кость; 9–15 – железо; 16 – керамика*)

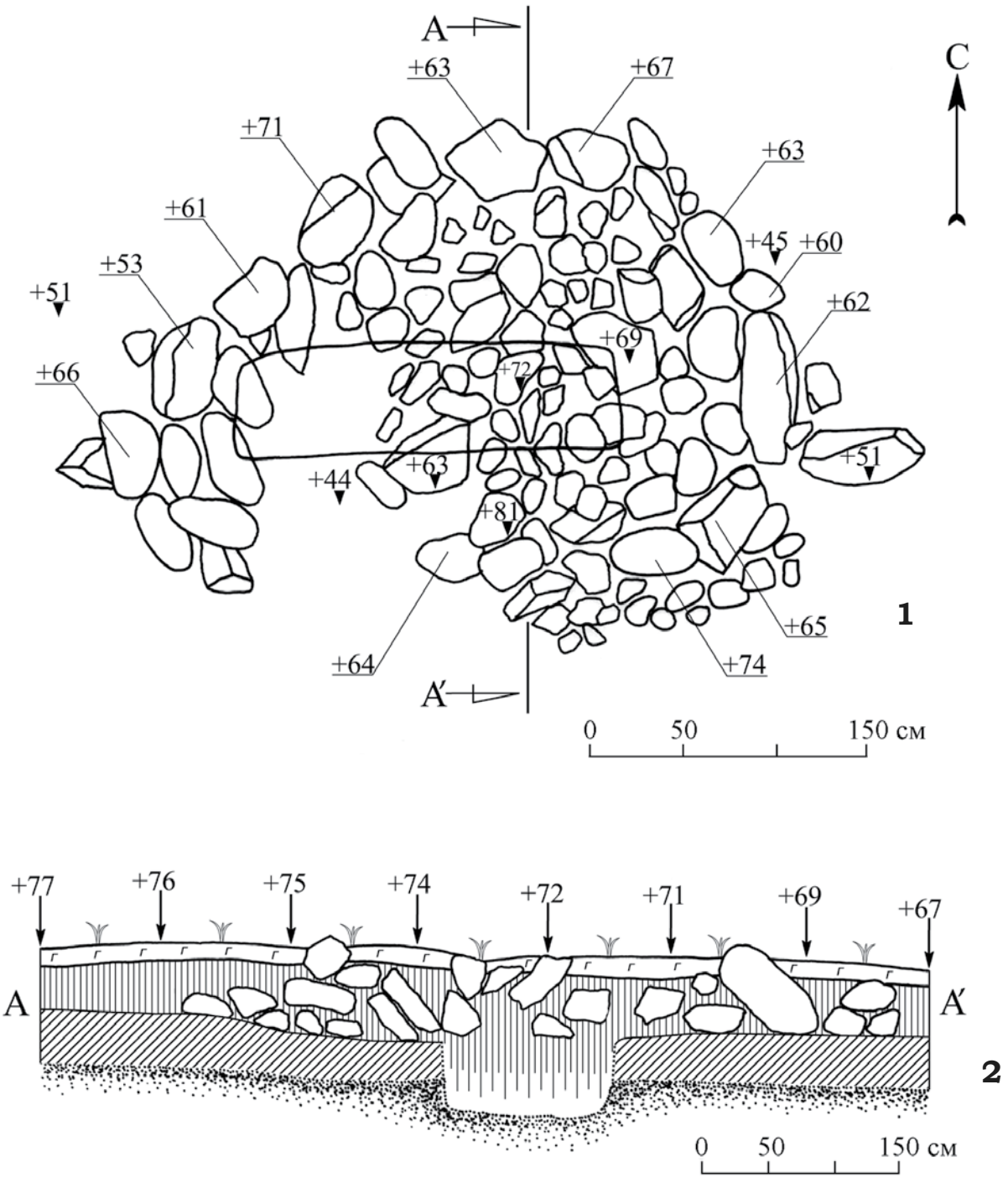
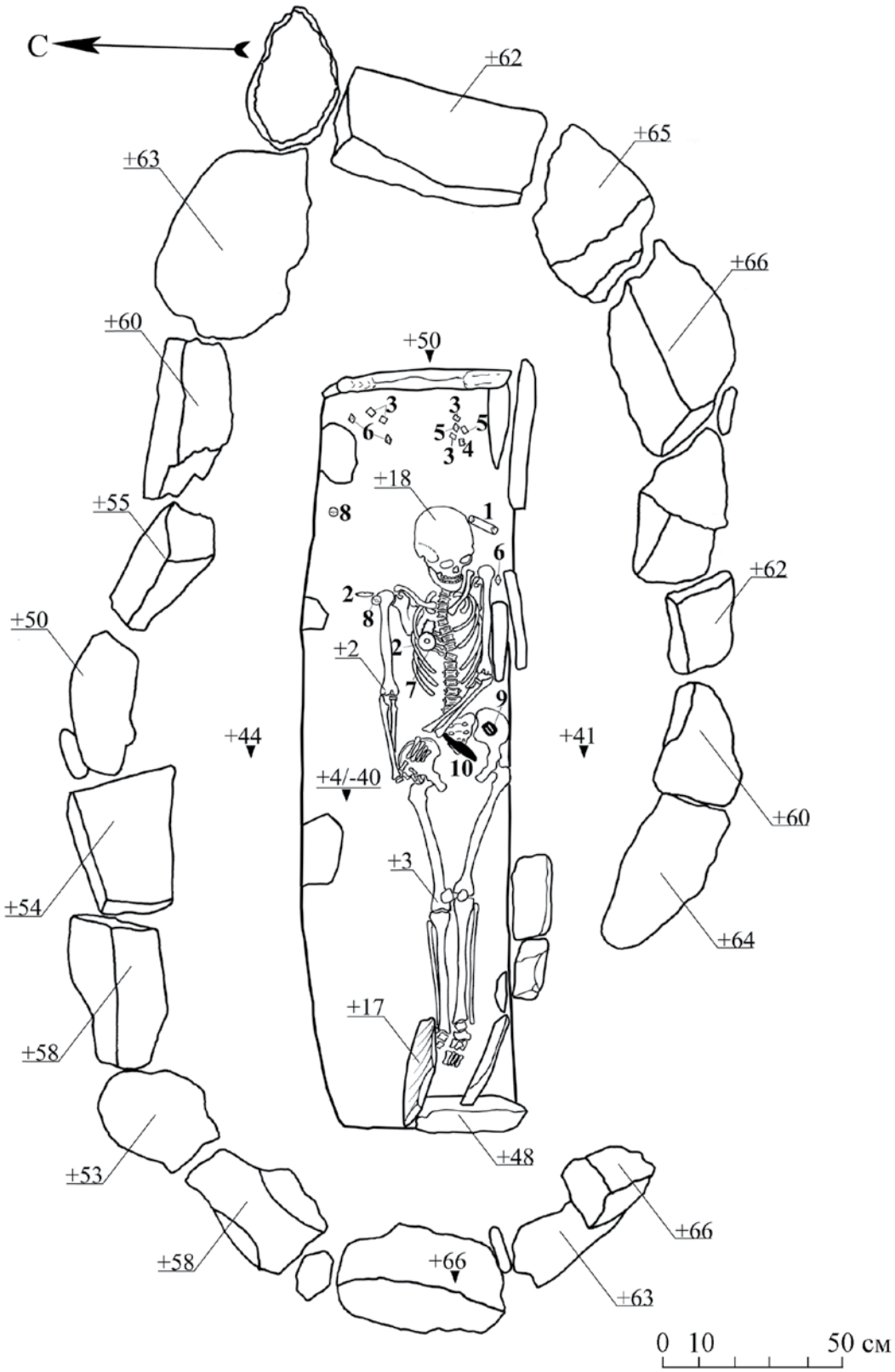

Рис. 61. Степушка-I, курган №11: *1* – план насыпи;
2 – разрез наземной конструкции и могильной ямы

1 – «накосник-заколка» (+9 см)
2 – круглые большие бляхи; 2 экз. (+5; +11 см)
3 – прямоугольные накосники; 4 экз. (+10; +19 см)
4 – ромбический накосник с выпуклинами (+10 см)
5 – ромбические накосники; 2 экз. (+10 см)
6 – ромбические бляхи-подвески; 3 экз. (+5; +19 см)
7 – двухсоставная бляха (+4 см)
8 – круглые малые бляхи; 2 экз. (+11; +13 см)
9 – поясная пряжка (+4 см)
10 – нож (+2 см)

Рис. 62. Степушка-I, курган №11. План погребения

Рис. 63. Степушка-I, курган №11:
1 – насыпь после зачистки; *2* – кольцевая крепида и пятно могильной ямы;
3 – погребение человека в каменной конструкции; *4* – погребение человека (фрагмент)

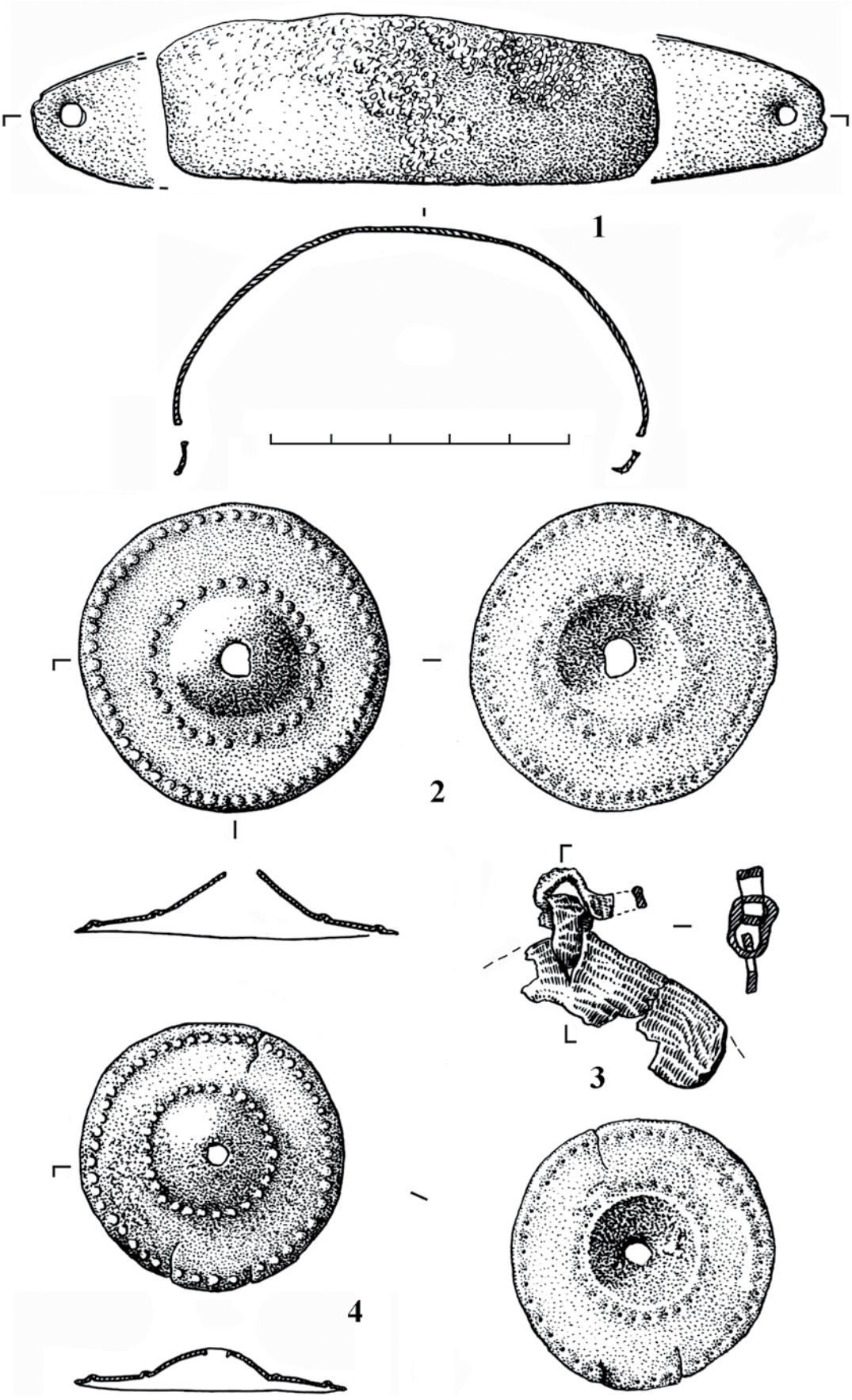

Рис. 64. Степушка-I, курган №11. Предметный комплекс: *1* – «накосник-заколка»; *2, 4* – бляхи; *3* – детали крепления бляхи (*1, 2, 4 – бронза; 3 – кожа*)

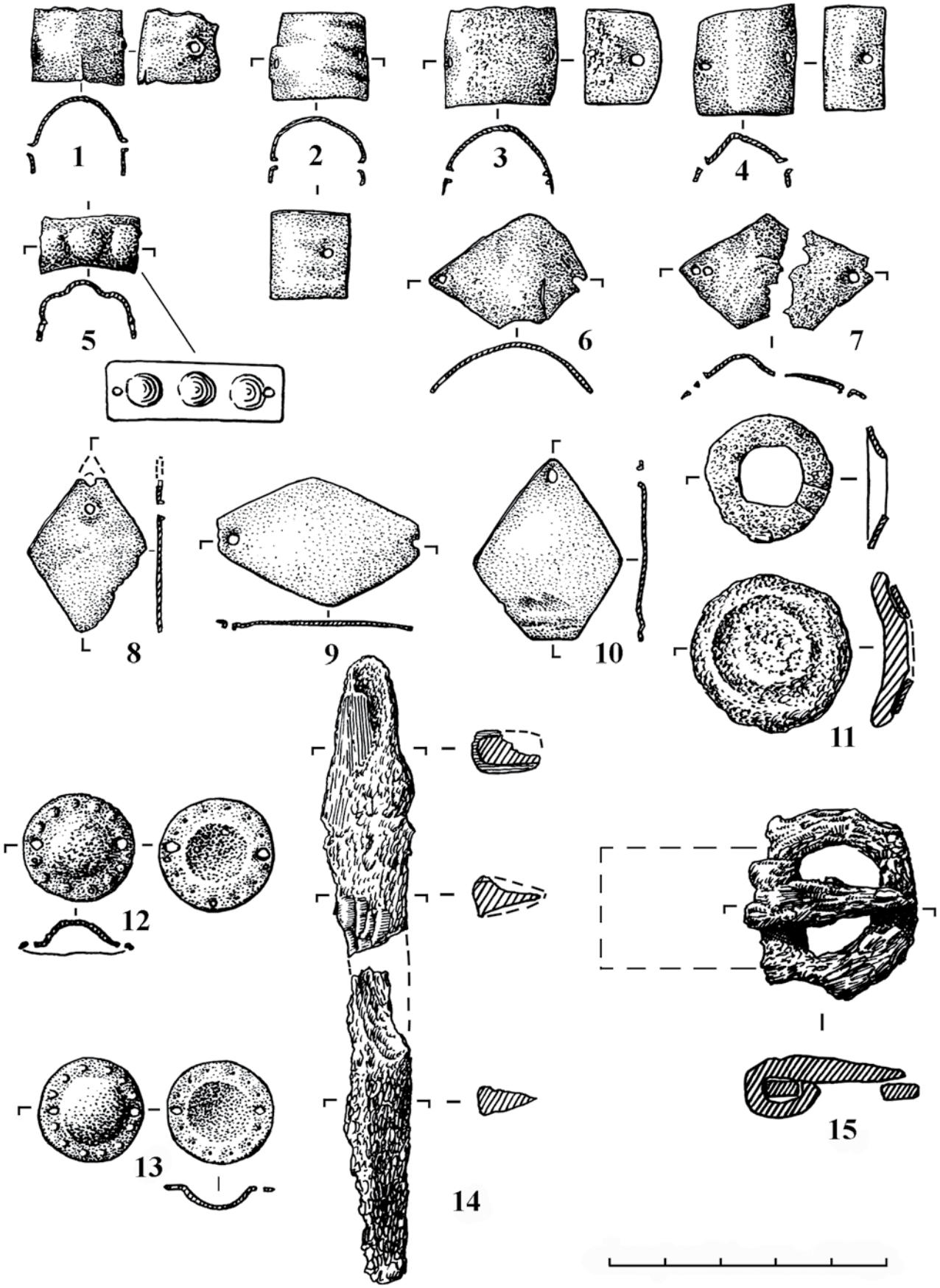

Рис. 65. Степушка-I, курган №11. Предметный комплекс: *1–7* – накосники; *8–10* – бляхи-подвески; *11* – двухсоставная бляха; *12, 13* – бляхи-нашивки; *14* – нож; *15* – пряжка (*1–10, 12, 13 – бронза; 11 – железо, бронза; 14, 15 – железо*)

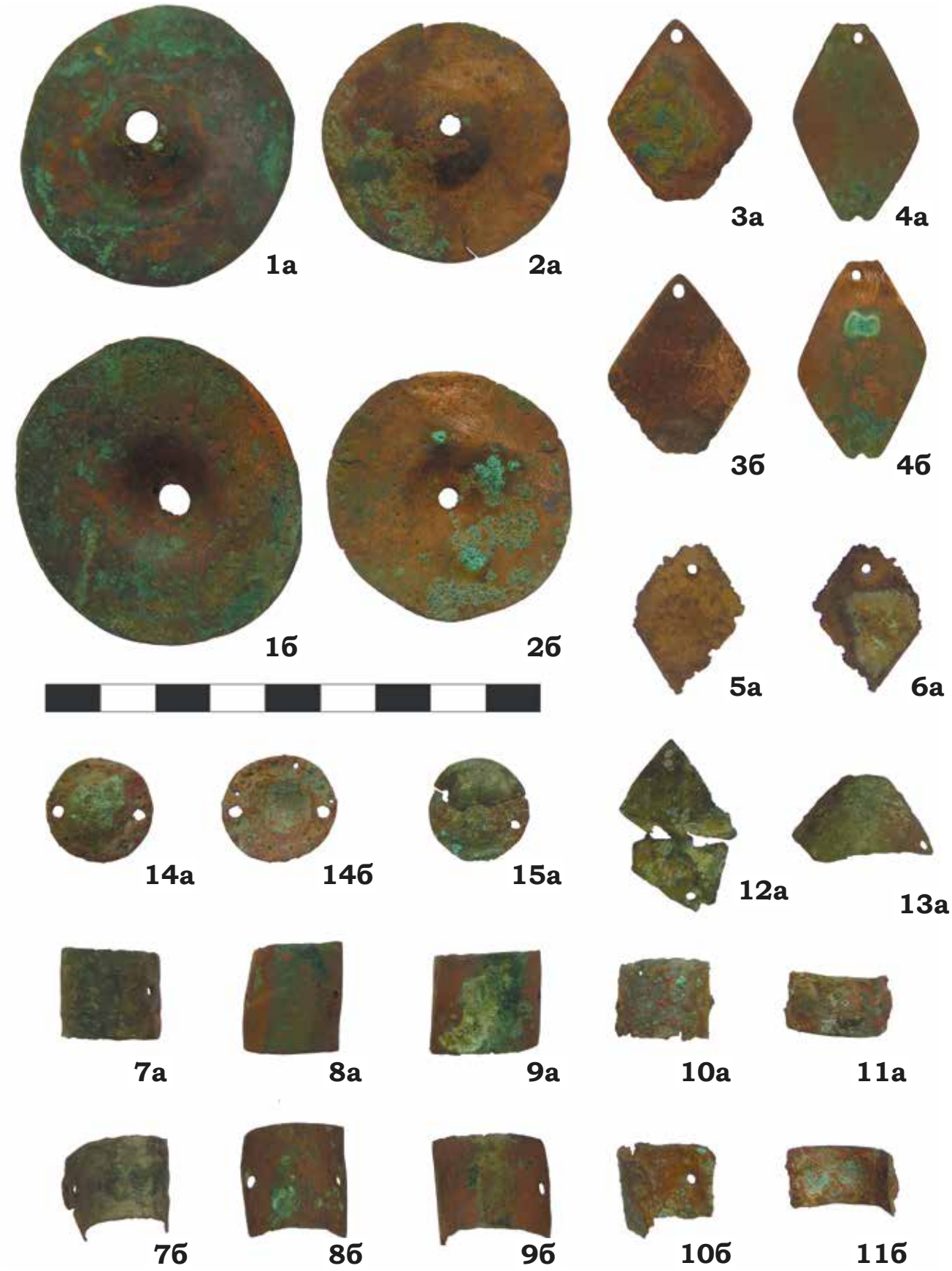
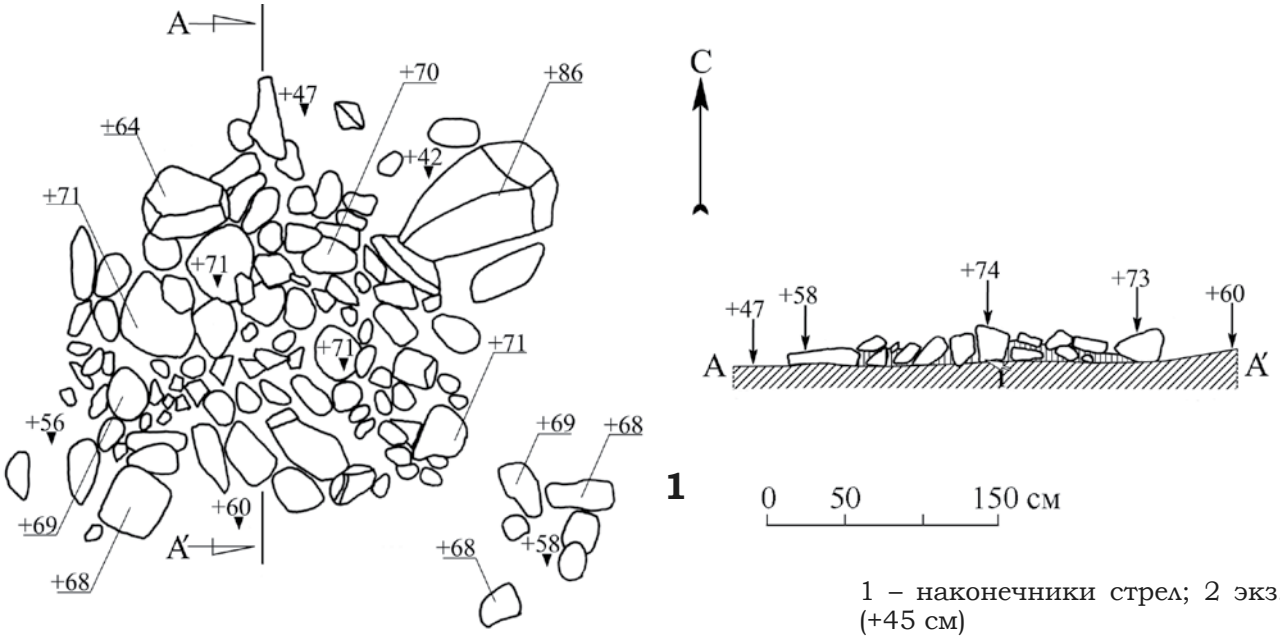

Рис. 66. Степушка-I, курган №11: *1, 2* – большие бляхи;
3, 4, 5 – бляхи-подвески; *6–13* – накосники; *14, 15* – малые бляхи-нашивки
(а – вид с лицевой стороны; б – вид с тыльной стороны)

Рис. 67. Степушка-I, курган №11:
1 – «накосник-заколка»; *2* – поясная пряжка; *3* – нож; *4* – двухсоставная бляха
(а – вид с лицевой стороны; б, в – вид с тыльной стороны)

1 – наконечники стрел; 2 экз. (+45 см)

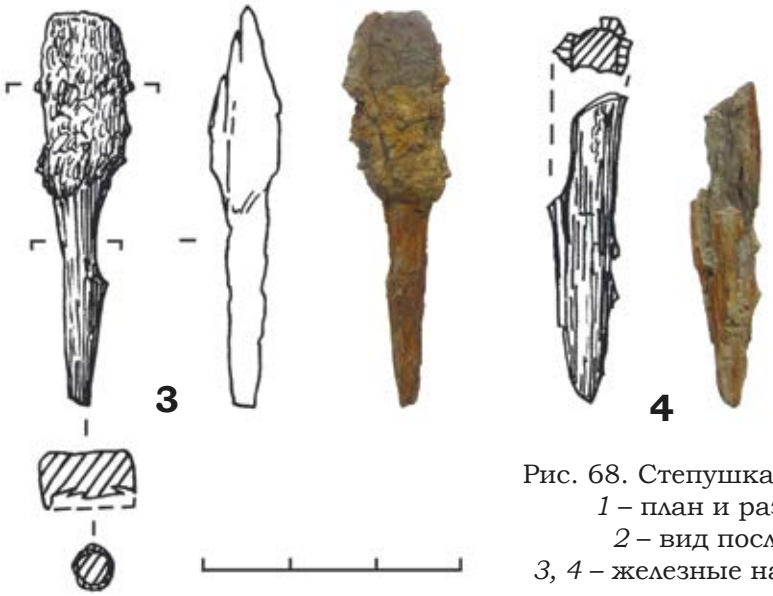

Рис. 68. Степушка-I, выкладка №12:
1 – план и разрез объекта;
2 – вид после зачистки;
3, 4 – железные наконечники стрел

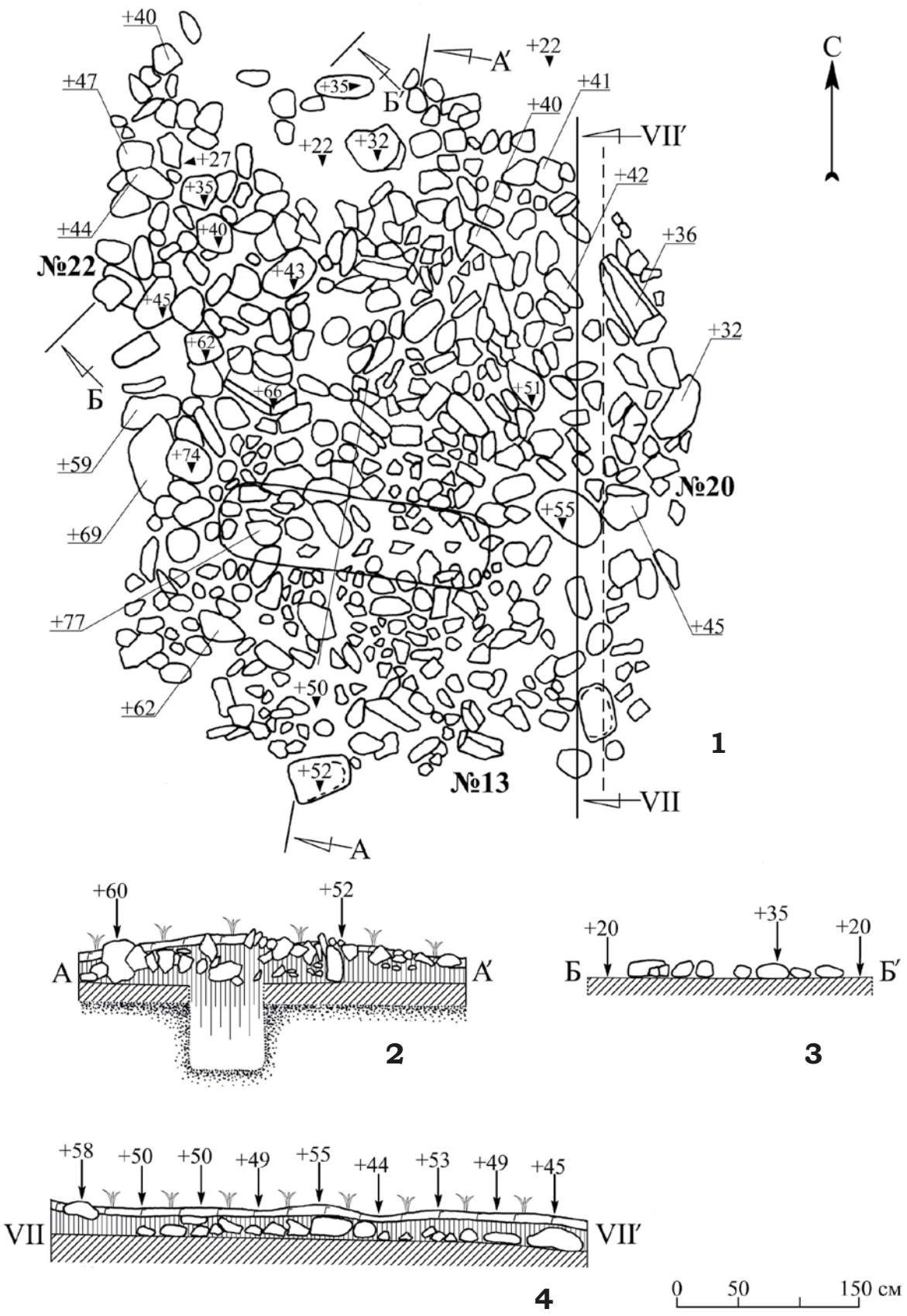
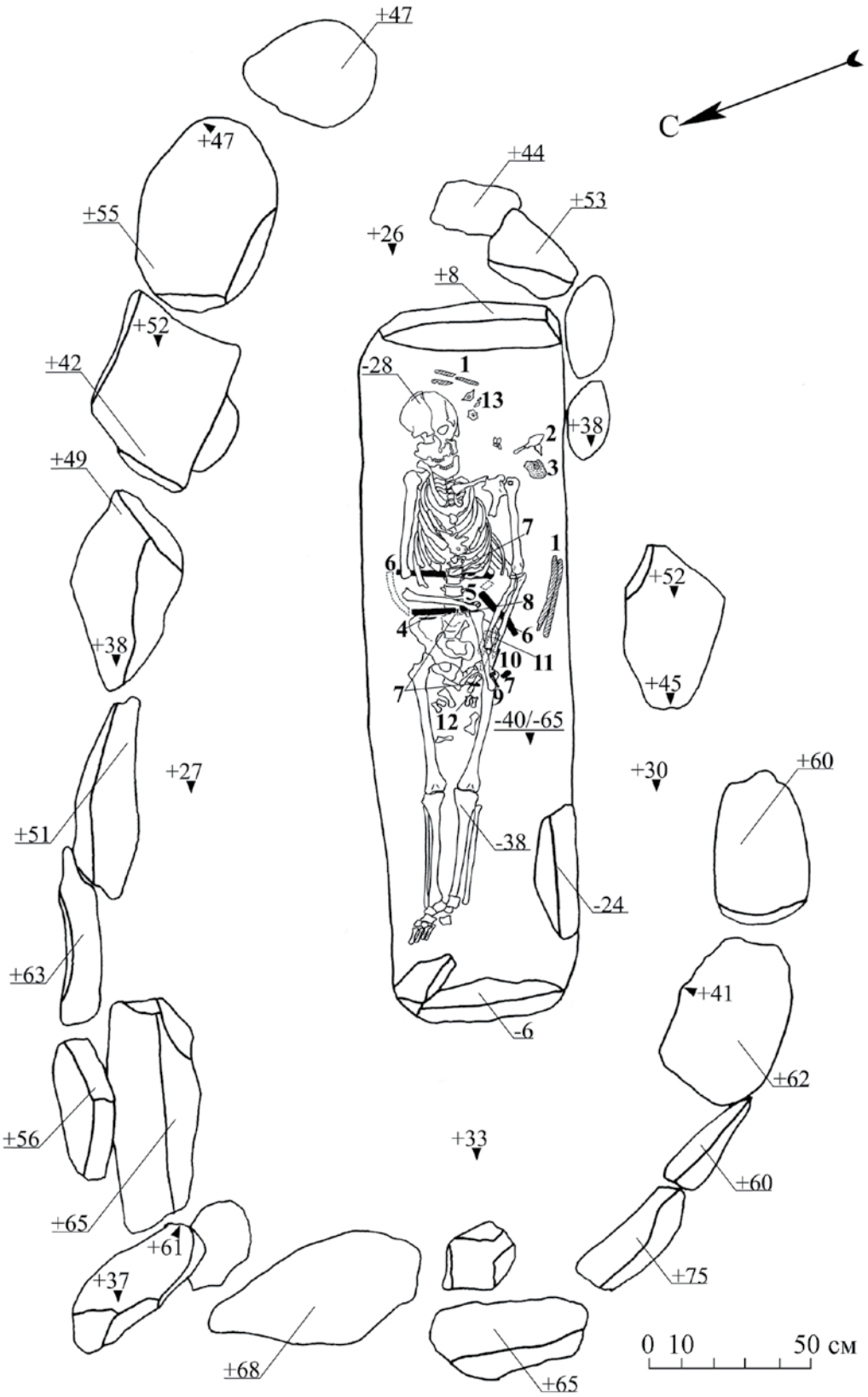

Рис. 69. Степушка-I, курганы №13, 20, выкладка №22:
1 – план насыпей; *2* – разрез наземной конструкции и могильной ямы в кургане №13;
3 – разрез выкладки №22; *4* – разрез кургана №20

1 – накладки лука (-35 см)
2 – наконечники стрел; 2 экз. (-40 см)
3 – тесло (-32 см)
4 – ножи; 2 экз. (-37; -38 см)
5 – поясная пряжка (-38 см)
6 – железные поясные бляхи; 17 экз. (-38; -40 см)
7 – бронзовые поясные бляхи; 5 экз. (-37; -41 см)
8 – «кольцо-блок» (-38 см)
9 – колчанный крюк (-39 см)
10 – шило (-39 см)
11 – нож в ножнах (-40 см)
12 – трубочка (-40 см)
13 – кости овцы (-38 см)

Рис. 70. Степушка-I, курган №13. План погребения

Рис. 71. Степушка-I, курган №13:
1 – насыпь после зачистки; *2* – разрез насыпи

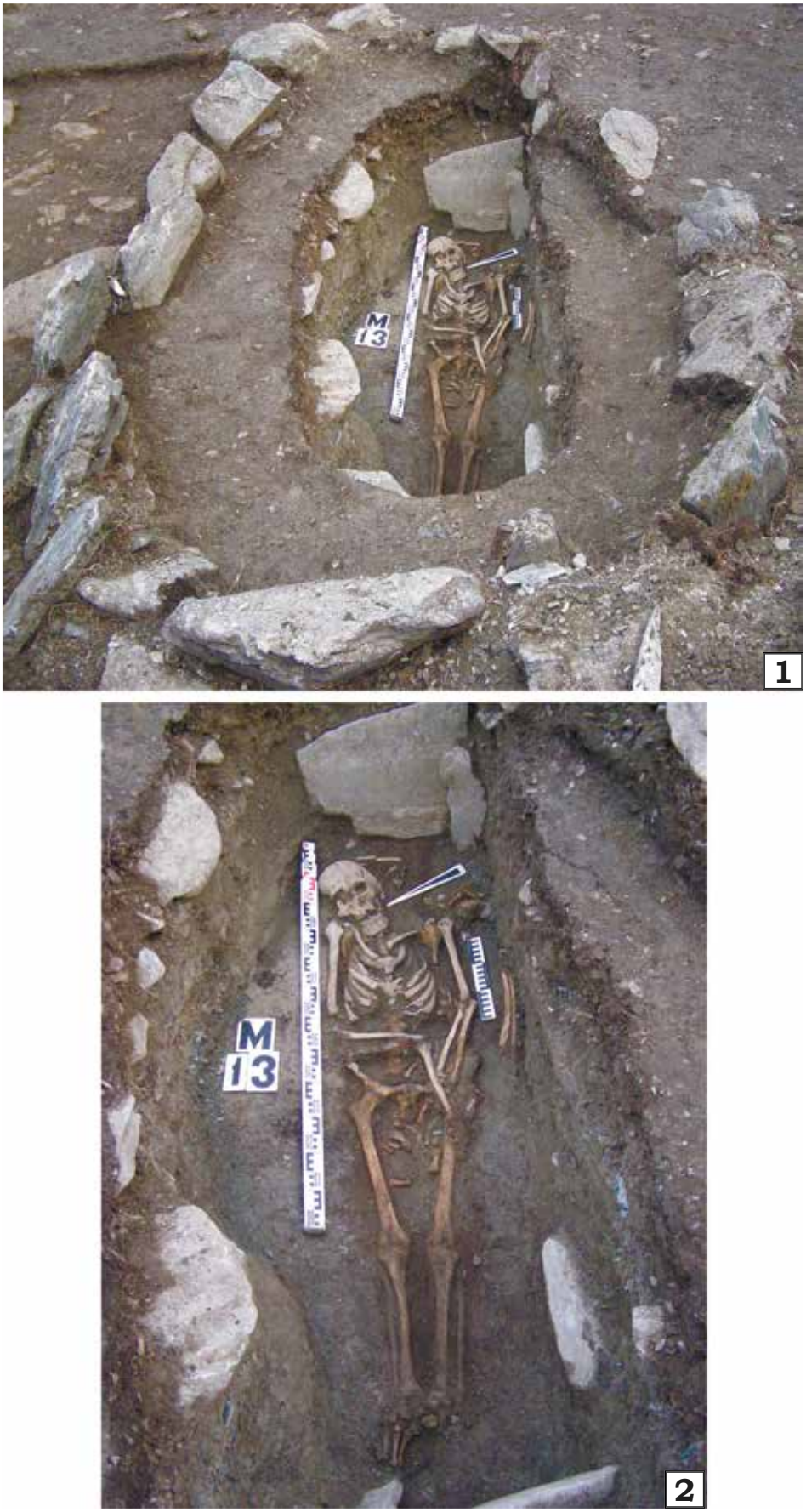

Рис. 72. Степушка-I, курган №13: *1* – кольцевая крепида и зачищенное погребение; *2* – погребение человека в каменной конструкции

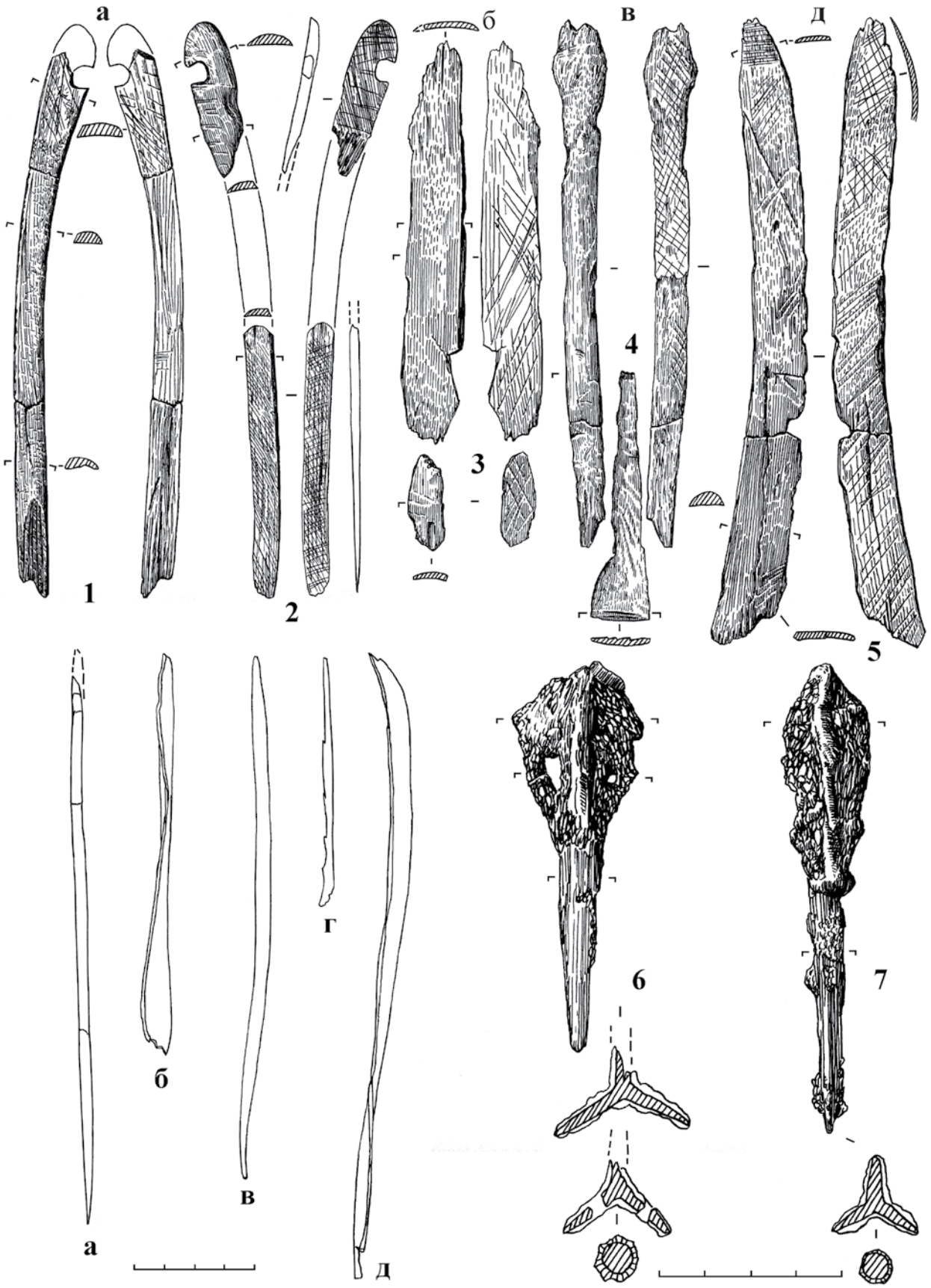

Рис. 73. Степушка-I, курган №13. Предметный комплекс:
1–5 – накладки лука; *6, 7* – наконечники стрел (*1–5 – рог; 6, 7 – железо*)

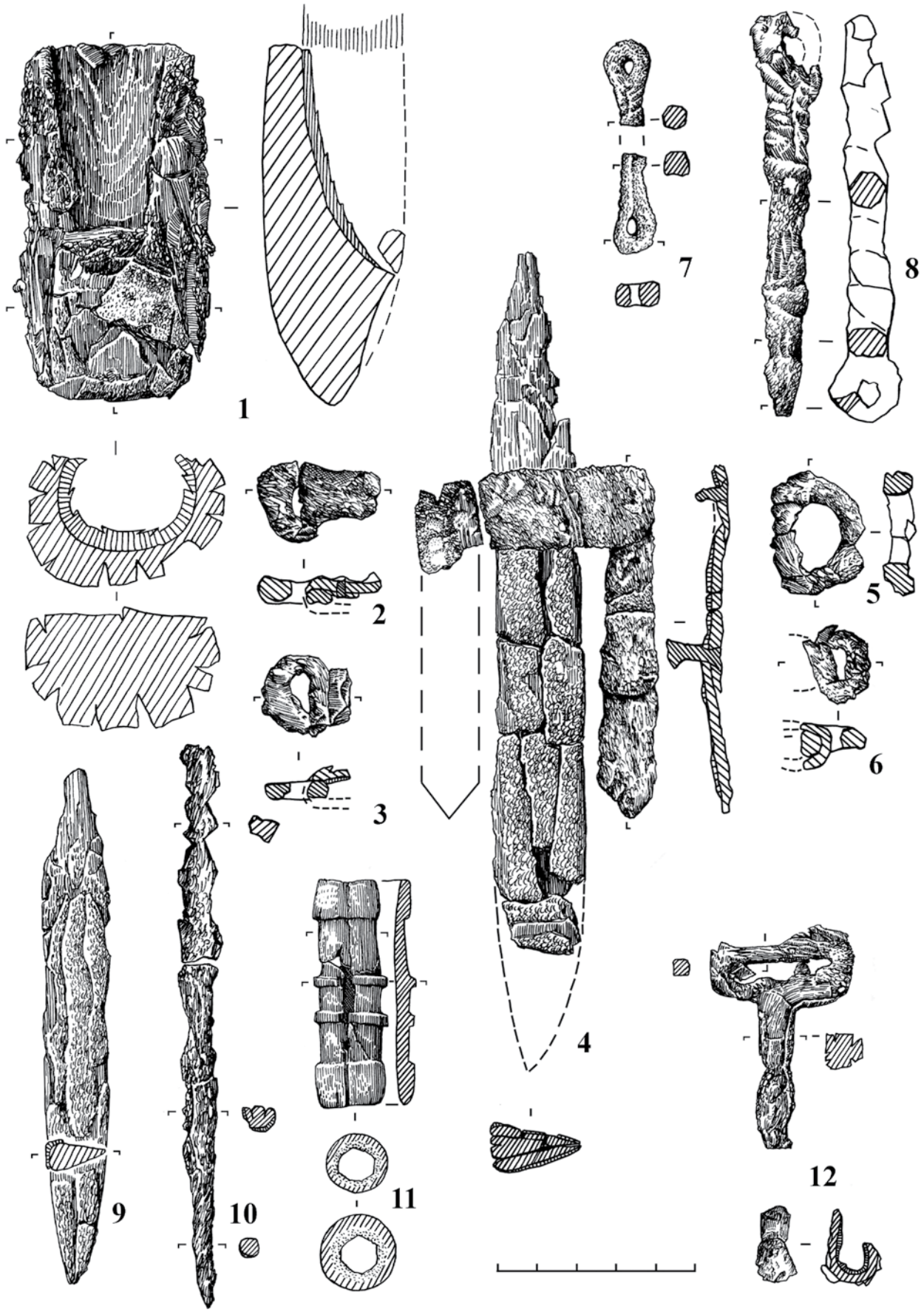

Рис. 74. Степушка-I, курган №13. Предметный комплекс:
1 – тесло; *2, 3, 5–8* – детали крепления ножен; *4* – нож в ножнах; *9* – нож;
10 – шило; *11* – трубочка; *12* – колчанный крюк (*1–10, 12 – железо; 11 – кость*)

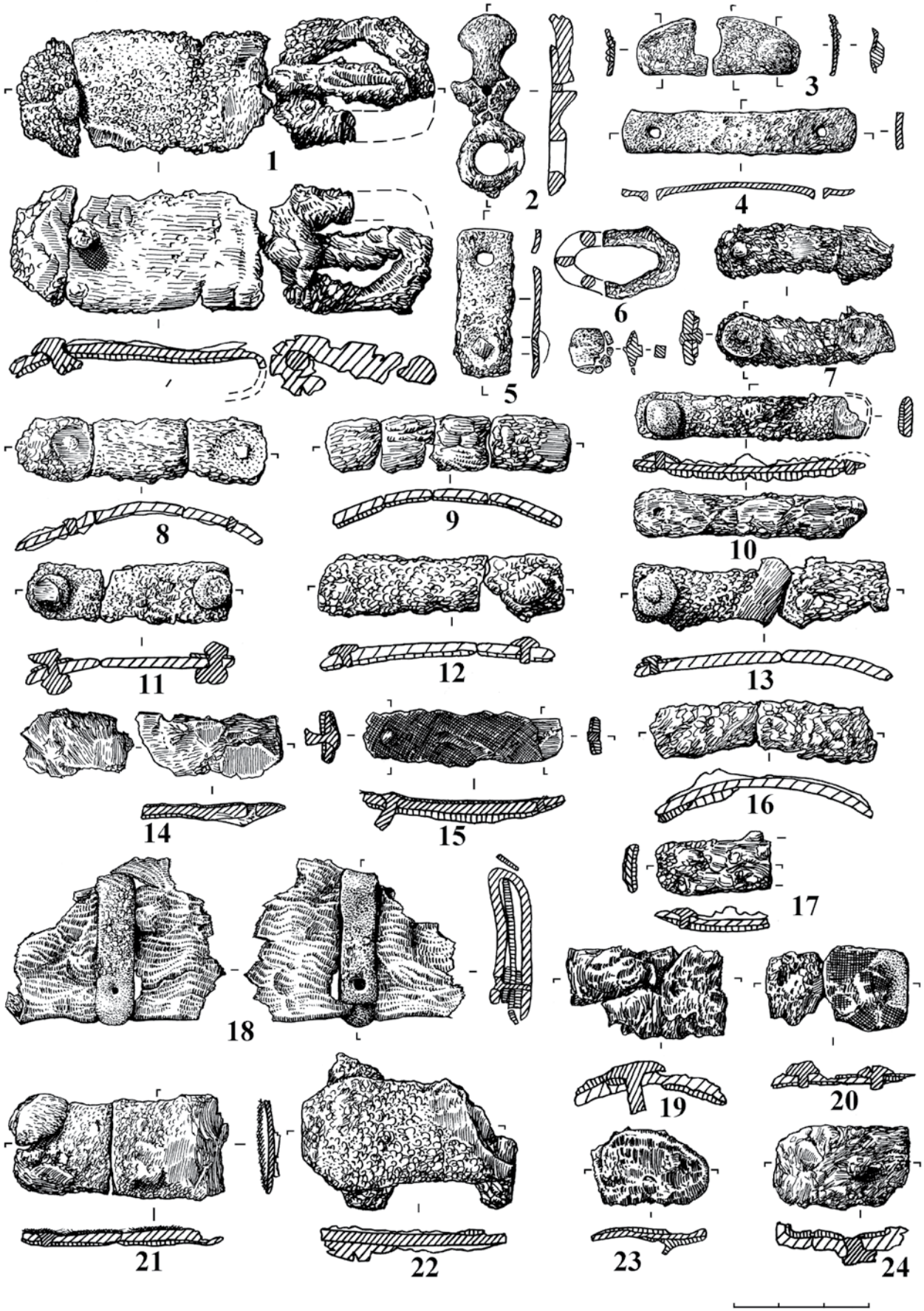

Рис. 75. Степушка-I, курган №13. Предметный комплекс: *1* – поясная пряжка; *2, 3, 4, 5, 7–24* – поясные бляхи; *6* – «кольцо-блок» (*1, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 19–24 – железо; 2–6 – бронза; 7, 10, 13 – железо, бронза; 18 – бронза, кожа*)

Рис. 76. Степушка-I, курган №13:
1–5 – накладки лука; *6, 7* – наконечники стрел

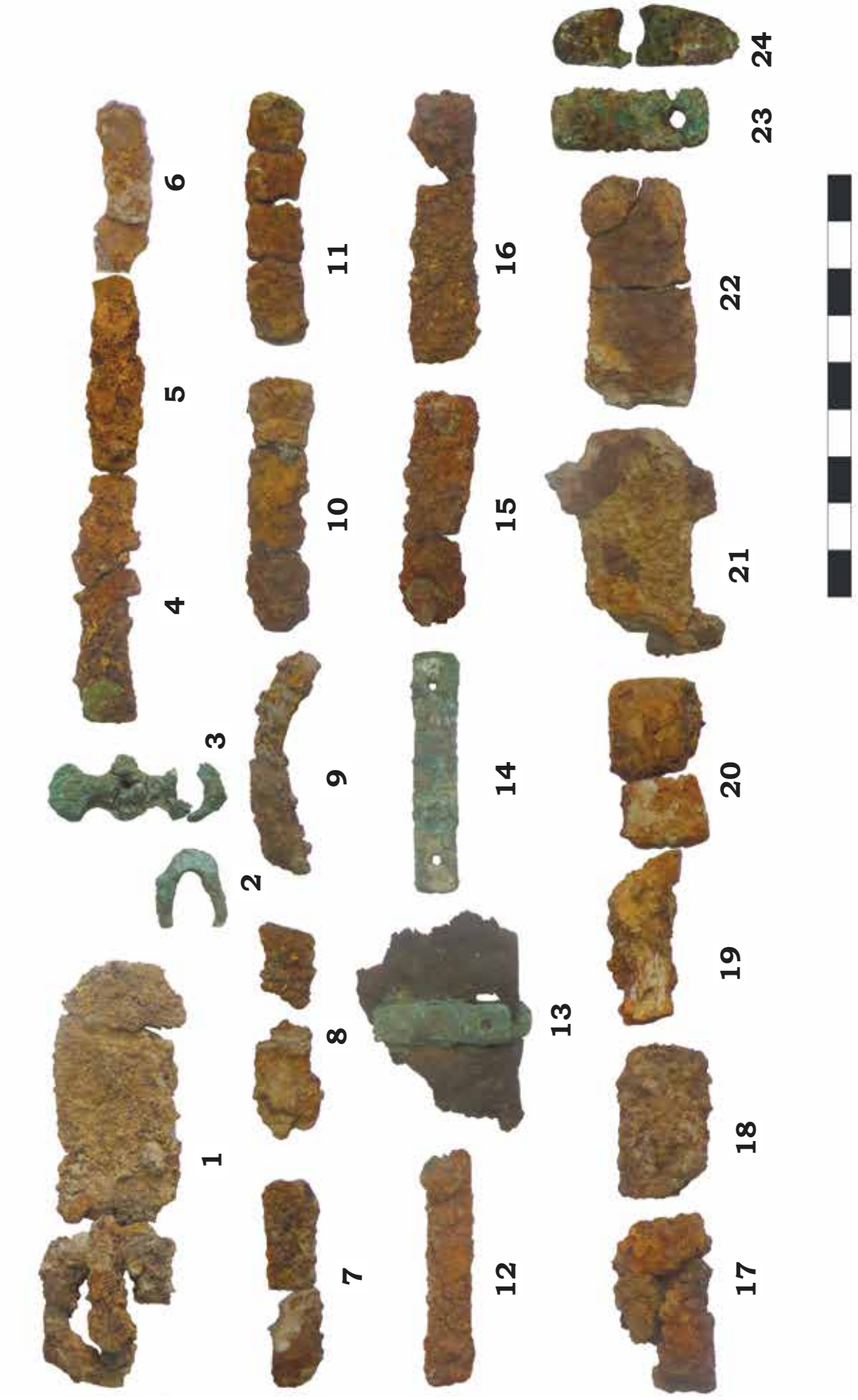

Рис. 77. Степушка-I, курган №13:
1 – поясная пряжка; *2* – «кольцо-блок»; *3–24* – поясные бляхи (отображено в зеркальном виде)

Рис. 78. Степушка-I, курган №13: *1* – колчанный крюк;
2, 4 – звенья цепочки; *3* – накладка от ножен; *5–8* – детали крепления ножен;
9 – шило; *10* – трубочка; *11* – тесло (вид с разных сторон)

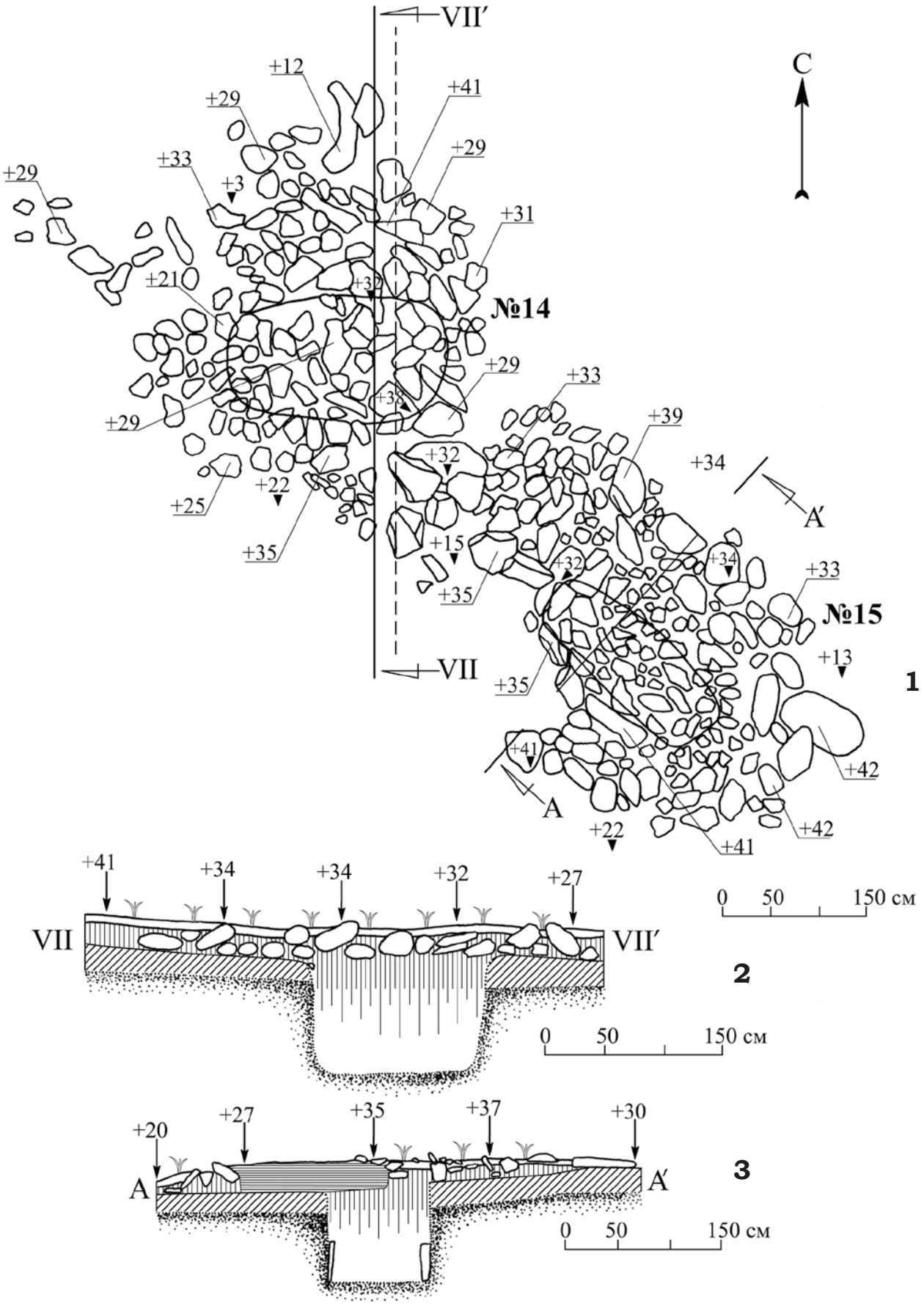

Рис. 79. Степушка-I, курганы №14, 15: *1* – план насыпей; *2* – разрез наземной конструкции и могильной ямы кургана №14; *3* – разрез наземной конструкции и могильной ямы кургана №15

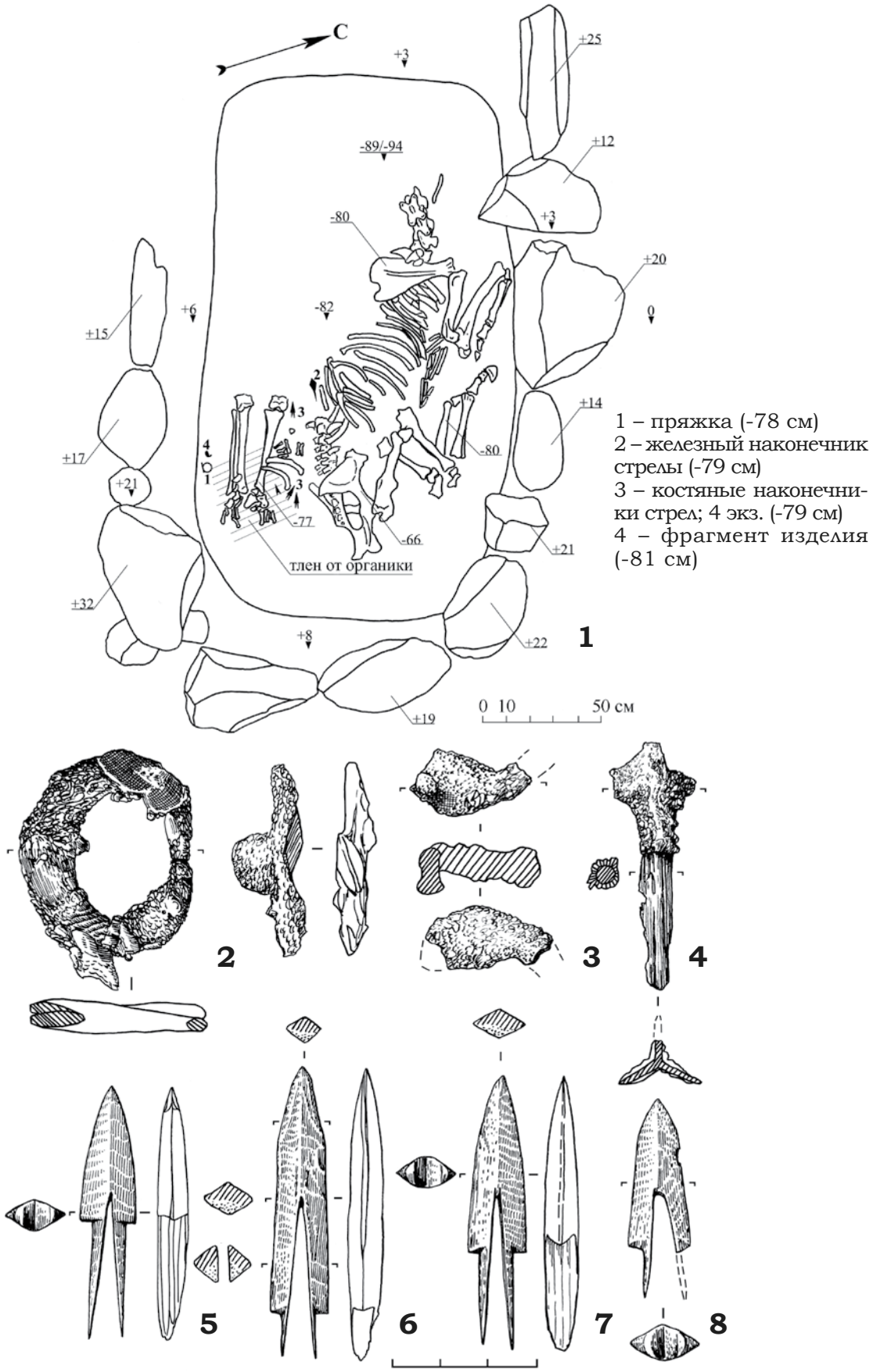

Рис. 80. Степушка-I, курган №14: *1* – план разрушенного погребения человека с лошадью; *2* – пряжка; *3* – фрагмент металлического изделия; *4–8* – наконечники стрел (*2–4 – железо, 5–8 – рог / кость*)

Рис. 81. Степушка-I, курган №14: *1* – насыпь после зачистки;
2 – разрушенная кольцевая крепида и погребение человека с лошадью

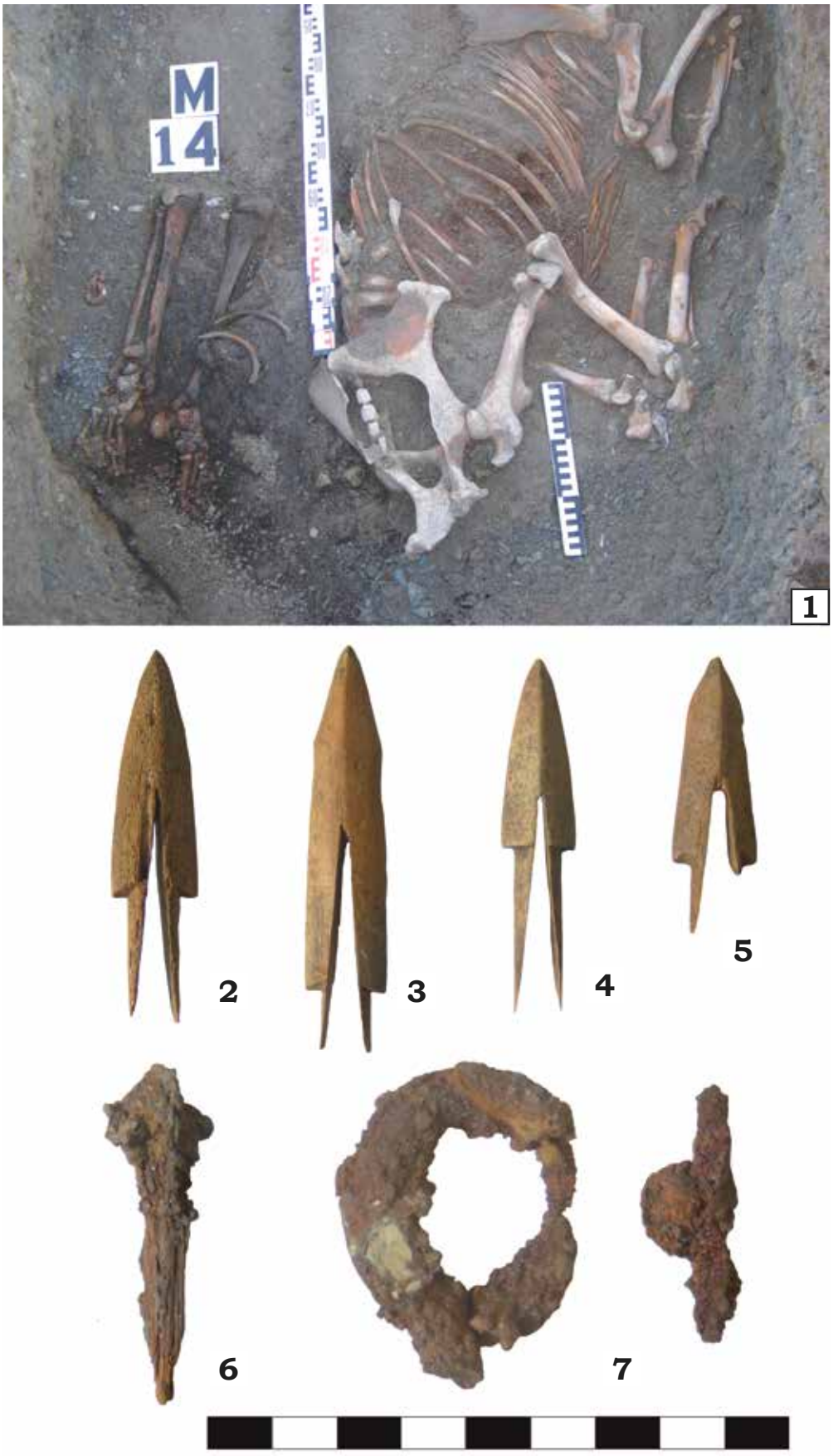
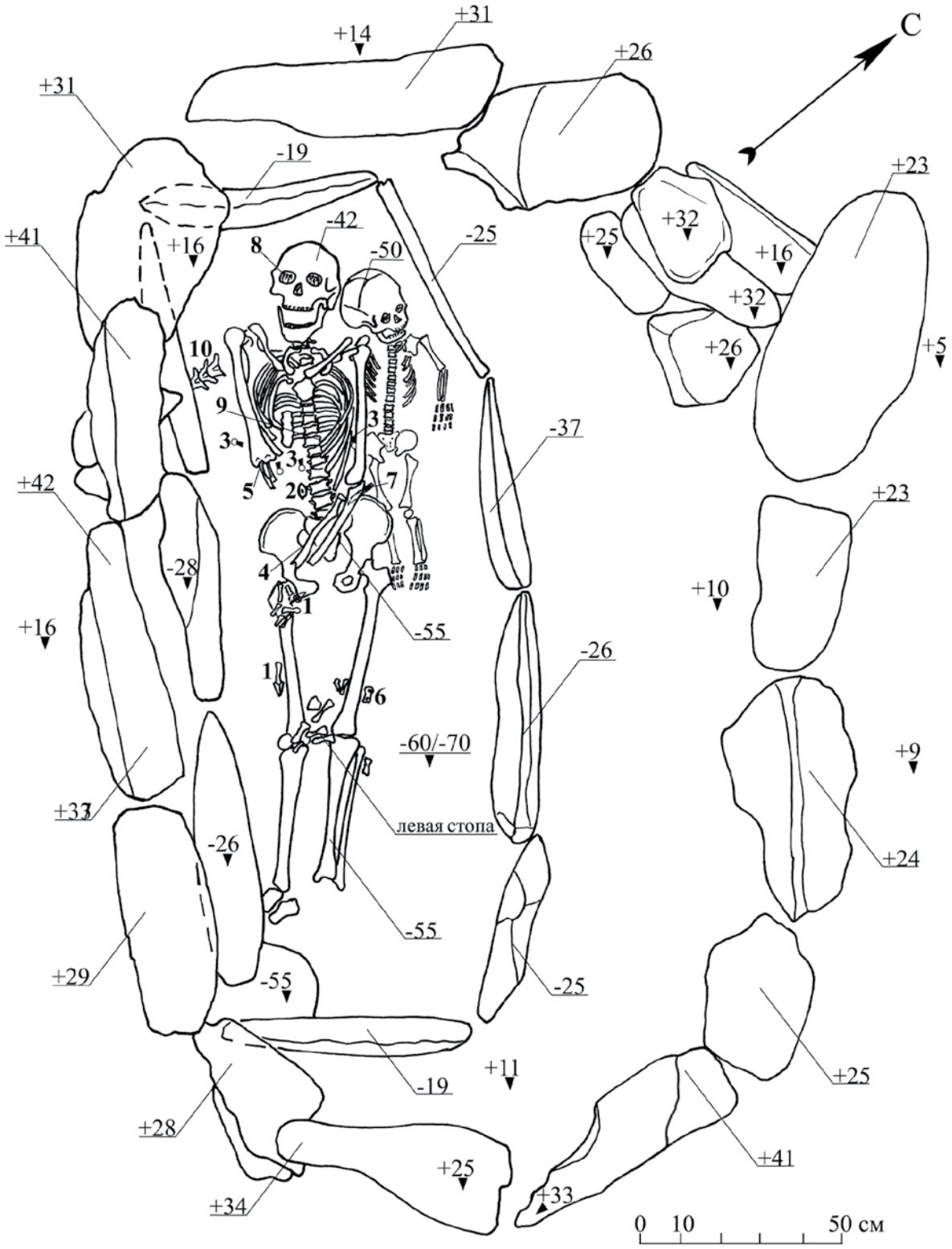

Рис. 82. Степушка-I, курган №14: *1* – разрушенное погребение человека с лошадью (фрагмент); *2–6* – наконечники стрел; *7* – пряжка

1 – железные наконечники стрел; 2 экз. (-56; -58 см)
2 – поясная пряжка (-56 см)
3 – поясные бляхи; 4 экз. (-56; -57 см)
4 – портупейная пряжка (-60 см)
5 – пробой (-56 см)
6 – застежка (-60 см)
7 – нож (-58 см)
8 – костяной наконечник стрелы (-46 см)
9 – «блок» (-60 см)
10 – кости овцы (-57 см)

Рис. 83. Степушка-I, курган №15. План погребения

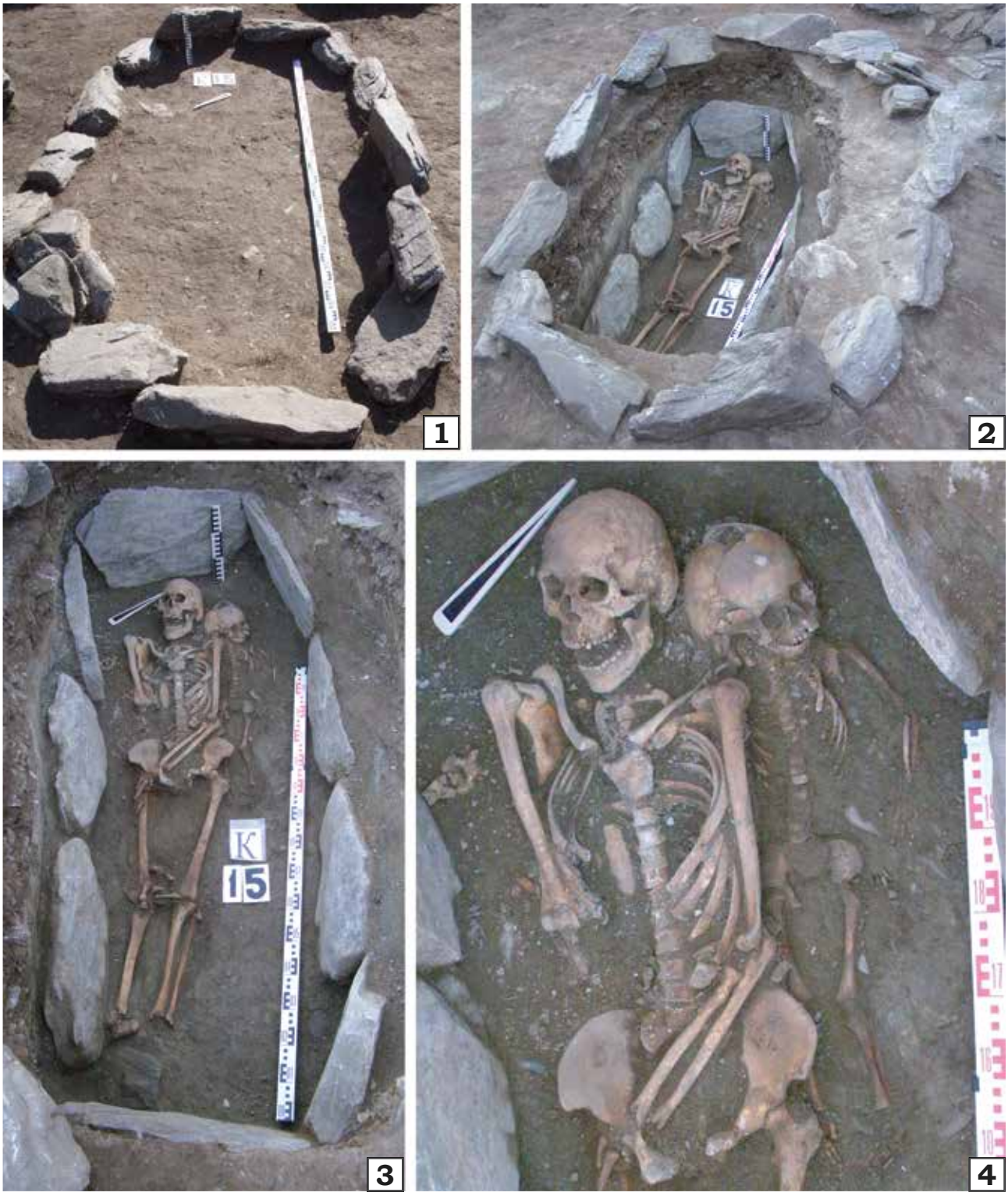

Рис. 84. Степушка-I, курган №15: *1* – кольцевая крепида; *2* – кольцевая крепида с выбранной могильной ямой; *3* – парное погребение в каменном ящике; *4* – следы насильственной смерти на скелете взрослого человека (фрагмент)

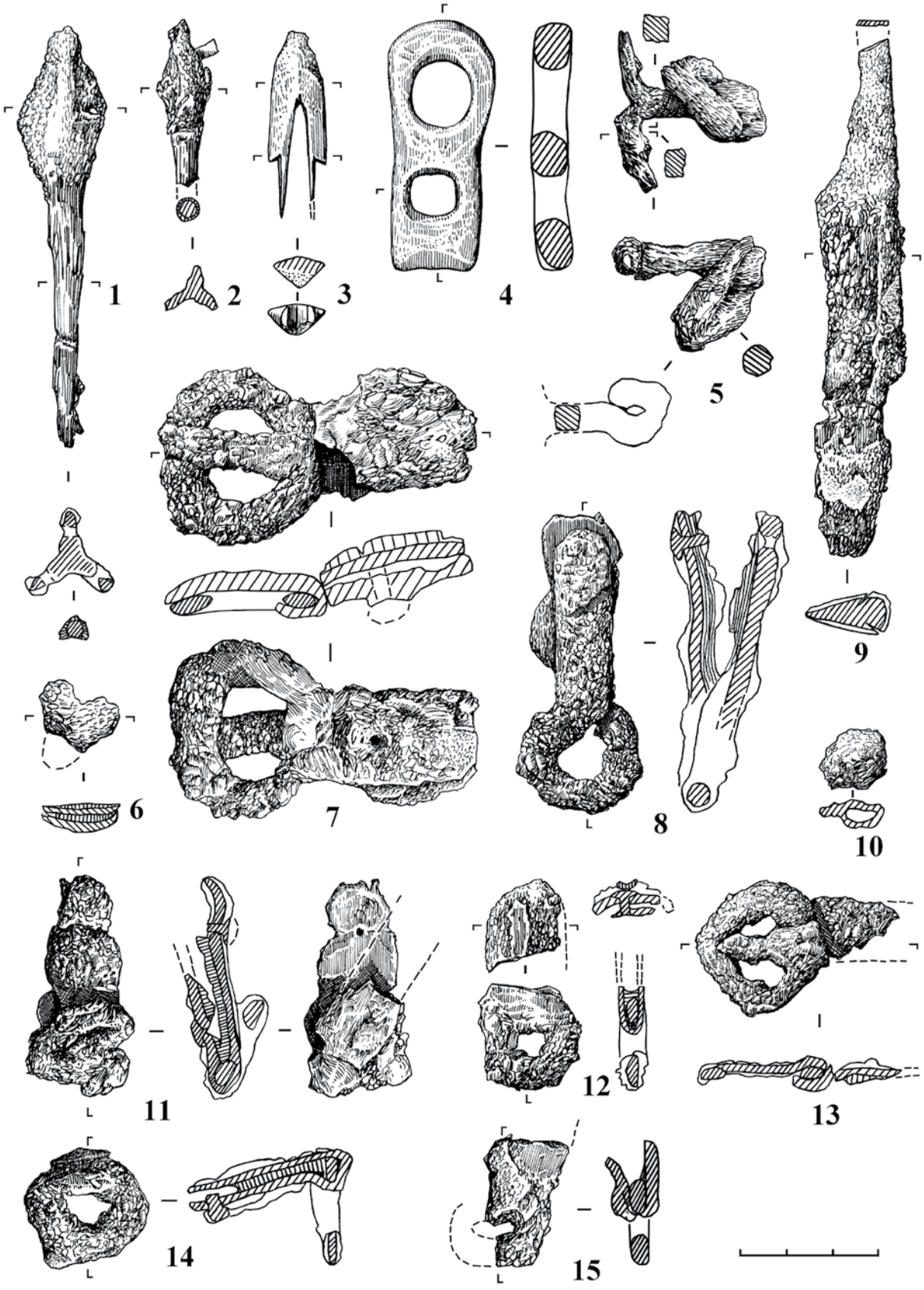

Рис. 85. Степушка-I, курган №15. Предметный комплекс: *1–3* – наконечники стрел; *4* – застежка; *5* – крепление-пробой; *6, 10* – фрагменты изделия; *7* – пряжка основного пояса; *8* – «блок»; *9* – нож; *11, 12, 14, 15* – поясные бляхи-полуобоймы; *13* – портупейная пряжка (*1, 2, 5–15 – железо; 3, 4 – рог / кость*)

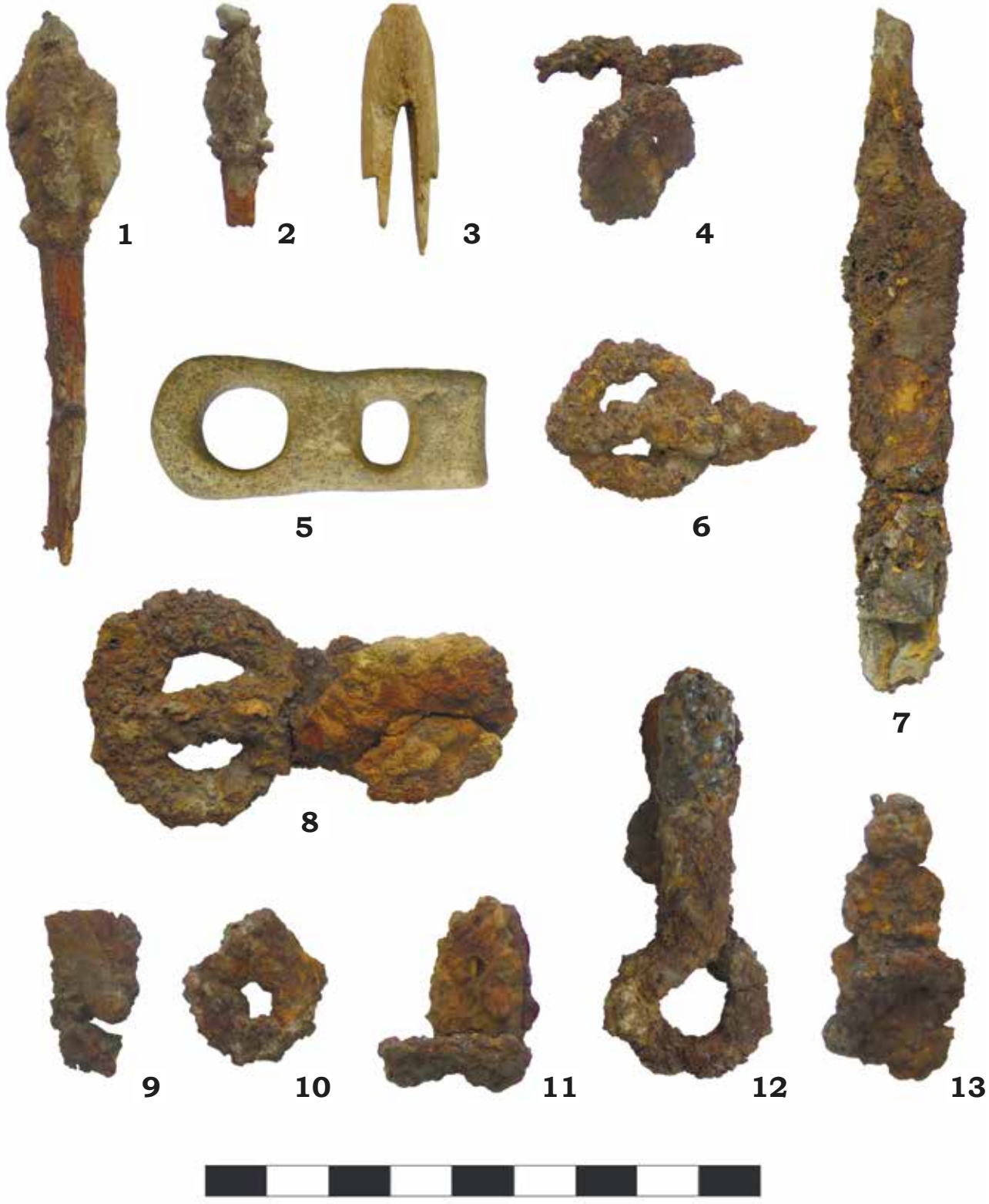

Рис. 86. Степушка-I, курган №15:
1–3 – наконечники стрел; *4* – крепление-пробой; *5* – застежка;
6, 8 – пряжки; *7* – нож; *9–11, 13 – поясные бляхи-полуобоймы; 12 – «блок»*

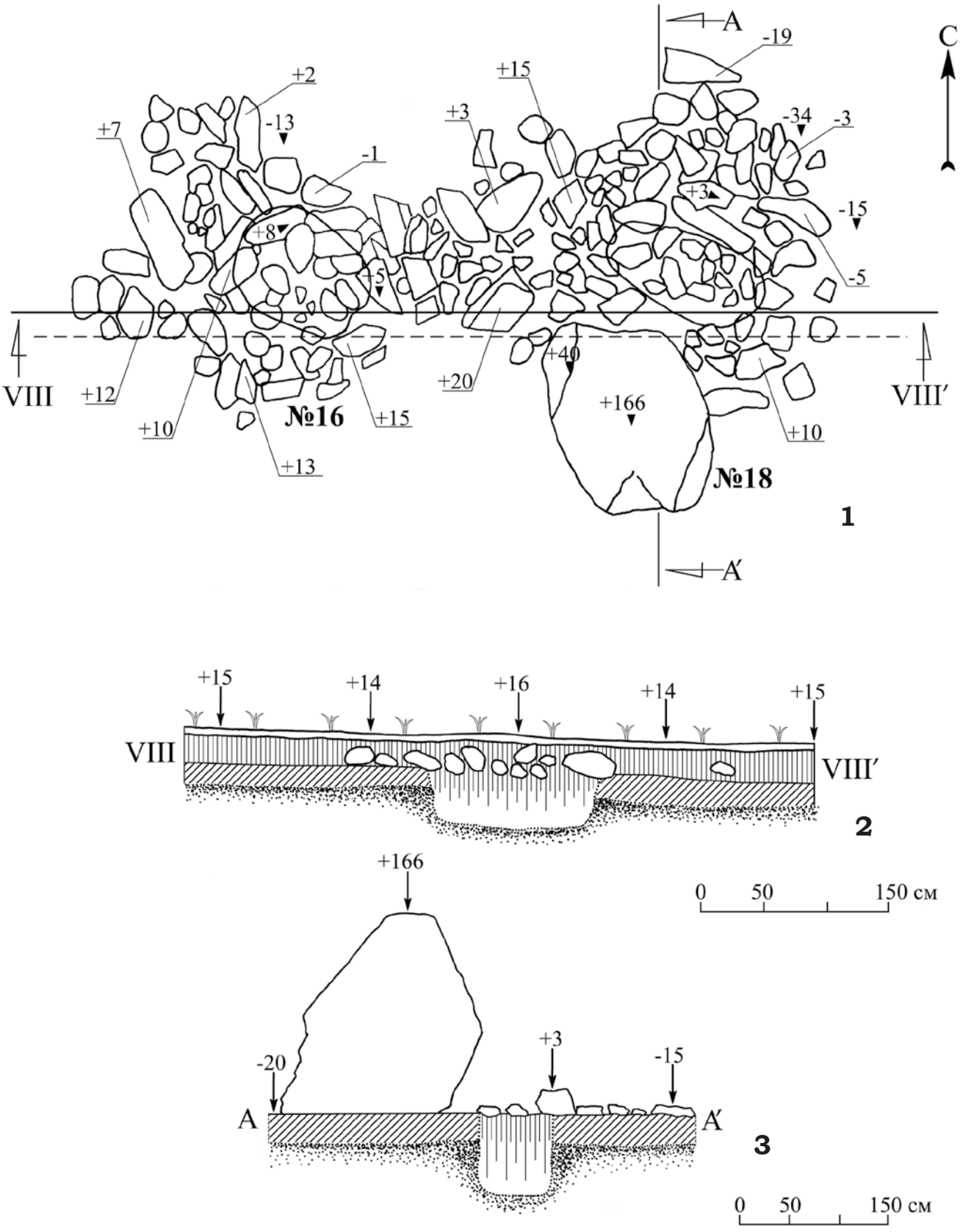
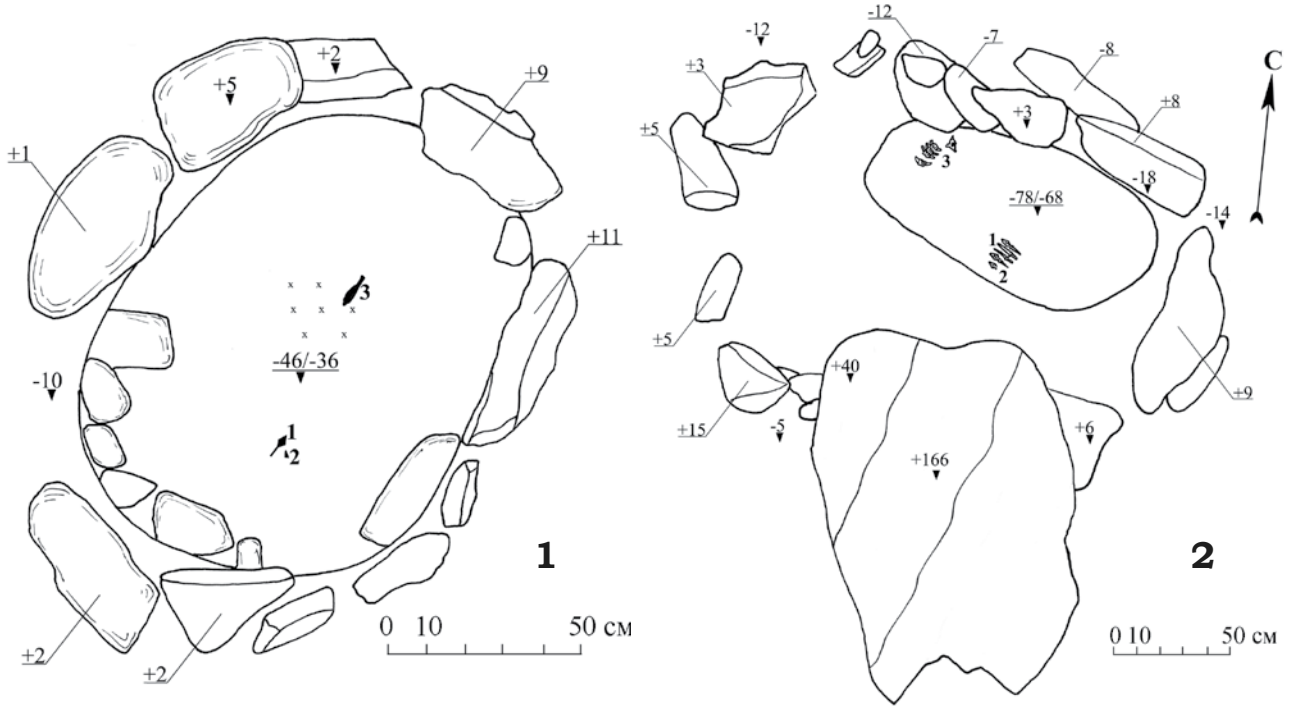

Рис. 87. Степушка-I, курганы №16, 18: *1* – план насыпей;
2 – разрез наземной конструкции и могильной ямы кургана №16;
3 – разрез наземной конструкции и могильной ямы кургана №18

1 – наконечники стрел; 2 – нож (-46 см)
2 экз. (-46 см) 3 – инструмент (-48 см)

1 – наконечники стрел; 2 – нож (-78 см)
4 экз. (-78 см) 3 – кости овцы (-76 см)

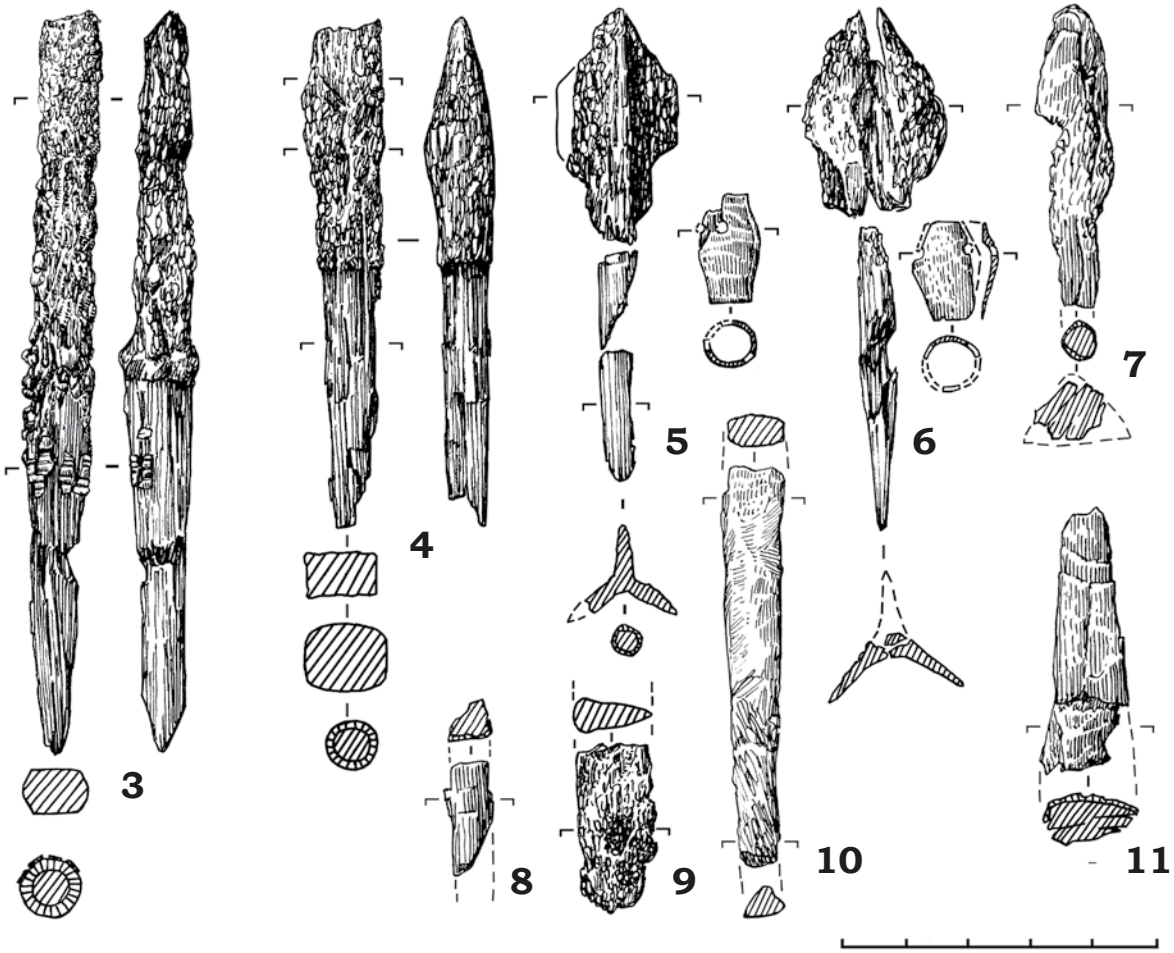

Рис. 88. Степушка-I, курганы №16, 18: *1* – план погребения-кенотафа в кургане №16; *2* – план-погребения кенотафа в кургане №18; *7, 8, 10, 11* – предметный комплекс из кургана №16 (7, 8 – наконечники стрел; 10 – инструмент; 11 – нож); *3, 4, 5, 6, 9* – предметный комплекс из кургана №18 (3–6 – наконечники стрел; 9 – нож) (*3, 4, 7–11 – железо; 5, 6 – железо, рог / кость*)

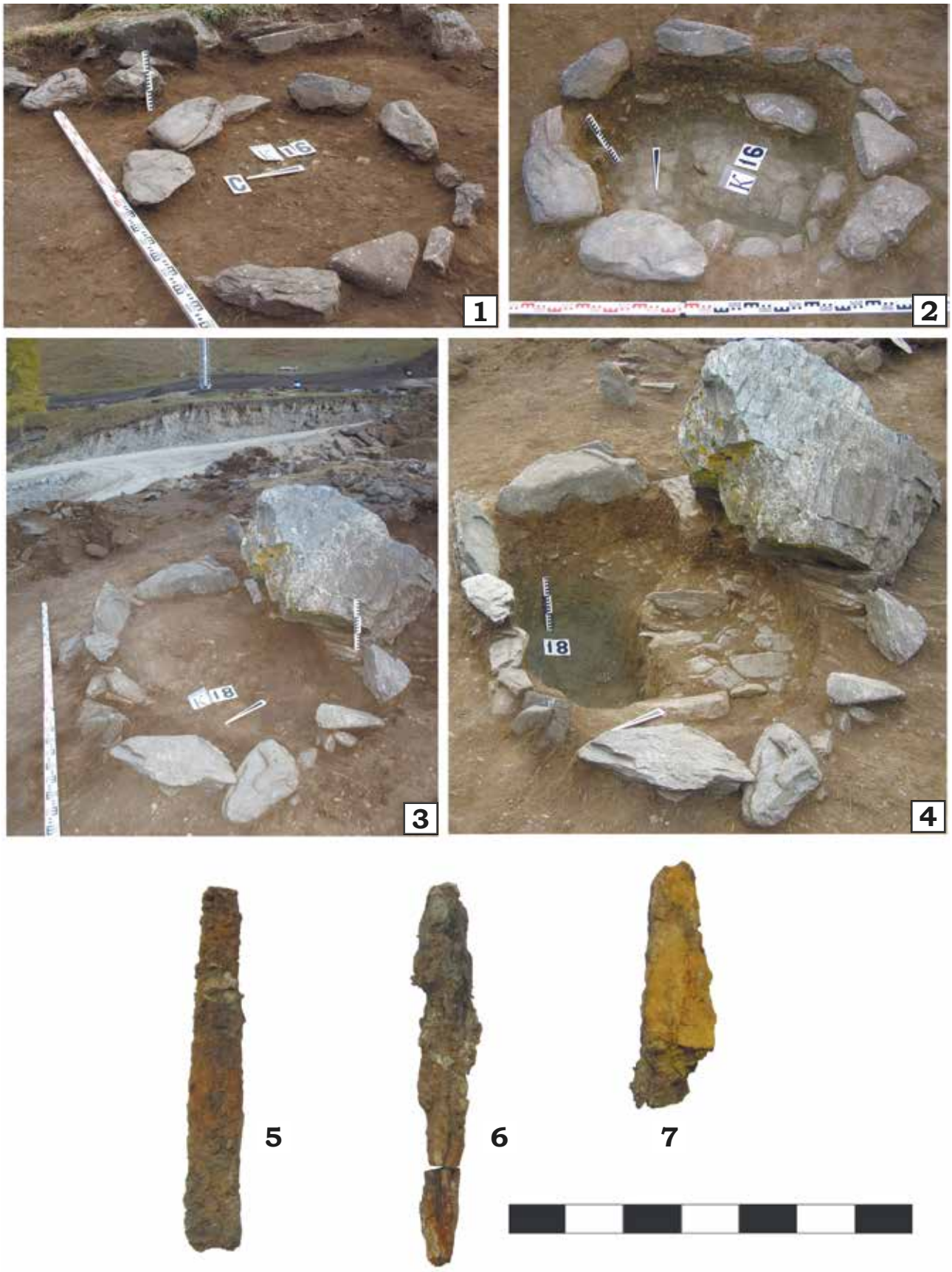
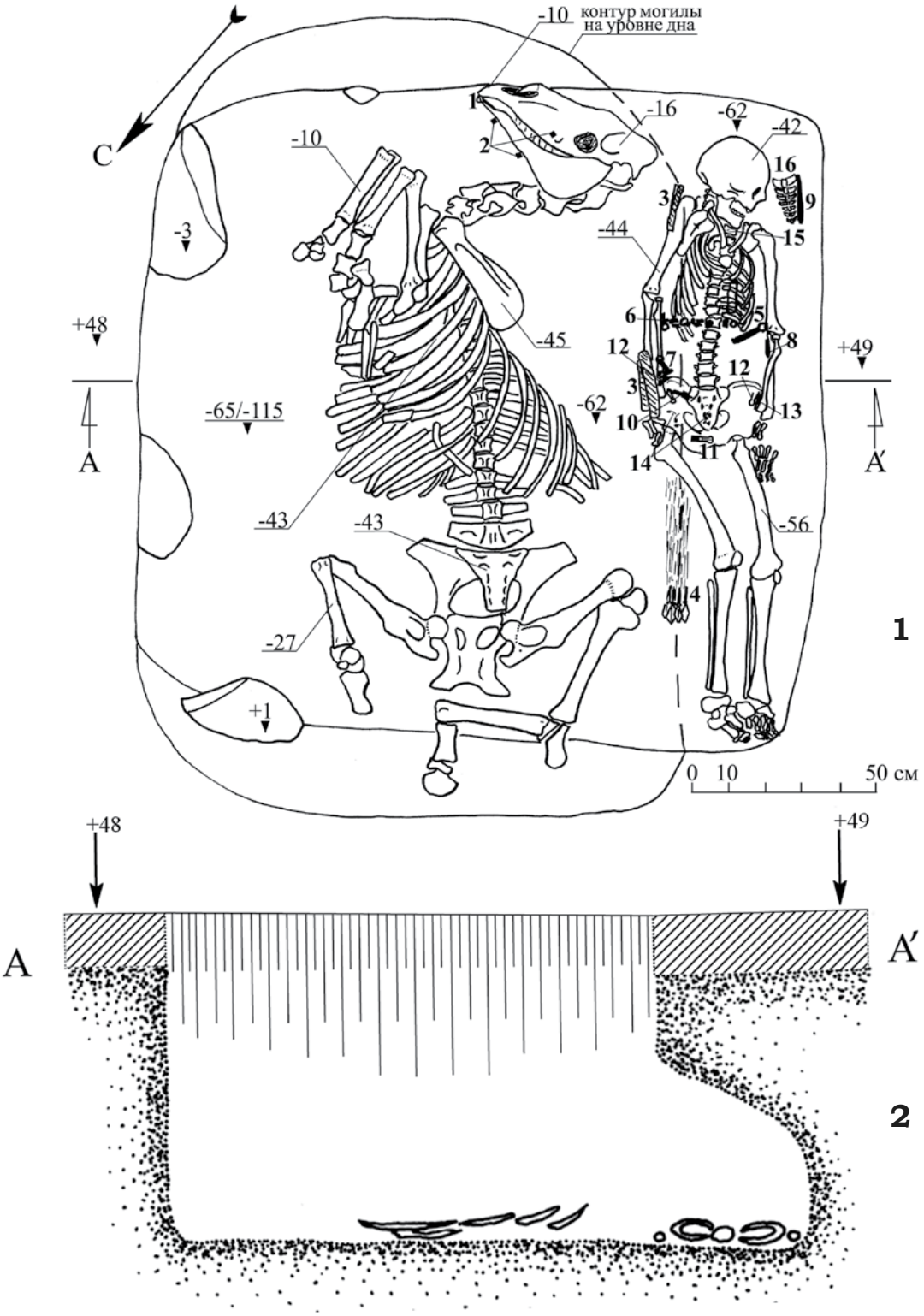

Рис. 89. Степушка-I, курганы №16 (1, 2, 5–7), 18 (3, 4):
1, 2 – кольцевая крепида курганов; *3, 4* – кольцевая крепида с выбранной могильной ямой; *5* – инструмент; *6* – наконечник стрелы; *7* – нож

1 – удила (-20 см)
2 – уздечные бляхи; 5 экз. (-14; -24 см)
3 – накладки лука (-45 см)
4 – наконечники стрел; 7 экз. (-51 см)
5 – пряжка основного пояса (-51 см)
6 – поясные бляхи; 66 экз. (-51; -54; -55 см)
7 – колчанный крюк (-46 см)
8 – наконечник ремня (-55 см)
9 – нож (-56 см)
10 – боевой нож в ножнах (-57 см)
11 – портупейная пряжка (-58 см)
12 – блоки; 2 экз. (-47; -56 см)
13 – шило (-56 см)
14 – цепочки; 4 экз. (-58 см)
15 – шнурок (-45 см)
16 – кости овцы (-57 см)

Рис. 90. Степушка-I, курган №17:
1 – план погребения человека с лошадью; *2* – разрез погребения

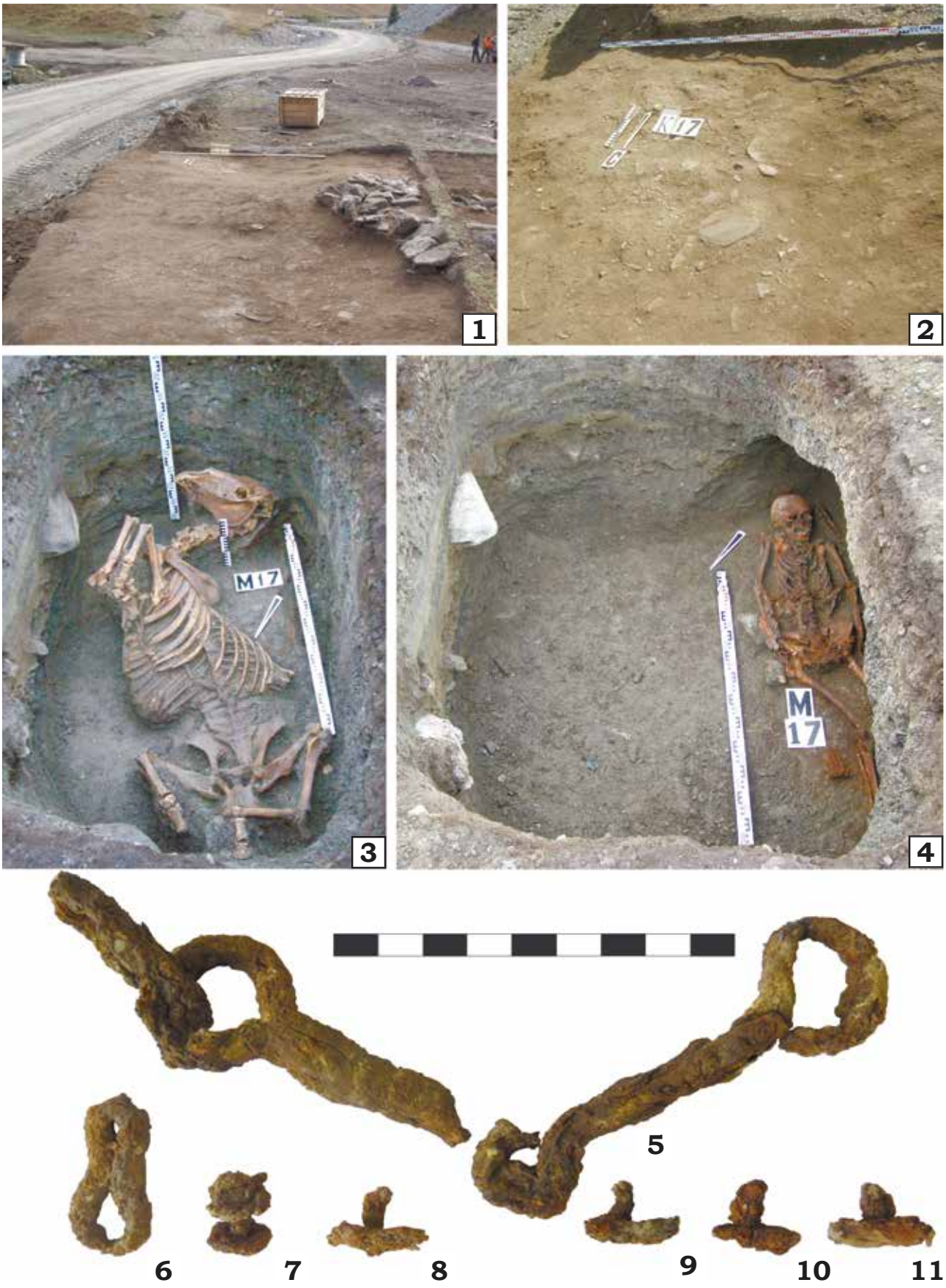

Рис. 91. Степушка-I, курган №17: *1* – вид на уничтоженную насыпь; *2* – пятно могильной ямы; *3* – захоронение лошади во «входной» части могилы с подбоем; *4* – погребение человека в подбое; *5* – удила; *6* – застежка; *7–11* – уздечные бляхи

Рис. 92. Степушка-I, курган №17: *1* – погребение человека в подбое;
2 – погребение человека (фрагмент); *3* – железные детали наборного пояса;
4 – железная гарнитура в области таза; *5* – железные наконечники стрел в области ног человека

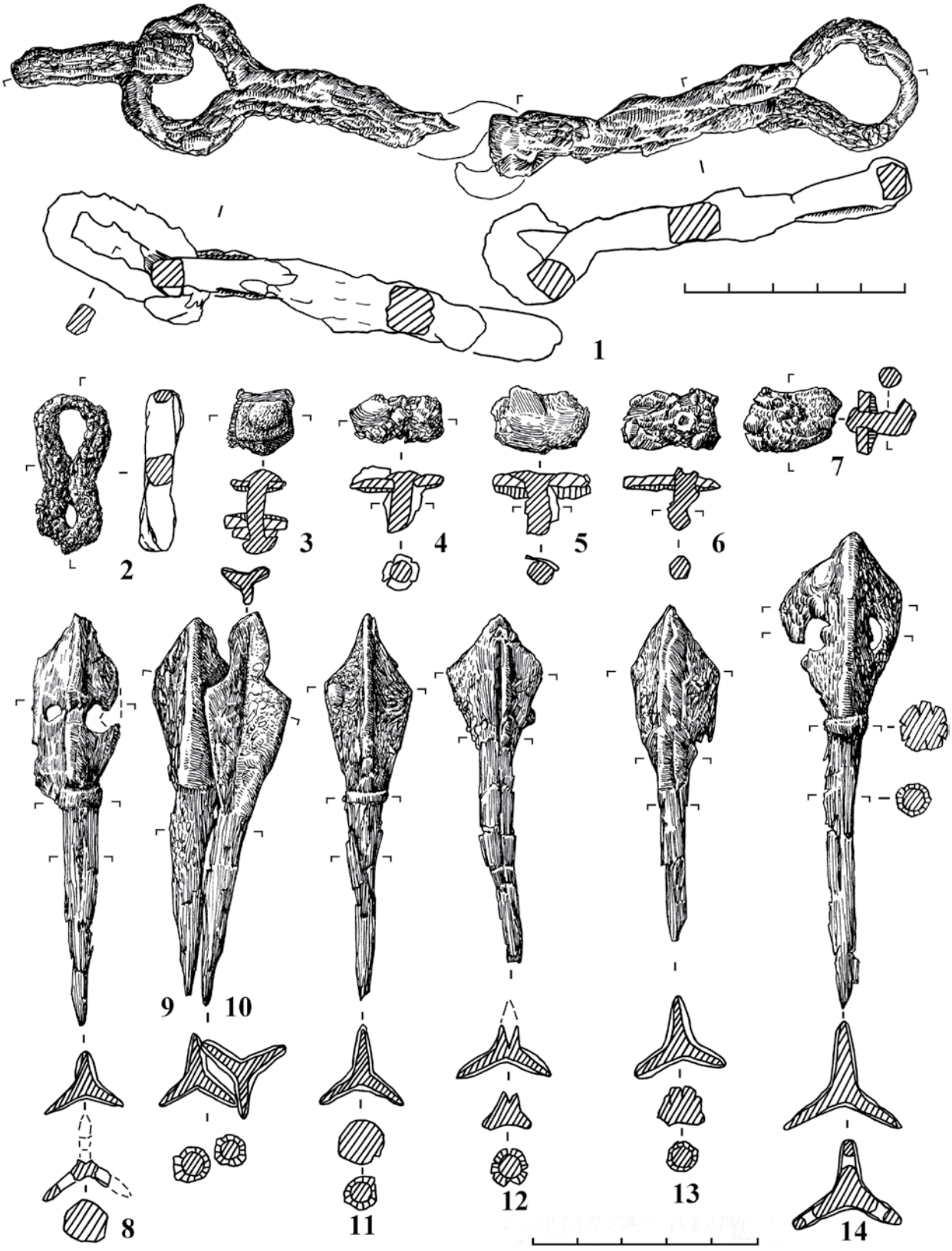

Рис. 93. Степушка-I, курган №17. Предметный комплекс:
1 – удила; *2* – застежка; *3–7* – уздечные бляхи; *9–14* – наконечники стрел (*1–14 – железо*)

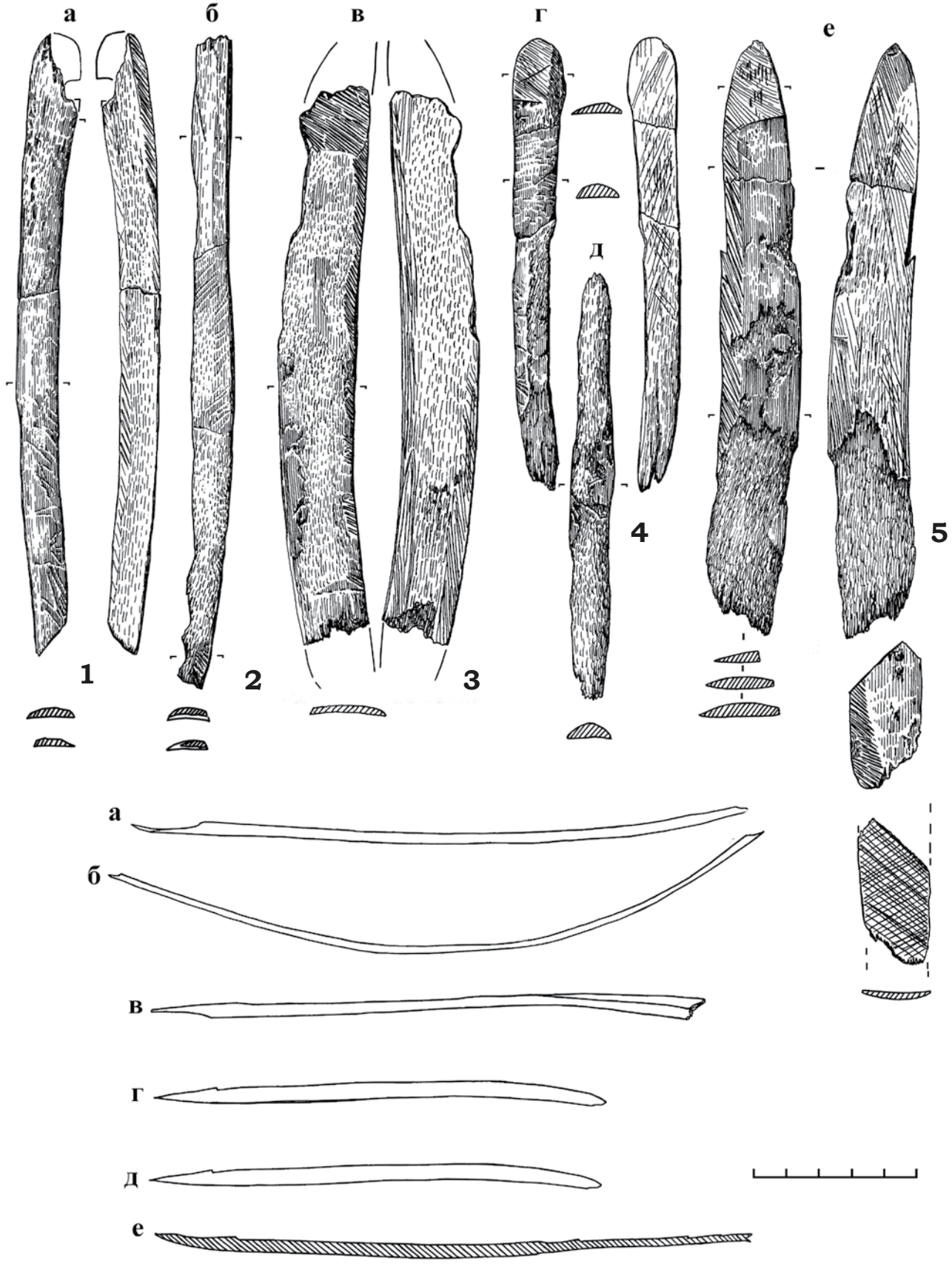

Рис. 94. Степушка-I, курган №17. Предметный комплекс:
1–5 – роговые накладки лука

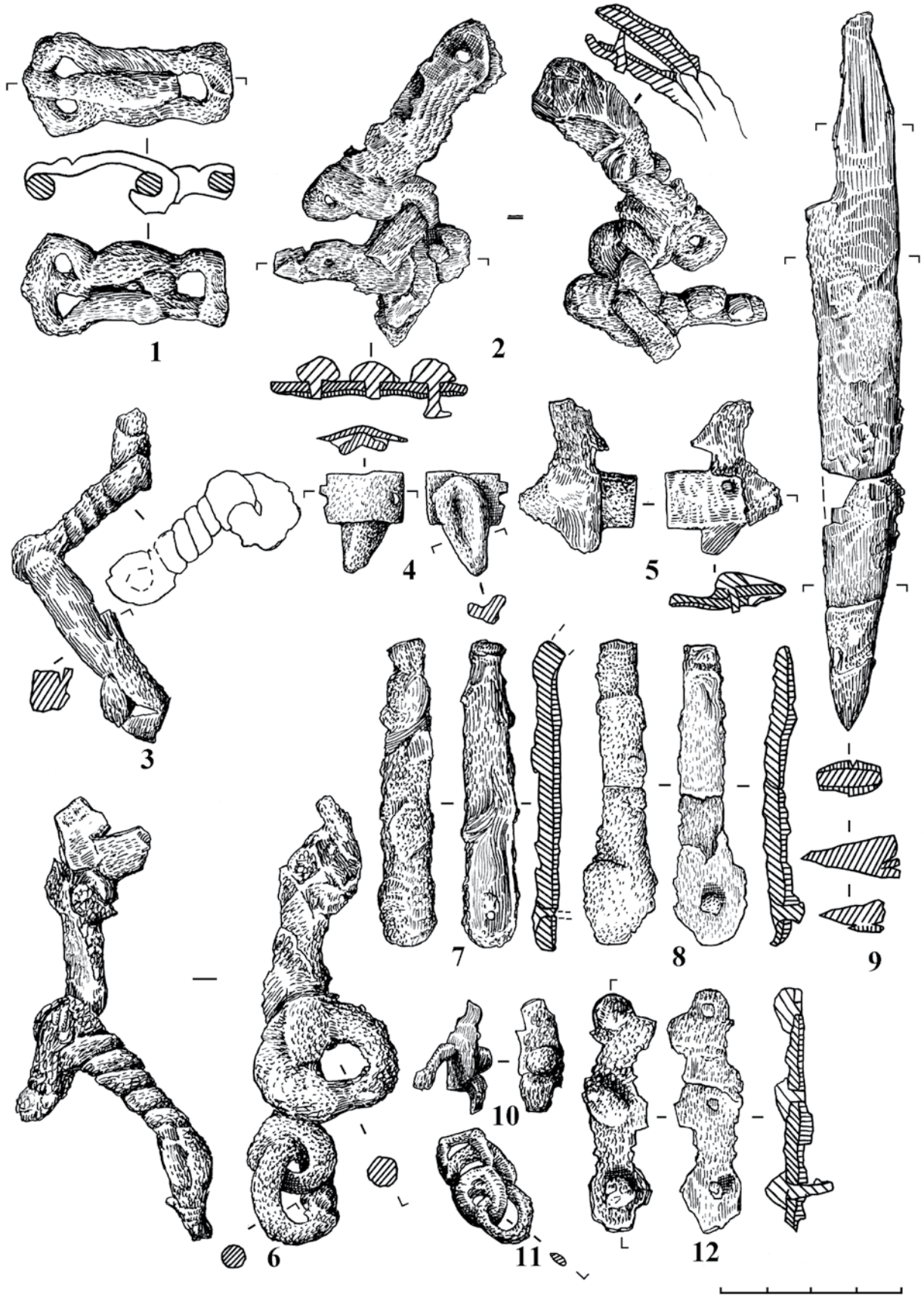

Рис. 95. Степушка-I, курган №17. Предметный комплекс:
1 – портупейная пряжка; *2–8, 10, 12* – детали ножен (бортики, звенья цепочки);
9 – нож; *11* – цепочка из колец (*1–12 – железо*)

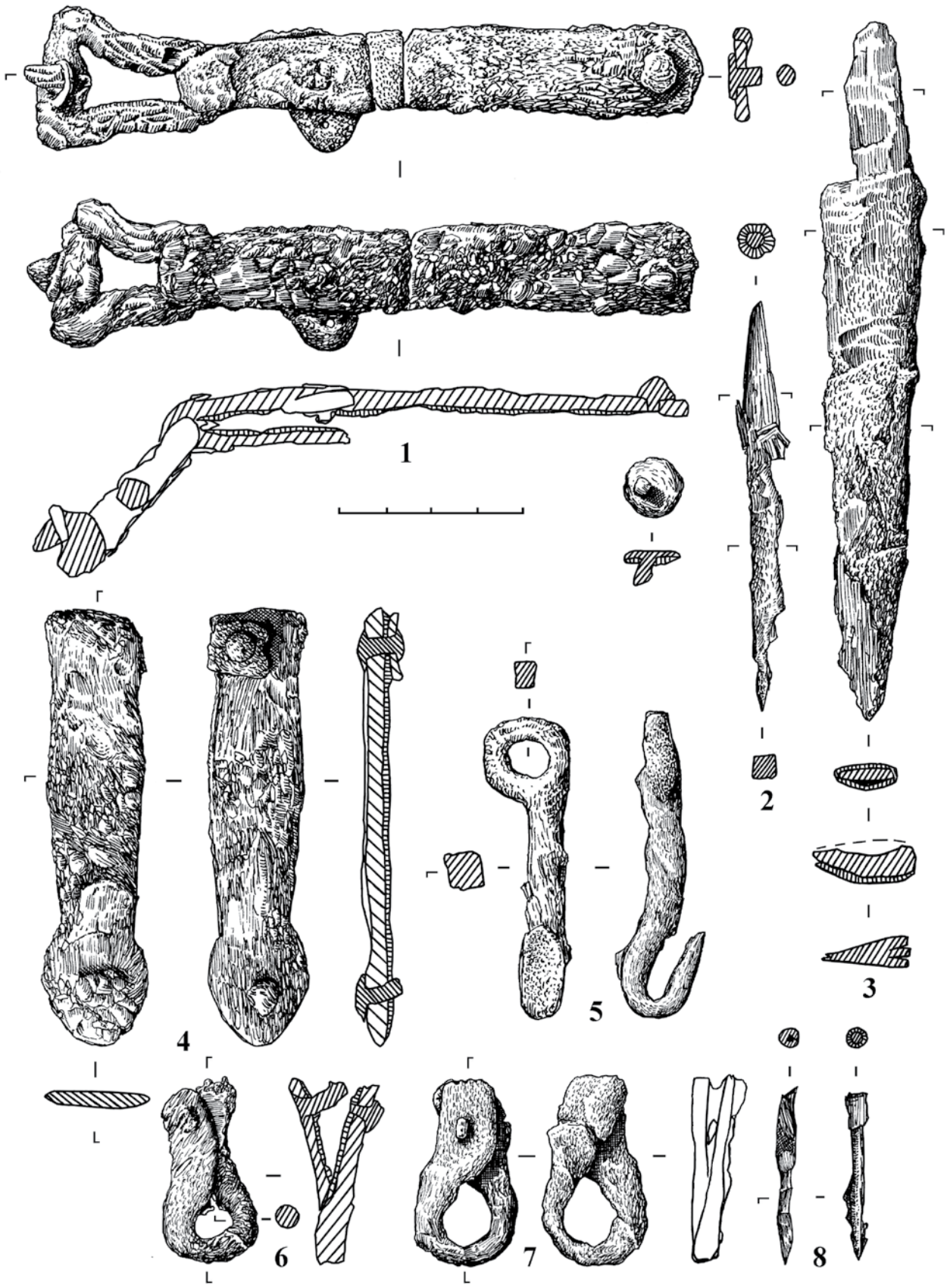

Рис. 96. Степушка-I, курган №17. Предметный комплекс:
1 – поясная пряжка; *2* – шило; *3* – нож; *4* – наконечник ремня;
5 – колчанный крюк; *6, 7* – «блоки»; *8* – «шнурок» (*1–7 – железо, 8 – кожа*)

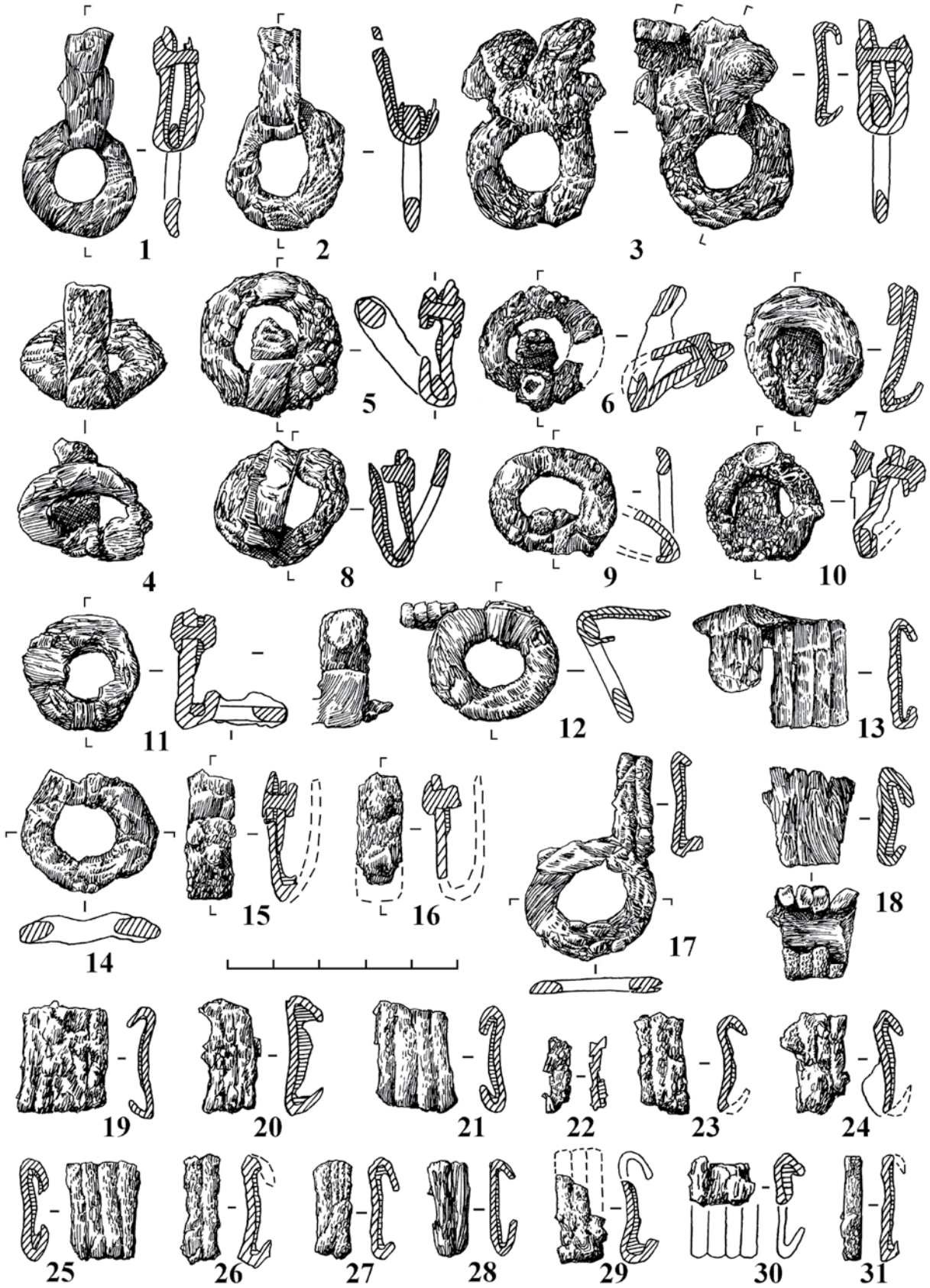

Рис. 97. Степушка-I, курган №17. Предметный комплекс:
1–12, 14–17 – поясные бляхи-полуобоймы;
3, 13, 17, 18–31 – поясные бляхи-зажимы (*1–31 – железо*)

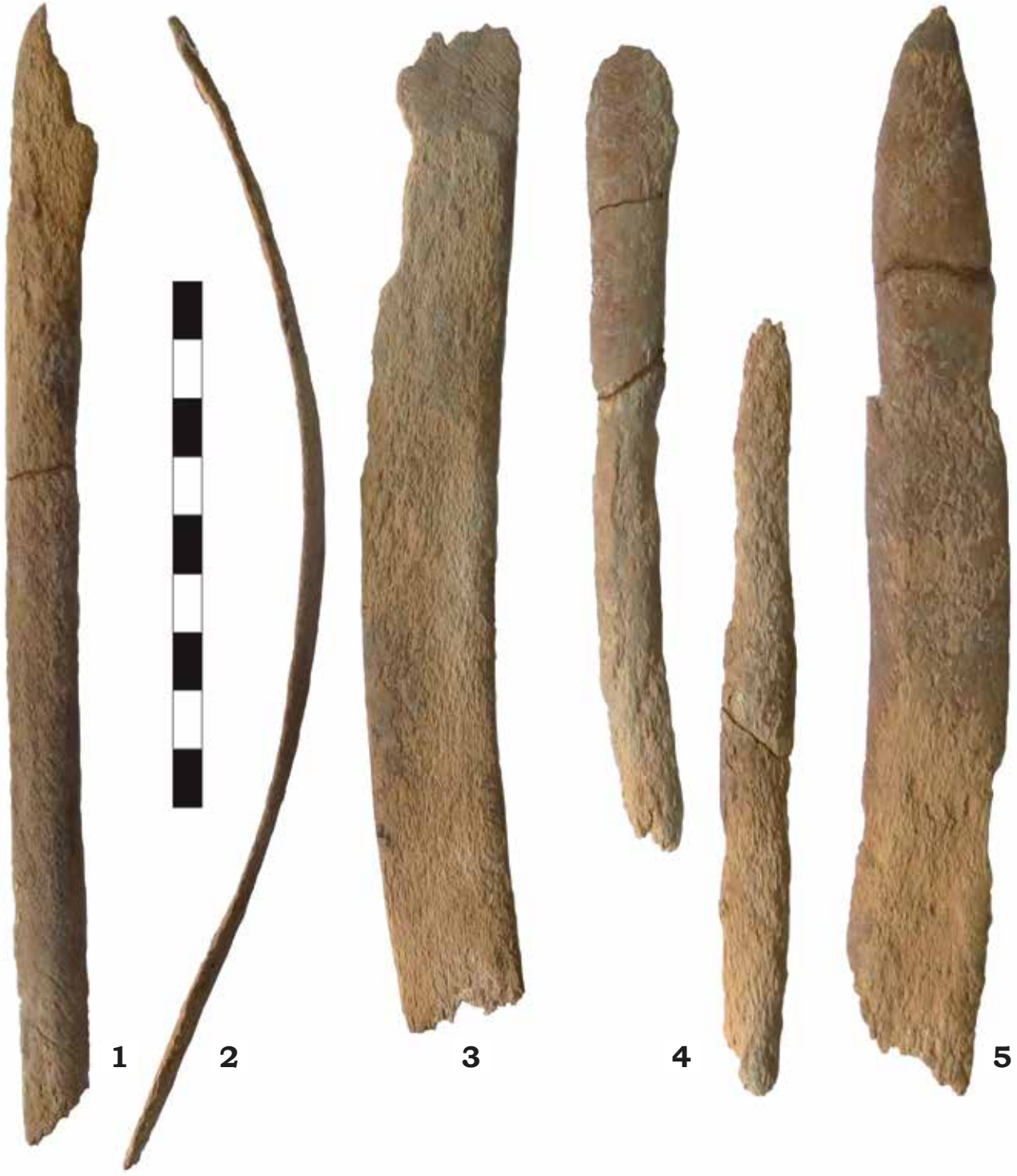

Рис. 98. Степушка-I, курган №17: накладки лука

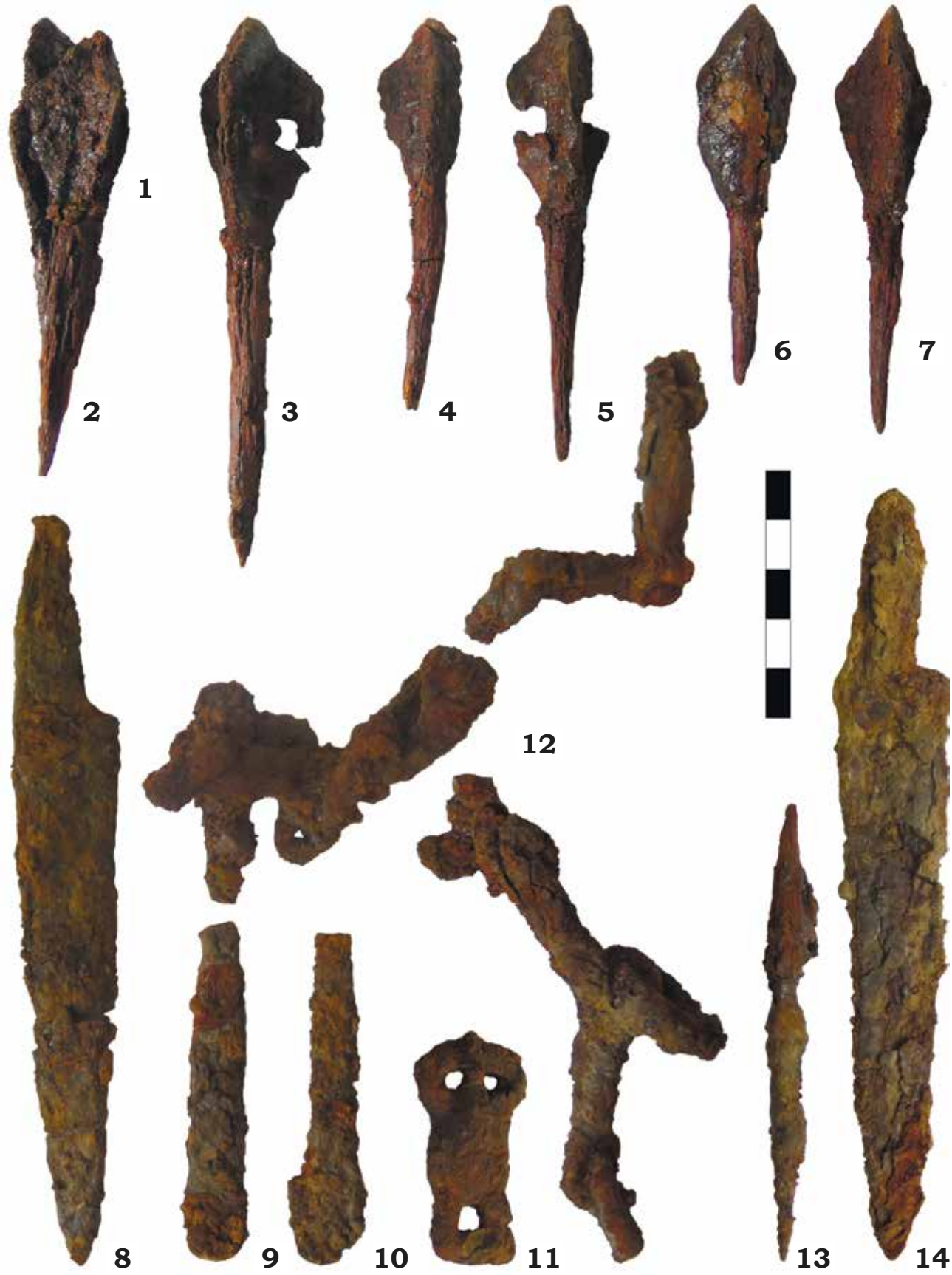
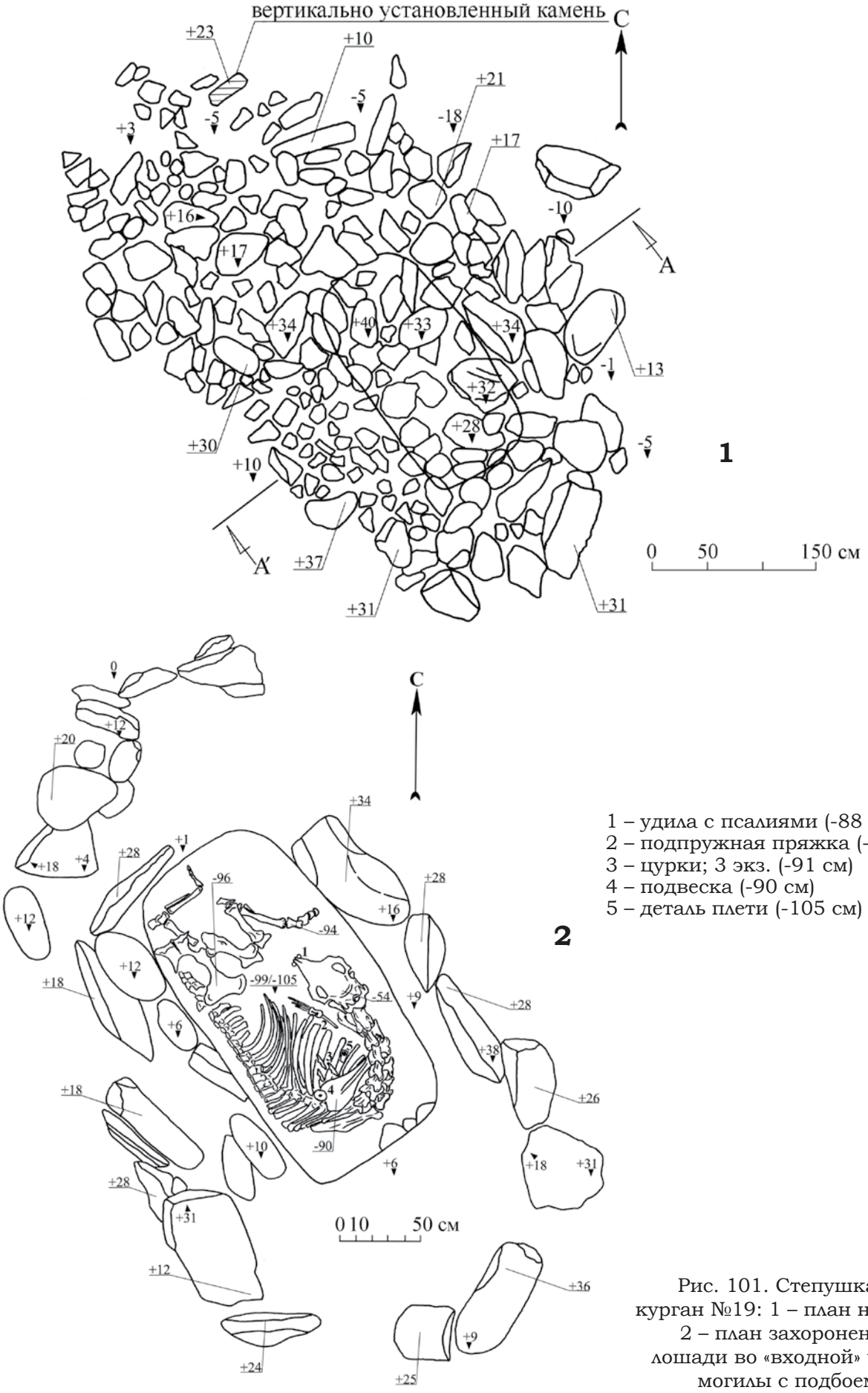

Рис. 99. Степушка-I, курган №17: *1–7* – наконечники стрел; *8, 14* – ножи; *9, 10, 12* – детали ножен; *11* – портупейная пряжка; *13* – шило

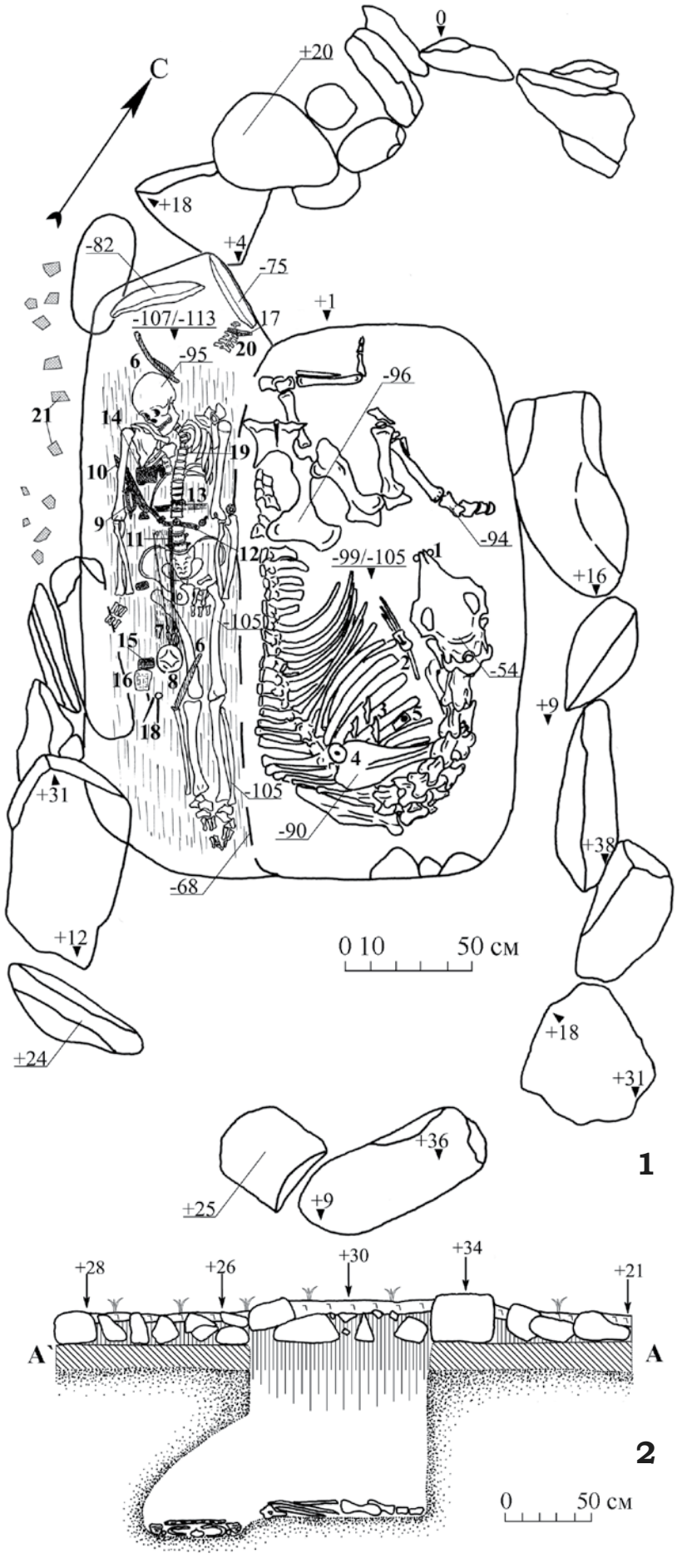

Рис. 100. Степушка-I, курган №17: *1* – поясная пряжка; *2–20, 22–25* – бляхи наборного пояса; *21* – наконечник ремня; *26* – колчанный крюк; *27, 28* – «блоки»; *29* – цепочка из колец

1 – удила с псалиями (-88 см)
2 – подпружная пряжка (-101 см)
3 – цурки; 3 экз. (-91 см)
4 – подвеска (-90 см)
5 – деталь плети (-105 см)

Рис. 101. Степушка-I, курган №19: 1 – план насыпи; 2 – план захоронения лошади во «входной» части могилы с подбоем

6 – накладки лука (-94; -102 см)
7 – наконечники стрел; 8 экз. (-105 см)
8 – днище колчана (-105 см)
9 – инструмент в виде стрежня с рукоятью (-105 см)
10 – боевой нож в ножнах (-106 см)
11 – колчанный крюк (-104 см)
12 – поясная пряжка (-101 см)
13 – поясные бляхи; 175 экз. (-105; -107 см)
14 – пластина (-105 см)
15 – тесло (-105 см)
16 – футляр (-105 см)
17 – нож (-106 см)
18 – инструменты; 3 экз. (-106 см)
19 – коготь-подвеска (-106 см)
20 – кости овцы (-107 см)
21 – фрагменты сосуда (+31; +1 см)

Рис. 102. Степушка-I, курган №19:
1 – план погребения человека с лошадью;
2 – разрез наземной конструкции и могильной ямы

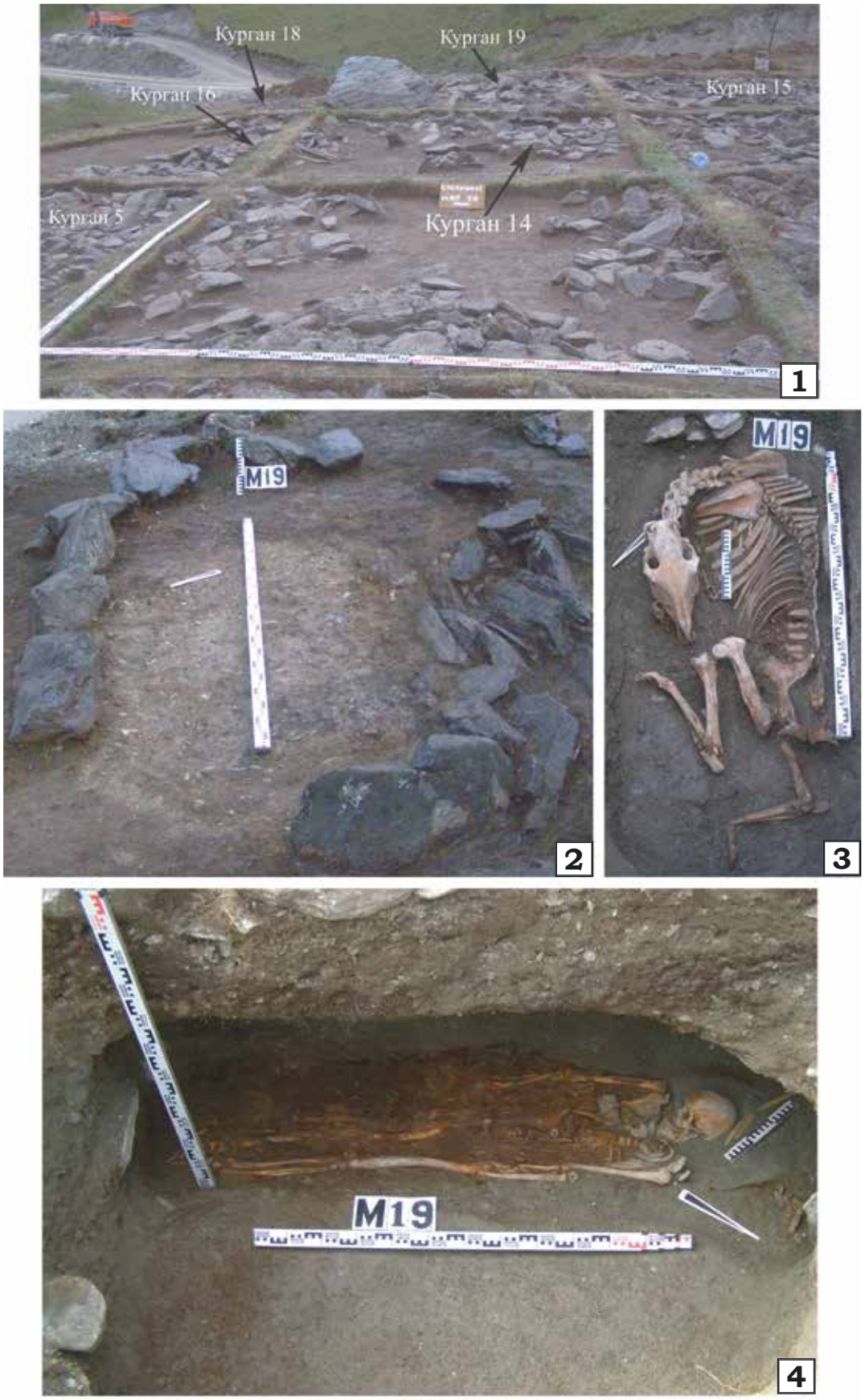

Рис. 103. Степушка-I, курган №19: *1* – размещение зачищенной насыпи; *2* – кольцевая крепида и пятно могильной ямы; *3* – захоронение лошади во «входной» части могилы с подбоем; *4* – погребение человека в подбое

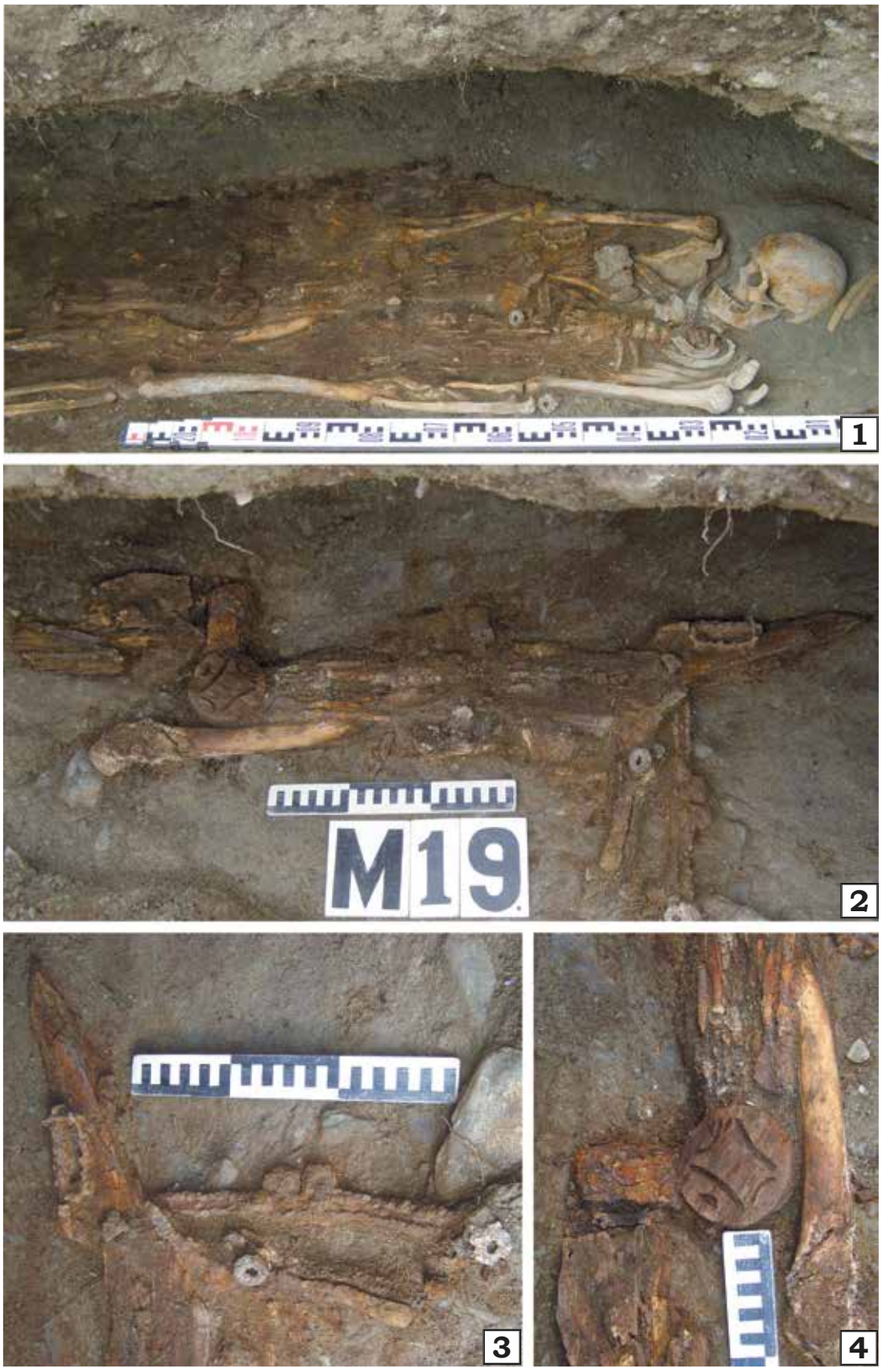

Рис. 104. Степушка-I, курган №19: *1* – погребение человека в подбое; *2* – скопление предметов *in situ*, оставленных после разборки скелета человека; *3* – железные детали наборного пояса, боевой нож, инструмент; *4* – железные наконечники стрел, деревянное днище колчана

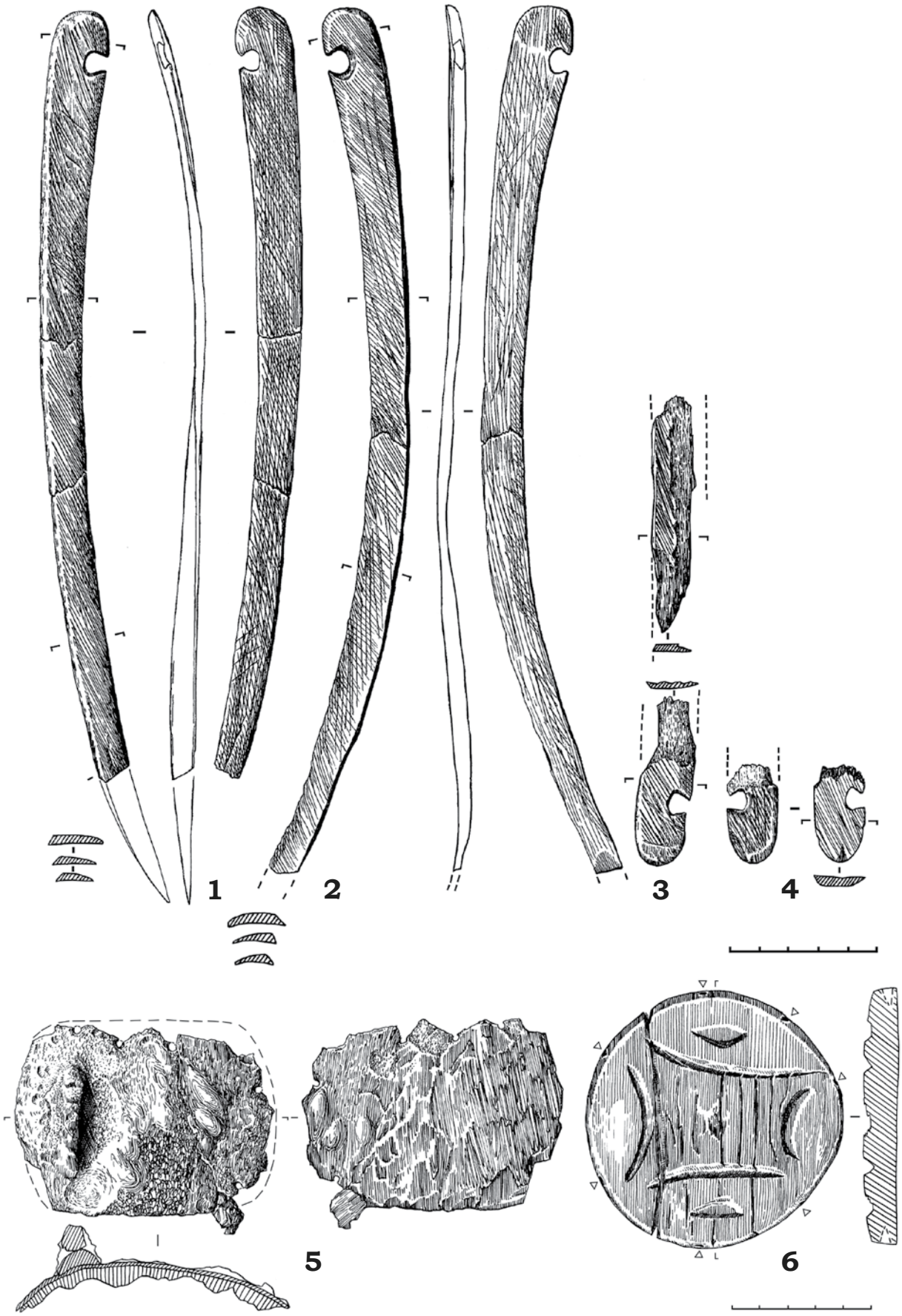

Рис. 105. Степушка-I, курган №19. Предметный комплекс: *1–4* – накладки лука; *5* – защитная пластина; *6* – днище колчана (*1–4 – рог; 5 – железо, дерево; 6 – дерево*)

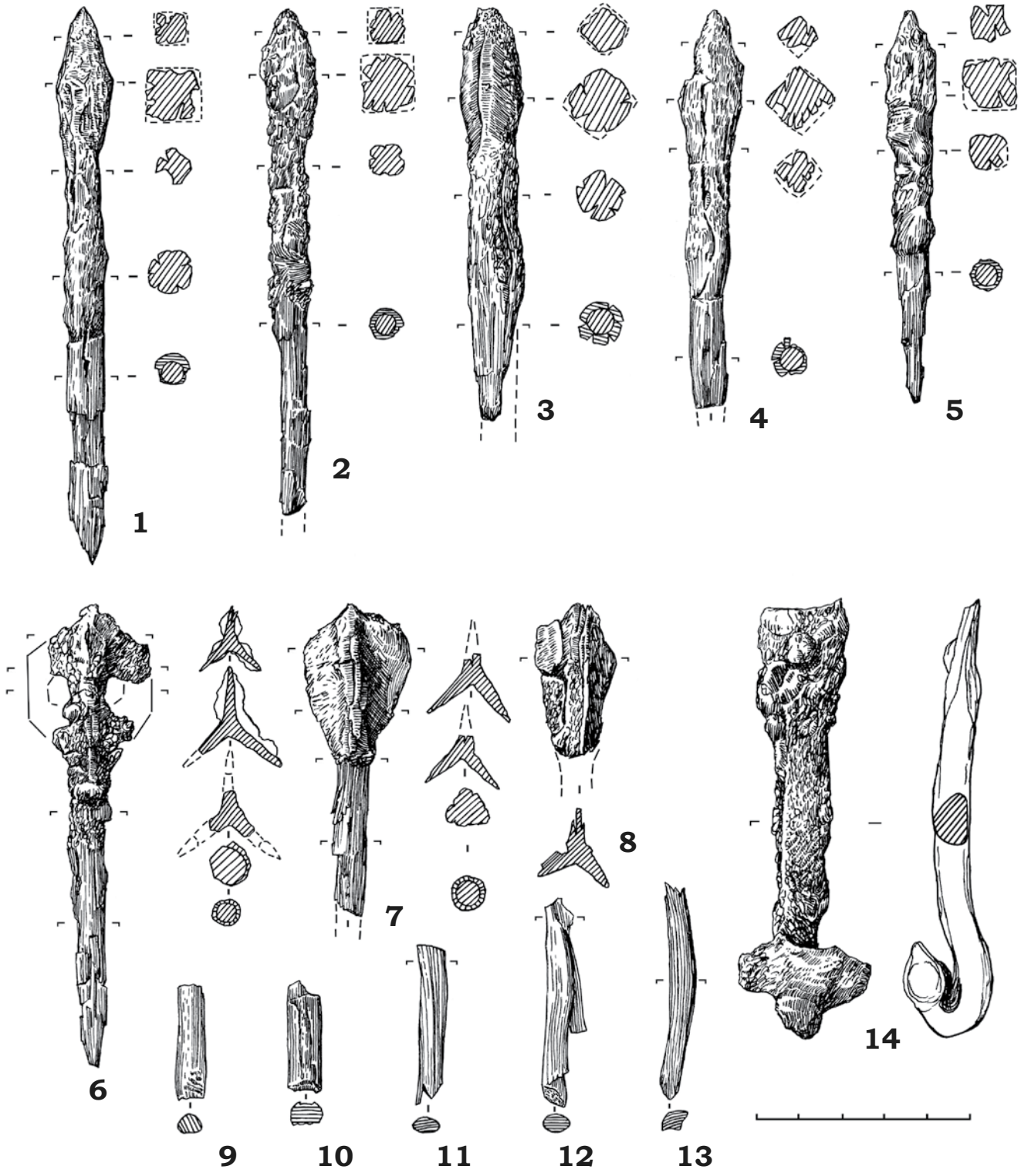

Рис. 106. Степушка-I, курган №19. Предметный комплекс: *1–8* – наконечники стрел; *9–13* – фрагменты древок стрел; *14* – колчанный крюк (*1–8, 14 – железо; 9–13 – дерево*)

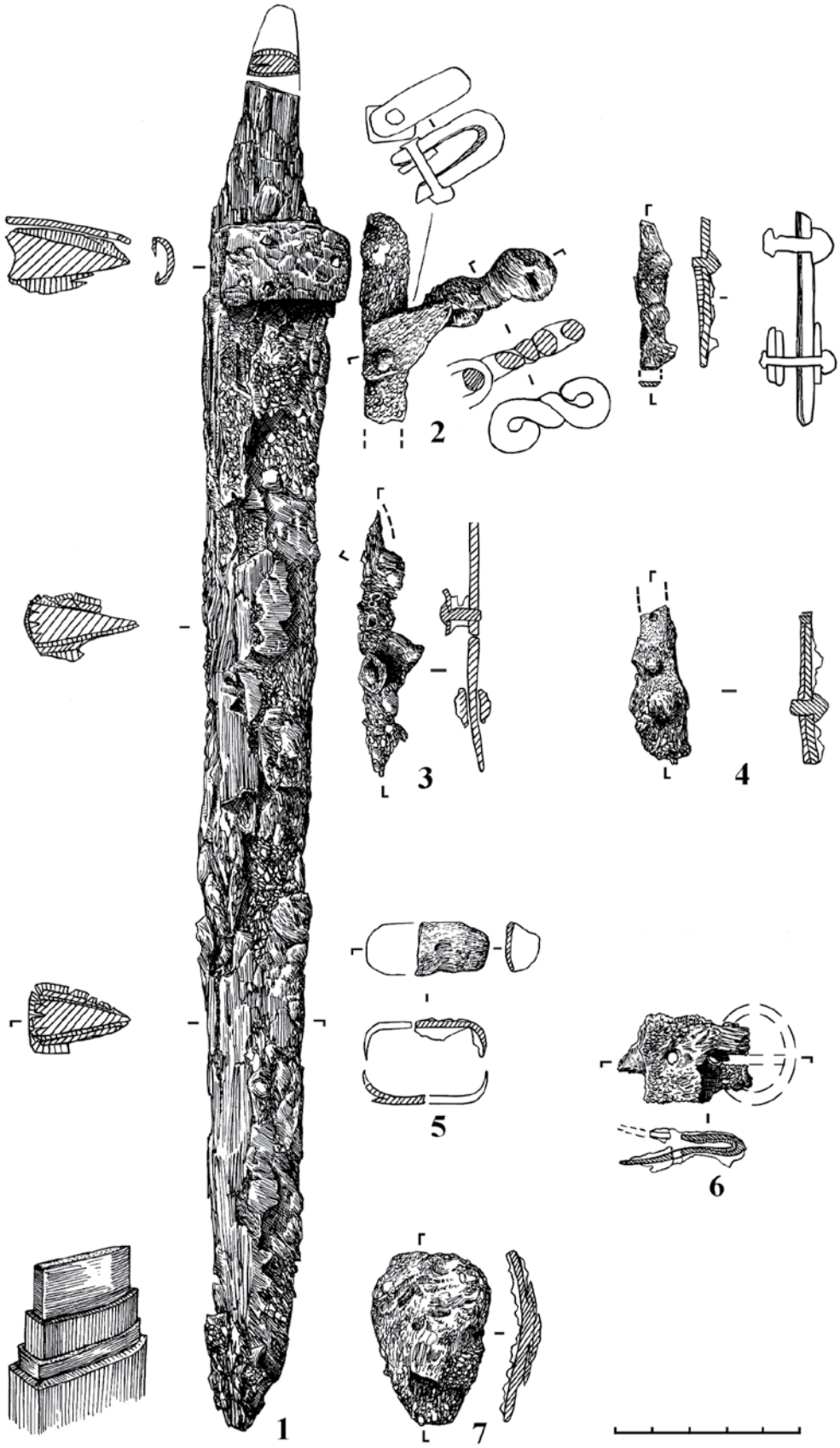

Рис. 107. Степушка-I, курган №19. Предметный комплекс:
1 – боевой нож с остатками ножен; *2–4* – бортик с цепочкой; *5* – обойма-оковка; *6* – портупейная пряжка; *7* – накладка (*1 – железо, дерево, кожа; 2–7 – железо*)

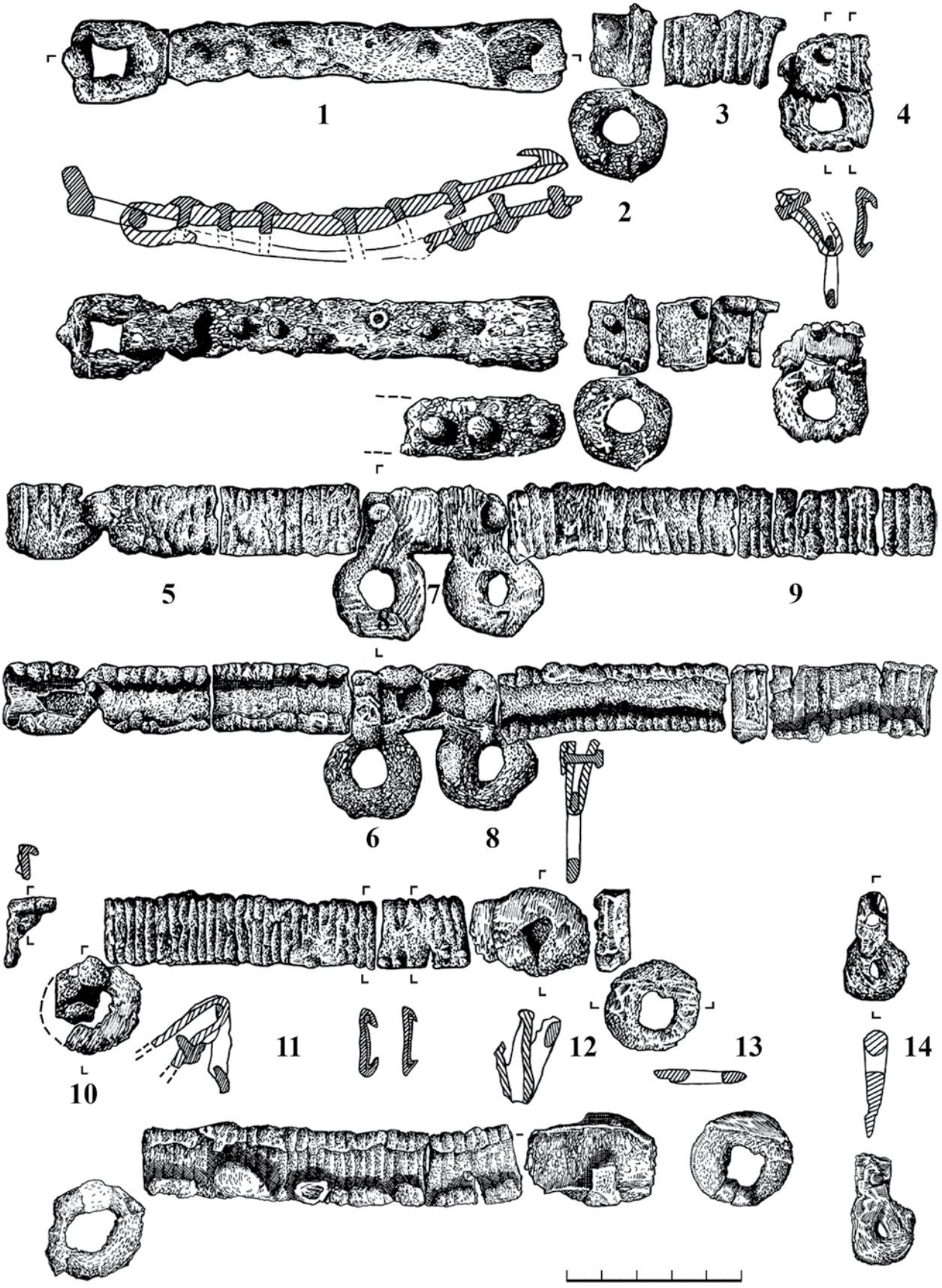

Рис. 108. Степушка-I, курган №19. Железные детали наборного пояса:
1 – пряжка; *2, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 13* – бляхи-полуобоймы;
3, 4, 5, 7, 9, 11, 12 – бляхи-зажимы; *14* – бляха-накладка

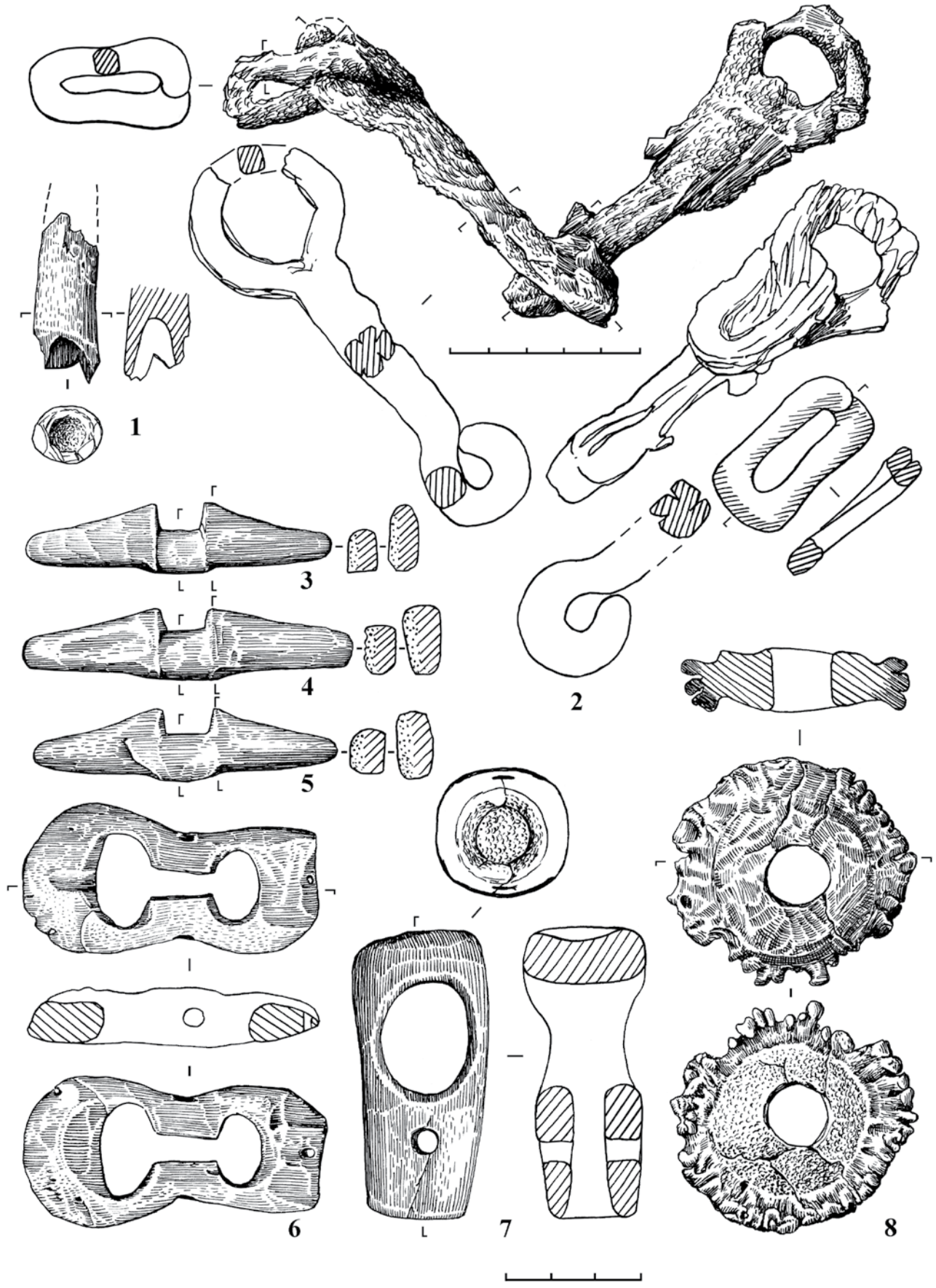

Рис. 109. Степушка-I, курган №19. Предметный комплекс: *1* – псалий; *2* – удила; *3–5* – цурки; *6* – подпружная пряжка; *7* – деталь плети; *8* – подвеска (*1, 3–8 – рог / кость; 2 – железо*)

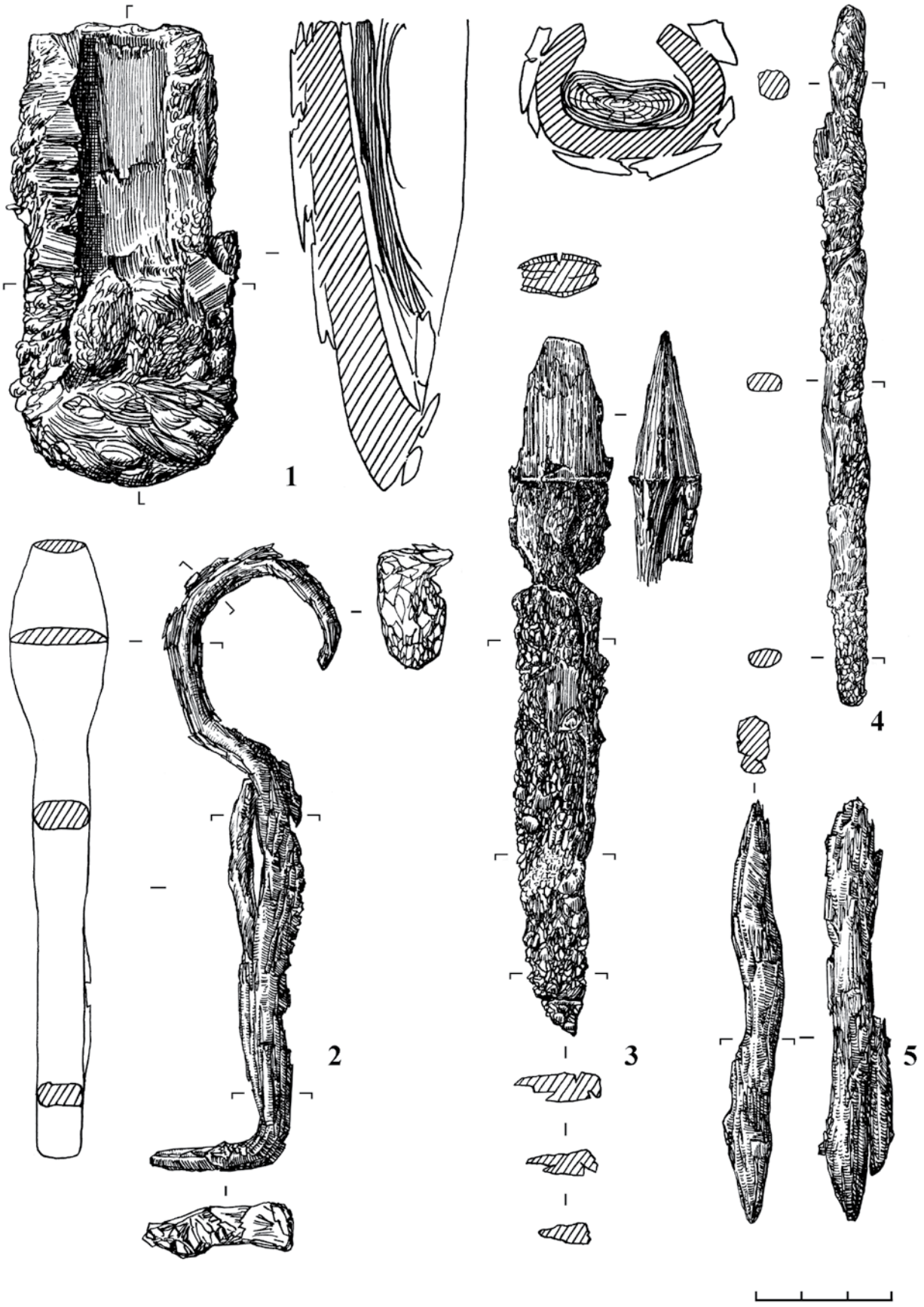

Рис. 110. Степушка-I, курган №19. Предметный комплекс: *1* – тесло; *2* – стамеска-ложкорез; *3* – нож; *4* – «напильник»; *5* – проколка (*1 – железо, дерево; 2–5 – железо*)

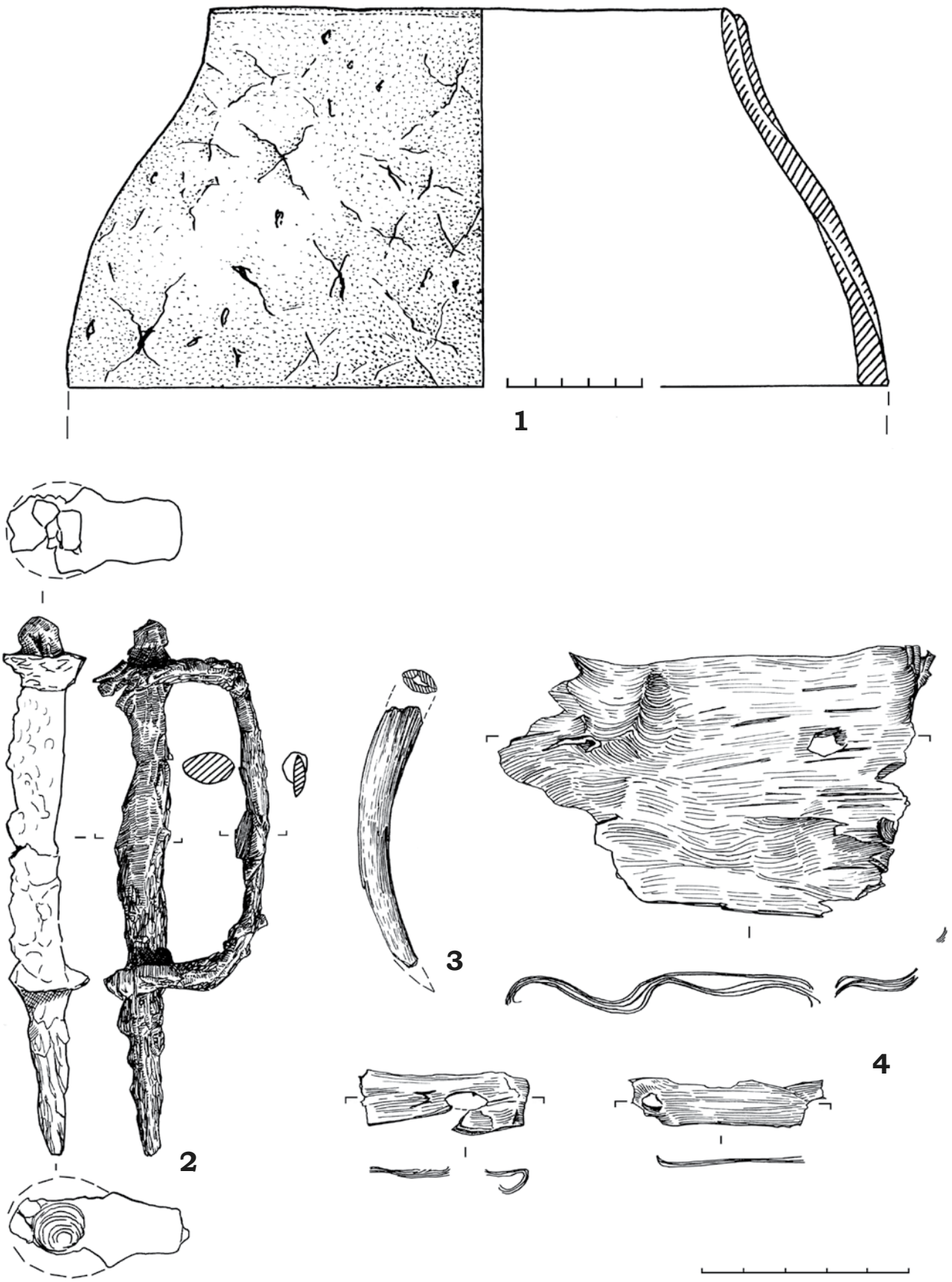

Рис. 111. Степушка-I, курган №19. Предметный комплекс: *1* – сосуд; *2* – инструмент; *3* – коготь-подвеска; *4* – детали футляра (*1 – керамика; 2 – железо; 3 – кость; 4 – береста*)

Рис. 112. Степушка-I, курган №19: *1–4* – накладки лука; *5* – боевой нож с деталями ножен

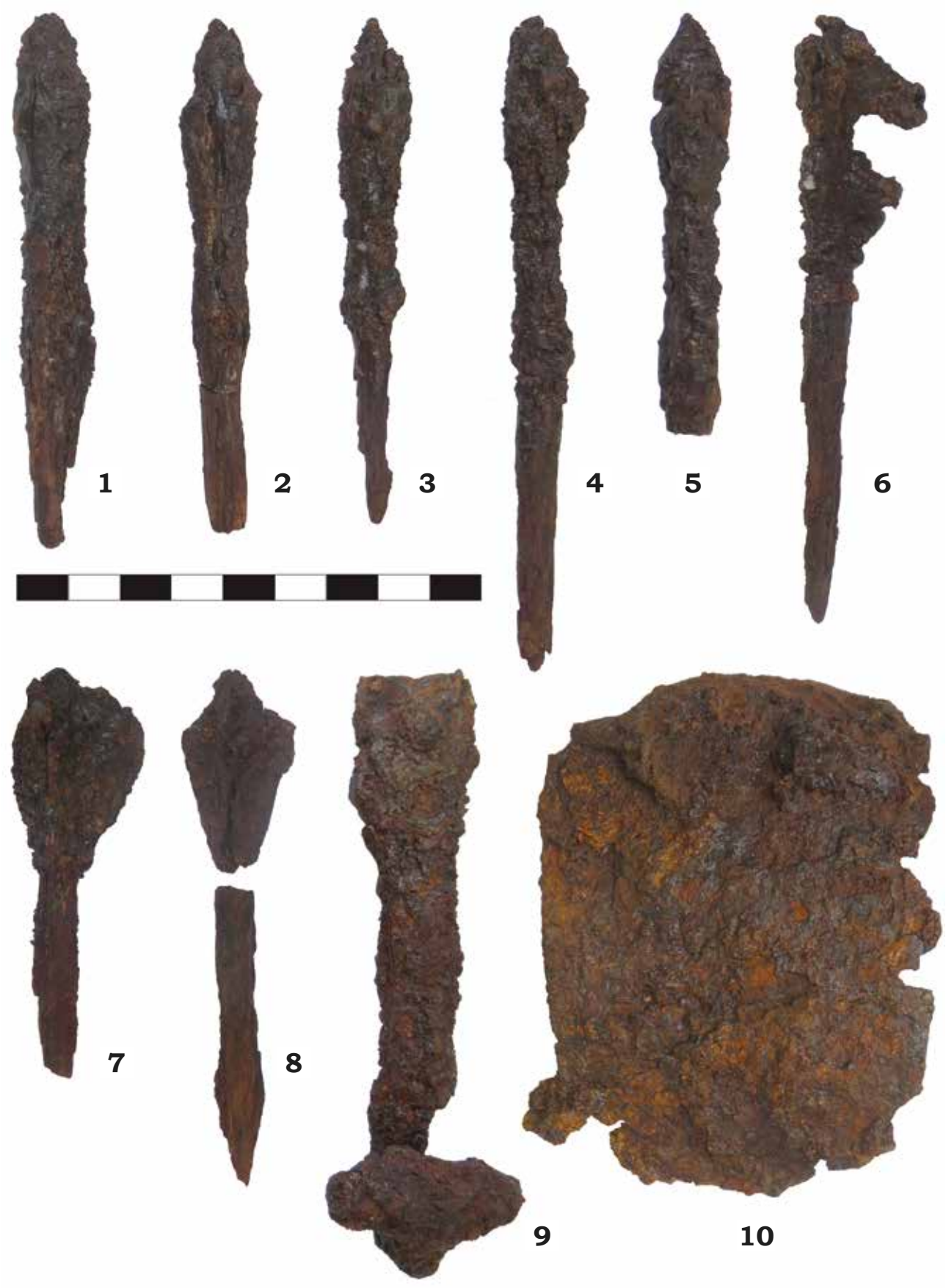

Рис. 113. Степушка-I, курган №19: *1–8* – наконечники стрел; *9* – колчанный крюк; *10* – защитная пластина

Рис. 114. Степушка-I, курган №19: пряжка (1) и фрагменты наборного пояса (2, 3) в порядке их размещения в погребении (а – вид с лицевой стороны; б – вид с тыльной стороны). Отображено в зеркальном виде

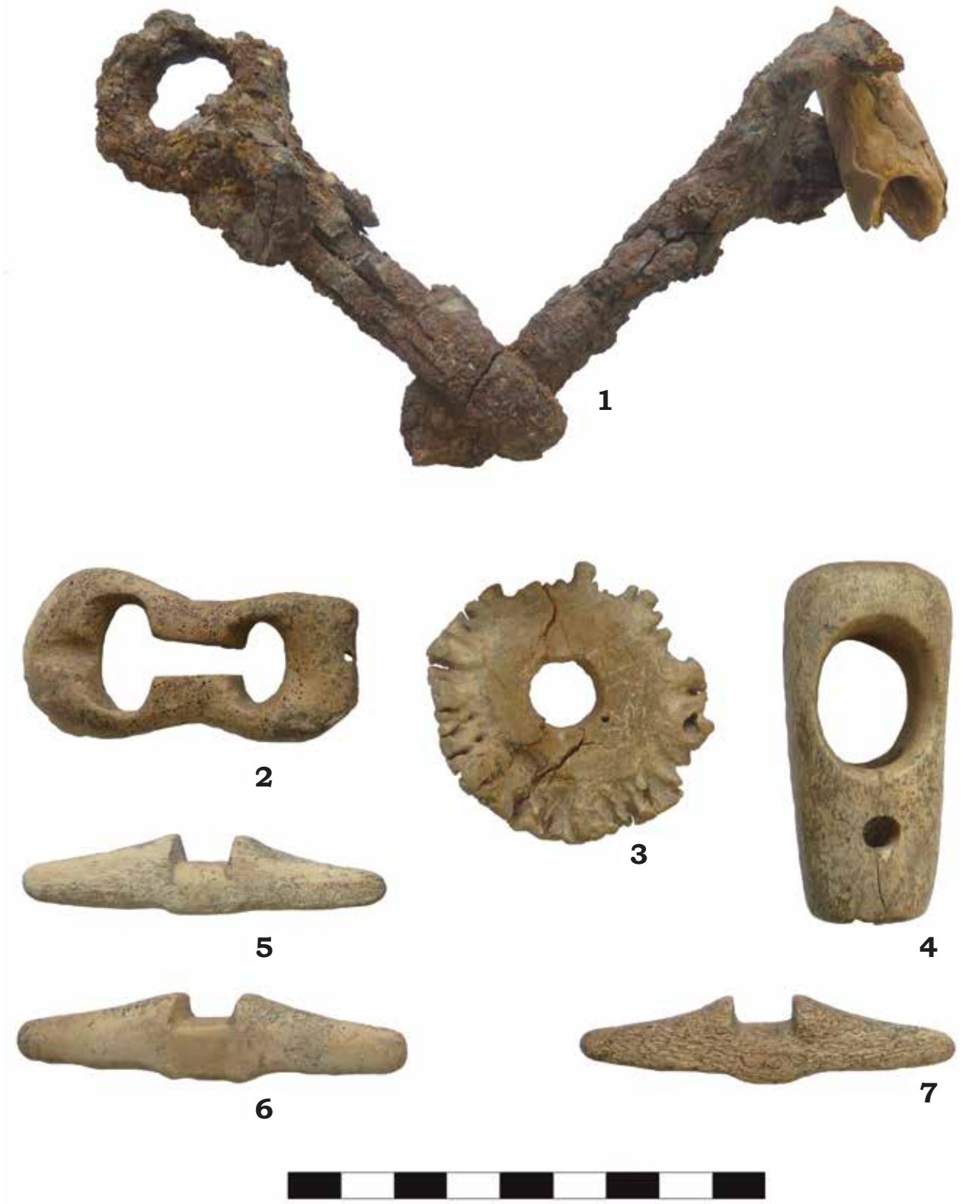

Рис. 115. Степушка-I, курган №19:
1 – удила с обломанным псалием; *2* – подпружная пряжка;
3 – подвеска; *4* – деталь плети; *5–7* – цурки

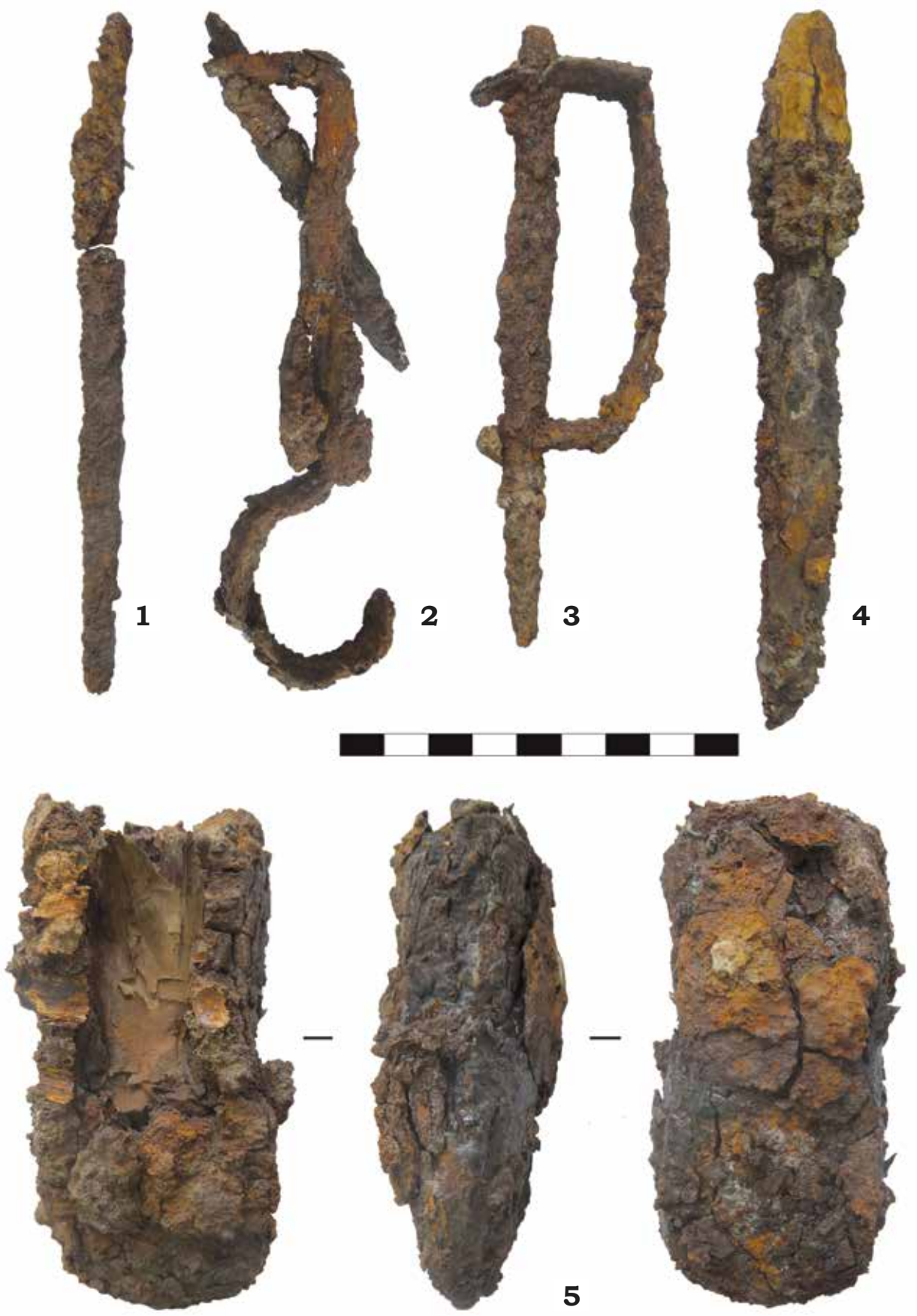

Рис. 116. Степушка-I, курган №19: *1* – «напильник»; *2* – стамеска-ложкорез; *3* – инструмент в виде стержня с рукоятью; *4* – нож; *5* – тесло (вид с разных сторон)

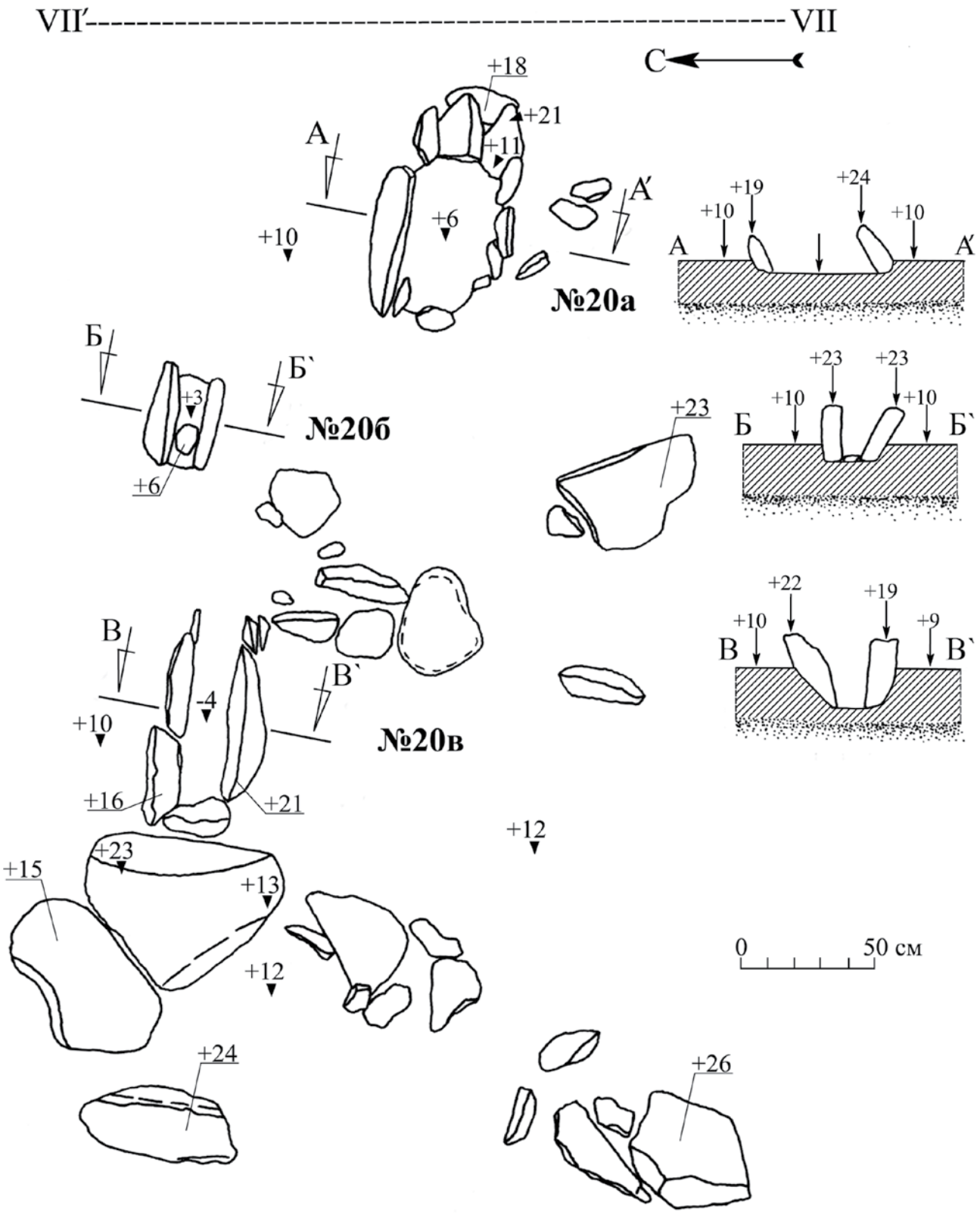

Рис. 117. Степушка-I, курган №20.
Планы и разрезы каменных ящиков-кенотафов

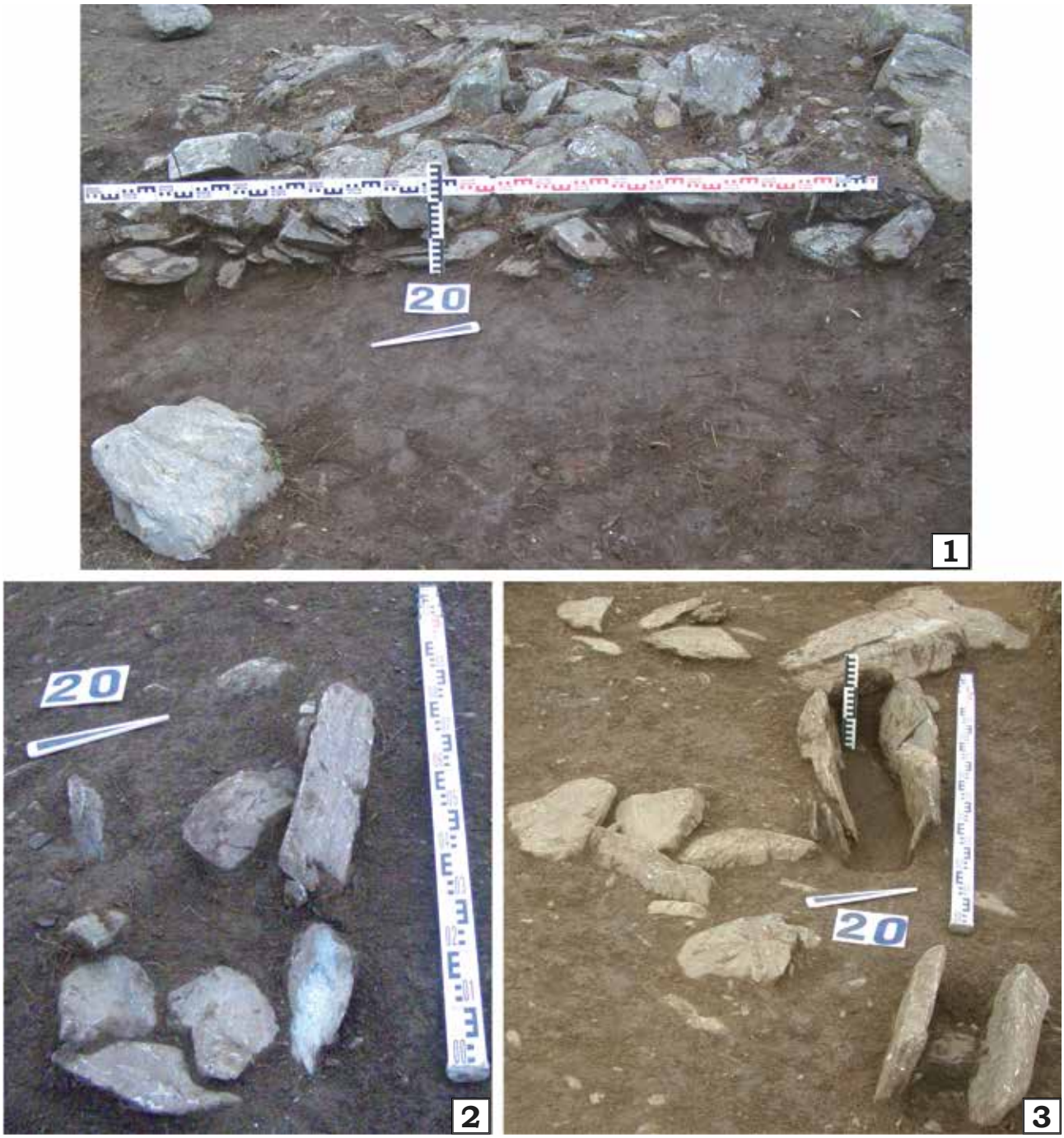

Рис. 118. Степушка-I, курган №20:
1 – разрез насыпи; *2* – каменный ящик №20а
после зачистки по уровню древнего горизонта;
3 – каменные ящики №20б (передний план), №20в (задний план)
после зачистки по уровню древнего горизонта и выборки заполнения

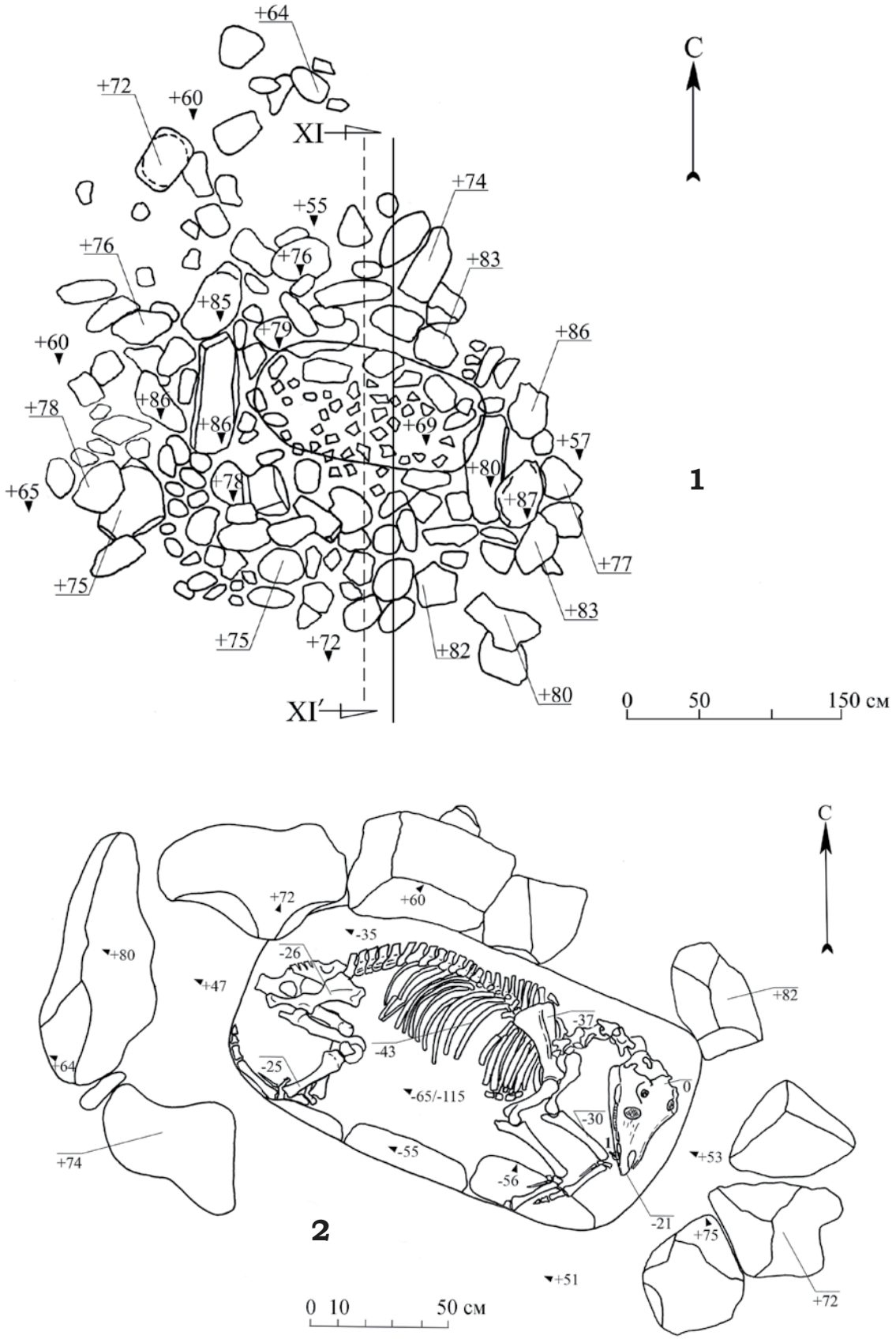
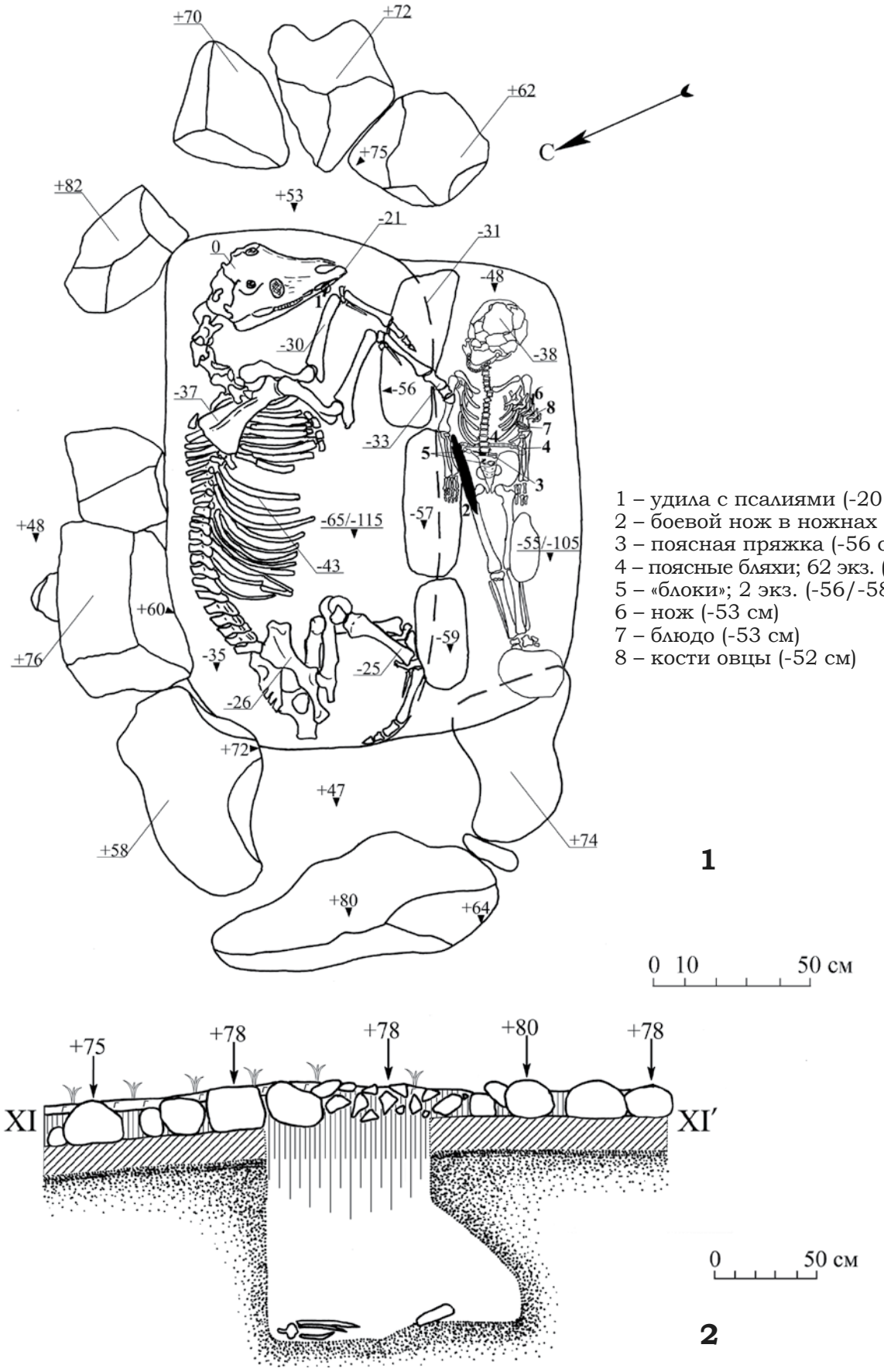

Рис. 119. Степушка-I, курган №21: *1* – план насыпи;
2 – план захоронения лошади во «входной» части могилы с подбоем

1 – удила с псалиями (-20 см)
2 – боевой нож в ножнах (-55 см)
3 – поясная пряжка (-56 см)
4 – поясные бляхи; 62 экз. (-55/-56 см)
5 – «блоки»; 2 экз. (-56/-58 см)
6 – нож (-53 см)
7 – блюдо (-53 см)
8 – кости овцы (-52 см)

Рис. 120. Степушка-I, курган №21: *1* – план погребения человека с лошадью; *2* – разрез наземной конструкции и могильной ямы

Рис. 121. Степушка-I, курган №21:
1 – кольцевая крепида; *2* – захоронение лошади во «входной» части могилы с подбоем; *3* – погребение ребенка в каменной конструкции

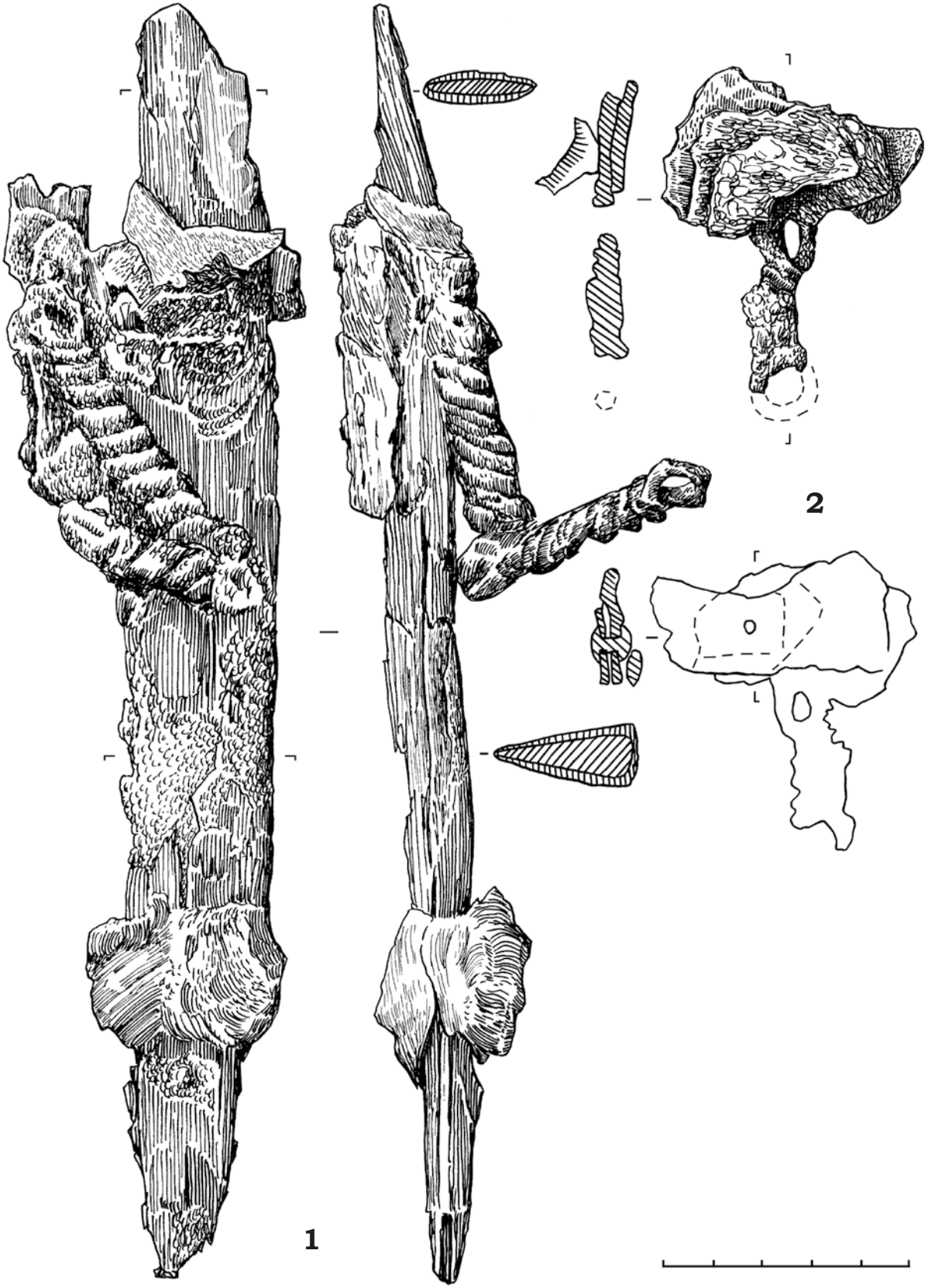

Рис. 122. Степушка-I, курган №21. Предметный комплекс:
1 – боевой нож с деталями ножен (оковки, бортик, цепочка);
2 – фрагмент крепления ножен к поясу (*1–2 – железо*)

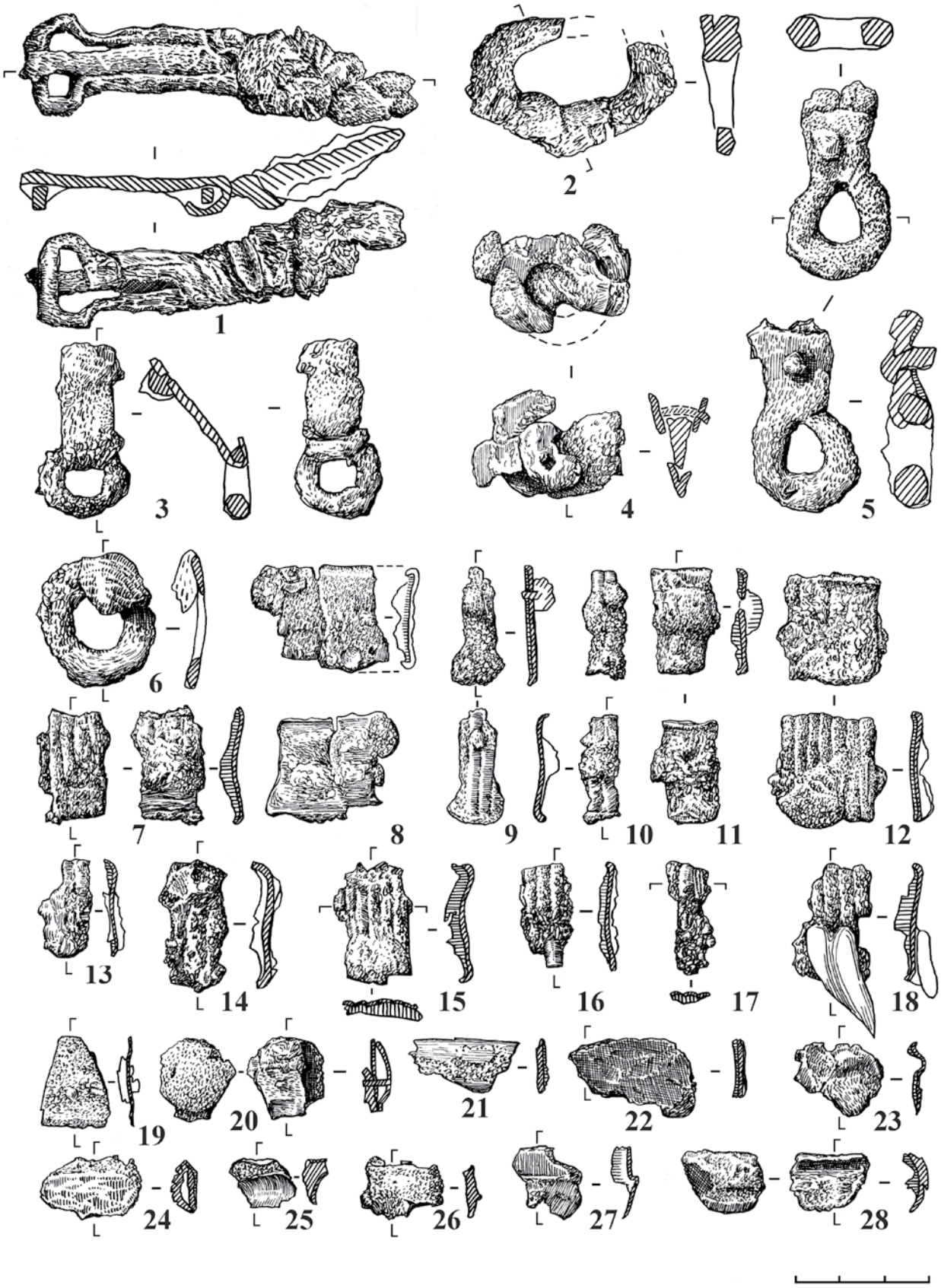

Рис. 123. Степушка-I, курган №21. Предметный комплекс:
1 – поясная пряжка; *2, 5* – «блоки»; *3–28* – поясные бляхи (*1–28 – железо*)

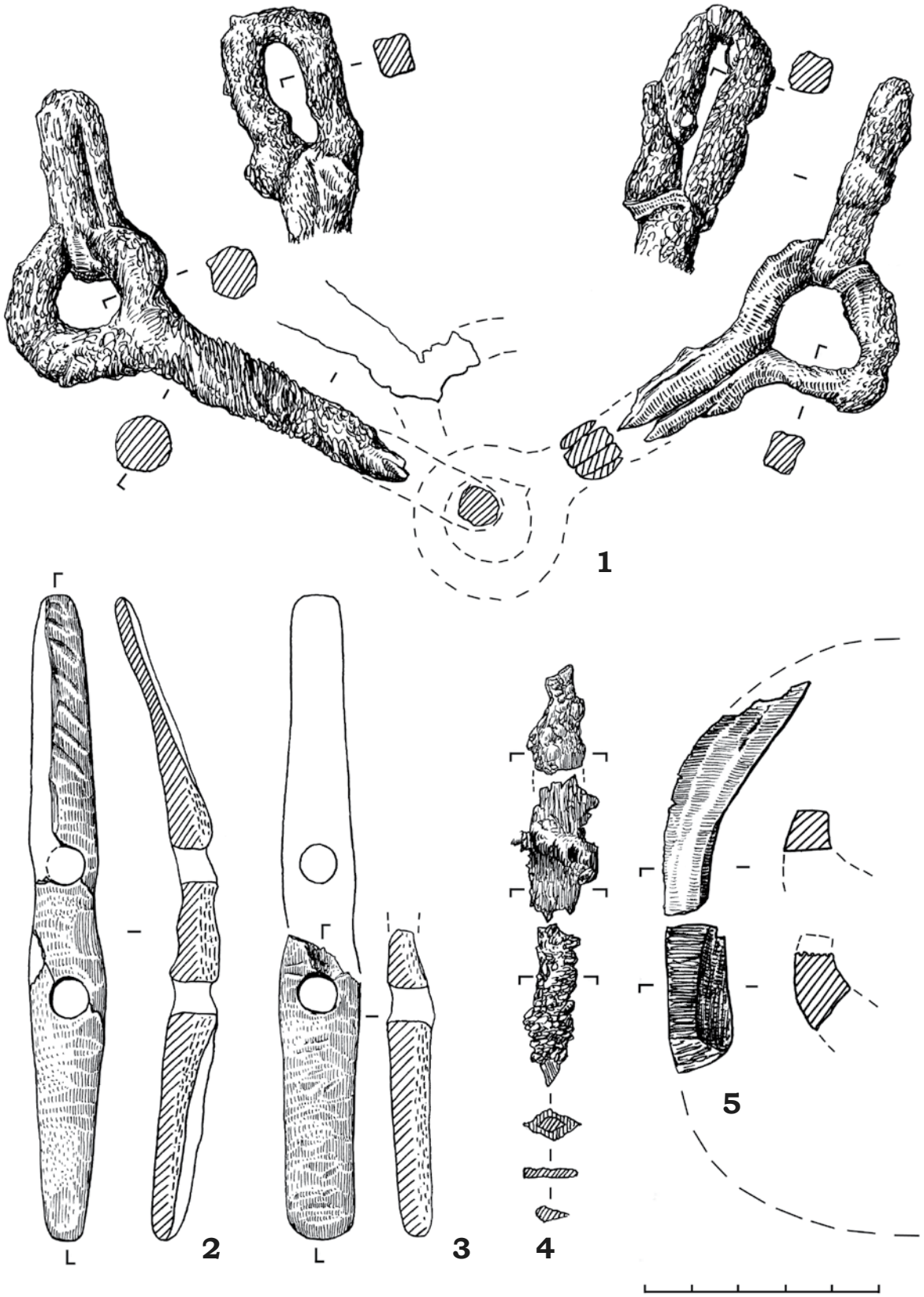

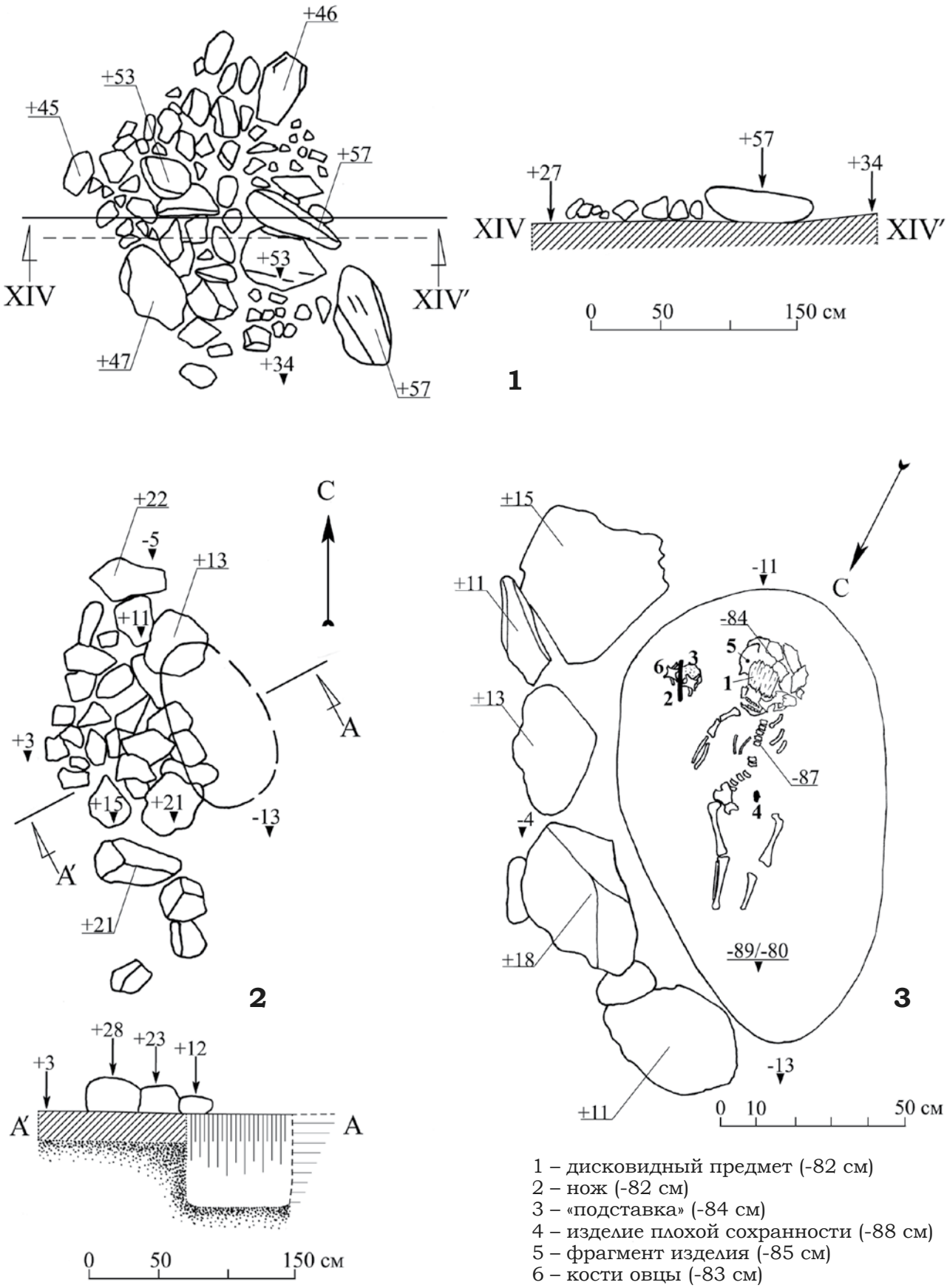
Рис. 124. Степушка-I, курган №21. Предметный комплекс:
1 – удила; *2, 3* – псалии; *4* – нож; *5* – блюдо (*1, 4 – железо; 2, 3 – рог; 5 – дерево*)

Рис. 125. Степушка-I, курган №21:
1 – боевой нож с деталями ножен; *2, 4* – псалии; *3* – удила

Рис. 126. Степушка-I, курган №21: пряжка (1) и фрагменты наборного пояса (2–10) в порядке их размещения в погребении (отображено в зеркальном виде)

1 – дисковидный предмет (-82 см)
2 – нож (-82 см)
3 – «подставка» (-84 см)
4 – изделие плохой сохранности (-88 см)
5 – фрагмент изделия (-85 см)
6 – кости овцы (-83 см)

Рис. 127. Степушка-I:
1 – план и разрез выкладки №23;
2 – план и разрез кургана №24; *3* – погребение в кургане №24

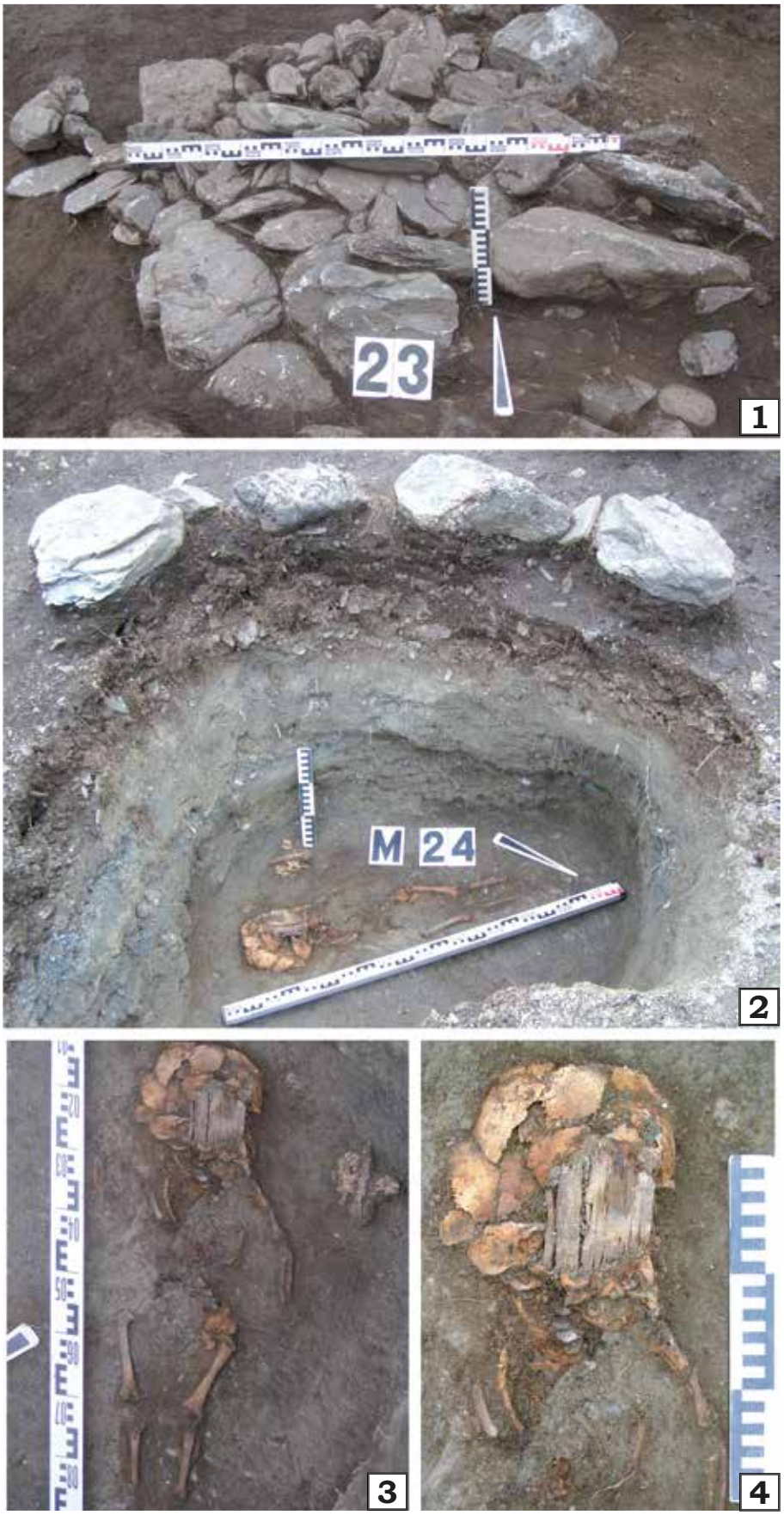

Рис. 128. Степушка-I: *1* – вид после зачистки выкладки №23;
2 – остатки кольцевой крепиды и погребение в кургане №24;
3 – погребение ребенка (фрагмент); *4* – деревянный диск на черепе ребенка

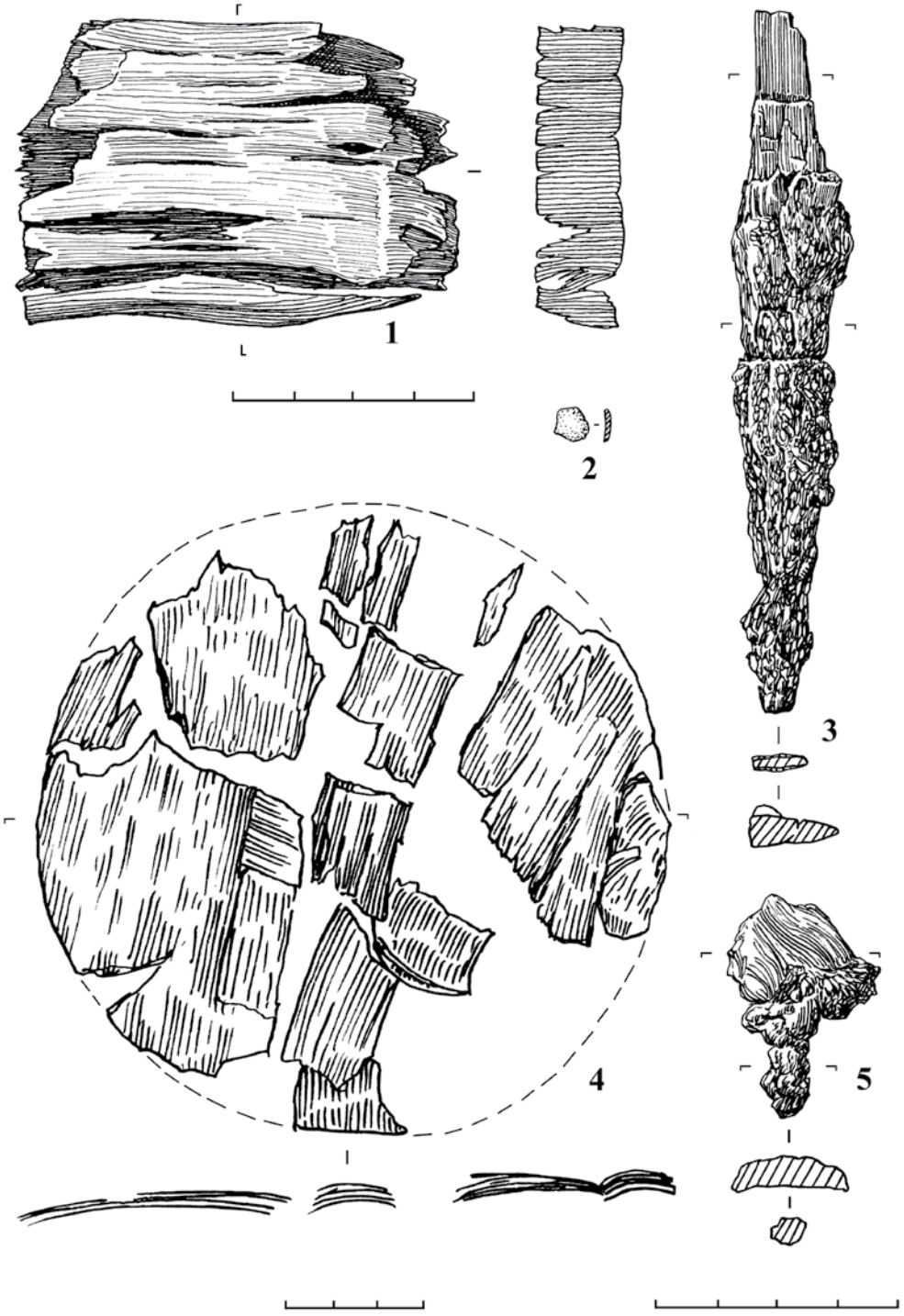

Рис. 129. Степушка-I, курган №24:
1 – дисковидный предмет;
2, 5 – фрагменты изделий; *3* – нож; *4* – подставка
(*1 – дерево; 2 – бронза; 3, 5 – железо; 4 – береста*)

Рис. 130. Степушка-I. Наборные пояса: *1* – курган №5; *2* – курган №6; *3* – курган №13; *4* – курган №17; *5* – курган №19; *6* – курган №21 (выложены по схеме расположения деталей в погребениях)

Рис. 131. Степушка-I. Археологические работы на памятнике в середине сентября 2010 г.:
1 – процесс фотофиксации крепиды кургана №2; *2* – процесс зачистки крепиды кургана №7 и зарисовки насыпей курганов №9, 10

Рис. 132. Степушка-I. Археологические работы на памятнике в конце сентября 2010 г.:
1 – процесс зачистки насыпи кургана №8; *2* – процесс фотофиксации
насыпи кургана №11 и зарисовки погребений в курганах №9, 10

Рис. 133. Степушка-I. Археологические работы на памятнике в конце сентября 2010 г.:
1 – выборка заполнения могильной ямы в кургане №15;
2 – зарисовка погребения в кургане №9

Рис. 134. Степушка-I. Археологические работы на памятнике в октябре 2010 г.:
1 – процесс разборки насыпей курганов №13, 20, 22;
2 – процесс нивелировки погребения в кургане №19

Рис. 135. Степушка-I. Археологические работы на памятнике в октябре 2010 г.:
1 – окончание работ на могильнике (изучение кургана №21);
2 – некоторые участники последнего состава экспедиции

Рис. 136. Степушка-I. Состав археологической экспедиции:
1 – середина сентября 2010 г.;
2 – октябрь 2010 г.

Рис. 137. Степушка-I. Работа строительной техники
на памятнике после завершения раскопок:
1 – вид с юга; *2* – вид с северо-востока

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Н.А. Пластеева, А.А. Тишкин

ЛОШАДИ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ СТЕПУШКА-I*

Кости древних лошадей происходят из шести курганов комплекса Степушка-I: №5, 7, 14, 17, 19 и 21. В каждом из них животные были представлены полными костяками, принадлежавшими отдельным особям. В изученной коллекции имеются остеологические материалы всех отделов посткраниального скелета. Однако сохранность у них разная. В ограбленном кургане №14 не было черепа и большей части костей конечностей. Для каждой особи установлены возраст и пол (при наличии и хорошей сохранности черепа и/или нижней челюсти), высота в холке, описаны анатомические и морфологические особенности костей скелета, патологические изменения.

Морфометрическое описание костей проводилось по общепринятой методике [Eisenmann et al., 1988]. Для каждого размерного признака приведено его среднее значение (M), ошибка среднего (m), минимальное и максимальное значения (Min-Max), стандартное отклонение (σ).

Возрастной состав животных определен по состоянию щечных зубов – смене молочных зубов на постоянные [Silver, 1970] и степени стертости зубов – резцов [Корневен, Лесбр, 1932] и щечных зубов [Дюрст, 1936], а также по состоянию эпифизов на костях [Silver, 1970]. Реконструкция высоты в холке лошадей проводилась по методике В.О. Витта [1952], а массивность костей конечностей оценивалась по методике А.А. Браунера [1916]. Пол определялся по наличию или отсутствию клыков. Черепа и челюсти с клыками позволяли отнести захороненные особи к самцам.

Для сравнения использовались опубликованные данные по лошадям Алтая раннего железного века (из памятников пазырыкской и булан-кобинской культур) [Васильев, Гребнев, 1994; Гребнев, Васильев, 1994; Васильев, 2000; Косинцев, Самашев, 2008; 2014; Лукерина, 2018].

Половой и возрастной состав

Пол определен у двух особей: скелеты из курганов №7 и 21 принадлежат жеребцам (табл.1).

Таблица 1

Половозрастной состав лошадей из комплекса Степушка-I

Особь	Пол	Возраст
Курган №5	?	2–3 года
Курган №7	самец	3–4 года
Курган №14	?	> 6 лет
Курган №17	?	>10 лет
Курган №19	?	>10 лет
Курган №21	самец	8–10 лет

В курганах рассматриваемой части могильника были захоронены как молодые, так и взрослые животные. Среди исследованных скелетов установлены две неполовозрелые особи (2–5 лет) и четыре половозрелые. Для лошадей из курганов №14, 17 и 19 возраст определен приблизительно, по состоянию эпифизов костей посткраниального скелета. Все кости коня из кургана №14 имеют приросшие эпифизы, в том числе позвонков, что указывает на возраст от 6 лет и старше. Видимых патологических изменений на костях не зафиксировано, что позволяет считать, что это не старые живот-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

ные. Для лошадей из курганов №17 и 19 характерно сращение суставных отростков и тел грудных и поясничных позвонков, что вело к ограничению их подвижности. Подобное сращение позвонков является следствием постоянных физических нагрузок, которые животное испытывало при жизни. Такие патологические изменения обычно возникают во второй половине жизни животного, после 10 лет.

Возрастной состав лошадей варьирует в разных исследованных погребальных комплексах раннего железного века. Так, например, в пазырыкских курганах памятников Ак-Алаха-I, Кутургунтас-I, Уландрык I и II [Васильев, 2000] были захоронены только взрослые кони. В могильниках Пазырык, Шибе и Берел представлены как взрослые, так и молодые особи от 2 до 3,5 лет [Витт, 1952; Косинцев, Самашев, 2008]. Такая же картина отмечена на курганной группе Степушка-2 [Лукерина, 2018].

Высота в холке

Высота животных в холке оценена по разным костям скелета (табл. 2). Лошади из комплекса Степушка-I принадлежат к группам низкорослых, ниже среднего роста (128–136 см) и мелких (120–128 см). Как видно из таблицы, реконструкция роста по разным костям скелета одной особи может не совпадать. Высота в холке, высчитанная по бедренной кости, дает меньшие значения.

Таблица 2

Высота в холке лошадей из комплекса Степушка-I, см

Особь	Тип	Элемент скелета					
		Плечевая Humerus	Лучевая Radius	Бедренная Femur	Берцовая Tibia	Пястная Metacarpus III	Плюсневая Metatarsus III
Курган №5	ниже среднего	–	–	–	–	128–136	128–136
Курган №7	мелкая	120–128	120–128	–	120–128	120–128	120–128
Курган №17	ниже среднего	128–136	128–136	120–128	128–136	128–136	128–136
Курган №19	ниже среднего	128–136	128–136	120–128	128–136	128–136	128–136
Курган №21	ниже среднего	–	120–128	–	–	128–136	128–136

Наиболее пригодны для оценки роста лошадей размеры пястной и плюсневой костей [Громова, 1949]. Поэтому в дальнейшем анализе использовались значения, полученные по этим элементам скелета.

Изученные лошади из Степушки-1 по высоте в холке близки лошадям Степушки-2 [Лукерина, 2018], где также представлены мелкие лошади. Вся эта группа отличается от лошадей пазырыкской культуры (табл. 3). В курганах памятников Пазырык и Шибе, Ак-Алаха-I, Кутургунтус-I, Берел, Уландрык-I и II мелких коней нет, однако встречаются особи среднего и выше среднего роста.

Таблица 3

Соотношение размерных групп лошадей по высоте в холке из памятников Алтая, %

Могильник	Всего, экз.	Мелкий 120–128 см	Ниже среднего 128–136 см	Средние 136–144 см	Выше среднего 144–152 см
Степушка-I	5	20	80	–	–
Степушка-2	5	100	–	–	–
Пазырык, курганы №1–5	46	–	30	57	13
Шибе	11	–	–	81	19
Ак-Алаха-I, Кутургунтас-I	19	–	9	63	28
Берел	62	–	27	71	2
Уландрык-I и II	20	–	11	70	19

Тонконогость

По признаку тонконогости лошади из комплекса Степушка-I попадают в группу полутонконогих (табл. 4). Особь из кургана № 5 была исключена из рассмотрения, так как ее значение индекса тонконогости (13,6%) может определяться неполовозрелостью животного. В возрасте 2–3 лет, который определен для этой особи, несмотря на то, что эпифизы пястных костей уже приросли и их рост в длину прекратился, рост в ширину может продолжаться.

Таблица 4

Значение индекса тонконогости лошадей из комплекса Степушка-I

Особь	Длина кости (1), мм	Ширина диафиза (3), мм	Индекс 3:1, %	Тип
Курган №7	196,4	29,0	14,8	полутонконогая
Курган №17	214,3	31,7	14,8	полутонконогая
Курган №19	213,0	32,9	15,4	полутонконогая
Курган №21	209,8	31,4	15,0	полутонконогая

Из опубликованных данных известно, что среди лошадей Пазырыка были тонконогие и полутонконогие лошади [Витт, 1952]. Лошади Берела отличались большим варьированием массивности пястных костей – от тонконогих до полутолстоногих [Косинцев, Самашев, 2008; 2014]. Для комплекса Степушка-2 характерны полутонконогие, тонконогие и средненогие особи [Лукерина, 2018].

Морфометрическое сравнение

Средние значения и пределы изменчивости размерных признаков костей половозрелых животных приведены в таблице 5. Отсутствие полностью сохранившихся черепов не позволило провести анализ краниологических характеристик лошадей.

Сравнение размеров костей посткраниального скелета лошадей Степушки-I с лошадьми из могильников пазырыкской культуры свидетельствует о том, что изученные лошади уступали в размерах пазырыкским лошадям. По длине трубчатых костей, длине и ширине пястных и плюсневых костей лошади Степушки-I мельче лошадей Ак-Алахи-I, Кутургунтаса-I, Уландрыка-I и II [Васильев, Гребнев, 1994], а также Берела [Косинцев, Самашев, 2014].

Таблица 5

Абсолютные размеры костей конечностей лошадей Степушки-I, мм

Признак	N	M±m	Min-Max	Σ
Лопатка				
Длина	3	331,3±13,2	305,0–345,0	22,8
Плечевая кость				
Длина	3	268,7±4,5	260,0–275,0	7,77
Ширина диафиза	4	34,1±1,2	31,7–36,7	2,36
Лучевая кость				
Длина	4	310,8±5,5	300,0–325,0	10,9
Ширина диафиза	4	36,1±0,7	35,1–38,0	1,31
Бедренная кость				
Длина	2	–	365,0–368,0	–
Ширина диафиза	3	38,1±1,0	36,3–39,9	1,80
Большеберцовая кость				
Длина	3	325,0±7,6	310,0–335,0	13,23
Ширина диафиза	4	38,8±0,9	36,8–41,0	1,74

Окончание таблицы 5

Признак	N	M±m	Min-Max	Σ
Пястная кость				
Длина	4	208,4±4,1	196,4–214,3	8,20
Ширина диафиза	4	31,3±0,8	29,0–32,9	1,63
Ширина проксимального сустава	4	45,9±1,2	42,4–47,6	2,36
Ширина дистального сустава	4	47,3±0,7	46,1–49,4	1,44
Плюсневая кость				
Длина	4	249,5±4,5	236,0–255,1	9,07
Ширина диафиза	4	28,6±1,1	26,5–30,6	2,23
Ширина проксимального сустава	4	45,6±0,8	44,7–47,9	1,52
Ширина дистального сустава	4	46,0±1,6	41,7–49,0	3,1

Патологические изменения на костях

Среди патологических изменений на костях встречаются различные деформации и сращение межпозвоночных и поперечных суставных отростков грудных и поясничных позвонков, ведущих к ограничению их подвижности. Это свидетельствует о длительной травматизации, которой подвергались животные.

Заключение

Погребальный обряд на могильнике Степушка-I включал захоронение целой туши лошади. Для этого ритуала использовали как молодых, так и взрослых животных. Лошади были мелкого и ниже среднего роста и принадлежали к группе полутонконогих. По своим абсолютным размерам лошади Степушки-I были близки лошадям Степушки-2, так как происходят с одного памятника. Они мельче лошадей пазырыкской культуры.

Библиографический список

Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т. 86, кн. 1. 184 с.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. №16. С. 163–205.

Громова В. История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете. М. ; Л., 1949. Ч. I. 375 с. (Труды Палеонтологического института АН СССР; Т. 17. Вып. 1).

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Остеологическая характеристика лошадей из курганов Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск, 1994. С. 183–186.

Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2000. С. 237–242.

Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск, 1994. С. 106–111.

Дюрст У. Экстерьер лошади. Л., 1936. 344 с.

Корневен Ш., Лесбр Ф.-К. Распознавание возраста по зубам и другим производным эпителия. М., 1932. 258 с.

Косинцев П.А., Самашев З.С. Лошади Алтая в скифо-сакское время // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 342–346.

Косинцев П.А., Самашев З.С. Берельские лошади. Морфологическое исследование. Астана, 2014. 368 с.

Лукерина Я.Е. Лошади из памятника Степушка-2 в Горном Алтае / Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанов С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018. С. 150–153.

Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // Материалы и исследования по археологии Сибири М., 1952. Т. 1. С. 147–156. (МИА; №24).

Eisenmann V., Alberdi M.T., De Giuli C., Staesche U. Studying fossil horses. V. 1. E.J. Brill. Leiden, New York, København, Köln, 1988. 71 p.

Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research. New-York, 1970. P. 283–302.

Приложение

Таблица 1

Размеры черепа и нижней челюсти лошадей из комплекса Степушка-I, мм

Признак*	Череп Курган №21	Признак	Нижняя челюсть Курган №7
1	–	1	–
2	–	2	107,0
3	–	3	–
4	109,5	4	–
11	147,6	4bis	–
16	59,5	5	–
19	8,5	6	70,0
20	12,5	7	–
21	63,5	8	180,6
22	57,4	9	–
24	180,8	10	72,3
26	112,4	11	99,1
27	116,0	12	–
29	74,7	13	46,9
30	31,7	14	75,6

Примечание: * – здесь и далее нумерация промеров приведена по: Eisenmann et al., 1988.

Таблица 2

Размеры зубов верхней и нижней челюсти лошадей из комплекса Степушка-I, мм

Признак	**Верхняя челюсть**					
	P2	P3	P4	M1	M2	M3
Курган №21						
1	34,1	27,9	28,2	24,6	24,9	26,4
2	24,1	25,3	25,4	24,6	25,0	21,3
3	8,6	10,5	11,7	11,6	11,9	12,8
Курган №7						
1	31,4	27,4	23,4	27,1	23,8	24,1
2	23,4	25,2	23,9	25,1	24,5	19,5
3	8,4	9,9	10,5	10,1	10,7	11,9
	Нижняя челюсть					
	p2	p3	p4	m1	m2	m3
Курган №21						
1	–	–	27,2	26,1	25,0	29,3
2	–	–	16,4	14,2	14,8	13,5
3	–	–	13,2	9,4	10,0	11,9
4	–	–	16,4	16,2	14,7	13,3
Курган №7						
1	30,1	27,3	25,1	23,6	24,0	26,9
2	13,2	13,9	14,0	12,9	12,9	11,0
3	16,8	13,3	12,4	9,4	10,9	10,3
4	15,4	15,3	12,9	13,4	11,9	11,9

Таблица 3

Размеры лопатки лошадей из комплекса Степушка-I, мм

Особь	Сторона тела	Признак				
		1	2	3	4	5
Курган №7	*sin*	–	54,7	79,6	48,1	43,1
Курган №17	*dex*	345,0	58,9	83,9	52,7	43,7
Курган №19	*sin*	344,0	59,8	85,8	55,4	44,2
Курган №21	*dex*	305,0	55,6	86,0	49,1	45,7

Таблица 4

Размеры плечевой и бедренной костей лошадей из комплекса Степушка-I, мм

Признак	Плечевая кость				Бедренная кость		
	курган №7	курган №17	курган №19	курган №21	курган №17	курган №19	курган №21
	sin	*dex*	*sin*	*dex*	*dex*	*sin*	*dex*
1	260	275	271	–	365	368	–
2	250	252	267	258	333	330	–
3	31,7	35,4	36,7	32,5	38,0	39,9	36,3
4	37,6	37,7	40,8	42,9	–	49,4	–
5	79,9	86,3	89,8	–	103,8	107,3	–
6	90,2	93,4	92,6	–	87,2	92,4	–
7	63,8	69,6	70,8	68,3	50,9	52,2	–
8	75,5	81,0	81,4	82,7	88,6	89,6	85,1
9	42,6	43,5	44,9	45,1	60,4	63,0	–
10	32,1	33,1	34,3	33,6	110,0	108,5	–

Таблица 5

Размеры лучевой и большеберцовой костей лошадей из комплекса Степушка-I, мм

Признак	Лучевая кость				Большеберцовая кость			
	курган №7	курган №17	курган №19	курган №21	курган №7	курган №17	курган №19	курган №21
	sin	dex	sin	dex	sin	dex	sin	dex
1	300	325	313	305	310	330	335	–
2	–	–	–	–	300	310	315	–
3	35,7	35,5	38,0	35,1	36,8	39,1	41,0	38,4
4	24,4	24,8	25,8	25,1	28,3	27,1	31,3	28,4
5	66,2	70,8	70,4	68,7	84,8	91,5	93,7	–
6	35,0	37,8	39,1	36,3	74,8	88,0	84,4	–
7	70,6	77,0	76,6	77,2	64,4	71,5	72,0	65,1
8	57,2	39,6	60,1	59,4	38,1	42,2	42,5	41,1
9	33,6	34,3	35,3	34,8	–	–	–	–

Таблица 6

Размеры пяточной и таранной костей лошадей из комплекса Степушка-I, мм

Признак	Пяточная кость					Таранная кость			
	курган №14	курган №7	курган №17	курган №19	курган №21	курган №14	курган №17	курган №19	курган №21
	dex	*dex*	*dex*	*sin*	*dex*	*sin*	*dex*	*sin*	*dex*
1	107,2	101,6	103,1	102,8	101,9	56,2	52,2	54,6	53,0
2	70,7	55,8	68,0	65,0	65,1	57,7	53,9	55,1	56,5

Окончание таблицы 6

Признак	Пяточная кость					Таранная кость			
	курган №14	курган №7	курган №17	курган №19	курган №21	курган №14	курган №17	курган №19	курган №21
	dex	*dex*	*dex*	*sin*	*dex*	*sin*	*dex*	*sin*	*dex*
3	17,7	16,0	18,2	19,2	15,9	26,9	29,1	30,4	29,0
4	31,6	32,8	31,4	33,6	30,0	46,6	45,2	46,0	47,2
5	44,5	46,3	44,1	45,5	45,5	48,1	47,6	48,2	47,3
6	52,9	51,2	49,6	48,5	47,2	32,1	31,0	32,0	31,4
7	50,1	46,0	48,0	47,8	45,1	–	–	–	–

Таблица 7

Размеры пястной и плюсневой костей лошадей из комплекса Степушка-1, мм

Признак	Пястная кость				Плюсневая кость			
	курган №7	курган №17	курган №19	курган №21	курган №7	курган №17	курган №19	курган №21
	dex	*dex*	*sin*	*sin*	*dex*	*dex*	*sin*	*sin*
1	196,4	214,3	213,0	209,8	236,0	255,1	254,3	252,7
2	189,0	206,0	204,0	199,7	226,5	242,8	245,5	241,6
3	29,0	31,7	32,9	31,4	26,8	30,6	30,4	26,5
4	22,7	22,9	24,9	23,3	26,7	28,0	28,9	26,3
5	42,4	46,5	47,0	47,6	45,0	44,7	47,9	44,9
6	28,2	28,0	31,0	29,7	34,3	34,7	35,4	37,3
7	35,5	36,8	37,6	39,3	38,2	40,8	44,2	41,4
8	13,4	14,8	16,3	16,4	12,8	13,8	10,9	12,0
10	42,2	45,1	49,9	43,3	39	45,2	46,7	43,0
11	46,8	47,0	49,4	46,1	41,7	47,4	49,0	45,9
12	32,6	34,1	34,6	33,5	33,0	–	36,0	35,1
13	26,2	25,0	25,8	25,2	24,8	23,8	25,7	25,4
14	28,1	28,9	28,7	25,2	28,1	28,6	29,7	28,6
14а	26,5	25,9	26,5	26,4	25,6	24,7	26,7	26,7

SUMMARY

A. A. Tishkin, S. S. Matrenin, A. V. Schmidt

ALTAI IN THE SYANBI-ZHOUZHAN TIME (based on the Stepushka site)

The monograph is devoted to the introduction into the scientific circulation of the results of the study of materials found during the excavations of the burial and memorial complex of the Syanbi-Zhouzhan time Stepushka-I, along with a comprehensive analysis of all the scientific information obtained.

The Stepushka Necropolis (general geographic coordinates: N – 50°45.267 'E –86°24.453') was located within the eponymous (now uninhabited) village of the Ongudaysky district of the Altai Republic, on the third terrace above the floodplain of the right bank of the Ursul river. Fully researched archaeological monument consisted of heavily sodded stone barrows and layouts that were placed compactly. This site fell within the boundaries of the road under construction.

By the time of the excavation by the expedition of Altai State University, some stone mounds had damage caused by construction equipment, and in the process of assembling metal construction elements in the territory site for the power line construction. Most of the above-ground structures were poorly traced on the surface by individual stones. Taking into account this circumstance, the study of the burial ground was carried out in continuous excavation. With the help of a system of benchmarks, ground marking was established with the division of space into squares with dimensions of 4x4 m, oriented by the walls on the horizon sides

The exposed area was 556 square meters. The numbering of barrows and layouts was given in the order of their identification in the process of stripping and drawing on the general plan of the site. The leveling of fixed structures (ground and the ones under the barrows), burials and archaeological artifacts was carried out from a building benchmark (a concreted metal pipe on the north-western tip of the terrace), which was also used as a conditional zero when studying the nearest barrow group, designated Stepushka-2 and investigated by the expedition from Gorno-Altaisk State University.

As a result of the conducted archaeological work on the burial complex Stepushka-I, 23 barrows and seven layouts of ritual purposes were investigated. The monograph presents a detailed description of all opened objects.

A detailed study of the detected complex of objects (weapons, horse equipment, jewelry, etc.) allows us to conclude that most of the funeral and ritual structures of the Stepushka-I site belong to the 4th century AD, which corresponds to the final of the White-Boom stage – the initial stage of the Verkh-Uymon period of the Bulan-Kobinskaya culture. The latest well-dated object is barrow no. 19 which belongs to the 2nd half of the 4th – the beginning of the 5th cc. AD.

The analysis of the materials of the neighboring group (Stepushka-2) gives reason to believe that the period of construction of the burial objects falls on the interval from

the end of the 3rd to the beginning of the 5th cc. AD. At the same time, burials were made in a relatively short period of time, apparently, in the 2nd quarter of the 4th – early 4th centuries AD.

The completely excavated necropolis Stepushka is one of the basic archaeological sites of the Late-Syanbi – Early-Zhouzhan Altai time, the materials of which can be used to develop periodization of archaeological cultures from different regions of Central and Northern Asia during the Great Migration.

The results of the study of the Stepushka necropolis confirm the previously made conclusions regarding the local-territorial specifics of the funeral practices of the nomads of Central Altai during Syanbi-Zhouzhan time. The reviewed materials demonstrate the polyethnic composition of the Bulan-Kobinskaya culture, characterized by the contacts of the bearers of several burial traditions. The variability of ritual suggests that Stepushka necropolis was left by several clans, whose representatives were included in the general system of family-marriage and industrial relations. Reconstruction of specific forms of interaction of the population, who left different groups of burials, will be possible only on the basis of a comprehensive bioarchaeological study of anthropological materials using data from other Altai sites of the 2nd – 5th centuries AD.

All materials published in detail in the monograph are kept in the Museum of Archaeology and Ethnography of the Altai State University of Altai (Barnaul). This collection has numbers 682, 683.

Перевод выполнен Е.А. Россинской

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

Глава I. ОПЫТ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ **6**

1.1. Открытие первых памятников и начальный этап их осмысления 6

1.2. Основные результаты культурно-хронологической интерпретации погребальных комплексов в 1980–1990-е гг. 9

1.3. Современный этап изучения материалов погребальных памятников сяньбийско-жужанского времени 18

Глава II. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАННОЙ ГРУППЫ СТЕПУШКА-I **24**

Глава III. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДМЕТНЫХ КОМПЛЕКСОВ **39**

3.1. Вооружение 39

3.2. Снаряжение человека 61

3.3. Снаряжение верхового коня 109

3.4. Орудия труда, предметы быта, украшения 119

Глава IV. ДАТИРОВКА, ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СТЕПУШКА **148**

4.1. Относительная и абсолютная хронология объектов 148

4.2. Этнокультурные особенности погребального обряда 163

4.3. Социальная интерпретация материалов 182

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **195**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК **198**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ **218**

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Иллюстрации **219**

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Пластеева Н.А., Тишкин А.А. Лошади из курганной группы Степушка-I **357**

SUMMARY **365**

Научное издание

Серия «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ»
Выпуск 3

Редакционная коллегия серии:
А. П. Бородовский, В. В. Горбунов, С. П. Грушин, П. К. Дашковский,
М. А. Дёмин, Ю. Ф. Кирюшин, А. И. Кривошапкин, А. Л. Кунгуров,
Л. С. Марсадолов, В. И. Соёнов, А. А. Тишкин (председатель), Ю. С. Худяков

Тишкин Алексей Алексеевич
Матренин Сергей Сергеевич
Шмидт Александр Викторович

АЛТАЙ В СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам памятника Степушка)

Монография

Для оформления обложки использовались фотоснимки роговых наконечников стрел, обнаруженных при раскопках кургана №14 комплекса Степушка-I (фотографии выполнены А.А. Тишкиным), графическая реконструкция наборного пояса из кургана №19 комплекса Степушка-I (реконструкция С.С. Матренина, рисунок А.Л. Кунгурова)

Редактор: Н. Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М. Ю. Кузеванова

Подписано в печать 12.11.2018. Печать офсетная.
Шрифт Bookman Old Style. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 42,6.
Тираж 550 экз. Заказ 412.
Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
656099, Барнаул, пр-т Красноармейский, 98а /ул. Мерзликина, 10.
Тел. 8 (3852) 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru
Дата выхода 12.12.2018.